

ПО ТУ СТОРОНУ РЕКИ

16+

МАРИНА КОЗИНАКИ
СОФИ АВДЮХИНА

Тёмные птицы

Annotation

На Тридевятое государство опускается беззвездная ночь, страх расползается по улицам городов. Темные получают то, что не должно было попасть им в руки. Неужели на стороне Светлых есть предатель? Друзья попытаются выяснить, кто он, но лишь сильнее запутаются.

Равновесие сил нарушено, защитные чары Заречья начинают исчезать, и кое-кому предстоит поучаствовать в опасном древнем обряде, чтобы восстановить их.

Тем временем знатные семьи заключают новые союзы, строится Долина Гремящих Ветров, но едва жизнь входит в привычное русло, как новые тайны все переворачивают с ног на голову. Оказывается, что справиться с внешними неурядицами гораздо легче, чем понять, кто ты и на чьей стороне.

- [Марина Козинаки, Софи Авдюхина](#)

- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
-

Марина Козинаки, Софи Авдюхина
Тёмные птицы

Глава первая

Исчезновение

В Зорнике были в самом разгаре долгожданные торжества. Хотя по небу с раннего утра ползали сизые тучи, а дождь то прекращал, то вновь начинал моросить, город выглядел празднично.

Вокруг поместья Рублевых, стоявшего на крутом красно-буром холме над стальной гладью озера, шумно толпились нарядно одетые гости. По длинным аллеям к поместью стекались всадники на прекрасных лошадях. В центре главной площади бесстрашный колдун с руками, испещренными шрамами, предлагал всем желающим поглядеть на молодых карельских драконов – к нему выстроилась очередь. Здесь же на площади раздавали сладости и напитки.

– За молодоженов! – кричала добродушного вида колдунья, протягивая коробку с пряниками-попрыгунчиками детворе.

– За молодоженов! – визжали они в ответ и принимались со смехом ловить угощения, которые выскакивали из коробки, едва открывалась крышка.

Возле особняка хозяева приветствовали подъезжавших гостей. Муромцы, прибывшие на роскошной крылатой вимане, были в числе опоздавших.

Митя вылез из позолоченной ладьи, сделанной в форме лебедя, и сразу же отдал дань вежливости родителям Алексея Рублева и семейству Долгоруких. А после его позвала компания молодых людей, устроившихся чуть в стороне от летней террасы, откуда было видно большую часть гостей. Наконец Муромец добрался до Севы, стоявшего отдельно от остальных. Тот явно чувствовал себя неуютно рядом с пятью самыми богатыми наследниками Тридевятого государства и держался с ними взаимно холодно.

– Как добрались? – спросил Митя.

– На Вороном, – ответил Сева.

– Все вместе? И без проблем?

– Почти. Он не восторге от повозки, в которую его запрягли.

– Надо сказать, у тебя пегас что надо, – вмешался Волконский, окинув Заиграй-Овражкина нарочито удивленным взглядом, словно недоумевая, откуда у того взялось столь редкое и дорогое существо. – Какая порода?

- Арабская верховая.
- Порази меня Перун, где ты его достал?

Тут что-то звякнуло, и все молодые люди, как один, повернули головы. Анисья лукаво оглядела знакомых:

– Вот так всегда! Как только мужчины начинают рассуждать о лошадях или драконах, они теряют всякий интерес к женщинам. Сколько еще времени вы бы не меня замечали, а?

– Привет! Мы и правда отвлеклись. – Волконский улыбнулся.

– Выглядишь... божественно, – восхищенно произнес стоявший рядом с ним Нарышкин.

Все одновременно потянулись к ее руке, но Анисья сперва подала ладонь Заиграй-Овражкину, хотя тот стоял намного дальше, чем Дима Велес и Петр Нарышкин. Когда все юноши приложились губами к ее пальцам, Анисья весело щелкнула брата по носу и, звякнув жемчужной варваркой на конце длинной косы, быстро направилась к матери.

К Севе тут же вернулась привычная уверенность, когда остальные парни (или молодые люди), каждый по-своему, но все с оттенком недовольства, взглянули на него. Нарочитое внимание Анисьи вернуло его на позицию любимца девушек, отчего его странные глаза стали еще чернее и туманнее, а улыбка – самодовольно-насмешливой.

– Ах, Анисья! Анисья! – Издалека доносились возгласы колдуний, в том числе и Стаси Романовой, с которой Митя в последний раз виделся на Русальем круге. – Нет, только не говори, что твое платье из русалочьей парчи! Не может быть! Смотрите! Платье меняет цвет! Ах, это прямо чудо какое-то! – И правда, если во время разговора с молодыми людьми ее платье было голубое, то теперь оно стало насыщенного цвета морской волны.

К середине торжества ткань и вовсе заалела. Мите, который взволнованно искал в толпе колдуна, занимавшего его мысли весь сегодняшний день, как и все лето, то и дело попадалось на глаза это яркое пятно. Он подсознательно соотносил его с сестрой, хотя кроме мелькнувшего подола или изгиба спины больше ничего разглядеть не успевал. Рядом постоянно был Волконский, старавшийся на всех званых вечерах держаться поближе к Муромцу, и только подливал масла в огонь, увлеченно пересказывая статью из передовой Небыльской газеты, где упоминалось о Русальем круге, о сорванном посвящении веляя, о загадочном нападении на Водяную колдунью, о ее героическом спасении, о самом Мите...

– Слушай, я не понял, а как ты все-таки оказался вместе с Водяной в

этом лесу? – спросил Волконский.

Митя вновь повторил историю, которую уже рассказывал отцу, сестре, целителю, дворецкому и Севе.

– А ты не догадался, что за человек на нее напал?

Митя вздрогнул – он должен был ответить не то, что отвечал на этот вопрос отцу, Севе и сестре...

– Нет. – Муромец дернул поврежденным плечом, уходя от ответа.

Он думал о Звездинке каждый день! Почему отец попросил молчать о том, что это был он? Отчего нельзя было заставить Звездинку во всем признаться? Отчего нельзя было его припугнуть?

«Мы же Муромцы! – думал Митя. – Кто посмеет пойти против нас? Почему мы не можем просто обвинить его, основываясь на моих доказательствах?»

Гнев в нем достиг предела, и Митя решил во что бы то ни стало поговорить со Звездинкой. Для этого он и ждал свадьбы – прекрасного повода увидеть наконец предателя. Звездинка числился в списке приглашенных, сомнений не было: благодаря разработкам нового жилого квартала в Зорнике он за лето только упрочил свою репутацию и усилил влияние. Колдуны, мечтавшие покинуть города потусторонних и вернуться поближе к своим, ликовали. Газеты то и дело публиковали интервью восторженных магов, предвкушающих переезд. Долина Гремящих Ветров виделась им уютным уголком, а не враждебным и холодным местом возле залива, где ледяной ветер крушит все на своем пути.

С приближением заветного дня свадьбы Митино волнение росло все сильнее, правда, он все еще не составил никакого определенного плана. Однако он был уверен, что добьется своего, даже невзирая на отцовский запрет.

Теперь же, стоя с Волконским и рассеянно отвечая на его вопросы, он чувствовал разочарование: Звездинка не появился на торжественном свадебном приеме – ни он сам, ни его жена с дочерью. Этот противоречивый день – праздничный и веселый и в то же время хмурый и пасмурный – оказался к тому же совершенно бессмысленным.

– Как тебе сие действо?

Митя повернулся к говорившему, слегка удивленный его изменившимся голосом, и обнаружил, что рядом с ним стоит уже не Волконский. Это был Иван Волков, рыжеватый, холеный и подтянутый, в кафтане из старомодной серебряной парчи, придававшей ему, как, видимо, было задумано, вид побогаче. За глаза его все звали «клуб», потому что у него была навязчивая идея организовывать клубы по интересам и

устраивать их заседания в своем загородном поместье.

– Нормально... – отозвался Митя.

– А мне вот опротивели все эти рауты, свадьбы, дни рождения. Сколько можно? Девушки надевают свои роскошные наряды – кстати, у твоей сестры потрясающее платье, – щебечут о всякой ерунде и заставляют парней танцевать. Мы же вынуждены целый вечер париться в этих дурацких кафтанах и сапогах – не вздохнуть...

Мите подумалось, что париться в дурацких кафтанах – самое любимое занятие Волкова. Тот тем временем поправил прическу, взял с пролетавшего мимо серебряного подноса бокал с медом и продолжил:

– Видно, что тебе тоже здесь скучно, – сказал он, и Митя кивнул, продолжая скользить взглядом по толпе танцующих гостей и досадуя, что так невежливо игнорировал предыдущего собеседника, который был куда лучше этого, нового. – Поговорить вообще не с кем. Все только и делают, что обсуждают, у кого какая лошадь, дракон или еще какая-нибудь тварь.

Волкову пришлось на секунду прервать монолог, чтобы отхлебнуть из хрустального бокала.

– Кстати, а это правда, что у твоего друга арабский пегас? С каких это пор роду Заиграй-Овражкиных доступна такая роскошь? Хотя я не понимаю, чего все так носятся с этими пегасами. По-моему, они совершенно бесполезны. Вот куда лучше иметь такого коня, как у тебя.

– Как у меня? – Митя на минуту вышел из оцепенения и внимательно посмотрел на Волкова. Его он помнил еще по Заречью: Митя тогда только приехал, а Ивану оставался год до Посвящения, поэтому они нередко пересекались в заколдованной деревушке.

– Ну да, я слышал, что на Русальем круге в первом состязании участвовал твой конь. И ваша команда тогда выиграла... Вообще я не люблю все эти сплетни. Честно кто-то выиграл или нет? Я не смог приехать на Русалий круг, да и не особо расстроился. Вот мне, например, все равно, честно ли выиграл ваш велий. Это так незначительно... Ведь в жизни есть куда более важные вещи, чем лошади, кафтаны и этот Круг...

– Угу.

– Как дела в Заречье? Как поживают наши старики-наставники?

– Не извинишь? – спросил Митя и, не дожидаясь ответа, шагнул вперед: его взгляд уперся в высокую фигуру Димы Велеса. Тот был как обычно угрюм, от него веяло равнодушием. «Это именно тот человек, который мне сейчас и нужен», – вдруг понял Митя. Он вовсе не собирался затевать никаких бесед – так, обменяться парой вежливых реплик для виду, а затем, не отходя от Велеса, остаться наедине со своими мыслями.

Дима тоже рассматривал гостей, но в отличие от Муромца – без интереса.

– Привет. – Оставив позади болтливую Ивана Волкова, Митя поздоровался с Велесом.

– Виделись, – ответил Дима, но после короткой паузы добавил: – Как рука? Двигается?

– Разумеется.

– Значит, все не так страшно, как некоторые считают. Ты что, сбежал от Волкова? Прости, если это личное...

– Нет, не личное, – рассмеялся Митя, слегка удивленный его любопытством. – Я правда от него сбежал.

– Что он тебе говорил?

– Ну... что-то про свадьбы и рауты, которыми он сыт по горло.

Дима усмехнулся:

– Наверное, это моветон – признавать, что свадьбы и рауты тебе интересны. А мне нравится праздник. Да, очень приятный вечер.

Митя вежливо улыбнулся. Пожалуй, теперь можно было просто помолчать и подумать. Но он вдруг вспомнил, что именно Диму Велеса Анисья подозревала в связи с Темными. Одно время она была буквально одержима этой идеей! Что, если спросить у него о Звездинке? Так, ради интереса... и поглядеть на реакцию.

– Ты заметил, что Звездинки нет на приеме?

– Звездинки? – с безразличием отозвался Дима. – Нет, не заметил. Так его нет?

– Нет. Как думаешь, почему?

– Думаешь, я знаю? Если честно, мне все равно. Может, он носится со своим идиотским проектом по застройке Долины Гремящих Ветров, а может, придумывает что-нибудь еще более глупое...

– Ты тоже считаешь эту идею бредовой?

– Конечно! Каждый, у кого есть мозги, так считает! Если Звездинка так печется о судьбе колдунов, у которых нет возможности перебраться в один из наших городов из-за нехватки мест для жилья, пусть снесет половину своих загородных дач. Появится куда больше места для постройки жилого квартала.

– Да, мы с отцом тоже так считаем.

– Так почему твой отец не вмешивается?

– Вообще-то, он вмешивался. Они обсуждали этот план, и отец не дал согласия...

– Да, но проект приняли. Что же, получается, Муромцы теряют

влияние? – Недобрая ухмылка исказила Димино лицо.

Митя промолчал.

Что-то кольнуло в груди: неприятно было такое слышать! Но неужели Велес прав? Почему отец не мог настоять на своем? Словно каким-то образом Звездинка мог сдерживать его, Муромца, власть...

– Кстати, где твой... друг?

– Овражкин ведет интеллектуальные беседы с одним целителем. Они на веранде.

На этом разговор, казалось, закончился. По крайней мере, несколько минут Дима больше ничего не спрашивал, а Митя, до этого мечтавший погрузиться в размышления, теперь никак не мог сосредоточиться. Больше всего волновало то странное открытие, которое совершил Дима Велес: Звездинка стал влиятельнее Муромца.

Тем временем взгляд его упал на Женю Годунову, с сегодняшнего дня носящую фамилию своего мужа, Алексея Рублева. Это была милая девушка, крупная, с густой золотисто-бронзовой косой, причудливым образом уложенной на голове. Ее праздничный светлый наряд был верхом элегантности, простоты и хорошего вкуса. Платье дополнял неширокий золотой пояс-обруч – традиционный оберег, охраняющий невесту в день ее соединения с чужой семьей.

Когда внешний вид невесты отвлек Митю от мыслей об Анатолии Звездинке, Дима снова заговорил:

– Что-то сам Рублев не весел.

– Неудивительно. Он хотел жениться на моей сестре, а не на Жене.

Дима вдруг повернулся к нему с вытянувшимся, удивленным лицом:

– Правда?

– Ну да.

– И...что? Она...

– Отказала, естественно.

– Почему?

– Я откуда знаю. Слышал мельком, что Анисья обязательно хочет в мужа героя. Девчонки! Что с них взять?

– Героя? – недоверчиво переспросил Дима.

– Да. Романов начиталась, наверное.

– Как сентиментально! – раздался с другой стороны язвительный голос, и Митя увидел Севино лицо, озаренное насмешливой улыбкой.

– Овражкин! Наконец-то!

– Простите, что прерываю такие романтические разговоры, но, Муромец, как поживает наш великий план?

– План сгинул. Здесь нет того, кто...

Митя коротко кивнул Диме, взял Севу под руку и только открыл рот, чтобы продолжить, как за их спинами послышалось:

– Севастья-а-ан!

Друзья обернулись. Перед ними стояла пожилая женщина; ее волосы, невзирая на годы, были густого черного цвета, глаза и брови ярко подведены, а жилистые тонкие пальцы, похожие на птичьи когти, были украшены массивными перстнями.

– Бабушка? Привет. А ты что тут делаешь? – спросил Сева.

– Что я тут делаю? Пляшу и пью шампанское! Вообще-то, я прихожусь троюродной теткой матери невесты, так что вы с Женей, можно сказать, родственники, – заявила колдунья, взмахнув бокалом и выплеснув его добрую половину на кого-то из гостей. – Муромец! Приветствую! Ах, ну прямо мужчина! Жених! – Тут она снова повернулась к Севе, который мучительно пытался сообразить, кем же ему приходилась Женя Годунова, если ее мать была троюродной племянницей его бабушки. – Ну, Севастьян, забыл про свою бабуку, не так ли? Совсем не приезжаешь!

– Так это потому что ты живешь в Небыли, – сказал Сева, бросив глупую затею высчитывать степень своего родства с Годуновыми.

– А ты бы перебирался ко мне, не хочешь? Нечего мешаться отцу и его этой, как ее...

– Бабушка не очень жалует Юлю, – уточнил Сева для Мити.

– А что ее жаловать, спрашивается? Вот мать твоя была другое дело – красавица, ведьма! Да не о ней речь! Как поживаешь? Говорят, все девок привораживаешь? Смотри, выбирай богатую. – Тут она снова поглядела на внука оценивающе и сама себе возразила: – а впрочем, кто ж за тебя пойдет, за такого нищего и конопатого?

– Спасибо, ба.

– Ой, а кто это к нам идет? Никак Долгорукая? Эльвира, Эльмира... как ее?

– Где?

– Да вон, мать вашей избранницы, Муромец.

И впрямь под звуки оркестра мимо гостей им навстречу плыла колдунья в длинном лиловом платье. На ее лице играла любезная улыбка.

– Митенька, вот ты где. Здравствуйте. Эльвира Долгорукая, – представилась колдунья, пожав руку Севиной бабушке. – И мне крайне приятно. Такой очаровательный вальс, почему же вы не танцуете?

– А я как раз собирался пригласить вас, – нашелся Митя, хотя это вранье далось ему совсем непросто.

- Вот как? Ну, тогда я очень вовремя.
- Бабуля, говорят, вальс очаровательный. Потанцуем? – Сева сделал серьезное лицо.
- Ох, ну и дьявол, ну и дьявол! Милочки, видите, он пригласил танцевать свою старуху? Не мешайтесь под ногами. Вот, подержите мой бокал. И лучше убегайте подальше от этого мерека. – До Мити доносились отдаляющиеся восклицания пожилой дамы.
- Ба, я не так уж плох, ты меня просто редко видишь!
- Митя, ты сегодня чем-то расстроен? – спросила Эльвира Долгорукая, озабоченно улыбнувшись. – Ты почти не общался с моей дочкой. Скажи, что-то не так?
- Пустяки. Марьяна разговаривала с подругами, и мне пришлось ее оставить – я им был не нужен, честное слово. Кажется, я только мешал обмениваться секретами.
- Ты очень тактичен. Но почти не танцуешь! Из-за руки?
- Нет, рука тут ни при чем. Нет настроения.
- Может, стоит прогуляться? – спросила Долгорукая, когда музыка закончилась. – Вон и Марьяна, кстати. Марьяна, крошка, иди сюда!
- Митя обернулся в поисках Севы, словно надеясь на спасение.
- Тем временем Анисья направлялась обратно в бальную залу вместе со Стасей, которая весь сегодняшний вечер забавляла ее свежими сплетнями.
- Что же ты ему ответила? – спросила белокурая колдунья, теребя жемчужинки на косе.
- Как это что? Сказала: «Подумай, кто ты и кто я?»
- Прямо вот так? Прямым текстом?
- Конечно. Еще сказала: «А ты о чем мечтал? Что я соглашусь стать твоей девушкой? Кто же мне позволит!»
- Нет, ну ведь можно повстречаться немного... Никто тебе и не запрещал на самом деле...
- О Дажьбог, Анисья! Не будь наивной. Ну это же я так, чтобы он помучился.
- А-а, понятно. Кстати, собираешься замуж? Я слышала...
- От кого? – Стася остановилась и округлила глаза. Щеки ее пунцово зарумянились.
- Сорока на хвосте принесла. Или, как у нас говорит Илья Пророк «Сорока – ворону, ворон – всему городу». Ну так что?
- Ты слышала, что мне собираются сделать предложение?
- Да.
- Кто, Анисья? Кто же? – Стася побежала за Анисьей.

– Постой-ка, ты что, не знала?

– Ах, нет, конечно! – Стася прижала ладони к груди и так и застыла с открытым ртом. Анисья, увидев это, рассмеялась. Стасе шел уже девятнадцатый год, и, хоть она была привлекательна и остра на язык, с женихами ей отчего-то не везло.

– Словно отворотили, – обронила как-то мать Анисьи. – Хороша девчонка, только никому не нужна.

– Ну так кто? От кого слышала?

– Ой, нет-нет! Не могу сказать. Понимаешь, не мой секрет, – с легкой издевкой отозвалась Анисья и зашагала быстрее. – Слышишь? Музыка стала громче. Идем скорее, я не хочу пропустить танцы.

– Конечно, идем. Но, может, скажешь? Хоть намек! Хоть одно словечко! Я и сама не прочь потанцевать. Надо выловить этого вашего целительского сына с черными глазами. Он прямо у меня из головы не идет. – Стася засмеялась. – Жаль, что он беден, а то... ах, да мне ж теперь не об этом думать надо...

– Почему жаль, что он беден? – машинально спросила Анисья.

– Так и не сделает хорошую партию. Если только станет чьим-нибудь любовником. Я бы не отказалась от такого... ну, смотря, конечно, кто будет моим мужем.

Анисья презрительно фыркнула и ускорила шаг, но далеко ей уйти не удалось: внезапно перед ними вырос Леша Рублев, виновник сегодняшнего торжества.

– Леша! – Обрадованная и взволнованная недавней новостью Стася обняла его за плечи. – Сбежал от невесты?

– Да нет, – он виновато улыбнулся, – пошел просто... просто... Я, кстати, как раз искал вас. Да, Анисья, можно тебя на пару слов? Извини, Стась.

– Да-да, я все понимаю. – Девушка хитро подмигнула Анисье.

– Пойдем вон туда, – предложил Рублев и повел Анисью обратно, подальше от зала. Он указал ей на одну из комнат и предусмотрительно прикрыл за спиной двери, когда она вошла. Повисло молчание. Анисья обернулась и с интересом поглядела на Рублева. Некоторая неловкость мешала ей начать говорить – после отказа от его предложения руки и сердца Анисья ни разу не оставалась с ним наедине.

– Поздравляю тебя со свадьбой. – Наконец она сама нарушила тишину, потому что если Рублев и хотел что-нибудь ей сказать, то отчего-то не решался. – Еще раз... хотя сегодня уже два раза поздравляла.

– Я хотел спросить... – вдруг сказал он, и тут Анисья заметила, что он

раскраснелся то ли от танцев, то ли от волнения. – Давно уже хотел, да все не было подходящего момента. Кто, если не я?

– Что? – На лице Анисьи появилось удивленное выражение. Задавать таинственные и непонятные вопросы было совсем не в его духе.

– За кого ты собираешься выйти замуж, если не за меня? У тебя должен быть кто-то на примете, иначе ты бы не отвергла такую партию.

– Ты правда думаешь, что сейчас самое подходящее время для этого разговора? – озадаченно спросила Анисья, никак не ожидавшая столь нелепого поворота событий и не имевшая понятия, как следует реагировать.

– Просто ответь мне. Ведь ты же не просто так отказала мне. Я считал, что нравлюсь тебе, что у тебя есть чувства!

– Не слишком ли много ты о себе думаешь? – Ее лицо тоже залилось румянцем.

– Я так и знал! Не было у тебя никаких чувств. Ты красива и бессердечна, как все и говорят.

– Вот что, значит, про меня говорят? Значит, по мнению всех, я должна выйти за любого, кто сделает мне предложение?

– Нет, Анисья! – Рублев явно не прорепетировал свою речь до конца и не был готов к такому яростному отпору. – Ты меня неправильно поняла.

– Леша, твоя невеста скучает! Иди составь ей компанию. – Она резко повернулась к выходу, мечтая побежать со всех ног, но узкое облегающее платье не позволяло этого сделать. Рублев поймал ее за руку.

– Постой! Ну что мы как дураки! – Он горько рассмеялся. – Извини меня. Ты сегодня очень красива. Впрочем, как всегда. Я больше никогда не встречу такой, как ты. Ну почему, почему ты так поступила? Мы могли бы быть счастливы!

– Спасибо, я очень тронута. Но тебя правда ждет невеста. И она не будет счастлива, если узнает, что ты тут говоришь мне.

– Но ведь это должна была быть не она! Это должна была быть ты!

– Мне шестнадцать. Шестнадцать! Я еще не хочу замуж! Может, лет так через пять...

– Но мне надо было обзавестись женой...

– Значит, это судьба.

Он грустно улыбнулся, и его напор и смелость куда-то улетучились.

Анисья снова увидела перед собой того Лешу Рублева, который ей нравился: красивого, смешного, с добрым, чуть наивным лицом. И пусть Митя считал его самодовольным индюком, на Рублева невозможно было долго злиться, поэтому и сейчас она улыбнулась ему в ответ.

– Пойдем к гостям, – предложила Анисья. – Я потанцую с тобой, хочешь? Могу пообещать, что буду танцевать с тобой один танец на всех званых ужинах.

Он молча кивнул и медленно притянул Анисью к себе. Их лица все сближались, и Анисья так и не поняла, когда именно почувствовала прикосновение его губ, когда ответила на его поцелуй. Или это он ответил ей?

Внезапно шорох и скрип дверей оторвал их друг от друга. Анисья отпрянула от Рублева и обернулась, но ее взгляд выхватил только промелькнувший темный кафтан с еле заметной серебристой вышивкой на краю рукава, и сердце у нее вновь упало.

Сквозь приоткрытую дверь доносились звуки музыки, голоса и смех. Анисья взглянула на Рублева и направилась к выходу.

– Танец... – робко проговорил он.

– Танец будет, я же обещала.

В это время Митя поспешно покидал бальный зал, ведя за руку Марьяну. Он бы предпочел, чтобы к ним присоединился Сева, но тот куда-то исчез.

– С чего мама решила, что нам нужно выйти? Если честно, мне не хочется на улицу, – призналась Марьяна, кротко отводя взгляд.

– Но ты же не откажешься составить мне компанию?

– Нет...

За стенами поместья стояла душная испарина. По небу из-за дальнего холма крались дождевые облака, однако было жарко. Митя расстегнул ворот кафтана.

Дорожка через сад вела к небольшой белой беседке, расположенной на возвышенности и заросшей вьющимися розами. Из белых с мелкими трещинками круглых вазонов, расставленных вдоль тропинки, свешивались тяжелые синие листья. Вся зелень вокруг казалась набухшей от влаги.

В саду никого не было, кроме еще двоих – Вещего Олега и колдуна преклонных лет, идущего рядом. Митя только скользнул по ним взглядом, но Марьяна внезапно оживилась:

– О, я так и знала, что снова увижу их вместе!

– Кто этот человек? – спросил Муромец, которому лицо пожилого мага показалось смутно знакомым. Но они явно не были друг другу представлены.

– Николай Писарев, редактор газеты «Летопись-Экспресс».

– И что, Олег часто с ним общается?

– Долгая история. Однажды – давно – я подслушала их разговор на

одном приеме. Писарев был в числе приглашенных, потому что профессор Звягинов должен был представить всем свое новое открытие и об этом нужно было написать в газете. Они с Олегом разговаривали очень тихо, словно не хотели, чтобы их услышали, хотя сидели тут же, вместе со всеми и прямо рядом со мной. Но я же Земляная! Мне было скучно, вас тогда не было... – Она бросила взгляд на Митю и, убедившись, что он теперь внимательно ее слушает, продолжила: – я от нечего делать стала подслушивать, о чем они говорят.

– И о чем же они говорили?

– О том, что потусторонние должны узнать о нас. Я знаю, что мой отец против этого. Все колдуны против. Мы столько лет прятались, жили отдельно...

– Почему они хотели, чтобы потусторонние узнали о нас? – Митя указал ей на скамейку в зарослях вьющихся роз. – Присядь.

Марьяна села и, по-детски округлив глаза, стала рассказывать дальше:

– В тот раз они этого не обсуждали. Но я знаю от папы, что именно было сказано. Этот Писарев, – она указала на пожилого спутника Вещего Олега, теперь уже шагающего далеко в глубине сада, – хотел получить поддержку у моего отца. Как они спорили!

– Так что же о потусторонних?

– Сейчас-сейчас. Они хотят, чтобы потусторонние узнали о нашем мире, потому что думают, это уменьшит возможность Старообрядцев использовать человеческие жертвы. Они думают, что если люди будут знать о нашем существовании, то будут готовы к противостоянию Темным. Какие глупости, правда? Я согласна с папочкой. Потусторонним не следует ничего знать. Они будут бояться нас и захотят всех истребить. Такое ведь случалось! И мне очень страшно от этого. Папа был зол. Я слышала, эта тема в обществе под запретом. Есть закон, разрешающий открывать нашу тайну кому-то из потусторонних только в исключительных случаях, и этот закон нельзя нарушать, потому что история пестрит плохими примерами.

– Это не закон, а что-то вроде всеобщей договоренности, – заметил Митя.

– Верно, но какая разница? Папа назвал Писарева и его единомышленников предателями и предупредил, что упрячет их в подземелье, если они станут подначивать остальных. Вот что, – Марьяна вдруг встала, – давай найдем моего отца и расскажем, что снова видели Вещего Олега со своим сообщником?

– Нет, – остановил ее Митя.

– Но... – Марьяна с удивлением обернулась.

– Сядь! Не надо никуда идти. Вещий Олег – твой будущий наставник, не стоит портить с ним отношения. Там, в Заречье, тебя не спасет от него даже папа. И... послушай, я не хочу, чтобы ты вообще говорила о том, что видела, своему отцу.

– Почему? – обеспокоенно спросила девочка.

– Неважно. Ты же не скажешь, да? – Теперь Митя и сам слышал в своем тоне привычную «муромцевскую» интонацию, не допускающую неповиновения, и на этот раз остался ею доволен.

– Ну хорошо... если тебе так хочется...

* * *

– На самом деле, Мик, это даже забавно. В Росенике многие взрослые гораздо лучше, чем их дети, осведомлены в технике, которой пользуются потусторонние. Я недавно услышала, что они знают о компьютерах и умеют с ними обращаться. Кто-то даже прибегает к услугам Интернета. Хотя в Росенике в этом нет необходимости. У нас тоже, как и у вас, в городской библиотеке используют хрустальные шары для поиска книг, сведений об авторах и другой информации. К тому же у некоторых магов все-таки возникают проблемы с техникой. Огненные вызывают помехи своим присутствием и... Мик? Мик! – Полина обернулась, с удивлением поняв, что ее двоюродного брата нет рядом, хотя она только что не меньше минуты делилась с ним наблюдениями.

– Микоэль, где ты? – громко спросила она и, не получив ответа, поспешно схватила с вешалки первое попавшееся платье и принялась его разглядывать, чтобы как-то скрыть смущение: на нее настороженно поглядывала молодая француженка, зашедшая в магазин.

– Наверно, думает, что я чокнутая... разговариваю сама с собой.

Полина поплелась к примерочным, держа в руке случайно выбранное платье, а по дороге прихватила еще и юбку, сама не зная, зачем: юбка была длинной, усыпанной бесчисленными яркими цветочками и отделанной по краю пышной оборкой.

«Такая бы точно понравилась Маргарите».

– Мик, – позвала Полина тише, заглянув в мужскую половину зала, но Микоэля нигде не было видно.

В примерочной комнате она только приложила к себе платье и тут же отвесила его в сторону. На юбку она глядела долго. Ткань была мягкой, расцветка опять напомнила о Маргарите, и Полина с улыбкой подумала об

их скорой встрече. Все лето они переписывались и перезванивались, а всего через каких-то пару дней должны были наконец увидеться. Она надела юбку и выглянула из примерочной: нет, Микоэля, который мог бы дать ей сейчас ценный совет, по-прежнему было не видно.

Не было поблизости и консультантов, но это и к лучшему, подумала Полина, не столь уверенно разговаривавшая по-французски, чтобы посоветоваться с кем-нибудь из них. Она опять повернулась к зеркалу.

– Ну, даже не знаю, идет ли мне, – сказала она вслух.

Только вдруг вместо своего отражения она увидела расплывающееся разноцветное пятно, словно по поверхности зеркала пошла мелкая рябь. Через пару мгновений видение исчезло, но вместо ряби появились два объемных выступа, напоминавшие нос и вытянутые губы, а чуть повыше – две выемки, очень смахивавшие на вдавленные глаза.

– *Bonjour!* – проговорило зеркало, шевеля своим серебряным ртом. – *Good morning*, доброе утро...

– Доброе утро, – отозвалась Полина, от неожиданности вцепившаяся в висевшее на крючке платье.

– Миленькие часики, – пробормотало зеркало. – С волхвометром. У папы взяли поносить?

Колдунья отдернула руку от вешалки и сунула часы прямо зеркалу под нос. Циферблат замерцал, на нем вдруг загорелась тонкая зеленая стрелка, до этого невидимая – она описала круг и остановилась на последней отметке «магия зашкаливает».

– Значит, не мерещится...

– Вас приветствует Умное зеркало. Радо лицезреть вас в нашем магазине. Вижу, вы терзаетесь нелегким выбором между этим прелестным платьем, которое вы даже не стали мерить, и этой юбкой...

– Нет-нет, эту... это платье я возьму. – Полина, оправившись от шока, теперь покрылась краской: хорошо, что ей пришло в голову не мерить платье, – переодеваться при говорящем зеркале было неловко. – Вы, значит, просто зеркало?

– Умное зеркало! Я разговариваю на пятнадцати языках, разбираюсь в последних тенденциях моды, могу побеседовать о литературе и о новейших достижениях в косметологии...

– Хм... хорошо, – ответила Полина, чувствуя себя странно за этим разговором. – А с потусторонними... Я хочу сказать, не с магами, вы тоже беседуете... О литературе?

– Нет, ну что вы! – зеркало зашлось приятным мужским смехом. – Как можно! Разве вы не знаете, что эти людишки не видят Умных зеркал? Они

не могут со мной беседовать. Никак нет!

– Значит, нас сейчас не слышит девушка из соседней примерочной?

– Слышит. То есть она слышит вас, моя дорогая мадмуазель, а меня – нет. Она думает, что вы просто болтаете сама с собой.

«Бедняга! – подумала Полина. – Она уже второй раз за сегодня думает, что я не в своем уме!»

– Так что вы решили по поводу этой юбки? – спросило зеркало, напомнив Полине о том, что она все еще стоит, одетая в цветастую юбку до пола.

– Я... не знаю. Вообще-то, она ничего, но длина...

– Ничего! Скажете тоже! Да ведь это самая модная вещь сезона! – вскрикнуло зеркало, театрально закатив переливающиеся амальгамные глаза.

– Да? – неуверенно спросила Полина.

– Да-да-да! Берите! Берите ее, моя дорогая мадмуазель, и не пожалеете. Будете самой модной, самой красивой среди подруг!

– Вот самой красивой уж точно не буду, – весело улыбнулась Полина, подумав об Анисье.

– Говорю вам, будете, – заверило зеркало и тут же с бравადой выкрикнуло: – в моде хиппи! Длинные платья! Большие очки, цветочные мотивы!

– Ладно-ладно, я возьму ее. Буду самой модной и самой красивой. Но если все же не получится, подарю ее Маргарите.

– Кто такая Маргарита? – с любопытством настоящей сплетницы спросило зеркало.

– Прощайте, было приятно пообщаться, и спасибо за совет! – Полина прихватила платье с юбкой и вышла за шторку примерочной комнаты.

Микозля она заметила сразу же: ее взгляд упал на его русую макушку, едва она покинула примерочную – Мик направился к кассам, в одной руке держа кипу вещей, в другой же сжимая мобильный телефон, в который он отчаянно тыкал пальцами, явно без какой-то надобности.

– Мама звонила, – с легким раздражением проговорил он, сунув телефон в руки Полине. – Сказала, мы срочно должны вернуться. Тебя там кто-то ждет. Ты это берешь? Давай сюда, я заплачу.

– Кто меня ждет? – удивленно воскликнула Полина. – Кто, она не уточнила?

– Может, и уточнила, но ты же знаешь... – Микозль все так же раздраженно кивнул на телефон и пошел расплачиваться за покупки.

Через некоторое время они покинули магазин и оказались в торговой

галерее.

Полина вцепилась в рукав Мика и, поудобнее перехватив пакет с покупками, оглянулась:

– Нам в другую сторону, лифт там.

– Нет, спустимся по лестнице. Мама сказала, чтобы мы сию секунду были дома.

– Это логично, по-твоему?

И действительно, чтобы дойти до лестницы, нужно было миновать не менее пяти магазинчиков, тогда как до лифта оставалось всего несколько шагов, но Микоэль, поглядев на кухню со снисходительной улыбкой и ничего не объяснив, повел ее за собой.

– Мик, ну что за привычка! Я не понимаю.

– Сейчас сама все увидишь.

– Все равно сию секунду мы не будем дома. Нам еще две остановки на автобусе. Если только такси поймать...

Лестница хорошо освещалась. Несколько ступенек вниз, и пролет кончился, за ним открылся еще один. В здании было всего два этажа, но, когда за нужным пролетом показался еще один, Полина насторожилась. Лампы тут горели не так ярко, цветные панно померкли, а за следующим поворотом и вовсе исчезли, растворившись на шероховатых бледно-зеленых, как осиновый лист, стенах, по странному стечению обстоятельств оказавшихся ужасно похожими на те, что были в подъезде дома дядюшки Феншо.

– Микоэль? Мы что, уже дома?

– Нет, тут живет мадам Бото, а мы под ней, ты забыла?

– Нет, не забыла... Но... Знаю, я должна была уже давно привыкнуть, тем более на физимагии мы постоянно разбираем все эти явления, но, по правде говоря, я все равно ничего не понимаю. Как мы тут оказались?

– Что? – переспросил Микоэль, обернувшись. – Когда ты так быстро говоришь по-русски, я ничего не успеваю разобрать.

– Ничего, Мик, ладно...

Они остановились у неприметной двери, возле которой стоял большой горшок с гортензией, и позвонили. Открыла Ольга Феншо, ее обычно немного встревоженное выражение лица стало еще более встревоженным:

– О, мои дорогие. Наконец-то, вас уже ждут. То есть не вас обоих, конечно, а Полюшку.

– Да кто же меня ждет?

– Наставник. Пройди в гостиную.

Полина осторожно отворила дверь и сначала увидела только грузного

месье Монье, который сидел в кресле, положив свои опрятные белые руки на подлокотники.

– *Bonjour, Monsieur.* – Полина вежливо улыбнулась.

Месье Монье почему-то не ответил. Он только важно склонил голову, похожий на откормленного гуся, и снова погрузился не то в медитацию, не то в глубокие размышления о чем-то. Это показалось странным: Монье почти всегда был так весел и энергичен, что вся его большая фигура, то и дело колышущаяся от раскатистого хохота, никак не вязалась с образом целителя, который, по представлению Водяной колдуньи, должен был быть либо сухим и язвительным, как Густав Вениаминович, либо немногословным и спокойным, как Даниил Георгиевич. Месье Монье же не упускал возможности рассказать кому-нибудь очередную анекдотичную историю, которых в запасе имел, должно быть, миллион штук. Вот Полине, например, он постоянно рассказывал про девушку, которая приходила к нему лечиться тридцать четыре раза, причем всегда с новой проблемой. И каково же было удивление почтенного лекаря, когда он догадался, что девушка просто влюблена в его молодого соседа и приходит каждый раз только для того, чтобы случайно столкнуться с ним на лестнице!

Полина готова была и в этот раз услышать новые подробности этого интригующего романа, но месье Монье оставил без ответа даже ее приветствие. Зато взгляд колдуньи тотчас упал на другую фигуру, при виде которой внутри у нее что-то радостно задержалось. Опираясь на подоконник и глядя в окно, к ней спиной стоял широкоплечий высокий мужчина. Увидев его длинные волосы и черный плащ-куколь, Полина чуть не захлебнулась от радости, догадавшись, что Странник, а это был именно он, приехал, чтобы отвезти ее в Заречье.

– Александр Владимирович! Здравствуйте!

Странник не отозвался.

«Да что сегодня со всеми? Или со мной... Никто не слышит моего голоса? – удивленно подумала она. – Кхм».

На этот раз стоявший у окна мужчина обернулся и обернулся резко, будто ожидал увидеть за собой не хрупкую девушку, а какого-нибудь опасного Старообрядца. Он перевел на Полину взгляд немигающих синих глаз и остался стоять неподвижно.

– Здравствуйте, – уже робко повторила Полина, не вполне понимая, что происходит. Ей тут же вспомнился телефонный разговор с Маргаритой. Подруга сказала, что из-за того нападения в лесу был прерван обряд посвящения веля и что Лиса лишь чудом осталась жива. Может, из-за это Странник так напряжен? Может, это повлекло страшные последствия, а она

сидит тут во Франции и ничего не знает?

– Полюшка, детка. – Ольга Фэншо как раз в эту секунду зашла в гостиную. – Я отменю твой визит в парикмахерскую, ты уже не успеешь сходить подстричься. Твой наставник пришел, чтобы проводить тебя к целителю.

– К целителю? – уточнила Полина, переведя взгляд с лица тети на лицо Странника, словно надеясь, что он исправит слово «целитель» на «Заречье».

– Да. Вот месье Монье дал согласие на то, чтобы другой целитель вместе с ним занялся твоим... недугом.

Монье медленно кивнул.

– А дядя? – спросила Полина.

– Ну разумеется, месье Монье связался с ним! Дядя заботится о твоём здоровье, и поэтому...

– Но ведь со мной все в порядке... вроде... Приступов за этот месяц не случилось.

– Да, но новый целитель, кажется, знает, как тебе помочь...

Полина обернулась к Страннику и месье Монье, удивленная тем, что они не произнесли ни слова с минуты ее появления в комнате.

– Мне нужно отправиться с вами прямо сейчас?

– Именно, – ответил Александр Владимирович, все так же пристально глядя на нее. Его голос непривычно резанул Полинин слух.

– Когда же мы вернемся?

– От целителя ты сразу поедешь в Заречье.

– Здорово! – Полину это заявление заметно обрадовало. – Тогда я сбегая к себе в комнату, соберу быстро вещи. У меня все почти уже сложено, осталось самое необходимое.

– Постой! – Странник вытянул вперед руку, будто пытаясь удержать Полину. – Тебе ничего не понадобится. Мы позаботимся, чтобы вещи доставили в Заречье к твоему приезду.

– Да, но... Нужно взять хотя бы маленькую сумку... Зубную щетку, кое-что из одежды.

– Ладно, – ответил Странник с легким нетерпением в голосе. – Но поторопись. Не забудь, что завтра утром ты уже будешь в Заречье.

На душе вдруг стало тревожно. Александр Владимирович был сам не свой – это сразу бросалось в глаза. Выглядел он, в общем, неплохо, даже шрамы исчезли, но в глазах его светилось волнение, в движениях чувствовалась неуверенность, да и то, как он сказал ей «ладно»... как-то слишком холодно, слишком резко...

В своей комнате Полина машинально кинула в сумку расческу, блокнот, который валялся на столе, достала из ящика смену белья, из ванной взяла зубную щетку, с прикроватной тумбочки ручку и наконец замерла, лихорадочно соображая, что еще может понадобиться до завтра. Следом за ручкой в сумку отправилась книга Франсуазы Саган, под которой, как оказалось, лежало небольшое черное перо коршуна. Полина повертела его в руках, а потом воткнула в прическу, как сделала когда-то на балу в поместье Муромцев.

«Теперь все», – сказала она себе, еще раз мысленно перечислив все, что лежало теперь в сумке.

В гостиной месье Монье все еще сидел в кресле, Александр Владимирович застыл у окна. Ольга Фэншо подошла к племяннице:

– Вещи я твои соберу, сегодня же отправлю их по адресу.

– Ладно, спасибо. Положи новое платье и юбку, они у Мика.

Тетя в сердцах прижала Полину к груди и долго-долго не отпускала.

– Ну что ты, будто навсегда прощаемся, – отмахнулась от нее Полина. – Ты и не заметишь, как придет зима и я снова приеду к вам и потрачу все ваши сбережения на новые платья.

– Приезжай, приезжай, моя детка. – Тетя смахнула слезу. – Мы тоже постараемся тебя навестить.

– Хорошо. Я пойду попрощаюсь с Микозлем, а ты поцелуй за меня дядюшку.

Вскоре Полина вышла на улицу вместе с Александром Владимировичем, который крепко взял ее за руку, заверив, что ей сейчас опасно идти одной. Она согласно кивнула, не решаясь спросить у этого грозного человека, с чего вдруг ей стало опасно ходить одной, когда еще утром она свободно гуляла по этой самой мостовой. Странник волновался и не скрывал этого. Полина заметила, как нервно он оглядывается по сторонам, вздрагивает от малейшего звука, точно в любую секунду ожидает нападения со спины. Да и улица выглядела пустынной.

Полина ощутила, как по спине пробежали мурашки. Вдвоем со Странником они все дальше уходили от центра города, сворачивая в закоулки, о которых Полина раньше не знала, и теперь волнение передалось и ей. Что такого могло произойти, из-за чего понадобилось срочно отвезти ее к другому целителю? Может, кто-то из прорицателей увидел, что совсем скоро с ней случится очередной приступ, от которого ее не спасло бы даже средство месье Монье?

– Месье Монье! – спохватилась Полина. – Я даже не попрощалась с ним!

– Неважно, – слышался тихий ответ, и Странник зашагал быстрее, так, что Полина еле успевала за ним.

«А может, – гадала Полина, – Темные узнали о том, что я живу тут? Оттого и понадобилось поскорее увезти меня отсюда? Поэтому Странник так нервничает! Неужели за нами следят? Связано ли это с тем, кто напал на нас с Марго в лесу после окончания Русальего круга? И что теперь стало с Дарьей Сергеевной? Если весь Русалий круг задумывался только ради посвящения веля в царстве нежити, то наверняка она теперь чувствует себя виноватой в том, что сбежала с этого самого посвящения!

Тем временем переулки сменялись переулками, запертые двери открывались, темные проходы выводили путников на другие узкие улицы. Циферблат Севиных часов на Полининой руке не переставая мерцал.

«А вдруг, – Полина все размышляла и не решалась заговорить с Александром Владимировичем, – что-то случилось с кем-то из наших? С Маргаритой, например? Вдруг тот нападавший запомнил ее! И нашел!»

В ней зашевелился настоящий страх. Определенно что-то произошло! И явно что-то нехорошее! Странник начал торопиться, он резче тянул ее за руку, чуть ли не вталкивал в дверные проемы, оставаясь суровым и мрачным. Перед ними как раз выросла очередная дверь, когда Полина набралась храбрости и заговорила:

– Скажите, случилось что-то плохое?

Александр Владимирович, отпиривший одной рукой тяжелую дверь старым потемневшим ключом, медленно обернулся. Полину новой волной окатил нахлынувший страх. Взгляд наставника красноречиво сказал о чем-то, но о чем именно, Полина не поняла, точнее, попыталась уверить себя в том, что не поняла. Липкий морозец пробрал до костей, так, что Полина с трудом сдержала дрожь, но интуиция что-то хладнокровно нашептывала в отказывающееся воспринимать правду ухо.

Полина не смогла вынести этого страшного взгляда и опустила глаза. Тут-то и пришла внезапная подсказка: на пальце руки, намертво сжавшей ее кисть, поблескивал перстень с большим камнем... бледно-розовым камнем, в сердцевине которого, как маленькое пламя, мерцали голубые разводы.

«О, его ни с чем не спутать, – где-то в воспоминаниях Полины рассмеялась Маргарита. – Сам он розовый, а изнутри льется голубой свет. Это аспилат. Защищает от Огненной магии».

Полина вздрогнула, попыталась выдернуть ладонь из грубой руки, но ничего не вышло, и она беспомощно посмотрела на Александра Владимировича.

– Зачем вы носите аспилат? – спросила Полина дрожащим от страха шепотом.

Странник покосился на открывшийся дверной проем. По его непроглядному мраку она догадалась, что перед ними лежит пространственно-временной туннель.

– Я не войду туда, пока не ответите. Скажите мне... зачем вам аспилат?

Странник не отозвался и толкнул ее вперед.

– Стойте! – вскрикнула Полина, почувствовав боль в руке. – Зачем вам защищаться от Огненной магии, если вы сам – Огненный?

Ответом был негромкий презрительный смешок.

– Пустите меня! – Полина закричала во все горло, чувствуя обволакивающий ее ужас. Господи, это надо же было быть такой дурой! Обо всем ведь можно было догадаться с самого начала! – Я знаю, кто вы, знаю! *Aidez! Aidez-moi!!!*^[1]

Картина выстроилась слишком быстро. Она ведь не ощущала никакой Огненной магии. Если задуматься, она не ощущала вообще ничего. Значит, колдун скрывал свою силу. Зачем? Как жаль, что этот вопрос только теперь пришел ей в голову. Теперь, когда она уже догадалась, кто стоит перед ней.

Полные отчаяния вопли девушки потонули в глухих коридорах туннеля, и молодой человек, прибежавший на крик в эту подворотню, увидел только неприглядную серую улочку и заколоченную старую дверь.

Тем временем Ольга Феншо, чувствуя неясное беспокойство, безо всякой причины зародившееся в ней сегодня с самого утра, долго стояла на крыльце, глядя вслед исчезающей вдаль племяннице и наставнику из Заречья. Наконец, когда они пропали из вида, она тяжело вздохнула и вернулась в квартиру. Она никогда не любила прощания.

– *Peut etre une tasse de café?*^[2] – крикнула она доктору из прихожей, но ей никто не ответил.

– Михаил! Месье Монье уже ушел? – еще громче прокричала она, на этот раз обращаясь к сыну.

– Как он мог уйти, если ты все время стояла у двери?

– Ох, верно! – Ольга всплеснула руками. – Что за глупости я говорю.

Она скинула туфли и заглянула в комнату.

– Месье Монье... месье Монье!

Почтенный лекарь все так же сидел в кресле, только голова его безвольно и нелепо свешивалась на грудь, как у игрушки со сломанной шеей.

– Месье! – Ольга подскочила к колдуну. – Вам плохо?

Она прикоснулась к его лицу и тут же отдернула руки – кожа гостя была холодной, неприятной на ощупь, гладкой, словно искусственной.

– Мик, – прошептала она сперва тихо, а затем позвала уже громче, изо всех сил: – Ми-и-ик!

Через несколько секунд в комнате появился ее сын.

– *Maman?*

Ольга беспомощно указала на целителя.

– Он мертв! – воскликнул Микоэль.

– Что случилось с ним, Мик? Что-то с сердцем?

Микоэль поднял голову пожилого мага и ужаснулся: глаза того ввалились, под ними на коже чернели круги, от самого лба к подбородку тянулась странная розоватая рябь.

– Проклятие. Его название тебе ничего не скажет. Специалист по Темным проклятиям умер от проклятия... Кто это мог сделать? Где тот человек, что пришел за...

Тут Микоэль в страхе взглянул на мать, и они вместе беззвучно произнесли:

«За Полиной...»

Глава вторая

Лисья хворь

Вот уже который день подряд небо продолжало тяжелеть, вбирая в себя все больше и больше мелких сиреневых туч, подползавших со всех сторон. Изредка несколько из них проливались дождем, но это был дождь мелкий, теплый, а грозовой оттенок облаков, наслаивающихся друг на друга, предвещал совсем другое.

– Будет гроза, – сказала молодая колдунья ребенку в коляске, которую она остановила возле витрин, где были выставлены новые платья господина Ламонова.

– Будет. Верно, – кивнула им пожилая пара, перед тем как свернуть в Солнечный сквер.

– Будет гроза! – крикнул один мальчишка другому, пиная мячик, отскакивавший не от земли, а от воздуха.

– Надеюсь, никакой грозы не будет! – сказала Анисья Василисе, откидывая за плечи кудри, разлетавшиеся от ветра. – О, ты видишь? Вон Тихон, и Таня, и Фадей. Ну надо же! Мы за сегодня столько знакомых встретили.

– Кстати, как прошла свадьба Рублева? Я читала в «Летописи», но это было скупое описание официальной части.

– Естественно, самого интересного там не могло быть написано, – произнесла Анисья, замявшись, и ее лицо покрыл легкий румянец. – Потому что все самое интересное, как известно, происходит за закрытыми дверями.

– О, что же там было?

Девушки уже свернули с центральной улицы, миновали два больших особняка, фабрику чудес, институт научной магии, порталную станцию и теперь шли к окраине города, в сторону железнодорожной платформы, куда никакие поезда не приходили, за совсем редким исключением, которое и составлял сегодняшний день.

– Начну с того, что все были в восторге от моего платья. Его сшили из русалочьей парчи: ее мне на день рождения подарили Долгорукие. Они, наверное, думали, что я положу ее в сокровищницу и буду сдувать с нее пылинки. – Анисья засмеялась, а потом продолжила: – Теперь про Стасю Романову. Знаю, что ей собираются сделать предложение, но я не сказала

ей, кто! Она чуть не лопнула от любопытства!

– Но это ведь не самое интересное из того, что случилось, правда? – с улыбкой спросила Василиса.

– Конечно, не самое! Вася, ты не представляешь! – Анисья остановилась прямо посреди дороги и понизила голос. – Рублев, Леша Рублев, меня поцеловал!

– Поцеловал? При всех?

– Да нет, ты что! Конечно, не при всех! – Белокурая колдунья снова пошла вперед, увлекая за собой подругу. – Ой, я даже не знаю, что бы тогда было...

– А что же ты?

– Я? Я вроде бы тоже его поцеловала... Это вышло так неожиданно... Но знаешь! Я зла! Он вздумал обижаться на меня за то, что я ему отказала. Но разве я виновата, что он не годится мне в мужья?

– Но я всегда думала, что ты ему симпатизируешь.

– Я этого и не отрицаю. Но, Василиса, как я могу выйти замуж за такого несерьезного человека? Мне не нравится, что он постоянно веселый, что он бывает несобран, что не стремится развивать свои силы... Он думает, что все дается легко. Конечно, так и есть, но, наверное, это нехорошо для мужчины – так думать... ты меня понимаешь?

– Не совсем.

– Ну вот возьмем Севу... Это так, только для сравнения!

Тут и закончилась дорога, упершись в то, что можно было бы назвать вокзалом, не будь это здание таким неприметным и бесполезным. На путях стоял поезд – наоборот, громоздкий и яркий. Он был непривычной частью городского пейзажа. На этот раз это был поезд дальнего следования. Чистые окна дружелюбно блестели, в них смутно виднелись разложенные спальные полки. «Мурманск-Анапа» – бежала надпись на яркой полоске. Была открыта дверь только одного вагона, и из нее вышла, поставив на платформу чемодан, высокая черноволосая девушка, а за ней смуглая пожилая женщина с серебряной сединой.

– Это она! Она! – спохватилась Анисья, напрочь забыв о сравнении Севы с Лешей Рублевым.

– Маргарита! – Василиса вслед за Анисьей бросилась к приехавшей подруге.

– Девочки! Вот это да! Бабуля, ты посмотри, меня встречает сама Анисья Муромец. Меня что, выбрали главой светлого сообщества вместо Ирвинга?

– Марго, ну ты как всегда! – рассмеялась Анисья.

– Здравствуйте, девочки. Анисья, большая честь. Как вы все похорошели – прелесть!

– Как, и Анисья тоже похорошела? – Маргарита театрально выронила сумку. – Все, Вася, нам с тобой пора сворачивать в монастырь – все равно уже никаких принцев нам не видать!

– Ну что ты говоришь, болтушка! – Бабушка всплеснула руками. – Ладно, давайте-ка найдем извозчика. У Риточки столько вещей...

– За теми домами у дороги мы видели такси. Возьмите одно, пусть довезут вас до Белой Усадьбы, – сказала Анисья. – А мы лучше прогуляемся.

– Отдадим таксисту мои вещи, а я тоже пройдуся, – воскликнула Маргарита. – Да и бабуля. У нее как раз в городе дела.

– Рита, видишь этот зеленый домик? Там раньше жила моя близкая подруга. – Бабушка тем временем остановилась посреди переулка и с грустью поглядела на заброшенное здание. – Но дом умирает, когда умирает его настоящий хозяин. И даже детям моей подруги не под силу его восстановить.

– Так подруги нет в живых?

– О, она умерла давно. Много воды с тех пор утекло.

Возникла неловкая пауза. Девушки переглянулись, а бабушка молча смотрела на улицу.

– А у вас нет дома в Росенике? – поинтересовалась Анисья, чтобы оживить разговор.

– Нет, деточка. Я живу в Суздале. Хотя вот в последнее время подумываю о том, чтобы прикупить здесь что-нибудь, – все же удобнее, и к Риточке ближе. Да только домов свободных в Росенике нет. Да и в других наших городах тоже. Правда, я слышала, в Долине Гремящих Ветров собираются строить...

– Нет, там точно ничего строить не будут, я от папы знаю, – возразила Анисья, изящным движением откинув прядь волос с лица.

– Жалко, а то ведь колдунам и селиться негде. Вы думаете, почему я уехала в Суздаль? Да потому что волшебных городов на всех не хватает. – Они тем временем свернули на центральную улицу. Маргарита тут же обратила внимание на парикмахерскую, где на высоких стульях сидели только мужчины, и лишь в самом углу можно было разглядеть одну колдунью: два мастера соорудили на ее голове сложную прическу. За парикмахерской располагалась кофейня, внутри которой сквозь окна виднелись настоящие березы прямо посреди зала.

– Но я никак не могу себе представить, как можно жить с

потусторонними! – проговорила Анисья.

– Да ладно тебе! Ты могла бы жить в шикарном коттеджном поселке, в каком-нибудь огромном доме с конюшней... Хотя... ты права, такой особняк, как у вас, явно бы выделился на фоне таунхаусов, – усмехнулась Маргарита.

– В первое время, конечно, жить в потустороннем городе сложно. Особенно, когда ты привык, что тебя окружают чудесные вещи: нож-саморезка, печка с пирожками, избушки на курьих ножках... Но со всем постепенно свыкаешься. В мире потусторонних тоже много чудесных вещей, которые удивляют.

– Но вы ведь не могли колдовать!

– Так как мой муж был потусторонним, мне было легче жить с ним в его родном городе. Представьте, насколько ему было бы сложно в окружении магов.

– А он знал, что вы колдунья? – спросила Василиса.

– И да, и нет. Он звал меня колдуньей, но даже не подозревал, как близок к правде. Я не могла обойтись без магии, но всегда старалась не использовать ее у него перед глазами. В то время, когда я его встретила, в Тридевятиом государстве было неспокойно. Участились стычки между Светлыми и Старообрядцами. Поэтому проще было обосноваться среди потусторонних, не упоминая о своих способностях, – она улыбнулась. – А потом у нас родились дети, и я решила, что семья для меня важнее. Я даже обрубала многие контакты со своими старыми друзьями-магами.

– Я вот не могу себе этого представить, – вступила в разговор Маргарита. – Как можно променять эту жизнь на жизнь без колдовства?

– Магия повсюду, независимо от того, колдуешь ты сама или это делает кто-то другой. Я любила твоего деда и готова была ради него пожертвовать своими занятиями. После его смерти, когда я стала замечать, что магия передалась и тебе, я поняла, что от судьбы не уйдешь. Стала восстанавливать какие-то связи, знакомства.

– Нет, не могу представить, бабуля. Ты же такая жизнерадостная, энергичная! И жила спокойно с бабушкой, не интересовалась событиями, происходившими у колдунов?

– Ну почему же не интересовалась? – лукаво улыбнулась бабушка. – Я вела переписку с Ольгой, подругой из того зеленого дома. Тем более в Суздале не я одна колдунья. Мы иногда встречались, обменивались информацией. Ведь не все отказываются от колдовства. Кто-то посвящает своих потусторонних мужей или жен в эти тайны, кто-то живет с другими магами.

– А сейчас у вас в Росенике есть друзья? – поинтересовалась Василиса.

– После Русальего круга мне пришло сразу несколько весточек от старых знакомых. Было интересно узнать, что с кем произошло за эти годы. Сегодня я договорилась встретиться с другом, которого не видела около сорока лет.

– А я-то думала, зачем ты меня провожать поехала, да еще и принарядилась!

– Так это свидание? – подхватили Василиса с Анисьей.

– Ой, девочки, хватит вам. Нашли кого слушать, – бабушка укоризненно посмотрела на Маргариту. – Ну все, здесь я вас оставляю. До свидания, Василиса. До свидания, Анисья.

Она взяла Анисьину руку:

– Постарайтесь навсегда остаться такой, какая вы сейчас. Если вам это удастся, то, я верю, мир станет лучше...

– Я постараюсь, – с растерянной улыбкой проговорила Анисья, не до конца понимая смысл адресованных ей слов.

– Бабуля, до свидания! – усмехнулась Маргарита. – Поторопись, а то до свидания у тебя осталось мало времени.

– А тебе бы все смеяться, – пожурила ее бабушка и крепко обняла.

* * *

Целитель шел в крошечной темноте, полагаясь на чутье и старую привычку, и скоро они привели его к скрипучей двери, которую он нашарил прямо перед собой. На Заречье уже опускались летние влажные сумерки, никого из обитателей видно не было. Целитель оставил позади себя избушку Яги и быстро зашагал напрямик к лазарету. Густав Вениаминович, местный лекарь, прислал короткое письмо с просьбой как можно быстрее явиться, поэтому Даниил Георгиевич вошел уверенно, без стука – он знал, что его уже ждут.

Помещение было слабо освещено кристаллом-световиком.

– Как я понял из послания, проблема касается Хитриной? – сразу же спросил он, увидев за столом Густава Вениаминовича.

– Да, – ответил Жаба. – Но вы присядьте.

– Нет, спасибо. Я полагаю, снова требуется стирание памяти?

– Да, верно. Я говорил, что не стоит вас тревожить, но она отказывается иметь дело с кем-то, кроме вас.

– Это нормально. Я в прошлом занимался ее воспоминаниями. Воспоминания, знаете ли, очень дорогая вещь, даже если они причиняют боль. Человеку трудно отдать их одному целителю, не говоря уже о нескольких разных. Но не волнуйтесь, вы меня не отвлекли. Я вполне готов к этой работе. Но что произошло? Нервный срыв? Кто-то потревожил ее прошлое?

– И то, и другое, и третье... Вы что, еще не знаете? Девочка пропала. Полина Феншо.

– Подождите... Как это пропала? – Даниил Георгиевич от неожиданности сел на стоявший так кстати позади него стул. – Водяная колдунья?

– Ну вот, я же вам сразу предлагал сесть. Да, пропала Водяная колдунья. Мои запасы «жидкого спокойствия» уничтожены за раз. И как это до вас еще не дошло такое известие?

– Но как это могло случиться? За ней следили, за домом, где она жила, за ее родственниками... Да как же это так?

Лицо Густава Вениаминовича болезненно искривилось, страх, предчувствие большой надвигающейся беды исказило его черты:

– Ее охраняли. Это вообще странный случай. Были соблюдены все меры предосторожности. Но...

– На этой почве у Дарьи Сергеевны... сдали нервы? – уточнил Даниил Георгиевич.

– Да, возможно, – Густав Вениаминович нагнулся поближе к коллеге и произнес шепотом: – Боюсь, она видела в девочке свою погибшую дочь... Вы же знаете, с тех пор она немного не в ладу с собой. А тут такое...

– Верно-верно. – Целитель поспешно встал. – Это тяжелый удар для всех нас, а для нее – особенно.

Густав Вениаминович медленно прошел к двери, ведущей в лазарет, и, открыв ее, впустил целителя внутрь. Даниил Георгиевич тотчас увидел колдунью, одиноко сидевшую в окружении десятка белоснежных кроватей. Она глядела в окно, держа в руках толстую книгу, но, как только услышала, что дверь открылась, обернулась.

– Здравствуй, – сказал Даниил Георгиевич, не стараясь скрыть ни свое беспокойство, ни глубокое неприятное удивление от услышанной новости.

Колдунья в ответ улыбнулась.

Выглядела она так, словно ничего плохого не случилось. Глаза ее были сухими и как всегда безжизненно-желтыми.

– Добрый вечер, Даниил.

Целитель опустился на соседнюю кровать.

– Для чего ты хотела меня увидеть? – Он знал, что Лиса хочет стереть очередной кусок памяти, но необходимо было услышать ее собственный ответ. – Заранее хочу предупредить, что я все знаю о потере, которую переживаешь сейчас не только ты, но и все светлое сообщество; те, по крайней мере, до кого уже дошли известия. Однако девочка может найтись. Поэтому стирание воспоминаний о ней может...

– Ты неправильно понял. Я не хочу стирать воспоминания о Полине, – при упоминании этого имени она снова улыбнулась. – Есть другая часть моей памяти.

– Какая же?

– Это воспоминание связано с годами, когда я проходила Посвящение.

– Почему ты не отдала мне его в прошлый раз?

– Не знаю, тогда оно казалось незначимым. А теперь часто всплывает. Оно мне снится, превращается в кошмар. Преследует меня, будто там кроется та крупница, которая в будущем разрослась и превратилась в огромную черную дыру вот здесь. – Она указала на свою голову.

– Это не дыра, – объяснил целитель. – Это часть твоей жизни, о которой ты больше не помнишь.

– Да, я знаю. Я рада, что есть способ избавиться от мыслей, способных свести с ума. Плохо лишь то, что в этой пустоте на месте исчезнувшей памяти плодятся чувства и ощущения, они множатся, становясь многократно сильнее пережитых на самом деле.

– Именно для этого ты должна расстаться со всеми воспоминаниями, касающимися неприятной темы. С любыми осколками, ведь именно они и порождают эти сонмы чувств. Так что давай начнем. Ты помнишь, что от тебя требуется? Полное погружение, ты должна раствориться в своих воспоминаниях и пустить в них меня. – Он замолчал, но через мгновение продолжил: – я спрашиваю это всегда. Ты точно уверена?

– Да-да, – кивнула Лиса. – Мне незачем это хранить.

– Закрой глаза, три глубоких вдоха. Вспоминай что-нибудь... окружение, время года...

– Это утро, совсем раннее. Я люблю раннее летнее утро. Трава еще мокрая от росы, в воздухе туман, но сквозь него уже проглядывает солнце. Росинки сверкают, ты видишь?

Целитель тоже закрыл глаза.

– Смутно. Какого цвета лес вокруг?

– Он голубовато-зеленый. Такого холодного оттенка, но верхушки деревьев золотые от солнечных лучей.

– Иди вперед.

– Трава шуршит, роса с нее скатывается...
– Странно, я будто... очень маленького роста...
– Это потому что мы не в человеческом теле, – отозвалась Дарья Сергеевна.

– Ясно. Тогда переходи к воспоминанию о людях. Мне нужны их образы.

Даниил Георгиевич теперь как будто поднялся с колен, он увидел тот же самый лес, ту же самую траву, только уже с высоты своего привычного роста. И вместо утренней прохлады его кожу грело солнце.

Вот он уже сидит на шатком деревянном мостике. Внизу бежит река. Такая знакомая... мелкая... звонкая... он и сам, когда проходил Посвящение, любил сидеть на этом мосту.

– Мы на месте? – спросил он.

– Да. Это похоже на начало. Что было до этого момента, я почти не помню.

– Отмечай каждую мельчайшую деталь, чтобы памяти не за что было потом зацепиться.

– Хорошо.

Даниил Георгиевич продолжал видеть все происходящее глазами Лисы. Прозрачная вода, гладкие камни на дне, сверкающие солнечные блики.

Рядом сидел человек, он обнимал Лису за плечо.

Целитель видел уже знакомый ему портрет: черные волосы до плеч, синие глаза. Волосы лезли парню в глаза, и он убирал их рукой. Целитель ощущал легкое прикосновение ветра, запах воды, зелени.

– До этого несколько дней шли дожди, поэтому, ты видишь, земля мокрая. Мы пришли посидеть сюда после встречи с наставниками, я смотрю на небо, как по нему плывут облака, это я почему-то отчетливо запомнила, – продолжала Дарья Сергеевна.

Даниил Георгиевич видел и это голубое небо с легкими рваными облаками, и, когда опускал голову, поверхность старого деревянного моста.

– У Саши все руки в кровотокающих порезах. Они учились справляться с физической магией, а он всегда забывался и выставлял руки вперед для защиты. Вот и выходило, что ладони у него вечно разбиты, – добавила Лиса. – Мы просто сидим и молчим, я, кажется, думала про то, что хочу есть, – она усмехнулась. – Мы ждем его, он должен скоро прийти.

– *Хватит обнимать мою девушку!* – До Даниила Георгиевича внезапно донесся громкий голос. Он увидел молодого мага, как две капли воды похожего на сидящего парня. Тот быстро взбежал на мосток.

– Я была рада его появлению, кажется, он сел рядом, сбросил Сашину руку с моего плеча. Мы очень долгое время были друзьями, а как раз незадолго до этого дня он предложил мне быть с ним вместе.

Теперь Даниил Георгиевич видел двух совершенно одинаковых молодых людей.

– Мы говорили про наставников, а потом почему-то сменили тему на старообрядцев.

До Даниила Георгиевича доносились фразы из разговора, но они были приглушены – казалось, он слышит их через стакан, приложенный к стене:

– *Вы чего так рано освободились? Неужели Ирвинг и Остромыслов сегодня были добренькими?* – спросил только что подошедший парень.

– *А почему это тебя не было сегодня на встрече с Остромысловым?* – усмехнувшись, поинтересовался его брат-близнец.

– *Он на прошлой встрече повздорил с ним, вот и решил в этот раз отсидеться дома,* – с ехидной усмешкой пояснила Лиса. – *А по поводу добреньких – не знаю, скорее они выглядели взволнованными. Ирвинг пришел к нам на площадку, и они быстро нас отпустили.*

Ее голос звучал в ушах целителя намного яснее и громче остальных.

– *Да, и мы как раз думали, с чего бы это вдруг им так нервничать. Ходят слухи, что у Темных снова перемены в составе предводителей и что это может вылиться для нас в проблему,* – продолжил Саша.

– *Вдруг на нас решат напасть?* – Внезапно слух целителя выхватил это короткое предложение из череды других.

– Ну и наивными же мы были... – прошептала Лиса.

– Отнюдь. Не волнуйся, все рано или поздно начинают задумываться о борьбе Темной и Светлой сторон, и все говорят об этом так, будто знают на самом деле, что происходит. Мы были такими же. Таков и мой сын, и Муромец. Не волнуйся...

– *Я сомневаюсь, что это случится скоро,* – задумчиво произнес первый близнец, – *им ведь надо подготовиться. Говорят, их новый предводитель очень хороший стратег.*

– *Главное, чтобы он был плохим воином,* – продолжал веселиться второй. – *Что вы так смотрите? Я просто не понимаю, зачем надо переживать раньше времени.*

Братья обменялись какими-то колкостями.

– *Кстати, вы слышали, что отца Марата убили?* – Опять четкий голос Лисы в голове.

– *Кто?* – спросил Александр.

– *Люди из нашей дружины. Я случайно услышала разговор*

Остромыслова с другим наставником. Этот остолоп никак не возьмет в толк, что в Заречье полно ушей, шапок-невидимок и колдунов, умеющих пользоваться Отводом глаз. Они говорили, что отец Марата поставлял информацию старообрядцам.

– Да не могли его убить, мы никого не убиваем! Наверняка его просто упрятали в подземелье.

– Все равно! Страшно думать, что вокруг могут ходить предатели.

– А что, если он просто боялся за свою жизнь? – неожиданно возразил близнец Александра. – Ведь старообрядцы умеют припугнуть. Может, его заставили стать их бессловником?

– Они могут лишь пустить пыль в глаза! – В голосе его брата звучали гневные нотки, которые не ускользнули от острого внимания целителя. – Это глупое оправдание. Он должен был сообщить кому-нибудь обо всем. Его смогли бы защитить.

– Кто? Дружинники? – другой брат усмехнулся. – Они в последнее время все хуже исполняют свою работу. Я бы им свою жизнь не доверил. Вы судите поверхностно. Что, в конце концов, такого ужасного в поставке информации? Сомневаюсь, что, занимая свою должность, он владел какой-нибудь секретной информацией.

– Да ты что, – снова громкий голос Лисы-подростка, – из-за него они могли проникнуть в город. Представляешь, что бы было?

– Почему вы смотрите однобоко? Вот если Светлые убивают Темных, то они герои. А Темные, убивающие Светлых, – негодяи и убийцы. Я, конечно, не оправдываю никого. Но на Светлом сообществе тоже лежит большая вина за эту бесконечную войну, – продолжал он, вызывая негодование друзей. Даниил Георгиевич четко видел недовольное лицо его брата и чувствовал напряжение, овладевавшее в тот миг Лисой.

– Какая же вина? – спросила Дарья.

– Они сами ее начали и они ее продолжают.

– А что, мы должны спокойно смотреть, как они используют потусторонних? – В голове у целителя голос Лисы стал почти оглушительным.

– Можно просто не вмешиваться. Мы живем так, они – так.

– Они убивают!

– Мы тоже!

– Мы караем! – Ледяной голос первого близнеца, молодого Странника, донесся до Даниила Георгиевича. – Тем более мы точно не знаем, как Светлые маги расправляются с предателями.

– Раньше все колдуны использовали магию крови. Потом какая-то

группа решила отделиться и перестала использовать эту магию. Но почему другие должны от этого отказываться? Если так делали их деды, прадеды? Мы же не обвиняем волков в том, что они убивают других зверей.

– Волков? – Даниил Георгиевич видел теперь двух спорящих братьев в некотором отдалении. Видимо, Лиса в этот момент встала и отошла в сторону.

– Куда ты? Убегаешь от разговора? – попытался остановить ее тот из братьев, что обвинял Светлых.

– Ты хоть сам понимаешь, что говоришь? – Даниил Георгиевич снова четко видел глазами Лисы его лицо.

– Не совсем. – Улыбка окончательно исчезла с его лица. Он стал абсолютно серьезен, было видно, что он не раз об этом думал: – Если честно, я немного запутался в том, что здесь хорошо и правильно, а что – плохо. Светлые начали войну, пытаясь переубедить Старообрядцев. И эта война повлекла за собой намного больше жертв, чем жертвоприношения Темных. Вот и думайте сами.

На этом воспоминание оборвалось. Даниил Георгиевич открыл глаза и посмотрел на сидевшую напротив колдунью.

– Все в порядке? – спросил он. – Что было дальше?

– Не помню. – Она дышала слегка учащенно.

– Сделай несколько глубоких вдохов. – В его голосе снова зазвучали успокаивающие интонации. – Теперь проверим. Ты помнишь что-нибудь о том дне, когда вы сидели с Александром и Игорем Македоновыми на мосту? Мост над Нищенкой, в конце Енотова тупика, направо и еще раз направо. Ты поняла, о каком месте я говорю? Вам, кажется, было лет по семнадцать.

– Вообще-то, мы часто там сидели. Что именно тебя интересует? – медленно ответила Лиса и с болезненной гримасой сморщила лоб, силясь выдернуть что-нибудь из своей памяти.

– Что-нибудь необычное. Какой-то особенный день, особенный разговор.

– Нет, все достаточно однообразно.

– Хорошо, очень хорошо. Твое любимое время суток?

– Утро. Раннее.

– Напиток?

– Морс.

– Да, верно, морс. Это я помню. Еда?

– Колобок.

– Колобок? – удивленно спросил Даниил Георгиевич.

– Ну да, колобок. Жена Нестора Ивановича печет отличных колобков специально для меня.

– Ладно, а теперь выпей вот это.

На прикроватной тумбочке появился стакан с отваром, приготовленным Густавом Вениаминовичем.

– И ложись спать. Ты будешь ощущать тревогу, сожаление, беспокойство... Ты знаешь. Но это надо перетерпеть. Утром все встанет на свои места. До свидания. – Целитель пожал ей руку и направился к двери.

– Постой. Даниил... а это воспоминание... то, что теперь у тебя... о чем оно? – Она протянула руку, будто могла ухватиться за ускользающие образы прошлого.

– Не волнуйся. В нем не было ничего особенного. Не надо так расстраиваться, ведь это всего лишь воспоминание. И я уверен, что у тебя в запасе есть еще достаточное количество ему подобных, чтобы вдоволь себя помучить, – улыбнулся он.

* * *

– Как странно... Зачем нам надо идти на собрание с Велес? Мы же не в первый раз тут. – По всем расчетам Анисьи в тоне Маргариты, задавшей этот вопрос, должен был звучать привычный сарказм, а потом могла последовать какая-нибудь острая шуточка про возвращение в Заречье Маливиничка или про открытие клуба по интересам для богатых наследников Росеника, но ничего из этого не произошло.

Анисье и самой показалась необычной просьба Веры Николаевны явиться на общее собрание, которое обычно проводили для колдунов, прибывших в Заречье в первый раз.

– С другой стороны, – убеждала себя Анисья, – Велес иногда собирает нас для того, чтобы объявить о каких-то изменениях в правилах. Может, и сейчас она скажет что-то подобное? Ну, например, сообщит, что переносится на другое число важный обряд? Или вторая четверть луны больше не будет свободным днем?

– Да, с чего бы это? – удивленно проговорила Василиса.

– Не знаю, может, Маливиничок вернулся? – Анисья отметила, что произнесено это было просто по привычке: Маргарита даже и не рассчитывала кого-то рассмешить.

Поляна, пропитанная Воздушной магией и окруженная деревьями,

заметно расширилась, чтобы вместить в себя всех воспитанников. Толпа гудела и рябила, Анисья, Василиса и Маргарита бестолково потоптались с краю в попытках пробраться ближе к середине, но вскоре стало понятно, что им это вряд ли удастся.

День был странным. Во-первых, что-то творилось с погодой. Небо все чернело и набирало тяжесть, так за всю неделю ни разу и не пролившись настоящим дождем. Оно прогибалось, словно резиновое, но исторгало лишь мелкие редкие капли, больно разбивавшиеся о кожу. Во-вторых, именно сегодня должна была вернуться в Заречье Полина – наставники уже пару дней как принимали в гости воспитанников, а Розалия Павловна пекла горы пирожков для столовой, но Водяной колдуньи все не было.

Подруги молчали, будто повергнутые в уныние мыслью о возвращении в Заречье Егора Маливиничка, и думали каждая о своем. Анисья беспокойно искала глазами брата и Севу, зная, что их появление обязательно внесет в ее тревожное состояние какую-то определенность, но их нигде не было видно. Зато из толпы вдруг вынырнула тоненькая девушка. Ее сопровождали две колдуньи, их лица знакомо мелькнули перед глазами Анисьи.

– Анисья, привет! – Марьяна Долгорукая уставилась на сестру своего жениха с неподдельным восхищением. – Как дела? Ой, и где только ты достаешь такие красивые платья?

– Привет. – Анисья не сразу справилась с удивлением и только через секунду вспомнила, что Марьяне уже исполнилось четырнадцать лет, и ее ждало Посвящение в Заречье.

– Это Ниночка и Настенька, – Марьяна представила своих подружек.

– Василиса, Маргарита, – Анисья указала на девушек. – Впрочем, вы уже знакомы.

– Да. – Марьяна только теперь обратила внимание на Маргариту с Василисой, скользнув по ним снисходительным взглядом. – Кажется, мы виделись на совершеннолетию Дмитрия...

После этой фразы она потеряла к ним всякий интерес и опять повернулась к Анисье, сияя улыбкой:

– Ну, а где Полина Феншо? Водяная колдунья?

– Еще не вернулась.

– Вот жалость. – Марьяна переглянулась с Ниночкой и Настенькой, и те ответили ей расстроенными вздохами. – А то Ниночка так хотела поглядеть на нее! Ну ладно, тогда мы вас оставим – Велес сказала, чтобы все, кто тут впервые, заняли места поближе к ней.

Когда они удалились, даже не удостоив Маргариту с Василисой

прощальным взглядом, Огненная колдунья схватила Анисью за локоть:

– У меня только один вопрос: почему она назвала Митю Дмитрием?

– Это его полное имя.

– Анисья, я знаю. Я имела в виду, что никто не называет его полным именем, кроме нее.

– Ну да... Может, ей так больше нравится.

– И вообще, на балу она показалась мне какой-то другой.

– Какой? – спросила Анисья.

– Не знаю. – Маргарита нахмурилась, глядя туда, где исчезла Марьяна Долгорукая. – Просто другой, и все.

Голоса и шум листьев в густых кронах вдруг стали затихать. Вера Николаевна показалась из-за деревьев, которые от ее прикосновения изогнулись, образовав проход, и двинулась к вытоптанному пятачку земли в середине поляны. Анисья внезапно увидела брата, столкнулась с ним взглядом, но тут же снова потеряла его в сомкнувшейся за спиной наставницы толпе.

Велес попросила всех сесть. Хоть давно накрапывал мелкий дождик, примятая трава оказалась сухой и теплой.

Как обычно, собрание началось с приветствия новеньких, с рассказа о четырех стихиях, о Заречье, о наставниках. Между стволами деревьев все-таки сумел прокрасться ветер: он облетел поляну, потрепал распущенные волосы девушек, пошелестел берестой, на которой новички делали для себя пометки, и затих. Зато дождь заморосил сильнее.

– Меняется мир, а вместе с ним меняется и Заречье, – Велес произнесла эти слова и на несколько секунд замолчала. – Я расскажу о нескольких новых правилах. Теперь покидать деревню разрешено только тем, кто прошел Посвящение. До Коляды у всех остальных будет лишь один свободный день для посещения дома.

Изумленный шепоток, вызванный последними словами главной наставницы, пробежал вдоль рядов.

– Эти правила распространяются и на Белую Усадьбу? – выкрикнул кто-то из молодых людей.

– В этот раз в Белую Усадьбу мы не отправимся.

– Что? – Василиса удивленно посмотрела на Анисью.

– Не переедем в Белую Усадьбу? Как это так? – Анисья ответила ей вопросом.

– Да, верно. – Голос Велес прозвучал ветром в ветвях. – Сейчас не самое спокойное время для непосвященных. Над нашим сообществом висит серьезная угроза, а юные колдуны – наше будущее, поэтому мы

стараясь укрыть их от любой опасности.

– Какая угроза?

– Каждый раз одно и то же, – сокрушенно проговорила Маргарита. – Даже когда все отлично, все равно нам что-то угрожает. Ну и мир. А как же покупки? Бумага, одежда, сладости?

– На стороне старообрядцев, – Велес холодно оглядела толпу, – Водяная колдунья. – Стоило главной наставнице произнести последние слова, как все вокруг замерло: оборвался тихий шелест листьев и шорох травы под ногами. Воцарившаяся тишина тяжелым покрывалом опустилась на головы колдунов.

– На этом собрание окончено. – Не обратив внимания на то, что все застыли на своих местах, Вера Николаевна обернулась серым зайцем и исчезла.

Анисья не сразу поняла смысл фразы, она словно ждала ее продолжения, но, когда увидела, что Велес исчезла, медленно повернулась к подругам и посмотрела сначала на Василису, а затем на Маргариту. Лица у них были такие каменные, что больше походили сейчас на лики статуй.

– Какая еще Водяная колдунья на стороне старообрядцев? – тихо спросила Маргарита побелевшими губами.

Заяц мелькнул совсем близко, сверкнув дымчатыми лапками, и протиснулся между корнями деревьев, отделяющих полянку Воздушных от всей деревни.

– Вера Николаевна! – Первой очнулась Василиса и кинулась догонять наставницу.

Маргарита с Анисьей бросились за ней вслед, не услышав, что сзади их окликнул Митя.

– Вера Николаевна! Подождите! – Девушки бежали через поле, пытаясь угнаться за главной наставницей. – Пожалуйста! Пожалуйста, подождите.

Наконец, вняв их просьбе, заяц замер и в одно мгновение обернулся пожилой колдуньей с длинными седыми волосами.

– Водяная колдунья на стороне Темных? Это правда? Как это случилось?

– Я сказала все, что вам следует знать, – спокойно проговорила Вера Николаевна. – Больше никаких сведений, которыми я могла бы с вами поделиться, у меня нет.

– Какая Водяная колдунья? – выкрикнула Маргарита.

– А вы знаете многих? Полина Феншо, конечно.

И, больше ничего не сказав, Вера Николаевна снова исчезла, на этот

раз превратившись в кого-то настолько маленького, что подругам даже не удалось разглядеть, в кого именно. Хотя никто из них уже не старался увидеть и остановить ее. Они остались стоять, глядя друг на друга пустыми растерянными взглядами, и ни у одной не нашлось слов, которые можно было произнести.

Поток магов, словно ручей, вырывающийся из-за стены леса, огибал их неподвижную троицу, проносясь мимо с шипением, шуршанием и всплеском сотен голосов: все обсуждали только что услышанные новости. А Василиса, Анисья и Маргарита продолжали молча смотреть друг на друга.

Митя, заметивший это, собрался подойти к ним, но Сева взял его под руку и предостерегающе оттащил назад:

– Не надо, они сами разберутся. Поговоришь с ними попозже.

– Беда не дуда: станешь дуть, а слезы идут. – Парни обернулись к Илье Пророку. Казалось, старик не заметил ребят, хотя прошел совсем рядом. Невозможно было понять, расстроило или удивило его известие о похищении Водяной колдуньи, и слышал ли он вообще слова Велес. Он удалялся в сторону леса, продолжая что-то бормотать.

* * *

Река в этом месте сильно сужалась, превращаясь в стремительный ручей, и журчала звонко, но по-осеннему грустно. Казалось, что вместе с бурлящим потоком воды уносилось вдаль и все хорошее, что когда-либо случалось. Иссушенный солнцем вейник сплошь покрывал небольшой бережок и рваными пучками торчал вдоль тропинки, ведущей к маленькому мосту, сложенному из нескольких почерневших от влаги бревен. Эта неказистая кладка пряталась от взоров под кронами яблони-дикарки и старого орешника, чьи листья пропускали немного солнечного света и бросали на воду резные тени. Большие водомерки скользили по поверхности речки, оставляя за собой тонкие следы, которые тут же затягивались и исчезали в быстром течении. На мосту, свесив ноги вниз, сидела Василиса и смотрела на шумный ручей. Ветер трепал и путал ее рыжие волосы. Все вокруг казалось ей странным. Сколько раз они с Анисьей пугали Полину разговорами о том, что Темные только и мечтают ее схватить. Но разве кто-нибудь из них думал, что это может случиться на самом деле? Разве кто-то предполагал, что это когда-нибудь станет реальностью? Так как же все произошло? Что не так сделали Светлые

колдуны? Каким образом они упустили Полину в то самое время, когда поблизости оказались Старообрядцы? Все это было так страшно и так непонятно, что хотелось заплакать.

Рядом с Василисой, застыв в неудобной, неестественной позе, сидела Маргарита. Она вздрогнула и с усилием потерла пальцами лоб.

Своим присутствием колдуньи как нельзя лучше дополняли тоскливый пейзаж. Ими даже залюбовался сам водяной – его лицо вырисовывалось в подводной тине, а вздохи были слышны в камышах: затащить бы под воду таких красавиц, вот бы вышли русалки! Близилась осень, и ее начало почувствовалось как-то совершенно внезапно. Вот только что еще был конец лета, а теперь вдруг... раз, и мрачное покрывало опустилось на землю, приглушив сочную зелень, а небо нависло низко и грозно. Только осталось пятно рыжих волос Василисы и ярко-красная рубашка Маргариты.

После собрания прошло несколько часов.

Митя и Сева ступали тихо. Они прошли насквозь весь Енотов тупик, повернули направо за старым дубом и стали пробираться сквозь заросли высокой травы.

– Что ты собираешься им сказать? – спросил Сева.

– Не знаю, возможно, это они нам что-нибудь скажут.

Срезав через поле оставшийся путь, парни наконец увидели перед собой хлипкий мосток и сидевших на нем Василису и Маргариту. Девушки не обратили на них внимания, хотя не могли не слышать шуршания травы совсем рядом, и Митя с Севой, тоже не произнеся ни слова, опустились на бревна над рекой.

Сева свесил ноги и уставился на ботинки, покрывшиеся от ходьбы семенами каких-то растений.

– Вы давно здесь? – спросил он, в конце концов решив нарушить скорбное молчание.

– Не знаю точно, – пожала плечами Василиса. – Если честно, кажется, что прошла вечность. – Она повернулась к ребятам. – Как вы нас нашли?

– Моя сестра посчитала, что вы должны быть тут, – ответил Митя.

– Мы еле спрятались от всех, кто засыпал нас вопросами. Мы попытались поставить здесь защиту, но вас она почему-то пропускает.

– Извините, что помешали вам.

– Нет, вам мы рады, – спохватилась Василиса.

– Мы могли бы встретиться и попозже... В целом, мы хотели только узнать, когда последний раз кто-нибудь из вас виделся или разговаривал с Полиной.

– Маргарита ей звонила. – Василиса повернулась к подруге. – Маргарита? Ой! Что с тобой?

Сева перегнулся через спину друга и взглянул на колдунью.

– Она дрожит! – испуганно воскликнула Василиса.

Сева вскочил на ноги и ловко пробежал по узкому краю моста, чтобы добраться до Маргариты. Он схватил ее за запястья:

– Посмотри-ка на меня.

Девушка медленно подняла сильно побледневшее лицо. Глаза ее были красными, покрытыми тонкой сеточкой лопнувших сосудов, зубы стучали, словно от холода, кожа покрылась мурашками.

– Все хорошо...

– Нет-нет, все совсем не хорошо! – возразил Сева. – Когда это началось? Только что?

– Не знаю. Мне вдруг стало холодно. Недавно. Очень холодно. И пустота какая-то дикая... – Маргарита снова вздрогнула.

– Что с ней?

– Похоже на Лисью хворь. Температура уже высокая. Эта болезнь заразна. Если что-то такое почувствуете, скажите Жабе. Пойдем, Маргарита. Тебе нужно к Густаву Вениаминовичу. Ну? Сама сможешь идти?

Маргарита кивнула, и Сева помог ей перейти через мост.

– Вы останетесь тут? – Он взглянул на Митю.

Тот тут же повернулся к Василисе.

– Если мы можем как-то помочь... – взволнованно начала она.

– Ей сейчас может помочь только целитель, – сказал Сева. – Ты лучше расскажи Муромцу все, что слышала за последнее время о Водяной.

– Я почти ничего не знаю. – Василиса с грустью поглядела на свое отражение в воде, когда Сева с Маргаритой ушли. – Маргарита разговаривала с Полиной по телефону. Она вот-вот должна была вернуться в Заречье.

– На самом деле я могу кое-что тебе рассказать, – признался Митя. – Это обсуждали Старейшины. Я только хотел уточнить у вас детали. Потому что выходит, что тех, кто должен был охранять Полину, просто-напросто обвели вокруг пальца...

– Как?

– За Полиной приехал Александр Владимирович. Он пришел вместе с месье Монье – тем лекарем, который занимался Полининым проклятьем, – поэтому Полинина тетя даже не заподозрила неладное, хотя должна была: никто ведь не предупреждал их семью, что Странник явится за Водяной в

этот день. Не заподозрили и те, кто должен был следить за домом Феншо.

– Подожди, я ничего не понимаю... Почему Александр Владимирович приехал за Полиной?

– Ты ничего не слышала про его брата-близнеца?

– Да, слышала, Полина рассказывала. Лиса была за ним замужем.

– Это был он, а никакой не Александр Владимирович. Хотя Македонов сейчас тоже под подозрением – одно время он был не на нашей стороне.

– Нет... разве он мог?

– Многие семьи теперь требуют, чтобы его не допускали к наставничеству. Это естественно – новость об исчезновении Водяной вызвала панику.

Василиса поежилась.

– Замерзла? – вдруг спросил Митя взволнованно. – Может, у тебя тоже эта Лисья хворь?

– Просто ветер стал холоднее. – Василиса мотнула головой и поглядела на небо. – И дождь опять начинается.

– Пошли к деревне. – Митя снял кофту, надетую поверх рубашки, и протянул Василисе.

– Нет-нет, спасибо. Мне правда не холодно.

– Знаешь, лучше возьми. Овражкин свалит всю вину на меня, если ты заболеешь, – улыбнулся Митя.

Дождь резко усилился, и небо разорвалось на части молнией.

– О, а вот и гроза наконец... Ее предсказывают уже неделю. – Василиса закуталась в кофту. – А что говорит тот целитель, месье Монье, каким образом брат-близнец Александра Владимировича вышел на него?

– Он уже ничего не говорит, – помрачнел Муромец. – Его нашли мертвым в комнате, когда колдун, притворившийся Македоновым, увел Полину.

Василисины глаза от изумления расширились.

– Но что же сейчас может быть с Полиной! Что они могут с ней сделать?

– Я уверен, что с ней все будет... если не в порядке... то... По крайней мере, они не причинят ей вреда, ведь она им нужна, – отозвался Митя, поглядев нерешительно на Василису. – Она нужна им для совместного колдовства.

– Но они не смогут заставить ее перейти на их сторону!

– Согласен. Ее магия для них такая же загадка, как и для нас.

– Но, Митя. – Муромец слегка вздрогнул, когда нежный голосок произнес его имя, однако Василиса этого не заметила, продолжая брести по

дорожке и крепче обхватив себя холодными руками, которые не согревались даже под шерстяным свитером. – Меня мучает один вопрос... И он гораздо важнее того, как Старообрядцам удалось похитить Полину. Как нам теперь похитить ее у них?

На этот раз Митя пожал плечами.

– Но если ты что-нибудь узнаешь на Вече старейшин, если услышишь от отца какие-нибудь новости, ты ведь скажешь нам? – Василиса подняла на него глаза.

– Конечно.

Еще несколько минут они шли молча, а дождь тем временем превратился в настоящий ливень, и, когда вся земля содрогнулась от оглушительного громового раската, Василиса предложила пробежаться до дома. Вместо двух магов на дорожке тут же появились белка и белый кот, и через пару мгновений их задние лапки мелькали уже между рядами избушек на курьих ножках.

* * *

Несмотря на довольно поздний час, в столовой было многолюдно. Однако вместо привычного веселого гомона, который царил здесь, когда маги приходили поужинать после встреч с наставниками, Вещего Олега встретила гнетущая тишина. Колдуны, проделавшие путь в темноте под проливным дождем, лишь еле слышно перешептывались. В одном конце за небольшим столом сгруппировались девушки в вымокших белоснежных плащах, ближе к центру, рассевшись на длинных скамейках, расположилась группа травников. Холодный влажный воздух, липнувший к каждому, кто входил, явно говорил о том, что меньше всего здесь Огненных, – некому было наполнить столовую теплом и громкими разговорами. После собрания с Велес большинство обитателей Заречья впали в странное состояние. Они были напряжены и молчаливы, на встречи с наставниками в этот день не явился ни один колдун. Казалось, что такую новость, как похищение единственного Водяного мага, будут обсуждать яростно и оживленно, но жители деревушки просто сидели, уткнувшись в полные тарелки, – к еде почти никто так и не притронулся. Наверняка Розалия Павловна это предвидела, но все равно не смогла оставить воспитанников без ужина. В темноте по земле стелился едва различимый голубоватый туман – плод какого-то волшебства.

Вещий Олег бросил взгляд на единственный стол, за которым шла

более-менее оживленная беседа. Эбонит Павлович и Федор Кощеевич – последний редко посещал столовую, предпочитая ей уединенные ужины в своем тереме, – сидели друг напротив друга. Рядом с ними Густав Вениаминович изучал журнал, изредка вставляя замечания в диалог двух наставников.

Каждый год в это время, даже несмотря на частенько случавшееся ненастье, юные маги и некоторые наставники собирались в Говорящем саду, где под предводительством Розалии Павловны обрывали созревшие яблоки. Затем все дружно рассаживались за огромный стол, резали фрукты и дальше чего только не делали: варили варенье, давили сок, скакали по яблоням, обстреливали друг друга гнилыми плодами.

В общем, в прошлые годы в эту пору в Заречье несколько дней царило настоящее веселье.

– О, Олег, какая удача, что вы зашли! – Эбонит Павлович первым заметил наставника по Легендологии и махнул ему рукой, указывая на свободное место.

– Да, в такой ненастный вечер единственное спасение – это какое-нибудь людное место, – улыбнулся молодой колдун, садясь за стол.

– Вы не знаете, где остальные наставники? – хитро прищурившись, спросил Эбонит Павлович, хотя буквально минуту назад сам же рассказывал Федору Кощеевичу, что старейшины вызвали Велес в Росеник. «Только такой случай, как похищение Водяной колдуньи, могла заставить Веру Николаевну посетить их собрание», – заметил он.

Вещий Олег лишь подтвердил его слова:

– Знаю только, что Вера Николаевна отправилась в город на Вече.

– У Нестора Ивановича приболела жена, – прогнусавил целитель, не отрывая взгляда от свежего номера «Сорокиного хвоста». – Говорят, ужин готовили неофиты. Нервы Розалии Павловны уже давно шалют, а известие о похищении Водяной совсем подкосило старушку.

– Я знаю, – протянул Вещий Олег. – А я все ждал, когда же они пригласят нас в гости! Но встреча откладывается вот уже второй день подряд.

– Говорите, Веру Николаевну вызвали на Вече? – словно не обращая внимания на слова Густава Вениаминовича и на последнюю жалобу Вещего Олега, спросил физимаг.

– Да. Водяную похитили прямо у нас под носом – невиданное дело! Я слышал, что Старейшины крайне недовольны.

– Кем же? – уточнил Эбонит Павлович.

Молодой наставник замялся:

– Ирвингом, естественно. Все пришли в ужас, когда узнали, что к Водяной не было приставлено должной охраны. На какое-то время она оказалась во Франции совсем одна. Ну, разумеется под присмотром наших французских коллег, но я бы не стал слишком уж полагаться на них. Да и эта история с Македоновым...

– С Македоновым? – Лицо физимага вытянулось от удивления.

– Ну вы же знаете, что он был странником, – нехотя продолжил Вещий Олег. Разговор заходил не в то русло. Молодому колдуну нравился наставник Огненных, но идти против мнения влиятельного большинства, которое не питало к нему доверия, он все же не решался.

– Александра подозревают в причастности? – взволнованно спросил Эбонит Павлович, наклоняясь к Олегу и переходя на шепот, – среди магов, не спешащих покидать в этот вечер столовую, больше половины были Земляными и обладали острейшим слухом.

– Это запутанная история, – постарался отмахнуться Олег. – Ирвинг, конечно же, не подозревает его. Но девочку похитили за день до того, как ее должен был забрать из Франции именно Македонов. Когда твое прошлое связано со странниками, такие совпадения вызывают беспокойство.

Густав Вениаминович, который уже дочитал газету, теперь внимательно прислушивался к словам молодого наставника, и выражение его лица демонстрировало крайнее неудовольствие от происходящего, словно он с самого начала знал, что решение сделать бывшего странника наставником не закончится ничем хорошим:

– Я предупреждал Велес, что это абсурдная затея. Тем более, что его родной брат уже давно на стороне Темных.

– Чей брат? – Федор Кощеевич тряхнул головой, словно очнувшись ото сна, и внимательно посмотрел на целителя.

– Неужели вы не знаете? Игорь Македонов. Он проходил Посвящение в Росенике вместе с Александром и Дарьей.

– Да... – задумчиво произнес Эбонит Павлович. – Способный был мальчик, очень способный. Помню, он делал большие успехи в Физимагии.

– Судя по последним событиям, он продолжает делать успехи, только уже в других областях и на другой стороне, – заключил Вещий Олег, допивая хмельной квас.

* * *

Все погрузилось во тьму. Про такие ночи говорят, что это Перун вновь

пустился в погоню за неуловимым змеем на своей колеснице, обрушивая на землю гром и молнии. Редкие вспышки яркого света на доли секунды срывали черную пелену с неба, так что можно было увидеть, как бушует море у подножия голых скал и как чайки неистово кружат над морской пеной. Поместье Уточкино гнездо выглядело зловещим и давно покинутым. Казалось, это не ветер завывает, попав в капкан утесов и скал, а духи, запертые в старинном особняке, воют, прося о пощаде.

Незванный гость смиренно следовал за старым слугой, который удосужился лишь сухо поприветствовать его, а теперь шел молча, изредка недовольно покашливая. По чередке коридоров, увешанных старинными картинами, они дошли до одной из гостиных. С порога могло показаться, что в комнате никого нет – она, как и мир за стенами дома, утопала в темноте. Но, приглядевшись, колдун заметил человека, стоявшего спиной ко входу. Глава Светлого сообщества смотрел в окно, словно в этой непроглядной тьме можно было увидеть хоть проблеск света или надежды.

– Я не мог не прийти, – первым нарушил непереносимую тишину Странник. Тонкие струйки дождевой воды стекали с его плаща прямо на ковер, оставляя темные лужицы.

– Черная Курица уже была у тебя? – в ответ спросил Ирвинг, продолжая смотреть в окно.

– Да, я отправился сюда сразу после ее ухода. Значит, она теперь в твоей дружине?

– Я сделал ее главой боевых магов. Она заслужила. Значит, она тебя отпустила? – Что ж, у меня нет основания не доверять ей.

– Но ты сомневался. – Голос Странника звучал обреченно.

Когда сегодня днем в дверь избушки постучали, он сразу заподозрил неладное – к нему уже давно никто не приходил с хорошими новостями. Суровое лицо Черной Курицы, которая тут же применила к нему Связывающие чары, подтвердило догадку. Похищена Водяная колдунья. Из дома дядюшки ее увел он – Странник. По крайней мере, так говорит тетя Полины и двоюродный брат девушки. Черной Курице понадобилось некоторое время, чтобы проверить, что в ближайшие дни Александр не покидал Росеник и не контактировал с Водяной магией. Что ж, дальше все было очевидно. Тем более Ольга Феншо обронила, что заметила перстень с необычным камнем на руке наставника. И Черная Курица, и Александр прекрасно понимали, что это значит. Понимал и Ирвинг. Но все равно сомневался...

– Сомнения – величайший дар человека, но одновременно и ужаснейшее наказание. Каждый день меня одолевают сомнения. Бывает,

что они уберегают от ошибок. Но я не всегда прислушиваюсь к их тихому голосу. Например, перед Русальим кругом... Должна ли была Даша становиться велием? Я сомневался. – Наконец Ирвинг повернулся и прошел к двум креслам у камина, приглашая и гостя сесть у ярко вспыхнувшего огня. – Я сомневался и тогда, на Пустых холмах, когда ты попросил меня о помощи. Я понимал, что той ночью история не заканчивается, а только начинается...

– Я готов уйти на Темную сторону, разыскать брата, сделать все, что ты от меня потребуешь. – Странник словно пытался ухватиться за край спасительной ниточки, которая бы вытащила его из темной пучины отчаяния.

– Уйти? Сейчас?

– Так будет лучше. Ты сам говоришь, что сомневался, нужно ли было мое возвращение. Возможно, оно было ошибкой.

– Я не сказал, что это были ошибки. Ни в случае с Дашей, ни в случае с тобой. Все в этой жизни происходит ровно так, как должно. Просто мы так ничтожно малы, что не можем увидеть весь путь, – только вплотную приблизившись к финалу, начинаешь понимать, зачем нужны были все эти повороты и препятствия. Да иногда я сам не понимаю, что значит то или иное событие, – сказал Ирвинг. – Но, слава богам, мы еще не у финала. – Глава Светлого сообщества улыбнулся, глядя на языки пламени, которые жадно лизали деревянные поленья, и впервые за все время разговора посмотрел гостю в глаза. – Ты еще молод, Александр. Но пора понять, что, убегая, ты не решаешь проблему: она обязательно тебя догонит. Нет, даже не так – она всегда с тобой, где бы ты ни был: в заколдованной деревне, непроходимом лесу или среди потусторонних – заберись хоть на голые скалы, – Ирвинг указал рукой за окно, – от своих проблем не убежать.

– Но я не могу просто сидеть на месте. – Словно в подтверждение своих слов Александр вскочил с кресла и принялся ходить по комнате. – Мне нужно что-то делать, ведь это из-за меня девочка оказалась у Старообрядцев!

– Из-за тебя? Мне казалось, что все же не ты увел ее из дома Феншо? Или ты винишь себя в том, что брат как две капли воды похож на тебя? Ты берешь на себя слишком много – за это можно винить только богов, но я бы не советовал.

Странник тяжело опустился обратно в кресло. Вина. Да, это то самое чувство, которое он испытывал с тех пор, как Черная Курица сказала ему, что Водяную колдунью похитили. Если бы он не был наставником Заречья, то Игорь не смог бы выкрасть Полину. Слишком много совпадений

привели к катастрофе.

– Послушай, – тем временем продолжал Ирвинг, – я знаю, что ты чувствуешь себя виноватым и что готов прямо отсюда ринуться в логово Старообрядцев. Но не торопись! Поверь, твоя помощь еще пригодится. Просто надо дождаться момента – ты поймешь, когда он настанет. А сейчас ты нужен Заречью. Нужен Велес, хоть она и никогда этого не признает, нужен Даше и Огненным магам. Не беги от людей, которые впустили тебя в свои сердца, не совершай эту самую страшную ошибку.

Когда Александр покинул поместье Ирвинга, гроза почти унялась, но дождь продолжал идти плотной завесой. Было в этом звуке что-то умиротворяющее, приносящее спокойствие. Пару минут Огненный колдун стоял, позволяя крупным каплям дождя смыть с него напряжение последних часов, после чего направился напрямик к ближайшим скалам, где располагалась порталная станция «Остров Буян».

* * *

Дышать. Дышать так, чтобы в небо вздымались стаи мертвых листьев. Чтобы они оживали, превращаясь в помятых жухлых бабочек... Воздух слишком влажный, слишком терпкий... Кто бы мог подумать, что все будет именно так.

Дышать. Поднимать снопы листьев и трав, разметывать одним выдохом заготовленное на зиму сено... Одним взмахом крыльев сшибать сотни сухих веток. Крылья! Но... крыльев-то нет.

Бежит юркая тропка, струится меж камней и лесного мха, ведет на гору. На горе будет легче. Но туда нельзя – на вершине застыл белоснежный зверек. Зеленые глаза его веселые, но смотрят странно, ловят отблески заката. Он неестественно шевелит хвостом. Это не настоящее его тело, не его вымокшая от дождя шерсть, не его когти, не его острые клыки в маленькой пасти. Он знает, каково это – жить в чужом теле. И, наверное, знает, как иногда трудно вспомнить, какое же из тел первоначальное, твое...

Его сестрица, каменная ведьма, обнимает валун, прикасаясь щекой к его зеленому мшистому бархату. Глаза ее закрыты. Она тоже не слышит шагов, не знает о моем приближении. Никто не слышит... никто не знает...

* * *

Прошло уже два дня с тех пор, как стало известно об исчезновении Полины Феншо. Александру вспоминалось ее бледное перепуганное лицо и при этом серьезный, решительный взгляд. Последний раз он видел ее в ночь нападения на Русальем круге. Интересно, почему она не сбежала, едва напавший на нее невидимый маг переключил внимание на подоспевшего Муромца? Неужели думала справиться с ним? Или не хотела бросать подругу? В памяти тут же возникло дерево, у корней которого лежала в крапиве черноволосая девушка. И если кроме холодных серых глаз из облика Полины Феншо он ничего больше не помнил, то черты воспитанницы Маргариты Руян возникали слишком отчетливо.

Кроме Македонова в Лысой горе никого не было – все наставники давно разошлись по избушкам. Нестор Иванович, наверное, уже попивал чай с пирогами, которые так искусно готовила его жена. Наставники часто собирались в доме у этой радушной пожилой пары. Пожалуй, в Заречье их избушка была самой гостеприимной – неудивительно, что маги, проходящие Посвящение, и даже те, кто давно его прошел, часто приходили к Нестору Ивановичу не только чтобы узнать подробности жизни леших или Морянок, но и чтобы насладиться кулинарными шедеврами его жены.

Странник и раньше не был частым гостем на этих вечерних посиделках – разве что иногда Лиса уговаривала его пойти или Розалия Павловна приглашала отведать чая с колобками, – сегодня же он точно решил не приходить и не портить настроение Кассандре Степановне и Кощеевичам. К тому же он не был уверен, что наставники все же собрались своим тесным кружком – по Заречью ползли слухи, что Розалия Павловна слегла с неизвестной болезнью и никого не принимает.

Последние пара дней для Македонова прошли ужасней некуда. После посещения его избушки Черной курицей кошмар не закончился. Всего несколько часов назад он вернулся с Вече Старейшин, где снова стоял между скрытыми под куколями фигурами и подвергался допросу.

– Они не должны узнать, что ты использовал Зелье-блокатор, – предостерегла его Лиса. Ее лицо покрывала холодная, молочная бледность, под глазами собрались тени, желтые радужки тускло мерцали в свете кристаллов-световиков. Что-то неуловимо новое появилось в ее движениях: слабость, усталость, так не свойственная молодым. Казалось, силы ее куда-то уходят, что-то тянет из нее энергию, будто Стихия перестала помогать восстанавливаться после сложных колдовских обрядов. Все шептались о велии, не закончившем свое Посвящение в мире мертвых, об опасности, что отныне грозит сбежавшей от Морянок Лисе. Странник же думал лишь

о том, чего на самом деле она избежала. Что за магия открылась бы ей? И, обретя новую мудрость, стала бы его подруга детства терять человеческий облик, как это происходило с сильными мира сего? Велес, Ирвинг, Дивномор... всех их уже давно нельзя было мерить привычными человеческими рамками... Стала бы Лиса такой же непостижимо-далекой? – я же говорила тебе, чтобы ты прекратил! Зачем тебе нужны эти тайные вылазки? Зачем ты ищешь поселения, где скрываются Старообрядцы? – Ее голос снова ворвался в его голову. – Запомни, если Старейшины заподозрят, что ты готовил и использовал это зелье, они сочтут, что делалось это для встреч с братом! И что это ты раскрыл ему место, где прячут Водяную! От Вече тебя не спасет даже Ирвинг!

Но след от блокатора не так-то просто было скрыть. Допрос подозреваемого в зале Вече Старейшин был не просто допросом. Из колдуна вытягивали всю магию, нащупывая «хвосты» произнесенных заклинаний и сотворенного колдовства. А блокировка своей силы, подпитывавшейся от Огня, была заметна еще долгое время. Скрыть свою стихию всегда считалось сверхсложным умением. И всегда эта магия вызывала подозрения: зачем колдуну обманывать других и притворяться, будто силу тебе дает, например, воздух, а не огонь? Александр долго изучал способы, которые помогли бы этому колдовству сработать, но помог ему в этом бессловник Лев Маркович, с которым он повстречался в тот памятный раз на собрании Вече старейшин. Тогда бессловник и упомянул зелье-блокатор. Для действия зелья необходим был «донор» – тот, чью силу и чью стихию на время забирает колдун. И у Светлых наверняка кто-то для этого был – не зря же мельком упомянули пленника, содержащегося в подземельях у Вещего Олега. Но Александру не нужен был плененный Темный маг. У него был брат-близнец, чью магию – магию Воздуха – он мог похитить на время, даже не ставя того в известность.

Сейчас Македонов чувствовал себя усталым. Не хватало энергии даже на то, чтобы силой мысли зажечь расставленные повсюду красные свечи. К счастью, он понимал, что это лишь временное явление. Он зажег свечи обычным способом, которым пользовались колдуны других стихий, и теперь очень медленно восстанавливался, окруженный приятным подергивающимся пламенем. Этим вечером он решил наконец заполнить Велесовы книги. Все же он был совершенно необразцовым наставником: он так и не приучил себя аккуратно вести записи о своих подопечных, чем вызывал постоянное недовольство Веры Николаевны.

– Александр, вы несете ответственность за юных Огненных магов. Поймите, это очень важно – заносить в книги сведения об их успехах: как

развивается их сила, как она растёт...

В такие моменты Македонов сам чувствовал себя юным колдуном, которого отчитывает главная наставница. Мысленно он возвращался в те времена, когда сам жил в Заречье, тогда ещё как воспитанник, который не всегда соблюдал заведенные правила. Это время казалось таким далеким и нереальным, столько воды утекло с тех пор...

За размышлениями он не сразу заметил, как за спиной скрипнула дверь и впустила в комнату ещё одного Огненного. «А ведь раньше я улавливал малейшие шорохи, которые указывали на приближение человека», – с досадой подумал колдун, а вслух произнес:

– Добрый вечер, Дима. Вера Николаевна уже ушла.

– Я знаю. – Колдун стоял в тени у самого входа, так что Странник почти не видел его лица. – Мне нужны именно вы.

Александр вопросительно посмотрел на него. Дима уже давно прошел Посвящение и сейчас, как вспомнилось Страннику, изучал право, поэтому было непонятно, что ему могло понадобиться от наставника по Стихии.

Сегодня от встречи с любым магом он ожидал только плохого: все вокруг подозревали его, обвиняли, заставляли отвечать на вопросы.

– Я слушаю.

Дима сделал шаг вперед, так что на него наконец упал свет от тусклой лампы и свечей на столе. Между бровями у него залегла глубокая складка, и все лицо с четко очерченными линиями выражало крайнюю степень напряжения.

– Я хотел попросить вас стать моим наставником, – произнес он натянутым голосом, словно готовился защищаться, ждал подвоха в любую секунду.

– Наставником? – Македонов так удивился, что даже отложил в сторону книги, которые только что собирался заполнять. Странно, этот парень смотрел на него сегодня из-под капюшона серебряной куколки, не произнеся ни одного слова в его защиту. А теперь пришел с такой просьбой. – Но вы же уже прошли Посвящение...

– Вы не поняли, – перебил Дима, – я хочу стать вашим неофитом.

Странник оторопел. Он никак не ожидал такого поворота, поэтому ответил не сразу.

– Неофитом? Дима, вы уверены, что пришли к тому человеку? В свое время Огненной магии вас обучал Ирвинг. Да и что далеко ходить, профессор Звягинов отличный наставник. Он...

– Да, далеко ходить и правда не надо, – с едва заметной усмешкой ответил Дима.

Ни для кого в Заречье не было секретом, что внук Веры Николаевны недолюбливает ее мужа, да и с бабушкой у него были довольно натянутые отношения. Однако, как раз это Странника и не удивляло.

– Но есть Ирвинг, – продолжил Македонов, но Дима снова перебил его.

– Я говорил с ним. – Он отвел взгляд, словно его заинтересовал кустик ветреницы, принесенный сюда Бабой Ягой. Старая колдунья утверждала, что один вид этих цветков должен умиротворять и успокаивать. – Он и посоветовал мне обратиться к вам.

– Вот как? – Македонов застыл, все никак не оправляясь от удивления. Зачем к нему пришел этот наследник древнего влиятельного семейства, внук главной наставницы, посвященный, полноценный маг, допущенный на Вече Старейшин?! К нему, почти безродному, бывшему страннику, чей родной брат предал Светлую сторону и похитил Водяную колдунью? – Дима, но вы же понимаете, что выбор наставника – это очень ответственное дело. И вообще, почему вы решили стать моим неофитом? Вы же, кажется, право изучаете.

– Я уже принял это решение, – тут же ответил Огненный маг, взглянув прямо в глаза Македонову. – Мне нужен наставник, который владеет магией Огня и сможет научить меня использовать ее не только в теории... Мое положение обязывает меня быть сильным колдуном, а не только знать свои права.

Странник внимательно смотрел на парня, стоящего напротив, и пытался понять, о чем тот думает. Хотя он и не был Воздушным, прочитать мысли Огненного мага было легко – у них все написано на лице. За внешней Диминой отстраненностью и напускным безразличием скрывалась разрушающая стихия. Странник почти физически ощущал его нетерпение и острое желание добиться своей цели. Но какой? Почему он вдруг решил стать неофитом? И почему Ирвинг направил его именно к нему? На эти вопросы он ответов не знал.

– Вера Николаевна не придет в восторг от этой идеи, – сказал он, сдаваясь.

– Ее это не касается. Даже главный наставник не может повлиять на выбор неофита. Тем более она Земляная колдунья, а мы говорим про Огонь.

– Хорошо. Я вас понял. Но мне нужно подумать, это непростой шаг, причем для вашей репутации – даже рискованный. Не сомневаюсь, что вы знаете о моем прошлом.

Дима кивнул и уже собирался развернуться, чтобы уйти, как Странник окликнул его:

– Советую и вам хорошо все обдумать. Я, конечно, не нравлюсь вашей бабушке, но это еще не значит, что мы с вами сможем найти общий язык.

Колдун еще раз кивнул, и Македонову показалось, что на его серьезном лице наконец мелькнула улыбка.

Не успел Дима дойти до двери, как та распахнулась и в комнату почти бегом влетели Лиса с Густавом Вениаминовичем, а за ними медленно и бесшумно вошла Велес.

– Александр, очень хорошо, что вы здесь, – начала главная наставница и только теперь заметила Диму, стоящего всего в паре шагов от нее. На секунду ее взгляд задержался на внуке, а потом она снова повернулась к Македонову и продолжила:

– Ваша подопечная, Маргарита Руян, попала позавчера в лазарет. Теперь окончательно стало ясно, что у нее Лисья хворь.

– После Руян в лазарет попали еще трое. Если Лисья хворь будет распространяться такими темпами, то у меня не останется свободных коек! – недовольно прогнусавил Жаба. – Да еще и Розалия Павловна с ними заодно!

– Даша, надо сейчас же написать письмо в Здравницу и отправить его с Иваном на сером волке – так вернее всего. – Велес оглядела комнату в поисках почтальона и снова наткнулась на Диму, который неподвижно стоял на месте.

– Ты искал наставника по...?

– Нет. Я приходил к Александру Владимировичу, но мы уже закончили.

Когда дверь за Димой захлопнулась, Вера Николаевна вопросительно посмотрела на Македонова, но тот, казалось, думал уже совсем о другом. И даже Лисе не удалось почувствовать ничего, кроме естественных переживаний за свою подопечную Маргариту Руян – он даже не заметил, как она проникла в его мысли.

– Кто-то еще из Огненных заболел? – тем временем спросил он целителя.

– Пока нет, но они очень подвержены недугу, поэтому вам стоит срочно их предупредить.

Странник кивнул и направился к лифту.

Глава третья

Лазарет

Ливень не прекратился ни вечером, ни ночью, ни на следующий день. Маргарита слушала его стук сквозь сумрак и не могла даже вспомнить, когда и от чего именно она проснулась и засыпала ли вообще. Все тело было раскалено, как уголь, но этот жар внезапно сменялся ознобом и дрожью, пробегавшей по рукам и ногам. От дождя за окнами было серо, невозможно понять, который час хотя бы приблизительно. Монотонный шум бьющих капель не давал сосредоточиться на окружающих предметах – вокруг плыли только нечеткие белые пятна, перемежавшиеся резкими черными прямоугольниками и глянцевыми бликами окон. Из ближайших воспоминаний читалось лишь лицо бабушки. Неужели она была здесь? Когда? И где она теперь?

Внезапно сквозь отчаянный бой дождя по стеклу послышался непривычный новый звук. Маргарита еще не успела подумать, что бы это могло быть, но уже инстинктивно повернула голову к двери – на пороге лазарета стояли Василиса с Анисьей, их длинные волосы были темнее обычного, они спадали с их плеч гладкими мокрыми змейками. Пару секунд Маргарита ждала, что увидит еще одно лицо – бледное, с печально-удивленными глазами, но никто так и не появился.

– Марго! Ты не спишь! – Анисья первой заметила внимательный взгляд подруги и поспешила к ней. – Как ты? Плохо? Знаешь, ты, оказывается, не единственная, кто подхватил эту Лисью хворь. Забава тоже заболела, но пока лежит дома.

– Половина колдунов ходит с температурой. Нам всем прописали пить укрепляющие снадобья. Ребята, которые практикуют целительство, вынуждены помогать Жабе с больными, – добавила Василиса. – Говорят, что-то плохое есть в этом дожде. Но я знаю: причина не в нем.

– Ты не видела Юлю, Севину мачеху? Она предложила свою помощь Заречью. Она ведь тоже целительница и согласилась работать в лазарете, присматривать за больными, помогать Густаву. И не одна она. Я видела еще двух или трех незнакомых врачей, – продолжила Анисья после короткой паузы.

Маргарита качнула головой и закрыла глаза – так было легче.

Севина мачеха? Нет, ее лицо не всплывало в памяти.

– Мы не спали почти всю ночь, – тихо сказала Василиса, беря подружку за руку. – И думали, как это могло произойти с Полиной.

Она рассказала, что узнала вчера от Мити. Маргарита пошевелилась и что-то прошептала одними губами.

– Мы обсудим все, когда тебе станет лучше. Сейчас нельзя, Густав Вениаминович не велел тебя беспокоить.

– Только не уходите.

– Хорошо, мы не уйдем. – На лице Василисы появилась заботливая улыбка.

– Конечно нет, – подхватила Анисья. – Только пришли, и уже уходить? Лучше я расскажу тебе нововведения, которые появились в Заречье, пока ты лежишь тут. Возможно, ты подумаешь, что времени прошло мало, но только не для нашей Веры Николаевны! Раз она заперла нас здесь, то решила разнообразить жизнь всевозможными увеселениями. Вот. – Анисья достала из кармана сложенную в несколько раз бумажку, развернула ее и стала читать. – Каждый найдет себе занятие по душе.

Она посмотрела на Маргариту, но та казалась безучастной.

– Орфей Добрыньевич нанимает учителей музыки, так что все, кто еще не овладел игрой на каком-нибудь экзотическом инструменте, может успеть записаться. Я пытаюсь поставить галочку напротив арфы, но она упорно появляется возле варгана. – Анисья показала листок Василисе, подтверждая правдивость сказанного, и та в ответ улыбнулась. – Есть еще кружок по рисованию мандал и уроки, тебе должно понравиться, Марго, по рукоделию. Кстати, рукоделие включено в раздел «Древние способы медитации». Лучший из этих способов, как ни странно, – перебирание зерна.

Маргарита не проявила интереса.

– Так, есть еще спортивные мероприятия отдельно для Земляных и магов всех остальных стихий. Например, борьба. Ну, это вряд ли тебя заинтересует. О! А может танцы?

– Да, танцы – это здорово, – сказала Василиса.

– И иностранные языки. Марго, хочешь? Наречие шотландских кентавров. Ну, это так, на случай, если ты вдруг встретишь где-нибудь кентавра и захочешь с ним поболтать о том о сем. Есть еще язык Морянок, но я не представляю себе самоубийцу, который запишется! Вижу, тебе это не так уж интересно? Ладно, тогда я сама запишу тебя на рукоделие. Рукоделие тебя развлечет. И, может, все-таки танцы? Африканские, восточные, балет?

– Нет, Анисья, балет не надо... – еле выговорила Маргарита, снова

закрыв глаза.

– А шаманский бубен?

За стенкой, в жилой части дома целителя стало шумно. «Нет, никуда не годится!» слышались возмущенные восклицания Густава Вениаминовича, затем голоса, звуки отодвигаемых стульев, скрипа столов и половиц; дверь в лазарет отворилась и впустила целую процессию магов и целителей – ее замыкал молодой колдун, явно примкнувший к строю случайно. Его рыжая голова вертелась из стороны в сторону, высматривая что-то.

– Я сказал вам, что здесь и так слишком много народу! – снова возмутился Жаба. – Нет, надо открыть другой вход в лазарет, не со стороны моей гостиной. Вторая практика сорвана!

– Ладно вам сердиться, – оборвала его незнакомая Маргарите колдунья, прибывшая сегодня утром из городской Здравницы для помощи Жабе. – Кого куда класть?

Слава наконец увидел свою девушку и ее подружек и направился к ним.

– Как быстро распространяется эта Лисья хворь... – сквозь шум дождя различила Маргарита бурчание Густава Вениаминовича. – Ни дать ни взять порча!

– Ну, как вы? – Слава тем временем подтащил свободный стул к Маргаритиной койке и уселся. – Ощущение, будто все посплохивало с ума. Сначала пропажа Водяной колдуньи. Потом этот дождь... Теперь болезнь. Действительно, страшно – чем это может кончиться? Творится что-то неладное.

Из-под соседней кровати выбрался домовый в зеленом кафтанчике. Он держал в руке что-то похожее на поздравительную открытку, изображавшую букет переливающихся цветов. Домовой оглядел помещение, кивнул Густаву Вениаминовичу и, остановив свой взгляд на Анисье, двинулся прямо к ней. Она как раз хотела возразить Славе, но заметила домового и вопросительно уставилась на него.

– Муромец, это вам, – вежливо произнес маленький человечек.

– Спасибо. – Анисья удивленно приняла открытку и раскрыла ее. В воздухе тут же засеребрилась пыльца, повеяло приятным ароматом духов. – Это от Марьяны.

– Она думала, что у тебя сегодня день рождения? – через силу произнесла Маргарита и попыталась улыбнуться. Василиса прыснула. – Перепутала август с апрелем?

– Конечно, шуточки – это по твоей части, и никакие жар, боль,

обморок и даже, наверное, смерть не помешают тебе от них воздержаться, – парировала Анисья с усмешкой. – Но нет, это какое-то странное приглашение от нее. Вот слушайте. «Дорогая Анисья. Завтра я собираю у себя нескольких интересных людей, чтобы обсудить все важное. Мы будем несказанно рады твоему присутствию. В семь часов вечера, в моей избушке».

– Интересных людей? – переспросил Слава. – Это кого же, как думаете?

– Галеньку и Валеньку? – предположила Маргарита.

– Их зовут Ниночка и Настенька, – поправила Василиса.

– О, ты запомнила их имена? – Анисья, захлопав ресницами, обернулась к подруге. – Ну, что вы считаете?

– Как что? Надо пойти, – тут же отозвалась Василиса. – Может быть, будет действительно интересно.

О чем разговаривали дальше, Маргарита уже не помнила – подошел усталый Густав Вениаминович, без церемоний сунул ей в рот ложку с каким-то пряным сладковатым снадобьем, и она заснула. Тенью продолжала двигаться перед взором фигура колдуньи-целительницы; отдельные слова, произносимые в стенах лазарета, стали доноситься словно из длинной трубы.

Потом все стихло.

Тишина длилась долго, пока звуки не начали снова нарастать – от них Огненная колдунья и проснулась. В лазарете было совсем темно, за окнами давно наступила ночь. Маргарита села на кровати и вдруг сквозь звон ливня различила какой-то беспокойный шорох, доносившийся из самой середины комнаты. Этот шорох вызвал воспоминания о летнем вечере, когда на нее и на Полину набросился неизвестный маг. Ее охватил страх. Она потрогала лоб – жар все не проходил.

Внезапно совсем рядом кто-то вскрикнул, Маргарита чуть не подскочила на месте и сама едва не вскрикнула от испуга. Глаза никак не могли привыкнуть к кромешной темноте и разглядеть хоть что-нибудь.

– Милонег! – надорвано произнес чей-то голос. – Мы все в беде! Мы в беде!

Маргарита вздрогнула. Вокруг на кроватях заворочались остальные колдуны.

– Это правда, правда! Это проклятье! – незнакомый голос вдруг перешел на шепот и прошипел последнее слово с отчаянием.

Маргарита услышала, как кто-то забежал внизу под ней, под ее кроватью, под полом. Звук был очень отчетливый – шаги сначала стали

удаляться, а потом раздались уже прямо за дверью. В ту же секунду она открылась, зажегся свет, и на пороге появилась женщина с длинными светлыми волосами.

Это была не Лиса, но черты ее лица показались Маргарите знакомыми. Она шла твердо, прямо держа спину, при этом движения ее казались летящими и плавными – все это не было похоже на крадущуюся походку Дарьи Сергеевны.

Долю секунды Маргарита смотрела на нее и, узнав в ней Севину мачеху Юлю, огляделась. Весь лазарет был забит до отказа, все кровати заняты. Но самое интересное представляло собой то, что находилось в центре комнаты: там стояла еще одна кровать, совсем неуместно повернутая по диагонали. Она была лишней в обоих рядах коек, выстроенных вдоль стен, и отличалась своим видом. На ней сидел взъерошенный, растерянный человек с испуганными глазами и безумно озирался.

– Где я? Где я? Мы в беде! В беде! Милонег! – бормотал он, всхлипывая.

– Что это такое? – спросила Юля, решительно двинувшись к нему навстречу. – Кто вы?

Несмотря на ее нежный голос, незнакомец все равно ее испугался.

– Нет, лекарь, это правда!

– Я не лекарь, – возразила Юля, остановившись. – Кто вы и как сюда попали? Не знаете? Ах! – Она прижала ко рту ладонь.

– Что здесь случилось? – в открытую дверь влетел Густав Вениаминович. – Что за шум посреди ночи?

– Густав Вениаминович, я поняла! – Юля приблизилась к целителю и понизила голос. – Я знаю, откуда этот несчастный. Городская здравница, отдел бредовых пророчеств.

– Бредовых пророчеств? – переспросил Жаба.

«Бредовых пророчеств? – подумала Маргарита. – Что за название!»

– Во-первых, эта кровать. Посмотрите. Она из здравницы. Во-вторых, цвет его постельного белья. Он один из тех ясновидящих, которые слегка, как бы это сказать, помешаны на своих предсказаниях.

– Милонег, Милонег! – шептал больной в это время. – Она была здесь!

– Нет-нет, не волнуйтесь, никакой Милонег здесь не было, – в полный голос ответил ему Густав Вениаминович, стараясь говорить как можно спокойнее, а сам тем временем обращался к Юле. – Откуда он здесь взялся? Как он попал из здравницы в наш лазарет? Не волнуйтесь,

голубчик, не волнуйтесь. Выпейте Сон-чая, мы сейчас все уладим!

– Это из-за кроватей-переправляек. Так же, как здесь используют переправляйки, чтобы отправлять всех в Белую Усадьбу, в здравнице – чтобы перемещать больных на разные этажи. Иногда случаются сбои. Иногда целители находят кого-то из пациентов во дворе или вообще за пределами здравницы... Но чтобы так...

– Милочка, все не так просто. Дело в том, что сюда никто не может попасть. Никто! Эта магия такая древняя, что я в замешательстве от вашего предположения... Надо срочно связаться с главой порталных перемещений! Срочно! Нельзя вот так запросто переместиться в Заречье! Это даже Велес сделать не может... а ну-ка, вперед! – Последнюю фразу он адресовал лишней, стоящей по диагонали кровати, щелкнул в воздухе пальцами, и кровать медленно поплыла за ним к дверям, ведущим из лазарета.

Сидевший на ней больной только теперь начал понимать, где он оказался, и воскликнул, беспомощно косясь на целителя:

– Немедленно, немедленно верните меня обратно в здравницу. Они сказали, что мне требуется всего два дня отдыха под присмотром лекарей.

Разбуженные маги поворачивали головы и смотрели вслед постепенно удаляющейся кровати со странным колдуном; тот тоже смотрел на них, сконфуженный своими недавними выкриками о беде, но, когда его взгляд встретился с Маргаритиным, незнакомец вдруг снова изменился в лице и предостерегающе прошептал сквозь зубы:

– Ты знаешь, беда близится! Ты должна что-то сделать!

Кровать исчезла в темноте. Из-за двери донесся успокаивающий голос Жабы: «Я все устрою. Вас сейчас же вернут назад, не волнуйтесь».

Маргарита долго не могла заснуть, ворочаясь с боку на бок, ей мешала поднявшаяся температура, перешептывания других магов, обсуждавших случившееся, собственные сбивчивые мысли. Так она лежала в забытьи, но уже не чувствовала ломающей все тело слабости. Чувствовалось только, как бьется у висков кровь и горит лоб.

Внезапно показалось, что кто-то на нее смотрит. Она открыла глаза и по серому свету, бившему в мокрое окно, поняла, что прошло немало времени, заполненного тревожной пустотой сна. Перед самым пробуждением она слышала чей-то голос. «Каждая юная колдунья по ту сторону реки, – сказал он, – знает, как найти то, чему можно доверять. Иногда для этого достаточно всего лишь оказаться одной в темном лесу или попасть в грозу».

Все тело немного покалывало, дышать и двигаться было тяжело.

Хотелось пить и есть – впервые с момента болезни. Маргарита огляделась – в лазарете, кроме спящих больных, никого не было.

* * *

К вечеру следующего дня все Заречье болтало и перешептывалось о том, что произошло ночью в лазарете, но Анисья, наслушавшись не один десяток вариаций этой новости, теперь совершенно запуталась. Они с Василисой несколько раз заходили к Маргарите в надежде поговорить, но Густав Вениаминович каждый раз выпроваживал их, объясняя, что все больные спят. Вести о странном происшествии словно сочились прямо из стен избушек, казалось, все вокруг силилось крикнуть о чем-то очень важном, но кто-то намеренно зажимал рты, позволяя довольствоваться лишь пересказами, – одним нелепее другого.

Избушка, где жила Марьяна Долгорукая, оказалась совсем неподалеку – в конце той же улицы. Продолжал накрапывать дождь, небо было бесцветное, словно изможденное, под ногами хлюпала вода. На дороге образовалось настоящее болото.

Сама хозяйка избушки стояла под козырьком крыльца, и при виде Анисьи нетерпеливо, но в то же время радостно махнула рукой.

– Анисья! Наконец-то! – воскликнула она. Мокрый ветер отбросил назад ее каштановые локоны, платье облепило точеную фигурку.

Анисья привыкла считать Марьяну маленькой девочкой – на целых два года младшее ее самой – она относилась к ней как к младшей и обычно умилялась, замечая ее смущение при встрече с Митей. Теперь же у Марьяны был вполне важный вид, словно, попав в Заречье, она получила какую-то власть. Ее крыльцо было украшено позолоченными цветами, от которых исходил неправдоподобно сильный аромат – очевидно, юные Земляные колдуньи перестарались.

Анисья прошла внутрь избушки, следуя за струящимся подолом хозяйки. «Скоро Марьяна перестанет носить небыльский шелк в этой деревне, как только пару раз прогуляется с Велес по здешнему лесу и придет в ужас от того, во что превратится ее дорогое платье».

Внутри все было почти так же, как и в остальных избушках, только чуть отличался цвет стен, и стульев стояло заметно больше, чтобы вместить всех приглашенных. Их оказалось семеро: две Марьянины подружки, три колдуньи, хорошо знакомые Анисье по званым вечерам, сама Анисья и, наконец, Варвара в белоснежном платье, которую когда-то давным-давно

бросил Сева. Эта последняя гостья вызвала у Анисьи недоумение: с какой стати она находится тут, среди дочерей знатных фамилий и Марьяниных подруг? Казалось, что и сама Варвара думает о том же самом. Она была почти самой старшей из присутствующих и все равно неловко озиралась по сторонам, а на вошедшую Анисью и вовсе взглянула с опаской, будто вдруг сильно пожалела, что когда-то пыталась у нее про Заиграй-Овражкина. Варвара взволнованно теребила темную косу, и Анисья, заметив это, в противовес ей постаралась держаться спокойно. Кристаллы-светильники, сделанные в форме двух пышных роз, при ее появлении засияли ярче.

– Прости, Марьяна, но что у нас за... мероприятие? – спросила Анисья, когда все расселись и замолчали и в воздухе отчетливо стала ощущаться торжественность момента. Было слышно, как по окнам постукивает невесомый бисер дождя. Почему-то Анисье стало неудобно, хотя вокруг были давно знакомые лица.

– Это... что-то вроде клуба по интересам, – быстро ответила Марьяна. – Нет-нет, Анисья, не такой клуб, какие устраивает Иван «Клуб», а самый настоящий и серьезный. Перед нами стоит сложная задача. Мы собираемся обсуждать только серьезные проблемы, которые касаются Светлого сообщества, и будем стараться привлекать как можно больше мыслящих и понимающих в этих вопросах людей.

– Тогда я бы посоветовала пригласить... еще кого-нибудь, – выдавила Анисья. – Тебе не кажется, что для обсуждения таких вопросов нас слишком мало? – и тут же вспомнила, что они с подругами тоже пытались разобраться в проблемах Светлых магов, разгадать тайны Заречья, а ведь их было даже не восемь, а всего четверо. Но то были Василиса с Маргаритой и Водяная колдунья, а не дочери древних родов. И отчего-то именно с ними вместе не казалось глупым ребячеством искать сокровища богов, забираться в подземелья. Оглядев собравшуюся компанию, Анисья засомневалась, что захочет обсуждать все это с присутствующими.

– Это же только первое собрание! Затем мы составим список, кого еще стоит приглашать, и будем приглашать... – сказала Марьяна.

– Ясно... – пробормотала Анисья.

– Итак, первый вопрос, который мы должны обсудить, касается сегодняшнего ночного происшествия в лазарете. Ну, угощайтесь, угощайтесь! – Она указала на золоченые пиалы, доверху наполненные фиалками в сахаре. – Полагаю, все знают, что произошло этой ночью? Неизвестный больной из городской здравницы таинственным образом переместился прямо в лазарет на кровати-переправляйке!

– Переместился? – Анисья вздрогнула. – Все-таки это правда? – Ей тут

же стало обидно, что она не смогла узнать этого от Маргариты.

– Нельзя же просто так переместиться в Заречье! – подхватила Елена Трувор. У нее было прозвище «Елена Прекрасная», которое она сама себе придумала. Члены семьи тоже ее так звали, и она очень этим гордилась. – Как ему это удалось?

– Это никому неизвестно, в том числе и самому больному, – вдруг робко сказала Варвара.

– Я забыла представить вам Варвару! – спохватилась Марьяна и указала на «снежинку». – Я думаю, у нее есть некоторые сведения, которые она могла бы сообщить нам. Информация об этом неприятном случае... Правда, Варя? Ты же расскажешь?

– Дело в том, что... – начала Варвара, но Марьяна тут же перебила ее:

– Ее мама работает в здравнице в отделе «бредовых пророчеств». Больного, который неожиданно переместился в наш лазарет, содержат именно там, и в последнее время он твердит о возвращении Милонегги. Хотя все мы знаем, что она давно умерла и ее прах покоится на кладбище Мертвой луны.

– Он сильно бредил, когда вдруг исчез из палаты и переместился в лазарет, – быстро сказала Варя, чтобы хоть малую часть этой истории рассказать самой.

– О, как интересно! – воскликнула Марьяна. – Нина, запиши все, что она сказала.

– Да-да, интересно, но слушать это десятый раз уже как-то надоело, – со скучающим видом сказала Людмила: Маргарита узнала бы в ней бывшего неопита Маливиничка. Она сидела, положив ногу на ногу и откинувшись на спинку стула. – Все трещат об этом с самого утра.

– А я узнала об этом только что, – сказала Анисья.

– Анисья, и что ты думаешь по этому поводу? – Марьяна заерзала на стуле, Ниночка с Настенькой открыли от нетерпения рты.

Анисья не сразу смогла ответить.

– Я думаю, что если все это правда, то такое случайное перемещение постороннего человека в Заречье может значить что-то плохое... например, грозить нам опасностью – мало ли кто еще сможет проникнуть сюда.

– Такая серьезная брешь в защитном механизме может стоить нам жизни! – подала голос молчавшая до этого Саша Велес – троюродная сестра Димы. – Это же древняя магия! Она всегда была сильной и никогда не подводила! А теперь... теперь она как будто стала ослабевать... прямо изнутри...

– Темная сторона где-то набрала силу, – робко ответила Варвара. – Это

действует, словно весы.

– Об этом пока сведений нет, – произнесла Ниночка.

– Мы думаем, что нет, а «Тридесятый Вестник» наверняка напишет об этом завтра во всех подробностях, – снова вставила Людмила. – Наверняка выпустит интервью с каким-нибудь дружинником Ирвинга.

– Может, тогда пригласить на собрание дружинника? – пошутила Анисья и тут же отметила, как ей тоскливо, когда рядом нет Маргариты, Василисы и Полины, чтобы поддержать ее и посмеяться.

– Зато мой папочка сказал... – таинственно начала Марьяна, – будто все Светлое сообщество под угрозой. Сами посудите, брешь в защитной магии и болезни! Будто кому-то удалось добраться прямо до Заречья.

– и этот дождь... – добавила Анисья. – Такой тяжелый, выматывающий, бесконечный дождь.

– Нет-нет, в это время такие дожди здесь бывали часто, – поправила ее Людмила, не сменив скучающего лица. – Пока не появилась Водяная колдунья. Проблемы с погодой – побочный эффект действия некоторых заклинаний, которые делают это место секретным, недоступным никому, а присутствие Полины в Заречье влияло на них. Но если защитное колдовство перестанет действовать – дождь пройдет. Так что лучше радуйтесь ему.

* * *

От дождевых туч стало темнеть слишком быстро, но Василиса, вместо того чтобы в такую погоду оставаться дома, покинула избушку и направилась по тропинке в сторону соседнего леса. Без Анисьи в этот вечер было особенно серо, поэтому она пролистала бересту с записями, наткнулась на растение «Подмоховая цистера» и вспомнила, что эту самую цистеру нужно было собрать.

В воздухе стояла холодная взвесь, но на улицах было не так уж и безлюдно, хотя некоторые колдуны прогуливались явно без надобности – лишь бы не сидеть дома и не умирать от тоски. Василисе казалось, что все они, в том числе и она сама, не идут, а плывут под водой – такая была влажность. От природы густо и еще совсем по-летнему пахло цветами и листьями. Колдунья натянула капюшон и пошла чуть быстрее, надеясь укрыться от этой невидимой липкой воды под кронами деревьев. Лесок, куда она направлялась, был смешанным, и в нем среди берез и осин встречались разлапистые ели с покрытыми мхом островками земли под

ними. В нем-то и скрывалась подмоховая цистера, и отыскать ее могли только Земляные маги-друиды.

В лесу было тихо и пусто. Василиса выбрала подходящее место, опустилась на колени и положила на мох руки. Она закрыла глаза и несколько долгих минут просидела неподвижно. Наконец ей стало казаться, что она слышит все, что происходит вокруг, слышит саму землю и чувствует, как внутри, под ее ладонями, все живет и движется, как тонкие корни раздвигают почву где-то в глубине.

«Я расту, – подумала она. – Я расту, как трава, прямо из земли».

Через некоторое время Василиса открыла глаза: темный влажный мох перед ней покрылся нежными светло-зелеными шишечками, которые медленно-медленно двигались, словно внутри них раскручивались маленькие спиральки.

За спиной послышался звук шагов, но колдунья не обратила на них внимания – мало ли кто мог ходить поблизости, может, кто-то из Земляных тоже наконец озаботился поиском цистеры.

Шаги постепенно приближались, и внезапно шорох травы раздался прямо за Василисой. Колдунья оглянулась – над ней возвышалась фигура Мити Муромца. Он внимательно смотрел на бледные бутоны, набухающие на стеблях цистеры, и как только бутоны раскрылись и превратились в желтые цветы, сел рядом с Василисой и одобрительно воскликнул:

– Вот это круто! У меня так не получается.

– О...

– Я не шучу! – Митя дотронулся до ближайшего цветка пальцем. – Помню, мы с этой цистерой намучились!

– Да, бывает... – кивнула Василиса. Появление Муромца выбило ее из равновесия, из головы вылетело, что нужно скорее срезать цветы. Она хотела было спросить, как Митя нашел ее тут, но отчего-то передумала, решив, что в ее воображении ответ может оказаться гораздо интереснее, чем в реальности. Скорее всего, он просто шел мимо и заметил ее у дерева.

– Ты почему одна?

– А ты почему не у Марьяны? – тут же спросила она.

– А почему я должен быть у Марьяны?

– Так она же... так Анисья у нее... я думала, она вас всех пригласила. Марьяна прислала Анисье приглашение на какую-то встречу...

– Ничего про это не знаю, – простодушно усмехнулся Митя, срезав несколько цветков своим кинжалом и уложив их в Василисин платок. – Слава Солнцу, мне она ничего не присылала.

– Но... ты разве не видел ее?

– Марьяну? Ну почему же, видел. Пару дней назад, кажется.
– А потом? Ну, то есть... Она же твоя невеста.
– Ну и что, – улыбнулся Митя. – С чего это мне с ней видется каждый день?

Василисе ничего не оставалось, как рассмеяться.

– А где же Сева?

– Пребывает в состоянии измененного сознания. Все же это очень сложно – быть целителем. Иногда они перетягивают на себя все болезни пациентов и потом вынуждены от всего этого избавляться. Ну что? Теперь ты пойдешь домой? – спросил Митя, когда они собрали цистеру. – Хочешь, провожу тебя? Мне все равно нечего делать!

– Ну... раз нечего делать... – кивнула Василиса.

По дороге она совершенно не знала, что сказать, и только искоса поглядывала на Муромца. Кожа его была ровного, золотистого цвета. Влажные от дождя светлые волосы ложились безупречными завитками. За лето он сильно повзрослел, черты его лица немного изменились – стали жестче и мужественнее, и тем не менее его сходство с Анисьей не пропало, а даже наоборот будто стало только заметнее.

До края опушки они оба так и шли молча, затем Митя, словно тяготясь тишиной, снова заговорил:

– Тебе не кажется, что Велес озверела?

– Что ты имеешь в виду? – рассмеялась девушка. – Ты же ее неофит, вдруг она узнает, что ты говоришь такое?

– Да, но она запретила даже практику! Конечно, вместо этого у нас появились занятия для души – я видел Анисью в списке желающих освоить варган, но...

– Нет, мы с Анисьей записались на арфу. – Смех Василисы звонко разлился по лесу. Она сразу догадалась, кто наложил чары на Анисьино писало, упорно отмечавшее варган.

– Я заметил, что у главной наставницы просто какая-то мания запирасть нас в четырех стенах. Я понимаю, она заботится о безопасности, но сейчас, когда в Заречье уже начали проникать больные из городской здравницы, это не так уж актуально! А про Праздник военной славы ты слышала?

– Слышала... и очень из-за этого волнуюсь. Велес сказала, что все должны приготовить номера... Но я не очень люблю выступать на публике.

– Я тоже не люблю! Кому сейчас нужны эти печальные баллады о победах великих магов и эпические сказания о богатырях? И Овражкин не в восторге от всего этого. Правда, он сказал, что, раз Велес от него не отстает, он найдет самую слезливую из всех грустных песен, и все, в том

числе и Велес, будут рыдать, раз им так хочется. А ведь у этой нежити получится! Готовьте носовые платки!

Василиса улыбнулась:

– Наверное, этим Вера Николаевна хочет поднять наш боевой дух.

– Я думал, что для этого она ввела обязательную Боевую магию. Кстати, никаких новостей о Полине?

– Нет... Как бы мне сейчас хотелось заглянуть в Ярилину рукопись! – призналась Василиса.

– Не тебе одной. Но этого не может сделать даже Ирвинг – если только они со Звягиновым не придумали, как обходиться без третьего заколдованного кольца.

– Есть какая-то лазейка. Мы же с Анисьей читали рукопись!

– Скорее всего, в тот день книга не находилась под защитой этих самых колец – наверно, кто-то незадолго до вас подходил к книге и, возможно, не успел сразу же скрыть ее от посторонних глаз. Иначе Ирвинг бы понял, как можно обратиться к Рукописи без кольца, и уже узнал бы, как найти логово Темных магов!

– Но дело в том... что в Ярилиной рукописи не так-то просто найти ответы на такие вопросы. Я же сама ее видела. Возможно и то, что Ирвинг ищет, ищет в ней ответ! Но ведь эта книга – не список адресов. Это совсем другое...

– Хм. Возможно, ты права.

Они остановились возле нужной избушки.

– Я давно хотела спросить... – начала Василиса, – ведь раз существует Ярилина рукопись, то должны существовать и другие сокровища, которые оставили боги... ты не думаешь? Почему вы не пытались их найти?

– Как это не пытались? Еще как пытались! – Тут Митя кивнул в сторону крыльца, и легкий румянец залил его щеки. – Можно мне зайти?

– Да-да, конечно! – спохватилась Василиса, и избушка низко присела, гостеприимно подставляя свою лестницу. – Ну так что? – спросила она, когда они зашли в теплую комнату и сняли мокрую обувь.

– Не все так просто, но кое-что нам удалось узнать. – Митя сел за стол и с осторожностью стал перебирать оставленные на столе склянки. – Наше поместье отмечено планетарной руной Солнца – это то же самое, что Щит Дажьбога, ну ты и сама знаешь. И если Ярилино копье – это оружие, то щит – это то, что должно от оружия защищать. Что может служить защитой? Защитой от тех знаний, которые хранятся в Ярилиной рукописи, или просто от чего-то, что может нанести вред? Здесь задействована защитная магия, именно магия...

– Постой-ка... – Василиса села напротив Мити и, забыв про цистеру, уставилась на него. – Всегда же говорят, что вы, Муромцы, непобедимы.

– Непобедимы – это слишком громко сказано, – улыбнулся Митя, кивая на свою руку, раненную не так давно заклятьем Рассечения. – Но у всех нас действительно есть какая-то защита. Я думал над этим. Ты ведь видела медальон, который носит Анисья? Такие медальоны у всех членов нашей семьи. У всех абсолютно одинаковые медальоны. Их магия действует только на тех, в ком течет кровь Муромцев, и на тех, кому мы отдаем свой личный медальон. Никто чужой не может снять его с нас – ну, тут все как с кольцом, которое сняли со Святогора, только когда убили его и отрубили ему палец.

Василиса поежилась.

– Наталкивает на что-то, правда? – продолжал Митя. – Сколько было наших предков? Сколько будет потомков? И у всех эти медальоны... Считается, что именно из-за них мы так неуязвимы. Я подумал, что дело тут не столько в их форме, сколько в материале, из которого они делаются. Это золото. Какое-то специальное заговоренное золото. Золото – щит... Теперь ты понимаешь?

Василиса молча кивнула, не сводя с Муромца горящих глаз. За окошком снова застучал дождь.

– Но наших предков было слишком много. – Митин голос стал тише. – Откуда столько странного, волшебного материала, который делает весь огромный род непобедимым и богатым? Откуда столько золота? Я был в сокровищнице. Там нет несметных золотых гор, как принято думать. Но есть кое-что другое. Неиссякаемый золотой слиток.

– Что? – вскрикнула Василиса. – Неиссякаемое золото?

– То, что еще называют неразменным червонцем. Это ведь считается чистой воды выдумкой, – усмехнулся Митя. – Но это правда. Я проверил. Это то, что хранится в сокровищнице, то, что охраняет Гамаюн и другие... древние силы.

– Невероятно! Невероятно... – Изумленная Василиса покачала головой. – Еще один туннель ведет... к Севиному дому, я правильно понимаю? Меркурий – это ведь никакая не здравница, а дом потомственных целителей.

– Да, именно, – охотно отозвался Митя, радуясь интересу Василисы к его истории. – Меркурий, он же – Велесов Шлем. Но, к сожалению, у Заиграй-Овражкина мы пока ничего не нашли.

– Но вы же догадываетесь, что надо искать?

– Да мы уже сто лет думаем над этим! Смотри, – Митя подался

немного вперед, словно желая скорее донести смысл своих слов, – шлем тоже защищает, но защищает именно голову. В этом его принципиальное отличие от щита.

– Значит, это что-то, связанное с головой...

– Возможно, это и правда какой-нибудь головной убор. Мы перебирали все: шапки-невидимки, волшебные колпаки, рога – ну и все остальное, что можно хоть как-то приложить к голове. Но кого всем этим удивишь? Это должна быть единственная в своем роде вещь!

– Действительно... – На миг Василисе даже показалось, что она сама идет по темному подземелью, что руки ее ищут потайную дверь, за которой скрывается разгадка. Еще совсем чуть-чуть, и она вот-вот узнает секрет руны Велесов Шлем или какой-нибудь другой из рун... – Значит, ничего вы не нашли?

– Мы не знаем, где именно искать. В доме у Овражкиных нет сокровищницы, нет никаких тайников. Нет даже входа в этот самый туннель!

– Нет? А как же туда попасть?

– Надо спрыгнуть в колодец.

Не успела Василиса изумиться, как щелкнул дверной замок, дождь на несколько секунд стал громче и отчетливее, а затем снова затих – это Анисья залетела в избушку вместе с ветром и с трудом закрыла тяжелую дверь.

– Привет, – привычно бросила она и, только когда сняла тонкий промокший плащ, повернулась и увидела за столом брата. – Митя? Что это ты здесь делаешь?

– Как что? Тебя зашел навестить! И не застал.

– И зачем же я тебе понадобилась? – недоверчиво уточнила Анисья.

– А что, я просто так не могу проведать любимую сестру?

– Перестань пудрить мне мозги. Ты никогда не зайдешь, просто чтобы проведать меня.

– Ладно-ладно, не кипятись! – засмеялся Митя. – Лучше расскажи, что это у вас была за встреча с Марьяной, куда меня не позвали.

– Мы решали проблемы вселенской важности. – Анисья тоже уселась за стол и, остыв, повернулась к брату. – Нет, я не шучу. С одной стороны, Марьяна неплохо придумала – собирать у себя интересных людей и обсуждать все проблемы, касающиеся Светлых магов. А с другой, пока что большинство присутствующих можно назвать «интересными» людьми с большой натяжкой. Я предложила приглашать хотя бы парочку парней, а то все разговоры девушек в конечном счете сводятся к сплетням. Я выставила

твою кандидатуру на следующее собрание.

– Что? – воскликнул Митя.

– А то, что ты достаточно много знаешь. Правда, Марьяна так смутилась, что покраснела, как вареная свекла. Она почему-то сильно тебя стесняется.

Митя усмехнулся.

– И какие же вопросы вселенской важности вы обсуждали? – поинтересовалась Василиса.

Анисья рассказала о незнакомце, переместившемся ночью в лазарет, и затем добавила:

– Всех, конечно, больше всего интересует исчезновение Полины. Я думаю, об этом они будут говорить еще очень долго... Но пока что все топчутся на одном месте.

– Что ж, жаль, что Марьяне не пришло в голову решение этой проблемы, – иронично заметил Митя и встал. – Ладно, мне пора уходить.

– Кстати, где Сева? – спросила Анисья.

– Где надо. Ну, счастливо оставаться. Мне завтра рано вставать на боевую магию.

* * *

В недрах Лысой Горы стало тише, только главная наставница продолжала сидеть за центральным столом: перед ней и над ее головой зависли свитки пергамента и бересты, которые то и дело менялись местами, выстраиваясь в определенном порядке. Из боковой двери вышла Лиса и направилась к выходу, однако Вера Николаевна ее окликнула:

– Ты разобралась с Воздушными? – спросила она. Помимо бересты над главной наставницей висело облако тяжелых раздумий и трудных решений.

– Да.

– А с боевой магией?

– Нет.

– Жаль. Время идет. Ирвинг будет не рад такому промедлению. Но ты не сможешь быть единственным наставником.

– Я справлюсь. И готова начать хоть завтра, – ответила Лиса, хотя понимала, что переубеждать Велес бесполезно: та знала что-то такое, что было недоступно другим, даже остальным опытным наставникам.

– Только подумай, это же почти сто разновозрастных колдунов! –

воскликнула Вера Николаевна. – Ты растратишь все силы.

– Вы знаете мое мнение. Пригласите Македонова. Всю эту толпу можно легко поделить между нами.

Вера Николаевна глубоко вздохнула, что-то мешало ей сделать этот выбор. Берестяные свитки над ее головой снова пришли в движение.

– Ни у кого больше нет подходящего времени... – наконец сказала она. – Только у Густава, но он не хочет помогать. Может, тебе удастся его уговорить?

– Вы серьезно полагаете, что он сможет учить кого-то боевому искусству?

– А Нестор Иванович? – с надеждой спросила Велес, но сама тут же покачала головой.

– Да неужели вы не знаете, как они себя ведут на Боевой магии? – улыбнулась Лиса. – Это же вам не Дружинники! Так что нужен авторитетный наставник – Македонов или вы.

– Я? Вот еще не хватало! – Главная наставница вздрогнула. – А ты, значит, тоже авторитетный наставник?

– Я могу ими управлять.

– Ну, а что ты думаешь о Вещем Олеге?

– Его мы уже обсуждали.

– Верно. К сожалению, Олег слишком занят, все эти его заседания в Вече... – Вера Николаевна с разочарованием поглядела на стопку бумаг, словно только все эти записки и схемы были виноваты в том, что она не могла найти нужного наставника. – Как же я могу согласиться на Македонова? После того, что случилось?

– А что случилось? – Лиса сверкнула глазами.

– Старейшины не уверены в его невиновности. Это темная история...

– А лично мне в этой истории все понятно. И вам тоже, я знаю, – возразила Дарья. – И прошу вас, давайте закроем тему. Сделайте его наставником по Боевой магии, и вы увидите, что не только я, но и воспитанники ему доверяют. Судите по тем поступкам Македонова, которые мы видели своими глазами, а не по тому, о чем шепчутся Старейшины. Он сделал из бестолковых Огненных нормальных магов, догнавших в мастерстве колдунов других стихий. Из этих эмоциональных холериков, не способных контролировать даже свой голос во время разговора, он сделал уравновешенных и сильных колдунов. Его воспитанники не только ночи напролет распевают песни и мешают спать колдунам с соседних улиц, но еще и занимаются самостоятельными практиками. Проводят время в уединении, в размышлениях и в медитации.

Они растут. Их дух крепнет. Это замечаю не только я.

– Хорошо, я назначу его, но только временно.

«Неужели сдалась?» – подумала Лиса.

– Наставником по Огненной магии вы его тоже назначали лишь временно – так что это хороший знак.

* * *

Заречье робко плакало, роняя редкие капли дождя на макушки посвященных, – те вереницей тянулись на Боевую магию. Холодный ветер обнимал их, старался утешить, но парни и девушки лишь сильнее хмурились и прятали носы за воротниками непромокаемых плащей. Мало на чьих лицах читалось воодушевление. Впервые всем им пришлось идти на встречу с наставником не по собственному желанию.

– Столько всего навалилось на нас за последнее время... – тихо говорила Людмила, кутаясь в вязаный шарф. – Я чувствую, как что-то высасывает из меня силы! Особенно после вчерашних разговоров у Марьяны Долгорукой. Я не хочу ни с кем сражаться. Не хочу даже соприкасаться с чем-то, что может быть связано со злом, с разрушением...

– Ну а как же самозащита? – отвечал ей Арсений. Он увлекался Боевой магией уже несколько месяцев и был в числе тех немногих, чье настроение в этот час было ближе к хорошему. – А если вдруг тебе придется кого-нибудь защищать? Тебе ведь нужно уметь это делать!

– Если бы мы могли научиться только защите!

– Не воспринимай так близко к сердцу, – посоветовала ей Аленка. – Не всем нам быть Боевыми магами. Дарья Сергеевна понимает это. Встречи с ней проходят легко, будто это все шутка или какая-то игра, хотя на самом деле она учит очень полезным вещам. Постарайся не думать, что теперь тебе действительно это может понадобиться.

– И ты об этом! – всплеснула руками девушка. – Неужели все из-за Водяной колдуньи? Все верят, что теперь она станет нашим врагом. Верят, что благодаря ей Старообрядцы обретут какую-то небывалую силу. По моему, это чушь. Полина не могла колдовать с нами, неужели она так легко научится колдовать со Старообрядцами? Вот увидите, ничего не изменится! Никакого темного Союза четырех стихий не появится!

– Я бы не была так уверена, – покачала головой Аленка. – Что-то плохое уже случилось. Люди шепчутся о том, что Темные набрали силу. Равновесие нарушено.

– Слухи! – возразил Арсений.

Лиса ждала в центре круглой поляны. Ее желтые глаза были безжизненны, лицо непривычно серьезно – глядя на нее сейчас, вряд ли кто-то поверил бы, будто она собирается превратить встречу в игру.

В нескольких шагах от нее стоял Александр Владимирович Македонов. Его могучая фигура с развевающимися от ветра темными волосами возвышалась, как огромная скала. Он безмолвно оглядывал магов, не обращая внимания на стекавшие по лицу первые капли решившего все-таки начаться дождя.

Когда все были в сборе, Дарья Сергеевна велела выстроиться кольцом.

– Доброе утро, посвященные, – сказала она. – Теперь изучение Боевой магии обязательно для всех, кто остался жить в Заречье. Так решил Ирвинг. Но вас слишком много, чтобы практиковаться всем вместе. Пока будет два наставника. Моя задача разделить вас, но я не знаю, по какому принципу это сделать. Если оставлю себе только тех, кто уже знаком с азами боевого колдовства, то это будет сравнительно маленькая часть. Поэтому в первую очередь я предлагаю тем, кто захочет, перейти к Александру.

На этом она замолкла и остановилась, обойдя лишь половину круга. Прошло несколько секунд, но никто не шевельнулся.

– Вы прямо сейчас можете подойти к Александру Владимировичу. Это и будет означать, что он теперь ваш наставник по Боевой магии.

И снова никто не сдвинулся с места. Маги начали переглядываться, всех охватила неловкость. Редкий дождь стал превращаться в ливень, зашелестели под его ударами листья на деревьях, воцарившееся на поляне молчание стало только заметнее.

– Друзья, скажите, вы осознаете, с чем мы все столкнулись? – Лиса возобновила движение по кругу, теперь нарочито заглядывая каждому в глаза. – Никто не знает, что точно произошло, но все мы видим результат. Да, кто-то из вас сомневается, что наши собратья, использующие магию крови, смогут испортить вашу мирную жизнь. И вас совсем не пугает то, что они заполучили Водяного мага? Тогда мне придется рассказать вам еще кое-что. Велес совершенно против того, чтобы кто-то это знал, но я позволю себе открыть тайну. Может, хоть она сделает вас решительными?

Лица колдунов удивленно вытянулись. Страх еле заметным туманом застыл среди собравшихся. Лиса прищурилась и бросила довольно резко:

– Я напому вам об одной, давно сгинувшей колдунье. Она была известна тем, что подчинила себе три стихии и стала Союзом стихий в одном лице. Страшная легенда, больше похожая на выдумку... Все знают, о ком я говорю? Но та темная история не закончилась с ее смертью. У

Милонеги есть потомок. Не те псевдо-сыновья, которыми провозглашают себя Темные предводители, а настоящий потомок-маг, о котором знали лишь мы, но о котором теперь, без сомнения, узнают и Темные. – Лиса оглядела круг, все затаили дыхание, тревога читалась на лицах колдунов. – Это Водяная колдунья. Полина Феншо – правнучка Милонеги.

Раздались тревожные возгласы, по кругу пронесся шепот.

– И правнучка Милонеги теперь со Старообрядцами. Хоть на секунду представьте последствия, если она с ними и останется. А сейчас разделитесь на две группы, живо!

В ту же секунду толпа зашевелилась, и Сева с Митей, а за ними Арсений с Аленкой, поравнялись с молчавшим и удивленно поглядывавшим на Лису Странником. Муромец и Заиграй-Овражкин, уже не обращая внимания на всполошившихся, перепугавшихся товарищей, вели тихую беседу, переговариваясь еле слышно и все больше показывая что-то взглядами.

Тем временем к ним присоединились несколько девушек, следовавших, очевидно, за сыном целителя, пара Огненных колдунов и двое Земляных.

– Это все? – спросила Лиса. – Не густо!

– Для первого раза достаточно, – остановил ее жестом шрамолицый наставник.

– А что я буду делать с такой толпой? – не скрывая разочарования, возразила Дарья Сергеевна.

Странник ничего не ответил, только как-то по-доброму, чересчур приветливо подмигнул и повел небольшую группку магов сквозь заросли березняка к месту их новых практик. Когда вся немногочисленная компания остановилась в центре поляны, Александр заговорил:

– Я понимаю, что погода и напутственные слова Дарьи Сергеевны не способствуют приподнятому настроению, но мне хочется, чтобы сейчас вы сосредоточились исключительно на колдовстве. Как я понимаю, некоторые из вас уже знакомы с Боевой магией? – Он вопросительно посмотрел на собравшихся. Сева, Митя и Арсений с Аленкой кивнули.

– Так, теперь разберемся со стихиями: Огненных только трое – Марфа, Игнат и Дима.

– Остальные потухли под таким ливнем, – пошутил Арсений, а Митя с Севой удивленно обернулись – на общем сборе они не заметили Диму Велеса, а сейчас он стоял недалеко от них.

– Сева и Арсений – Воздушные. Есть еще кто-то Воздушный?

Две невысокие девушки, державшиеся вместе и непонимавшие, как

так вышло, что они променяли Лису на этого почти не знакомого наставника, робко подняли руки.

– Вы... – Странник вопросительно посмотрел на них.

– Даша и Света, – ответили они. – Но вообще-то я Земляная, – тут же подала голос вторая девушка, хихикнув.

– Хорошо. Кроме вас Земляные маги: Муромец... – Странник снова запнулся, понимая, что не знает по именам никого из Земляных. Но Митя быстро пришел ему на помощь:

– Это Алена и Матвей с Ярославом.

Аленка и два коренастых брата-близнеца кивнули.

– Хорошо. Времени у нас не так-то много, поэтому придется учиться по ходу дела. Ориентируйтесь по обстоятельствам, вспоминайте все, с чем вы сталкивались здесь на протяжении последних лет. Каждый раз оказываясь на распутье, вы выбирали дорогу, которая в итоге привела вас ко мне. Любая мелочь будет важна. Ведь даже обычное бытовое колдовство при умелом обращении может оказаться отличным боевым. Теперь, думаю, пора начинать двигаться, иначе вы совсем окоченеете. Я разобью вас на пары, а вы покажете, на что способны.

Сева оказался в паре с розовощекой красавицей Марфой, а Митя – с миниатюрной Дашей, которая, несмотря на то что уже прошла Посвящение, выглядела еще совсем ребенком. Друзья с недоумением переглядывались, не понимая задумку наставника. Их немой вопрос тоненьким голоском озвучила Света:

– Извините, но я не могу быть в паре с Арсением.

– Почему?

– Он же уже знает что-то из Боевого колдовства. К тому же он Воздушный, а я владею магией Земли.

– К сожалению, – Александр убрал с лица мокрую прядь волос, обнажив шрам, – Темные чаще всего не спрашивают, какой вы стихии и обучались ли Боевой магии. На наших встречах вы должны научиться не только защищаться, но и атаковать и использовать для этого все свои знания, полученные ранее. Умение атаковать совершенно не означает, что вы должны делать это первой. Но когда придет время, если оно придет, – Александр сделал ударение на слове «если», – вы должны суметь это сделать. Именно поэтому я ставлю в пару магов разных стихий и разной силы – вы должны узнать их слабые стороны, сами прочувствовать их. Вам всем нужно научиться побеждать более сильного противника и не расслабляться перед уступающим вам.

Македонова слушали в тишине, которую нарушал только мерный

шелест дождя.

– Закончим лирическое отступление и вернемся к практике, а то еще немного, и нас просто зальет. Итак, вам нужно повалить противника на землю или обездвигить его.

Все оставшееся время Александр больше не возвращался к поучительным наставлениям. Он ходил между колдунами, которые пытались доступными способами атаковать своего противника, и только делал редкие замечания:

– Света, не старайтесь одолеть Арсения силой, это же Воздух.

– А я – Земля! – резко ответила колдунья, поднимаясь из лужи после очередной атаки Воздушного мага.

– Илья Пророк сказал бы тебе: «Не плюй против ветра», – весело заметил Митя, уворачиваясь от стайки осенних листьев, поднятых порывом сильного ветра.

– Или «Семь раз отмерь – один отрежь», – добавил Сева. – Но это слишком философски.

– Именно! «Смекалка и воду останавливает!»

– Еще он бы точно сказал, что «Пока битва впереди – храбрецов хоть пруд пруди!».

Митя не успел ответить: на этот раз ему пришлось уклоняться от длинной ветки березы, которую Даша с помощью магии направила прямо на него. Миниатюрная Воздушная колдунья то забрасывала Муромца ураганом из листьев, которые летели ему в глаза, то запускала сильный поток холодного воздуха, так, что он не мог продохнуть, теперь же в ход пошли ветви деревьев – Митя едва успевал отдышаться и атаковать в ответ. В конце концов волей дерева завладел он, и береза нагнулась, схватив Дашу цепкими ветвями за руки и за ноги, так, что та даже не могла шевельнуться.

– А сейчас я защекочу тебя до смерти, – сказал Муромец, приближаясь к сопернице, и та завизжала:

– Нет, Митя! Только не это! Я сдаюсь!

Наставник, удостоверившись, что Митя не собирается исполнять угрозы, приблизился к следующей паре.

– Найдите его слабые стороны и используйте силу своей стихии. – Александр вновь обратился к Свете, которая теперь стояла и, тяжело дыша, отряхивала плащ от грязи. – Вы друид?

– Да.

– Ну вот, – колдун понизил голос, чтобы Арсений его не услышал, – обратитесь за помощью к силе природы. Почему все вы думаете, что боевая магия – это только огненные шары, щиты и разряды молний?

В следующий миг ничего не понимающий Арсений уже растянулся на мокрой земле, с удивлением глядя на свои ноги, увитые каким-то растением, а Света победоносно смотрела на поверженного противника.

Колдуны входили в азарт. Аленка, которой достался в пару Ярослав – один из братьев-близнецов, – еле успела создать щит, чтобы отразить летящий прямо на нее ком мокрой земли.

– Ярослав, Алена, – окликнул наставник. – Забудьте о том, что вы маги одной стихии – будьте хитрее. Ищите у противника слабые стороны. Кто с какой руки атакует, на какую ногу опирается – все это очень важно. Алена, воспользуйтесь своим преимуществом! Вы хоть и меньше, чем Ярослав, но зато можете быстрее двигаться. Не пытайтесь мериться с ним силой, померяйтесь ловкостью – утомите его.

На голову Ярослава тут же посыпалась целая череда неизвестных ему чар, от которых он под конец стал отбиваться, словно от полчища насекомых. И как раз в этот момент Алене удалось удачно атаковать его с другой стороны, так, что коренастый, но не очень поворотливый колдун не смог увернуться и упал.

Пока он поднимался, колдунья переводила дух и даже подпрыгнула от неожиданности, когда увидела, что ее противник находится уже на другой стороне поляны – такой скорости она от него ожидала. Только через пару секунд девушка поняла, что это был Матвей, его близнец, который пытался выпрыгнуть из огненного кольца, сотворенного вокруг него Игнатом и Димой.

В это время Марфа всячески пыталась атаковать Севу, но тот словно предугадывал все ее действия. По сравнению с остальными магами, которые уже выбились из сил, Заиграй-Овражкин выглядел самым бодрым – его соперница никак не могла нащупать его слабое место.

– Марфа, постарайтесь атаковать его не улыбкой, а колдовством, – строго велел наставник. – Он ведь даже не прилагает усилий, словно с потусторонней сражается. Неужели с такими способностями вы получили руну отличия по Стихийной магии?

Именно в эту минуту Огненная колдунья метнула в Севу сноп искр. Воздушный маг еле успел прикрыть глаза, чтобы спастись от неизвестного колдовства. Когда он наконец пришел в себя, то увидел Македонова, который стоял рядом с Марфой и что-то объяснял ей. Реакция его была молниеносной – вытянуть руки вперед. Одна линия: глаза, пальцы, воля... Отличный подвернулся случай, чтобы проверить новые чары. Он представил, как соперницу откидывает назад, и Отбрасывание тут же сработало. В ответ щит, отлично! Это именно то, что нужно, чтобы увидеть

все ее незащищенные мысли. Он схватил руками воздух, будто нащупал там что-то, за что можно было зацепиться. Все, что в этот момент пронеслось в головах у Марфы и стоящего рядом наставника, тут же предстало перед его глазами.

«Силовой шар», – понял Сева подсказку Странника. Но он был совсем не готов, что Марфа применит эту магию так быстро. Не успев защититься, Заиграй-Овражкин навзничь упал в самую грязь. Александр Владимирович резко повернулся к нему, в его глазах мелькнуло недоумение – без сомнения, он понял, что только что произошло.

– Молодец, Марфа, – произнес наконец наставник. – Только в следующий раз некому будет разозлить тебя, да и отвлечь противника.

* * *

Если не смотреть на календарь, очень трудно понять, какой сейчас день и вообще быстро ли или, наоборот, слишком медленно, проходят недели. Сегодня было похоже на вчера и, можно не сомневаться, будет похоже на завтра. Холодный дождь лил стеной, лишь изредка ненадолго переставая. Опытные колдуны пытались извлечь из дождя пользу, рассуждали об упорстве природы, втолковывали юным магам свои теории о том, как важно наблюдать за этим необычным и непрерывным явлением. И все же каждый из них предпочел бы, чтобы дождь скорее закончился. Анисья уже не верила в то, что подобный дождь «случался здесь часто» до появления Водяной колдуньи, как сказала Людмила. Может, осадков раньше было и больше, но уж точно они не наводили такую тоску, иначе об этом твердили бы все, например, ее брат Митя.

– Какие красивые сапоги! Новые? – спросила Забава у шагавшей чуть впереди Анисьи.

– Да, только вчера доставили. – Анисья вытянула ногу, почти равнодушно посмотрев на обновку, и тут же чуть не поскользнулась. Благо рядом оказалась Василиса, которую она успела схватить за руку.

Она опасливо глянула на утреннюю лужу, в которую могла бы упасть. Подол шерстяного платья, и так укороченного до колен, чтобы не промок, был теперь забрызган грязью, как и чулки.

Навстречу девушкам прошли старшие колдуны, возвращавшиеся с Боевой магии, за ними следовала Дарья Сергеевна.

Вскоре за небольшим подлеском на возвышении показался теремок, там обычно ждал юных магов наставник Легендологии. Внутри было

тепло, все принялись снимать плащи и рассаживаться по местам. Но даже несмотря на уют и сухость, настроение магов вряд ли можно было назвать хорошим. Во взглядах ощущалась тревога, волнение, всех тяготила одна и та же безрадостная мысль о Темных и о похищении Водяной. Воспитанники вели себя тихо, не смеялись и с напряжением ждали наставника.

Вещий Олег появился пятью минутами позже. Его нестрогое, безмятежное лицо на этот раз было немного угрюмо. Анисья с Василисой сели на ближний к нему диванчик и с нетерпением стали ждать очередной легенды, которая – в этом они были уверены – должна коснуться Темной стороны. Однако почти сразу они поняли, что ошиблись.

– Сегодня легенда будет посвящена одному древнему сокровищу, некогда утраченному Светлым сообществом. Кто-нибудь из Огненных, будьте добры, вскипятите нам воду для чая.

Начал он без особого интереса, затем на пару минут умолк и стал глядеть в окно. Фадей и Оля тем временем набрали воды в большой самовар и, приложив к нему ладони, попытались нагреть.

– Анисья, не передашь мне чашку? – Наставник повернулся к Земляным колдуньям, сидевшим ближе всех.

– Держи. – Анисья выбрала одну из чашек, замерших на полке ровным строем, и протянула наставнику.

– Ты назвала его на «ты»? – шепнула Василиса.

– Я с детства его так называю, и на званных вечерах в нашем поместье он этому очень даже рад. Только здесь слишком важничает. – Она оглянулась, чтобы убедиться, что Олег ее не слушает.

Наставник, казалось, не заметил ее фамильярного обращения. Рассеянно налив воды из самовара, он вернулся на свое место.

– Оля, Фадей, спасибо. Остальные... нет, у вас настрой совсем не для легенд, вы сейчас как будто не здесь. Сосредоточьтесь. По моему хлопку в ладоши вы должны вернуться в эту комнату.

– Запишите куда-нибудь, – продолжил он. – «Источник трех вод». Легенда странная, сохранились лишь обрывки. В конце подумаем вместе, почему могло исчезнуть это сокровище. Итак, источник трех вод считался важнейшим божественным даром.

Василиса вдруг выпрямилась и совсем по-иному взглянула на только что написанное заглавие. Вот сейчас она действительно «вернулась» на встречу с Вещим Олегом и ощутила каждый уголок пространства вокруг, будто эти стулья, тумбочки, шкафы и маги скрывали какую-то любопытную тайну, которая вот-вот вырвется наружу.

– Божественный дар... – пробормотала она.
– Что? – переспросила Анисья.
– Бо... нет, объясню потом, Вещий Олег смотрит на нас.
– Почему божественный? Да потому, что только им, богам, было под силу создать то, что текло в двух из трех русел этого таинственного источника. Но! – Вещий Олег встал со своего кресла и поднял вверх чашку с чаем. – Мы уже обсуждали с вами то, что под «богами» в разных легендах подразумеваются абсолютно разные существа. Мы знаем те дни, когда богами потусторонние нарекали обычных колдунов. И сами колдуны, будучи не всегда просвещенными и посвященными, могли принять за бога очень могущественного и одаренного собрата. Итак. Источник трех вод, если бы мы знали его местонахождение, ныне представлял бы из себя три высохших русла. Когда-то же в одном из них бежала нескончаемая живая вода. Вы понимаете, что это значит? Не требовалось специальных мест, которые в наше время так сложно найти, пригодных для животворения воды, не требовалось ни знатока в этой области, ни... Водяного мага. Живой водой были обеспечены все колдуны, живущие рядом с этим источником. Второе русло, по легенде, было наполнено мертвой водой. Мертвая вода используется не только для заживления глубоких ран, но и для перемещения по миру духов. Третье русло, наполненное простой водой, служило проходом, через который возможно было подобраться к первым двум. Кто-то говорит, что создать такой источник было под силу лишь Перуну, некоторые легенды упоминают некоего Кресеня, чей трезубец якобы имел власть над водой и мог создавать колдовские источники там, где их нет...

* * *

Когда Маргарита узнала, что пролежала в лазарете чуть больше восьми недель, ей стало не по себе. Сменились два полных лунных цикла. Целых два месяца. Пролетело восемь выходных дней. Нет, у девушек их было больше, вспомнила колдунья. Но что делали в Полнолуние и в Новолуние ее подружки? Кажется, они навещали ее несколько раз... Но все это было словно в далеком сне. Сны стали для нее особенной, важной темой для размышлений. В одном из них она бродила по ночному лесу: лапы столетних елей образовывали полупрозрачные своды, хвоя мягко шуршала под ногами, пахло смолой и сыростью – все было точно наяву. Медленно взошла луна, ее невозмутимый лик навис над острыми

макушками деревьев. Маргарита шла, раздвигая руками ветви. Она что-то искала. Лишь внезапно выйдя к перекрестку трех дорог, она почувствовала, что колотившееся сердце уgomонилось. Кажется, именно сюда вел ее путь. Она огляделась. Было тихо, не доносилось ни шороха. Луна казалась одушевленной: она как будто наблюдала за ней с высоты. Страх почти не было, он лишь коснулся ее своим призрачным крылом, когда на одной из дорог что-то зашевелилось. Маргарита обернулась и увидела приближающуюся старуху. Сгорбленная фигура, окутанная кладбищенским мраком, безмолвно ступала, подволакивая одну ногу, и остановилась, не дойдя всего пару шагов до перекрестка. В тот же миг кто-то появился на второй дороге.

Навстречу двигалась высокая, очень полная женщина. Красота ее крутых бедер, колыхавшихся под слоями тонкой ткани платья, казалась неоспоримой, словно это была древняя богиня, необъятная мать-Земля, носящая прямо на своем теле холмы и вулканы, болота и реки, леса и города. Черные волосы вуалью ложились на лицо, ветер поднимал к небу длинные пряди – с них сыпались звезды.

Женщина тоже остановилась. Маргарита пыталась взглянуть в ее лицо, но не хватало света.

– Встречаясь со злом, – сказал знакомый голос, который она уже не раз слышала во снах, – колдунья просто делает глубокий вдох и идет дальше своей дорогой.

– Встречаясь с болью, – вдруг голос стал громче, будто кто-то выкрикнул эти слова прямо Маргарите в ухо, – колдунья просто делает глубокий вдох и идет дальше своей дорогой.

Слова эхом разносились по лесу, становясь громче и нестерпимее. Захотелось сжать голову руками.

– Встречаясь с несправедливостью, колдунья просто делает глубокий вдох и идет дальше...

– Своей дорогой, – прошипела старуха и кивнула на последнюю дорогу перекрестка.

Сны были тем и хороши, что в них не требовалось задавать вопросов. Маргарита все поняла. Она шагнула на свободную тропинку и обернулась. Обернулась – и ужас накрыл ее... Она увидела свое отражение в облике этих страшных видений. Она была старухой. Она была той полной женщиной. Она была собой. Она была всеми ими сразу. И она была...

Голос, что доносился одновременно со всех сторон, не дал додумать эту мысль.

*В полночь папоротника цвет
Решит судьбу и даст ответ.
Исчезнет боль, исчезнет твердь,
Страстей и страхов круговерть.
Я замыкаю круг.
Я – смерть.*

Маргарита подскочила на кровати. Оказалось, что в тот раз она проспала меньше часа. Никогда еще время не тянулось для нее так странно. Об использовании времени в колдовстве должен был этой осенью рассказывать наставник по физимагии. И впервые за последние дни Маргарита вдруг задумалась о том, какие наставники ей ближе и интереснее, а с какими можно перестать видеться. Эбонит Павлович однозначно попадал в список первых.

– Чаровник сегодня еще не пила... – От звука этого голоса Маргаритина спина покрылась липким потом. Голос из ее сна? Нет, просто наваждение.

Перед ней стояла Кассандра Степановна и держала в руке серебряную ложечку с зельем.

Если бы это именно Кассандра появлялась в ее сне, она ведь должна была бы намекнуть Маргарите? Подмигнуть? Обронить такую фразу, по которой она обо всем догадалась бы? Но нет, гадалка лишь сунула ей ложку с зельем и тут же сказала кому-то за ширмой, очевидно, продолжая старую тему:

– Ну а строительство домов в Долине Гремящих Ветров? Как они могли это допустить?

– Вы против? – спросил кто-то из-за ширмы.

– Еще бы, голубушка! Жизни там людям не будет.

– Это пророчество?

– Можете считать, что да! – рявкнула цыганка, выдернула ложку изо рта Маргариты и удалилась, качнув бедрами и задев ширму.

Маргарита снова осталась одна. Два месяца в лазарете, подумать только, это же целая вечность! И за эту вечность никаких новостей о Водяной колдунье.

Девушка прислушалась к шелесту травы. Первое время она никак не могла понять, откуда доносятся все эти звуки: щебетание птиц, шуршание высохших колосьев, стрекот кузнечиков. Все окна были плотно закрыты и даже занавешены, но в лазарете всегда было свежо, словно ранним летним

утром. Естественно, объяснить все это законами логики колдунья не могла, поэтому просто перестала об этом думать. В конце концов, что удивительного в стрекотании кузнечиков, когда за стенами обычные на первый взгляд подростки поднимают предметы силой мысли и непринужденно превращаются в лесных зверушек.

Да, обычные подростки. Это-то никак и не могло уложиться в голове. В их внешности не было ничего такого, что выдавало бы наличие сверхъестественных способностей, – разве что чересчур длинные волосы у девушек. Но когда Маргарита вспоминала подруг и друзей из своей прошлой жизни, то невольно представляла их более приземленными. Теперь ей казалось, что у них не было такой осанки, таких таинственных глаз, такой плавности движений. Это было похоже на игру воображения, но ее бывшие друзья всегда виделись ей более блеклыми, чем обитатели Заречья – в них словно было меньше жизни, меньше красок и характера.

Маргарита потянулась к тумбочке и сняла верхнюю книжку со стопки – кто-то принес их сюда еще неделю назад, но сил читать у нее не было. Книга называлась «Основы метафизики» и начиналась разделом «Душа». Вступление колдунья осилила: в нем приводились теории происхождения души. Говорилось о магических традициях разных стран, восточной медицине, представлениях потусторонних, их религиях, но чем больше всплывало легенд, убеждений и описаний, тем сложнее становилось понять, что же такое душа на самом деле.

«Надеюсь, в конце концов книга это объяснит», – подумала Маргарита, и перелистнула несколько страниц, возвращаясь к оглавлению.

Когда приходит душа. Многодушие. Бездушие. Бездушие? Один из пунктов привел ее в замешательство.

Ее чтение прервал внезапно появившийся Слава. Игры больничного пространства она тоже до сих пор не могла понять: когда она приходила к Полине, то запомнила, что лазарет выглядит, как обычная палата с чередой коек и ширмами, которые позволяли отгородиться от соседей. Но теперь она словно находилась в каком-то отдельном помещении: она не видела и не слышала других ребят, которые, как она догадывалась, лежат совсем рядом. Ширма полностью отгораживала ее, не пропуская ни единого звука. Поэтому девушка и не заметила, как вошел Слава.

– Привет, – он улыбнулся. – Ты как?

Маргарита пожала плечами. Странно, в последнее время она почти не вспоминала о своем молодом человеке, и его появление не вызвало в ней никаких чувств.

– У вас тут так солнечно, – продолжил Слава, садясь на край

Маргаритиной кровати и щурясь от яркой полосы света, проникающей сквозь занавески. – А снаружи дожди. С погодой в Заречье вообще какая-то беда. Мне еще повезло, что я попал к тебе. В лазарете столько народа, что Жаба ужасно злится, когда маги ходят навещать своих друзей через его комнаты.

– И как же ты прошел?

– У него как раз нет встреч с целителями, к тому же ему было некогда выпроваживать меня – легче пропустить. Все больше и больше людей заболевают Лисьей хворью, в лазарете уже нет мест, поэтому ему нужно придумать, как разместить их в городской здравнице.

– Так странно, я уже давно вернулась из Мурманска, но еще ни разу не использовала магию и тем более не узнала ничего нового, – произнесла Маргарита.

– Конечно, ты же сразу заболела. Но ничего, скоро поправишься и снова будешь жаловаться на Жабу и Кассандру. – Слава попытался подбодрить девушку, но встретил только равнодушный, почти отсутствующий взгляд.

– На Кассандру... – пробормотала она тихо. – Я лежу здесь, и иногда у меня создается ощущение, что все это просто сон. Что я никогда не была в Заречье, мне просто все это приснилось.

– Это не может быть сном.

– Не может? – Маргарита слабо усмехнулась. – Ты себе не представляешь, сколько людей живет обычной жизнью, даже не догадываясь, что вы существуете. Если бы любая моя знакомая или друг из Мурманска услышали рассказ про мои встречи с Кассандрой или Македоновым, то они просто решили бы, что я сошла с ума. Они верят в совершенно другие вещи. Например, в инопланетян, в мировой заговор, в бога...

– В Ярилу?

Маргарита даже сначала не поняла вопроса Славы, а потом рассмеялась, но снова в этом смехе не было ничего общего с ее привычной веселостью:

– В Ярилу? Нет, конечно. Да даже если бы они верили в него, это неважно. Они не верят в заклинания, наговоры, снадобья. Ходят к гадалкам, когда прижмет жизнь, но не верят. Если я увижу в огне чье-нибудь будущее, они решат, конечно, что я экстрасенс. Экстрасенсы... я даже не знаю, маги ли они...

– Это наблюдатели, – откликнулся Слава.

– Наблюдатели?

– Потусторонние с одной развитой магической способностью. Например, видеть умерших или предсказывать будущее по картам. Мы называем их наблюдателями, потому что они как будто смотрят на наш мир, но не видят его до конца. Иногда у них встречаются очень сильные и необычные способности, какими далеко не каждый колдун может похвастаться. В биомагии им посвящен целый раздел. Но ты... ты же, наверное... не разбираешься в биомагии, раз жила с потусторонними? Или они изучают это?

– Изучают биомагию?! Это все сказки в их мире. Сказки, которые рассказывают детям перед сном. А потом дети вырастают и перестают верить. У них появляются другие интересы. Они ездят на машинах, пользуются компьютерами, мечтают об отпуске или даже о яхте. Мои подруги больше всего на свете хотят отхватить себе богатого жениха или сделать карьеру. Ты понимаешь?

Слава решил просто кивнуть. Про «отхватить богатого жениха» все было ясно – все колдуньи мечтали, чтобы какой-нибудь Муромец взял их в жены!

– Ты все-таки не понимаешь, – отчаявшись, бросила Марго. – Ты ничего не знаешь об их жизни. И о моей.... В той жизни все так... точно, продуманно. Ты знаешь смыслы и цели. Сначала идешь в школу, хорошо учишься, чтобы поступить в престижный университет. Это тебе нужно, чтобы найти хорошую работу, за которую много платят. Еще нужно завести семью. Путешествовать. Купить автомобиль. Все действия и правила можно объяснить надеждой на светлое, безбедное будущее. Так живут все. А здесь? Вы платите кармические долги, исправляете ошибки прошлых жизней, разговариваете с деревьями... Учитесь сдерживать мощную энергию, управлять ветром... Вы гармоничные и счастливые дети природы. А я каждый раз думаю как потусторонняя: зачем все это? В какой вуз меня примут с этими знаниями? как же я потом найду работу? И где я буду жить после Заречья. Вы...

– Не «вы», а «мы», – поправил ее Слава. Все это время он сидел, потупившись, не зная, что ответить. Он никогда всерьез не задумывался о том, как живут потусторонние. До него, как и до любого колдуна, чаще доходили фантастические истории о том, что люди создали себе подобных роботов, разучились делать что-то самостоятельно – для всего есть определенная машина. Но слова Маргариты не очень соотносились с этими слухами. Тем более во всем этом не было ничего такого уж странного – вон и некоторые маги разучились готовить еду сами и даже причесываться с помощью расчески: все это можно было сделать с помощью колдовства.

Некоторое время они сидели в тишине, ее нарушало только стрекотание кузнечиков, да под кроватью, казалось, шуршал еж. И внезапно Маргарита поняла, что этот еж занимает ее мысли больше, чем парень, сидящий на краешке ее кровати. Она перевела на него взгляд: темно-рыжие волосы, прозрачные глаза, слегка лопухие уши – все это раньше вызывало нежность, а теперь от нее осталась только пустота. Слова вылетели сами собой:

– Слава, я не люблю тебя.

Она произнесла это спокойно, словно давно приняла решение, но, встретившись с ним взглядом, тут же захотела отмотать время назад. Ком подкатил к горлу, она не могла больше вымолвить ни слова. А Слава продолжал растерянно смотреть на нее, словно ожидая, что она рассмеется, скажет, что эта шутка... вообще что-нибудь скажет. Минуты стекали по невидимой стене между ними.

– Проходите. – Вместо голоса Маргариты Слава услышал за своей спиной голос Жабы.

В сопровождении целителя в палату вошел наставник по Огненной магии.

– Я забыл, что у Руян уже есть посетители!

– Я ухожу. – Слава поднялся с кровати и словно загипнотизированный вышел из лазарета, даже не взглянув на наставника.

Маргарита резко отвернулась к зашторенному окну – расплакаться в присутствии Македонова ей вовсе не хотелось.

– Вот, Маргарита, вас пришел проводить ваш наставник. Я же говорил, Александр, что она уже поправляется, – какой румянец на щеках! Скоро выпишем вас, Руян. Мест и так на всех не хватает, – выплыл откуда-то из недр тоски предательски-оживленный голос Жабы.

Маргарита наконец повернула голову и даже удивилась. Она так давно не видела наставника, что его суровый вид показался ей незнакомым и чужим. Македонов внимательно смотрел на нее.

– Ну ладно, пока вы тут, я пойду погляжу, что там с остальными, – прогнусавил Густав Вениаминович и скрылся за ширмой.

Маргарита все еще думала о Славе, с которым так нехорошо поступила. Ей виделся взгляд его бесцветных глаз: такой растерянный и удивленный. Она моргнула несколько раз, чтобы избавиться от наваждения. Но перевести взгляд на наставника тоже представлялось настоящим испытанием. Она все еще боялась оставаться с ним наедине: после того случая, когда она подслушала его разговор с Лисой, они почти не виделись и у него не было возможности высказать ей все, что он думает. Но, к ее

удивлению, его голос прозвучал довольно миролюбиво:

– Добрый день, Маргарита. Как самочувствие?

– Ничего так, – вяло отозвалась она.

– Наверное, как ваш наставник я должен был проводить вас еще раньше, но было много дел.

– Меня навещали подруги, – тут же отозвалась Маргарита.

Она почему-то была уверена, что Македонов тоже вспомнил о подслушанном разговоре, только по каким-то причинам делает вид, что ничего не произошло.

– Анисья Муромец?

– Да, она, и Василиса Умнова.

Маргарита по привычке хотела назвать и Полину, и от этого в глазах появилась неприятная резь. Странник, видимо, уловил ход ее мыслей, поэтому сменил тему:

– Я решил, что вам может быть скучно лежать в лазарете, поэтому принес почитать.

Маргарита и не заметила, что все время, пока они разговаривали, он держал что-то в руке. На постепенно увеличивающуюся стопку книг опустилась еще одна.

– Спасибо, – отозвалась Маргарита. На обложке еле заметно проступал темный силуэт дракона, а название было написано глаголицей. Было стыдно признаться, что она не смогла сразу перевести его, поэтому она поспешила сменить тему:

– Кто-то постоянно приносит мне книги. Сегодня я попыталась читать «Основы метафизики». Но не догадалась, кто из наставников прислал.

– Это Фея. – Лицо наставника вдруг тронула улыбка, и он, пододвинув стул, уселся напротив Маргариты. – Едвиг Яковлевна. Метафизик. Вредная особа, если честно. Не любит иметь дело с новичками, так что раньше вы вряд ли с ней встречались. Если она прислала книгу, значит, вам пора познакомиться. Стара как мир. Как и темы ее книг. Она заставит поломать голову над многими вопросами.

– Утром я читала про душу.

– Ну вот, как я и говорил.

– Я видела раздел «бездушие». Пришлось перечитать название еще раз, чтобы убедиться, что не привиделось, – осторожно начала Маргарита, бросив робкий взгляд на Македонова.

– Есть такой. Говорят, по нашей планете бродят и бездушные существа. Иногда душу выгоняют из тела некроманты, чтобы вселить туда кого-нибудь другого: низшую сущность или душу давно умершего колдуна.

А некоторые считают, что души нет у...

– Потусторонних?

– Да, – наставник неохотно кивнул. – Но из меня плохой рассказчик. Лучше отправляйтесь к Фее, когда поправитесь.

– А как дела у ребят? – немного помолчав, спросила Маргарита. Александр Владимирович спокойно и пристально смотрел на нее, но ей не хотелось признаваться, что тема потусторонних уже сегодня всплывала. – Теперь мне их, наверное, не догнать? Они занимались магией, а я целых два месяца ничего не делала.

– Почему вы говорите, что ничего не делали?

– Ну... я все это время пролежала в одиночестве. Смотрела сны и передумала кучу всего.

– И не считаете это делом? Вы тоже занимались магией. Два месяца в одиночестве – это непозволительная роскошь для большинства из нас. Иногда этого так не хватает, что некоторые уходят...

– В странники? – удивленно прошептала Маргарита.

– Предположим. Но вернемся к магии. Не стоит считать, что ваша сила развивается от встреч с наставником или другими Огненными. В Заречье все устроено так, чтобы пробудить ваш потенциал. Ничего случайного. Каждое слово – якорь. Каждая вещь – знак, оставленный вам богами.

– И каждый сон?

– И тем более сон.

– Мне сложно это понять... – устало проговорила Маргарита. – Я пытаюсь, честное слово. Но все еще думаю как потусторонняя.

– В этом нет ничего плохого. Как потусторонняя вы можете увидеть то, к чему привыкли и чего не замечают местные колдуны. Не принимайте свои преимущества за недостатки. Поправляйтесь.

Наставник поднялся со стула, все еще не спуская с Маргариты спокойного взгляда. Тут Густав Вениаминович снова заглянул за ширму.

– Еще двое Огненных заразились «Лисьей хворью». Совершенно не хватает мест, вот куда их класть, по-вашему?! – спросил он у Македонова, словно тот был виноват в случившемся.

– Я сейчас загляну к ним, если вы меня проводите, – ответил Странник и направился к выходу.

* * *

Маргариту отпустили из лазарета через несколько дней. Вчера ночью

еще сильнее похолодало, и вымокшие от дождя черные жухлые растения кое-где покрылись инеем. Маргарита вышла на улицу, закутавшись в теплую куртку, которую ей принес домовой, и огляделась: она не узнавала Заречье, словно все те воспоминания, которые хранились в голове об этом сказочном месте, и правда были лишь сном.

Однако вскоре колдунья все же узнала в покрытой серебристой корочкой льда дороге ту, по которой раньше ходили только в жаркие летние и уютные осенние дни толпы юных магов. Несколько кленов за поворотом тоже выглядели знакомо, но сильно изменились: деревья совсем облетели, а на их темных стволах маленькими льдинками застыли капли дождевой воды. Над кленами вились и кричали птицы, Под голыми ветками стояли два колдуна – из тех, что остаются в Заречье на много лет после Посвящения. Один из них глядел на птиц и что-то бормотал, держа в руке бересту для записей. Другой, заметив Маргариту, повернулся и ободряюще сказал:

– Если поторопишься, то еще можешь успеть.

«Что? – мысленно спросила Маргарита, лишь кивнув ему в ответ. – Куда успеть?!»

Она поудобнее перехватила сумку и не ускоряя шага двинулась дальше. С одной стороны, успеть хотелось – вдруг это было что-то важное? С другой, раз ее никто не предупредил, значит, именно ей спешить некуда, да и куда идти, она тоже не знала. Поэтому она просто разглядывала изменившуюся природу, пока не услышала вдалеке гул голосов. В той стороне, откуда доносился шум, находилась столовая, и Маргарита немного задержалась на распутье, размышляя, не свернуть ли с дороги.

– С выздоровлением, красавица! – Неожиданно раздался знакомый голос, и из-за кустов вынырнул лысый Василий.

– О, – только и смогла вымолвить Маргарита, повстречавшись с Огненным колдуном. На ее лице появилась улыбка. – Спасибо.

– Иди скорее, что же ты стоишь? – не понимая ее нерешительности, воскликнул Василий. – Ты и так уже почти все пропустила.

– А что это было за... мероприятие?

– Праздник военной славы! – Вася округлил свои фиолетовые глаза. – Ты что же, не слышала о таком?

– Нет...

– Я видел твоих подружек, они еще там. Давай, беги к ним. Это очень веселый праздник! Тебе понравится!

Маргарита пожала плечами, но все же направилась по совету Васи по тропинке, ведущей к столовой. Однако на сам праздник она так и не успела.

Она поняла это, когда увидела огромную толпу людей, идущую ей навстречу: колдуны расходились по домам, расползались из-под крыши столовой змейками и ручейками. Многие несли музыкальные инструменты, шелестели нотными тетрадями. Некоторые смеялись. Некоторые почему-то плакали. Маргарита уж было подумала, что сходит с ума или бродит во сне, но, увидев длинные светлые кудри и ярко-рыжую косу, поняла, что она действительно сейчас в Заречье и все происходит на самом деле.

Анисья, едва заметив Огненную колдунью, бросилась к ней.

– Марго! Как я рада, что тебя наконец выпустили!

– Что это был за праздник? – спросила Маргарита, расцеловав подружек в облаке лавандовых духов Анисьи. – Я встретила Василия, и он говорил, что это что-то невероятно веселое...

– Веселое? – изумленно воскликнула Анисья. – Да он рехнулся, было ужасно грустно.

– Ну, я всегда подозревала, что у него странные взгляды.

– Я бы не сказала, что было скучно, – вмешалась Василиса. – Но и весельем назвать можно с натяжкой. Орфей Добрыньевич хотел, чтобы все показали какие-нибудь номера, посвященные победам в войнах между магами. Но в основном ребята пели грустные баллады.

– Таким образом нас хотят к чему-то подготовить? – быстро подхватила Маргарита.

– Да, ко сну, – зевнула Анисья, рассмешив девушек. – Нет, стоящим было только выступление Севы.

– Да ты же не видела и половины, – перебила ее Василиса, снова рассмеявшись. – Ты закрывала лицо платком и плакала.

– Просто песня, которую он пел, была очень печальной! – воскликнула Анисья.

– Как же я скучала по вам! – вырвалось у Маргариты. Она уже и забыла, что тихой Василисе удавалось подтрунивать над Анисьей и что где-то еще существовал и пел грустные песни Сева.

– Я хочу на настоящий праздник, где люди не плачут, – как ни в чем не бывало продолжила Анисья. – Ах, кстати! Это же новость, которую я хотела рассказать вам обеим! Совсем скоро состоится официальная помолвка Мити и Марьяны! Вот здорово, да? Хотя что-то хорошее за последнее время.

– Эй, – протянула Маргарита. – Хорошее для кого? И ведь они уже давно помолвлены, разве не так?

– Да, но наши семьи решили устроить по этому поводу настоящий праздник, чтобы хоть на один день отвлечься от ужасных новостей

последних недель.

– Тогда обязательно пригласите Севу петь и на этом празднике. Чтобы Митя, когда будет плакать, смог сделать вид, что это просто песня очень печальная...

– С чего ему плакать, Марго? – удивилась Анисья, беря ее под руку.

Маргарита переглянулась с Василисой, и они понимающе улыбнулись друг другу.

Глава четвертая

Сын провидца

Моросящий осенний дождь не проникал в столовую, словно натыкался на какую-то преграду за массивными резными столбами, но зато ветер беспрепятственно залетал внутрь и безжалостно трепал волосы обедавших колдунов. Сухо в столовой отнюдь не было: вода стекала в низину по небольшим холмикам и заливалась под столы, отчего под ногами хлюпало, и пол больше напоминал грязное болото. В этот час было непонятно, что маги делали усерднее – ели или сушили куколи.

За одним из столов сидели Сева с Митей. Оба молчали. После Целительства, на котором практиковали сложный способ оживления увядшего растения, у Севы сил осталось лишь на то, чтобы жевать. Митя, даже не пытавшийся разговорить друга, сидел без движения и глядел вдаль, подперев голову ладонью. Сева уже почти разделался с едой, а тарелка Муромца все еще была полной. Ветер доносил обрывки слов старших и младших колдунов, составляя из них бессмысленные фразы. Дождь продолжал бить по деревянной крыше.

Сева посмотрел на часы – до следующей встречи осталось совсем мало времени. Он собрался было поторопить Муромца, но, увидев, к кому прикован его взгляд, передумал.

– Мне пора идти, – сказал он. – Ты оставайся.

– Что? – Митя вздрогнул и огляделся, будто очнулся ото сна. – А, нет, я сейчас. Подожди меня три минуты.

– Зачем, тебе же некуда торопиться, это я теперь изучаю морянский язык, а не ты.

В последнее время Сева был хмур и объяснял это тем, что его угнетает непрерывный дождь, но на этот раз Муромцу померещилась на его лице усмешка, причем веселая.

– Все, оставляю тебя одного. Ну или не совсем одного. – Сева снял со спинки стула свой потрепанный рюкзак, набитый берестой и морянскими словарями, и скрылся в облаке холодной мороси.

«Он все понял, – с досадой подумал Митя. – Чертов Воздушный!»

Он встал, пригладил рукой своевольные кудри и направился в другой угол столовой, где за почти опустевшим столом сидела рыжеволосая девушка.

Василиса быстро перелистывала страницы лежащего перед ней «Тридесятого Вестника», будто пыталась найти там что-то конкретное: взгляд ее задерживался лишь на заголовках и некоторых иллюстрациях. Когда рядом раздалось дружелюбное «Привет», она от неожиданности захлопнула журнал, так и не просмотрев его до конца.

– Ой, ты снова появился так внезапно! – смутившись, сказала она Мите.

– А ты снова одна.

– Потому что снова жду Анисью, которая снова у Марьяны...

– Мы ходим по кругу! – Митя улыбнулся.

Василиса отложила в сторону журнал и попыталась вернуться к еде. Но отчего-то есть вдруг перехотелось, картофель с лисичками вставал поперек горла.

– Хм, мне в прошлом номере, – Митя указал на «Тридесятый Вестник», попытавшись сгладить неловкое молчание, – понравилась одна статья.

– И какая же?

– Да так... даже не статья, а небольшой очерк об обстановке в мире Светлых. Очерк глазами жителя Заречья. Он, кажется, на предпоследней странице.

– Правда?! – Василиса вдруг покраснела.

– Что правда? Что он на предпоследней странице?

– Нет, что понравился...

– Да, конечно. А почему ты так удивилась?

– Нет-нет, ничего я не удивилась... То есть... Ты знаешь, мне он тоже показался неплохим, но я слышала, что многие посчитали его глупым.

– О, зато наверняка им всем понравилась статья на первой полосе, – улыбнулся Митя. – Тот чудовищный бред о Темных колдунах. Дай-ка вспомнить, что там было? Название, кажется, такое: «Призыв оборотня – обряд Темной магии!». Вот бы знать, кто это пишет.

– Он подписывается «ваш вурдалак».

– За это мало стукнуть его по голове, ты не находишь?

– Возможно, – усмехнулась Василиса. – Кстати, а вот и старый номер. – Она взяла с соседнего стула потрепанный, промокший от дождевых капель журнал. Кто-то явно использовал его не по назначению.

Василиса аккуратно раскрыла его, чтобы не порвать тонкие страницы, которые впитали в себя влагу и начали закручиваться в уголках. На странице размещалась большая статья под заголовком большими красными буквами: «Призванные оборотни. Темная магия или проклятье?». Дальше

следовала довольно мрачная картинка, изображающая волка с желтыми горящими глазами, который испуганно прижался к земле рядом с высоким колдуном.

– Вот! Мое любимое! – Митя взял журнал из рук Василисы и, пробежав глазами первые абзацы, начал читать где-то с середины:

«...издревле на Руси оборотни не считались злыми существами. Волхвы и ведуньи по своей воле принимают облик животного. Даже берендеи и волколаки не представляют угрозы, ведь, превращаясь, они сохраняют трезвое сознание – только облик их походит на звериный.

Во время кровопролитных войн между Темными и Светлыми колдунами, оборотни сражались в своих звериных обликах не на жизнь, а на смерть. Ведь рана, нанесенная животному, остается на теле мага даже после возвращения в человеческое обличье. А сила животного и его ловкость во много раз превышают людскую.

И хотя время войн прошло, многим до сих пор не дает покоя мечта о том, чтобы овладеть секретом оборотничества.

Но это невозможно! Это наитемнейшая магия, которая связана с кровью и полным подчинением. – Митя сделал страшные глаза и продолжил чтение нарочито-таинственным шепотом: – Если человек не наделен этой способностью от природы, ему придется пройти через такие муки, что встреча с Индриком покажется ему легким развлечением. Зелье для этого обряда изготавливается из крови невинной жертвы. Мы, конечно, не будем приводить здесь весь его рецепт, хотя он и известен автору этой статьи. С той секунды, когда первая капля готового зелья попадет на уста колдуна, он обречен. Он на всю свою жизнь становится рабом человека, который готовил для него это зелье. Его «повелитель» способен сделать с ним все, что пожелает: приказать ему убить кого-то или даже что-нибудь похуже, – на этих словах Митя усмехнулся. – Ведь без зова этого мага призванный оборотень не может вернуть человеческий облик. Нам известна масса историй, когда призванные оборотни были вынуждены десятилетиями скитаться, пока их «властелины» не удосуживались позвать их. А что же произойдет, если у хранителя тайны начнутся проблемы с памятью?»

– Нет, это невозможно дальше читать. Что он пишет? Какие проблемы с памятью? Какие кровавые зелья? – Митя отбросил старый номер от себя, словно это была мерзкая скользкая медуза, а не журнал.

Василиса засмеялась:

– Да, там еще было про то, что оборотни могут превращаться в неодушевленные предметы, например, в клубок или сноп сена. Как я

поняла, если ты становишься призванным оборотнем-клубком, то это не очень страшно... почти не считается темной магией.

Митя и Василиса вместе рассмеялись.

– Клубком? – переспросил Митя. – Посмотрел бы я на того, кто захочет превращаться в клубок!

– Или в сено. Какой в этом смысл? Чтобы тебя съела лошадь? – подхватила Василиса. – А ты видел, что этот «вурдалак» написал для свежего номера? – продолжила она и снова притянула к себе новый журнал. – Нет? Боюсь, эта статья хуже предыдущей.

– Я готов, – улыбнулся Митя. – Читай.

«Вода, Воздух, Земля, Огонь. Каждый волхв на земле русской наделен способностями сообразно своей стихии. Один может посоревноваться с Огнедышащим Драконом в ловкости обращения с огнем, другой – помериться с ним силушкой, третий – залить извергающееся из его пасти пламя потоком воды, ну а четвертый – развеять прах его по ветру. Но кто не мечтал объединить все четыре таланта? Союз Четырех Стихий. Он так и манит своей безграничной силой и мощью, способной преодолеть все препятствия на своем пути. Нет силы, которая бы противостояла четырем колдунам, родившимся под разными стихиями.

Но зачем делить власть и могущество на четверых, если можно собрать все четыре стихии в одном колдуне. «Нельзя!», – возразите вы. Но спешу открыть вам глаза, мои наивные друзья. На протяжении всей истории Тридевятого государства было несколько примеров: сильный ведун пытался собрать в себе силу Огня, Воздуха, Земли и Воды. Естественно, это были Темные колдуны. И оттого подобный союз стихий принято называть Черным Союзом.

Наилейшая магия крови. Погубить три чистые души, чтобы овладеть их силой, – на это способен не каждый колдун. К сожалению, до нас не дошло описание сего обряда, поэтому доподлинно неизвестно, как именно волхв объединял в одном теле четыре противоборствующие стихии, но в том, что это связано с кровью, можно не сомневаться.

Один из ярчайших и самых близких к нам примеров мага, который объединил в себе три стихии, – это Темная ведьма Милонег, возглавлявшая сообщество Старообрядцев несколько десятилетий. Как ей удавалось столько лет удерживать власть в своих руках? Объяснить это чем-то другим просто невозможно. Только благодаря сочетанию стихий она смогла подчинить себе Темных. Ее боялись, перед ней пресмыкались, а ведь она была всего лишь женщиной. Как ей удалось объединить все стихии, неизвестно, но мы можем предположить, что ради этого была

загублена ни одна живая душа. По данным, которые приводит газета «Сорокин хвост», в тот год, когда Милонегу взойшла на «трон», увеличилось количество смертей именно среди мужчин-волхвов. Милонегу завидовала мужчинам, что свойственно всем женщинам...»

Василиса отвлеклась от чтения:

– Я не понимаю, кто ставит его статьи на первую полосу! Это же какая-то ерунда! Милонегу ненавидела мужчин, что свойственно всем женщинам...

Митя притянул к себе журнал.

– Нет, это надо дочитать. Обычно в конце у него самое интересное.

«Но соседство стихий в одном слабом женском теле не могло протекать спокойно. Свидетели, заставшие ужасные годы правления этой колдуньи, утверждают, что от ее тела всегда шел непереносимый жар. Единение Воздуха и Огня превратили ее в пылающий уголек, отчего ее слуги не могли долго находиться с ней в одном помещении. Пальцы на ее руках были соединены короткими перепонками, а кожа была иссушена словно бумага. Поговаривают, что в гневе она была страшна. Огненные потоки вырывались из ее рта, словно она была огнедышащим драконом. Одним взглядом она могла испепелить человека или...»

Теперь уже Митя закрыл журнал и положил его на стол:

– Это уже слишком, он, видимо, провел целый день в душном шатре Кассандры Степановны и надышался ароматами всяких благовоний.

– В таком случае, он должен жить в шатре Кассандры Степановны, потому что все его статьи под конец почему-то выглядят как бред сумасшедшего.

– И несмотря на всю его ненависть к Темным, о них он любит писать больше всего. Хотя, знаешь, Василиса, можно ведь вычислить, кто пишет эту ерунду.

– Каким образом?

– Наверняка он сочинил статью, вдохновившись недавней Боевой магией. На ней Лиса как раз упомянула Милонегу и ее таинственную способность использовать магию трех стихий. Еще она сказала... – Митя на секунду задумался. – В общем, в этом я ее не поддерживаю. Она рассказала всем, что Полина – потомок Темной колдуньи.

– Зачем она это сделала? – удивилась Василиса.

– Скорее всего, чтобы запугать тех, кто не хотел изучать искусство сражения, – их было большинство. И все же я уверен, это было лишним. Что будет с Полиной, когда она вернется и все будут знать, что Милонегу – ее родственница?

– Может быть, наставники... не верят в то, что Полина вернется? – спросила Василиса тише. – Слушай, я недавно снова думала о Ярилиной рукописи, о том, как бы кстати она была сейчас. И вспомнила наш разговор об остальных сокровищах. Мне кое-что пришло в голову... не знаю, насколько это реально... Я, кажется, догадываюсь еще об одном божественном даре, скрытом в подземельях.

– Ну-ка!

– Вот. – Василиса вынула из сумки маленький обрывок бересты, на котором была изображена карта подземных ходов. – Вещий Олег недавно рассказывал нам легенду об источнике трех вод. Ты помнишь ее?

– Три русла: в одном живая вода, в другом мертвая, в третьем – обычная. Старая сказка!

– Да, связанная с именем Перуна по одной версии и с трезубцем Кресеня – по другой. Посмотри, на карте поместье Горынычей отмечено Венерой. Если сравнить с Вестью семи богов, Венере соответствует руна Кресенев Трезубец.

– Так... – Митя уставился в карту, глаза его загорелись.

– Трезубец. Три зубца, три русла...

– И три головы у змея, которого ищут Горынычи! – добавил Митя.

– Интересно, это мне в голову не приходило. В легендах трезубец всегда создает водоемы, и, возможно, Кресенев Трезубец – это завуалированное название источника трех вод.

– Это очень вдохновляет! Ты гений! – Митя схватил ее ладонь и потряс.

Василиса покраснела, отвела взгляд от веселого Митино лица и вдруг увидела, что Ася Звездинка смотрит на них пристально и хитро.

* * *

С гулким скрипом один за другим стали раздвигаться засовы и щелкать замки на двери из черного дерева. На тяжелых дверных кольцах были выгравированы древние руны, на самой двери вырезаны защитные заклинания и силуэты огромных крылатых существ с хищными суженными глазами и заостренными клювами. Заскрипели петли, и на пороге в лучах утреннего света появились высокая женщина, закутанная в длинный плащ, и светловолосый юноша, державшийся не столь уверенно, сколь его сопровождающая.

– Входи, – произнесла женщина, обращаясь к юноше. В ее голосе

звучал холод, сдобренный каплей пренебрежения, словно парень был повинен в чем-то таком, чего на дух не переносила эта особа. Она поглядела на ждавшего их обоих колдуна и сказала уже ему: – Это сын Провидца Ворцлава, как ты и просил. Алексей. Знакомьтесь.

Юноша с благоговением посмотрел на представшего перед ним мага, не обратив внимания на изображенных на двери птиц, которые задвигались: их деревянные глаза-прорези уставились прямо ему в спину.

– Алексей? Неужели ты представляешься своим настоящим именем? – удивленно бросил колдун в ответ. – Алексе-е-ей. Понятно. Меня же они зовут Берендеем. – Тут он рассмеялся отрывистым, рывкающим смехом. – Но ты зови меня как хочешь, мне все равно.

Он развернулся и зашагал в глубь пустынной залы, звук его шагов эхом разнесся в воздухе и наполнил все вокруг.

Женщина кивнула Алексею в знак того, чтобы он следовал за хозяином поместья. Когда они вошли в следующую залу, почти не отличавшуюся видом от первой, колдун, назвавшийся Берендеем, вдруг остановился и обернулся.

– Ты знаешь, зачем ты здесь?

– Конечно! – последовал немедленный ответ. Парень расправил широкие плечи.

– Здесь эта девчонка... – словно не слыша, пробормотал Берендей. Какое-то воспоминание на миг заволгло его глаза туманом.

– Я знаю, знаю. И это большая честь для меня – быть здесь!

Берендей снова неожиданно расхохотался.

– Честь? Честь! – проговорил он с сарказмом, и у молодого человека забегали по спине мурашки. – Это не честь, это будет мука, обещаю тебе! – После этих слов он раздраженно, с силой хлопнул дверью, через которую только что прошли его гости. – Мы искали Водяного мага! Все думают, что стоит лишь найти его и тогда... справедливость!.. слава!.. могущество! Но нет! Не-е-ет, – протянул Берендей и с таким выражением нагнулся к самому лицу Алексея, будто именно этот парень был виноват в том, что Водяной маг чем-то не угодил всему миру. – Болваны, которые громко называют себя «Светлыми», успели внушить ей, что с нами не стоит связываться. Теперь это змея, а не девчонка! – Голос его перешел на хрип. – Сколько тебе лет, Алексей, сын Провидца Ворцлава? У него столько сыновей, что я запутался.

– Двадцать три... я младший сын.

– Двадцать три? Ты так молод... так молод, но уже успел усомниться в нас, не правда ли? Успел усомниться в магии наших праотцов?

– О чем вы?

– О странниках, в числе которых ты успел побывать! Что, колдовство твоих предков показалось тебе слишком темным?

– Нет... нет, я же вернулся обратно... это была ошибка! – Молодой колдун попятился.

Берендей снова разразился страшным рыкающим хохотом.

– Хватит о прошлом, – равнодушно оборвала его женщина, до этого молчавшая со скучающим видом. – Оставь мальчишку в покое. По крайней мере, он принес ценные сведения от странников.

– Ценные сведенья! – со смехом повторил Берендей. – Ну что ж, тогда отлично. Помни, о принесший ценные сведенья, что нахождение Водяной колдуньи здесь – строжайший секрет! Ни одна живая душа не должна знать, что ты был тут, что ты видел ее. Иначе останешься без языка, – он усмехнулся. – Ну? Идите сюда оба!

Он указал еще на одну дверь.

– Вниз по лестнице, – указал Берендей кивком, затем развернулся и стремительно удалился, скрывшись за поворотом коридора. Звук его зловещего смеха еще долго носился отголосками по зале, отскакивая от сводов, стен и потолков.

– Спасибо, тетушка, за то, что вступилась за меня.

– Ну, будет, – отрезала колдунья, не глядя на племянника. Он помнил ее живой и веселой, но с тех пор как он вернулся от странников, она стала с разговаривать с ним будто с каким-то жалким потусторонним. – Ступай вниз. Там направо. Увидишь дверь, не ошибешься.

– Так она... в подвале?

– Да.

– и вы хотите, чтобы я... подружился с ней? – Это вдруг показалось ему какой-то наивной идеей, детской глупостью.

– Да, Алексей. Иначе с ней не сладить.

– Как не сладить? Заставить! Приказать! Сломать! – Без Берендея парень вновь ощутил силу, подаренную ему природой.

– Дурень! – перебила колдунья и поморщилась, как от какой-то мерзости. – Ты хоть что-то знаешь о Союзе стихий? Эта магия построена на добровольном сотрудничестве! Приказать и сломать попытались с самого начала и добились лишь того, что из нее теперь не вытянуть ни слова, ни вскрика, ни тем более колдовства! Ах, ну и глупцы! Почему в такие важные дела оказываются замешаны остолопы вроде тебя? Слышал? Да иди же! Сделай хоть что-нибудь. Время идет. И оно идет не в нашу пользу!

Она слегка толкнула племянника в спину, он оступился и перескочил через несколько темных ступенек. В конце лестницы повернул и в тупике увидел одну единственную дверь.

Та поддалась с протяжным замогильным воем; за ней открылась огромная, без окон, комната, уставленная старинной черной мебелью с вырезанными повсюду силуэтами разнообразных крылатых существ: их хребтами изгибались подлокотники высоких ветхих кресел; хвостами и языками вились ножки стола и кровати, крыльями образовывался над постелью навес, а из пасти одного из них лился тусклый свет в углу. Из того же угла за Алексеем наблюдали два глаза, принадлежащих кому-то живому. Он осторожно вошел и прикрыл дверь, которая упорно сопротивлялась, выла и цеплялась за скрипучий пол. Из угла ему навстречу немедленно поднялась фигура – это была очень худая девушка с белой как снег кожей. На змею она вовсе не была похожа, она казалась хрупкой, безобидной, и он вздрогнул, заметив, что ее спутанные волосы спускались лишь чуть ниже плеч.

Постояв секунду, девушка вновь опустилась в кресло, но продолжала пристально разглядывать Алексея огромными глазами.

– Добрый день. – Собственный голос показался колдуну чужим, но он только постарался придать ему большей уверенности. – Кхм... я... Алексей. Младший сын Провидца.

Он выдержал паузу. Знал, что имя его отца всегда производит впечатление на людей. Однако девушка даже не моргнула. Слегка задетый, Алексей уточнил:

– Провидца Ворцлава.

Настоящие маги предпочитают не называть своих имен, данных по рождению. Но сам Провидец и его дети ничего не боялись.

– Хочешь, чтобы я подумал, будто ты не знаешь, кто это? А, впрочем... – Алексей начал медленно понимать, что она и впрямь могла не знать его отца, но с трудом в это верил. – Впрочем, провидение – это дар, в большей степени развитый у настоящих волхвов... да, а не у... «светлых». Так что ты могла и не слышать о моем отце! – добавил он и затем, не зная, куда деть себя под ее немигающим взором, резко сел на пустующий стул.

Водяная колдунья не двигалась, ее руки лежали на коленях и были сцеплены в замок, лицо оставалось серьезно. Она молчала.

– Хм... я знаю, кто ты. И даже знаю твое имя. Ты Полина. У меня есть подруга, ее зовут так же, правда, свое имя она скрывает.

В ответ – тишина.

– И я рад, что увидел тебя. Ты понимаешь... Все хотят хоть раз в

жизни увидеть Водяного мага.

Снова молчание.

– Я сделаю свет поярче? Я тебя почти не вижу! – Он взмахнул рукой в сторону светящейся пасти чудища.

Теперь ему представилась возможность разглядеть колдунью получше: на ее худом лице сильнее всего выделялись глаза цвета холодных горных озер, и они производили странное впечатление.

«Заставить! Сломать!» – вспомнил он свои собственные слова, и вдруг совершенно неожиданно ему стало страшно – страшно, что она их слышала. Вокруг витала, просачиваясь во всё, ее чужая, незнакомая магия.

«Как защищаться от Водяного колдовства? – пронеслось у него в голове. – и какое оно, Водяное колдовство?»

– Кстати, я... – повинувшись своему необъяснимому страху вновь заговорил Алексей, – просто пришел тебя проводить. Вообще-то мне не нравится, что тебя здесь держат. Ты знаешь, я специально добился того, чтобы меня к тебе пустили. Я уговорил самого Берендея – а он никого не пускает в свое поместье! И ты... ты лучше ему не сопротивляйся. Мы не хотим тебе зла.

Он вздрогнул, когда она внезапно расцепила руки и провела напряженными пальцами по краю стола. Что-то в этом жесте настораживало, и первое, что пришло в голову, как Воздушному, – было узнать смысл. Всем известно, что мысли Водяных читать не так-то просто, что они скрываются под надежной защитой редкой, неизученной магии, но попытаться все же стоило.

Он резко перевел взгляд на колдунью и посмотрел ей в глаза, и – вот странность – почти не пришлось прилагать усилий, чтобы добраться до ее мыслей. Он ощутил это знакомое чувство, когда тебя всего будто затягивает на секунду в чужой мир, в чужую историю, и ты знаешь, видишь все чужие мысли как свои – сначала неясно, затем отчетливее и ярче. Что-то глухое, тоскливое померещилось ему, промелькнули и без следа исчезли какие-то лица.

«Помоги мне, – услышал он у себя в голове. – У меня здесь нет ничего. Они отняли даже мои вещи. И это низко и подло. Сделай то, что я прошу... Мне нужна одна вещь, всего лишь одна...»

Дальше произошло что-то странное и совсем непредвиденное: мысли оборвались, словно он и не имел к ним доступа. Водяная колдунья поднялась на ноги и стремительно приблизилась:

– Ты когда-нибудь видел Муромцев? Ты знаешь, кто они? – произнесла она резким и требовательным полупшепотом.

– О...о... них много предсказаний, – ответил Алексей и на секунду смутился от того, что уже привык к ее молчанию и теперь чувствовал себя совершенно не в своей тарелке под ее испытующим взглядом. – Так что я слышал о них. Но не видел. Да и с какой стати мне это нужно? – Самообладание наконец вернулось к нему.

– Я улавливаю в твоём лице что-то похожее на их черты.

– Мы все приходим из одного древнего рода, – с недовольством поморщившись, ответил он. – Как бы мне ни было стыдно это говорить, но есть вероятность, что мы кровные родственники.

– Я бы предпочла, чтобы ты гордился этим.

– Гордиться? – Его взгляд стал надменным. – Я приверженец древней магии, самой первой и единственной настоящей... Магии моих праотцов!

Едва последний звук слетел с его губ, как все перед глазами завертелось, блеснул и погас свет, лившийся из пасти существа-светильника. Ноги оторвались от пола. Его подбросило и швырнуло об стену со страшной силой. Полетела на пол картина, посыпалось стекло. Он почувствовал что-то горячее, липкое под носом, ощутил вкус крови, которая ручьем стекала по подбородку.

Как только под ним оказался крепкий пол, он попытался применить щит, однако сила покинула его, руки не слушались, он весь был словно пуст и оттого беспомощен. Ужас заполнил все его существо.

Он попытался встать – впереди в темноте ему померещились очертания двери, но не успел он и дернуться, как его снова отшвырнуло, и он влетел головой в какой-то твердый угол, все тело саднило.

Где дверь?

Где же тетя?

Где Берендей?

Почему никто не приходит на помощь?

Почему его бросили здесь один на один с этим страшным созданием?

Мелькнуло что-то белое. В ту же секунду Водяная колдунья склонилась над ним. Лицо ее, к его пущему ужасу, было все так же печально и бледно.

– Если прочесть мысли Водяного мага, если даже просто попытаться, можно потерять всю свою силу, – прошептала она без тени сожаления. – Не знал? Тебя послали, чтобы задобрить или разжалобить меня? Передай им, что ничего не выйдет. Убирайся отсюда. И больше не приходи. Или приходи, но принеси то, что я попросила.

В темноте он нащупал наконец дверь и выполз через нее. Тетя ждала наверху – он с трудом нашел ее в огромном пустынном поместье. Он не

чувствовал рук, затылка, носа – вместо них пульсировало раскаленное, липкое месиво. В глазах мелькали пятна и лица, увиденные в мыслях Водяной, одно появлялось особенно часто: мужское, молодое, с черными нечеловеческими глазами, – и от его равнодушного спокойствия становилось еще хуже. Сзади раздался оглушительный хохот Берендея, вошедшего вслед за Алексеем в зал.

– Погляди только, Шелога, он все-таки заставил ее немного поколдовать. Ну, дружок, как тебе Водяная магия? Не такие уж добряки и святоши наши собратья, именующие себя «Светлыми»? Да, наша магия рано или поздно вскружит ей голову. Так и должно быть. Ей лишь надо привыкнуть.

Глава пятая

Кладбище

Все собирались под навесом, образованным черными, словно лапки огромных пауков, изломанными ветвями деревьев. Поляна выглядела совершенно непривычно, но наставник назначил встречу на улице, даже несмотря на похолодание.

Хотя Огненные меньше всех страдали от плохой погоды, мелкая морось, сочившаяся с неба, и им не доставляла удовольствия. Маргарита не спеша спускалась по пологому склону. Внутри все сжалось при виде пятачка вытоптанной земли, окруженного стеной стволов. Казалось, она не приходила сюда уже целую вечность, поэтому тело пронзила дрожь – и дело было отнюдь не в холодном ветре, который остервенело трепал темные пряди ее волос и концы яркого шарфа.

Девушка присоединилась к группе колдунов, собравшихся на поляне. Все они выглядели чуть сонными, однако, стоило им увидеть Марго, как на лицах большинства появились бодрые улыбки:

– Маргарита, привет! Нам тебя не хватало! – Емеля подошел и дружелюбно похлопал ее по плечу.

Маргарита улыбнулась, но тут же, словно опомнившись, спросила:

– Миша еще в лазарете?

– Я здесь. – Из толпы выглянула лохматая голова, оливковые глаза парня, казалось, занимали все его лицо. За дни, проведенные в лазарете из-за Лисьей хвори, он совсем исхудал. – Жабе не удалось запереть меня там надолго.

На поляну обрушился порыв северного ветра, колдуны подняли воротники плащей и курток.

– Мы же Огненные, почему нам холодно? – Фадей, топтавшийся возле Марго, попытался разрядить обстановку, но почти никто не оценил его шутку. Только Миша начал занудно объяснять Фадею механизм повышения температуры воздуха.

Остальные принялись зевать и скучающе смотреть по сторонам в ожидании наставника. К всеобщему удивлению, Александр Владимирович появился не один, а в сопровождении нескольких посвященных. Среди них Маргарита увидела Митю и Севу, которые, естественно, никого не замечали и о чем-то перешептывались. Кроме них, на поляне появились

Арсений, Дима Велес, двое Огненных и несколько незнакомых парней и девушек. Овражкин, Муромец и две длинноволосые колдуньи держали в руках посохи – у Мити он ветвился, на нем даже пристроилась крохотная птичка; Сева же сжимал длинную палку, которая была настолько гладкой, словно ее много лет лизало прибоем море, а потом еще целую вечность обдувал ветер. У одной из девушек к концу посоха был приделан большой кристалл.

– Что они тут делают? – нетерпеливо спросила Оля, но никто ей не ответил. Все удивленно смотрели на приближающихся колдунов.

– Итак, все собрались? – Странник вышел на середину поляны. – Прекрасно... Отрабатываем щит.

– Но мы же знаем, как создавать щит, – возразил Емеля: было видно, что этим умением он гордится.

– Что? Боевая магия? – встрепелась Оля, наслышанная от старших о Боевой магии, к изучению которой обязали всех посвященных.

– Почти. Сегодня я объединяю Боевую магию у старших колдунов и нашу практику по Стихии – вы будете работать вместе. Сейчас вы можете защитить только себя. А вот создать щит вокруг посвященных, особенно другой стихии, может быть вам не под силу. Вы должны научиться работать сообща, вместе создавать защиту, способную отразить сильную атаку.

– На прошлых встречах мы упражнялись в световых заклинаниях, а сегодня будем учиться отражать сильные атаки? – растерянно прошептал Емеля. Это был риторический вопрос. Все давно чувствовали, что даже в таком защищенном месте, как Заречье, наставники готовятся к худшему.

Тем временем Александр Владимирович продолжал:

– Многие из вас уже пробовали работать в паре с магами своей стихии, и, конечно, если вы будете колдовать с более сильными Огненными, то вам будет легче. А вот совладать с внешним полем Воздушного или Земляного сложнее – оно может помешать вашим чарам.

Огненные внимательно слушали. Они понимали, что эта практика – лишь вынужденная мера, вызванная похищением Водяной колдуньи. Старшие тоже молчали и вникали в слова Македонова, который теперь обращался к ним:

– В прошлый раз я говорил, что вам нужно научиться сражаться с колдунами разных стихий и разной силы. Теперь же вам придется объединиться с ними. Причем ваша задача особенная. Так как только Огненные могут создавать щит, способный оградить сразу нескольких колдунов, от вас требуется лишь одно – не мешать им и делиться своей силой. Не мешать – это тоже важное умение.

Посвященные переглянулись: работа в паре с магом другой стихии – первый шаг к созданию Союза Стихий, пусть и не полного.

– Сейчас каждый из вас, – Македонов вновь обратился к младшим колдунам, – по очереди попытается создать щит вокруг себя и одного из посвященных. Старшие Огненные – Дима, Игнат и Марфа потренируют атакующие заклинания, чтобы проверить прочность вашей защиты.

Колдуны нерешительно стали разбиваться на пары, пытаясь положиться на интуицию. В таком деле только она могла подсказать правильный выбор. Сева не успел сделать и двух шагов вперед, как к нему подбежала Оля. Она собралась что-то сказать, но Странник опередил ее:

– Мне кажется, вам лучше попробовать свои силы с Арсением или Ярославом.

Краем глаза Маргарита заметила, что Оля скорчила недовольное лицо и тяжело вздохнула, пробормотав что-то себе под нос.

Когда все разбились на пары, а Огненные приготовились атаковать, Македонов дал сигнал о начале задания. Первые минуты ни у кого из Огненных колдунов не получалось создать щит, способный отразить даже слабое колдовство посвященных. При этом и сами посвященные мало чем могли помочь. Подстроиться было сложно. Сбивало все: и внимательный взгляд наставника, и колдуны других стихий, стоящие по соседству, и страх перед атакующими Огненными...

Мускулистый Земляной колдун Матвей, который смотрелся настоящей горой мышц рядом с щуплым Фадеем, выглядел крайне растерянно, не зная, как помочь младшему соратнику.

Тот так переволновался, глядя на красавицу Марфу, которая должна была их атаковать, что совершенно не мог сосредоточиться. В итоге вместо щитового заклинания он создал световой шар, который так напугал колдунью, что та отскочила в сторону, угодив прямо в лужу.

В пару Мише досталась Воздушная колдунья Даша. Единственным ярким пятном на ее бледном лице были обветренные губы брусничного цвета, которые она постоянно кусала от волнения. Несмотря на то что она была старше его лет на пять, из-за маленького роста она выглядела совсем юной. После нескольких попыток им удалось создать такой прочный щит, что его не смогла пробить даже сильная атака Македонова.

Тем временем Оля сразу же повеселела, стоило ей увидеть, что в пару ей достался Ярослав, брат-близнец Матвея.

– Оля, используйте силу Ярослава. Сейчас ваша стихия сопротивляется магии Земли, а вы должны прочувствовать ее, пустить внутрь себя. Сосредоточьтесь на одной мысли – защитить. Помните об

опасности, – подсказал Александр Владимирович. Он переходил от одной пары к другой. Создать полноценный щит, который не пропустил атаку Игната, им удалось только с третьей попытки.

Сева и Емеля не могли похвастаться даже такими успехами. Уже пятая атака Димы беспрепятственно проникала сквозь еле заметную оболочку, которую создавал Емеля. Ребята едва успевали пригнуться или отскочить в стороны, избегая контакта с огненным шаром.

Лицо Севы было непроницаемо. Раз за разом он пытался отдать свою силу Емеле, но, видя, что атака внука Велес направлена прямо в него самого, непроизвольно создавал Воздушный щит.

– Сева! Ваша магия только мешает Емеле. Насколько я знаю, у вас никогда не было проблем с отдачей силы. – Странник остановился рядом с Димой и посмотрел на двух защищающихся колдунов.

– У вас старые сведения, – отшутился Воздушный колдун. – К тому же у меня сегодня важный целительский обряд, не хотелось бы растратить все силы.

Емеля очень старался, на его щеках появился яркий румянец, но щит так и не приобретал видимой формы.

– Вы колдуете вместе, но создаете два параллельных щита, которые ослабляют друг друга. Попробуйте направить энергетические потоки в одно русло, – добавил Македонов.

После очередной неудачи, когда Димина атака пролетела в сантиметре от уха Заиграй-Овражкина, Странник внезапно обратился к Огненному магу:

– Ты должен целиться не в Овражкина, а в обоих. По-моему, Емеля довольно заметная цель.

Сева улыбнулся.

– А вы, Заиграй-Овражкин, представьте, что вас ранили. Просто отдайте Емеле часть своей силы, чтобы он создал полноценный щит.

– С таким щитом, как у этого парня, меня действительно уже ранили бы или даже убили, – ответил Сева. Он вдруг заметил, как внук Велес сделал слабое движение пальцами, будто рисуя в воздухе некий знак. Что это было за колдовство, Сева не знал. Он закрыл глаза и настроился на стоящих перед ним колдунов – так он обычно разгадывал планы противника. Лунная руна, ослабляющая влияние Воздушной магии, скользнула перед его внутренним взором, но вместе с ней почему-то возникла еще черноволосая Огненная колдунья Маргарита – она предстала не картинкой, а какой-то теплой волной, приятно разлившейся по всей спине. Сева открыл глаза в ту секунду, когда Дима метнул полыхавший

жаром Огненный шар, а Емеля вдруг сумел сделать отличный щит. Странник же резко развернулся и зашагал к следующей тройке колдующих.

Пока Огненные разбредались по поляне, вставая в пары с посвященными, Маргарита в нерешительности оглядывалась. Она видела, как Странник поставил Емелю в пару с Севой, а Оле достался Ярослав. Колдунья переводила взгляд от одного колдуна к другому, пытаясь найти Митю, но тот словно сквозь землю провалился. Хотя нет, наверное, Земляные колдуны не могут провалиться сквозь землю. Или это, наоборот, их особое умение? Маргарита дернула бровью, подумав, что, если бы здесь была Полина, они бы развили эту тему.

– Чего это ты улыбаешься? – Муромец подошел к ней сам.

– О! А я как раз тебя искала.

– На ловца и зверь бежит, – улыбнулся Митя. – Как ты себя чувствуешь?

– Да как-то... Странно, если честно. Но я рада, что наконец вышла из лазарета. Хоть там и пахнет свежескошенной травой и днем светит солнце, лежать в четырех стенах стало невыносимо.

– И комары, наверное, по вечерам мучили.

Тут к ним подошла недовольная Марфа, отряхивая свое белоснежное пальто от грязи:

– Этот чудик только что так напугал меня! – Она указала на Фадея, который теперь пытался создать щит вокруг себя и Земляной колдуньи Светы. – Я попросила Игната помочь им, а сама решила поработать с вами.

Митя с Маргаритой кивнули. По сравнению с остальными у Марго было преимущество – она уже колдовала с магом другой стихии, вместе с Полиной. Но то была Полина, такая близкая и знакомая... Чтобы колдовать с ней, не нужно было делать ничего сверхъестественного, все получалось само собой. Маргарита опустила глаза. «Надо сосредоточиться», – подумала она. Сначала ей не удавалось отделаться от неприятного ощущения: она чувствовала незнакомую силу, которая вторгалась в ее личное пространство. Первый щит возник лишь на секунду и тут же исчез, пропустив атаку Марфы, пролетевшую ровно между магами.

– Надеюсь, с меткостью у Марфуши и дальше будут проблемы, – усмехнулся Митя, но на этот раз Маргарита смогла выдавить из себя лишь слабое подобие улыбки.

– Пробуйте еще раз, – послышался голос Странника.

Огненная колдунья закрыла глаза и попыталась полностью освободить голову от посторонних мыслей: «Вокруг никого нет. Я стою одна посреди поля. Огонь медленно поднимается внутри, заполняет все клетки тела.

Сила увеличивается и принимает осязаемую форму», – она повторила слова, которые когда-то говорил Странник. Маргарита была уверена, что щит получился. Стоило открыть глаза, как она убедилась, что их с Митей окружают языки пламени, но полупрозрачные, словно реальные лишь наполовину. И это пламя пропустило внезапную атаку наставника, правда, значительно ослабило его силу.

Внутри Маргариты старание и упорство боролись с усталостью. Митя чувствовал, что силы ее на исходе – еще чуть-чуть, и она не справится, – но его магия почему-то никак не могла пробиться, словно Маргарита ставила внутренний барьер. К тому же колдовство, которым Македонов атаковал их, было сильнее атаки Марфы.

– Сосредоточьтесь. Пробуйте еще раз, – продолжал тем временем наставник.

Маргарита снова закрыла глаза. Она попыталась прочувствовать силу, разливающуюся по телу. Кто-то дотронулся до ее руки, но она не должна отвлекаться, нужно удерживать внимание на цели. Она снова и снова представляла огонь, который проникает в ее кровь, придает ей уверенность, мощь... Но сил не хватало. Маргарита понимала, что стоит опять открыть глаза, как невесомые красноватые всполохи рассеются от атаки. Ее мысли вернулись к огню. Странно, но на этот раз, помимо привычного тепла, она ощущала что-то еще – сильный поток энергии вторгся в тело, потек по ее жилам. Это, несомненно, была чужая, незнакомая сила. От нее не исходило тепло, зато чувствовался огромный неизрасходованный потенциал, из которого можно было черпать и черпать.

Маргарита открыла глаза – их окружал настоящий Огненный щит. Она посмотрела на Митю, потом на его руку, которой он сжимал ее ладонь, и тихо произнесла: «Спасибо».

Атака Странника разбилась об их защиту, и, даже когда он усилил заклинание, оно не причинило им никакого вреда.

Через пару секунд щит стал бледнеть и вскоре вовсе растаял в воздухе, словно дым. Фадей радостно хлопал со своего места, выражая восхищение колдовством Маргариты. Наставник же оценивающе смотрел на нее и Муромца. Наконец он произнес:

– Это самый удачный щит, который удалось сегодня создать. Но, Маргарита, – теперь он уже обращался только к воспитаннице, – вам просто очень повезло с Муромцем. Его сил и мастерства хватило на двоих. Впредь вы должны научиться полностью отвлекаться от посторонних мыслей. Отделять себя от них. Забудьте все, что вам мешает. Как бы это цинично ни звучало, вы должны поставить стену между собой и своими

переживаниями. Это вам только мешает, вы ничего не сможете сделать в таком состоянии. Представьте, что это могла бы быть реальная битва. Без Муромца вы труп.

– Не думаю, что... – начал Митя, но Маргарита не дала ему договорить.

– О каких именно переживаниях вы говорите? – уязвленно спросила она. Огонь в крови вдруг переродился в эмоциональный шторм, волна странной тоски и боли куда-то понесла ее, и сопротивляться не было сил. – Я не могу предать близкого человека, не могу выбросить из памяти Полину. Я могла колдовать только с ней. – Она сама не поняла, что произносит это имя вслух. Казалось, что с тех пор, как они узнали о похищении Водяной колдуньи, никто не произносил его – разве только мысленно. Сейчас же она почти выкрикнула эти шесть букв. Все внутри пылало, казалось, огня в крови было столько, что его хватило бы сразу на несколько щитов вокруг всего Заречья. Полина была не другом – она была частью нее самой. Магия Воды, вдруг осознала Маргарита, была близка и необходима.

– Наверное, только странники могут стирать из своей памяти все, что связывает их с жизнью: семью, родных, друзей...

Невероятно, но и эту последнюю фразу она произнесла вслух! Что с ней творится? Что-то плохое – она поняла это по взгляду спокойно-синих глаз. Еще на нее смотрел Сева. Смотрел задумчиво и тревожно, будто что-то хотел сказать и не мог. Маргариту озарило, что это был его настоящий взгляд – в эту секунду она была неуязвима перед магией Сирен.

Лицо пылало: то ли от обиды, то ли от стыда за свои слова. Теперь она чувствовала на себе взгляды Марфы и Мити, но не решалась сама взглянуть на них, опять смотреть на Македонова ей тоже было страшно, поэтому она опустила глаза на втоптанную в грязь траву под ногами.

Странник ничего ей не ответил. Он повернулся к остальным и спокойно произнес:

– Что ж, время истекло. Можете расходиться. Розалия Павловна приготовила по моей просьбе специальный восстанавливающий напиток, его вы можете взять в столовой.

* * *

Ирвинг с загадочной улыбкой поглядел на гостью. Велес сидела у камина, рыжие блики играли на ее седых волосах. Маленькая и тоненькая, как в юности, она казалась совсем крошечной в огромном кресле. О

возрасте ее давно уже никто не спрашивал. Наверное, кто-то мог бы назвать ее старушкой, но порой упавший на лицо свет обманывал наблюдателя: она оборачивалась и казалась хорошенькой молодой женщиной.

– Вера Николаевна, сколько вам лет?

– Больше, чем деревьям в парке перед вашим домом, – помолчав несколько секунд, ответила она. – А вам?

– Примерно столько же, – рассмеялся предводитель Светлых магов.

– Я помню вас ребенком. – Теперь блики от пламени скакали по ее лицу, отчего невозможно было понять его выражение. – Вы были несносным мальчишкой. Так мне сказал ваш отец на одном из званых ужинов.

– А я помню вас маленькой девочкой. Тогда еще ничего не предвещало вашего величия. Зашел по делу к вашей матери, а вы хватались за мою руку и уговаривали поиграть с вами в куклы.

– Время – странная штука. Заставляет думать, что кто-то из нас двоих сейчас лжет.

Повисло молчание, Велес предостерегающе подняла ладонь:

– Тише, придется нам отложить философские беседы и вернуться в материальный мир. У вас гости.

Только через несколько секунд Ирвинг различил, как скрипнула дверь парадного входа и в коридоре раздались уверенные шаги Василия Ильича Муромца.

Слуга проводил его в малую гостиную.

– Приношу извинения за опоздание! – Муромец возник на пороге, как всегда осветив улыбкой целую комнату. Велес поглядела на него и вдруг тоже улыбнулась.

– Ну, как дела? – Ирвинг подался навстречу гостю и подал ему руку.

– Как обычно, когда мне предстоит встреча с Верой Николаевной и разговор о финансах, – отшутился колдун, пригладив непослушный вихор на макушке. Он уселся в кресло напротив главной наставницы Заречья и притянул к себе чашку чая с ближайшего столика. – Чем порадуете?

– Боюсь, что радовать – не моя задача, – ответила Велес, но в ее тоне слышалось дружелюбие. – Заречью требуются самоцветы. Ради безопасности дети должны оставаться там, но им требуется больше занятий и развлечений. Не всем хватает одних лишь магических практик, а наставники заняты своей главной задачей – подготовкой Посвящения. С одной стороны, это прекрасно: воспитанники увлеклись шитьем одежды, рукоделием, керамикой, музыкой и спортом. С другой – нам требуются дополнительные вложения, чтоб обеспечить их всем необходимым.

– Понятно. – Василий Ильич взял из рук наставницы свиток, развернул и пробежал глазами. Несколько десятков комплектов постельного белья, нитки для вязания, бумага и чернила, краски, музыкальные инструменты, амагили, средства личной гигиены, батист, лен, шелк и, конечно же, продукты. Всего в несколько раз больше, чем обычно. – Морально мы были к этому готовы. Останется узнать у Старейшин, готовы ли материально.

– Не прибедняйтесь, – отрезала Велес. – Вы прекрасно понимаете, что это необходимо.

– Я вынесу это на обсуждение на следующем Вече. Вы же придете?

– Нет, – отмахнулась Вера Николаевна.

– А Дмитрий?

– Да, полагаю, он снова меня заменит.

– Как вам повезло, – понимающе улыбнулся ей Василий Ильич.

– Я слышу в вашем голосе печаль? – внезапно спросил Ирвинг, почувствовав напускную веселость Муромца.

– Возможно... Просто... – Василий Ильич на секунду задумался. – Мой сын не очень интересуется собраниями. Однажды он займет мое место, но до сих пор с неохотой посещает Вече. Даже отказался от приглашения Вещего Олега зайти после следующего собрания на дружеский обед. Говорит, у него дела. А вот ваш сын, Вера Николаевна, принял приглашение.

– У каждого свой путь, – проговорил Ирвинг.

– Верно, но мне хотелось бы видеть своих детей на подобных мероприятиях. Я и так почти не встречаюсь с ними!

– Ну так возьмите с собой дочь, – пожала плечами Вера Николаевна. – Вы же души в ней не чаете.

– Я бы с удовольствием! Но ведь вы сами запретили непосвященным покидать Заречье.

– Я сделаю для Анисьи исключение.

Ирвинг удивленно посмотрел на главную наставницу, всегда строго соблюдавшую заведенные в Заречье порядки и редко идущую на уступки – особенно на уступки Муромцу. Любопытно, что она задумала?

– Вам будет не так одиноко, – наконец сказала она Василию Ильичу, не выдержав настойчивого взгляда Ирвинга. – Да и моему внуку будет с кем поговорить.

Все стали расходиться: крупные капли только начинавшегося дождя подгоняли зазевавшихся колдунов. Маргарита продолжала стоять на том же месте, опустив голову. Кто-то дотронулся до ее кисти.

– Пойдем? – участливо предложил Митя Муромец.

Маргарита осторожно высвободила руку.

– Нет, я бы... хотела зайти сегодня к Яге. – Она развернулась и, не глядя на Муромца, пошла в другую сторону. Ей казалось, что она спиной чувствует все тот же странный взгляд Заиграй-Овражкина, – да, у Воздушных, в отличие от нее, нет проблем с контролем над эмоциями.

На поляне уже не осталось Огненных: кто-то отправился в столовую, другие же, как и Маргарита, решили сразу пойти к Бабе Яге. Дождь разошелся не на шутку. Мокрые пряди волос липли к лицу. Внезапно Маргарита почувствовала, как задела что-то в траве носком ботинка. Она остановилась – перед ней лежал небольшой кожаный кошелек, стянутый сверху тесьмой. Внутри прощупывались мелкие камни.

Точной такой же мешочек Маргарита видела пару раз на поясе у Странника. Она робко подняла глаза, чтобы посмотреть, не видно ли где-нибудь Македонова, и заметила, как его спина исчезла за сплетением ветвей. Кричать не хотелось. Маргарита еще раз растерянно взглянула на мешочек: можно просто оставить его здесь – наставник сам его найдет. Колдунья бросила его наземь. Но что-то не давало уйти. Пришлось снова поднять находку и побрести вслед за Странником.

Дождь все усиливался. Маргарита пожалела, что надела легкие ботинки и пальто без капюшона. За пределами поляны Странник почему-то свернул в сторону леса. Его фигура превратилась в маленькое размытое пятно. Он прошел небольшую рожицу, которую Маргарита всегда относила к лесу, – издалека та казалась темной и густой. Следуя за пятном, колдунья оказалась в незнакомой части деревни. Любопытство взяло верх: куда же идет Странник?

Впереди показалось несколько избушек-на-курьих-ножках. Странник остановился у одной из них; избушка присела, позволив ему подняться.

Маргарита ускорила шаг: она промокла насквозь, капли стекали по волосам, затекали за ворот пальто. Через минуту Огненная уже стояла перед дверью, пытаясь унять волнение, и оглядывалась.

Соседние избушки казались заброшенными, кое-где даже разрушенными. Они стояли смиренно, в их окнах было темно. Непохоже, чтобы здесь кто-то жил... Она постучала в дверь. Избушка слегка встрепенулась, явно не привыкшая к гостям, отчего Маргарита оступилась и едва не упала. Странник почти сразу открыл и удивленно взглянул на

воспитанницу:

– Маргарита? Что вы тут делаете? – начал было он, но, заметив ее дрожь, тут же отошел в сторону, предлагая войти.

Колдунья остановилась у самого порога, протянув наставнику находку:

– Вы обронули.

Александр Владимирович растерянно взял мешочек.

– Спасибо. Странно, даже не заметил. Вы промокли? Садитесь, сушите одежду, а я сделаю вам чай. Вам бы выпить восстанавливающий силы отвар от Розалии Павловны, но кроме чая с кипреем у меня тут ничего нет. – Странник указал ей на кресло в углу – точно такое же, какое было и в их с Полиной избушке.

Убранство комнаты казалось чересчур скромным: узкая кровать, стол со стулом, кресло с небольшим столиком, старый комод из темного дерева да несколько полок на стене.

Маргарита застыла в нерешительности. С одной стороны, ей и правда необходимо было согреться – из-за недавней болезни ее стихия плохо помогала в этом, а с другой, она только что наговорила столько отборной ерунды при остальных Огненных магах, что здравый смысл подсказывал ей бежать. Однако промокшая одежда и обувь все же победили – девушка прошла в комнату и села в кресло. Странник вернулся с чайником и чашками. Пока он разливал чай, Маргарита рассматривала вещицы на полках: книги, пара стеклянных банок с какими-то травами, несколько небольших темных шкатулок – ей надо было деть куда-то свой взгляд, чтобы не смотреть на наставника. По этим предметам трудно было определить, кто здесь живет. Единственное, что бросалось в глаза, – отсутствие каких бы то ни было личных вещей: ни фотографий, ни книг или исписанных листков, забытых на столе, ни единой мелочи, оставленной не на месте, – ничего.

Странник подал Маргарите чашку, от которой исходил приятный аромат трав, и поставил на стол банку меда, появившуюся из невидимого порталного шкафа, дверцы которого наставник нащупал прямо в воздухе.

Было что-то неправильное в том, что она пошла следом за ним, что зашла в его дом, что согласилась остаться. Она вторгалась на личную территорию – второй раз за последние полчаса. Наверное, надо хоть извиниться за свои слова, ведь она практически обвинила его в том, что он предал близких, став странником. Но Маргарита совершенно ничего об этом не знала – в памяти всплывали только обрывки того подслушанного разговора между ним и Лисой. Он и после того случая ничего не сказал

ей...

– Я обронил это на поляне, да? – нарушил молчание наставник.

– Да, я случайно наткнулась на этот мешочек. А потом увидела вас и хотела догнать, – начала оправдываться Маргарита, – но не успела. Вы быстро ходите.

– Было бы обидно потерять его, он мне дорог как подарок.

– Подарок?

– Да. И он ассоциируется с определенным периодом жизни. – Наставник замолчал, словно сомневался, стоит ли говорить дальше. – Этот кошелек у меня уже давно. Маг, отдавший мне его, говорил, что он сделан из кожи Трехглавого Змея. Не знаю, можно ли ему верить, но, по крайней мере, он очень прочный.

– Простите меня, – Маргарита выпалила эти слова очень быстро, чтобы не успеть передумать, и снова уткнулась взглядом в кружку с чаем. – Я сегодня... Сама не знаю, что на меня нашло. Я совсем не хотела говорить про... – Поток слов иссяк, она замолчала.

– Про странников? – Македонов невесело усмехнулся. – Вы всё правильно сказали. И вы не сделали упор на том, что говорите обо мне. Я думаю, остальным могло показаться, что вы имеете в виду странников в общем. Но откуда вы знаете, что я был странником? Поняли из того нашего разговора с Дарьей?

– Нет, – тут же возразила Огненная колдунья.

– От Заиграй-Овражкина?

– Да.

– Понятно, – задумчиво произнес Александр Владимирович.

– Нет, вы неправильно поняли. Ему пришлось рассказать нам, потому что мы подозревали Диму Велеса в похищении Звягинова, а Сева узнал...

– Что? При чем здесь похищение Звягинова? – Странник с удивлением посмотрел на Маргариту, пока та проклинала свой язык. От волнения она совершенно не понимала, что говорит.

– Понимаете, когда похитили профессора Звягинова, девочки – Анисья с Василисой – были в подземельях... – Маргарита сделала паузу, она совсем не ожидала, что разговор перейдет в это русло. – И они слышали, как Звягинова кто-то уводит из дома. Потом эта новость появилась в газетах. В общем, мы решили, что это был Дима...

– Дима? – с каждым словом Маргариты Странник удивлялся все больше. Его лицо мрачнело, синие глаза становились темнее.

– Это долго объяснять... В общем, благодаря Севе мы узнали, что Звягинова выкрали вы, то есть не выкрали, конечно... – Маргарита

окончательно запуталась, но Македонов пришел ей на помощь:

– Я понял, что вы имеете в виду. Продолжайте.

– А Дима... Он же интересуется Темной магией, поэтому было логично, что мы его подозревали.

Чем дольше Странник слушал путанные объяснения колдуньи, тем суровее становилось его лицо. Заявление же о том, что его неофит Дима Велес интересуется Темной магией, привело его в изумление:

– Почему вы решили, что внук Велес интересуется Темной магией?

«Неужели сейчас придется рассказывать, что мы следили за ним?» – подумала Маргарита, но вслух ответила:

– Пару раз мы случайно видели, как он брал в библиотеке книги по Темной магии...

– Случайно видели? Случайно видели, как он брал в библиотеке книги по Темной магии, которых там нет? – переспросил Странник, и Маргарите показалось, что его губ коснулась невеселая улыбка. Она кивнула, но предательский румянец залил ее щеки.

– Ясно. – Он немного помолчал, обдумывая услышанное. Знал ли Ирвинг такие вещи о Дмитрие Велесе, когда отправлял его к нему? Или в этом и была причина странного решения главы Светлого сообщества? На эти вопросы еще предстояло ответить. – У вас больше секретов, чем я мог представить, Маргарита. Но кто же еще знает, что я бывший странник?

– Только я, Полина, Анисья и Василиса. Ну и Митя Муромец, естественно. Но они никому не скажут, я ручаюсь.

Несмотря на неловкость и смущение, Маргарите было здесь хорошо: горячий чай наконец согрел ее, насыщенный запах можжевельника, исходящий от подставки под чайником, напоминал о родном доме. Некоторое время они сидели молча, каждый погрузившись в свои мысли, а потом Странник снова заговорил:

– Мне тоже следует извиниться перед вами за то, что я слишком давил сегодня. Наверное, из меня не очень хороший наставник – мне не хватает мудрости. Я пытаюсь работать через больные точки.

– Нет-нет, вы очень хороший наставник! – воскликнула Маргарита. – Просто сейчас тяжелое время.

– Я не буду говорить, что все пройдет и дальше будет легче. Может быть, и не будет. Но вы должны знать, что нельзя опускать руки. Вы же борец. Боритесь со своим отчаянием. – Он замолчал на секунду. – Переживите потерю подруги всем сердцем. Прочувствуйте всю боль. Но потом отпустите горе. Оно не должно влиять на вас. И это не будет предательством.

Маргарита смотрела на усталое лицо Странника: глаза, под которыми залегли темные круги, плотно сомкнутые губы, высокие скулы, шрамы.

– Я вовсе не собиралась подслушивать ваш разговор с Лисой... Я хотела сказать, с Дарьей Сергеевной. Это вышло случайно, я искала Полину и неожиданно набрела на поляну...

– Я понимаю, не надо оправдываться. Просто знайте, что это был разговор людей, которые долгое время бежали от правды. Возможно, мы бежим от нее до сих пор. Кто-то для этого прибегает к помощи целителей, кто-то уходит в лес и становится странником. Маргарита, иногда даже посвященные колдуны, на чью мудрость вы пытаетесь променять ваше потустороннее знание, впадают в такое отчаяние, что из него просто невозможно выбраться. И тогда даже близкие не смогут помочь. Надо полагаться только на себя. Вы, должно быть, заметили, что у меня довольно пессимистичный взгляд на вещи. – Он встал и подошел к окну: – На улице уже темнеет, вам лучше вернуться домой.

Маргарита поставила чашку на стол и поднялась. Ей хотелось задать ему еще уйму вопросов: узнать, что связывает их с Лисой, для чего нужно зелье-блокатор и как становятся странниками, – но она побоялась все испортить, порвать эту возникшую между ними тонкую паутинку доверия, поэтому просто поблагодарила за чай и вышла.

* * *

Над городом стоял туман. Впрочем, здесь это было совершенно обычным явлением. С залива уже несколько дней дул штормовой ветер. Он был в старом замке за рвом и метался по городу, стуча в витрины магазинов и в окна потусторонним.

Колдунья направлялась от острова Мертвых к самому центру города. Там она свернула в один из проулков и запетляла между домами. Порталы и двери-переправляйки, скопившиеся в переплетении этих темных улочек, влияли на время. Дома здесь были почти все полуразрушенные, стекла из окон давно исчезли, леса, которые некогда притащили сюда строители, рассыпались в труху. Потусторонним было сложно попасть сюда, а уж проявить волю и восстановить исчезающие здания – и подавно. В условиях этого временного хаоса, в котором застряли дома с порталами, потусторонние просто не могли существовать.

Колдунья проскользнула мимо последнего дома-скелета и очутилась перед входом в небольшое здание из красного кирпича. На углу притулился

жалкий грязный магазинчик, фонарь над ним помигивал. Она уверенно толкнула дверь и поднялась по темной лестнице на второй этаж. Там перед ней открылся узкий зеленоватый коридор, заставленный стульями. Три стула были заняты ссутулившимися потусторонними, но те даже не подняли головы при звуке шагов – колдунья применила Отвод Глаз и Заглушку и прошла незамеченной.

В следующем помещении, представлявшем из себя просторную и весьма приятно обставленную комнату, сидели еще двое. Женщина за столом вздрогнула и в упор уставилась на вошедшую гостью – Отвод Глаз не был для нее помехой. Зато сидящая напротив потусторонняя девушка не обратила на гостью внимания.

«Хороша», – подумала колдунья, оглядев потустороннюю со спины: густые темные волосы, здоровая упругая кожа, полные бедра. В ней чувствовалась молодая мощная сила.

– Я... я точно уверена... – произнесла потусторонняя, обращаясь к той, что сидела за столом.

«Не местная», – поняла колдунья по мягкому говору девушки.

– Ладно, – согласилась женщина за столом, при этом не сводя взгляда с колдуньи. – Только ты знаешь, что все это будет на твоей совести. От себя я всю ответственность отвела.

– Да, – еле слышно отозвалась девушка.

– Тогда я возьму у тебя каплю крови и локон волос. И его фотографию мне тоже оставь. Приходи через неделю.

Девушка послушно подставила палец, чтобы его проткнули иглой, затем срезала прядь волос, положила на стол конверт, встала и поспешно удалилась. Оставшиеся в комнате ведьмы взглянули друг на друга.

– Чара! Ты опять работаешь не покладая рук! – воскликнула вошедшая колдунья и сбросила черное пальто, под которым было длинное шелковое платье, украшенное на груди черепами мелких грызунов.

– Я, в отличие от тебя, не вышла замуж столь удачно, чтобы бросить работу, – недовольно ответила вторая, задержав взгляд на необычном украшении. – Всегда хотела узнать, сестра, чем ты опоила своего Медведя, чтобы он снизошел до нашей семейки?

Гостья по имени Шелога довольно рассмеялась, а Чара тем временем продолжила:

– Благодарю своего мужа, что он избавил тебя от этой бытовухи, которой мне приходится заниматься изо дня в день. Если бы не удачный брак, ты бы никогда не выбралась из этой дыры и тем более не прошла бы Посвящение!

В словах старшей колдуньи сквозила обида на сестру, которой в этой жизни досталось все: влиятельный супруг, богатство, высокое положение среди Старообрядцев – недостижимые для Чары вещи. Шелога же, казалось, не замечала раздражения родственницы.

– Необязательно быть посвященной, чтобы удачно выйти замуж. Так что не теряй надежду, – усмехнулась она, но, поймав взгляд сестры, миролюбиво продолжила: – к тому же для непосвященной ты неплохо справляешься.

– А вот ты, Шелога, не делаешь никаких успехов в колдовстве. Тебя интересует лишь тряпье и цацки. – Чара аккуратно завернула прядь волос потусторонней в вощеную бумагу быстро махнула рукой, и прямо перед ней в воздухе вдруг открылась дверца – там, словно в невидимом шкафчике, располагались три полки. На них громоздились разного размера свертки, мешочки, стояли стеклянные пыльные пузырьки с бордово-красным содержимым, ютились в уголках засушенные растения. Чара сунула туда новый кулек и захлопнула дверцу. Видение тут же растаяло.

Шелога, только что обвиненная в чрезмерной любви к древним украшениям и дорогим платьям, хотела уколоть сестру в ответ, но после увиденного лишь произнесла:

– С пространственной магией у меня всегда было туго... Такой пространственный карман я и после Посвящения делать не научилась. Но это все потому, что ты воздушная, а я – нет. Кстати, что хотела эта потусторонняя девица?

– А, – презрительно бросила Чара. – Мерзкие существа эти потусторонние. Она хочет насладиться несчастьем на мужа, который ушел от нее к другой женщине.

– Поможешь ей?

– Конечно. Ее муженек потом сам прибежит ко мне, и ему я тоже помогу. Они так легко расстаются со своей жизненной силой, что я ни за что в жизни не поверю в то, что мы будто не имеем права забирать ее у них. Они для этого и созданы. За их кровь удастся выручить неплохие деньги. Но зачем ты пришла, Шелога? Твой Медведь тебя прислал?

Шелога снова рассмеялась.

– Все зовешь моего мужа Медведем! А я ведь именно из-за этого и пришла – рассказать тебе кое-что интересное. До этой дыры наверняка не доходят такие новости! Наша семья поддерживает Берендея в борьбе за власть над магами...

– Нам не нужна никакая власть! – оборвала ее Чара.

– А эти черты, что рыскают по городам? Их становится все больше и

больше! А ведьмы-недоучки? Распутные, готовые отдаться любому колдуну, что сможет научить их хоть чему-то новому в магии? Какие-то полумаги, растворившиеся среди потусторонних? Наши святоши зовут их Наблюдателями и оберегают, но какой в этом толк? – Шелога поднялась со стула. – Нужен такой человек, который сможет всех их приструнить и найти им подходящее место. Наша истинная магия вырождается. Еще немного, и наши глупые братья, эти фанатики, именующие себя Светлыми, приберут к рукам наших детей и уничтожат наши древние знания!

– Угомонись, – устало возразила старшая сестра.

– И не подумаю. Я пришла поговорить о Берендее. В наших рядах появилась Водяная колдунья. И нашел ее именно он.

– Что?! – Глаза Чары округлились: столетиями среди Темных не было Водяных магов!

– Да, помнишь, как в детстве ты всегда изображала, будто владеешь магией Воды? Я так и знала, что эта новость придется тебе по душе, – довольная произведенным эффектом, Шелога улыбнулась.

– Но как это возможно? Одной Водяной завладели эти Светлые недоумки. Откуда здесь взяться еще одному Водяному магу?

– Это и есть та самая девчонка! Водяная колдунья всего одна. И теперь она на нашей стороне. Великий провидец Ворцлав указал когда-то Берендею на одного человека, пришедшего в наши ряды из лагеря Светлых, и сказал, что тот поможет ему подняться. Благодаря ему недавно выкрали Водяную! А точнее, вернули назад, так как по праву она принадлежит нам! Ведь только в таком сообществе, как наше, не подверженном никаким законам морали, может возникнуть настоящий Союз Стихий. Истинная магия не терпит морали. Мораль создана для потусторонних, привыкших делить все на «плохо» и «хорошо», без этого они просто не могут жить и понимать то, что видят. Ну что, Чара? Может, теперь ты будешь благосклоннее и согласишься наконец в то, что мой муж Медведь был прав и Берендей – наш законный предводитель?

* * *

Тем же вечером Александр нашел наставницу Лису в недрах Лысой Горы, где она сидела в полном одиночестве за столом Велес.

– А, Македонов, – она приветливо кивнула. На ее лице читалась усталость.

– Ты всегда засиживаешься тут допоздна?

– Не я одна. – Дарья Сергеевна положила в открытый ящик стопку берестяных страниц и качнула головой в сторону одного из шкафов. – Вон и Густав Вениаминович не спешит выбираться из этой норы. Здесь есть ощущение безопасности. Так ты искал меня?

– Да нет. – Он сунул ей в руку в несколько раз сложенный лист бумаги. – Вот принес отчет для Велес о том, как у меня прошла Боевая магия. Передай ей, если не трудно.

– Отчет? – Лиса усмехнулась. – Ты написал отчет?

– Она пытается контролировать каждый мой шаг.

– Конечно, ты же украл ее мужа.

– Это устаревшая шутка.

– Ладно. Но мы ведь даже не поговорили о Боевой магии! – воскликнула Лиса и небрежно бросила его записку в один ящик с обрывками бересты. – Ну, как прошло?

Странник взглядом придвинул ближайший стул и сел напротив своей старой знакомой.

– Это у тебя надо спросить, как прошло, тебе досталось несколько десятков воспитанников, а не мне.

– Лучше не будем вспоминать. – Она махнула рукой. – Я планирую половину из них перенаправить к тебе.

– Таким же образом, каким ты заставила Заиграй-Овражкина?

– Это каким же?! – Лицо Лисы немного вытянулось, желтые глаза с интересом сверкнули.

– Неужели думаешь, будто я не видел, как ты посмотрела на него и кивнула в мою сторону, а он тут же покинул круг остальных магов?

– А-а-а, – протянула Дарья Сергеевна, едва заметно улыбнувшись. – Вот как это выглядело со стороны... Ну что ж... Нет, Саша, надо признаться, я не просила его уходить из моей группы – он все-таки мой самый ценный воспитанник. Он и Муромец, и оба они теперь у тебя. Так что ты скажешь про Севу?

– Скажу, что у меня теперь с ним свои счеты. Нет, не смотри на меня так, я знаю, что следует за этим взглядом! Я только сплеховал, что не обратил внимания на этот взгляд у Заиграй-Овражкина. Он самым наглým образом влез в мои мысли. Причем два раза. В первый раз я не понял до конца, смог ли он это сделать, а вот потом...

Лиса усмехнулась.

– Совершенно нечестный прием: он пробирается в чужой разум, чтобы предугадать следующее действие противника. Но ладно противник, его не остановило даже то, что я наставник! Я даже за тобой не припомню

подобных трюков.

– Что же его так заинтересовало в твоей голове? – ехидно спросила Лиса.

– Я объяснял одной колдунье, как ей следует атаковать. Во второй раз я наблюдал за работой внука Велес на Боевой магии.

– Наверное, что-то ему во всем этом не понравилось, – рассмеялась Лиса. – Так что Сева не даст себя обмануть, кем бы ты ни был.

– Это не очень смешно. Мои мысли не предназначались для посторонних.

– О, безумно любопытно. Значит, они все-таки не касались поучительных нотаций для твоего неопита и какой-то воспитанницы? – с неясной улыбкой произнесла Лиса. – И что ты планируешь сделать, убить его?

– Нет, – засмеялся Македонов. – Но, может быть, начну активнее помогать его соперникам.

– Зря волнуешься, он вряд ли расскажет хоть кому-то, что увидел в твоей голове.

– Послушай, а правда, что он... кровно связан с какой-то нечистью?

– Откуда это тебе известно? – удивленно спросила колдунья, чуть меняясь в лице. – А, слухи! Я так и думала! Скажи, а если оставаться к ним невосприимчивым, так ли это заметно?

– Не знаю, я никогда не наблюдал за этим мальчишкой до того, как он попал ко мне на Боевую магию, – пожал плечами Странник. – Но тогда было что-то странное в его поведении... Нет, в поведении других.

– Девушек?

– Да.

– А что ты хочешь? Симпатичный, подающий надежды колдун. Сын, пожалуй, самого известного целителя. Муромец помолвлен, зато этот свободен как ветер.

– И все же?

Колдунья отложила в сторону лист бумаги, на котором что-то зачеркивала и помечала, и задумчиво улыбнулась.

– Когда он только попал в Заречье, Вера Николаевна сказала, что ей необходимо предупредить меня кое о чем. Она была крайне недовольна, намекала, что дело незаурядное и даже, можно сказать, скандальное. Оказалось, что помимо потустороннего воспитанника Арсения Птицына у меня появится еще один – сын важного человека, но не просто мальчик, а наполовину Сирена. Неслыханно! Ребенок – нечисть, да еще и заграничная. Гроза и ужас Средиземноморья. Понимаешь, она боялась, что я попаду под

его чары и не смогу с этим справиться.

– О, Ярило, – улыбнулся Македонов. – Так он Сирена? И как же на тебе сказались его чары?

– Признаюсь, я и сама боялась, что они как-то на меня подействуют. Ты бы знал, как я волновалась перед первой встречей с этими воспитанниками... Только две девочки из них были обычными колдуньями. А мужская половина – потусторонний и Сирена! Но потом я увидела его... Худенький, я помню, в черном капюшоне, с абсолютно черными глазами – настоящий вороненок. И эти веснушки... По его лицу сразу видно, что он может стать тебе либо самым верным другом, либо врагом. В нем чувствуется холод и беспощадность его предков, но в то же время есть что-то очень живое. Ну а потом, когда он открыл рот и представился, я сразу поняла – и по фамилии и по голосу, – чей он сын.

– И он твой верный друг, я так понимаю?

– Еще бы!

– Значит, колдовство Сирен на тебя подействовало...

Колдунья рассмеялась.

– Послушай... но как же Велес согласилась взять его в Заречье?

– Это было непростое решение для нее, – вздохнула Лиса, перестав смеяться. – Знаю, она долго колебалась. Родословная его семьи требовала, чтобы он проходил Посвящение именно здесь. К тому же все они потомственные целители, и после Посвящения он все равно оказался бы в Заречье, чтобы изучать лекарское дело. Мальчик не виноват в ошибках родителей. Он имел полное право находиться в деревне. С другой стороны... как ты теперь знаешь, он опасен для колдуний, для их силы. Девушки от одного взгляда на него теряют голову. И Велес не могла быть уверена, что он окажется добропорядочным и ни разу не сорвется. Вера Николаевна оказалась перед тяжелым выбором: нарушить обещание, данное старшему Заиграй-Овражкину и рассказать жителям Заречья о Севином происхождении, чтобы уберечь их; или скрыть его черную кровь и подвергнуть опасности юных девиц. Ведь на всех не наложишь Неразглашение... Да и действовать оно перестает достаточно быстро.

– Как странно! Она выбрала второе, я прав?

– Именно. В конце концов, в жизни мы встречаем только тех людей, которые должны нам встретиться. Которые посланы научить нас чему-то, подарить необходимый опыт.

– Велес решила спрятать ответственность за философией? – рассмеялся Александр. – Так бы она объясняла свое решение разъяренным родителям девушек?

– Ты знаешь, в том-то и странность, неприятность произошла лишь один раз. Все удалось уладить и избежать огласки. Как Заиграй-Овражкин выкручивается в остальных случаях, я даже не представляю. Но он как-то решает эти проблемы сам.

* * *

Дорога постепенно превратилась в каменистую тропку, чтобы каждый путник, цепляясь за камни ногами, лишний раз мог вспомнить, как тяжел был этот путь. Посеревшие и прогнившие листья теперь скрывали от глаз все ухабы и опасные выступы, о которые можно было споткнуться, но Сева шел ровно – он прекрасно знал эту тропинку. Помнил каждую извилинку, хотя бывал здесь крайне редко.

Осень умирала. День почему-то был ясным: бледное болезненное солнце вдруг прорвалось сквозь тяжелое дождливое небо и вновь обогрело землю своими лучами – здесь в Росенике было гораздо суше и теплее, чем в Заречье. Но такая осень, увядающая и истощенная, Севе нравилась гораздо больше, чем ранняя, с ее пышными золотыми облаками листьев и буйным пряным цветением, похожая на агонию умирающего, – за ней все равно неизбежно наступала голая и бесчувственная, как смерть, зима.

Блеклые лучи, словно чьи-то теплые руки, гладили его по голове, и оттого вдруг стало не так тоскливо. Он вынул руки из карманов старой куртки, вместо которой Юля давно предлагала купить ему новую, и дотронулся до высоких, но особо ничем не примечательных ворот – разве что изображение огромного молодого полумесяца на шпиле могло возбудить чье-нибудь любопытство. Пальцы его непроизвольно вздрогнули от прикосновения к ледяному чугуну. Плечи ссутулились, выражение лица было беспокойным – глаза так обреченно вглядывались в пространство перед собой, словно он был потерявшимся ребенком.

Он отворил ворота, над которыми возвышался чугунный полумесяц, пересек черту, отделяющую его от неприятных воспоминаний прошлого, и сознательно шагнул навстречу этим воспоминаниям.

Ему всегда хотелось закрыть глаза, когда он приходил сюда, потому что казалось, что тогда он услышит тихую завораживающую музыку, а потом зазвенит тонкий голос, поющий о прекрасных садах, о лазурном небе, о любви. Голос, который принадлежит ей.

Но он не поддавался искушению. Он не закрывал глаза, чтобы не разочароваться, он знал: голоса больше нет.

Ворота сомкнулись с тяжелым грохотом. Сева стоял лицом к сотням каменных изваяний и надгробных плит – перед ним лежало кладбище. Тропинка тут же разветвлялась, готовая увести гостя в любой уголок этого странного места. Сева пошел вперед, минуя огромного потрескавшегося льва – стража чьей-то могилы, десятки плетеных древних оград, и свернул вправо. Косые лучи, прорезавшие небо, осветили дорогу, которая замерла в безмолвии и ужасающем умиротворении. Откуда-то сверху, с макушки березы, сорвался ворон. Он что-то омерзительно прокаркал и зашумел ветвями, задевая их крыльями. Сева поднял голову и вдруг увидел перед собой человека. Всего долю секунды они стояли друг напротив друга, а потом темная фигура, не проронив ни слова, прошествовала мимо Севы. Это был Дима Велес, и Сева замер в оцепенении, не находя в себе силы объяснить, почему эта встреча так удивила его. Он мельком глянул влево: там, вдали, за еловыми ветвями, притаился семейный склеп древнего рода Велес. Очевидно и своему внуку, как и самому Севе, Вера Николаевна позволила сегодня покинуть ненадолго Заречье.

Ворон заорал опять, ему вторил еще один где-то вдалеке. Деревья таинственно зашумели, затряслись, и скупые лучи солнца задрожали. Сева продолжил свой путь, еще несколько раз повернул то влево, то вправо и оказался в новой части кладбища. Здесь не было ветхих заброшенных надгробий, с которых давно исчезли надписи с именами похороненных под ними колдунов, не было никаких родовых склепов. Для Севы здесь вообще не было ничего, кроме куска бледно-серого мрамора с розоватыми прожилками, который даже если и изображал что-то и был как-то украшен, все равно вызывал лишь ужас.

Он взглянул на большую фотографию, изображавшую худое веснушчатое лицо темноволосой женщины, на ее странную улыбку... Она всегда так улыбалась, хитро и очень весело, будто знала такие смешные тайны, что окружающим должно было стать неловко. Сева посмотрел на ее тонкий нос – по сути свой собственный, и пальцы его вцепились в черные острые, как стрелы, прутья ограды. Он замер, сам напоминая каменную статую, и не двигался. Ему хотелось пошевелить губами, произнести тихо-тихо какое-нибудь слово, обращенное к ней, но губы его не слушались, на секунду захотелось позвать ее громко, крикнуть, броситься на эту холодную плиту, разбить ее руками, вытащить ее из-под земли. Хотелось упасть на колени и рыдать, как маленький потерявшийся или брошенный кем-то ребенок, но ноги твердо держали его.

В большой вазе стоял свежий букет серебристых лилий. Кто его принес? Отец?

Сева отвернулся и, постояв еще немного с пустым взглядом, решительно направился обратно к воротам. Полумесяц над ними был отчетливо и навеки выгравирован в его памяти.

Ноги вынесли его на все ту же ухабистую тропинку, покрытую листвой. Солнце скрылось – его втянула в себя свинцовая туча, угрожающе нависшая над маленьким городом. Как-то странно было осознавать, что где-то далеко-далеко был еще один такой же городок, а за ним еще один – всего три небольших поселения колдунов. И еще несколько тысяч колдунов в мегаполисах и городах потусторонних, которые каждый день пытаются сделать так, чтобы в мире стало чуть меньше зла. Хотя размышлять, что есть зло, было не в Севином духе. Однажды, когда ему было лет двенадцать, он попытался разобраться в этом, но все его мысли свелись к одному нелицеприятному выводу: светлые маги сами начали войну со старообрядцами, чем спровоцировали Темную сторону на еще большую жестокость. Может, надо было просто предоставить каждому свободу? Пусть бы колдовали, кто как хотел. Конечно, убивать неповинных людей – грязное дело, но Светлые колдуны, стараясь предотвратить эти злодеяния, чуть ли не каждый день теряют своих воинов...

И потом, в Севе текла кровь существа, по меркам магов всего мира считавшегося нечистью. Конечно, ведь Сирены питаются человеческим мясом... Им ли рассуждать о добре!

Удивительно, какими пустынными были улицы. И хоть сейчас Воздушный колдун шел по Последнему переулку – по узкой улочке на самой окраине, и без того не особо многолюдной, но и то здесь чувствовались воцарившееся бездействие и неестественная тишина, как будто все эти невысокие дома сами превратились в кладбищенские надгробные плиты. Возможно, когда-нибудь сгинет и этот город, как сгинули до него сотни других, и древний Росеник превратится в сплошные развалины, как превратилась много веков назад некогда мощная каменная стена, защищавшая его с западной стороны, там, где теперь лишь Пустые холмы простираются к горизонту.

Едва Сева вспомнил о Пустых Холмах, как его потянуло туда. Ему всегда нравилось это загадочное место. Стоило забраться на разрушенную почерневшую стену, как охватывало необычное, почти неуловимое чувство, что это поле и этот холм впереди были смутно знакомыми, и дело было не в том, что он просто видел их раньше, когда бывал на Пустых холмах в прошлые разы. Тут нужно было копать глубже: что-то крылось в этих гигантских камнях под его ногами, в этой выжженной земле, в этом опустевшем безводном овраге... Где-то далеко мерещились тихие голоса,

птицы вспархивали с пушистых ветвей, которых здесь не было... Там, за холмом, стояли дубы, лысые, безжизненные. Но птицы редко садились на их ветки.

Сева решил идти через парк.

«Мир будет существовать, пока вещая птица не расскажет свою последнюю сказку» – гласила надпись у входа в парк. Точнее, входа как такового не было, фраза была просто выжжена на табличке, но считалось, что за ней и начинался этот самый парк. Он был не так популярен, как «центральный», звавшийся Ирием, но в Полнолуние сюда все равно приходило много народу. Жители Росеника предпочитали этот парк летом, потому что на тенистых песчаных бережках мелководной речки Смородинки, которая разделяла его на две части, было очень приятно спастись от жары. Сева двинулся напрямик к реке, но не туда, где был пляж, в эту пору тоже покрытый бурой листвой, как и все вокруг, а в глубь парка, где деревья росли столь плотно, что образовывали своими сплетениями настоящий лес. Стоило пройтись немного под их колючими черными кронами, как впереди показался мосток. Он был выгнут, как спина дракона, и соединял два берега, которые в свою очередь находились так близко, что при желании с одного на другой можно было перепрыгнуть, и для этого необязательно было быть Земляным Колдуном.

Вообще, все это напоминало одно место в Заречье. Там тоже река Нищенка кое-где сужалась так сильно, что через нее можно было перешагнуть, а этот изогнутый мост походил на тот хлипенький мосток из серых бревен, которым заканчивался Енотов Тупик. Только здесь, в парке, было гораздо больше тени, деревья стеной отгораживали это место от посторонних глаз. Да и мост был поновее и красивее. Сева остановился на его середине, провел пальцами по тонким металлическим перилам. Пейзаж был безрадостный, но почему-то очень приятный. Голые ивы склонились над водой, берег, поросший мхом, плавно вращал в медленно текущую воду. Сева взглянул на часы: была половина второго.

Это были простые наручные часы с круглым циферблатом и коричневым, треснувшим в двух местах ремешком, – часы, которые одолжила ему Водяная колдунья в обмен на его собственные, очень похожие на эти, но только ремешок у них был черный, и они были снабжены волхвометром и компасом.

Сева опять поглядел на часы, вспомнил, как забавно они болтались на худенькой руке Полины Феншо. И его вдруг охватило такое ужасное чувство, которое не поддавалось никакому описанию, но от него хотелось лечь прямо здесь на мосту и умереть. А еще лучше упасть в эту размеренно

текущую речку и слиться с ней, раствориться в ее воде, исчезнуть и больше никогда не испытывать ничего подобного.

Выйдя с другой стороны парка, он миновал Никольскую пустынь, с получаса медленно брел вдоль опустевших старых улиц и наконец вышел к своей любимой полуразрушенной, словно от пожара почерневшей стене. Пустые Холмы ничуть не изменились, как не менялись вот уже... кстати, сколько было лет этому месту? На темно-серой земле не было ни листьев, ни мокрых разводов от вчерашнего ливня. Сева взобрался на широкий каменный выступ: далеко впереди возвышался гладкий, но очень крутой холм, он был ровный со всех сторон и такой правильной формы, что казался сотворенным человеческими руками. Кто знает, может, на самом деле это был какой-то курган? Сева взобрался выше, пробежался по кривому хребту стены, без труда держа равновесие, и легко слетел вниз, беззвучно коснувшись ногами поверхности земли, с которой взметнулась вверх туча черной пыли. Отсюда было рукой подать до старого высохшего русла ручья. Сам ручей, конечно, так здесь и не появился, даже несмотря на месяц нескончаемых дождей, но полосы на дне оврага все равно выделялись так отчетливо, будто вода только-только пробежала здесь и испарилась. Севе вновь показалось, что он слышит ее далекий плеск.

Он не знал, сколько времени провел тут, – решил больше не смотреть на часы. Он дошел до холма, обогнул его с правой стороны, а затем вернулся к стене и отправился обратно в город. Ему бы следовало уже двинуться к Белой Усадьбе, чтобы попасть в деревню, но его отчего-то потянуло к дому: там сейчас никого не было – ни отца, ни Юли, ни Лизы. Севе захотелось побыть там одному, пройтись по пустым комнатам, послушать тишину этого дома, закрыть глаза и услышать, как где-то наверху, в мансарде под крышей, льется песня на греческом языке.

Полный все той же странной решимости, которая сегодня тянула его от одного угрюмого места к другому, и еще какого-то чувства, что нашептывало, будто в одном из этих мест он непременно обнаружит что-нибудь важное, он проделал весьма длинный путь через город, по дороге завернув и в центральный городской парк, – тот тоже выглядел заброшенным и вымершим, как и весь Росеник. Сева даже вздрогнул, когда прохожий (наверное, пациент отца) поздоровался с ним, – уж очень необычно смотрелись люди на этих осенних улицах и на пустых дорожках парка. Севе казалось, что только он один, да еще и Дима Велес совершали сегодня свою хмурую прогулку по городу.

Ирий – центральный парк – помпезно возвышался на холме, испещренном могучими дубами. В центре из мраморного фундамента бил

фонтан, где плавали буро-коричневые листья с волнистыми краями. В глубине же парка тенистая аллея из пихт выводила к статуе Союза Четырех Стихий, к которой Сева и подошел, заглядывая в стотысячный раз в каменные глаза изображенных колдунов.

Двое из них, Земляной маг и Водяная колдунья, были повернуты к Севе лицами, а остальные располагались так, что были видны лишь их спины, и приходилось обходить статую, чтобы увидеть их спереди. В детстве, сколько Сева себя помнил, его очень расстраивала такая несправедливость: ему, конечно же, хотелось, чтобы на виду у всех стоял именно Воздушный Колдун. Но тот, застыв в такой позе, будто вот-вот сорвется с места, устремил свой взгляд на тупик, на стену из веток. «И ладно бы еще Земляной маг, – размышлял маленький Сева; поговаривали, что эта статуя была сделана с известного колдуна Мирослава, – но зачем поставили вперед Водяную?»

Статуя, изображавшая Водяную, и впрямь уступала в красоте четырем другим и даже внушала страх. И хотя все четыре были сделаны из камня, она казалась самой каменной из всех: тяжелой и холодной, монументальной и неподвижной. На лице виднелся только ее приоткрытый рот, а глаза скрывались за прядями растрепанных волос и краем глубокого капюшона.

Из-за деревьев подкрался и налетел резким порывом холодный ветер, и Сева на секунду представил, как зашевелились длинные косматые волосы статуи, выбившиеся из-под капюшона, и как показались каменные безжизненные глаза.

Подавив неприятное ощущение в груди, Сева обошел Водяную колдунью и поглядел на Воздушного мага, который, пожалуй, был выполнен наиболее детально. Этот чародей держал в руке огромный меч и глядел так сурово, что его сила ощущалась даже теперь, когда сам колдун давно канул в небытие, а его каменное изваяние потрескалось и начало крошиться. Сева перевел взгляд на Огненную колдунью. У нее было молодое лукавое лицо, озаренное слегка пугающей радостью, ладони из грубого серого камня она вытянула вперед, а на них плясало пламя. Правда, огонь был сделан из рук вон плохо – в виде нескольких неровных язычков-лучиков, которые торчали вверх и вниз, будто колдунья зажала между пальцами по большому цветку георгина. Сева вновь взгляделся в Воздушного, погладил его по носку сапога и решил идти обратно. Но его вдруг остановило еще кое-что... Странно, он столько раз бывал здесь, столько рассматривал эти статуи, но ни разу не замечал, что отведенная назад правая рука Воздушного колдуна почти соприкасалась с каменными

пальцами левой руки Водяной: та высунула ладонь из-под своей дырявой куколи.

И его вдруг охватило то самое чувство, что завладело им сегодня на мосту. Это была таинственная и душераздирающая скорбь по чему-то ушедшему: то ли по древним временам, наполненным захватывающими событиями, то ли по людям, которых не было с ним рядом, то ли еще по чему-то загадочному и неведомому, что ему не суждено было никогда узнать...

Стало совсем горько. Почему-то именно сегодня все чувствовалось особенно остро. Нет, пожалуй, стоило вернуться в Заречье, а не идти в пустой дом, где на самом деле никто не споет колыбельной в мансарде.

Начал опять накрапывать дождь. Сева надел капюшон и внезапно почувствовал непривычную легкость в правой руке. Он одернул рукав и уставился на свое запястье – Полининых часов на нем не было. Как не было больше в Росенике и самой Полины.

* * *

Анисья надеялась на хорошую погоду хотя бы здесь, в Росенике, но проклятый дождь добрался и до города: тревожно стучал в оконные стекла особняка, мрачно шуршал в голых ветвях и полировал до блеска крыши старых кладбищенских домовин. Колдунья выглянула в окно, за которым виднелся еще и уголок старинного склепа: камень стен казался скользким и совсем черным. Домовины с прахом простых горожан напоминали Заречье в миниатюре – множество маленьких домиков на ножках.

Разговор гостей сливался в сплошной ровный шум, и лишь когда Анисья отвернулась от окна, она различила имя Звездинки, упомянутого Игорем Велантьевичем – дядей Вещего Олега.

Недавно закончилось очередное Вече, но на обед в поместье Мертвой Луны отправилось только несколько человек. Это были те, кто поддерживал Муромцев в вопросе строительства жилого квартала в Долине Гремящих Ветров. Анисья принципиально не хотела интересоваться этим. То, что в деле был замешан Звездинка, отец несносной Аси, окончательно портило настроение. И прежде всего задевало, что кто-то приписывал этому скользкому семейству особое влияние в обществе.

– Гандвиг. Этот залив зовется Гандвигом, – пояснил Игорь Велантьевич.

Анисья оглядела присутствующих: Дима Велес выдавил некое подобие

улыбки, когда она встретила с ним взглядом, отец беспокойно вышагивал вдоль стены, мама хмурилась, сосредоточенно слушая Игоря Велантьевича, старик Рублев затаился в дальнем углу, его жена тихонько беседовала с Черной Курицей, занявшей пост главы Ирвинговой дружины...

Остался еще сам хозяин поместья. Он молчал и тоже переводил взгляд с одного гостя на другого. Вот и все нехитрое общество. Горстка людей, не справившаяся с натиском надоедливого Анатолия Звездинки.

– Я не понимаю, как он мог предложить этот проект! – возмущенно воскликнула Черная Курица. – Неужели он не знает, что залив опасен даже для магов?!

– Он прекрасно это знает, – наконец подал голос Олег. – Звездинки всегда были профессионалами по добыванию саамри – редких водорослей Гандвига. Анатолий знает эти места как свои пять пальцев. Именно поэтому, когда он утверждает, что колдунам ничего не будет там грозить, большинство верит ему. Восемь из двенадцати старейшин приняли проект строительства. Светлые маги, мечтавшие вернуться к нам из городов потусторонних, ликуют.

– Меня настораживает, – произнес Яромир, – что Ирвинг не вмешался. Уж он-то должен понимать, что Светлое сообщество встало не на тот путь.

– Ирвинг не вмешается. Он предоставит нам право самим совершать ошибки. И будет наблюдать со стороны.

– Тогда будем надеяться, что все идет как нужно... – вздохнул Игорь Велантьевич.

Анисья скользнула взглядом по внуку Велес, который встал и со скучающим видом направился к двери. Папа позвал ее с собой на этот обед под предлогом, что с ней Диме будет веселее. Но тот лишь похвалил ее наряд, потоптался рядом пару минут, а потом уселся в кресло у камина и все время молчал. А теперь вот и вовсе покинул комнату. Безудержное веселье, ничего не скажешь.

– Но Звездинка... – не сдавалась Черная Курица. – Он ведь должен понимать, что если хоть с кем-то из переселенцев случится беда, он будет отвечать перед всем Тридевятым государством! Его слава лопнет, как мыльный пузырь.

– Именно, – с недоброй улыбкой заметил Яромир.

– Этого мы и ждем? – Евдокия Рюриковна вопросительно подняла брови.

– Возможно, тогда нам удастся доказать, что он не верен. Что он связан со Старообрядцами... – воодушевленно подхватил Василий Ильич.

– Но-но, это слишком опасно, Василий, – покачал головой Игорь

Велантьевич. – Одно дело желать обогатиться за счет не самого удачного жилого квартала, а другое – работать на Старообрядцев.

Анисья вспомнила Митю, его раненую руку. И его уверенность в том, что это сделал Звездинка. Звездинка напал на Полину Феншо. С какой целью? Неизвестно. Но через пару месяцев Полина была похищена Старообрядцами. Странное совпадение.

Взгляд ее упал на пустующее кресло у камина. Да, кстати! И куда это ушел внук Велес?

Анисья встала и под разгоревшийся спор выскользнула за дверь. Коридор был пуст, куда делся Дима – неизвестно. Колдунья ушла подальше от малой гостиной, повернула за угол в небольшую галерею, где картины украшали голый камень стен, и прижалась лбом и ладонями к небольшому выступу. Она стояла так пару минут, почти не дыша и не открывая глаз, пока не почувствовала себя внутри камня. Ее сознание бежало вдоль потолка, растекалось к полу, проникало вниз, под землю, – везде, где древняя кладка стен шла непрерывной цепью. Тишина и покой царили внутри. Все, что умел камень, – это созерцать. Созерцать, как проходили тысячи жизней слабых смертных существ, как проносились тучи, разверзаясь дождем на крошащиеся склепы, как солнце раз за разом поднималось из-за горизонта... как сейчас шумят голоса в одной из комнат особняка, где обсуждают то, что забудется уже через какую-то сотню лет... как отдаются эхом чьи-то шаги, уходя все глубже в земную твердь...

Анисья отскочила от стены, тряхнула головой, поправляя волосы, одернула широкие брюки, которые одолжила у Маргариты, чтобы сегодня удивить всех своим нарядом, и бросилась к лестнице.

Дима Велес шел в подземелье. Один.

У лестницы она скинула туфли и пошла медленнее и тише. С колдовством Отвода Глаз у нее не ладилось, однако она приложила все силы, чтобы удержать на себе хотя бы слабое заклятье. Пролетом ниже располагалась кухня, а вот дальше темная лестница сужалась и пряталась за неприметной узкой дверцей. Анисья четче слышала шаги и направилась напрямик за Димой. Через пару минут она различила вдалеке силуэт его фигуры и тут же вспомнила, как однажды возмущался Сева: ему казалось странным, что Велес не заметил четырех девчонок, ступавших буквально по пятам. Вот и сейчас Дима даже не обернулся, хотя расстояние между ним и Анисьей сократилось. Колдунья осторожно кралась по ледяному полу, уже не чувствуя пальцев ног, но любопытство было сильнее – что задумал внук главной наставницы? С какой стати он бродит по чужому дому, да еще и в таких местах? Она отсчитывала шаги, чтобы

успокоить сбившееся дыхание, и прикоснулась ладонью к холодной поверхности стен. Лестница вывела в широкий, но слабо освещенный коридор, заканчивающийся толстой чугунной решеткой. На полпути Дима внезапно остановился. Анисья тоже замерла, стараясь не дышать. Если он обернется, то спрятаться будет негде...

Прошло несколько долгих секунд, и внук Велес повернул голову:

– Ну? Ты так и собираешься стоять там? Или испугалась?

Анисья почувствовала, как немеют руки, колени сводит от предательского озноба. Как? Он все это время знал, что она идет следом?

– Я... – протянула Анисья, стараясь говорить негромко и очень спокойно, но, так и не закончив фразы, пожала плечами и приблизилась к колдуну. – Зачем ты спустился в подземелье?

– Ты шла за мной все это время и спрашиваешь только сейчас?

– Ну... – Анисья окончательно растерялась. – Надеялась, что пойму сама, но мы остановились в пустом проходе...

– Это вход в темницы.

– Догадалась. Но что тебе здесь нужно?

– Вещий Олег держит здесь Старообрядца. Решетка зачарована, дальше мы пройти не сможем. А жаль, хотелось взглянуть на него.

– Взглянуть? – насторожилась колдунья. – Это еще зачем?

– Хочу узнать, что происходит с человеком, когда его силу используют для блокатора.

– Зелье-блокатор! – осенило Анисью. Она тут же вспомнила странное снадобье, о котором всех расспрашивала Маргарита. – Ты знаешь, что это такое?

Дима, обезоруженный ее горячим интересом, повернулся и ответил:

– Им пользуются бессловники, выбираясь на чужую сторону. Оно блокирует их собственную магию и проецирует силу взятого в плен колдуна. Таким образом удается скрыть свою стихию, например. Здесь держат кого-то из Темных. Его силой пользовался Лев Маркович, а теперь из дружины Ирвинга. И вот мне стало интересно, что стало с самим Старообрядцем...

– О... но так мы, кажется, его не увидим... Что, если попросить Вещего Олега впустить нас? Мы имеем право знать.

Дима задумчиво посмотрел на нее, затем медленно качнул головой:

– Да, в следующий раз обязательно так и сделаю. Но сейчас не самое подходящее время отрывать его от спора. Когда я выходил из комнаты, он был очень занят выяснением того, кто же теперь более влиятелен в обществе: Муромцы или Звездинки. Или мне показалось?

Глава шестая

Небывалый тупик

В Заречье осень не принесла ни одного солнечного дня. Воспитанники чуть ли не каждое утро встречали на Дороге Желаний колдуна с кафедры Метеорологии – настоящего профессионала в климатических чарах. Вместе с двумя местными магами-инженерами они измеряли с помощью хрупких металлических конструкций, которые шевелились, дымили и потрескивали, содержание колдовства в пространстве.

Изнуряющий дождь не заканчивался, придорожные канавки превратились в болота, тропинки между избушками давно размыло. Несколько магов, еще не прошедших Посвящение, как-то раз стоя на холме над деревней, в упор не видели избушек-на-курьих-ножках: вместо них им мерещился выжженный пустырь. Прошло немало времени, прежде чем каждый из них справился с наваждением и все-таки нашел свой дом.

В Заречье продолжали болеть, теперь не только колдуны, но и их питомцы. У Ильи Пророка умерло три курицы, у Ульяны занемог волшебный помощник. Но больше всего тревожились за лошадей. Рыжий английский пегас, принадлежащий Марьяне Долгорукой, захворал, едва его доставили в Заречье. И как только он оклемался, заболели другие лошади. Совсем недавно печальная новость облетела деревню: не удалось спасти всеобщего любимца – коня Стрибога.

Все это было результатом сбившихся древних пространственно-временных чар, надежно защищавших Заречье испокон веков. На их восстановление последние силы тратили и наставники, и посвященные. От младших же требовалось как можно больше времени отдавать самостоятельным практикам и излучать добро и спокойствие. Лишнее волнение или всплеск негативных чувств могли вызвать новую волну «Лисьей хвори».

Наверное, поэтому в Заречье вдруг появился Ирвинг. Встретив его за завтраком прямо в столовой, колдуны и колдуньи очень удивились, но никак не ожидали увидеть его и на следующий день. Куда он исчезал потом и что делал здесь, никто, конечно, не знал.

В пятницу вечером от небывалого урагана стемнело раньше обычного. Василиса, Маргарита и Анисья даже не успели сходить на ужин – буря застигла их на полпути в столовую, и им пришлось вернуться. Из-за

непогоды перехотелось идти даже на вечерницы – их теперь устраивали каждую неделю. Сегодня намечалось что-то интересное в одной из избушек на улице Гроз. Огненные придумали вечерницы «в темноте»: все сидели без света и спорили на насущные темы. Организатор Василий утверждал, что, не видя своего собеседника, легче оставаться беспристрастным и что только так можно решать важные, серьезные вопросы. Анистья с Василисой очень заинтересовались, но Маргарита весь путь от столовой до дома убеждала их в том, что это лишь прикрытие и что пока одни будут разглагольствовать, другие будут распивать напитки Василия и целоваться.

Теперь они сидели с тарелками горячего супа на крыльце избушки и смотрели на падающие в густых сумерках капли. Только что к ним присоединились Митя с Севой – промокшие до нитки, они бежали по тропинке в надежде где-нибудь укрыться от бури и по дороге наткнулись на Белуна, который просто указал им косматой лапой в сторону крылечка. Митя, так и не сменив начатой раньше темы, рассказывал Овражкину о зоомагии, после которой был очень вымотан. Вместо супа в его кружке дымилось зелье бодрости Чаровник.

– Какие планы на Новолуние? – спросила Василиса у подруг, так и не успев вникнуть в суть Митиной истории.

– Собрание у Марьяны. Она затеяла пополнить ряды, – ответила Анистья. – Надеюсь, хоть у нее никто не начнет целоваться по углам.

– Какие тут могут быть планы! – вздохнула Маргарита. – Мы и шагу из Заречья не можем сделать. Это Анистья повезло: Велес в прошлый раз ее выпустила. А мне остается мокнуть здесь. Надо сходить проведать лошадей.

– Но мама попросила за меня разрешение у Велес, – отозвалась Василиса. – В пятницу юбилей у бабушки. И Велес разрешила мне на один день покинуть Заречье. Я хотела вас тоже позвать в гости – думала, мы испечем бабушке какой-нибудь праздничный пирог, она бы обрадовалась.

– Я не могу, я обещала прийти к Марьяне. Да и Велес вряд ли выпустит меня во второй раз. Но ты, конечно, поздравь от нас бабушку.

– А ты, Марго? – Василиса с надеждой повернулась к Огненной колдунье.

– О чем ты, Вася! Когда это я пропускала пироги? – Все еще бледная и слабая после болезни Маргарита улыбнулась в ответ. – Если ты выпросишь у главной наставницы разрешение и для меня, я с удовольствием увижусь с твоей бабулей.

– Можно мы тоже придем? – спросил вдруг Сева, и Василиса от неожиданности открыла рот. – Мы не напрашиваемся! Но я бы с радостью

выбрался отсюда.

– О! Да, конечно, приходите. Только боюсь, что вам будет не очень интересно... печь пироги.

– Почему это? На прошлой неделе целители два раза помогали с пирогами Розалии Павловне. И ничего, никто не умер со скуки, – серьезно сказал Сева.

Василиса покраснела и засмеялась, а Анисья повернулась к Воздушному магу:

– Вы что, серьезно?

– Почему бы и нет?

– Марьяна тебя тоже приглашала. – Анисья перевела взгляд на брата.

– Я знаю. Но у нее будут одни девчонки. Что мне там делать?

– У Василисы пока тоже одни девочки...

– А я и не говорил, что иду к ней.

– Ладно, – заключил Сева. – Я приду один. Ну то есть с Маргаритой. Василиса, так ты точно не против?

– Нет, приходи. Конечно, приходи. Моя бабушка будет очень рада! На ее дне рождения давно не было молодых гостей.

* * *

Эхо шагов звонко отлетало от стен. Усыпляющий холод в любом другом случае показался бы всего лишь приятной прохладой. Тусклая, пятнистая темнота – уютным полумраком, а враждебные стены, исчезающие в черноте потолка, словно в склепе, – красивыми арками. Но сейчас для Водяной колдуньи, ступавшей по ледяному полу, холод оставался холодом, темнота темнотой, а стены – границами склепа, где ее, как ей казалось, похоронили заживо.

Она шла медленно, с застывшим на лице безжизненным выражением. Ее лицо осунулось, русые волосы своей длиной удивляли даже навеки замерших статуй, которые изумленно вылупляли каменные глаза ей вслед. Они смотрели на нее пристально, провожали взглядом, ожидая той минуты, когда же она присоединится к их числу: она уже и так мало чем от них отличалась – разве что пока могла двигаться.

Рядом с бледной колдуньей шла высокая ведьма в узком черном платье с накинутым поверх плащом. Она бестактно и даже грубо подталкивала девушку вперед:

– Поторопись.

И через несколько секунд добавила:

– Не смей молчать, когда он будет говорить с тобой! Я вижу, тебя не приучили уважать великих магов, но здесь ты будешь вести себя так, как полагается! Ты поняла?

Водяная колдунья ничего не ответила, продолжая взглядом скользить по стенам и каменным плитам пола, исчезающим у нее под ногами. Она не знала, о чем думает эта женщина, но ясно ощущала ее страх. И кого же она так боится?

Вскоре обе они остановились перед дверью, из-за которой лился свет.

– Иди, – сказала колдунья и снова подтолкнула Полину.

За дверью открылась комната, в первое мгновение показавшаяся просто-напросто утонувшей в солнечном свете. Но чуть позже, когда глаза привыкли к нему, стало ясно, что свет вовсе не был ослепительным. Довольно угрюмое, даже чуть сероватое утреннее солнце проникало сквозь окна. В центре комнаты стоял стол на мощных изогнутых ножках: за ним вполне можно было рассадить дюжину человек, однако стулья пустовали, за исключением самого дальнего. На нем сидел мужчина. Он тут же встал, едва за девушкой закрылись тяжелые двери. Полина отметила его огромный рост, взлохмаченные длинные волосы, убранные назад, стянутый кафтаном внушительный торс. Трудно было определить его возраст. Стихия тоже была будто скрыта, но телосложением колдун походил на Земляного.

– Здравствуй, дитя, – произнес он. Хриплый бас хоть и звучал миролюбиво, заставил Полину вздрогнуть. Она безошибочно распознала в нем ложь. И злость. И что-то опасное, словно это был глухой утробный рокот в груди Индрика.

Колдунья ничего не ответила, продолжая в упор смотреть на мага и стоять крайне неуместным истуканом посреди роскошно убранной комнаты. Если бы она огляделась, то, скорее всего, решила бы, что попала в один из особняков Муромцев.

– Не стой у двери, присядь. – Колдун приблизился и любезно указал ей на стул.

Она не двинулась с места.

– Что с тобой? – Ласка, которую он пытался придать своему голосу, казалась неправдоподобной. Полина отметила, как не идут подобные интонации его большому, будто звериному лицу. – У тебя здесь есть все, чтобы чувствовать себя как дома. Но ты плохо выглядишь. – Он постарался придать лицу озабоченный вид, но эта эмоция явно была ему незнакома, поэтому лишь свела скулы легкой судорогой.

Полина мельком поймала свое отражение в стекле высокого шкафа, где

стояли золотые кубки, украшенные горстями драгоценных камней: спутанные грязные волосы серого цвета, такое же серое и несвежее платье – единственная вещь, которая оставалась ее личной. Вся новая одежда, которую ей принесли, лежала в ее комнате нетронутой. Но рядом с Берендеем она смотрелась странно не только из-за своего неопрятного вида. Сейчас она впервые видела его перед собой так отчетливо. Хотя жила в его особняке и была вольна бродить по запутанным коридорам и заглядывать во все залы, она не покидала захлавленной темной комнаты в подвале, а он сам никогда не заходил к ней. Разгадать его план ей не удалось. От этого она чувствовала себя еще хуже.

– Разве пленники выглядят хорошо? – наконец отозвалась она еле слышно. Голосовые связки успели привыкнуть к безмолвию, как глаза заключенных в подземелье привыкают к темноте и потом очень болезненно реагируют на яркий свет.

– Пленники? – колдун громогласно рассмеялся. – А кто держит тебя здесь как пленницу? – Его плотоядный взгляд скользнул по ней, отчего Полине захотелось попятиться и вжаться в стену. – Ну-ка, расскажи мне, и я тотчас заставлю этих тварей поплатиться.

– Кто? – Такого издевательства она не могла стерпеть, слова вырвались сами собой. – Это вы держите меня здесь как пленницу. Думаете, я не знаю, что вы и есть хозяин поместья? И не знаю, кто вы?!

– И кто же я?

– Они зовут вас Берендеем. Потому что вы превращаетесь в медведя. Но это не настоящее имя.

– Не надо быть очень умной, чтобы догадаться. У любого уважающего себя колдуна должно быть второе имя. Имя, которым его нарекает наставник после прохождения Посвящения. Настоящего Посвящения, а не того подобия, к которому до этого времени готовили тебя.

«Спокойствие и выдержка», – твердила про себя Полина. Выдержка, спокойствие, хладнокровие. Как у Лисы. Как у Велес. Как у... Севы. Нужно только вспомнить их лица... Нельзя поддаваться на провокации – Старообрядцы только этого и добиваются. Нужно молчать, а если и говорить, то размеренно и холодно. Медленно. Взвешивая каждое слово. Заставить стук сердца утихнуть.

Полина обвела взглядом комнату, но в конце концов снова остановилась на лице Берендея. Если заставить себя пристально посмотреть ему в глаза, то страх уйдет. Страх перед неизвестностью и этим колдуном, больше похожим на дикое животное.

Глаза Берендея наливались кровью. На толстой шее выступали

безобразные вены, от которых невозможно было отвести взгляд. Как невозможно отвести взгляд от ядовитой змеи, пробуждающей в тебе первобытный ужас. По этим венам течет кровь. Кровь, из-за которой, по сути, она здесь и оказалась. Словосочетание «магия крови» теперь осознавалось предельно ясно. Полина словно ощущала ту силу, которая скрывалась в этом потоке.

– Ты слышишь меня? – Вопрос заставил ее очнуться. От наигранной любезности предводителя не осталось и следа. – Молчание – не лучший выбор в сложившейся ситуации. Ты настолько наивная, что даже не можешь понять, как тебе повезло! Оказаться среди сильнейших колдунов, которые покажут тебе настоящую магию. Ты даже не представляешь, чего можно добиться, приручив твою стихию! У тебя будет самый сильный наставник...

– Другой? Не тот, что был до сегодняшнего дня? – Слова снова вырвались сами. Ну же! Куда делась выдержка?

– Да, я слышал, что ты ужасно обошлась с ним. Я отдал тебе лучшего наставника, а его подопечный остался без...

– Но у вашего наставника не лучшие методы! – Полина задрала рукав платья и показала большой синяк.

– Некоторые уроки лучше усваиваются через боль...

– Именно поэтому я и облила его кипятком, – чуть ли не выкрикнула Водяная колдунья. – Чтобы гадкий старик усвоил урок.

Вода бежала по старым чугунным трубам, словно кровь по венам. Нагревать ее и остужать силой воли – это все, что умела Водяная колдунья. Как жаль, что в Заречье она не успела научиться большему, как жаль, что не понимала, что ей нужно торопиться. Напор воды становился сильнее, от напряжения что-то постукивало в стенах, но ей не справиться с толстыми трубами... не справиться с тем, с чем легко бы сладили Земляные маги... Воде нужен выход. Один-единственный открытый кран, и тогда... Омерзительный крик старца-наставника еще стоял эхом в ушах. Странно, Огненным не может навредить огонь, но закипевшая вода еще как может!

– Глупая девица! Но на первый раз мы прощаем тебя...

Полина снова перестала слышать громкий и резкий голос Берендея, а взгляд больше не фокусировался на его огромной фигуре. Слова про наставника воскресили в голове единственный образ – длинные светлые волосы и янтарные глаза. Они тоже могли становиться нечеловеческими, но что-то в них отличалось от звериного блеска в глазах Берендея. Что-то теплое, окутывающее с головы до ног. А ведь и Лиса могла оказаться на Темной стороне, последовав за мужем. Но она выбрала Свет, пожертвовала

самым дорогим в своей жизни.

– С нами ты станешь великой колдуньей! Ты и сама увидела, какая в тебе скрыта сила.

«Да разве это сила? – спросила мысленно Полина. – Вы просто не представляете, что бы было, попадись вам не я, а Анисья Муромец. Нагревать воду в Заречье умеют любые маги. Но вместе с водой во все стороны летели бы еще и камни из этих древних стен».

– Я сделаю из тебя могущественного мага, – продолжал Берендей. – Вся дружина Ирвинга окажется просто сборищем неопытным неопитов по сравнению с тобой.

– А Велес?

– Велес? – Берендей посмотрел на колдунью, голос которой прозвучал на удивление громко.

– Изуродовавшая вашу руку.

Полина не умела читать мысли, но по изменившемуся лицу Берендея поняла, что попала прямо в какую-то незажившую рану. Это было опрометчиво. Но почему-то отсутствующий палец на левой руке предводителя клана Темных вызвал в памяти медвежий коготь, мелькавший среди других медальонов главной наставницы Заречья. И, о боги, это неожиданно сработало. Тень наползла на лицо Берендея. Он резко оттолкнул стул, стоящий за ним, так, что тот отлетел к противоположной стене. И в два прыжка он очутился перед Водяной колдуньей, так близко, что она ощутила его дыхание на лице.

– Вот видишь, девица, – начал он совсем тихо, – и Светлые способны на жестокость. Ты думаешь, это была защита? – он усмехнулся, все ближе наклоняясь к Полининому лицу. – Напасть на молодого неопытного перевертыша... Ранить рассечением и оставить истекать кровью.

Фальшивая улыбка исчезла с его лица.

– Вот как Светлые поступают с колдунами, которые отказываются им подчиняться. Твои же пальчики пока все целы. – Он взял ее руку и поднес к губам.

Полину передернуло от отвращения, когда его большая лапа коснулась ее. Ей тут же захотелось вырваться, но что-то подсказывало, что чаша терпения Берендея уже переполнена.

– Но это хорошо, что ты вспомнила про Велес. Очень хорошо... – Берендей не смотрел Полине в глаза – вместо этого он неспешно поглаживал ее кисть, внимательно рассматривая голубые ниточки вен, просвечивающие сквозь тонкую кожу. – Главные наставники обладают огромной властью. Особенно Велес. Даже Ирвинг не сравнится с ней.

Расскажи-ка мне, как пробраться в Заречье? – Внезапно он сжал Полинину ладонь так, что колдунья еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

– Что...

– Я спрашиваю, как пробраться в Заречье?! Как проникнуть туда из города?

– Я не знаю! А если бы и знала...

– Нет, – снова прервал ее колдун и рассмеялся, – нет, никаких «если бы». Ты, мое глупое дитя, не знаешь, как туда попасть. И ты не знаешь, как выбраться оттуда. Потому что ты была такой же их пленницей, как и моей. Они просто преподнесли тебе это под другим соусом.

Полина наконец выдернула свою руку из рук Берендея, который нагло улыбался, демонстрируя идеально-белые острые клыки. Ей захотелось тут же что-то ответить, возразить, опровергнуть те глупости, которые он говорил. Но нужные слова не приходили в голову. Спасительная установка на спокойствие и выдержку больше не помогала. «Я должна найти, как возразить! – приказывала она себе. – Ведь объяснение тому, почему я не могла самостоятельно выбраться из Заречья, найти очень легко! Конечно же, никто не держит юных Светлых магов как пленников! Это какой-то бред». Но только отчего эти объяснения никак не приходили в голову? И разве ее кто-то спрашивал, хочет ли она отправиться в Заречье? Проходить Посвящение? Жить среди колдунов? Получается... что все произошло без ее согласия?

Казалось, напряжение в комнате достигло такого накала, что взрыв был неминуем. Но в это самое мгновение вдруг разлилась странная тишина. Словно кто-то неосторожно задел большой кубок, до краев наполненный безмолвием, и тот опрокинулся. Тишина была звенящей – не слышно даже собственных мыслей. Водяная колдунья ощутила важность этой тишины, догадалась, что такое обычно чему-то предшествует...

С лица Берендея исчез хищный оскал. Какое-то движение у окна заставило Водяную колдунью оторвать от него взгляд: за окном теперь уже на самом деле разливался неестественный слепящий свет, а затем небольшая серая птица влетела... прямо сквозь стекло.

Сделав круг по зале, птица зависла над краешком стола. В голове у Полины загудело, зазвенело, перед взором заплясали разноцветные огоньки. И уже в следующую секунду на месте птицы возник новый образ. В лучах ослепительных вспышек показалась фигура женщины: длинные жемчужные волосы, мерцающие в холодном свете; светлые струящиеся одежды; статная фигура вроде бы молодой колдуньи – все в ней было идеально, пока взгляд не добирался до самого главного: лица. Паутинка

тонких морщин расходилась от глаз и сомкнутых бескровных губ, ее кожа была почти прозрачной, так что можно было разглядеть переплетение темных вен. Стоило ее длинным белым пальцам убрать прядь волос с лица, как Полина обратила внимание на ее глаза – два бездонных озера, покрытые белым плотным туманом. Эти глаза уже давно не видели света – появившаяся колдунья была слепа. Когда ее веки смыкались, можно было разглядеть еле заметные узоры на них, напоминавшие древние руны, которые Полина видела в старых книгах в библиотеке Росеника.

В присутствии незнакомки от былой спеси Берендея не осталось и следа. Полине даже показалось, что он тоже удивлен: отстранившись от Водяной колдуньи, тот нерешительно поглядывал на сияющее существо. Но кто это? Как ни старалась, Полина не могла почувствовать ни ее стихию, ни силу – но с ее появлением комната словно наполнилась невидимым эфиром, парализующим тело.

– Кровь от крови, – она начала говорить так же внезапно, как влетела в эту комнату в образе кукушки. Голос ее был ни на что не похож.

Берендей молчал, нервно сжимая спинку кресла, рядом с которым остановился.

– Кровь от крови. Великое могущество и сила – их невозможно уничтожить. Они убили ее, но не смогли справиться с ее кровью.

Полина заворуженно слушала голос, но совершенно не понимала смысл слов. Кто «они» и кого «ее»? Что за «кровь от крови»?

– Она оставила печать – проклятие Темных Птиц, чтобы все узнали... Чтобы вспомнили! Если сможешь справиться с проклятием, получишь ее силу. Наследница, которая объединит все стихии. Вот она!

Длинный указательный палец существа был устремлен прямо на Водяную колдунью. Она не успела сообразить, что это значит. В ушах раздался оглушительный звон – словно сотни стеклянных шариков сыпались с потолка на каменный пол и разбивались один за одним. Прямо как в песнях Златовласки, только намного звонче.

Она зажмурилась и закрыла уши руками. Когда шум утих и Полина смогла открыть глаза, в комнате, кроме нее и Берендея, никого не оказалось. Но было что-то пугающее в пристальном и в то же время торжественном взгляде, которым теперь на нее смотрел предводитель Старообрядцев.

Василиса раз десятый за утро прошла мимо входной двери, поглядывая на нее с легким волнением. За окнами моросил дождь, солнце почти не появлялось из-за туч. Все в доме казалось давно забытым – она впервые вернулась сюда после Медового спаса. Небольшая прихожая расписана бледно-голубыми цветами с рыжими сердцевинками, но здесь было темно, и рисунок читался плохо. Возле двери отошла краска. Тонкий ствол дерева с обрубленными сучками, служившими крючками для одежды, был почти полностью скрыт под старыми плащами.

– Во сколько Маргарита обещала прийти? – раздался голос матери из кухни: там в печи уже подходило одно из праздничных блюд.

– Мы не договаривались на точное время. И, мама, – Василиса замялась, – она придет не одна. С молодым человеком.

– О, конечно-конечно. Они встречаются?

– Нет, – ответила Василиса с легкой досадой, уже предчувствуя, что мама готова пуститься в расспросы. – Просто с одним парнем. Это общий знакомый.

– Вот как? Но он, наверное, кому-нибудь из вас нравится... – Колдунья довольно закатила глаза, вид у нее был такой, будто она все знала заранее. Она вынула из шкафа большую стопку тарелок и принялась их пересчитывать.

– Ну почему он должен обязательно кому-то нравиться?

– Не злись, Василек, я же просто интересуюсь.

– Нет, это допрос с пристрастием, – взволнованно рассмеялась Василиса.

– Как его хоть зовут?

– Сева. Он сын Заиграй-Овражкина... Целителя.

– Целителя? Хранителя Ирвинга? – Шум льющейся из крана воды прекратился, колдунья снова высунулась из дверного проема кухни.

– Да.

– Ты шутишь?

– Мама, я прошу тебя. Только не приставай к нему с вопросами. Он, вообще-то, не очень разговорчивый. – Василиса остановилась посреди прихожей. – Сделаем вид, что в его приходе нет ничего особенного.

– И ты пригласила его печь пироги?

– Я пригласила его на день рождения бабушки.

– Ох. – Колдунья суетливо вытерла руки полотенцем и принялась убирать со стола. – Поди помоги мне убрать здесь все. Нельзя же приглашать такого гостя в такой беспорядок.

– Сева нормальный, мама. Если он увидит беспорядок, он не подумает

ничего плохого! Достаточно и того, что в гостиной у нас нарядно.

– Надо же... пригласила целительского сына... Да он в обморок упадет, когда увидит, как мы тут живем...

– Нет, он...

– Они живут в большом особняке на окраине. У них наверняка есть прислуга. Говорят, однако, что целитель беден.

– Об этом я с ним не разговаривала.

– Беден... беден... Да, видный мужчина этот Заиграй-Овражкин. Я об отце, конечно. А сын, по слухам, похож на мать. О, что за история была с его матерью!

– Какая история? – насторожилась Василиса, перестав убирать со стола посуду.

– Его мать была красавицей. Такой красавицей, что все мужчины из высшего круга увивались за ней. Говорят, у нее был какой-то особый дар, она умела очаровывать. Женщины же ее не очень любили – еще бы, наверняка ревновали к ней своих мужей!

– Хм.

– И целитель поначалу этих ее чар не замечал, а когда заметил, стал прятать ее ото всех. Поговаривали, что он привез ее из дальних земель, это была какая-то особенная ведьма, обладавшая странными силами. Ну и слухи про нее пускали, якобы это вовсе не колдунья, а нечисть в образе прекрасной молодой женщины...

На этой фразе Василиса подскочила, чуть не выронив из рук стопку уже помытых тарелок с серебряной каемкой, которую вручила ей мать, – у двери зазвонил колокольчик.

– Что это вы скисли? – заметила Маргарита, дернув за шнурок, и оглянулась.

Митя в ответ только посмотрел на нее немного встревоженно. А она, в свою очередь, вдруг слишком отчетливо поняла, что у него ужасно дорогая новая одежда и ослепительно-чистые ботинки, которые по всем законам природы просто не могли оставаться такими в эту гадкую погоду. Он смотрелся совсем неуместно на обветшалом крыльце.

Выглядел он гораздо задумчивее и грустнее, нежели тогда, когда они только-только покинули Белую Усадьбу и отправились на поиски подарка для Василисиной бабушки. Утром Муромец был очень воодушевлен, перечисляя возможные варианты «безделушек», которые могли бы обрадовать пожилую даму.

– Можно подарить ей бриллиантовое кольцо. Я знаю, где достать. Моя бабуля бы обрадовалась бриллиантам, – невозмутимо говорил Митя. – Мы

всегда дарим ей бриллиантовые колъе, когда не знаем, что подарить!

Маргарита расхохоталась над выражением Севиного лица.

– Бриллиантовое колъе? – спросил он, поглядывая на друга с таким видом, будто тот сошел с ума. – Пожалуй, наших с Маргаритой денег хватит только на его застежку. Если ты согласен оплатить все остальное, то мы, конечно, не против...

– Нет-нет, мы против! Сева, только представь, как к этому отнесется Василисина бабушка! – Маргарита продолжала смеяться. – Она не примет бриллиантов, я уверена. Или нам придется обмануть ее и сказать, что это просто стекляшки.

– Тогда я совершенно не знаю, что предложить, – раздосадованно сказал Митя.

– Давайте подумаем, что обычно любят все бабушки. А! Ну например, вязать! Можно подарить какие-нибудь чудо-нитки или суперспицы – что там полезного есть в вашем волшебном мире?

– Вязать? – недоверчиво переспросил Митя.

– Бабушка Муромца вряд ли любит вязать... – сказал Сева, и Маргарита снова рассмеялась. – Но если говорить о полезном, то в центре есть одна лавка, где продают разные интересные вещи. Там встречаются забавные изобретения. Можем заглянуть туда.

Теперь трое колдунов стояли на старом сером крылечке перед дверью дома номер 44, держа в блестящей праздничной упаковке подставку для очков, которая всюду должна была следовать за своей хозяйкой.

Дверь отворилась. Маргарита увидела взметнувшиеся рыжие волосы, которые сию же секунду исчезли из поля зрения, и только через пару мгновений появилась немного запыхавшаяся Василиса.

– Привет.

– Привет, извините, пришлось сбегать отнести на кухню тарелки... – отозвалась она и тут же замерла перед порогом, встретившись взглядом с Митей.

– Он тоже решил прийти, – сказал Сева. – Не смог устоять перед пирогами. Здравствуйте!

– О, ну да... здорово... Это мама. А-а, ну то есть... Ирина Станиславовна. – Василиса неуверенно обернулась. – Это Сева. А это... это Митя. Муромец.

Мать Василисы застыла, не в состоянии произнести ни слова, и быстро заморгала.

– Ну, что же ты молчишь, мамочка? Скажи моим друзьям «привет», – растерянно произнесла Василиса.

– Надеюсь, вы простите меня. Не каждый день увидишь Муромца в своем доме, – колдунья, обрета дар речи, улыбнулась. Она оглядела свое платье, затем наряд дочери, и по ее виду можно было подумать, что какие-то наблюдения ее огорчили. – Рада вас всех видеть. Проходите.

– Я вижу его каждый день, – проговорил Сева себе под нос, зная, что мать Василисы его прекрасно слышит. – Не поверите, но он такой же, как и все. Он ест, пьет, храпит и даже...

Он не закончил, ощутив болезненный толчок в спину: «Я не храплю вообще-то!»

Ирина Станиславовна нервно засмеялась и уставилась на Севу, поняв, что перед ней тот самый целительский сын, про чью мать ходило столько слухов.

Наконец, гости разулись и прошли на кухню.

– Василек, тебе не кажется, что печь пироги... это не самое подходящее занятие сейчас?

– Мама!

– Как это не самое? – воскликнула Маргарита. – Вы думаете, зачем я привела с собой этих двоих? Вы знаете, что мужчины – лучшие повара? Хотя, может, у вас и нет, а вот у потусторонних...

– Все в порядке, – опять отозвался Сева, а Митя молча сел на предложенный стул. – Василиса нас предупреждала.

– Мамочка, может быть, ты нас оставишь? – шепнула Василиса, на щеках которой зарделся румянец.

– Ладно-ладно, хорошо, – колдунья направилась к двери, затем торопливо обернулась, будто что-то вспомнив, но, столкнувшись взглядом с дочерью, все-таки вышла.

– Впервые слышу, чтобы ты столько болтал, – наконец выдал Муромец.

– Выполняю твою обычную функцию. – Сева убрал с лица неестественную для него дружелюбную улыбку.

– Вася, твоя мама совершенно растерялась, – усмехнулась Маргарита. Реальность все еще продолжала крутить для нее свой калейдоскоп: как это маги, такие свободные и равные – почти что как братья и сестры, – могли так различаться за пределами Заречья по столь эфемерному понятию как «статус»? – Муромцы на всех производят подобное впечатление?

– Да. Когда мама с бабушкой узнали, что меня поселили в одной избушке с самой Анисьей Муромец, они долго не могли в это поверить! И ты помнишь их реакцию, когда сюда пришла Анисья... – Василиса вдруг поймала задумчивый взгляд Мити и на всякий случай спросила:

– Все в порядке?
– Да. Да, вполне, – быстро ответил он.
– Тебе не понравилось... – Василиса сделала жест рукой, как бы обводя вокруг пространство.
– Нет! Все хорошо. – Он постарался изобразить улыбку. – Я просто немного...

Что «немного» Митя так и не сказал и перешел к изучению скатерти.
– А наши семьи, случайно, не знакомы? – вдруг спросил Сева и с совершенно непонятной усмешкой взглянул на Василису. – Уж больно твоя мама осведомлена о некоторых вещах...
– Сева! Ты должен извинить ее! – Василиса еще сильнее залилась краской. – Слухи всегда живут дольше обычного в захолустьях вроде нашего Небывалого тупика. Здесь у людей мало других радостей: остается только хранить и пересказывать чужие истории. Про твою маму ведь все вранье, да?

– Ну как сказать, – Сева пожал плечами.
– Сева! Зачем ты читал мысли Ирины Станиславовны? – воскликнула Маргарита, повернувшись к Воздушному колдуну, но тот проигнорировал ее вопрос.
– Итак, с чего мы начнем? – обратился он к Василисе.

Через некоторое время всеобщее смущение начало проходить: Сева помог Василисе выставить на стол все, что нужно было для начинки будущего сладкого пирога, Митя тем временем заваривал травяной чай, а Маргарита не могла отвести взгляд от ложки, которая двигалась без чьей-либо помощи внутри большой миски, перемешивая тесто.

– Это вы делаете, или она сама? – наконец воскликнула она, обращаясь к друзьям.

– Это обычная ложка, – улыбнулась Василиса.
– Удачно попавшая в руки Воздушного, – подсказал Митя.

Вскоре кухня наполнилась запахами корицы, кумина и ароматом волчьей ягоды.

Когда ложка вдруг замерла, Маргарита вопросительно взглянула на парней: Сева пытался превратить ягоды в кашу, а Муромец исподлобья наблюдал за Василисой, будто ожидал от нее каких-то указаний к действию.

– И долго я буду ждать пирогов?! – внезапно раздался недовольный голос, который не принадлежал ни одному из присутствующих.

Ребята недоуменно оглянулись.
– Это наша печка, – извиняющимся голосом объяснила Василиса и

добавила, переходя на шепот: – С возрастом их характер становится невыносимым.

Не успела Василиса закончить фразу, как Маргарита вскрикнула, уставившись внутрь печки. Только что ее подруга поставила туда первый противень с пирожками.

– Там! Оно шевелится!

Друзья сначала испуганно посмотрели на нее, а потом разразились искренним смехом.

– Тесто на пирогах! Оно шевелится! – повторила Маргарита.

– Все в порядке. Ты же видела, что я положила сверху каждого пирога по кусочку теста: это для украшения.

– Но я думала, что украшением пирогов будем заниматься мы, а не твоя печка!

– Поверь, у нее это получится гораздо лучше, – добавил Сева. – По крайней мере, лучше, чем у нас с Муромцем.

– Да, – подхватила Василиса. – Ты только посмотри, какие красивые цветы там теперь.

Когда пришло время отправить в печь большой ягодный пирог, Василиса принялась убирать со стола грязную посуду и рассыпанную муку.

– Вася, откуда у вас столько газет? – удивленно воскликнула Маргарита, обнаружив целую кипу «Летописи-Экспресс», заваленную полотенцами.

– Ах, эти. – Василиса повернулась к Маргарите, держа в руках высоченную гору посуды. – Моя бабушка почти всю жизнь проработала в «Летописи» секретарем, и теперь у нее пожизненная подписка. – Она улыбнулась и чуть не уронила все миски и ложки, балансировавшие у нее в руках.

– Я помогу! – Митя вовремя подроспел ей на помощь.

– Да, ребята, без меня вам явно не справиться. – Не прошло и пяти секунд, как Сева благополучно отправил всю посуду в раковину одним взмахом руки.

– Может, ты и помоешь это с такой же скоростью? – парировал Муромец.

– Тут бы нам не помешала Водян... – Сева не договорил, потому что его перебила Маргарита. Огненная колдунья все это время молча листала газеты.

– Это все свежие номера! Почти за месяц.

– Да, именно...

– Нет, Василиса, ты не поняла, о чем я. Я просмотрела номера почти за

месяц и не нашла ничего про похищение Полины! Ничего, вы понимаете? – Ее глаза яростно заблестели.

– Ты не права, – начал Муромец, выражение лица которого тут же стало серьезным. – Когда это только произошло, в «Летописи» сообщили. Они должны были проинформировать магов о том, что равновесие сил может быть нарушено.

– Но почему они не пишут ничего о ее поисках?

– Газеты Росеника легко могут оказаться в руках старообрядцев. Все действия Светлых засекречены.

На кухне, где еще недавно раздавался смех, повисла гнетущая тишина.

– Марго, они ищут ее. – Василиса подошла к подруге и положила руку ей на плечо.

– Да, наверное. Простите меня. – Огненная колдунья опустила глаза, уставившись в вычищенный дощатый пол. – Наверное, насмотрелась в свое время потусторонних фильмов... Вертолеты, полиция, суперагенты. Кажется, что существует столько способов... Но когда нам ничего не рассказывают и в газетах ничего не пишут, невольно задаешься вопросом: они вообще что-нибудь делают?

– Это непростая ситуация. И не только из-за самого похищения... Полины, – сказал Митя. – Темные не выходят на связь.

– Что ты имеешь в виду?

Муромец взглянул на Севу, ища у того поддержки, но тот отстраненно смотрел в окно, за которым виднелся Небывалый тупик. Митя замаялся, подыскивая подходящие слова.

– Возможно, ты не знаешь, но, несмотря на давнее и непримиримое противостояние, между Светлыми и Темными есть свои... назовем их так, регламентированные отношения. Когда случается что-то вопиющее, угрожающее равновесию сил, происходит встреча глав Светлого и Темного сообществ.

– Подожди, – Маргарита непонимающе покачала головой. – Но разве перевес в сторону тех или других – не цель этого противостояния?

– Нет, – в разговор вмешался Сева. – Это сложно объяснить, но равновесие между Светлыми и Темными магами должно оставаться неизблемым. Перевес в одну сторону может привести к непоправимым последствиям для всех. Тебе не приходило в голову, почему так редко проводится Русалий круг, если есть возможность пройти особенное Посвящение в ином мире и обрести новое сакральное знание? Один такой посвященный Светлый маг породит такого же на Темной стороне. Или нескольких, хоть и не таких сильных. Природа восстановит равновесие.

– Но когда Полина была с нами, я хочу сказать, она же Водяной магии...

– Дело не в стихии. Сила Полины еще не была раскрыта полностью, – тихо произнесла Василиса, и Маргарите почудился шепот летнего леса. – Очень важно, как потом использовалась бы ее сила.

– Да, – подтвердил Митя. – В этом все дело. Но я не думаю, что у Темных такие же благородные цели.

– Но почему Светлые не пытаются ее вернуть? – Голос Маргариты больше не звучал воинственно, она с надеждой смотрела на друзей: холодный ветер, убаюкивающий шум леса и такие теплые кошачьи глаза обладали мудростью, все еще не доступной ей самой. Они могли ее успокоить. Они знали как.

– Никто не знает, где находится Полина. Нет никаких следов. На Вече Старейшины пришли к выводу, что и многие Темные не осведомлены о ее местонахождении. А Берендей, их предводитель, отказывается от встречи с Ирвингом.

– Но как же равновесие, о котором вы столько говорили?! – воскликнула Маргарита.

– Существуют маги, которым нет до этого никакого дела, – ответил Сева. – Последствия от перекоса сил может и вовсе не придется на их век, поэтому они не особо об этом думают.

– Но это не значит, что Полину невозможно найти! У Ирвинга опытные дружинники, и есть еще бессловники, которые... – Василиса не успела закончить фразу: в кухню заглянула Ирина Станиславовна.

* * *

Анисья шагала чуть шире и резче обычного по направлению к избушке Марьяны, и ее испорченное настроение можно было понять. На эту встречу она шла одна, хотя с ней были приглашены Митя с Севой. Более того, сегодняшнее собрание у Марьяны должна была посетить Ася Звездинка, и Анисья никак не могла взять в толк, с чего это вдруг ее брат потерял интерес к семейству Звездинок и вместо того, чтобы попытаться разузнать что-нибудь об отце Аси, пошел в гости к Василисе. Анисью возмущал и сам факт обещанного присутствия Звездинки. Марьяна, очевидно, считала себя вправе устраивать чужие отношения, когда заявила Анисье:

– Я пригласила и Асю Звездинку. Ты же не будешь против? Бедняжка! Мы не должны отворачиваться от нее только потому, что ее не взял в жены

какой-то там сын целителя. И потом, было бы прекрасно помирить вас с ней. Представляю, как все будут говорить, что Марьяна Долгорукая помирила семейство Звездинок и Муромцев.

Подобное Анисья уж точно не вынесла бы, но в первые секунды после услышанного она от возмущения просто не могла подобрать слов, а потом внезапно появились Василиса с Маргаритой и увели ее. Влияние Звездинок в обществе возросло. Светлые колдуны, жившие в соседстве с потусторонними и мечтавшие перебраться ближе к собратьям, восхваляли Анатолия Звездинку за новый жилой квартал, который вот-вот будет готов. Газеты трубили об этом каждую неделю. Вот почему Марьяна решила пригласить Асю!

– Маленькая... себялюбивая... гусыня... – цедила сквозь зубы Анисья, готовая в эту минуту взять обратно все свои хорошие слова о Марьяне, которые говорила брату. – Невыносимый... упрямый... вредный... – продолжала она уже о самом Мите, вспомнив, что он променял поход в ее обществе к Марьяне на другие, совсем ему не подходящие развлечения. То есть, конечно, в походе в гости к Василисиной бабушке не было ничего плохого, но только не тогда, когда тебя пригласила невеста!

К избешке Марьяны с противоположной стороны приближался колдун. Анисья подняла на него глаза и выдохнула с неожиданным для самой себя приятным облегчением:

– Дима, это ты!

– Добрый день, – ответил внук Велес.

– Тебя пригласила Марьяна?

– Да.

– Слава богам! Ты просто не представляешь, как я рада тебя видеть!

В ответ Дима промолчал, но его взгляд намертво приковался к Анисье.

– Я, правда, ни за что бы не подумала, что ты придешь, получив такое приглашение. Как видишь, даже мой братец не пожелал идти. Вынуждена предупредить, что здесь тебе может быть не слишком интересно.

Она толкнула дверь и вошла в избежку. Как оказалось, все ждали только их. С прошлого раза народу прибавилось почти вдвое, и здесь действительно присутствовала Ася Звездинка – она сидела за столом у окна, почти что в обнимку с пиалой, наполненной фиалками в сахаре. При виде Анисьи она улыбнулась, но выглядело это не слишком вежливо. Анисья постаралась придать лицу безразличное выражение, чтобы никто не догадался о том, что происходит у нее на душе. В воздухе висело какое-то напряжение; Саша Велес, довольно бодро кивнувшая троюродному брату, выглядела всерьез расстроенной; Ниночка с Настенькой тревожно

перешептывались и даже не сразу обратили внимание на вошедшую Анисью.

– Как я счастлива, что вы пришли! – воскликнула Марьяна. – Мы оставили для вас места.

Анисья взглянула на указанные кресла и поняла, что их три, а не два. Значило ли это, что маленькая Марьяна все же ожидала увидеть своего жениха?

«О боги, Митя», – в сердцах подумала Анисья и чуть было не покачала головой. Где-то в глубине души она понимала, почему злится на него. Он может так просто променять свои обязанности на веселый вечер в компании друзей. Наверное, и ей хотелось того же... Или нет? Все же общение с колдунами из древних родов хоть что-то, да значило. Ей казалось, что в этих встречах есть какой-то высший смысл. И брат, как наследник самого известного семейства, должен был ее поддерживать. И Маргарита должна была ее поддерживать, и Сева... Но вместо этого они ушли к Василисиной бабушке. А она отдувалась за всех!

– Ну что ж, можем начинать! – предложила Марьяна.

– Я хочу открыть собрание, – сказала одна из ее подруг. – С прошлой нашей встречи сменилась лунная четверть, а новостей о Водяной колдунье все нет. Нам известно, что на этой неделе состоялось Вече. – Она вопросительно посмотрела на Диму, тот кивнул в подтверждение ее слов. – Но мы до сих пор не знаем, какие меры принимают Старейшины по поиску Полины Феншо и какие сведения им доступны.

– Это тайна, – сказал Дима.

– Но разве мы не имеем право знать хоть что-то? – воскликнула Лена Трувор.

Анисье стало понятно, почему всем так интересен Дима Велес и почему Марьяна затащила его в свой клуб: он исправно посещал Вече Старейшин вместо своей бабушки и знал больше, чем Митя, который далеко не каждый раз сопровождал отца.

– Они отправляют сверхчувствительных на поиски, – после некоторой паузы все-таки ответил Дима. – По изменению магического фона можно обнаружить Водяную магию.

– Ну... об этом мы и сами догадались, – бросила Лена.

– Молодцы, – Дима пренебрежительно отвернулся.

– Ладно, будем надеяться, что к следующему разу что-нибудь прояснится, – миролюбиво вставила Марьяна. – Тогда давайте обсудим следующую новость. Сегодня на рассвете одна из Морянок, которые, как известно, водятся в нашей реке, напала на непосвященного.

– Что?! – Несколько человек буквально подскочили на своих стульях. Анисья и Ася Звездинка с недоумением уставились на хозяйку избушки.

– Подтверждаю! – воскликнула Лена. – Своими глазами видела, как мальчишку принесли в лазарет.

– Он жив?

– Да, жив.

– Но подождите, как это возможно?! – возразила Саша Велес. – Морянки по договору стерегут Заречье и не трогают колдунов!

– Кажется, защита Заречья продолжает разрушаться и договор магов и нежити сходит на нет. Наверняка виной этому сбежавший с Посвящения велий – Лиса. Морянки будут охотиться на нее.

– Но ведь не зареченские Морянки!

– Да уж, пока этот случай единичный, лучше не делать таких выводов, – вставила Ася Звездинка.

Завязался спор. Анисья наблюдала за ним со смешанными чувствами. Что-то внутри сопротивлялось и отказывалось осознавать, что в Заречье стало так опасно. Пострадавший парень встретился с Морянкой у реки, когда отправился туда на самостоятельную практику созерцания. Многие предпочитали для этого берег Нищенки. По словам Густава Вениаминовича – так по крайней мере передала Лена «Прекрасная», – колдун навсегда останется с уродливыми шрамами. И хорошо еще, что он смог отбиться от Морянки! Но интересно... как ему это удалось?

– Еще из грустного: лошади продолжают хворать, – сообщила Саша Велес, когда спор о Морянке немного утих.

– Слава богам, что твоего пегаса удалось выходить! – обратилась Ниночка к Марьяне.

– Зато сегодня пал еще один конь.

– Кто именно? – спросила Ася.

– Точно не пегас, – отозвалась Марьяна.

– Такой гнедой, не очень приметный, – сказала Саша.

– Случайно не тот маленький?

– Да, маленький.

– Видга? – прошептала Анисья.

– Да, точно! Всегда забывала его имя.

Анисья вцепилась в подлокотник. Умер Видга. Красивый маленький конь – любимец Водяной колдуньи. Что-то словно придавило ее к креслу: дышать стало тяжело, под ресницами заблестела влажная пелена. Ощущение полной беспомощности и страха... Она сидит тут совсем одна, а где-то далеко Темные прячут Полину Феншо. И где-то в конюшнях без

нее умер от неизвестной болезни ее Видга... а Митя... Митя пошел веселиться... Веселиться с друзьями, пока она пытается хоть как-то решить все навалившиеся проблемы.

– Что же это такое происходит? – тем временем возмущались гости Марьяны, но Анисья уже не разбирала, кто что говорит. – Кто-нибудь может ответить, что это за странные болезни и почему от них страдают лошади?

– Сейчас этим занимаются ведари.

– Редкий и интересный случай! Хотя и такой печальный.

– Как жаль, что Дмитрия сейчас нет с нами. Думаю, он бы нам помог, ведь он как раз изучает магические особенности лошадей, – сказала Марьяна, и легкая краска залила ее лицо. Анисья медленно перевела на нее взгляд и поняла, что Марьяна только сейчас упомянула Митю и даже не спросила, почему он не пришел. Зато Ниночка внезапно встрепенулась:

– А ведь и правда! Митя ведь должен был присоединиться к нашему клубу. Отчего он не смог прийти?

– Хм... его пригласили в гости... – после затянувшейся паузы ответила Анисья: обида на брата мешала ей сосредоточиться. – Еще раньше, чем это успела сделать Марьяна.

– А, Леша Рублев? – уверенно спросила Марьяна, но Анисья уже давно не считала Алексея Рублева достойной причиной не принимать приглашения своей невесты.

– Нет... не совсем...

– Тогда, наверное, семья Заиграй-Овражкина. Ну да, это очевидно.

При этом имени Настенька и Ниночка блаженно вздохнули.

– Ну-у... – растерянно протянула Анисья, не ожидавшая, что девочки примутся гадать. – Почти...

– К чему все это? – вдруг сказала Ася Звездинка, и губы ее растянулись в улыбке, придав остренькому личику странное хитрое выражение. В этот миг Анисья почувствовала змеиный яд ее слов. – Всем понятно, что Митя Муромец предпочитает другое общество.

Повисло молчание, все повернули к ней головы: даже Дима Велес и Марьяна Долгорукая. Та имела такое озадаченное выражение лица, будто пыталась вспомнить, каким образом на собрании ее клуба очутилась Звездинка.

– Что ты имеешь в виду? – холодно спросила Анисья, стараясь, чтобы ни одна искра гнева не промелькнула на ее лице.

– Конечно, она имела в виду то, что Митя очень дружелюбный и общительный, – откликнулась Саша Велес, которая с детства была

хорошего мнения о наследнике Муромцев.

– Именно, – кивнула Ася, тем не менее продолжая хитро улыбаться Анисье. – И то, что он предпочитает толстушек.

– Толстушек? – воскликнула Саша Велес и рассмеялась, будто это была смешная шутка. Ниночка с Настенькой вторили ей, и только Анисья даже не улыбнулась. Их с Асей взгляды встретились. Звездинка смотрела пристально и продолжала ухмыляться.

– Да, толстушек. И милые романтические прогулки с ними.

– На кого это ты намекаешь? – оцетинилась Елена «Прекрасная», возможно, подумав, что Ася говорит о ней.

Та не успела ответить, потому что Анисья внезапно поднялась с кресла – поднялась с таким видом, какой был свойственен всем Муромцам. Гости задержали дыхание и обернулись, кристаллы-световики, расставленные на полках, вспыхнули. Ее красивое лицо было спокойно, чуть раскосые глаза сверкали льдом.

– Митя правда любит милые романтические прогулки, – сказала она. – И красивых девушек. Толстушки вполне могут быть в его вкусе. Ему не нравятся разве только те, что похожи на ядовитых змей. А теперь прошу меня простить. – Анисья оглядела Марьяниных гостей. – Мне пора.

Она взяла со спинки кресла свой плащ и в полном молчании всех присутствующих удалилась. Едва она вышла, за ее спиной раздался шаг, дверь еще раз заскрипела и хлопнула.

– Подожди, – раздался голос Димы Велес. – Мне тоже там нечего делать.

Анисья пожала плечами, подождала, пока он спустится с крыльца, и медленно двинулась по дорожке.

– Что твоему брату удалось узнать об Анатолии Звездинке? – внезапно спросил Дима.

Разъяренная, задетая Анисья вздрогнула при звуках этого имени, но вскоре осознала, что вопрос касается не Аси, а ее отца.

– К сожалению, ничего, – выдавила она, теперь уже совершенно не желая контролировать голос и скрывать от собеседника свою злость.

Ледяное небо исторгало мелкий дождь со снегом, Анисья подняла воротник, пошла быстрее к дому.

– Твой брат его в чем-то подозревает?

– Может, и так, – сказала она Диме.

– Я пытался поговорить о Звездинке со своей семьей.

– С бабушкой? – спросила она.

– Да. Звездинка когда-то ведь проходил Посвящение здесь. Я думал,

она сможет пролить какой-то свет.

– И что?

– Ничего стоящего она не сказала. Разве что когда-то, много лет назад, между вашей семьей и Анатолием Звездинкой произошла неприятная история. В определенных кругах он даже заявлял, что стал свидетелем чего-то такого, что могло бы очень не понравиться общественности.

– Это еще что значит?!

– Кто знает, возможно, что и ничего, – с усмешкой произнес Дима. – Как мы видим, Звездинки склонны к распусканию грязных сплетен. Но твоему брату, конечно, следует быть осторожнее – что-то подобное я уже слышал о нем еще месяц назад.

– Что-о?

– Но ни тогда, ни сейчас я не придавал этому никакого значения. Сам я никогда не видел его вместе с ней.

– С кем «с ней»? – спросила Анисья.

– С твоей рыжей подругой. Ведь на нее намекала Звездинка, не так ли?

– Это так очевидно?

– Вполне, – почти равнодушно ответил Дима. – Просто чтобы задеть, она выберет близкого тебе человека.

– Знаешь, в чем мой брат подозревает Звездинку? – Анисья вдруг резко повернулась к Диме, ее голос и взгляд были наполнены ненавистью. – В том, что Звездинка на стороне Старообрядцев!

Дима никак не отреагировал, будто подобное обвинение не казалось ему чем-то скандальным.

– Почему ты молчишь?

– Думаю, что это очень вероятно, – неохотно ответил Дима. – Меня тоже что-то в нем напрягает. Но у меня нет никаких доказательств.

– То есть точно ты этого не знаешь?

– Откуда я могу это знать точно? – Внук Велес с удивлением посмотрел на девушку.

– Послушай. – Она остановилась. – Можешь не отпираться. Я знаю, что ты связан с Темной магией.

Дима тоже остановился и уставился на нее.

– Да-да, я видела у тебя книгу. Древний трактат о магии крови!

– И это значит, что я связан с Темной стороной?

– А что же это еще значит? – вскрикнула Анисья.

– То, что у меня здоровый интерес ко всем видам колдовства, – медленно проговорил Дима, хмурясь. – Каждый третий в Заречье интересуется Темной магией, но это не значит, что все эти люди в будущем

перейдут на сторону Старообрядцев. Ты что, думаешь, что твой брат и твой любимый Заиграй-Овражкин не читали всех этих книг?!

– Конечно, не читали!

– Ну это же глупо, Анисья.

– Что ж, отлично!

Дождь полил сильнее – ледяной и колкий. Анисья развернулась и побежала обратно к своей избушке, мимо которой прошла, увлекшись разговором.

* * *

– М-м-м, как вкусно пахнет! – колдунья замерла в дверном проеме, с недоумением оглядывая печальные лица. – У вас что-то случилось?

– Пироги подгорели, – ответил Митя первое, что пришло ему в голову.

– А по-моему, в самый раз. – Ирина Станиславовна заглянула в печку, где пирожки нетерпеливо ерзали на противнях. – Василиса, бабушка уже спустилась. Наверное, пора садиться за стол. Пойду все подготовлю. Ах, представляю ее удивление, когда она увидит вас всех. Не каждый день к тебе приходит Муромец, – произнесла она, уже покидая кухню.

– Может, мне лучше остаться здесь? – смущенно спросил Митя.

– Да, пока мы сидим за праздничным столом, ты можешь помыть посуду. Такое точно случается не каждый день, – ответил Сева, похлопав друга по плечу.

Как и предсказывала Ирина Станиславовна, Василисина бабушка никак не ожидала, что один из друзей ее внучки окажется наследником всего состояния Муромцев. На несколько секунд она даже потеряла дар речи, и ребята по-настоящему испугались, что, пожалуй, это слишком неожиданный сюрприз для такой пожилой колдуньи. Но в конце концов бабушка пришла в себя и вскоре обратила внимание на Севу.

– Вы сын Заиграй-Овражкина? Я помню его совсем мальчишкой. Но вы не похожи на него, – отметила она, внимательно вглядываясь в лицо Севы.

Стол выдвинули в центр комнаты. Скатерть в цветочный орнамент была уставлена разномастными тарелками, пиалами и блюдами, заполненными едой. Главным же украшением служили выложенные горкой пирожки.

– Вася, я обожаю ваш дом! Одна посуда чего стоит! – Маргарита принялась рассматривать тарелки.

– Ох, скажи это моей бабушке! В нашем дома не найдешь даже пары одинаковых чашек. И бабушка только что пожаловалась маме, что непростительно подавать Муромцу еду не из фамильного сервиза.

– А какой у вас фамильный сервиз?

– Никакой, в этом и проблема, – улыбнулась Василиса, смущенно взглянув на Митю.

Муромец сидел, уткнувшись взглядом в стол и боясь сделать лишнее движение, чтобы не привлечь к себе большее внимание. Пока Маргарита с Василисой о чем-то со смехом перешептывались, он тоже разглядывал узоры на своей тарелке. Он очень редко бывал в чужих домах. В бальных залах известных поместий – постоянно, а вот в малой гостиной с небольшим столом, рассчитанным только на своих... Душевная простота этого дома и оказалась самой сложной. Будто все силы уходят только лишь на раздумья о том, как себя вести.

– Муромец, – Сева, сидевший рядом, незаметно для остальных толкнул его локтем, – будь добр, представь, что ты на приеме в поместье Долгоруких, и нацепи свою фирменную улыбку. Обычно у тебя хорошо получается изображать веселье, даже когда рядом невеста, а тут всего-навсего бабушка. Не унывай. На твой день рождения мы испечем тебе столько же пирогов.

Митя ничего не ответил, но все же постарался придать лицу непринужденное выражение. Весь вечер его мучили мысли о приближающейся помолвке, которая внезапно перестала казаться далекой и нереальной. Теперь, когда его невеста жила в Заречье и постоянно попадалась ему на глаза, он думал о необратимости происходящего. А попав домой к Василисе, с ужасом осознавал, что совсем скоро такая простая вещь, как встреча с друзьями в этом старом уютном доме, станет для него недоступной. Он встретился взглядом с рыжеволосой колдуньей, которая тут же смущенно отвела глаза. «Как хорошо, что она не умеет читать мысли». Неловкость не исчезала. Ощущение того, что все это морок, ошибка, сон, не давало покоя.

– Что же вы сидите с пустыми тарелками?! – воскликнула Василисина мама. – Дочка, поможешь мне?

– Я думала, мы дождемся бабушкиных друзей.

– Василиса, что ты такое говоришь! – встрепелась Анастасия Филипповна. – Когда за столом такие высокопоставленные гости, как наследник Муромцев, нельзя заставлять их ждать.

Это прозвучало как подтверждение мыслям Мити, и он уже собрался возразить, как из прихожей раздался звон колокольчика. Ирина

Станиславовна тут же пошла встретить припозднившихся.

– Анастасия, дорогая, прости нас великодушно! Мы мчались к тебе со всех ног, но в нашем, знаешь ли, возрасте, это получается не так уж и быстро. – С этими словами в комнату вошел невысокий пожилой маг с круглым лицом. Он тут же направился к имениннице и, расцеловав ее, опустился на предложенный стул рядом с Маргаритой. Следом за ним в комнате появились еще двое: миниатюрная дама с длинными седыми волосами и долговязый мужчина в кафтане. Тот расположился рядом с Севой, а колдунье досталось место между именинницей и Митей. Не успела она дойти до свободного стула, как Митя, несмотря на смущение, вскочил и, взяв ошеломленную старушку под руку, проводил ее до места и помог сесть.

– Да, Муромец, когда я говорил, что ты должен вести себя как на приеме у Долгоруких, я не думал, что ты воспримешь это так буквально! – еле слышно произнес Сева.

– Ах, да, Валера, Николай, Маша, я не представила вам нашего гостя. Познакомьтесь, это сам Дмитрий Муромец! Представляете, он готовил сегодня пироги на нашей кухне! Когда Василиса рассказала мне об этом, я чуть не потеряла дар речи...

Мите захотелось провалиться сквозь землю и не видеть удивленные выражения лиц пришедших. К тому же в долговязом пожилом колдуне он узнал Николая Писарева, известного журналиста «Летописи-Экспресс», которого видел на свадьбе Рублева. Слава Перуну, «Летопись» славилась серьезными материалами и можно было надеяться, что там появится статья с заголовком: «Муромец и пирожки: что между ними общего?». Даже такая абсурдная мысль не вызвала на Митином лице и тени улыбки.

– Да, мы испекли очень вкусный ягодный пирог по рецепту Розалии Павловны, но это на десерт. – Василиса поспешила сгладить неловкость и представить остальных друзей. – Митя с Севой и Маргаритой пришли мне помочь.

– Как это вас выпустили из Заречья? – Пожилая дама, которую звали Мария Мезенцева, удивленно подняла брови. – Мой внук проходит там Посвящение, но его не отпускают домой даже в Полнолуние.

– Митя с Севой уже прошли Посвящение и могут иногда покидать деревню, а мы с Маргаритой получили разрешение у Велес, – пояснила Василиса.

– Да, не те времена нынче. – Круглолицый старик в ярко-зеленом праздничном жилете, который опасно натянулся на его объемном животе, покачивался на стуле и смотрел на юных колдунов. Взгляд его был

прикован в основном к Муромцу, будто старик и правда не верил в то, что перед ним отпрыск самого богатого и древнего рода. – Вспомните, – он обратился к пожилым колдуньям и Писареву, – когда мы с вами проходили Посвящение, все было строже – порядок был. А что теперь? Велес держится слишком независимо. Вы слышали, что одним из наставников стал странник? Где это видано?!

– Македонов прекрасный наставник! – выпалила Маргарита. – Любой Огненный вам это подтвердит. – Ее щеки тут же залились румянцем, а в глазах появились воинственные огоньки.

– Что вы говорите, барышня?

– Валера, отстань от молодежи! – В разговор вновь вмешалась Мария. – Посмотри, какие хорошие ребята, – добавила она, бросив немного смущенный взгляд на Митю.

– Сейчас не время для такого свободолюбия. В мире творится черти что. У нас была Водяная колдунья, одна-единственная девочка, ее и то не смогли уберечь!

Ирина Станиславовна бросила озабоченный взгляд на гостей, в то время как Анастасия Филипповна возмущенно накинулась на приятеля:

– Валера, опять ты за свое! Вечно всем недоволен.

– Это необходимая черта газетчиков! Мы ругаем, чтобы неповадно было!

«Так он тоже из газеты, – раздосадованно подумал Митя. – Интересно, из какой».

Николай Писарев усмехнулся, но поддержал коллегу:

– Анастасия, если бы ты сейчас оказалась в редакции, то просто не узнала бы ее. Все стоят на ушах со времен похищения Водяной. Мы пытаемся раздобыть хоть толику информации, но ни Велес, ни Ирвинг ничего не говорят. Было только одно официальное заявление.

Митя решил внимательно следить за Писаревым. В отличие от своего эмоционального друга он был сдержан и вставлял замечания в исключительном случае.

– Но ведь газеты из Росеника могут попасть к Старообрядцам! – воскликнула Маргарита, повторяя сказанные ранее слова Севы.

– Дорогая, к сожалению, мы не можем с уверенностью утверждать, что эта информация не попадает к ним через другие каналы, причем намного более осведомленные, – снисходительно заметил колдун в ярко-зеленой жилетке, продолжая раскачиваться на стуле. Писарев же ничего не ответил, словно этот вопрос был адресован кому-то другому и никак не касался его собственных слов.

– Ну что же вы просто сидите? – Василисина мама озабоченно переводила взгляд с Муромца на остальных гостей, не зная, как увести разговор в более спокойное русло. – Угощайтесь! Вася, а ты положила в пирожки самоцвет?

– Ах, я совсем забыла предупредить об этом. – Она повернулась к Севе, Мите и Маргарите. – Да, самоцвет спрятан в одном из пирожков. Считается, что тот, кому он попадется, обретет богатство!

– Муромец, береги зубы, – пошутил Сева и принялся за угощение.

Однако он ошибся: самоцвет попался Василисе.

– Вася, ты специально отметила счастливый пирожок? – возмутилась Маргарита, которая уплетала уже третий пирог, оправдывая это тем, что пытается найти заветный самоцвет. Василиса же с недоумением смотрела на переливающийся камень на своей ладони: она действительно запомнила пирожок, куда положила самоцвет, и специально выбрала совершенно другой. И как же так вышло?

Весь остаток вечера прошел за разговорами и воспоминаниями. Василисина бабушка и ее гости рассказывали забавные истории из своей молодости. А Валерий Павлович, колдун в зеленом жилете, мечтательно вспоминал «золотые» времена «Летописи-Экспресс», когда журналисты считались почетными гостями на любом приеме и были вхожи в дома самых знатных семейств.

– Сейчас не то, – печально вздохнул он. – Хотя вон Николай пригласили на свадьбу молодого Рублева. Но у него свои связи, правда? – Он рассмеялся, глядя на коллегу, который невозмутимо пил рябиновую наливку на другом конце стола. Писарев вдруг повернулся к Муромцу, и их взгляды встретились. Муромец видел их вместе с Вещим Олегом, а Марьяна поведала, о чем они могут разговаривать, скрывшись ото всех в саду. Возможно, и Писарев видел их с Марьяной в тот день, возможно, заметил, как пристально Муромец наблюдает...

– Дмитрий, а что вы знаете о Долине Гремящих Ветров? – Писарев неожиданно обратился прямо к Мите. Гости тут же притихли.

– Не больше вас. Многие колдуны жаловались, что с потусторонними жить стало совершенно невыносимо. Говорят, Темная магия проникает повсюду, и Светлым становится тяжело. Поэтому они хотели перебраться в наши города, но и города располагаются слишком близко к поселениям потусторонних. Их почти невозможно расширить. Остается все меньше мест, где колдуны могли бы жить незамеченными. Поэтому часть Старейшин согласилась строить жилой квартал в Долине Гремящих Ветров.

– Но другая часть старейшин была не согласна? – уточнил Писарев.
– Да. В том числе мой отец.
– Но почему? – вмешалась в разговор Маргарита. – Никак не пойму, что такого в этой вашей Долине Ветров?

– Это пустырь на самом севере. Аномальное место, раньше никому не пришло бы в голову там жить. Слишком сильно проявлена Воздушная магия, она будет мешать колдунам остальных стихий. Многие чары там не действуют, даже информационные послания доходя туда с искажением.

– И потом, слишком близко большая вода, – добавила Василисина бабушка. – Океан. Кто знает, что выбирается из океана по ночам... и кто посещает этот пустырь.

– Вряд ли это место покажется колдунам лучше, чем города потусторонних. Но средства все же будут потрачены, дома возведены, а часть магии поселенцев – утрачена.

Когда на город начали опускаться сумерки, гости засобирались. Проводив бабушкиных друзей (Валерий Павлович уже стоя на пороге посетовал, что «нынче страшно ночью из дома выйти»), Маргарита, Сева и Митя поняли, что им тоже пора уходить – Велес больше не выпустит их, если они опоздают.

– Всего хорошего. Здорово, что вы все-таки выбрались! Это был волшебный вечер! – улыбнулась Василиса, когда мама с бабушкой попрощались с ребятами и оставили их одних в прихожей. – Увидимся завтра утром.

Друзья обнялись, Сева с Маргаритой вышли на улицу, но Митя вдруг остановился. Перед самой дверью он обернулся.

– Еще раз спасибо, что приш... – начала было Василиса.

Бросив на нее короткий взгляд, Митя схватил и поцеловал ее руку, а потом развернулся и очень поспешно вышел.

Василиса осталась стоять перед захлопнувшейся дверью и улыбаться.

«Митя Муромец поцеловал мне руку?» – пронеслось в ее голове.

– Вася, – раздался голос матери. – Не сможешь принести из гостиной чашки?

«Митя Муромец поцеловал мне руку!» – чуть не выкрикнула Василиса в ответ, но вовремя остановилась.

Глава седьмая

Пророчество

Удивительно, как быстро расползаются слухи. Иногда кажется, что для этого им вовсе не нужны ни рты, ни чьи-либо уши. Магов, тех, по крайней мере, с которыми виделся лично Игорь Македонов, охватило радостное волнение, будто все они уже предвкушали что-то, хотя даже не знали, в чем дело. Он и сам ощущал непривычный мистический трепет. Он давно был уверен в своем особом предназначении, в том, что судьбой ему уготована заметная роль, но все же не предполагал, что цепочка событий, в которых он был замешан, приведет к появлению Вещейки – этого легендарного, высшего существа, свидетельствовавшего о том, что Старообрядцы остались на верном пути.

Весь особняк Берендея сверкал на солнце, сухой и холодный день втекал сквозь огромные окна прямо в залу. Откуда-то доносилась музыка. Вдали уже слышались шаги хозяина, его мощная медвежья поступь узнавалась среди шагов других колдунов. Едва распахнулись двери и огромная фигура Берендея появилась в проеме, Игорь нетерпеливо вскочил с кресла ему навстречу:

– Я уже слышал, что тебе была оказана великая честь! Ты встретился с Вещейкой!

– О да! И тебе предстоит узнать, что она сказала. – Предводитель Старообрядцев был в прекрасном расположении духа, он подошел к столу, щелкнул пальцами, и перед ним тут же появилась скатерть-самобранка. Развернув ее одним рывком, он отстранился и с секунду любовался возникшими яствами. – Угощайся. Ты знаешь, судьба на нашей стороне, раз даже боги воплощаются в этом доме, чтобы принести благую весть.

– Я слушаю тебя, – ответил Воздушный маг, принимая из рук Берендея кубок, до краев наполненный медом. Взгляд, скользнувший по скатерти, отметил, что и блюд и приборов было рассчитано более, чем на двоих. Значит, ожидались гости.

– Для начала, – сказал Берендей и поднял бокал, – прими благодарность за то, что нашел Водяную колдунью и привел ее ко мне. С ее помощью мы вернем былую мощь! В этом ее предназначение.

Он залпом осушил свой кубок.

– Так сказала Вещейка? – с неподдельным восхищением воскликнул

Игорь.

– Она сказала лишь, что эта девчонка прямой потомок великой Милонеге! – Берендей принялся расхаживать по зале. – Наследница, что сможет объединить все стихии. Объединить все стихии, понимаешь? В одном теле! Как это сделала Милонеге! Но Милонеге не хватало Воды... Подумай, что это может значить. Мудрая колдунья оставила дитя, чтобы продолжить род. Чтобы когда придет время, душа смогла вновь прийти в этот мир в теле, в котором течет ее кровь. Только так она сможет вспомнить себя и свои незаконченные дела. Мы знаем, что с тех пор как Ирвинг уничтожил Милонегу и не оказал ей должного уважения при погребении, ее неупокоенная душа пытается вернуться!

– И теперь Водяная колдунья, ее прямая родственница, с нами... – шепотом продолжил Игорь. План Берендея все яснее стал вырисовываться перед ним. – Значит, все и впрямь было не зря... – добавил он уже себе под нос.

– Теперь великая колдунья сможет вернуться! Я помогу ей, а она поможет мне... Вместе мы вернем старый порядок...

– Пройдет так мало времени, и мы выберемся из тени, и нам никто будет не страшен.

– Именно! – воскликнул Берендей, еще раз наполняя бокал.

– С такой мощью, которой обладает Милонеге, мы станем непобедимыми, – продолжал Игорь. – Ждать меньше года... всего год, чтобы дать шанс Милонеге вернуться. Поверить не могу!

– Год? – Берендей остановился посреди комнаты. – Почему ты говоришь про год?

– Меньше года, – поправил Македонов. – Ты же хочешь, чтобы девчонка зачала ребенка, так? Чтобы выносить, ей понадобится время. Душа Милонеге получит тело младенца. Кровь от крови... Ты возьмешь в жены Водяную колдунью и образуете самый влиятельный род... Это ты задумал?

– О, прекрасный план! – вдруг расхохотался Берендей. – Но я не такой романтик, как ты, мой друг! Если бы только у нас было время, чтобы ждать... о нет, я возьму в жены не Водяную колдунью, а саму Милонегу.

– Что? – Игорь едва не выронил из рук бокал. – Каким образом?

– К чему мне душа Водяной, когда ее молодое тело прекрасно подойдет для великой колдуньи? К чему ждать, пока вырастет и окрепнет младенец, когда у нас есть тело юной девицы?!

– Значит, ты собираешься совершить обряд... подмены души? – произнес Игорь голосом, внезапно потерявшим силу. Он вдруг понял, как

судьба выбирает предводителей. Тех, кому поклоняются все остальные, кого слушаются, за кем идут. Смелость предводителей не знает границ. Такие, как Берендей, не знают слова «невозможно». Древние обряды, перешедшие в разряд легенд, сложные обряды, требующие многолетней подготовки, – им по плечу все это.

– Именно, – не заметив перемену в голосе Македонова, ответил Берендей. – Мои некроманты вызовут Милонегу, и мы предложим ей тело девчонки. Мы попытаемся сохранить в нем память о Водяной магии. Говорят, что магия уходит вместе с душой, но я не верю в этот бред. Ее тело знает Воду, помнит ее. О, я бы сделал это хоть завтра! Но мешает одна неприятность. На девчонке лежит проклятие Темных птиц, и нам понадобится время, чтобы его снять. Провидец Ворцлав любезно согласился помочь нам в этом.

– Разве Провидец обладает целительским даром?

– О нет, ты прав! Но тут дело не в целительстве, все гораздо интереснее. Проклятие перекладывается на жертву, и Провидец посоветовал мне обратиться к... а вот, кстати, и он! – Берендей повернулся к дверям как раз за секунду до того, как они отворились и вслед за Шелогой в комнату вошел ее племянник, младший сын Провидца. – Алексе-е-ей, мой мальчик, как я рад тебя видеть!

За ними появился пожилой мужчина с длинными волосами, фигура его была закутана в черные одежды.

– Ворцлав! Мы вас заждались.

Алексей сперва удивленно вздрогнул, но уже в следующую секунду гордо расправил плечи и посмотрел на гостя Берендея.

– Подойди сюда, я тебя кое с кем познакомлю. Это мой верный соратник, Игорь Македонов.

Македонов благоговейно поклонился сыну провидца, а Алексей ответил, заметно обрадовавшись:

– О, вы тоже не прячете своего родового имени? Смелый человек!

– Да, это очень смелый человек. Ты же знаешь, что именно он нашел Водяную колдунью?

– Это были вы? – удивился Алексей.

– К вашим услугам, – ответил Македонов.

– Кстати, о Водяной колдунье мы и хотели сегодня поговорить. – Берендей положил огромную руку на плечо парню и провел его к накрытому столу. – Уверен, ты уже все про нее знаешь. О, я так и думал! Ты будешь рад услышать, что встреча с Вещейкой изменила ее – теперь она уже не такая злючка, как была пару месяцев назад. Да-да, ты-то и так

раньше других добился ее благосклонности, но вот для меня, знаешь ли, это настоящее облегчение.

Все это время Алексей улыбался Берендею и ловил каждое его слово, Игорь Македонов с интересом наблюдал за предводителем, силясь разгадать его план: можно было поверить и в этот тон, и в эту окрыляющую радость, но глаза Берендея темнели и щурились. Провидец Ворцлав таинственно молчал, непроницаемый взгляд его был направлен в пустоту. Берендей подливал в бокалы меда и вновь обращался к Алексею:

– Да, кстати, мой мальчик. Мы должны поговорить с тобой на одну деликатную тему. Ну, садись. – Берендей указал на кресло, и, когда все расселись за столом и наполнили свои тарелки, вновь повернулся к Алексею. – Тебе уже двадцать три года, но, насколько я знаю, ты еще холост.

– Хм... д-да, – запнулся Алексей. О женитьбе он предпочитал не думать. После того как однажды он сбежал к странникам, сближение с кем-то из древних семей ему не светило. А на любой другой брак не дал бы согласия отец.

– Поскольку у нас тут все свои, скажи честно, тебе не нравится ни одна знакомая девица?

– Ну, это сложно...

– Возможно, мне показалось... Поправь меня, если я ошибся. Но как насчет Водяной колдуньи? Разве это не премилое создание?

Воздуха будто стало чуть меньше, вдох дался с трудом. Алексей старался смотреть в глаза предводителю, но не торопился с ответом. Понимание приходило только сейчас, медленно накрывая его вместе с замедлившимися минутами и краской, подступавшей к лицу. Да, совсем юная шестнадцатилетняя колдунья уже заняла свое место в его сердце. Он думал о ней, когда возвращался домой. Вспоминал о ней перед сном, узнавал ее черты в лицах знакомых девушек...

– Да... я думаю, что...

Внезапно скрипнула дверь, и все обернулись на звук. Никто не почувствовал приближения Водяной колдуньи, и теперь она стояла на пороге, равнодушно оглядывая гостей. В полном молчании она прошла к столу, взяла пирожное с кремом и развернулась на каблуках.

– Девочка, может, хватит уже есть столько сладкого? – миролюбиво произнес Берендей, пытаясь понять, слышала ли девчонка хоть часть разговора или нет.

Полина все так же молча остановилась и обернулась.

– Не хочешь поздороваться с нашими гостями? Это Провидец

Ворцлав, ты уже...

Полина вернулась к столу, положила пирожное обратно на блюдо и затем взяла все блюдо целиком. Гора выпечки на нем дрогнула. Не обратив внимания на предложение Берендея, она направилась к дверям.

Раздался грохот. Алексей вздрогнул. Он ожидал бури от Берендея, ожидал, что хрупкая колдунья не справится тяжелым блюдом, но только не ожидал того, что случилось. Ворцлав вскочил и ринулся было вслед Водяной, но вдруг рухнул на колени, и тело его затрясло. Это могло обозначать лишь одно...

– Пророчество... – одними губами прошептал Берендей.

*– Поля, умытые росой.
Туман в овраге за рекой.
Я времени неспешный ход.
Богов забытых древний род.
Заклятий ритмы.
Сны.
Слова.
За ветром... следует вода.*

Голос провидца был слабым, дрожал и срывался, будто говорившему не хватало воздуха, взгляд устремился на что-то, чего не могли видеть остальные. Водяная колдунья замерла. Она стояла спиной ко всем и не шевелилась. Прошла, наверное, минута, прежде чем она обернулась и скользнула взглядом по Ворцлаву:

– Плохие стихи. «Слова» и «вода» не рифмуется. Даже Маливинчок смог бы придумать что-то посерьезнее.

* * *

Василиса возвращалась уже затемно. До Белой Усадьбы ее подбросил Валерий Павлович. У ворот нескольких отпросившихся в этот день колдунов встречал Илья Пророк, звякающий в темноте связкой ключей. Он проводил ребят через большой холл до деревянной двери под огромной медвежьей головой и растворился во мраке открывшегося пространственно-временного туннеля.

В Заречье погода была гораздо хуже, чем в Росенике, сырой воздух

был холоден и колюч. Избушка-на-курьих-ножках уже успела задремать, поэтому очень неохотно опустила на мокрую от дождя землю, чтобы впустить припозднившуюся хозяйку. Василиса взбежала по скользким скрипучим ступенькам крыльца и распахнула дверь. Внутри же оказалось намного теплее, чем утром, – наверное, практикующиеся маги-инженеры поработали над избушкой.

Анисья давно уже вернулась и сейчас сидела за столом, раздраженно перелистывая листы в книге по арифмомантике, пытаясь найти нужную главу на пятьдесят четвертой странице. Вся трудность состояла в том, что нумерация не поддавалась логике: за третьей страницей следовала пятая, за ней – восьмая, за двадцать первой – тридцать четвертая, а за ней – пятьдесят пятая.

– Привет, Анисья! – Вместе с Василисой в комнату ворвался холодный ветер.

– Привет. – Колдунья тотчас отбросила книгу на край стола. – Как все прошло?

– Прекрасно! – весело ответила Василиса, пытаясь высушить волосы колдовством. – Пирог с ягодами получился очень вкусным. Ребята даже купили бабушке подарок, знаешь, такую смешную штуку... – Но Анисья не дала ей закончить, прервав рассказ вопросом:

– Ребята?

– Ну да. – Василиса бегло взглянула на подругу и почему-то вздрогнула. Коса сохнуть отказывалась, и Василиса, бросив это дело, присела на стул прямо напротив Анисьи. – Маргарита, Сева и Митя. Знаешь, мои мама и бабушка сначала очень странно вели себя в присутствии Мити. Тебе стало бы смешно, если бы ты это увидела. Они до сих пор не могут поверить, что я дружу с наследниками самого знаменитого рода в Росенике.

Василиса улыбнулась, вспоминая, как смущался Митя от такого внимания. С позолоченной чашкой, из которой ему приходилось пить чай, ничего поделать не удалось – бабушка настояла. Как Василиса ни объясняла, что Муромцы едят не только с золотых тарелок, – мама с бабушкой оставались непреклонны. Если уж в их дом попал наследник такого знаменитого семейства, то по крайней мере он будет пить из единственной в доме дорогой чашки и мешать сахар исключительно старинной ложечкой с драгоценным камнем! А каково же было их удивление, когда они узнали, что Митя приехал сюда не в дорогом экипаже, запряженном белыми лошадьми, а пришел пешком. К тому же вместо богатой шубы, которую хотела подать ему Василисина бабушка, когда все

собрались уходить, он носил обычный плащ-куколь. Похоже, это даже расстроило пожилую колдунью.

– Нам тебя очень не хватало, – добавила Василиса, вспомнив, что со времен похищения Полины это был, пожалуй, единственный веселый вечер, который она провела в компании своих друзей.

Анисье лишь на мгновение стало стыдно за мысли, которые терзали ее весь сегодняшний вечер с тех самых пор, как она выбежала из Марьяниной избушки. Она вспомнила Василисиных домочадцев, которые так гостеприимно приняли ее два года назад. Но стоило ей представить змеиное выражение лица Звездинки, когда та намекала на связь Мити с Василисой, как в ней закипел гнев:

– Я не могла проигнорировать приглашение невесты моего брата, – с вызовом ответила она, сделав ударение на слове «невеста». – И меня удивляет, почему Митя, вместо того чтобы пойти со мной к Марьяне, отправился к тебе...

В зеленых глазах Анисьи сверкнуло что-то недоброе, это не предвещало ничего хорошего, но Василиса постаралась ответить спокойно:

– Я и сама не ожидала, что он придет. Это был сюрприз для меня.

– Интересно, почему же Митя не пожелал сделать такой же сюрприз своей невесте?

Анисья уже не пыталась скрыть недовольство – в ее голосе явно звучали раздражение, обида и злость.

– Откуда мне знать? Об этом тебе лучше спросить у него, а не у меня, – нахмурившись, ответила Василиса. – Я не просила его приходить и не тащила насильно. Они с Севой сами этого захотели! – На этот раз и в голосе Василисы появились гневные интонации, так ей не свойственные. Но за последние месяцы в Заречье, наполненные постоянным страхом и переживаниями за судьбу Полины Феншо, она слишком отвыкла от простого чувства радости и теперь не могла позволить, чтобы Анисья испортила впечатление от сегодняшнего волшебного вечера.

– Сами захотели?! – От возмущения белокурая колдунья даже вскочила со стула, чуть не опрокинув амагили на столе. – Они сами захотели прийти к тебе, вместо того чтобы провести вечер со мной и Марьяной?

– Не понимаю, на что ты намекаешь. – Василиса все еще старалась сохранить самообладание. – Я не заманивала их хитростью и не подливала в чашки любовное зелье. Они просто пришли в гости.

– Ни на что я не намекаю! Зато люди, которые вообще не должны совать в такие дела свой длинный нос, не просто намекают, а открыто судачат о романтических пристрастиях моего брата к «пухленьким», –

Анисья передразнила писклявый голос Аси Звездинки.

Василиса тут же залилась краской. От какого-то незнакомого ранее смущения... от стыда и... странного, неуместного теплого чувства. Она одновременно не могла поверить своим ушам – слова звучали бестолковым набором звуков, – но понимала, что Анисья не станет придумывать такое.

– Уже все болтают о ваших романтических прогулках! – выпалила Анисья.

– С каких пор Ася Звездинка, если ты говоришь о ней, превратилась в авторитетный источник, а прогулки от столовой до избышек стали называться «романтическими»? – дрожащим голосом спросила Василиса.

– Я не ожидала от тебя такого! А что, если это дойдет до родителей? – словно не слыша возражений подруги, продолжала Анисья. Она говорила все яростнее и громче. – Как, по-твоему, должна была себя чувствовать бедняжка Марьяна, слушая эти пересуды? Ты не понимаешь, как важна эта помолвка для Мити!

– Чего ты хочешь добиться этими словами? – совсем тихо спросила Василиса. Она смотрела на удивительной красоты колдунью, чье лицо было перекошено от злости, и видела ту взбалмошную Анисью Муромец, какой она предстала при их первом знакомстве. «А разве нельзя жить в избышке одной? У меня ведь всю жизнь была отдельная комната!», – капризно спрашивала она у брата. Это потом Анисья оказалась великодушной, рассудительной, умной и верной. Но маска вдруг спала...

– Хочу, чтобы ты перестала порочить репутацию моего брата! – словно удар грома раздались слова Анисьи посреди избышки. – Что было бы, если бы кто-то увидел, как Митя выходит из твоего дома? Да даже с твоей улицы? Сколько было бы пересудов и позора! – Анисья выкрикнула все это не подумав. Стоило словам сорваться с языка, как она тут же пожалела о них. Но было поздно. Василиса глядела не нее так, словно подруга дала ей пощечину. Где-то глубоко внутри стало больно.

– Если ты считаешь, что я позорю ваш род, тебе следовало сказать мне об этом раньше и не ходить ко мне в гости самой. – От Василисиного голоса в комнате разлилась волна холода, словно порыв ветра вновь ворвался в избышку, но уже некому было захлопнуть распахнутую дверь. – Больше я не буду позорить тебя своим соседством. – Она резко поднялась и подошла к двери, где на крючке висел ее плащ. – Теперь Евдокия Рюриковна будет довольна, что ее дочь наконец перестанет общаться с «сомнительными личностями, уступающими по положению». – Василиса уже собиралась выскочить на улицу, даже не накинув толком куколь, но голос Анисьи заставил ее остановиться:

– С «сомнительными личностями»? Так же говорилось в той старой дурацкой статье в «Тридесятом Вестнике»! Неужели она так запала тебе в душу, что ты стала цитировать ее глупого автора?

Василиса обернулась. Ее взгляд поймал взгляд Анисьи.

– Возможно, меня зря мучила совесть за то, что я написала нелицеприятную правду о вашей семье...

Анисье не нужно было обладать способностями Воздушных, чтобы все понять:

– Это была ты?! – с волнением выкрикнула она. – Ты писала это для «Тридесятого Вестника»?! Как ты могла, Василиса? Мы позвали тебя к себе в дом как подругу, а ты написала такие гадости про всю мою семью! Это подло!

Василиса не стала возражать. Она повернулась и вышла из избушки.

* * *

Алексей спускался по ступенькам, света становилось все меньше – тусклое закатное солнце сюда уже не проникало. Он толкнул дверь, она взвизгнула и поддалась. Никто из обитателей этого дома не понимал, почему только ему удастся справиться с дверью. Не понимал и он сам. Но это было правдой – к Водяной колдунье с недавних пор никто не мог зайти, похоже, что она самостоятельно научилась какому-то запирающему колдовству. И только младший сын провидца Ворцлава мог просто повернуть ручку и заставить дверь в ее спальню отвориться. Ему хотелось думать, что это было знаком особого расположения правнучки великой Милонегги. Его тянуло к ней. Не только из-за того, что открылось такое завидное происхождение, нет! Ее необычную силу он почувствовал еще тогда, когда впервые ее увидел. Но и не это было ему интересно. Она была какой-то другой, непохожей на всех его знакомых, хотелось разгадывать ее странный характер, тянуть из нее редкие слова. Никто здесь до сих пор не знал, что представляет собой Водяная колдунья. Что она любит, каким колдовством владеет, разбирается ли в травах, умеет ли влиять на людей. Истории, что рассказывал про нее Берендей: о том, что она ошпарила кипятком уважаемого Учителя, о том, что молчала, когда ее спрашивали о чем-то, и еле заметно улыбалась, когда советники предводителя выбивались из сил, тщетно перебрав все виды колдовства, которым можно было бы повлиять на нее и заставить вымолвить хоть слово. Она боялась лишь физических мук, но и те два раза, когда сильнейший целитель

заставил ее тело сворачиваться в комок от боли, вызванной его заклятием, не проронила ни слова.

Часто он не заставлял ее в комнате. Тогда приходилось ее искать. Поначалу он удивлялся, что Берендей не запирает двери особняка: ведь Водяная могла попытаться сбежать. Но потом он и сам заметил, что она не предпринимает таких попыток. Она выходит на улицу, в сад, читает под облетевшим деревом книгу, найденную в старой библиотеке, но не сбегает. Зато каждую комнату особняка она рассматривала с особой тщательностью... Алексею понадобилась время, чтобы догадаться – девушка что-то ищет. И, возможно, именно сегодня, именно сейчас, у него в сумке лежит то, ради чего она изучила вдоль и поперек все логово Берендея.

Жизнь казалась удивительной. Водяная колдунья была рядом с ними всего несколько месяцев, а уже столько изменилось! Он помнил, как тетя впервые чуть ли не силой тащила его в особняк предводителя. Даже новость о том, что там, в подвале, держат самую настоящую Водяную колдунью, украденную у Светлых, не внушала ему радости. Он искал подвох. Был уверен, что отец придумал какую-то расплату за то, что сын некогда решил податься в странники. Никто не простил ему этого. Никто не простил даже после возвращения. Встреча с Водяной и впрямь оказалась искуплением его личного долга, но разве тогда кто-то мог предположить, что все так обернется? После ухода в странники Алексей уже не мог рассчитывать на благосклонность своей родни. Он не мог надеяться на даже самую малую долю наследства, на брак с достойной девушкой, на уважение... Он стал предателем. Легче было остаться со странниками, но, попав к ним, он понял, что это не его путь. Но знакомство с маленькой Полиной все перевернуло. И после недавнего разговора с Берендеем лицо Алексея то и дело озарялось торжествующей улыбкой. Ведь неспроста его спрашивали о том, как он относится к Полине, испытывает ли к ней что-нибудь. Ему суждено было стать изгоем и козлом отпущения, но теперь ему светил брак с Водяной колдуньей. И не просто Водяной, а еще и внучкой Милонегги. Ведь к этому клонил Берендей, когда интересовался его чувствами?

Едва он заглянул в комнату, в пасти дракона над столом тут же вспыхнул свет, и Водяная колдунья вскочила из-за стола, будто только его и ждала.

– Привет.

– Надеюсь, ты без пророчеств? – Она смешно подняла одну бровь.

– К сожалению, мне не передался дар отца.

– Что значит «к сожалению»? Это же счастье. Хоть не будешь бухаться передо мной на колени, рассказывая глупые стишки, – язвительно ответила Полина, с интересом уставившись на его сумку.

– А ты... так и не поняла, о чем там было в этом пророчестве? – спросил Алексей.

– Нет.

Но он понял. Первая часть пророчества его не особо заинтересовала, но вот фраза «за ветром следует вода» очень удачно дополняло то, о чем они говорили с Берендеем. Ветер – это ведь он сам, Воздушный колдун. А Водяной теперь предстоит везде следовать за ним...

– Почему у тебя такой загадочный взгляд? – Полина нахмурилась.

– Да так, тоже пытаюсь разгадать пророчество.

Полина разочарованно фыркнула.

Алексей понял, что сейчас самое время окончательно заручиться ее расположением. Он снял с плеча сумку.

– Я кое-что принес. Если Берендей узнает, что я показывал тебе это, меня убьют, ты понимаешь?

Водяная колдунья нетерпеливо кивнула.

Он создал большую светящуюся сферу и погрузил в нее сумку. Полина попыталась дотронуться, но тут же отдернула руку.

– Мое колдовство не позволит тебе просунуть туда даже палец.

– Тогда с какой стати ты притащил эту сумку? – разочарованно спросила девушка.

– Там несколько вещей. Ты выберешь одну. Ту, что ты просила принести...

Полина ахнула и прижала к груди ладони, словно не веря в то, что это действительно происходит.

Из сумки медленно выплыла книга Франсуазы Саган, за ней – маленькая круглая баночка, через секунду появилась зубная щетка в футляре с утятами, небольшой мешочек, обшитый кружевом, – кажется, в него Полина припрятала смену белья и заколки, – и в конце концов показалось измятое черное перо.

– Что из этого ты хотела получить, когда просила меня при нашей первой встрече? В твоих мыслях я увидел несколько предме...

– Перо, – оборвала его Полина, голос вдруг стал хриплым и слабым, словно ей не хватало воздуха.

Все вещи снова исчезли в сумке, Алексей схватил перо, и сфера исчезла. Сумка с глухим хлопком упала на пол. Он держал перо в вытянутой руке, и Полина не сводила с него глаз.

– Это единственный предмет из твоих вещей, подвергшийся магическому воздействию. И ты хочешь, чтобы я тебе его вот так отдал?

– Да, – раздался все тот же затухающий шепот.

– Ты даже не отрицаешь, что перо заколдовано?

– Да, заколдовано. Это перо волшебной птицы.

– Мужское колдовство.

– Что? – Полина наконец подняла на него удивленный взгляд.

– Это колдовство сотворено мужчиной, я чувствую. Магия колдунов и колдуний разная. Скажи, – он попытался опять заглянуть ей в глаза, – это связано с кем-то, кого ты... любишь? – Он сам услышал обиду и внезапную требовательность в своем голосе. Только недавно Берендей намекал ему на брак с Водяной колдуньей, а тут вдруг это проклятое перо...

– Это... нет... это друг... друзья... – запуталась Полина, с ужасом глядя на Алексея. – Это друзья, которых я люблю. Они заколдовали птицу.

– Как же заколдовали? – Ему померещилась ложь в ее дрожащем голосе.

– Сделали ее... его... говорящим. Это перо говорящего коршуна, и он жил у меня... Ах, пожалуйста! Отдай!

– Не могу... – Он покачал головой. – Не могу, пока не узнаю, что ты говоришь правду.

– Но зачем же ты принес его?!

– Я думал...

– Послушай... – Она сделала несколько шагов и приблизилась почти вплотную. – Если ты не можешь мне его вернуть, то дай хотя бы дотронуться. Держи в своей руке, я хочу просто коснуться его. Мне дорога эта вещь, это мои воспоминания о доме!

Колдун выждал пару секунд, он размышлял.

Что такого страшного могло быть в том, чтобы позволить ей дотронуться до этого потрепанного пера? Это было перо волшебной птицы, заколдованной, по словам Водяной колдуньи.

И даже если оно каким-то образом могло придать ей сил, он был готов дать отпор. Да и вряд ли она причинит ему вред – он чувствовал, что вызывает расположение. Секунды пролетели, и парень протянул Полине перо, при этом крепко сжимая его основание в кулаке:

– Прости, но я позволю тебе только дотронуться. Берендей оторвет мне голову, если узнает, что я принес тебе хоть что-то из старых вещей.

– Ничего, – прошептала она и сжала своими белыми пальчиками верхушку пера. Ее лицо вдруг сильно изменилось: на нем промелькнула таинственная и вместе с тем жутковатая усмешка. – Финист! – сказала она

требовательно, словно обращаясь к кому-то. – Ясный сокол! Вернись ко мне!

Алексей отдернул руку. Он не понял, что именно произошло – на первый взгляд ничего не изменилось. Но он явно что-то ощутил, будто запустился какой-то магический механизм. Перо осталось в его руке, но по нему прошла еле уловимая вибрация.

– Что ты сделала? – воскликнул маг, обращаясь к Водяной колдунье, но та лишь странно рассмеялась.

* * *

Изматывающая, тоскливая, сделавшаяся постоянной бессонница измучила его. Взгляд упирался в стенку, в полосатые обои, которые рябили в глазах, но теперь на них вдруг то появлялись, то исчезали невообразимые орнаменты, навеянные воспаленным воображением. Тускло-синие, едва различимые в темноте полосы превратились в шаткую лестницу, которая тут же рухнула вниз, рассыпавшись на тысячу осколков. Или это упала не лестница, а что-то хрупкое и ценное выронил из рук он сам? Он оторвал взгляд от маленьких кусочков, покрывавших темную каменную мостовую, и посмотрел вперед. Перед ним лежали развалины черного сгоревшего города. Луна блестела краснотой, словно закатное солнце, насаженное на тонкий металлический шпиль полуразрушенного здания, показавшегося ему смутно знакомым. Деревья стояли безжизненными истуканами, подпирая корявыми ветками тяжелое небо.

Он сделал несколько шагов, вспугнув стаю серых ворон, которые с оглушительным карканьем взмыли вверх и опустились на ветхие остатки стены. Он должен был идти вперед и искать. Он что-то потерял здесь. Кто-то был с ним, когда он явился в этот город. Но кто же?

В дверном проеме одного из сгоревших домов появился силуэт человека и тут же исчез, словно легкий крылатый призрак чего-то далекого, недостижимого... Он бросился вперед.

Выжженная лужайка перед чередой темневших домиков еще хранила следы босых ног. Он влетел в первый попавшийся дом и очутился в каменном лабиринте. Тут и там виднелись испорченные огнем книги, пустыми глазницами зияли черные проемы выбитых окон, и где-то в этом хаосе исчез мерек. Он вдруг углядел тонкую руку, неестественно белеющую на фоне обветшалой стены и скрывающуюся за углом в ту же секунду.

Побежал со всех ног, ловко спрыгивая с почерневших подоконников и перескакивая через изуродованную пожаром мебель. Призрачный силуэт мелькал далеко впереди, но с каждым шагом расстояние между ними сокращалось.

Сначала казалось, что он гонится за собой: он видел среди красноватой темноты свою рубашку, которая была нацеплена на призрака и разлеталась в стороны, будто тканевые крылья. Но чем ближе он подбирался, тем отчетливее начинал различать полупрозрачную фигурку странного неуловимого существа – это был не он сам, фигура была небольшой, хрупкой, девичьей, рубашка ей была теперь очень длинна.

Он почти нагнал ее. Оставались считанные метры, и вот уже лишь расстояние вытянутой руки отделяло их друг от друга. Он попытался схватить ее, но призрак с визгом отмахнулся свисавшим рукавом и бросился вперед. От этого голоса, так зловеще звучащего в мертвой тишине погибшего города, вся его спина сделалась липкой от холодного пота.

Он перепрыгнул через порог новой комнаты и опять чуть было не ухватился за плечо убегавшей девчонки. Она вскрикнула и вновь попыталась скрыться. Он с ловкостью зверя прыгнул вперед и поймал ее за руку. Существо действительно походило на девушку, но происходило что-то странное: он видел лишь ее волосы, разлетающиеся во все стороны от судорожных взмахов головы, ее тонкие руки, с силой отталкивавшие его от себя, ее голые ноги, поднимавшие клубы сажи при каждом касании земли, но ее лица он не мог рассмотреть. Хотя он знал, кто перед ним. Знал, только никак не мог вспомнить... она была не похожа ни на кого, таких он точно не встречал, но откуда он мог ее знать?

Он принялся защищаться от ее цепких рук, которые колотили его везде, где могли достать. Он уже не держал ее – это она вцепилась в него!

Она была ужасным видением, вселяющим страх. Остервенело хватала его за руки ледяными пальцами и тянула куда-то, тянула... и он знал, что последует за ней, куда бы она его ни потащила... потому что она была его несбыточным, желанным кошмаром, которого он как будто очень долго ждал.

Сева открыл глаза и обнаружил себя прижатым к столу. Дышать ему было невыносимо тяжело, словно что-то стягивало грудную клетку. Он слабо захлопал черными крыльями и заскреб острыми когтями.

Митя разжал руки.

– Ты с ума сошел? – сонно спросил Муромец, едва Сева вернулся в человеческий облик. – Надо контролировать свои превращения! Тебе бы

понравилось, если бы я среди ночи обернулся конем и принялся скакать по комнате? Сейчас четыре часа утра, и если бы я спал достаточно крепко и не услышал, как ты бьешься в стекло, ты бы расшиб себе голову, и поминай как звали!

– Это она. – Сева бросил взгляд на рубашку, висевшую в углу под потолком.

– Не надо сваливать на других. Ты сам должен следить за превращением.

– Да нет же! Это она! Она звала меня! – осенило Воздушного колдуна, и он схватился за голову.

– О чем ты?

– Она звала меня. Финист, ясный сокол....

– Полина! – вскрикнул Митя. – Ты говоришь о Полине?

Сева закрыл глаза. Да, это видение из сна было никем иным, как...

– Подожди-подожди! Ты видел ее во сне? Она звала тебя во сне? Так это значит... – Митя озадаченно сел на кровать, но через секунду вскочил на ноги. – Овражкин! Это же значит, что мы знаем, как найти ее! О, Ярило! Да почему же мы раньше не додумались?

– Не мы, а она. Почему она раньше не додумалась меня позвать?

– Кто знает, что с ней происходит?! Честно говоря, вряд ли она целыми днями думает о тебе... Как бы то ни было, мы должны рассказать Ирвингу! Одевайся! Это же все меняет! Ты полноценный оборотень и теперь можешь больше не скрывать свои превращения – обряд завершился, тебе уже не будет вреда.

Митя бросился к креслу, заваленному вещами, и выудил оттуда свитер.

– Вот только, конечно, непонятно, как нам сейчас найти Ирвинга, – продолжил Муромец. – Он должен быть в Заречье. Но где именно?

– Кто-нибудь да знает, – буркнул Сева.

– Да, но где найти этого «кого-нибудь»? Сейчас же все спят. Кто из наставников остается в Заречье? Лиса, должно быть. Стоит, наверное, поискать на Кудыкиной горе. Ну? Пошли!

Митя решительно открыл дверь, и друзья оказались во власти царившей ледяной ночи без звезд и луны. В руках Муромца тускло заблестел зеленоватый сгусток света, и его слабыми бликами окрасились низко свисавшие ветки старой бузины. Под ногами захрустела обледеневшая трава.

– Ну что? К Кудыкиной? – спросил Митя, и эхо его голоса поглотила густая ночная тишина.

Сева пожал плечами. Он выглядел отрешенным. Митю же все еще

мучило неприятное чувство после того, как он проснулся и увидел бьющегося в окно коршуна. Вспыхнуло внезапное детское воспоминание: на застекленную террасу их особняка влетела ласточка и так долго билась в окно, что в конце концов подоспевший Митя увидел лишь ее замертво упавшее тельце. Но Севу как будто волновала вовсе не возможная недавняя смерть, а что-то другое...

– Слушай, наверное, мы сможем найти Странника, – вдруг произнес Заиграй-Овражкин. – Помнишь, Маргарита ведь помогала ему собирать какие-то растения? Она может знать, остается ли он тут и как его отыскать.

– Возможно, – протянул Митя. – Но почему ты не хочешь поискать Лису? Впрочем, нам надо поторопиться, вдруг Полина снова позовет тебя! Что ты предлагаешь?

– Идем туда, – Сева потянул друга в сторону улицы, пересекающей их дорогу. – Заглянем к девчонке и спросим.

Они быстро добрались до избушки под номером девятнадцать: та стояла, вытянувшись на длинных узловатых ногах.

– Маргарита, – позвал Митя, стараясь говорить негромко, чтобы не разбудить жителей соседних избушек. – Маргарита.

Прошло несколько минут, но ничего не произошло.

– Сейчас... – пробормотал Митя, сосредоточенно закрыл глаза, и тут из его груди вырвался маленький сияющий комочек и полетел вверх прямо к окну. Он не смог проникнуть сквозь стекло внутрь избушки и стал беспомощно стучаться о гладкую, прозрачную преграду. – Это должно ее разбудить...

Но дом продолжал безмолвствовать.

– Нет? Ну тогда попробуем вот это... – обратился Митя к спящей Огненной колдунье. – Заранее прошу прощения!

Он хорошенько разбежался, подпрыгнул и вцепился в край избушки. Избушка вздрогнула и подскочила. Она подняла одну ногу и затрясла ею в воздухе, будто пытаясь скинуть с нее кого-то невидимого, потом присела и опять вскочила. Митя упорно продолжал висеть, изо всех сил сжимая пальцами торчащий кусок бревна. Тогда избушка принялась вертеться на месте, и тут наконец из ее глубин послышался раздраженный женский голос.

– Что происходит? Что ты творишь?

– Эта любовь, эта любовь меня сгуби-и-ила-а-а...

Митя от неожиданности разжал пальцы и упал на черную промерзшую землю.

– Что это за голос? – спросил он, повернувшись к Севе, – тот очнулся

от недавнего сновидения и удивленно поглядел на избушку.

– Это избушка... Она поет!

– И ведьма злая в белую утку-у-у обратила-а-а! И пела утка жалобно «кря-кря»... И... что там дальше? Воротила она своего себе... себе своего... себя... князя-а-а!

– Прекрати! Сейчас же! – раздался крик в недрах избушки.

По приказу хозяйки избушка замерла, затем резко распахнулось боковое окно, то, в которое стучался неугомонный сгусток света, и в ту же секунду информационный ком растворился в темноте.

Послышался звук закрываемых ставней, затем легкие быстрые шаги по скрипучим половицам, и наконец открылась входная дверь. Избушка согнула ноги и опустилась до уровня земли. На крыльце показалась черноволосая девушка в длинной ночной рубашке и накинутом сверху плаще.

– Митя? – спросила она, затем перевела взгляд и добавила: – Сева? Что случилось?

Она протерла глаза тонкой, исхудавшей рукой и вздрогнула от пробравшего до костей ночного холода.

– Маргарита! Прости, что разбудили, но у нас... кое-что срочное. К слову, твоя изба... твоя изба неплохо поет... – сказал Митя, отходя от шока.

– Вот уж нет! Как бы заставить ее молчать? – воскликнула колдунья. – Да вот только проблема – у нее нет рта! Так что у вас срочного?

– Ты не знаешь, может ли сейчас быть в Заречье Александр Владимирович?

– Возможно, что он здесь. – Маргарита встревоженно огляделась. – А что?

– Значит, иногда он остается ночевать в Заречье?

– Я не знаю... – Маргарита замялась. – Вроде бы... Но вообще у него тут есть избушка.

– Куда он уходит после встречи с Огненными? – вступил в разговор Сева.

– Хм... – Маргарита недоуменно посмотрела на ребят. – Никогда не задумывалась. Для чего вам это?

– Нужно с ним поговорить. Прямо сейчас, – зачастил Митя. – Понимаешь? Нельзя ждать. Мы решили, что ты знаешь, где находится его избушка...

– И ты знаешь, – сказал Сева.

– Знаю... – сдалась Маргарита. – Один раз пришлось зайти к нему за... кроилом.

– Ну! Так как ее найти, его избушку? – поторопил Муромец.

– Толком и не объяснить... То есть... надо идти туда... – она неопределенно махнула рукой в сторону другой улицы. – Да, в том направлении... мимо Беличьего тупика, мимо Аллеи Ураганов и...

– Нет, так не пойдет, – оборвал ее Сева. – Это очередная загадка. Только ты сможешь нас отвести. Никто не знает, где личные дома наставников в этой деревне. Но ты видела его избушку, значит, тебе может открыться дорога.

– Ты согласна проводить нас? – тут же подхватил Митя.

Маргарита быстро закивала:

– Сейчас. Только надену что-нибудь теплое...

Она исчезла.

– Быстрее бы, – пробормотал себе под нос Митя.

– Она врет. – Сева неожиданно оборвал вновь воцарившуюся ночную тишину.

– В каком смысле? – Митя встревоженно обернулся. – Она не знает, как найти дом Странника?

– Нет, это-то она знает. Но они не ходили туда ни за каким кроилом, – он вдруг улыбнулся. – Странно, да? Хотя я не увидел в ее мыслях ничего такого, что следовало бы скрывать. Она что-то передала Страннику и пила чай в его избушке. Только она очень волнуется, когда вспоминает об этом.

Хлопнула дверь, и Маргарита торопливо соскочила со ступенек и поехала.

– Туда, – указала она рукой.

Несколько минут шли молча, стараясь в холодной осенней темноте разобрать под ногами дорогу.

– Что случилось? Для чего вам понадобилась помощь Македонова? – спросила шепотом Маргарита.

– Давайте поговорим об этом на месте, – сказал Сева.

– Нам сюда. – Маргарита не стала спорить и свернула в темную боковую улочку, хрустя промерзшими листьями под ногами.

За углом вырос новый ряд избушек. Тропинка растворялась во мраке, словно облитая глубокой черной краской. Резкий ветер подстерегал за каждым поворотом.

В конце этой улицы ребята снова повернули – теперь избушки стояли только по одну сторону дороги, с другой же зачастили острые лысые кусты выше человеческого роста.

– Сейчас... – проговорила Маргарита. – Уже близко. Мы где-то рядом.

Внезапно кусты расступились – и хотя их не было отчетливо видно,

Митя почувствовал, как их шипы-ветки отодвинулись в стороны, втянулись, вжались, и за ними показался нечеткий силуэт треугольной крыши.

– Здесь?

– Да, – ответила Маргарита. – Ну, что вы будете делать? Я думаю, Александр Владимирович спит.

В руках Мити замерцал зеленоватый огонек.

– Нам придется его разбудить.

Он шагнул вперед к избушке – та не шелохнулась. По сравнению с остальными она выглядела... неживой.

– Повернись к нам передом.

Огромные курьи ноги дрогнули, переступили несколько раз и развернули стоящий на них дом. В тот же миг за стенами послышался шорох – хозяин был разбужен. Щелкнул замок, дверь медленно отворилась, но за ней никто не появился – только чернота, похожая на бархатную ткань.

– Пространственно-временной туннель? – подумал Митя.

– Кто это? – послышался голос Странника в темноте.

– А... Александр Владимирович, это мы... – ответила Маргарита.

Тотчас в мутных окнах избушки замерцал золотистый свет, и темнота за открытой дверью сменилась неясным свечением и большим силуэтом фигуры.

– Маргарита? – удивленно спросил он.

– Да, и еще Митя Муромец... И Сева...

Митя ощутил ледяное дуновение, словно чья-то холодная рука прошла по его коже. Он чувствовал на себе внимательный изучающий взгляд очерченной светом и недвижимой фигуры в дверном проеме.

– Что вы здесь делаете? – спросил Александр Владимирович и наконец шагнул на крыльцо.

– Нам нужно увидеть Ирвинга. Очень нужно. Прямо сейчас!

– Зайдите. – Странник указал им на дверь.

– Нет-нет, это срочно. Овражкин, – Митя быстро оглянулся на друга, – Овражкин, кажется, знает, как найти Водяную колдунью.

– Что? – вскрикнула Маргарита, и все вокруг замерло, будто в этот миг остановилось само время. – Что ты сказал? – Она бросилась к Муромцу. – И вы молчали всю дорогу?

– Это правда?

– Да. Конечно правда! Разве стали бы мы тогда пытаться разыскать Ирвинга? Понимаете, Сева имеет с ней определенную связь.

Маргарита удивленно округлила глаза.

– Он призванный оборотень.
– Вот как? – оживился наставник. – Не продолжайте. Поднимайтесь.
– Как это не продолжать?! Что это значит? – попыталась добраться до сути Маргарита, схватив Севу за руку. – При чем здесь Полина? Как мы найдем ее?

В дверях избушки снова исчез свет, и вход заволокло бархатно-черной темнотой.

– Поднимайтесь! – повторил Странник.

В туннеле искаженное пространство мягко заворачивалось во мрак, затягивая в себя все сознательное. Это вызывало легкое головокружение и дезориентацию в первые секунды после выхода из портала. Митя слышал сбивчивое дыхание Маргариты – она вдруг перестала выглядеть больной, уставшей и как будто вся ожила, зато Сева, наоборот, стал угрюмее.

Под ногами закрипели деревянные половицы, вдалеке что-то гроыхнуло и лязгнуло. Шагавший впереди Александр Владимирович отправил вперед информационный ком.

– Мы в Кудыкиной горе? – нарушил тревожное молчание Сева.

Наставник коротко кивнул.

– Вначале мы так и думали, что следует идти сюда, – сказал Митя.

– Вам вряд ли бы удалось достучаться до кого-нибудь на поверхности, – ответил Странник. – Там есть только вход для неофитов, но он не привел бы вас к Ирвингу.

Наконец долгий проход закончился дверью. Странник распахнул ее и без стука вошел. За дверью открылась широкая натопленная комната с массивным столом посередине и бесчисленными шкафами вдоль стен. Все вокруг было уставлено книгами, завалено обрывками бересты, листами обычной писчей бумаги. Кое-где под мутными стеклами виднелись вырезки из газет – цветные и нет; фотографии, изображающие молодых людей и девушек разных возрастов: кто-то из них держал в руках награды, кто-то вел под уздцы лошадей, некоторые были запечатлены с книгами, в плащах-куколях, некоторые в одежде окольников Русальего круга; наконец Митя остановил взгляд на своем лице – это был большой красочный снимок «Лисят».

Он последним зашел в комнату, пропустив вперед Маргариту и Севу, и когда закрыл за собой дверь, та вмиг превратилась в очередной шкафчик с полками. Он огляделся по сторонам, привыкая к свету, и уже через секунду не мог определить, из какого шкафа пришел – стены комнаты, казалось, медленно двигались по кругу, хотя стоило заострить на них свое внимание, они тотчас же останавливались.

Маргарита обхватила себя руками, поеживаясь от холода, и сверлила глазами Севу, с нетерпением ожидая продолжения рассказа о Полине и о призванных оборотнях. Было видно, что ее раздражает вынужденное ожидание, она хмурила брови, плотно сжимала губы.

Наконец возникло движение, снова где-то лязгнуло, и глухие створки дубового шифоньера, стоящего в самом дальнем и темном углу, распахнулись. Первым появился Ирвинг – высокий, с короткой серебристой бородой и таким спокойным лицом, при взгляде на которое неизменно появлялось ощущение, что ни с кем и никогда не может случиться ничего плохого. За ним вдруг показался Даниил Георгиевич: даже поднятый среди ночи, он выглядел свежо и бодро, строго смотрел поверх прямоугольных очков. И в конце концов из шкафа вышел и плотно прикрыл дверцы Густав Вениаминович – напротив, сонный и недовольный.

– Сева? – Лицо Даниила Георгиевича немного вытянулось, и он перевел взгляд с сына на Ирвинга.

– А ты тут какими судьбами? – буркнул Сева в ответ.

– Доброй ночи всем, – поприветствовал Ирвинг. – Какая неожиданность! Одного из воспитанников только что в срочном порядке пришлось увезти в городскую здравницу. Слишком серьезная форма Лисьей Хвори. Поэтому ваш отец здесь. – Последнюю фразу пожилой колдун любезно адресовал Севе, тот осекся и уставился в пол. – Александр, я получил твое послание. Я думаю, нам стоит перейти сразу к делу.

– Эти ребята пришли сегодня ночью. – Странник указал на ребят. – Они утверждают, что знают, как добраться до Водяной колдуньи. Полагаю, надо дать возможность им самим все объяснить.

– Для начала давайте сядем. – Ирвинг обвел рукой стол, возле которого стояло как раз семь стульев. – Неужели это правда? Вы знаете, как найти Полину Феншо?

– Да, – кивнул Сева.

– Да рассказывайте же скорее! – воскликнула Маргарита.

– В общем, – начал Митя, взглянув бегло на друга, – Полина позвала его во сне.

– Не понимаю, – сказал Ирвинг.

– Я призванный оборотень, – тут же отозвался Сева. – И она была...

– Стойте! – Послышался скрип стула, и Даниил Георгиевич предостерегающе вытянул вперед руку. – Что бы ты ни собирался сказать дальше, знаешь ли ты, что призванному оборотню нельзя раскрывать своей тайны до тех пор...

– До тех пор, пока обряд перевоплощения не завершится полностью? –

закончил Сева. – Обряд завершился. Я могу говорить. – Митя заметил, что лицо целителя побледнело, он весь подобрался и напрягся. – Водяная колдунья была хранителем моего человеческого облика.

Плечи Даниила Георгиевича слабо опустились, он поправил очки, и отчаяние на его лице проступило решительнее.

– Вы не могли бы пояснить, какой именно был обряд и в какое животное вы теперь превращаетесь? – прогнусавил Жаба со своего места.

– Не думаю, что прямо сейчас это важно, – возразил Ирвинг.

– Нет, важно отчасти. – Сева скользнул взглядом по отцу и продолжил: – Я превращаюсь в птицу, в коршуна.

– Вот как... – Тревога заиграла и у Ирвинга в глазах. – И обряд...

– Обряд стал возможен благодаря перу Финиста.

– Перу Финиста? – озадаченно переспросил Густав Вениаминович, разводя руками.

Ирвинг тем временем повернулся к Даниилу Георгиевичу:

– Вы говорили, помнится, что семейная тайна похоронена. Что после Посвящения вам нечего открыть сыну, потому что следы семейных секретов давно утеряны.

– Все так и есть, – признался целитель.

– Да, так и есть, – подтвердил Сева. – Я сам отыскал Финиста. Птица звала меня еще в раннем детстве... Но я хочу продолжить. О Водяной... У нее есть перо, с помощью которого я мог вернуться в человеческое тело.

– Черное? – вскрикнула Маргарита, будто что-то вспомнив или о чем-то догадавшись.

– Она должна была взять это перо в руку и позвать меня. Я мог услышать этот зов, где бы ни находился... понимаете? И он вел меня к ней.

– Но почему она мне ничего не рассказывала? – с досадой перебила Маргарита.

– Если бы она это сделала, превращение могло бы привести его к смерти, – сухим, неживым голосом произнес Севин отец.

– Но почему она на это согласилась? – Колдунья уставилась на Митю с Севой.

– Сейчас не время это выяснять!

– Она не знала... всех подробностей, – признался Митя.

– Вернемся к обряду! – сказал Ирвинг. – Сева, вы говорите, что зов вел вас к ней, где бы вы ни были? – Глаза его вспыхнули огнем надежды. – Она звала вас во сне? Вы об этом говорили?

– Да, он спал и вдруг обернулся птицей и стал биться в окно, – оживился Митя.

– Но разве обратное перевоплощение характерно в этом случае? – встрял Жаба. – Я имею в виду – из человека в животное, а не наоборот?

– Никто не знает. Случаев призыва оборотней с помощью пера Финиста давно уже не было, – ответил Даниил Георгиевич.

– И вы думаете, – Ирвинг вновь обратился к Севе, – что зов Водяной колдуньи может привести вас к ней, как бы ни было заколдовано и засекречено место, где ее прячут?

– Я уверен в этом! – воскликнул Сева. – Если я не могу преодолеть преграду, такую, как оконное стекло, я все равно знаю, куда нужно двигаться, знаю, где искать.

– Это прекрасно! – Ирвинг с прояснившимся, посветлевшим лицом решительно поднялся. – В это трудно поверить! Это самая лучшая новость за долгое-долгое время.

– Если Водяная сможет снова позвать его, мы должны быть к этому готовы. – Александр Владимирович тоже встал.

– Есть, правда, одно затруднение... – неуверенно сказал Митя. – Когда человек становится полноценным призванным перевертышем, он перестает откликаться на этот так называемый зов тем самым образом, каким откликался на него раньше. То, что произошло сегодня с Севой, произошло с ним во сне, в то время, когда он ничего не осознавал, ни о чем не думал. Но если, допустим, Полина позовет его прямо сейчас, он, скорее всего, перестанет слышать ее зов, чувствовать ее, как только превратится в птицу. Понятно, что в таком виде, в человеческом облике, он недалеко уйдет.

– Еще иногда я путаю этот зов с чем-то другим, – сказал Сева, бегло глядя на отца, который во время всего разговора следил за ним тяжелым, разочарованно-удивленным взглядом. – Когда проклятие начинало особенно действовать на нее, вызывая приступы, мне казалось, что я тоже слышу ее зов... Хотя если мне удавалось увидеть ее в это время, ощущение пропадало.

– Есть ли тогда какой-нибудь выход? – спросил Ирвинг. – Можем ли мы как-то использовать ее зов?

– Есть, конечно, – медленно кивнул Жаба.

– Да, – подтвердил Сева словно через силу. – Я думаю, мне следует дожидаться следующего зова в облике коршуна. Именно в том теле мне легче контролировать превращения, и я смогу пробыть птицей до тех пор, пока не доберусь до нее.

– Но... здесь есть какая-то трудность, не так ли? – Ирвинг понизил голос и пытливо взглянул на Севу, заметив неуверенность в его голосе.

– Естественно! – довольно язвительно воскликнул Даниил Георгиевич,

молчавший до этого. – Если это можно назвать трудностью. Призванные оборотни-птицы испытывают нечеловеческую боль как во время превращения, так и во время пребывания в чужом теле. Да, а что вы хотели? Умение летать должно доставаться непросто! Верно же я говорю? – Он повернулся к сыну.

Митя вздрогнул и взглянул на друга – Севины глаза сверлили стол. Митя тут же вспомнил, как странно иногда вел себя Овражкин, вновь вернув облик человека: словно не чувствуя холода, он по несколько долгих минут сидел на земле бледный, с болезненными темными пятнами на лице, взгляд его был пуст, зубы плотно сжаты. Вот, значит, почему. Он не мог пошевелиться из-за непривычной боли!

– Я согласен. – Наконец Сева тряхнул головой и встал со стула. – Я согласен быть птицей и ждать... Не так уж это и больно.

– Тогда нам нужно собрать всех, кто отправится вместе с Севастьяном искать Водяную, и составить подробный план, насколько это возможно. – Ирвинг встал следом за ним.

– Позвольте? Мне сына на пару слов! – на этот раз не скрывая ни своего разочарования, ни злости, процедил Даниил Георгиевич, взял Севу под руку и отвел в дальний конец комнаты, к дубовому шкафу, из которого появился.

Митя, переступая тихо, пошел за ними и замер в нескольких шагах за спиной целителя.

– Сколько раз ты превращался? – Голос Севиного отца прозвучал натянуто.

– Не считал. Двенадцать-пятнадцать, может быть.

– Пятнадцать? Безумец! Ты понимаешь, что можешь сделать с собой? Ты сойдешь с ума!

– Тут нужно учитывать особенности Сирены...

– Не умничать! А теперь скажи мне главное: зачем ты выбрал в помощницы Водяную?

– По-моему, это очевидно.

– А по-моему, нет!

– Повторюсь, тут нужно учитывать особенности магии Сирен. Водяная колдунья не реагирует на нее. Мы посчитали, что она единственная не разболтает моей тайны.

– А я повторюсь, что тебе не следует считать себя таким умным. Водяная колдунья проклята. Ты понимаешь? И твоя магия Сирен не поможет тебе, если проклятие убьет ее! Она – хранитель твоего человеческого облика, она часть этого древнего колдовства, этого обряда, и

она унесет все это с собой, когда умрет. Надеюсь, понятно, что для тебя это не останется незамеченным?!

Митя ощутил мороз на коже. Как они могли так оплошать? А ведь это он настоял, чтобы Сева обратился за помощью к Полине!

Сева молчал.

– Тебе придется жить в обличье птицы некоторое время, пока ты не услышишь новый зов. Я составлю несколько снадобий, чтобы облегчить состояние, – голос Даниила Георгиевича стал тише. – Но от мучений, вызванных этим превращением, никто не сможет избавить тебя полностью. И молись своим Сиренским богам, чтобы Водяная была еще жива.

Он развернулся и с раздосадованным видом попрощался со всеми. Сева проводил его равнодушным взглядом.

– Отведи Маргариту домой, – бросил он Мите, едва они оба очутились на поверхности Кудыкиной горы. – И извини заранее, что не приду на твою помолвку.

– Что ж, я останусь без группы поддержки, – постарался отшутиться Митя. – Удачи тебе.

Сева взмахнул крыльями и взлетел. В эту секунду тело его едва не разорвалось от болевого спазма.

* * *

Дорога желаний выглядела абсолютно непривычно: ее размыло дождем, тут и там блестели лужи, вода в которых смешалась с глиной и серой пылью, и окружал все это темно-коричневый холодный пейзаж, состоящий в основном из голых, промокших полей и тонкой каемочки чернеющего вдалеке леса. Сейчас это место совсем не напоминало такое, в котором исполнялись желания.

– А, вот ты где! Я тебя сегодня искал. – Василиса вздрогнула и уже второй раз при виде Мити не улыбнулась, а отвела взгляд и даже сделала шаг в сторону от него. Первый случился сегодня утром, когда она столкнулась с ним в дверях курятника. Сейчас ей показалось, что все колдуны, шедшие по дороге, повернулись и уставились на них двоих. После ссоры, только что произошедшей на тайном собрании работников «Тридесятого Вестника», она была вымотана и расстроена, а появление Муромца лишний раз напомнило о том, что произошло между ней и Анисьей.

– Извини! Напугал? – с улыбкой добавил Митя, заметив странную

Василисину реакцию. – Мы шли с завтрака, – он указал на оставшегося позади Арсения, – и тут-то я тебя и заметил! Ну как? Ты же уже знаешь все? Маргарита рассказала? – Глаза Мити горели.

– Конечно. Но, правда, пока только вкратце, – ответила Василиса, все еще озираясь по сторонам. – Она вернулась под утро, ей нужно было поспать.

– У тебя есть время поговорить об этом? – спросил Митя и поднял руку так, будто собирался взять Василису под локоть. – Я хочу знать, что ты думаешь. Уверен, Полина скоро будет снова здесь, в Заречье. По-моему, даже погода улучшается!

Василиса взглянула на высокое серое небо, на размытую и грязную дорогу, на облетевшие деревья – улучшения погоды она не замечала.

– Давай уйдем отсюда, – наконец вырвалось у нее. – Пошли вон туда.

– Сыровато гулять по лесу, да и если нас кто-то застанет вдвоем в этой глуши – у-у, сколько слухов поползет! – Митя рассмеялся, на его щеках появился румянец.

– Да-да, верно... – безжизненно ответила Василиса. Очевидно, Митя еще не знал, что вчера наговорила Анисья о Василисиной семье и что сама Василиса наговорила Анисье. – Тогда пойдем через сады.

Калитка Говорящего сада открылась со скрежетом, с ее перекладин слетели дождевые капли. Яблони, жившие здесь, были похожи на заколдованных людей, и казалось, что они могут видеть. Некоторые деревья склонились друг к другу, и от их кружка доносился неразборчивый шепот. Одинокая яблоня в дальнем углу сада неожиданно швырнула через забор два пожухлых яблока, еще одна нежно нагнулась к Мите и провела веткой по его волосам. Он тут же принялся вытряхивать приставшие листья и обломки прутьев.

– Ты сегодня ни к кому из наставников в гости не собираешься?

– Собираюсь. Вечером, – ответила тихо Василиса. – А у тебя свободный день?

– Нет, я решил не заходить сейчас к наставнику по Зоомагии, – сказал Митя все с той же улыбкой.

– Из-за того, чтобы поговорить со мной?

– Ну да.

– Митя, вообще-то, не надо было... – сказала Василиса в смятении.

– Да брось, мне есть что рассказать. Ты же ничего не знаешь про Овражкина, про то, что он призванный оборотень, и про Полину, которая была хранительницей его человеческого облика. Самое время поделиться этим.

Они шли через сад, и настроение Василисы немного улучшилось, от рассказов Муромца становилось спокойнее: главное, не вспоминать об Анисье, об устроивших скандал в редакции «Тридесятого Вестника» снежинках, о том, что с каждым днем жизнь все непредсказуемее и труднее... Слушать бы только его веселый голос, растворяться в этом звуке...

Говорящие яблони стали редеть, вновь появился забор и еще одна калитка. Колдуны вышли на влажную тропку и вскоре достигли высокой чугунной ограды Экспериментального сада, откуда даже в такую промозглую осеннюю погоду свешивались неожиданно яркие цветы странных форм. В этом саду никогда не было пусто – сюда любили прийти посидеть воспитанники, а в особенности Земляные, которых больше других интересовали редкие экзотические растения. Василиса с Митей прошли мимо барахтающегося парня, чью голову поглотила пасть огромного желтого цветка.

– Тебе помочь? – спросил Митя.

– Нет, все в порядке, спасибо! – раздался приглушенный, но бодрый голос из-за гигантских желтых лепестков.

– Ну ладно.

Василиса наконец рассмеялась.

– Ты больше не грустишь! – произнес Митя, глядя на нее. – Значит, моя болтовня была не напрасна. Ну? Сядем здесь?

В глубине, под тонкими сухими ветками, свившимися наподобие гнезда, тянулся длинный корявый ствол, который в одном месте изгибался и образовывал очень удобное для сидения место. Василиса согласилась остановиться и забралась на дерево, чьего названия даже не знала.

– Если бы тут было еще и тепло! – вздохнул Митя.

– Тогда бы цвели вот эти ветки над нашими головами. Это кельтские лилии. Знаешь, они постоянно меняют цвет.

– Как кельтский бриллиант?

– Наверное, – улыбнулась Василиса. – Я в камнях не очень хорошо разбираюсь, да и кельтских бриллиантов вживую никогда не видела.

Они вернулись к обсуждению Полины и того, что произошло сегодняшней ночью.

– Скажи, а когда Сева услышит зов Полины, что станет делать Ирвинг и его дружина? Ведь они должны быть готовы каждую секунду, чтобы сорваться с места! – спросила Василиса.

– Я думаю, они уже готовы к этому. Наверняка у них есть какой-то способ, чтобы в считанные секунды собраться всем вместе. К тому же за

Полиной отправится ее брат. Ты ведь знаешь, что у нее есть старший брат? Двоюродный. Он должен вот-вот приехать в Заречье.

– Конечно, я знаю о нем. Полина рассказывала нам с девочками...

Василиса вдруг снова перестала улыбаться и в растерянности уставилась на Муромца. Воспоминание о ссоре с Анисьей снова всплыло так неожиданно.

– Слушай, – Митя нахмурил брови. – Ты сегодня ночевала у Маргариты... Она сказала, что вы с Анисьей не разговариваете.

– А, так ты знаешь...

– Вы так сильно поругались, что ты сбежала от нее в другую избушку?

– Да.

– Сестра бывает резкой. Тебе не стоит обращать на это внимание. Это черта всех Муромцев.

– Нет, не всех, – усмехнулась Василиса.

– Ты меня плохо знаешь. – Внезапно Митя коснулся пальцами ее руки в перчатке.

– Мы поругались из-за тебя! – с досадой воскликнула Василиса, убирая руку. – Поэтому сегодня утром, встретив тебя у курятника, я не смогла ничего сказать.

И прежде чем Митя успел что-то ответить, прежде чем успело измениться выражение его лица и удивление смогло проступить в его зеленых глазах, где-то недалеко раздались знакомые голоса.

– Марьяна, я, кажется, вижу Дмитрия! Действительно, вон он!

– О боги, я просто поверить не могу, что завтра у тебя помолвка! – Фраза потонула в звонком счастливом смехе.

Три девушки показались из-за кустов, одна из них при виде Муромца смутилась и покраснела.

– Марьяна... – вырвалось у Мити.

Казалось, что ни Марьяна Долгорукая, одетая в пальто с искусной вышивкой, ни ее подружки Ниночка и Настенька не заметили сидевшую рядом с Муромцем рыжеволосую колдунью в старом плаще. Митя встал и кивнул им, но его тревожный, взволнованный взгляд был обращен к Василисе, а в его ушах звучал только ее голос и последние ее слова «Мы поссорились из-за тебя».

– Добрый день. – Марьяна приблизилась на шаг и робко потупилась.

– Добрый.

– Дмитрий, мамочка просила кое-что передать. О Перун, она так волнуется, что уже всех домашних свела с ума.

– Я ее понимаю, – не своим голосом ответил Митя. – Так что нужно?

Марьянины подруги вновь весело захихикали, обсуждая что-то между собой, – наверняка платья или прочие девчачьи радости. Митя молчал и почему-то почти не слышал, что говорит ему Марьяна: он хотел, но не мог обернуться и посмотреть на Василису. Легкий шорох все-таки заставил его отвлечься от разговора с невестой: он почувствовал, как Василиса прошла в паре сантиметров от него. Не было сил ее окликнуть, пришлось просто смотреть, как уменьшается в зарослях Экспериментального сада ее фигура, как мелькают вдали рыжие волосы. Он надеялся, что она все же оглянется, но девушка не оглянулась и вышла за ворота.

Глубокое серое небо и бескрайние поля вдруг показались клеткой, надежно запертой тюрьмой, из которой не выбраться. Они словно превратились в необъятные стены и сжимались вокруг него, не давая возможности даже вздохнуть.

* * *

На Заречье опустился вечер, но погода стояла такая, что его появление осталось незамеченным: с самого утра над деревней толклись набрякшие тучи, заслоняя робкое солнце. Маргарита накинула на голову свой любимый платок, вышитый цветами: подарок от Анисьи на прошлое Новолетие. Огненная колдунья даже не бралась подсчитывать, сколько могли стоять эти шарфики, платки и шали, которые Анисья дарила подружкам на все праздники. За такую вышивку у потусторонних потребовали бы целое состояние.

Василиса появилась минутой позже, выпорхнув словно из ниоткуда: только сверкнула медью коса да старый плащ раздулся крыльями от резкого порыва ветра.

– Наконец-то! – сказала она, обняв Маргариту. В ее нежном, добром голосе чувствовалась вселенская усталость, она на секунду застыла, опустив голову подруге на плечо. Маргарита в ответ ласково погладила ее по волосам. – Сегодня такой странный день, Марго! Я думала, что все наладится после этого ночного известия о Полине, но...

– Что случилось, Василек?

Колдуньи встретились на перекрестке и свернули на незнакомую Маргарите дорогу, ведущую к дому Едвиги Яковлевны, наставнице по метафизике.

– Все началось с самого утра...

– Утро обещало быть хорошим! – удивленно воскликнула

Маргарита. – Тебе ведь надо было сходить в курятник за яйцами для Розалии Павловны?

– Вот именно, – Василиса печально улыбнулась. – Но сходить в курятник поручили не мне одной. Там я столкнулась с Анисьей. Марго, это было ужасно... словно весь мир сошел с ума. Мы молча вынимали яйца из корзин и даже не взглянули друг на друга. Не получалось сосредоточиться, я все думала, что же мы делаем, но никак не могла себя пересилить. Я переволновалась и напрочь забыла о нужном настрое. Возможно, нас отправили вместе просто по привычке – мы же всегда были соседками. Но теперь мне кажется, что встреча была подстроена. Я поняла это, когда в дверях мы столкнулись с Митей. Надо было предупредить его, что мы уже все собрали... а мы просто прошли мимо молча.

– Что? Я уверена, что это Велес придумала! – с негодованием воскликнула Марго. – Ей, похоже, уже давно чуждо все человеческое. Наверное, в ее глазах это должно было выглядеть поучительно: мол, выйдите из плена приземленных эмоций и обратитесь к благодарственной молитве курицам!

Василиса усмехнулась.

– После завтрака мне надо было заглянуть на собрание «Тридесятого Вестника». Сегодня, наверное, не самый удачный день не только для меня, но и для снежинок. Они подняли на уши всю редакцию.

– Разве снежинки пишут для «Вестника»? – Маргарита скептически дернула бровью.

– Да. Стихи, песни и статьи на возвышенные темы. А еще их очень интересуют сплетни.

– Возвышенные тексты и сплетни? Как это?

– Ты не поверишь, но это была их идея: описать бал у Муромцев.

– Я как раз собиралась спросить, зачем ты все-таки это сделала...

– О, Марго! Мне казалось это таким очевидным! Я только теперь понимаю, как ошиблась... Анисья расценила это как предательство, да и в твоём голосе я слышу сомнение... Я расскажу, как все было. Думаю, меня взяли в редакцию только потому, что я подружилась с Анисьей. Одна из снежинок активно голосовала за мою кандидатуру, и едва меня приняли в штат, сразу поручили написать о том, что происходило на дне рождения Мити. Они готовы были прислушиваться ко мне. Так я могла повлиять на материалы для газеты и не допустить глупых сплетен об Анисье или Мите, которых многие ждут. Но для этого нужно было усыпить бдительность вездесущих снежинок и написать статью в саркастичном тоне. Но если прочитаешь статью внимательно, ты поймешь, что ничего нового там нет:

только то, что местным колдунам и так было известно. Мой план казался мне таким благородным... а что получилось?

– Ох, Вася, милая...

– Не жалею меня, – улыбнулась Василиса. – Я могла бы догадаться, во что это выльется. Но я ведь так и не рассказала, что произошло в редакции сегодня! Снежинки хотели новой крови. Им не удалось узнать никаких подробностей о помолвке Муромца и Долгорукой, так что они решили переключиться на простых обитателей Заречья. А точнее, на тебя.

– На меня? – Маргарита от неожиданности подскочила.

– Статья должна была тонко намекать на распущенность потусторонних девушек. Прошлой зимой кто-то застукал Полину на этаже парней. В этот раз фривольно поступила Маргарита Руян: бросила парня, с которым ее связывает слишком многое.

– Что? – Маргарита уже была готова расхохотаться, но сдержалась и потянула Василису чуть в сторону: в нескольких шагах от них возвышался дом Феи. – Они же это несерьезно?

– Еще как серьезно! И дело дошло до скандала. Я сроду так не злилась. Уже не знаю, кто им рассказал о вас со Славой, но советую тебе не разговаривать о таких вещах в присутствии других магов – некоторые Земляные могут использовать хороший слух вот таким образом. Снежинки просто обожают такие подробности, это дает почву для их моральных проповедей в «Тридесятом Вестнике».

– Так ты отстояла мою честь? Они не станут писать про меня? – Маргарита все еще улыбалась, но постепенно ее выражение лица стало меняться: что, если журнал попадет в руки Александру Владимировичу? Конечно, любому сильному магу нет надобности читать о подобном в газетах, ведь потерю таинственной защиты колдуний он способен почувствовать и так... Но какой бы глупой ни казалась злость Снежинок, подобная статья может разочаровать наставника...

– Конечно, отстояла, – кивнула Василиса. – Ну все, идем, кажется, мы самые последние. Фея тебе понравится, вот увидишь. Хорошо, что она пригласила нас именно сегодня.

Девушки вновь направились к крыльцу, Василиса поднялась и постучала, а Маргарита замешкалась внизу.

Она ощутила что-то необычное, незнакомое, словно это была магия, с которой она никогда не сталкивалась. С черного ската крыши, влажно пахнувшего старой древесиной, упали несколько капель.

Маргарита проследила за ними и заметила паутину, наряженную бусинками дождя. Запахи вдруг стали чересчур отчетливыми: приятно

щекотал ноздри аромат зеленого мха, заползшего на скрипучие ступени, осенние листья, печально шуршавшие под ногами, тоже источали головокружительно-волшебный запах. Время замедлилось. В голове что-то вдруг перевернулось. Фея пригласила их. Пригласила в гости в свою избушку-теремок. Сейчас Маргариту поглотит комната, Марья с Забавой будут заваривать травяной чай, кто-нибудь уронит чашку, она приятно «дзынькнет» о край стола... Сзади парни начнут шуршать бумагой, разворачивая булочки, которые сунула им в руки Розалия Павловна на выходе из столовой... И Маргарита приготовится слушать интересный рассказ и больше не будет испытывать вину за каждое ускользнувшее от внимания слово. Больше не будет чувствовать себя словно в школе за партой...

Ей захотелось прижать пальцы к вискам! О боги, что это? Озарение? Понимание? Но разве озарение открывает суть таких простых вещей, а не чего-то глобального, значимого?

Маргарита никогда не была здесь как в школе. Но чувствовала себя так... по привычке. Словно к ногам ее были приделаны маленькие колесики и кто-то когда-то хорошенько запустил ее с горы, а она все катилась и катилась до этой самой секунды и не могла остановиться. Здесь она была свободна. Ответственна за свою жизнь и за дальнейшую судьбу. Но никто из наставников не обязывал ее встречаться с ними. Яга принимала в девять утра, потому что потом у нее было полно собственных дел, а не потому что вредная Вера Николаевна Велес захотела поднять пораньше всех непосвященных. Александр Владимирович просил написать на бересте последствия неосторожной работы со Световым шаром не для того, чтобы отчитаться перед кем-то, а потому что он должен быть уверен: его воспитанники знают о возможных травмах. Казалось бы... ничего нового. Просто взгляд под другим углом.

Но вся картинка мира вдруг перевернулась с ног на голову!

Никто не вынуждает потомков известных родов посещать всех наставников. Это их магия – древняя, забытая и ушедшая, изобретенная заново, разнообразная, неизученная – заставляет их искать знание везде, где его можно получить. Силы требуют, чтобы их разбудили, а потом применили...

Сама она... она вовсе не обязана навещать Кассандру Степановну, если ей это неинтересно. И терпеть брюзжание Яги...

А Василису сегодня в равной степени волновала и ссора с Анисьей, и то, что им обоим не удалось поблагодарить курочек за яйца.

– Маргарита Руян? Долго будете медитировать под дождем? Заходите.

Вы нам сегодня очень нужны.

Маргарита подняла глаза. На пороге застыла женщина, которую она видела несколько раз лишь мельком. Очень высокая, изящная, с глазами мудрой птицы, а улыбкой мальчишки-озорника. Единственная седая прядь прекрасно дополняла прическу, несколько рябых перьев, воткнутых в пучок, придавали облику что-то шаманское – не хватало только бубна да цветных лент. Фея поманила рукой, взмахнув тремя слоями черного рукава, и скрылась за дверью.

Большая гостиная поглотила Маргариту. Забава с Марьей засовывали травы в небольшой чайничек, Фадей старался им помочь, но, как обычно, только мешал. Когда он выронил чашку под шорох бумаги и шепот парней где-то в углу, Маргарита заставила себя медленно выдохнуть и оглянулась в поисках свободного места.

– Сюда. – Еще один взмах рукава указал ей на стул в самом центре комнаты. Если Маргарита повинуется и сядет, она окажется лицом к лицу с остальными непосвященными. Да это же место наставницы! – Сегодня вы будете нам кое-что рассказывать.

Маргарита почувствовала слабость в коленках, ноги будто сами подкосились, она опустилась на стул.

– Не волнуйтесь вы так, Маргарита Руян. Я не кусаюсь. И я пошутила про рассказ. Просто хочу задать вам один вопрос.

Маргарита сделала еще один медленный выдох, не скрывая облегчения.

– Пока девочки наливают всем чай, ответьте-ка. Что такое смерть?

Совершенно некстати вдруг вспомнился сон: ночная чаща, тропинка под огромной луной и озноб, заставляющий резко оборачиваться и всматриваться в темноту. Там, на перекрестке из трех тропинок она встретила старуху, чье лицо невозможно было рассмотреть, и полную женщину, покачивающую бедрами в такт ходьбе. А еще был голос, объяснивший ей, что она неотделимая часть этой троицы.

– Смерть – это конец жизни, – проговорила Маргарита, и голос ее прозвучал на удивление слабо и хрипло.

– Жизни чего именно?

– Ну... – Огненная колдунья замялась, подыскивая слова. Она оглядела собравшихся, но все молчали, сидя без движения и наблюдая за ней. Не было слышно даже хруста сладких булочных корочек и бульканья воды в нагретом чайнике. – Конец жизни всего. Тела... души... личности... Наверное...

– Как странно! – воскликнула Фея, нагнувшись над ней. Теперь ее

лицо оказалось совсем близко. – Это ведь ответ... мертвой девочки.

– Что? – Маргарита тряхнула головой, пытаясь избавиться от неприятного чувства, будто кто-то лезет в ее мысли.

– Это ответ мертвой девочки. Той, что умерла всего несколько минут назад, – под дождем возле крылечка.

Взгляды обеих колдуний встретились. Едвиге Яковлевна продолжала все так же хитро улыбаться, Маргарита не торопилась возражать.

– Потусторонней Маргариты Руян больше нет, ты понимаешь? – шепот прервал их игру в гляделки.

Маргарита медленно кивнула.

– Ты умираешь множество раз, дорогая, почти не замечая этого. Лишь это твое тело умрет единожды. А душа и вовсе никогда. И да, мой тебе совет: обязательно заходи к Кассандре Степановне и Яге. И копай глубже. – Тут она отстранилась от Маргариты, обернулась к остальным и, воздев руки к небу, объявила: – Сегодня поговорим о душах. Все прочитали первые главы моей книги?

* * *

– Просто в голове не укладывается, что вы с Анисьей могли перестать общаться, – покачала головой Маргарита. – Тем более по такой нелепой причине.

– Тебе кажется это глупым поводом для ссоры? – грустно спросила Василиса. – Мне тоже, если честно. Я ведь сама знаю, как все устроено в нашем мире. Есть традиции, которые нельзя менять, потому что они помогли нам выжить. Мне лишь больно от того, какими словами говорила об этом Анисья. Ведь между мной и ее братом ничего нет.

– Знаешь, а Полина ведь как-то замечала, что Митя очень странно смотрит на тебя.

– Правда?

– Да. У нее было какое-то особенное... чутье относительно Мити. Иногда мне казалось, что они давние друзья.

– Так, может, ему нравится Полина, а вовсе не я?

– Еще несколько месяцев назад я была способна в это поверить. Но теперь все слишком очевидно. Муромец к тебе равнодушен, и, похоже, что давно. – Марго протянула руку и обняла рыжеволосую колдунью. – Прозвучит эгоистично, но я рада, что ты решила жить со мной. Когда ты здесь, мне кажется, что Полина вернулась, что мы сейчас выйдем с тобой

на улицу и встретим их с Анисьей. Вот точно так же мы с ней сидели по вечерам и болтали про Светослава или еще кого-нибудь. – Маргарита пододвинула Василисе кружку с чаем. – Пей, это с местной земляникой. Мы как-то засушили целую кучу – не рассчитали.

– Все это время тебе здесь было одиноко без нее?

– Еще бы.

– И вы ни разу не ссорились?

– Только по мелочи. У нас слишком разные характеры. Она все скрывает, а я говорю не подумав. У меня никогда не было настоящих друзей, пока я не встретила вас. И я не знала, что каждый миг надо особенно ценить, ведь иногда друзья вот так просто исчезают.

– Полина вернется, Марго. Рано или поздно. Ты же понимаешь, что когда-нибудь мы с ней встретимся? Что бы с ней ни стало, ваша встреча вернет все на свои места. Так и будет.

– Знаешь, чего я боюсь больше всего? Что пройдет слишком много времени. Так много, что мы и не вспомним о былой дружбе. И вдруг она перейдет на сторону Старообрядцев? Мне кажется, этого боятся даже наставники. Ты заметила: все словно резко забыли о существовании Полины? Нас не посвящают в то, как и с каким успехом ее пытаются найти, словно хотят, чтобы и мы забыли о ней, чтобы в случае их неудачи мы бы не сильно удивились, встретив ее в рядах Темных магов!

– Но теперь-то мы будем знать все об этом, – Василиса ободряюще улыбнулась. – Надеюсь, что Сева не станет от нас ничего скрывать.

– Сева! Еще одна тайна. И как они с Полиной – люди, которые друг друга не переносят, – оказались связанными столь необычным обрядом?! Митя сказал, что Полина лишь удачно подвернулась им под руку. Но мне кажется это слишком неправдоподобным совпадением.

Внезапный шум отвлек девушек от разговора: распахнулась дверца шкафа, и с нижней полки выбрался домовой.

– У нас гости? – приветливо воскликнул Афанасий.

– Афанасий, это Василиса! – Маргарита покачала головой. – Я тебе еще вчера пыталась сказать, что теперь она живет у меня, но до тебя, знаешь ли, не достучаться!

– Василиса живет здесь? Так вот почему Белун Птолемей воет в лесу уже вторую ночь подряд! Вам стоит позвать его сюда, моя фея.

– Ой, бедненький мой пушистик! – спохватилась Земляная колдунья. – Я про него и не подумала.

– Я кое-что принес. – Афанасий любезно подал Василисе небольшой кусочек бересты. – Зовите, если потребуется доставить ответ.

На этих словах он возвратился к шкафу и скрылся за дверцей.

– Ответ? – удивилась девушка.

Она развернула бересту и слегка вздрогнула. Опрятный круглый почерк не оставлял сомнений в том, кто прислал записку.

«Я не могу так все оставить. Нам нужно поговорить. Если найдешь силы выслушать меня, заходи. Я бы не хотел встречаться на улице».

– Митя Муромец предложил тебе зайти к нему, я правильно поняла? – поинтересовалась Маргарита, прочитав послание вслед за подругой.

– Да, Марго. Сегодня утром... мы столкнулись на Дороге Желаний, а потом нечто странное произошло в Экспериментальном саду. Это касалось меня. Митя разговаривал с Марьяной о завтрашнем дне. Мне пора было идти, но я не решилась их перебить. Я просто встала и ушла... в общем, повела себя довольно невежливо.

– Ох, Василиса. Да он точно влюблен в тебя, как ты можешь отпираться? Бедняга Митя. Это надо же так влипнуть. Он выглядел абсолютным баловнем судьбы. Красивый, богатый, умный, веселый, талантливый. И что теперь? Ему это все не нужно. А нужна одна моя знакомая рыжая красотка. Ну и что, ты пойдешь к нему?

– Не знаю, Марго... Что же мне делать? Я и слова не смогу выговорить... Умру от смущения.

– Он сам тебе все скажет. От него можно ждать только хорошего, даже несмотря на то, что он женится на этой смазливой Долгорукой.

– Наверное, – согласилась Василиса, тревожно взглянув на дверь, за которой уже разлилась холодная темнота.

– Подожди, ты же не собираешься идти вот так?

– В смысле? – Василиса оглядела свой неказистый наряд. – Я же не на свидание.

– А куда? Надень платье. Вон то черное. Ты в нем очень красивая.

– Марго... Для чего? Боюсь, это будет первый и последний наш с ним разговор по душам.

– Тогда пусть он запомнит, какой прекрасной ты была во время этого последнего разговора. И всю жизнь будет сожалеть.

– Ты коварная! – сдаваясь, улыбнулась Василиса.

– А ты не знала? А теперь скажи, когда ты вернешься? Дождаться тебя?

– Если захочешь спать, ложись, не жди. А утром, когда встанем, я все тебе расскажу.

– Ладно, – зевнула Маргарита и поправила складки Василисиного платья. – Теперь иди. Надеюсь, вы поймете друг друга.

Василиса накинула плащ и вышла. Отсюда рукой было подать до избушки Муромца, но путь отчего-то показался мучительно долгим. Колкий ночной ветер наравне с опустившейся ночью застилал глаза.

Дойдя до избушки под номером десять, Василиса тихо кашлянула. Дом привстал на узловатых курьих ногах, стряхнул с себя дремоту и снова сел, выпуская на крыльцо позднюю гостью. Василиса постучала.

Она вспомнила один из последних дней Русальего круга. Команды играли в Купальскую игру в лесу за судейскими домами. Скинулись, и парням выпало надеть рогатые маски и догонять девушек. Василиса выбежала на полянку и обернулась. За ней не угнаться никому, кроме Земляного. Погони не было слышно, она надеялась отдышаться, но внезапно на тропинке, выползающей из темного леса, возникла рогатая фигура. Колдунья взвизгнула, захлебнулась смехом и кинулась бежать через травостой, расталкивая руками розовый и сиреневый люпин. Ноги путались в траве, березки рябили и сбивали с пути. Звук шагов позади не раздавался, Василиса посмотрела через плечо и никого не увидела. Она облегченно выдохнула, остановилась посреди высокой травы. Сердце колотилось от страха и азарта. Она приложила ладонь к груди, повернулась было, но тут же закричала – фигура в рогатой маске выросла прямо перед ней. Из горла вырвался смех, когда руки ухватили ее. Теперь придется выполнять желание – таковы правила. Маска наклонилась, и в проемах сверкнули веселые глаза цвета летней листвы. Ее любимый оттенок зеленого.

В старину это была любовная игра. Поймаешь девушку – можешь требовать с нее поцелуй. Но сейчас ее затеяли просто ради шутки, чтобы побегать и размяться.

Митя молчал и только смотрел из-за маски. Он улыбался, это было видно по глазам.

– Отпустишь меня? – рассмеялась Василиса. – Пожалуйста!

– После того как исполнишь желание, – произнес рогатый.

Одной рукой он продолжал держать ее, а второй приподнял маску. Василиса чувствовала, как краснеет ее лицо. Что же он скажет? Что надо будет сделать?

– Не буду оригинальным.

Она почувствовала, как ослабла хватка его второй руки. В ту же секунду она вырвалась, расхохоталась, обернулась белкой и кинулась к ближайшей березе.

Глупая. Почему она не поцеловала его? Один-единственный раз в ее жизни выпала такая возможность. И ведь не надо было бы никому ничего

объяснять про этот поцелуй. Просто сыграла бы по правилам, и все.

Митя появился в просвете и тут же распахнул дверь. На этот раз он был серьезен и немного бледен – не под стать тому рогатому воспоминанию.

– Привет, – сказала Василиса. Она вошла, стараясь не глядеть на Муромца.

– Я даже не надеялся, что ты придешь! Я... Ты, наверное, замерзла?

Василиса сняла плащ и повесила его на крючок.

– Нет, не успела. От Маргариты совсем близко идти.

– Опять вылетело из головы, что ты живешь у нее. А я... вот... селекция, – пробормотал Митя.

Стол выглядел так, будто за ним только что шла усердная работа: стопками были навалены книги, поверх них стоял хрустальный шар; с краю, под камнем-светильником и горящей свечой, лежала береста, испещренная знакомыми Василисе округлыми буквами, а ближе к окну была придвинута небольшая клетка, в которой вместо птицы виднелся лишь какой-то бледно-зеленый комок листьев. Никому бы и в голову не пришло, что на самом деле хозяин избушки больше часа сидел на стуле и просто таращился на входную дверь, не притрагиваясь ни к берестяным свиткам, ни к клетке. Медитацией это тоже сложно было назвать.

Как Василиса ни старалась, взгляд ее все равно перескакивал со стола на очерченную оранжевым светом фигуру Муромца. Его лицо терялось в тени, и только светлые волосы сверкали теплыми бликами.

Василиса, еще раз оглядев комнату, опустилась на Севину заправленную постель.

– Можно тут присесть?

– Да-да. Овражкин точно не придет, – поспешно ответил Митя, садясь напротив. Ему страшно неловко было смотреть на гостью.

Стена над Севиной кроватью была усыпана прикрепленными к ней кусочками бересты – на них изображались схемы из рун. Поверх всего этого висел смутно знакомый карандашный рисунок, на котором с трудом угадывался сам Сева.

– Послушай, это, случайно, не Полина рисовала? – удивленно спросила Василиса.

– Да, когда мы пили медовуху во время Русальего круга, – отозвался Митя.

– Как странно, она ведь думала, что Сева выбросил ее шарж.

Василиса снова принялась в полном молчании изучать комнату. Над дверью висели часы с дверцей для кукушки и несколькими золотыми

гирьками. К спинке одного из стульев были привязаны коньки, в углу под потолком совершенно без посторонней помощи парила рубашка.

Когда молчание в комнате стало настолько тяжелым, что от него разболелась голова, Митя попытался заверить себя, что должен перебороть свое беспричинное волнение и сказать то, что собирался.

– Извини, что я позвал тебя сюда. Я знаю, что должен был сам прийти.

– Все в порядке. – Василиса повернулась с миролюбивой улыбкой. – Маргарите лучше лечь спать пораньше, так что это даже неплохо, что я ушла. Не буду ей мешать.

– Да, я именно так и решил: неуместно заявляться к вам с Маргаритой из-за того, что... – Митя закивал, изображая в ответ понимание, и тут же потерял мысль. Сто раз перестроенная и прорепетированная фраза, которую он хотел произнести, развалилась на отдельные куски, которые предательски покинули его голову один за другим.

Нужно было как-то свести разговор к Марьяне, к помолвке и к тому, что произошло сегодня утром, но говорить обо всем этом расхотелось. От дурного предчувствия дрожали коленки, становились влажными ладони.

– Я должен извиниться, что даже не попрощался с тобой сегодня утром... В Экспериментальном саду.

– Но мы снова с тобой увиделись, можно было и не прощаться.

– Да, – Митя постарался улыбнуться в ответ. – Но ты ушла... И я подумал...

– Мне правда нужно было идти, – заверила его Василиса, и Мите показалось, что мир уже начал рушиться. – Я не решилась прервать ваш разговор. Постеснялась.

– Ты разве не обиделась на то, что... Марьяна пришла... И я сказал...

– Обиделась? – протянула Василиса. – Почему я должна была обидеться?

– Из-за... моей помолвки, – растерянно проговорил Митя и почувствовал себя ужасно глупо. Как трудно... Он был уверен, что Василиса обо всем догадывается. Так зачем она разыгрывает удивление? Неужели чтобы облегчить этот разговор?

– Нет, Митя, – все так же тихо ответила Василиса. Ее нежный голосок звучал примирительно и ровно. – О твоей помолвке я знаю давно, Анисья нам говорила. Да и потом, это не было неожиданностью – это ведь всего лишь официальный праздник, а помолвлены вы еще с раннего детства.

– Тогда ты должна знать, что помолвка эта ничего не значит. Для меня.

– Разве ничего? Но, по-моему, помолвка – это здорово. Наверное, в твоих глазах чересчур романтично то, что я говорю? Но я очень рада за

тебя, честно.

– Да, то есть нет. Спасибо. – Мите сначала понравилось, что глаза ее блестят так по-доброму, но через секунду он вдруг понял, что надеялся услышать от нее совсем не это. Все стало только хуже.

– А потом у вас будет свадьба, – продолжала Василиса мечтательно, будто уговаривая его согласиться. – И я тоже приду, если ты не будешь против.

– Не говори об этом, прошу тебя!

– Почему?

– Я не хочу всего этого, ты не можешь не знать!

Митя теперь никак не мог отвести от нее глаз: отблески огонька свечи, которая стояла на столе, делали Василисины волосы ярко-оранжевыми. По стене расползались огромные черные тени. Платье сливалось с ними, и девушка будто на мгновение исчезала, растворяясь в тенях и пламени.

– В этом нет ничего страшного, – почти шепотом произнесла она. – Ты справишься. Не расстраивайся так. Я понимаю, что это тяжело.

– Правда? – с надеждой в голосе спросил он.

– Ну конечно. И я тоже знаю, как важно сохранить древнюю традицию, ведь только благодаря ей маги сохранили свои силы, свои древние тайны, а не растеряли их среди слабых и недостойных этих знаний существ.

– Да, – словно загипнотизированный повторил Митя.

Они просидели долго – просто смотрели друг на друга и не произносили ни слова. Митя с трудом осознавал, что происходит. Он вроде бы сказал Василисе все, что собирался, но она не уходила. Сидела себе на Севиной кровати и разглядывала уже не самого Муромца, а полки, уставленные склянками и книгами. Огонек свечи подрагивал, изменяя форму отражений в ее зрачках. За окнами стояла черная ночь.

– Мы же все равно будем общаться, что бы ни случилось завтра, правда? – вдруг произнесла она бодрее. – Пообещаешь?

– Да, – глухо отозвался Митя, и огромная трещина, по которой раскалывался на две части мир, подошла к самому его основанию.

– Будем дружить, как раньше? – Она с улыбкой поднялась с кровати. Подол ее черного платья снова растворился в тени, которая стелилась вдоль пола.

– Да, – снова кивнул он.

– Тогда я пойду. Уже поздно. Хорошо, что мы поговорили.

Митя не отозвался, что-то ужасное навалилось на него. Каждый шаг рыжеволосой колдуньи по направлению к двери отдавался в голове, и в

груди тоскливо, болезненно ныло. Именно так, он был уверен, с этим звуком и этим чувством рушатся миры. Он изо всех сил сжал зубы. Отчего же так плохо? Как это вынести?

Василиса подошла к двери, протянула руку к своему плащу и вдруг обернулась. Лицо ее стало совсем другим, глаза печально блеснули, вздрогнули пухлые губы.

Не та ли сейчас настала секунда, когда люди теряют друг друга навсегда?

Митя вскочил на ноги и в три шага преодолел разделявшее их расстояние.

– Не уходи, я прошу тебя. Прости, прости меня, Василиса! – Он схватил ее за руки и к ее смущению застыл слишком близко.

– Митя! Ой!

– Я люблю тебя, Василиса. Ты же знаешь это, правда? Но что мне с этим делать? Скажи, что же мне делать? – Он прижал ее ладони к губам и в отчаянии зажмурился. – Как быть с помолвкой? С этой свадьбой? Как я не хочу всего этого!

– Не надо о свадьбе...

Она не успела договорить, как он уже наклонился и прижался лбом к ее лбу. Время потянулось иначе. Василисе казалось, она разучилась дышать: находиться в такой близости от этого наследника древнего рода, от этого колдуна, которым она восхищалась так долго, – нет, невозможно. Невозможно чувствовать, как тепло его рук опоясывает ее, и ощущать, что между ее губами и его всего какие-то сантиметры.

Так они стояли, замерев и почти не дыша, слушая сбивчивый ритм сердец, пока стена над входной дверью вдруг не задрожала и с оглушительным боем не распахнулась маленькая дверца на часах, за которой пряталась кукушка. Василиса взвизгнула от испуга, а Митя рассмеялся. Из дверцы выстрелила пружина, а с нее сорвалось что-то зеленое, похожее на комок листьев. Нечто облетело комнату по кругу, вернулось к часам и начало истошно биться в уже закрывшуюся дверцу.

– Кто это? – Василиса уставилась на диковинную птичку.

– Мой незаконченный эксперимент, не обращай внимания. – Митя поймал крылатое зеленое существо и сунул в клетку к тому, которое уже сидело там. В его ловком легком движении промелькнуло что-то кошачье.

– А что ты с ними делаешь?

– Расскажу, если ты еще побудешь у меня, – он улыбнулся.

– Не откажусь от чая, – сказала она, покрасневшись. Она все никак не могла отойти от него, а он так и продолжал придерживать ее за талию

свободной рукой.

– О, чай! Хорошая идея. Марта! – позвал он шушеру, не сводя глаз с гостыи. – Марта, можно чаю?

– Нет! – раздался сонный голос откуда-то из-под кровати. – Уже слишком поздно. Ложитесь спать, Муромец, а чай попьете утром.

Митя устался на Василису, и через секунду оба они засмеялись. Они смеялись без остановки, смущенные резким отказом шушеры и тем, что от дурных предчувствий коленки дрожали уже у обоих.

– Послушай, – наконец успокоившись, Василиса взглянула в окно, затем на часы, потом перевела взгляд на Митю, – я должна уйти. Уже и правда чересчур поздно, Марта права. Раз в чае нам отказано, пора мне уходить... Уже совсем ночь. А тебе... ведь очень рано вставать... завтра такой день...

– Не надо про завтра! Сейчас мне кажется, если ты останешься, то завтра никогда не наступит, – тряхнул головой Митя, и его длинные светлые кудри упали ему на глаза.

– Ты... предлагаешь остаться?

– Ну конечно!

– Остаться до завтра, я правильно поняла? – Голос Василисы прозвучал совсем тихо. Она наконец сделала шаг назад.

– Просто посиди тут, – ответил Митя и сам немного отстранился от нее. – Пожалуйста, посиди, а я буду на тебя смотреть.

Он видел, что она колеблется. И как никто другой знал, что ей следует уйти: что так будет лучше для обоих. Но в то же время он готов был пойти на что угодно, лишь бы она осталась. «Беги! Беги скорее, Василиса! Я хочу целовать тебя, а не просто смотреть!» – думал он, но вслух ничего не произнес.

– Я бы посидела у тебя еще, – ответила Василиса и встала со стула, на который присела секунду назад. – Но если об этом кто-то узнает, у тебя будут проблемы.

– Мне плевать на них. Давай больше не будем говорить о моих проблемах. Мне очень стыдно перед тобой.

– Но я не могу... Кто-нибудь увидит меня утром, распушит про тебя слухи. Я не беспокоюсь за себя. Но это бросит тень на твою репутацию.

Муромец вдруг изменился в лице:

– Это ведь не твои мысли, правда? Тебе так кто-то сказал?

Василиса молча смотрела на него, не в силах обвинить подругу, хотя именно от нее и услышала эти слова. Но Анисья была сто раз права. Анисья всегда оказывалась права.

– Ну, Василиса? Только не говори, что повторила за Анисьей? Девчонки нашего... круга любят говорить о репутации.

– Послушай, – перебила его Василиса. – Ты многого не знаешь. Ты не знаешь самого главного. Анисья все верно сказала насчет меня.

– Ну и почему это?

– Помнишь ту статью про бал в вашем поместье, которая вышла сразу после твоего дня рождения? Так вот... ее написала я.

Митя поглядел на нее растерянно, а потом вдруг сказал:

– Так это ты отметила, что я был неотразим в парадном кафтане?

– Что? – удивленная Василиса не поверила своим ушам. Она уставилась на Муромца, но на лице того играла только лишь привычная улыбка. – Я написала, что твоя мама не любит Ирвинга и что твой папа был не рад Долгоруким...

– И что мне очень шел кафтан, – закончил Митя.

– Ты запомнил только это?

– Все остальное в той статье было похоже на правду.

– Я... да... Тебе шел кафтан. Это тоже было правдой. А все остальное, что я писала, я хочу забыть как страшный сон, – запинаясь, ответила она. Как это ему удастся так легко все перевести в шутку? Внезапно его руки притянули ее: бедра к бедрам, ее плечи к его широкой груди. И где-то за солнечным сплетением тут же застрял вздох, тело сковало сладкой слабостью.

– У тебя еще есть тайны, Василиса?

«Есть», – хотела она ответить, но совершенно неожиданно Митя наклонился и поцеловал ее.

Глава восьмая

Ночь безвременья

Утро распахнуло пепельные крылья, серебристый неживой свет поздней осени пролился над деревней. Деревья покрылись инеем.

Коршун покружил над избушкой и плавно опустился на перила крыльца. Он прикрыл глаза и нахохлился, спасаясь от холода. Его затягивал, заманивал сон, последние краски природы меркли за пеленой усталости. Жить в теле птицы оказалось трудно. Но еще труднее были эти птичьи сны: будто весь мир – это лишь мимолетная греза огромного неба.

Наступило Полнолуние, и наставники не принимали гостей, а значит, местные колдуны должны были разгуливать по тропинкам, общаться и веселиться. Но стояла тишина. Соседние избушки не шевелились, из них не доносилось ни звука, как будто они сами, а вместе с ними и их обитатели окоченели от ночного мороза.

Слабый шорох, внезапно донесшийся из дома, на чьих перилах отдыхал коршун, показался очень громким в этом звенящем безмолвии. Пол скрипнул под несколькими легкими шажками, и Сева насторожился – когда это Муромец стал так осторожно ходить? И потом, это не мог быть Муромец. Он уже пару часов как уехал отсюда. Сева сам видел, как Вера Николаевна провожала его до избушки Яги и говорила на прощание какие-то слова – скорее всего, напутственные.

Еще через несколько минут шаги повторились. Наконец открылась входная дверь, выпуская из недр избушки бледную девушку. Сева едва не вскрикнул, но удержался, просто хлопнув крыльями, однако Василиса даже не посмотрела в его сторону. Она медленно вышла, прикрыла дверь и все так же неторопливо побрела по тропинке. Откуда-то поднялся ветер, растрепал и спутал ее длинные волосы. Она шла в распахнутом плаще, шарф держала в руках. Осень беспощадно обрушивала на нее вихри сухих листьев и бисер колкого, ледяного дождя, но она ничего не замечала.

Когда она скрылась из виду, Сева скатился на пол крыльца лохматым веснушчатым парнем, быстро поднялся на ноги и вошел в дом. Как он и предполагал, друга здесь не было. Были только следы бессонной ночи, закончившейся морозным хмурым рассветом. Сева сел за стол и устало положил на руки голову. Странно, как так вышло, что Муромец все же отправился на прием в особняк Долгоруких? Точнее, нет, не так. Странно

то, что Василиса, такая благоразумная Василиса, осталась с Муромцем, зная, что наутро у него помолвка с другой...

Севе показалось, что прямо через эту избушку проходит черта, по которой с треском разваливался на две половины мир. Все шло кувырком.

* * *

Маргарита сначала даже не обратила внимания на письмо, которое принес Афанасий на рассвете. Не вспомнила про него и позже – все ее внимание было отдано разговорам с Василисой. Земляная колдунья сидела на кровати, закутавшись в плед, ее немного знобило. Она пила уже третью чашку целительного отвара, но дело тут было не в болезни – это обеим было понятно. Именно поэтому Маргарита, сбегавшая за травами к Ульяне, попросила добавить туда что-нибудь от «любовной тоски».

Ульяна не спросила о подробностях: для кого и зачем. Но перед самой дверью вдруг дала Маргарите маленькую склянку: «Это тоже налей в чай. На всякий случай.» Крошечная бутылочка показалась Маргарите смутно знакомой: то ли она видела похожие в какой-то лавке Росеника, то ли давным-давно у Севы в избушке... Но Ульяне можно было доверять, поэтому она послушно добавила и это снадобье в травяной чай Василисы и теперь надеялась, что та хоть немного повеселеет.

– И все равно я не могу поверить, что все обернулось таким странным образом, – покачала головой Маргарита, попытавшись было взяться за книгу, но тут же снова вспомнив о случившемся.

– Все в порядке, Марго. Со мной все будет хорошо, не волнуйся, – хрипло ответила Василиса и попыталась улыбнуться. Ей нездоровилось уже второй день.

– Нет, Вася, я не только об... этом. Все как-то не так, тебе не кажется? Недолго до того, что я начну верить в черные и белые полосы. Все вокруг очень изменилось, перевернулось с ног на голову. Ужасная погода, болезни, похищение Полины... и постоянные ссоры. Оля поссорилась со Светославом. Ты с Анисьей. Про Митю я вообще молчу.

– Он не виноват, – простодушно воскликнула Василиса. – Я же знала, чем это все закончится. И знала, что у него помолвка.

– Так ты сама захотела у него остаться? Даже без уговоров?

– Нет... конечно, с уговорами. Но потом... я могла остановить его в любой момент, но не сделала этого. Даже не пыталась. И даже не хотела пытаться.

Маргарита поглядела на нее. Василиса, которой недавно исполнилось семнадцать, выглядела на пару лет младше. Ее пухленькое личико осунулось, проступили скулы, глаза с опущенными вниз уголками казались больше. И как ее – такую хорошенькую, похожую на рыжего воробушка, – угораздило вляпаться в подобную историю?

Заскрипела дверца шкафа, и оттуда появился домовой.

– Опять письмо? – удивилась Маргарита, протягивая руку за небольшим свитком бересты. – Спасибо.

Она развернула послание.

– Анисья прислала... – сказала Маргарита вслух. – Интересно, что это?

– Она уже вернулась с... помолвки брата?

– Должна была. Ведь помолвка была вчера, а сегодня у Анисьи куча встреч с наставниками, я уверена. Так: «Марго, не могла бы ты составить мне компанию на сегодняшнем собрании с Велес. Одной мне будет не по себе, не знаю точно, что ей от нас нужно».

– О чем это она? – Василиса поставила на стол чашку и подалась вперед.

– Понятия не имею... Ох! Ведь сегодня Афанасий приносил нам письмо, а мы его даже не открыли! Куда же я его засунула?

Маргарита вскочила со стула и принялась рыться в ящике, затем в сумке, а потом добралась и до стопок книг на столе.

– Гляди, оно под кроватью, – заметила Василиса.

– Точно! – Огненная колдунья нащупала рукой плотный конверт и разорвала его. Внутри оказался ровный квадратик бересты – на таком всегда приходили объявления от главной наставницы. – «Сегодня мне понадобится помощь дочерей двенадцати древних родов. В полночь я буду ждать их и всех, кто захочет их сопровождать, в доме Нестора Ивановича».

Маргарита почему-то вздрогнула – чем-то жутким повеяло от этой записки. Старая бузина царапнула веткой по окну, где-то на чердаке взвыл ветер.

– Зачем Велес нужны двенадцать колдуний? – Двенадцать делений часового круга, двенадцать знаков Зодиака, двенадцать месяцев, двенадцать дней колядок после Зимнего солнцестояния: нет, это не случайное числовое совпадение, Маргарита сразу это почувствовала. И дело было даже не в «магии чисел», о которой рассказывала Кассандра Степановна.

– Скорее всего, для какого-то обряда.

– Но почему это должны быть именно дочери известных родов?

– Ты же знаешь... выходцы из таких семей обладают совершенно иной

силой, – терпеливо начала Василиса, но Маргарита все же уловила в ее тоне нервную нотку. Конечно, сейчас не самое удачное время для разговора о наследницах древних родов. – Их магия... чистая, отточенная поколениями. Может, это не всегда видно с первого взгляда, но это так. К тому же большинство из них – кровные родственники. А эта связь усиливает их колдовство во время обряда. Получается даже что-то вроде Союза Стихий, наверное. Особенно, если все девушки окажутся... невинными.

Маргарита тут же хотела пошутить, но одернула себя.

– Вася, я должна сходиться с ней, – вместо шутки произнесла она. – Надеюсь, ты не обидишься. Я знаю, что вы в ссоре, и считаю, что Анисья не права, но я не хочу занимать чью-то сторону.

– Да, я не возражаю! – быстро согласилась Василиса.

– Пожалуйста, только не грусти из-за этого. В последнее время все отношения рушатся. Я попробую сделать хоть что-то, чтобы образумить Анисью, – не хочу разрываться между вами, поэтому мы должны как-то исправить ситуацию.

Василиса печально улыбнулась:

– Ты мудрая, Марго. И сильная. Будто тебе уже тысяча лет. Откуда ты такая взялась?

Ближе к полуночи Маргарита встретила на перекрестке с Анисьей. Та накинула на плечи большую пушистую шаль и куталась в нее, будто шаль могла защитить от ветра и дождя.

– Ты снова в этой легкой куртке, – скептически заметила Анисья и дотронулась до рукава Маргариты. – Повезло же некоторым.

– Как дела? – спросила Маргарита в ответ. В воздухе отчетливо ощущалось напряжение.

– Неплохо. Я только недавно вернулась в Заречье. Вчера же была помолвка. – Она многозначительно взглянула на подругу. Ледяной ветер отбросил назад ее кудри, открыв красивое лицо с нахмуренными бровями.

– Как Митя? Страдал по Василисе? – Эмоциональная Маргарита терпеть не могла ходить вокруг да около. Она остановилась и уставилась прямо на Анисью.

– Было незаметно. С чего ему страдать?

– А с того, Анисья, что он влюблен в нее! И ты это прекрасно знаешь. Василиса в этом не виновата.

– Конечно, ты теперь защищаешь ее! Но ты знаешь, что она написала про нашу се...

– Давай договоримся, – Маргарита взяла подругу за руку, – я не

выбираю между тобой и Василисой. Но хочу, чтобы ты перестала обвинять ее в том, чего она не делала. Я буду защищать ее перед тобой, а тебя – перед ней. Хотя она и слова плохого про тебя не сказала, а только твердит, что ты во всем была права.

– Она могла бы не показывать свою симпатию к моему брату в ответ на его знаки внимания! – зло прошептала Анисья, наклоняясь ближе: недалеко от них по направлению к дому наставника прошла пара колдуний. – Звездинка распускает про них слухи!

– Ты сама влюблена в того, в кого тебе нельзя влюбляться и с кем тебе не позволят связать жизнь. И знаки внимания ему оказываешь такие, что только слепой не заметит, – так же шепотом ответила Маргарита.

– Что?!

– Только не делай вид, будто не понимаешь, о ком я. Мы все это сто раз замечали. И все бы тебя поддержали, если бы тот, по кому ты вздыхаешь, начал отвечать тебе взаимностью.

Анисья открыла рот, но не издала ни звука, а только хлопала глазами, не в силах подобрать слова. Маргарита воспользовалась паузой и перешла в наступление:

– Анисья, я хочу дружить с тобой. Если ты не можешь найти в себе сил помириться с Василисой, то хотя бы не говори ничего плохого про нее при мне. Договорились?

– Девушки! Хорошо, что я вас встретила! – Обе колдуньи чуть не подскочили от неожиданности – за их спинами выросла Саша Велес. – Кажется, мы уже опаздываем.

Все трое быстрым шагом направились по темной тропинке и вскоре остановились перед знакомым крыльцом. Из приоткрытой двери пахло теплом и запахом ягодного пирога. Гостиная Нестора Ивановича и Розалии Павловны выглядела совсем иначе, чем обычно. Сейчас она вмещала в себя гораздо больше людей – их было человек семьдесят. Она была украшена к ночи Безвременья. Повсюду в резных подсвечниках горели красные и желтые свечи, ими были увенчаны и старинные настенные канделябры, сделанные в форме бычьих голов. По углам лежали репы с вырезанными на поверхности рожицами. Внутри каждой тоже что-то светило.

Велес еще не появилась, и Маргарита с Анисьей попытались протиснуться во второй ряд, где пустовало несколько стульев в середине.

– Не поможешь мне? – как бы нехотя сказала Анисья, обращаясь к Маргарите. Ее голос звучал так, будто она не верила в то, что после их разговора Огненная колдунья согласится ей помогать. Но та, наоборот, ответила более чем дружелюбно:

– Конечно! А с чем?

– С термоколдовством. У меня вымок весь подол. Не знаю, как это мне в голову пришло надеть длинную юбку... Все это выглядит ужасно...

– Ого, – улыбнулась Маргарита, – я умею то, чего не умеет сама Анисья Муромец. Будь осторожна, не то Велес решит взять меня, а не тебя в этот кружок двенадцати талантливых девиц.

Анисья не ответила, но Маргарита, присевшая на колени и взглянувшая на подругу снизу вверх, заметила, как дрогнули уголки ее губ. Она принялась сосредоточенно водить рукой над влажной тонкой тканью и делала это, пока восторженный крик «Анисья!» не оторвал ее от работы. Она подняла голову и увидела, как в комнату влетели три щебетуны: Марьяна Долгорукая, Ниночка и Настенька. Ощущение было такое, будто кто-то случайно выпустил стаю крикливых птичек. «Ах, Анисья, ты тоже здесь! Ну конечно, в этом не было сомнения!», «Ах, Марьяна, дай я поправлю тебе волосы», «Я могу поддержать твой плащ! Ах, конечно! Ах, какое платье!». И Маргарита, сидящая в прямом смысле у ног Анисьи, почувствовала себя такой же приспешницей именитой девицы, как эти Нина и Настя, от чего ей немедленно стало очень смешно.

– Кажется, все готовы. – На этот раз прозвучал совершенно другой голос, и Маргарита с удивлением обнаружила, что за писком Марьяниных подружек даже не заметила появления главной наставницы Заречья. В тусклом мерцании световиков и рожиц-репок сложно было разглядеть прическу Велес, напоминавшую два витых рога, уложенных на голове, и ее платье, сливавшиеся с темнотой неосвещенных углов. Следом за ней появился очень нарядно одетый Илья Пророк, а потом Дарья Сергеевна и Нестор Иванович. Наставники расположились напротив воспитанников и застыли на несколько секунд, словно сказочные изваяния. Маргарита оглядела комнату: она не нашла глазами ни Митю, ни Севу, зато столкнулась взглядом со знакомым ярко-рыжим колдуном и тут же виновато отвернулась.

– Приближается Ночь Безвременья, – произнесла Вера Николаевна, и все сразу притихли. – Время, когда снова сблизятся миры. Наш мир, мир живых. И совершенно иной мир. Мир духов. Эту ночь мы должны посвятить важному, очень древнему и трудному обряду... Несмотря на то что силы Светлых магов уже засыпают вместе с природой, Ночь Безвременья даст возможность пробудить почти забытое колдовство... И сила двенадцати дочерей старинных родов защитит нас всех...

Маргарита легонько толкнула Анисью локтем, вопросительно подняв брови, но та в ответ только растерянно пожала плечами.

– Вы знаете, что Заречье, – продолжала Велес, в то время как остальные наставники торжественно молчали, стоя по обеим сторонам от нее, – защищено древними чарами. Много веков назад Воздушный колдун из Союза четырех стихий создал эту деревню там, где никто не сможет ее найти. Сюда не вели никакие порталы, кроме известных главному наставнику, никакие двери-переправляйки не могли привести сюда посторонних магов. Заречья нет на картах, и ходят легенды, что в физическом мире его вовсе не существует. Но мы с вами здесь. И мы обязаны сохранить ту защиту, что столько времени укрывала юных воспитанников. Старые чары спадают. Теперь в Заречье проникает не только таинственная хворь, но и нежданные гости. Двенадцать дочерей, которым помогает магия их древних родов, способны остановить это. Они способны залатать брешь в поврежденных защитных чарах. Именно для этого я и собрала вас здесь. Чтобы подготовить Обряд...

– Опахивания... – чуть слышно прошептала Анисья, и Маргарита заметила, как она побледнела.

– Лика Попова. Прошу вас, встаньте, – внезапно попросила Велес.

– Попова? – удивилась Маргарита. Семейство Поповых было известно в определенных кругах, но она никак не ожидала, что Алеша Попов, сопровождавший сегодня двоюродную сестрицу, был из древнего рода. Со своего места поднялась Лика, младшая из пяти сестер и, видимо, к своим двадцати годам еще не сосватанная за какого-нибудь прекрасного витязя – всех расхватили старшие.

– Федора Годунова, – главная наставница назвала имя следующей девушки, тоже резко побледневшей.

Все, что Маргарита знала об этой колдунье, было ее родство с Женей Годуновой, вышедшей замуж за бывшего Анисьиного поклонника. Да еще то, что она была целительницей и с недавнего времени помогала в лазарете.

– Людмила Брюс.

О, а вот и неофит Маливиничка! Люда была как обычно строга и красива. Пепельно-русые волосы струились по черному платью с воротником-стойкой. В нем она походила на монахиню. Она видела призраков, духов и тех, кто приходит с того света передать привет своим потомкам. Наставники делали ей поблажки и закрывали глаза на ее увлечение некромантией. Она и сейчас держала в руках свою любимую «черную книгу», где подробно описывала попавшихся ей на глаза духов.

– Александра Велес.

Только теперь Маргарита сообразила, что имена девиц назывались в зависимости от их возраста – от старшей к младшей.

Перевертыш-волчица Саша даже в своем человеческом теле чем-то напоминала волка: сведенные у переносицы брови, копна темных волос с частыми светлыми прядями, многослойное серое платье... Казалось, что из всего семейства Велес Анисья больше всех любила именно ее – троюродную сестру Димы из обедневшей ветви рода.

– Елена Трувор.

Маргарита улыбнулась, легонько ущипнув Анисью. Ее всегда смешило прозвище Елены – «Прекрасная». По мнению Огненной колдуньи, Елена была скорее коротконогим троллем, впрочем с весьма милой воинственной мордашкой и роскошной толстенной косой. Нет, то есть и Елена отличалась той необычной красотой, присущей колдуньям, но прозвище «Прекрасная» гораздо больше подошло бы Анисье Муромец, а не ей.

– Вера Синеглазка.

«А вот и наши!» – подумала Маргарита, взглянув на Веру. Под стать фамилии синеглазая. И всегда угрюмая. Она расположилась рядом с Асей Звездинкой, которую называли следующей. Звездинка прытко вскочила со стула, тряхнув длинными волосами.

– Анисья Муромец.

Маргарита с восхищением посмотрела на вставшую подругу. Все-таки было что-то такое, за что невыносимой эгоистке Анисье Муромец можно было простить все: и высокомерие, и взрывной нрав, ее капризы, неосторожные слова... Станным образом ее не портило ни одно из перечисленных качеств. Могущество и власть древней фамилии, обаяние, перед которым не сдавался один лишь Заиграй-Овражкин, и какое-то ощущение монументального спокойствия исходили от нее – высокой и очень хорошо сложенной шестнадцатилетней колдуньи. Как-то по-особенному играл свет на ее светлых кудрях. И как-то серьезнее смотрела на нее главная наставница.

– Лада Весна.

Поднялась юная «снежинка» в полупрозрачном белом платье, под которым можно было рассмотреть все, что только душа пожелает. И несмотря на все это, она выглядела так же целомудренно, как и Людмила Брюс в своем монашеском наряде.

– Марьяна Долгорукая.

Две косички цвета шоколада, глубоко посаженные русалочьи глаза и накидка с вышивкой. Марьяна была небольшой и тоненькой, чем-то похожей на лебедя, в которого умела превращаться. Но Маргарита до сих пор не разгадала ее двойственность: то она была покладистой и милой тихоней, а то вдруг задирала нос и отпускала едкие замечания. И это была

Митина невеста. Теперь совершенно официально – Митина невеста! О боги! Интересно, ему пришлось вчера целовать ее?

– Нина Полудница.

Неудивительно. Ниночка и Настенька (наверняка эта будет следующей) тут как тут. Стала бы Марьяна водиться с незнатными?

– Анастасия Лопухина.

Настенька оказалась единственной Огненной колдуньей из всех двенадцати.

* * *

В приоткрытую дверь влетел черный коршун, затем вспыхнул яркий свет, и, сделав в воздухе кувырок, на пол упал человек. Он лежал и не шевелился. Митя захлопнул дверь, чтобы не впустить еще и холодный дождь, и наклонился над Севой.

– Эй, – сказал он. – Ты как?

– А ты как? – спросил Сева, не открывая глаз. Лицо его имело абсолютно безжизненный вид. Под всей его фигурой растекалось черное пятно плаща-куколки, к свитеру прилипла сухая листва.

– Ты сам сможешь встать?

– Нет, да мне и незачем, я лучше полежу тут.

– Понятно. – Муромец распрямился и направился к раскрытым на столе книгам. – Да, ну и выбрал ты себе долю. Всего несколько дней в теле птицы, а выглядишь уже жутко.

– Как прошло? – спросил Сева, глядя в потолок. – Как прошла помолвка?

Митя покачал головой, усмехнулся себе под нос и стал что-то записывать.

– Даже нечего рассказать?

– Ну... все не так плохо, как могло бы быть... Не так плохо, как будет на свадьбе. Но ты ничего не потерял. Это было лишь большое сборище всей нашей родни.

– Наверное, обсуждали наследство?

– Естественно, – ответил Митя. – Но ничего нового я не узнал. Долгорукие все равно выигрывают гораздо больше от нашего брака, чем мы.

Сева через силу улыбнулся, хотя Митя этого и не видел.

– Может, этот союз и вовсе для вас бесполезен? – сказал он, с трудом

выдавливая из себя слова, но продолжая ухмыляться.

– Ты знаешь, что я отвечу на это.

– Не изжила ли себя традиция?

– Овражкин, мы сможем это понять, только отказавшись от нее. Но если выяснится, что в ней все же была необходимость, может стать уже слишком поздно.

– Да-да. Очень пафосно звучит. Под стать Муромцам, Рублевым, Долгоруким и Велес. Я с тобой согласен.

– Ты смеешься? – Митя раздосадованно оттолкнул от себя книги и повернулся к другу, который все так же неподвижно лежал на полу.

– Я бы посмеялся с удовольствием, если бы мои мысли не омрачало кое-что.

– Что?

– Рыженькая девушка, покинувшая ранним утром нашу избушку.

Митя подскочил на месте:

– Ты видел Василису?

– Интересно, почему ты не позаботился об этом? Или тебе было бы все равно, если бы ее кто-то увидел?

– Мне не все равно! – Митя встал. – Кто еще мог ее увидеть?

– Успокойся, никто. Но это была чистая случайность, счастливая для тебя и для нее. Хотя я, конечно же, спас бы тебя и сказал всем, что она оставалась со мной.

Митя опустил обратно на стул и уставился в окно.

– Я могу задать тебе личный вопрос? Понимаешь, я сам что-то не могу соединить эти два момента – выходящую из нашей избушки Василису и твое отлучение, так на минуточку, на собственную помолвку...

– Не тебе учить меня, что плохо, а что нет...

– Может, и не мне, но на ней лица не было, Муромец! На этой несчастной девчонке! Что здесь произошло?

– Лица... не было?..

– Ты так удивлен? Ожидал, что она будет скакать вприпрыжку от счастья? Знаешь, какие у меня предположения? Ты сначала пытался показать ей, что она тебе не безразлична. Потом заручился ее вниманием. Потом понял, что она отвечает тебе взаимностью. Признался ей во всем. Затем пропустим несколько моментов. А потом ты оставил ее, так?

– Когда ты это перечисляешь, получается, что так.

– Что ты сказал ей перед уходом?

– Ничего. Я написал ей письмо. Я написал все как есть. Что я вынужден уйти и что мы с ней никогда не будем вместе. Что я не стану

ухаживать за ней, потому что она... В общем... может быть либо только она одна, либо вообще никого. Я не могу оставить ей никакие вторые роли...

– Что-то важное предшествовало этому письму, Муромец? Ты же не написал его просто так, нет? Почему она всю ночь провела у нас?

Митя не ответил. За окнами бушевал ветер и гнул к земле старую бузину.

– Н-да, – протянул тихо Сева. – А еще благородная кровь.

– Прекрати это, Овражкин. – Митя снова вскочил на ноги и приблизился к Севе. – Прекрати иронизировать! Все не так просто, как тебе кажется! Ты ничего не понимаешь в этом!

– Я ничего не понимаю? – Сева приподнялся на локтях. – Я понимаю больше, чем ты можешь мне сказать. Ты влюблен в нее! Да я же Воздушный! Все подобные эмоции я чувствую в окружающих так, как будто они мои собственные. И даже если сам я не испытываю этого, я знаю, когда такое испытывают другие. Ты же думаешь о ней целыми днями и наряжаешься каждое утро, чтобы только она на тебя посмотрела! Ты влюблен в нее, Муромец, но мне нужно узнать, почему это все же позволило тебе заключить официальную помолвку с Марьяной Долгорукой.

– Зачем тебе это знать? – после долгой паузы произнес Митя.

– Так нужно. Проверяю одну свою личную теорию, касающуюся чувства, которое спасает города.

– Что еще за бред?

– Почему ты не остался с ней? – все так же негромко, через силу процедил Сева. – Разве это сравнится с особняком Долгоруких и десятком мешков их самоцветов?

– Да при чем здесь самоцветы! То ты циничен и безжалостен, презираешь всех вокруг, и на чувства девушек тебе наплевать, а то вдруг заделался романтиком! Что станет со мной, если моя семья отвернется от меня? Как я могу так их всех подвести? Они сохранили наше общество. Благодаря им я обладаю силой, превышающей силу большинства колдунов моего возраста, благодаря им я...

– Что станет, если Василиса отвернется от тебя? Ты никогда не узнаешь, как это – быть с ней. Никогда. Ты только вдумайся в это слово.

– Наверное, это будет трудно...

– Слушай, мне нравится Василиса. Ты не против, если я когда-нибудь женюсь на ней? – перебил его Сева и сел, сделав очень серьезное лицо. – Ты знаешь, мне ничего не стоит повлиять на нее и внушить, будто я ей тоже симпатичен.

Митя поглядел на него со своего места в полной тишине.

– Это шутка, конечно, – сказал Сева. – Но что, если когда-нибудь она полюбит кого-нибудь другого? И ты ее больше никогда не увидишь.

– Да что с тобой такое? – На этот раз в облике Муромца появилось что-то грозное.

– Даже не знаю, как тебе объяснить. Но иногда что-то важное до нас доходит слишком поздно. – Сева вскочил, обернулся коршуном и вылетел из избышки.

* * *

Где-то вырвалась из оков вода. Страх перестал ее сдерживать... Всплеск послышался на темной стороне. Весы покачнулись. Сотни живых существ ощутили тревогу в своих сердцах. Сотни живых существ почувствовали, как затрещали по швам древние устои... Как магия предков вдруг ослабла. Как сила рода вдруг предала.

Я знаю, что они задумали. Я подсказал им, что делать. Двенадцать невинных дев восстановят старинное колдовство, пройдут вдоль реки и замкнут кольцо. В них еще теплится настоящая сила, ей предстоит пробиться сквозь тьму и восстановить порядок. Двенадцать юных дев откажутся от себя, примут холод и снег, мороз и черную ночь. Они – волхвы, они посланы служить великим силам. Я помогу выбрать... Я знаю, кто достоин. Я чувствую, кто сдюжит.

* * *

Маргарита, спустившись с крыльца, пошла прямо сквозь противоположный ряд избышек на курьих ножках – так они с Полиной обычно сокращали дорогу. Через несколько минут она добралась до избышки Анисьи.

Вдвоем они отправились по тропинке к Дороге Желаний. Прошло уже больше недели с собрания Велес. Анисья с Василисой до сих пор не разговаривали друг с другом, и Маргарите приходилось встречаться то с одной, то с другой и разрываться между ними. Тем не менее она не предпринимала попыток их помирить: ей казалось, что не стоит вмешиваться. В последние пару дней Анисья даже не упоминала имени Василисы, но сегодня вдруг, идя рука об руку с Огненной колдуньей,

спросила:

– Скажи, что Василиса говорила обо мне?

– Ничего. По крайней мере, ничего плохого.

– Нет, скажи правду, Марго. Неужели ты не знаешь, что она написала ту статью в «Тридесятом Вестнике» про бал в честь Митиного дня рождения?

– Знаю, конечно, она мне сама рассказывала. Но и в этой статье не было сказано ничего плохого о тебе.

– Зато о моей семье!

– Мне кажется, что поведение твоей мамы было описано весьма забавно, даже с юмором. Там не было ничего злого. Только то, что думает про вас большинство колдунов. Я бы на твоём месте простила это Василисе.

– Маргарита, я уже была готова простить ей все! – Анисья остановилась посреди дороги и постучала носком ботинка по заледеневшей луже. – Все, даже ее прогулки с Митей... Но...

– Но?

– Но только не то, что она работала в «Тридесятом Вестнике» и писала про нас гадости! Как я сразу не догадалась, что она заинтересовалась объявлением о поиске «ушей» для журнала? Ты помнишь, Марго? Она носилась с этим объявлением, когда мы только приехали сюда...

– Что значит «поиск ушей»? – не поняла Маргарита.

– Уши – это такие колдуны, которые собирают всякие сплетни для «Тридесятого Вестника»! Как я могла не догадаться, что Василиса, живя со мной, непременно захочет заработать на подобной информации?!

– Ох, Анисья... – Маргарита вздохнула и взяла ее за руку. – Анисья, все совсем не так!

– Как же это не так?

– Я говорила с Василисой о ее работе в журнале, хотя и не знала, что ее должность называется «ушами». Она ведь пошла туда совершенно для другого! Она хотела защитить тебя от глупых и необоснованных слухов, которые стали распространяться, едва ты появилась в Заречье. Посмотри на это с другой стороны: она могла смело опровергать сплетни про тебя, ведь ей доверяли больше других! Она была твоей соседкой, и редакторы журнала считали, что только ей известно, что правда, а что нет. А та статья про бал, в которой, как я уже говорила, нет ничего ужасного, лишь удерживала ее позиции в глазах остальных работников журнала – мол, и Василиса пишет про вас что-то ироничное, а не только запрещает выпускать в свет всякие выдумки.

– Не может быть, чтобы все это было правдой...
– Почему не может? Почему ты сомневаешься в ней, если сама только что была готова ей все простить? Это же ведь Василиса. Наша милая Василиса. Девочка-тишина. Девочка-любовь.

Брови Анисьи грустно вздрогнули.

– И она не виновата, что твой братец приударил за ней. Я уверена, что она даже не подозревала о его симпатии. Скорее, она полагала, будто он из проявления дружбы каждый раз поджидает ее у выхода из столовой, чтобы проводить до избышки. Так что лучше бы ты вправляла мозги ему, а не ей.

– Не сваливай все на Митю. Неужели ты хочешь сказать, что Василисе он ни капельки не нравился?

– Конечно, нравился! Но кому тут не нравится Митя?! Василиса не хочет зла твоему брату. Поверь, она не сделает ничего, что помешает его счастью.

Тут распахнулась дверь избышки Бабы Яги, до которой уже успели добраться девушки, и из нее выскочила Василиса. Она едва не столкнулась с Маргаритой и Анисьей, и все трое тотчас отскочили друг от друга, их глаза от неловкости забегали.

– Вася, ты куда? – первой спохватилась Маргарита.

– Я оставила дома свой пучок Мытника. А Яга сказала, что не сможет одолжить... Ты не захватила на меня?

– Захватила, – улыбнулась Маргарита. – Идем, иначе Радим со Светославом съедят все самые вкусные печенья. А я сегодня не завтракала.

* * *

Утром выпал первый снег, поэтому праздник Покрова устроили этим же вечером. Стемнело рано, но за несколько часов намело целые сугробы. Розалия Павловна пекла пироги с жимолостью и украшала гостиную, ожидая гостей. В этот раз Покров не предполагал обычный размах, скорее походил на привычные здешние вечерницы. Настроение у многих было странным и совсем не праздничным, еще несколько человек только пару дней назад попали в лазарет с Лисьей хворью. И тем не менее жизнь продолжалась, и Заречье своим существованием доказывало, что никакие страшные новости не могут остановить ее течение.

В избышке под номером десять было холодно. Инженеры только-только приступили к разработке трансцендентального отопления и дальше схем и чертежей еще не успели продвинуться. На столе догорали свечи, их

пламя немного согревало воздух. Мерцали абсолютно все световики, которые тут имелись, и пусть их свет не давал тепла, они создавали хоть какое-то подобие домашнего уюта. Муромец рассеянно смотрелся в зеркало, но его интересовало явно не свое отражение. Сева наблюдал за ним и молчал. Митя собрал длинные кудри на затылке и снова замер.

– Она все равно будет на тебя заглядываться, с какой бы прической ты ни пришел, – усмехнулся Сева из своего угла. Два кристалла-светильника над его головой вдруг тревожно скрежетнули и погасли.

Митя моргнул, как будто очнувшись, но ничего не ответил. Он одернул черный, идеально сидящий по фигуре кафтан, оглядел себя и взял с крючка куколь.

– Ты идешь?

– Не решил, – Сева пожал плечами. – Не люблю все это, ты же знаешь. А еще посмотреть, как ты даришь свечу Марьяне Долгорукой...

– Понятно.

– Нет, скажи, ты что, правда идешь туда, чтобы подарить эту дурацкую свечку ей?

– Ты сам знаешь.

К оконному стеклу ластилась слишком рано наступившая снежная ночь. Где-то в уютной гостиной Нестора Ивановича и его жены уже ждали наследника древнего семейства.

– А как же Василиса, Муромец? Вдруг она тоже придет?

Митя снова не ответил.

– Я тут подумал, – сказал Сева, – что все случившееся очень логично. Как будто это чей-то план. Это так просто, понимаешь? Богатый наследник самого известного рода. Красавец и очень одаренный маг.

– Спасибо, – хмуро оборвал его Митя.

– На тебя возлагают столько надежд. Тебя обручили с симпатичной малявкой, тоже богатой и талантливой. И характер у тебя такой приятный... все просто падают от восторга. Ну это же очевидно, что должна была произойти какая-то ерунда! Не бывает у людей все так хорошо. Это и есть твоя инициация, твое Посвящение, Муромец, – выбрать, кто ты на самом деле. Тот, кем тебя все считают, или тот, кто ты есть в душе.

– Нет никакого выбора, Сева. – Муромец уперся руками в стол и сверху вниз поглядел на друга. Все казалось необычным: и то, что он назвал его, Севу, по имени, и тихий хриловатый голос, и вообще все его лицо, из-за убранных назад волос непривычно открытое. Чаще ему удавалось прятать взгляд за растрепанными кудрями, всегда одинаково весело улыбаться на все и ускользать от ответа. Поэтому в первую секунду

Сева даже немного растерялся.

– Да брось, – наконец сказал он. – Неужели это все из-за какого-то пророчества, которое ты получил при рождении? Подумаешь, кто-то придумал, что ты должен жениться на Долгорукой! Возможно, Долгорукие этого «прорицателя» сами и подослали.

– Знаешь, кого они, по-твоему, «подослали»?

– И кого же?

– Это была Вещейка.

Повисла тишина, Сева легонько повел головой и вопросительно поднял брови, будто ожидал, что друг сейчас признается, что пошутил.

– Серьезно?

– Абсолютно.

– Ну а... – Сева на секунду задумался над вопросом. – А как она оказалась свидетельницей твоего рождения... Точнее... О, Перун. О чем мы вообще сейчас разговариваем? Правда Вещейка? Боги, значит, посещают поместье Муромцев?

– Не все считают ее богом. – Митя нахмурился: он продолжал все так же стоять напротив, держа в руке куколь. – Она точно существо другого плана, но если и бог, то проклятый кем-то свыше. Говорят, она может принимать человеческий облик, но для этого ей нужна жертва: душа младенца.

– И она...

– Да, приходила по мою душеньку. – Легкая улыбка коснулась Митиных губ, но тут же исчезла.

– Но вместо этого что-то напрооричила и испарилась... Да? Ничего не взяв?

– Не знаю! Или ты считаешь, что я могу об этом поговорить с моими родителями? Однажды в детстве я спросил об этом у матери, а она так побледнела, что... в общем, никто мне ничего не рассказывал. Позже отец заверил, что это все выдумки, козни и сплетни завистников.

– Как же ты узнал обо всем?

– От тети Агафьи. Она умоляла слушаться отца и выполнять все его требования, якобы иначе все будет очень плохо.

– Хм, ладно. Расскажешь как-нибудь поподробнее? Сейчас тебе пора. – Сдавшись, Сева посмотрел на дверь.

– А ты, значит, все-таки не пойдешь?

– Приду попозже. Да, серьезно. Я приду.

Муромец скользнул невеселым взглядом по Севе, развернулся и, больше ничего не сказав, хлопнул дверью.

– Черт, – прошипел Сева себе под нос. Еще один кристалл-световик над его головой погас. Решать чьи-то личные проблемы не входило в Севину привычку, даже если этим кем-то был лучший друг. Однако мысль о Василисе Умновой не оставляла его. Что-то во всей этой истории было пугающе неправильным, хотя на первый взгляд никакого напряжения не было заметно: Муромец вроде бы смирился со своей участью, Василиса все так же скромно и вежливо улыбалась при встрече. Но отчего-то Севе хотелось подойти к ним обоим и хорошенько встряхнуть каждого за плечи.

На этот раз в окно постучал колючий ветер, ветки облетевшего клена резко прильнули к стеклу.

– Марта, – позвал Сева, и шушера в мешковатом льняном платице вылезла из шкафа. – Марта, сможешь достать мне свечу Покрова?

– Но их полно в гостиной Розалии Павловны.

– Да, но... Понимаешь... я хочу оставить ее у избушки одной девушки...

– А-а, – протянула Марта. – Ну тогда подождите.

Шушера исчезла, а через минуту на столе засветился серебристый огонек заколдованной свечи.

Сева натянул свитер потеплее, без энтузиазма взглянул на свое отражение в зеркале – тощий, бледный, веснушки похожи на какую-то темную сыпь. Длинные волосы немыты и непричесаны. Разбиватель сердец, по-другому и не назовешь! Сегодня на его магию отзовутся разве что кикиморы да какие-нибудь страшные мавки, у которых со спины видны внутренности. В таком виде только и остается, что разбираться с чужими трудностями, а не идти на романтический праздник.

Сева замотался шарфом до самых глаз, нахлобучил шапку, накинул куколю и вышел из дома. Он собирался пройти две улицы поперек и свернуть налево, а там ему была нужна пятая по счету избушка, а точнее, ее крылечко, где он оставит подарок для Василисы. Пусть у нее будет хоть капелька надежды, что это сделал Митя Муромец.

Сева пересек небольшой перекресток – благо, он был абсолютно пустынным. А вот в начале улицы ему пришлось затаиться: возле одной из избушек две девушки поджидали подругу. Через пару мгновений она спрыгнула со ступенек в сугроб, и колдуньи отправились к дому Розалии Павловны и Нестора Ивановича. Сева не переставал оглядываться по сторонам, готовый в любую секунду отскочить к стене ближайшей избушки. И хоть на улице было темно, светящийся огонек в руках мог запросто его выдать.

Он сам не понял, что произошло, но ноги вдруг начали сбавлять шаг,

едва он собрался уйти с улицы Гроз. Впереди появилось неясное движение, черная фигура мелькнула в отблесках снега. Сева, затаив дыхание, прижался к выпуклым бревнам деревянной стены. Сердце его пропустило удар, словно он собирался совершить какое-то преступление.

Просто страх? Дурацкая идея со свечкой, подаренной Василисе от имени друга! Необъяснимая тревога, слабость в коленях? Да, все это присутствует.

Сева осторожно высунулся из-за угла, глядя вслед удаляющейся фигуре наставника. Узнать его было легко. Когда-то он уже видел его точно так же: выходящим из темноты ночи, закутанного в дорожный плащ. Его размеренный ровный шаг – будто пустынный, горячий ветер несет его... Странник. Интересно, что он забыл на этой улице?

Как только Александр Владимирович скрылся вдали, Сева покинул укрытие и отправился было дальше, но внимание его упало на маленькую светящуюся точку на крыльце избышки чуть впереди. Сева сделал несколько шагов и удостоверился, что на деревянных ступеньках горит точно такая же серебристая свеча, как и та, что он держал в руках. Это показалось ему забавным, ведь всего несколько секунд назад тьма перед ним лежала непроглядная. Сева повертел головой в поисках таинственного дарителя, но, никого не обнаружив, бесшумно приблизился к оставленному кому-то подарку и взглянул на приложенную записку:

«МАРГАРИТА», – гласили четкие печатные буквы: этот кто-то пытался скрыть свой почерк.

Сева еще раз посмотрел туда, где скрылась фигура Странника. Неожиданная догадка пришла ему в голову. Перед глазами Воздушного колдуна пронеслась сцена, разыгравшаяся днем в столовой. Ссора произошла за столом Огненных, и, наверное, Сева и не обратил бы на нее внимание – в той части столовой часто разгорались споры на повышенных тонах, – но в этот раз Воздушный колдун услышал свое имя.

– Друзьями? Ты хочешь, чтобы мы были друзьями? – Рыжеволосый Огненный колдун Слава резко встал из-за стола, с грохотом отодвинув тяжелую деревянную скамью. – Нет, ты явно смеешься надо мной, Марго! Дружи лучше с Фадеем, который постоянно увивается за тобой! Или с Заиграй-Овражкиным и Муромцем. Ты же везде постоянно с ними – куда более приятная компания, чем какой-то там Слава.

Маргарита удивленными глазами смотрела на парня и не могла произнести ни слова в ответ. Когда Слава наконец закончил гневную тираду и стремительно покинул столовую, она лишь обессиленно опустила голову себе на руки, так что длинные черные волосы полностью закрыли ее лицо.

Сева думал было подойти к ней, но решил, что, наверное, он не лучший кандидат на роль утешителя в сердечных делах; другое дело, если бы тут был Муромец – он точно смог бы разрядить обстановку и заставить Маргариту смеяться. Остальные обедающие, если и бросали любопытные взгляды на Огненных, быстро потеряли интерес к произошедшему, и лишь за столом наставников кое-кто не сводил озабоченного взгляда со своей подопечной. Севе не нужно было читать мысли Македонова, чтобы понять, что внутри него тоже происходит борьба между желанием хоть как-то утешить Маргариту и нерешительностью. Кажется, в конечном счете, первое победило. Сева еще раз взглянул на свечку и улыбнулся своей догадке.

Он так и остался стоять истуканом перед крыльцом избушки номер девятнадцать, не смея пошевелиться. Будут разрушаться и вырастать города, исчезать с лица земли целые страны, поселения будут возникать в самых неожиданных местах, будут меняться культура и магия. И, наверное, только одно таинственное чувство останется неизменным и необъяснимым.

Севу вдруг словно кольнуло чем-то холодным, и пальцы рук нервно вздрогнули. Он был тут совершенно один. Никто не знал, что он пришел сюда, никто его не видел. Он мог смириться со своим внезапным желанием.

Он протянул свечку к замерзшим ступенькам, но тут же отдернул руку, так и не поставив заветный подарок.

Наверное, со стороны это выглядело нелепо. Но ведь исчезнувшая соседка Маргариты никогда не узнает, что на этот раз опять получила подарок на праздник Покрова. Никогда не узнает она и о том, кто оставил ей свечку. Заледенелые пальцы опустили злополучную свечу на косое крыльцо и вывели на листке бумаги неровные буквы ее имени «Pauline» – так она подписывалась в письмах своему брату Микоэлю Феншо.

* * *

Маргарита подняла голову и поглядела на черное ночное небо. Снег падал частый и колкий, снежинки возникали в воздухе неожиданно, взгляд фокусировался на них, только когда они приближались к лицу, – а до этой черты все превращалось в мутную тьму.

Вчерашний праздник Покрова прошел донельзя странно. И хотя в большой комнате было натоплено и прибрано, на столе громоздились угощения, а горячий сбитень был особенно прян, сам праздник вовсе не походил на праздник. Гости разговаривали намного тише обычного, почти

не танцевали, сидели тесными группками по углам и зорко, как-то особенно ревностно следили за теми, кто набирался смелости подарить свечку понравившимся девушке или парню. Торжественность, с которой Митя вручил свечу Марьяне, а та в ответ ему, окончательно все испортила. Под счастливые аплодисменты Марьяниных подруг и ребят из старинных семей Маргарита покинула избушку Нестора Ивановича и пошла домой. На крылечке ее ждала приятно мерцавшая свечка для нее самой и еще одна для Полины, почему-то подписанная латинскими буквами.

Резко подул ветер, и Маргарита, отвлекшись от воспоминаний, повернулась к Василисе, которая поплотнее затянула шарф и спрятала в него подбородок. На Кудыкиной горе было не так уж много народу для такого важного обряда, как Опахивание. Однако холод и метель не способствовали рвению магов покинуть свои избушки. Так что пришли лишь самые любопытные.

На небольшой вытоптанной полянке возле покосившегося дома рваным кольцом выстроились колдуньи разных возрастов. Все они смотрели в центр круга, ожидая чьего-то появления.

– Почему здесь только девочки? – спросила Маргарита, придвинувшись ближе к подруге.

– Ни один мужчина не должен видеть обряд Опахивания. Все колдуны заперты в избушках. Они не могут выйти.

– Почему?

– Это женское колдовство, – пожала плечами Василиса.

– Но ты же говорила, что музыканты – мужчины!

В эту секунду колдуньи с противоположного края расступились, мимо них прошла Лиса, ведя за собой восьмерых магов в куколях. Фигуры в длинных плащах двигались немного неловко, словно что-то мешало им идти, шаги их были осторожными, неуверенными. Дойдя до центра, они остановились, застыв в таких же неуверенных позах. Дарья Сергеевна, чьи белые волосы сверкали во мраке словно наэлектризованные, подошла к каждому из них и подвела их туда, где они должны были стоять: теперь все они были повернуты спинами в центр и лицами к окружившим их колдуньям. Из-под куколей не было видно их лиц, но Маргарите казалось, что фигура в плаще, стоящая прямо напротив, не отрывает от нее взгляда. Через пару мгновений она поняла, как ошиблась. Лиса обошла получившийся небольшой круг, коснувшись каждого из колдунов рукой, и те тут же сбросили куколи и отдали ей. Глаза их были завязаны черными повязками. На всех были надеты длинные рубахи из грубых нитей и больше ничего – не было даже обуви, все они стояли на снегу босиком.

Каждый держал в руке либо свирель, либо флейту Пана, либо кугиклы. И, несмотря на бесформенную одежду и завязанные глаза, их легко было узнать. Боком к Маргарите стоял Дима Велес, чуть дальше – Сева. Раньше он был стройным, широкоплечим, таким красивым, подумала Маргарита, а теперь от него остался один скелет. Превращения в птицу и долгое пребывание не в своем теле явно действовали плохо. Его собственное тело словно бы истончалось, потихоньку исчезало. Длинные растрепанные волосы и нелепая рубаха делали его похожим на голодного бродягу. Только выражение лица осталось прежним. Судя по нему, нельзя было поверить в то, что воздух сейчас одновременно и влажный, и мерзлый, что ледяной ветер завывает, как волк, что несколько слоев теплой одежды не спасают от непогоды даже Огненных.

Напротив же Маргариты, вперив в нее невидимый взор, стоял рыжий Слава. Он нервно прокручивал в руке дудочку и иногда поворачивал голову вслед проходившей мимо Лисе.

Дарья Сергеевна обошла круг и в полной тишине достала из висевшей на поясе сумки небольшую склянку. Несколько девушек, окруживших поляну, в том числе и Василиса, подняли вверх обе руки.

– Что это значит? – прошептала удивленная Маргарита.

– Защита для этих ребят. Я хочу отдать им часть своей силы. Во время этого обряда им придется очень тяжело, им будет холодно, страшно, больно. Но они должны продержаться до конца. Их роль сейчас не менее важна, чем роль колдуний, которые проводят обряд.

– Что она дает им? – спросила Маргарита, имея в виду Лису, которая подходила к каждому колдуну и подносила к его губам небольшую склянку.

– Какой-то дурман. Понимаешь, их сознание должно перейти в другое состояние. Но это не так просто сделать при таких погодных условиях, они могут начать отвлекаться на свое замерзающее тело.

– О боже... – откликнулась Маргарита. Ей стало жалко и Севу, и Славу, и даже Диму Велеса.

– Помните ли вы, – громко сказала Лиса, – что вы всего лишь указатели на пути волхвов? Что ваша музыка – свет на их дороге?

– Помним, – глухо, но синхронно отозвались маги.

– Что ваши глаза не должны увидеть их? Вы не можете снять повязки. Вы не должны помогать опахивающим, даже если вас будут просить. Вы не должны разговаривать с ними, отвечать на их вопросы. Вы не должны замечать их. Ваша задача – осветить их путь.

– Помним.

– Тот, кто нарушит слово, больше никогда не сможет видеть и никогда

не услышит ни музыки, ни звука собственного голоса.

Колдуны понурили головы.

Лиса вновь выстроила их друг за другом, и вся процессия начала медленно спускаться с горы, в том числе и девушки-колдуньи.

– Куда они теперь? – спросила Маргарита, следуя за Василисой. Василисина коса в ночи казалась очень темной.

– Дарья Сергеевна отведет каждого на положенное место, где он должен будет играть в течение всего обряда. Музыканты – словно маячки для колдуний, проводящих обряд. Они делают ровный круг вокруг деревни и только тогда возвращаются домой.

Обряд Опахивания. Защитный обряд, который совершают двенадцать чистых дев из древних и могущественных родов во главе с колдуньей-волхвом – Велес. Обнаженные и смеющиеся, они тащат плуг, взрывая им мерзлую землю, обводя магической чертой деревню. Они поют и хохочут назло тьме. Внезапно открывающиеся пространственно-временные туннели в Заречье... Болезнь и смерть лошадей... Гибель волшебных трав в теплицах, искажение времени... Да, наверное слишком много признаков того, что колдовство, на протяжении столетий веков защищавшее Заречье, начало пропадать. Наверное, этого достаточно, чтобы подвергнуть такому жестокому обряду всех этих мальчиков-музыкантов и девочек-колдуний, особенно Анисью – нежную, тонкую, талантливую. Маргарита вздрогнула. Где-то вдали заплакала свирель. Снежный вихрь взметнулся к вершине холма.

– Началось? – спросила Маргарита. Василиса ухватила ее под руку и повела к избушке. Когда они вошли, часы показывали четверть первого.

– Обряд будет длиться пару часов, не меньше, – сказала Василиса. – Так что поспи немного.

На столе лежало несколько свернутых льняных полотенец, их незадолго до полуночи принесла Юля, жена Даниила Георгиевича. Василиса заботливо отнесла их в ванную. Ткань была пропитана специальным раствором, а сами полотенца предназначались для того, чтобы оборачивать замерзшее тело колдуньи, участвовавшей в обряде.

– Они два часа будут таскать за собой плуг по такому холоду?!

– А что им еще остается? – ответила Василиса.

– Это невозможно! Девочки замерзнут насмерть!

– Случается, что обряд Опахивания проводят летом. Но нам не так повезло...

– Василиса, а что будет, если Анисья после этого так заболеет, что... – «Умрет» выговорить не удалось.

– Нет, такого не случится, целители обо всем позаботятся. Мы с тобой подготовим ей ванну. Специальные свечи, травы, масло – все есть.

Заснуть у Маргариты, конечно, не получилось. Она закуталась в одеяло, словно в кокон, уселась на кровать и привалилась к подушке, но едва дрема начинала охватывать ее, издалека, с улицы, из-за леса, из ее воспоминаний или снов раздавались то зловещие песнопения, то резкие вскрики, иногда похожие на жуткий смех, то волны прекрасной печальной мелодии.

– Они совсем близко, – два раза прошептала Василиса. Она сидела с кристаллом-светильником за столом и пыталась что-то разглядеть за окном. – Попробуй заснуть.

Маргарита снова закрыла глаза. В ее фантазиях проносились смутные, словно призраки, образы двенадцати обнаженных красавиц, которые брели по снегу с ритуальной песней и тянули за собой плуг, украшенный живыми цветами. Велес с седыми длинными волосами, служившими ей почти что плащом, возглавляла их шествие. Молочно-белые, полупрозрачные девушки сменялись молодыми людьми в грубых рубахах из крапивы. Эти рубахи были сплетены руками еще восьми невинных колдуний из знатных родов, только совсем маленькими девочками, некоторым из них едва исполнилось десять. Кугиклы, паяны, флейты Пана – музыкальные инструменты, которые Маргарита никогда не держала в руках, пока жила с потусторонними. Потусторонние! Эта мысль пронзила ее, словно игла. Потусторонние спят сейчас в своих теплых квартирах! Или сидят за компьютерами! Или смотрят по телевизору спортивные матчи! Мечтают о покупках, думают о машинах. Неудивительно, что Слава так и не понял, что Маргарита пыталась сказать ему о них. В своем мире в такую холодную ночь он стоит почти без одежды один на каком-нибудь холмике возле леса, играет на флейте, опьяненный волшебным дурманом. Он – свет на пути волхва и двенадцати спутниц с плугом...

Тишину прорезал стук: слабый, еле слышный, еле живой парный удар костяшек по деревянной двери. Василиса со скрипом отодвинула стул и бросилась открывать. Маргарита подскочила с кровати.

В дверях стояла Анисья: на лице у нее были белые полосы и защитные руны, наспех нарисованные чем-то темным. Казалось, что она пытается улыбнуться, но в следующую секунду она пошатнулась и поморщилась. На ней не было одежды, Маргарите стало холодно от одного взгляда на ее тело. Смотреть на нее было невозможно. Идеально сложенная, с копной длинных золотистых кудрей до самых бедер, она казалась почти что мертвой, почти что такой же призрачной, как чудилось Маргарите в

полусне. Ее кожа была неприятного пунцового цвета, к ступням и ладоням отдававшим серо-фиолетовым. Она больше не могла сделать и шага и упала бы на пол, если бы Василиса не успела подхватить ее.

– Нися! Маленькая! – Маргарита тут же бросилась на помощь Васе. Вместе они захлопнули дверь и внесли Анисью в ванную, где ту уже ждали чем-то пропитанные льняные полотенца, зажженные зеленые свечи и теплый розово-желтый настой в ванне, куда ее нужно было погрузить немедленно.

Глава девятая

Коляда

Вот так бывает, что одна ночь – пусть и Ночь Безвременья – и один обряд – пусть и такой древний, сложный обряд Опахивания – меняют если не все, то очень многое. Утром выглянуло веселое солнце, чего никто не ожидал. Маргарите, задремавшей на пару часов, снились призраки. Они обступили Заречье целой толпой, парили над крышами избушек, провожали по дорожкам воспитанников, они пытались что-то сказать самой Маргарите, но она их не понимала. Тогда призраки принялись вдруг танцевать: они смешно припадали то на одну, то на другую ногу, вскидывали руки, кружились, и девушка вдруг увидела, что все они улыбаются. Их улыбки источали яркий свет, Маргарита не выдержала и открыла глаза – сквозь окно ее слепило солнце.

Она лежала, тесно прижавшись к Василисе. На ее же собственной кровати спала Анисья. Маргарита приподнялась на локте, чтобы взглянуть на белокурую колдунью. Ночью, после того как зашел Густав Вениаминович и осмотрел ее, девушки укутали подругу в свитера и укрыли своими одеялами.

От Маргаритиною движения Василиса проснулась и тоже приподнялась.

Анисья уже не спала. Она сидела, подложив под спину подушку, и молча глядела на подруг. Едва заметив это, Маргарита с Василисой тут же бросились к ней.

Слова тут были ни к чему. Не за что было извиняться и нечего прощать. Конечно, нельзя было обещать, что бывшая дружба вернется, ведь некоторые тайны в это утро так и остались тайнами. Но то, что все трое молча плакали и обнимались, уже дарило надежду.

Василиса пока предпочла остаться жить вместе с Маргаритой, но наступивший день рождения Огненной колдуньи они праздновали втроем. Правда, под вечер заглянули еще и Миша с Емелей, а затем пришел домовый Афанасий с подарочной коробкой от наставника. Не веря своим глазам, Маргарита, под удивленный шепот друзей, сняла крышку и достала на свет большой бубен, украшенный длинными лентами.

– Ну все, теперь тебе не отвертеться от занятий с шаманом, – проговорила Анисья, копируя интонации брата. – Македонов тебя записал.

Скажи спасибо, что хоть не на варган.

На следующий день были доставлены подарки от родни и письмо от бабушки, где она радостно сообщала, что продала квартиру в Суздале и купила небольшой домик в Долине Гремящих Ветров. Маргарита виновато покосилась на Анисью и не стала делиться с ней этими новостями.

Долина Гремящих Ветров, будь она неладна, продолжала сеять раздор в обществе.

Если верить тому, что писал об этом «Тридесятый Вестник», копируя статьи из городских газет, можно было догадаться, что Звездинка и впрямь обзавелся завидным числом почитателей, считавших его самым настоящим покровителем бедняков. Маргарита плохо разбиралась в подобных вопросах, поэтому совершенно не могла понять, почему в это втягивают еще и Ирвинга: одни возмущались, что Ирвинг, получая множество жалоб от магов, живших с потусторонними и мечтавших перебраться поближе к сородичам, не ускоряет строительство, другие же были уверены, что он должен во что бы то ни стало остановить Анатолия Звездинку. Поговаривали также, что Звездинка метит на место главы Светлого сообщества, а Анисья продолжала придерживаться мнения, что он тайно связан со Старообрядцами.

В газетах все чаще стали появляться новости о приемах в особняке Звездинок. Приемы маскировались под важные и серьезные собрания, имеющие целью разобраться с Темными магами, но Анисья говорила подружкам, что на самом деле это были обычные ужины с танцами, ведь ни на что серьезное Звездинки не способны. Один раз ей, Мите и Марьяне пришлось обязательно присутствовать. Сдавшись под настойчивыми просьбами Анатолия Звездинки, Велес отпустила обеих непосвященных колдуний.

Волну интереса – особенно среди девушек – вызвал приезд Микоэля Феншо, кузена Водяной колдуньи. О его скором появлении Маргарита, Василиса и Анисья узнали самыми первыми от Севы. Тому рассказал отец, поддерживающий связь с Максимилианом Феншо и Ирвингом. Сева слышал, будто молодой французский колдун владеет необычными магическими техниками. Девушки же передавали друг другу сведения другого рода: строен, высок, сероглаз и не женат.

Первый день Микоэль провел в недрах Кудыкиной горы, а на второй заявился на Боевую магию к Страннику. Сева сидел на ветке клена и наблюдал за происходящим. Муромец держался в стороне, даже не пытаясь наладить контакт с заграничным гостем. Каменная магия, подвластная Микоэлю и ускользнувшая при рождении от наследника древнего

семейства, словно поставила между ними невидимую стену.

Несколько раз подряд Микоэль падал навзничь, пораженный совсем слабыми атакующими заклятиями девушек, но, когда Сева почти потерял к нему интерес, тот вдруг сделал странное движение – с размаху ударил правой ладонью по левой, – и невидимая волна отбросила не только самих нападавших, но и Муромца, державшегося все так же далеко. Коршун нервно взмахнул крыльями и спикировал вниз на плечо другу. Как Микоэль Феншо смог повернуть такое? Вдали от родины и от земли, питающей его силы?

Ошарашенные колдуньи и маги поднимались на ноги, думая о том же самом. Чужестранец морщился и потирал левую руку – ладонь заметно кровила.

– Отлично. – На лице Македонова мелькнула одобрительная улыбка. Он подошел к Мику и оценивающе взглянул на его руку. – Еще сможете поработать? Или вас отправить к целителю?

И когда француз отрицательно покачал головой, наставник повернулся к собравшимся вокруг магам:

– Руническое колдовство – интересный вид магии. Оно делает мага сильным именно вдали от родины. Находясь на родной земле, колдун напитывает собственной силой предмет, отмеченный специальным знаком. Он сознательно ослабляет себя, отдавая предмету свою магию. Зато очутившись в другой стороне света, он может настроить связь с этим предметом и в нужное время забрать оттуда свою силу.

* * *

В зале собраний Старейшин стоял напряженный гул, колдуны вполголоса переговаривались, наэлектризованный энерговик потрескивал, его сила резонировала с силой единственного здесь Каменного мага – Муромца. Впервые за долгое время свое место заняла Вера Николаевна Велес. Ее обступили Старейшины из Зорника, но почти на все их вопросы она лишь молча кивала. Ирвинг тихо беседовал в углу с молодым поколением. Внук Велес расспрашивал об особенностях правовых взаимоотношений со Старообрядцами, а Митя безучастно топтался рядом. Его интересовал только Анатолий Звездинка, но в этот раз он пропустил Вече.

Дожидались бессловницу, и, когда она пришла, голоса в зале стихли, все расселись по местам. Яромир любезно предложил выступающей стакан

воды, она сделала пару быстрых глотков и вышла в центр.

Митя видел ее впервые. Это была достаточно молодая снежинка, закутанная в светлый плащ. В эту пору лишь сила невинных колдуний могла равняться силе посвященного Темного мага, поэтому среди бессловников и боевых магов снежинки не были редкостью.

– Есения, просим вас. Ждем вашего отчета, и помните, нам всем необходимы хорошие новости, – сказал Василий Ильич Муромец, поправив ярко-красный капюшон куколи.

– Приветствую уважаемых Старейшин, – ответила колдунья. – Сожалею, но никаких важных новостей у меня нет. Лишь несколько наблюдений. Моя работа проходила в городе потусторонних, я должна была выследить Старообрядцев, определить их уровень силы, род занятий и выяснить, что им известно о Водяной колдунье.

Митя встрепнулся.

– Мне удалось установить контакт с пятью Темными, но почти все они оказались так называемыми самоучками. Как вы знаете, общество Старообрядцев нельзя назвать сплоченным, многие маги вовсе не признают предводителя и централизованное управление, не соблюдают магических законов равновесия и... не проходят Посвящение. Среди моих знакомых Посвященным оказался лишь один. – Она дотронулась до хрустального шара на столе Муромца, и там появилось изображение незнакомого мужчины. – Сорок семь лет, не женат, детей нет, держит небольшой магический магазин, куда заходят в основном потусторонние. В жизни имел несколько контактов со странниками, но что ему было от них нужно, мне выяснить не удалось. Знает о существовании Водяной колдуньи, утверждает, что она на их стороне. Уходит от разговоров о Берендее, но два раза упомянул Чернобогов, а именно Шелогу, пользующуюся уважением в их среде, и ее мужа Медведя, поддерживающего нового предводителя Темных. Лично не знаком ни с кем из них. Мелкая сошка, так сказать. Я добавлю в шар информацию о его Посвящении – все, что удалось из него вытянуть. Остальные четверо Посвящения не проходили. Говорят о Посвящении с трепетом, как о чем-то сверхъестественном. Двое ведут прием потусторонних: порчи, сглазы и все такое. Третьему невероятно везет в азартных играх, он связался с бандой потусторонних, делающих на этом деньги. Питается их энергией. Нормально поговорить мне удалось с четвертой: с девушкой, которая занималась охотой на богатых мужчин. Подруги не понимают, в чем секрет ее успехов, но нам здесь все ясно как божий день. Ее цель – добраться до управляющей верхушки потусторонних. А там уже и до Берендея. Она его не видела в глаза, но уже

мечтает, как будет править миром вместе с ним. Никому из них не известно, как найти Берендея, как выйти с ним на связь, что с ним сейчас и сколько у него сторонников. Но все пятеро признавались, что чувствуют необычное волнение: кто-то называл это тревогой, кто-то – предчувствием чего-то великого. Мне кажется, что Берендей очень осторожно собирает круг приближенных, он будто бы затаился, вынашивая какой-то план. И чем раньше мы разгадаем его, тем больше шансов предотвратить катастрофу.

– Неужели вы полагаете, что деяния Темных могут привести к катастрофе? – недоверчиво спросил один из Старейшин. – Их действия слишком разрознены. Среди них много непосвященных. Они превосходят нас в количестве, но не дотянут до нашей силы.

– Зимой еще как дотянут, – сказал себе под нос Митя.

* * *

Через три часа старинные часы в доме Муромцев должны были пробить и ознаменовать начало самой длинной ночи в году.

В большом зале высилась ель, переливающаяся серебристым сиянием снежинок, осевших на ее лапах. Волшебное дерево, подпиравшее свод потолка, было украшено большими хрустальными шарами, которые передавались из поколения в поколение. Внутри каждого шара можно было разглядеть или сказочный дворец, или серебряную карету, запряженную белоснежными пегасами, или ларец с драгоценными камнями. Поговаривали, что праотцы рода Муромцев заколдовали свои сокровища, превратив их в елочные игрушки. Каждый ребенок этого древнего семейства верил, что если род обеднеет, то колдовство спадет, и все эти богатства окажутся в его руках.

С самой верхушки ели спадали жемчужные нити, словно ветви украшали замерзшие капли дождя.

Евдокия Муромец вошла в зал, чтобы бросить последний взгляд на все приготовления. Слуги, расставлявшие на столе блюда, поспешили покинуть помещение, стоило только хозяйке появиться на пороге.

Колдунья остановила взгляд на длинном столе, ожидающем гостей. На расшитой золотыми нитями скатерти с гербом семейства Муромцев возвышались старинные канделябры, в которых уже горели свечи. Эти тяжелые подсвечники были частью приданого, которое досталось Василию Муромцу, когда он женился на Евдокии Рюриковне.

Фамильный фарфор Муромцев поблескивал в полумраке. От

всевозможной выпечки, горячих блюд и экзотических закусок стол буквально ломился. Все было готово к приему друзей.

Евдокия Муромец сделала еле уловимое движение рукой в сторону большой ели, и на ней зажглись десятки огоньков, словно светлячки слетелись на нее со всего города. Затем она подошла к окну, слегка отодвинула тяжелую портьеру, усыпанную серебряными звездами, и выглянула на улицу. Сначала она не могла ничего увидеть в густой темноте зимней ночи, но через пару секунд ее глаза различили очертания парадного крыльца. Как раз в этот миг над ним вспыхнул фонарь, осветив заодно дорогу и карету, запряженную тройкой разномастных коней, медленно приближавшуюся ко входу. У крыльца их уже ждали конюх с дворецким – единственные, кто оставался в этот праздник с семейством Муромцев. Остальные же слуги покинули особняк и уже спешили по домам.

Евдокия Рюриковна опустила портьеру и уверенными шагами направилась в холл, куда вела и широкая лестница со второго этажа. По ней как раз спускались Василий Ильич и Митя, оба в темных парадных кафтанах.

– Долгорукие уже приехали, – сообщила она.

– Очаровательно выглядишь. – Василий Ильич весело прыгнул с последней ступеньки и поцеловал руку супруги. Она быстро отняла кисть и обратилась к сыну:

– Тебе надо сделать что-то с волосами. Они слишком длинные!

– Ну, наверное, сейчас так носят? – поддержал сына Василий Ильич и пригладил рукой собственные кудри, которые были ничуть не короче.

– А где Анисья и Марья Васильевна? – продолжила его жена. – Неужели еще собираются?

– Собрались! – Пожилая женщина осторожно спускалась по лестнице, придерживая подол черного платья. Ее глаза, которые, казалось, были единственным живым местом на мертвенно-бледном лице, испытующе смотрели на невестку.

– Добрый вечер, мама! – Василий Ильич галантно подал матери руку и помог спуститься.

– Эти лестницы сведут меня с ума. И где же слуги?! – возмущенно прокрипела она.

– Виктор встречает гостей на крыльце, остальных я отпустила. – В голосе Евдокии Рюриковны уже не слышались привычные железные нотки, она словно устало оправдывалась перед пожилой дамой.

Тем временем Митя вслед за отцом подошел к бабушке и поцеловал ее сухую морщинистую руку.

– А где Анисья?

– Я тут. – Анисья быстрыми легкими шажками сбежала по лестнице и обняла бабушку. Та же одобрительно кивнула, бросив взгляд на наряд внучки. И правда, нежно-лавандовое платье как нельзя лучше оттеняло ее смуглую кожу, а в густых волосах, заплетенных в толстую косу, переливался драгоценными камнями старинный гребень, доставшийся ей именно от Марьи Васильевны.

В эту минуту раздался мелодичный звон колокольчика, и парадная дверь распахнулась, впуслав прибывших гостей.

Первыми появились Эльвира и Лев Долгорукие, рядом с которыми шла Марьяна в длинном светлом платье. При виде них лицо хозяйки дома изменило выражение и словно наполнилось теплом – она любила гостей, в особенности Льва и Эльвиру Долгоруких, – и оттого из взгляда ее исчезло всякое недовольство.

Эльвира Елизаровна была очень высокой, худой дамой. Красно-каштановые волосы были убраны в высокую прическу, отчего ее вытянутое лицо казалось еще длиннее. Ее мужа, наоборот, скорее можно было сравнить с елочным шаром. Он был невысокого роста, с круглой залысиной и упитанным животом, обтянутым пестрым жилетом. Несмотря на внешние различия, Эльвира и Лев Долгорукие были идеальной парой. За все годы брака они едва ли пару раз поссорились друг с другом. В их доме царили мир, покой и звонкий смех Эльвиры Елизаровны, которая позволяла себе изредка потешаться над мужем. В свете их считали странными, но в целом приятными колдунами. Хотя мало кто мог долго терпеть непрерывное щебетание Эльвиры.

Вслед за ними вошел высокий маг с копной рыжих волос, и выражение лица Евдокии Рюриковны снова вернулось к своему прежнему: чуть недоброму и взыскательному. Под руку маг вел бледную нервического вида женщину с ярко-зелеными глазами. В первое мгновение могло показаться, что в дом Муромцев вошла сама Евдокия Рюриковна, только десятью годами младше. Несмотря на чрезмерную бледность и темные круги, залегшие под глазами, она была очень красива, но на ее точеном лице, казалось, навсегда застыли тревога и волнение.

Последней в холле появилась троюродная сестра Эльвиры Долгорукой – Елена Рубцова.

Когда все приветственные обряды были соблюдены, гости прошли в украшенную столовую. Прибывшие дамы ахнули от восторга, едва оказавшись там, и начали бурно выражать свое восхищение сказочным убранством. Эльвира Елизаровна тут же попыталась разузнать имя мастера,

которого Муромцы пригласили для оформления зала, но Евдокия Юриковна лишь уклончиво улыбнулась и ничего не ответила.

Митя показал Марьяне и Анисье их стулья – с обеих сторон от себя. Роль заботливого хозяина взял на себя и его отец, который пододвигал стул с высокой резной спинкой то Агафье Долгорукой, то Елене Рубцовой. Несмотря на то что Елена не так давно овдовела, ее жизнерадостное лицо и яркий наряд говорили о том, что эту утрату она смогла легко пережить.

Такие встречи двух семейств не были ни для кого в новинку, поэтому пока Виктор раскладывал по тарелкам закуски, за столом началась непринужденная беседа:

– Агафья, почему вы оставили малышку дома? – весело поинтересовался Василий Муромец, переводя взгляд с Елены Рубцовой, рядом с которой сидел, на сестру жены. Митя, чувствовавший страшное и все больше увеличивающееся опустошение, попытался изобразить интерес, и тоже поглядел на Агафью.

– Решили немного отдохнуть от родительских обязанностей, – ответил за жену Николай Долгорукий.

Митя перевел взгляд на него. Примечательно, что муж его тетки Агафьи не отличался хорошим нравом. Его глаза смотрели на всех одинаково равнодушно. Его невозможно было чем-то удивить. И оттого тем более странными казались слухи, что ходили о нем, – он не выглядел особенным любителем ни женской красоты, ни разгульного образа жизни. К своей жене он проявлял достаточно внимания, но лишь столько, сколько было необходимо в обществе, чтобы не пошли ненужные разговоры. Но от общественных пересудов его это не спасало. Только ленивый на званых приемах не принимался жалеть «бедную» Агафью, которая связалась с этим «гулящим» Долгоруким.

Митя, привыкший, как и все, не любить Николая Долгорукого просто по привычке, вдруг заметил, что у того очень приятное лицо.

– А вы, я смотрю, часто отдыхаете от своих обязанностей, – негромко, но так, чтобы слышал весь стол, произнесла Марья Васильевна.

Долгорукий бросил на нее суровый взгляд, но ничего не ответил. Лишь его жена заморгала еще печальнее и тревожнее.

– Бедняжка Агафья, видимо, снова впала в депрессию, – прошептала Анисья на ухо своей юной соседке за спиной у брата. Марьяна улыбнулась и так же тихо ответила:

– И снова эта ее страсть к необычным нарядам. Ее платье по цвету похоже на горчицу.

– А Рубцова оделась под цвет обивки наших стульев!

– Кстати, про обязательства. – Лев Долгорукий решил сменить щекотливую тему. – Василий, ты в курсе, как продвигается строительство в Долине Гремящих Ветров? Так вот, строители пока придерживаются всех сроков. Скоро район будет готов, так что мы увидим, кто же был прав в этом вопросе.

– М-м-м, да! Ты прав! – Василий Муромец, не слышавший даже толком вопроса и занятый до сих пор разговором с Еленой Рубцовой, повернулся к Долгорукому.

– А овощи под соусом удались на славу, – прощепетала Эльвира Долгорукая, когда все перешли к горячим блюдам. – Надо будет заказать такие же нашему повару. Евдокия, ты же поделишься рецептом?

Хозяйка дома сдержанно улыбнулась своей гостье.

– Если вдруг все пройдет нормально, во что я, конечно, верю слабо, – продолжил Лев Долгорукий, – можно рассмотреть этот вариант для наших молодых? Звездинка говорит, там есть прекрасное местечко для строительства небольшого особняка.

– Для молодых? – встрепелась Марья Васильевна. – А разве молодожены не будут жить в родовом поместье Муромцев?

– Нет, будут, конечно. Но ведь необходимо подарить им какой-нибудь летний домик!

– Летний домик? На севере? В Долине Гремящих Ветров? Дорогой, ты сошел с ума.

Как только тема разговоров за столом коснулась предстоящей свадьбы и дальнейших планов, Митя тут же изменился в лице. Он будто вновь очутился на собственной помолвке, которая ни по виду, ни по составу гостей почти не отличалась от нынешнего праздника. Со стороны можно было подумать, что такого жизнерадостного и веселого отпрыска семейства Муромцев ударили по голове чем-то тяжелым. Еще совсем недавно он был вынужден выслушивать все те же разговоры, теперь это повторялось, словно кошмарный сон: чем дальше, тем страшнее, реальнее и неизбежнее, но нет сил открыть глаза и проснуться. Марьяна же, которая сидела рядом с Митей, скромно потупилась, но ее довольная улыбка не скрылась от глаз младшего Муромца. При взгляде на будущую жену он вспомнил давний разговор с отцом, касавшийся помолвки. Когда Марьяна начала посещать званые ужины, все то и дело стали говорить о ней исключительно как о невесте Муромца. Митю необходимо было к этому подготовить, что и решил сделать отец. Он убеждал, что все это не так уж и страшно, не так серьезно, и что если станет совсем тяжело, то можно будет позволить себе небольшие тайные развлечения и вольности на стороне. Тогда от этого

разговора мутило. Сейчас же слова отца казались не лишенными смысла. Связи на стороне избежать не удалось. Но только как же можно относиться к этому просто как отдушине? И как всю жизнь смотреть на Марьяну, изображать счастливую семейную жизнь или даже просто взаимное уважение, когда она стала причиной его глубокого несчастья?

Он взял бокал и сделал пару больших глотков – но это не помогло.

– Дмитрий! – это кокетливое обращение вывело Муромца из задумчивости. – Я все же буду называть тебя Митей, если не возражаешь. Не будешь ли ты так любезен наполнить мой бокал? – Елена Рубцова лукаво смотрела на наследника Муромцев из-под своих длинных пушистых ресниц и улыбалась.

«Здорово, наверное, быть Сиреной», – подумал неожиданно Митя, вспомнив, что на его друга все девушки смотрели похожим взглядом. Эта мысль чуть было не развеселила его.

Он налил ей в бокал французского вина и вежливо улыбнулся.

Тут-то и случилось самое ужасное.

– Дорогой, – это слово, сказанное тихим, почти детским голосом, застигло Муромца врасплох, – можешь налить и мне?

От неожиданности Митя выпустил графин из рук, и тот разлетелся на осколки, ударившись об один из серебряных подносов. Все колдуньи, находившиеся за столом, вскрикнули. Теперь всеобщее внимание было приковано к Мите, который продолжал держать руку над столом и удивленно смотреть на свою невесту.

– Что случилось? – подал голос Василий Ильич с другого конца стола.

– Ничего, папочка, – быстро заговорила Анисья со своим самым прелестным выражением лица. – Я случайно толкнула братца. Надеюсь, он простит меня!

Неловкая пауза, во время которой Виктор при помощи заклинания восстановления вернул графину его прежнюю форму, вскоре вновь сменилась оживленным разговором. Василий Ильич продолжил спор со Львом Долгоруким по поводу нового района в Долине Гремящих Ветров. Евдокия Рюриковна интересовалась у своей сестры здоровьем ее отпрыска, а Николай Долгорукий усердно помогал Елене Рубцовой вывести пятна вина с лифа ее бархатного платья. И только для Мити момент замешательства продолжал длиться, и перед глазами отчего-то замелькали рыжие всполохи длинных волос, и пальцы почувствовали прикосновение нежной кожи, и где-то слышался другой голос – милый, прекрасный; голос, который не произносил в его адрес таких слов и не произнесет никогда.

– Марьяна, я попросил бы тебя не называть меня так, – сказал

Муромец тихо и жестко, отчего его невеста тут же вновь опустила глаза и не поднимала их во время всего ужина. Только Анисья, которая все слышала и внимательно за ней наблюдала, заметила, как Марьяна смахнула слезу обиды.

Стоило старинным часам пробить двенадцать, гости и хозяева вечера надели рогатые маски искусной работы и принялись обмениваться подарками. Долгорукие преподнесли Муромцам инкрустированный золотом ларь, в котором можно было, не опасаясь воров, хранить любые драгоценности. Сундук открывался только своему владельцу, другой человек не смог бы открыть его никаким заклинанием. Муромцы в свою очередь подарили своим будущим родственникам сервиз, рассчитанный на любое количество приглашенных гостей и на бесконечное число блюд. Разобравшись с подарками, гости сыграли в любимую игру всех колдунов – Черта, полчаса повальсировали в украшенной столовой и начали собираться по домам. И уже через час поместье Муромцев закрыло свои двери за Еленой Рубцовой, которая задержалась дольше всех, обмениваясь любезностями с Василием Ильичом, – тот обещал показать ей при случае их богатую конюшню.

На улице снежинки водили праздничный хоровод.

* * *

Расчищенная широкая дорога то извивалась змеей, то превращалась в прямую ровную полосу, а затем сменилась утоптанной тропинкой, по бокам которой возвышались пушистые сугробы. Снег тлел в углях наступившей зимней ночи.

На этой тихой улочке, в Небывалом тупике, в доме под номером сорок четыре не было никакого званого ужина с танцами и играми. В комнате с погашенным светом на невысоком столике вырисовывался недоеденный пирог, поблескивали бокалы, отражая искрящиеся за окном огоньки на ветках раскидистой дворовой ели. Ее ветки с мягкими тепло-зелеными иголочками изредка прикасались к оконному стеклу, издавая приятный шорох. Яркие, кое-где облупленные стеклянные шары от легкого ветерка стукались друг об друга и звякали. В темноте на старом пухлом диване сидела Василиса. На ней было густо-фиолетовое, как чернила, платье. Волосы ее, уложенные крупными кудрями, струились вниз по плечам, на лоб была сдвинута деревянная маска с витыми рогами. Василиса держала в руках небольшой сверток серебристой тонкой бумаги, на полу лежала

открытая коробочка, покрытая россыпью блестящих камешков, будто бы случайно упавшая девушке под ноги. К крышке была прикреплена бирка с именем и адресом Василисы.

Всего несколько минут назад, когда мама и бабушка выпили по последнему бокалу вина и отправились в свои комнаты спать, Василиса обнаружила эту коробку под елкой за окном. Все остальные подарки появились там тремя часами ранее, и Земляная колдунья подумала, что тогда просто не обратила внимания на серебристую коробочку, которая сливалась со снегом. Теперь же она была уверена, что этот последний подарок специально доставили позже остальных.

Василиса долго сидела без движения, а затем опустила взгляд на сверток. Ее глаза заблестели, как и хрустальные бокалы у окна, и внезапно одинокая слезинка сбежала по ее щеке.

В свертке, в таинственном блеске заколдованной праздничной бумаги лежала длинная тяжелая цепочка из золота, к которой был прицеплен большой драгоценный камень ярко-зеленого цвета. Ни записки, ни открытки к нему не прилагалось, но Василиса знала, от кого был этот подарок, и догадывалась, что стоил он, наверное, больше, чем весь ее дом с прилегающим садом, больше, чем все, что ей когда-либо дарили вместе взятое.

«Зачем он прислал это?»— подумала Василиса и вздрогнула.

Что это было – признание в не прошедших чувствах? Или просто знак внимания, вежливости? Или откуп? Она потерла глаза, старательно смахивая слезы, но те вдруг полились ручьем. Нужно было быть сильной, чтобы справиться.

Василиса откинулась на спинку дивана и окончательно расплакалась. Ей казалось, что у нее совершенно нет сил на такое горе. Ярко-зеленый камень в свертке начал медленно желтеть.

Сколько прошло времени, пока она так полулежала в темноте и плакала, закрыв лицо ладонями, она не знала. Она чувствовала только глухое, давящее одиночество, будто вместе с ее так и не окончившейся историей любви исчезли все люди на свете и вся радость, которую могло принести общение с ними. Ей казалось, что просто невозможно будет вернуться в Заречье и встретиться с *ним* там и что на нее, как на весь волшебный мир, навалился какой-то ужасный сглаз.

Она пошевелилась, когда в комнате совсем неожиданно зажегся свет; за дверью послышались быстрые шаги. В ту же секунду вошла мама, и Василиса лишь успела отвернуться к окну, чтобы не встретиться с ней взглядом.

– Вася! Ты все еще здесь?

– Угу, – Василиса кивнула, отчаянно вытирая слезы.

– А я спустилась проверить, не оставили ли мы непотушенными свечи.

– М-м, – протянула девушка, стараясь придать своему голосу бодрость.

Затем последовали несколько секунд молчания. Василисина мать подошла к дивану, на котором сидела дочка, и опустилась напротив нее. Было уже поздно что-то предпринимать, скрыть следы своих переживаний Василиса не могла.

– Василек, ты плачешь?

Василиса не ответила. Мысли испарились, в голове осталась лишь пустота... и еще воспоминания о красивых сильных руках, о его белых, словно выцветших на солнце кудрях, делавших его похожим на одуванчик. Он был принцем из сказки. Но об этом ни в коем случае нельзя рассказывать! Просто невозможно кому-либо это все объяснить... Все было слишком трудно, слишком непонятно, слишком больно...

– Вася. – Мама обняла ее за плечи. – Что случилось, моя белочка?

Василиса поежилась: что за наваждение! Он тоже как-то сказал ей «моя белочка»...

Взгляд женщины уже упал на украшение, лежащее в серебристом свертке. Она подняла его, подивившись тяжести, внимательно оглядела и вернула на место.

– Из-за этого ты плачешь? – Голос ее странным образом изменился.

Василиса кивнула, не отрывая ладоней от лица.

– Ты знаешь, что это за камень? – спросила мама, помолчав несколько минут, которые показались ее дочери вечностью. Поскольку Василиса все молчала, женщина продолжила: – Если не ошибаюсь, кельтский бриллиант. Ну то есть это, конечно же, подделка.

Она поглядела на дочь. На этот раз Василиса замотала головой.

– Что? Не подделка?

– Нет, – сдавленно прошептала Василиса и наконец подняла глаза на мать.

– С чего ты это взяла? И почему тебя это так огорчает? – озабоченно спросила колдунья.

Василиса будто бы хотела что-то ответить, но вместо этого снова покачала головой, и слезы заструились по ее щекам.

– Ну ладно, брось... Ты ошибаешься... Кто же мог прислать тебе настоящий кельтский бриллиант? Это ведь один из самых редких камней на свете, разве ты не знаешь, что его стоимость...

– Муромец. Муромец, – все так же шепотом ответила Василиса.

– Анисья Муромец? – всплеснула руками колдунья.

– Нет. Не Анисья, она прислала книгу... и зеркальце... ты видела. Ну прошу тебя, не смотри на меня так. Это Муромец. Ми... – Его имя не желало слетать с губ. – Я в тупике! – Она снова закрыла глаза ладонями, и плечи ее затряслись от плача.

Мама поднялась и принялась ходить по комнате. Пройдя до двери, а оттуда к окну, за которым еще позвякивали елочные игрушки, она остановилась и вздохнула:

– В небывалом тупике. Мы все здесь... В тупике.

Василиса медленно повернулась и взглянула на мать. Что-то новое открылось ей в ее чертах, что-то недоступное ранее стало вдруг очевидным.

– Не плачь, Василисушка. Скоро все пройдет.

– Нет-нет, как же это пройдет, если он женится на Марьяне Долгорукой! – вдруг вырвалось у Василисы, и даже собственный голос показался ей чужим.

– Но ведь это просто влюбленность... Поверь мне, она растает, как туман. Все забудется... – Мама обернулась и улыбнулась ободряюще. – А потом ты будешь вспоминать все это как глупость и смеяться...

– Я хотела, чтобы все забылось, но он прислал... прислал вот это...

– Это не самое плохое, что могло случиться, – сказала мама и поглядела в темноту за окном. – Дорогой подарок – это, пожалуй, самое безобидное, чем могут ранить девичье сердце красивые богатые наследники. – Она вновь принялась медленно ходить по комнате. – Хорошо, что он не способен на неблагородные поступки, – продолжила она через некоторое время. – Мы и сами видели, какой это приятный и достойный молодой человек, и такой скромный! О, я уверена, что в Заречье все девушки втайне влюблены в него. Я так понимаю тебя, Василек, я, если была бы в твоём возрасте, тоже переживала бы из-за того, что симпатизирую столь богатому наследнику.

– О, да ведь это же не из-за богатства!

– Ну-ну, конечно нет. Но богатство и родовитость делает этих юношей такими недоступными! А что еще нужно влюбчивой романтической девушке?

Колдунья говорила все это, продолжая смотреть на кружащиеся за окном снежинки. Тем временем щеки Василисы запылали. Ей хотелось вскочить и бежать, бежать по холодному снегу, подальше от дома, подальше от тяжелого медальона с кельтским бриллиантом и подальше от тайны, что лежала между ней и Митей Муромцем.

– Но можно быть спокойной, я слышала, что он очень приличный и сдержанный – так все о нем говорят. Иначе тебе бы пришлось гораздо хуже, поверь мне. Иногда эти зазнавшиеся богатые колдуны кружат головы всем подряд. Я знала парочку внебрачных детей таких мерзавцев, – закончила мать, не поворачиваясь.

И вдруг на секунду Василисе что-то почудилось в ее голосе, что-то смутило ее во всей будто бы сжавшейся печальной фигуре, в том, что, произнося все эту успокоительную речь, она ни разу не оглянулась на дочь, будто бы желая скрыть свой взгляд. И в том, что из шутливого и успокаивающего голос ее вдруг стал тревожным.

– Мама, – почти неслышно произнесла Василиса, изумленная одной ужасной мыслью. – Мама, ты знаешь, о чем говоришь?

– Не расстраивайся, иди спать. – Колдунья наконец обернулась к дочери и снова улыбнулась. – А когда вернешься в Заречье, поговоришь с его сестрой – может, стоит вернуть украшение?

Женщина развернулась и быстрыми шагами вышла за дверь.

– Мама! – Василиса вскочила с дивана и бросилась за ней. – Постой!

– Да?

– Послушай... Напомни, кто мой отец?

– Твоего отца нет, ты же знаешь... Ну все-все, а теперь спать.

– Хорошо, но кем он был?

Колдунья остановилась и молча посмотрела на дочь.

– Мама, он ведь есть, есть, правда?

– Я не знаю... я не поддерживала с ним связь. Я ничего про него не знаю, честное слово, – вдруг сдалась колдунья, устало прикрывая глаза.

– Он, случайно, не был богатым и родовитым наследником?

– Василиса, мы не будем вспоминать о нем, хорошо?

* * *

– Митя, – Анисья окликнула брата.

Тот уже почти исчез за дверью своей комнаты на втором этаже. Он обернулся: усталость, вызванная неотступно преследующими его одиночеством и тоской, так одолела, что он даже не услышал, как сестра подкралась к нему. Анисья тоже выглядела устало: она уже распустила косы, и теперь волосы волнами спадали на ее плечи. Туфли она, по всей видимости, оставила в комнате, поэтому сейчас стояла на полу босиком.

Митя отметил про себя, что его сестра действительно очень красива.

Даже сейчас, с распущенными волосами, без туфель и в халате, накинутом сверху на платье, она выглядела настоящей принцессой. Он словно впервые за долгое время увидел ее. Но тем не менее это не добавило желания с ней разговаривать.

– Ты что-то хотела?

Митя не мог простить ей того, что она наговорила Василисе в момент их ссоры. Ему казалось, что те слова и решили все, разрушили его мир. Но Анисья не понимала, за что он так к ней охладел.

– Да. Поздравить тебя с рождением Коляды. – Она улыбнулась и достала из кармана халата маленький серый коробок. На нем не было ни ленточки, ни рисунков – лишь ряд дырочек по периметру.

– Золотые запонки? – с наигранным воодушевлением поинтересовался Митя.

– Нет, решила сделать тебе предложение руки и сердца! – ехидно ответила Анисья и протянула брату невзрачную коробочку. Митя пару секунд повертел ее в руках и только после этого открыл. На его лице тут же появилось выражение удивления, быстро сменившееся широкой улыбкой, – на секунду могло даже показаться, что он забыл все свои обиды.

– Анисья, где ты его достала?

На дне коробочки лежал невзрачный жук с черным блестящим панцирем. Но стоило Мите коснуться его сложенных крыльев, как они распахнулись, тут же осветив темный коридор. Каждое крыло жука словно было сделано искусным мастером из мельчайших частичек разноцветного стекла – самый настоящий витраж в миниатюре, который переливался разными цветами.

– Это же радужник!

Стоило насекомому выпорхнуть из своей камеры и полететь в глубь коридора, за ним по пятам последовала настоящая радуга.

– А, вот в чем его прелесть, – не отводя восторженного взгляда от летающего насекомого, сказала Анисья. – И как это происходит?

– Световая магия. Это редкий жук! – Митя выставил вперед руку, и жучок спланировал на нее. – Самый крутой подарок! – произнес Митя. – После золотых запонок, конечно же, – он улыбнулся сестре.

– Ладно, – произнесла Анисья, зачарованно следя взглядом за радужником, который вновь принялся летать по коридору. – Пойду спать.

– Спокойной ночи, – замаявшись, ответил ей брат.

Сева снова поймал себя на том, что отвлекается от застольных разговоров. Хотелось как следует рассмотреть Уточкино Гнездо изнутри. Было очень странно наконец попасть сюда, учитывая что за всю свою жизнь он даже близко не приближался к нему. Ирвинг пригласил семью Заиграй-Овражкиных праздновать Зимнее Солнцестояние. Приглашение выглядело очень официально, отец с Юлей сделали вид, что приятно удивлены и благодарны, но все понимали: Сева должен был находиться вблизи Ирвинга и его Дружины, когда Водяная колдунья сможет вновь прикоснуться к перу коршуна. И не без основания Ирвинг предполагал, что это может случиться в главный день зимы – в Солнцестояние, время, когда все миры сближаются, когда между ними открываются проходы и когда многократно усиливается колдовство.

«Неужели Старообрядцы позволят ей сделать это? – скептически спрашивал себя Сева. – Полина Феншо получит новогодний подарок в виде пера коршуна?»

Долго думать о Полине он не мог. Ее образ у него в голове распадался на осколки, словно что-то внутри него твердило, что она потеряна навсегда. Его до сих пор мучило от зелья, которое он пил перед обрядом Опахивания, чтобы не замерзнуть. И от постоянного перевоплощения – из человека в птицу и обратно – ужасно тошнило, и болела голова. Воспоминания о Водяной лишь подливали масла в огонь, будто он предчувствовал что-то совсем плохое. Что-то, что было бы вынести тяжелее, чем даже ее смерть. Как так получается, что он постоянно оказывается с ней связан, что он не может проявить волю, если дело касается ее?.. И правда, как он умудрился пойти на поводу у Муромца и отдать ей свое перо? И почему именно она умеет сопротивляться чарам Сирен? Он нашел ее в одну Купальскую ночь и должен спасти ее от Темных магов.

Он опять уставился на стену. Все собрались за небольшим столом в одной из гостиных, где повсюду висели старинные гобелены, изображавшие сотворение мира уточкой. Вот уточка снесла яйцо. А тут щука достает его со дна. На следующем гобелене – древо жизни, соединяющее навь, явь и правь. Сева чувствовал, как за ним пристально наблюдает Микоэль Феншо, кузен Полины. Смотреть на него было как-то неловко: его глаза были до того похожи на Полинины, что в голову начинали лезть глупые мысли – словно через них глядит сама Водяная колдунья.

Максимилиан Феншо привез несколько бутылок своего знаменитого вина, но пили его только он сам, Звягинов и еще Юля. Все остальные: Ирвинг, дружинники, Даниил Георгиевич, Микоэль и Дарья Сергеевна

сидели едва ли не в немом ожидании. Они не ели, не пили ничего, кроме воды, и почти не разговаривали. Они готовы были в любую секунду сорваться с места, в любую секунду применить сильнейший щит или кинуться на врага. Поэтому с каждой секундой все нелепее ощущалось промедление.

Вера Николаевна Велес, как и полагается, осталась в Заречье со своими подопечными. Профессор Звягинов же не упустил случая повидаться со старым другом и навестил Ирвинга. Дима Велес его не сопровождал.

«Наверное, стоит под окнами Муромцев и думает об Анисье», – решил про себя Сева, откровенно чувствовавший, кому принадлежит сердце внука Велес.

Крайне странно было видеть здесь Лису. Сева, пользуясь тем, что находится в облике коршуна, беззастенчиво разглядывал лицо наставницы. Ни одна черточка или мимолетный взгляд не отражали ее настоящих мыслей. Однако Севе показалось, что она, в отличие от большинства присутствующих, не ждет от этого вечера никаких новостей.

Всем гостям прислуживал один-единственный слуга – угрюмый сгорбленный старик, за весь вечер не проронивший ни слова. Сева подумал, что ему, наверное, нечасто приходится сервировать обед или ужин больше, чем на одного человека. Не только слуга, но и весь дом Ирвинга, казалось, не привык к большому числу посетителей. Севу не покидало ощущение, что он вторгся в чье-то личное пространство, не предназначенное для посторонних. Он легко мог представить Ирвинга, сидящим в одном из глубоких кресел, перебирающего бумаги или читающего книгу, – но вот подносы с пирожными точно были здесь нечастыми гостями.

– Месье Феншо, я краем уха услышал, что ваш сын владеет одним из видов древней рунической магии! – К Максимилиану Феншо подошел Звягинов. – Неужели это правда?

– Да, все верно, – французский маг удовлетворенно кивнул, радуясь вниманию со стороны почтенного профессора. – Микоэль с самого детства интегесовался гунической магией газных нагодов. Тепегь с помощью специальных знаков он умеет чегпать энеггию из источников, которые физически находятся очень далеко от него самого. Ему достаточно начегтить гуну, способную откгыть энеггетический погтал...

– Я знаю, что такое колдовство очень редкое. Наверное, это облегчает ему жизнь у нас. Знаете, я ведь тоже в молодости путешествовал по разным странам, изучая Огненную магию, но оказаться вдали от родной земли для

меня – настоящая пытка!

– О, вы абсолютно пгавы! Пытка, настоящая пытка! Я постоянно чувствую себя здесь бессильным. Спасибо вашему целителю, – он указал на Даниила Георгиевича, – он составил специально для меня отвэг из фганцузских трав, котогые я пгивез из Богдо. Они пгидают мне сил.

Старший Заиграй-Овражкин в это время разговаривал с высокой колдуньей в длинном фиолетовом плаще, из-под которого выглядывал подол белого праздничного платья. Верей – так ее звали – была одной из сильнейших боевых колдуний Ирвинга. И, конечно же, кумиром всех «снежинок» в Заречье.

– Даниил, единственное, что мне непонятно во всей этой истории, это как твой сын смог столько времени скрывать ото всех, что он совершает такой сложный и опасный обряд! Призванный оборотень – кто бы мог подумать, что такое возможно в Заречье, под самым носом у наставников!

Юля метнула странный взгляд на колдунью в белом, но никак не отреагировала на ее замечание. Севе очень хотелось размять крылья, но он опасался, что любое его движение могут истолковать как ответ на зов Полины, поэтому он лишь поудобнее расположился на спинке кресла и продолжил следить за собравшимися.

Сам хозяин поместья, Ирвинг, стоял немного в стороне с бокалом какой-то темной жидкости в руке. Сева был уверен, что это одно из снадобий, которое для главы Светлого сообщества готовил его отец. О свойствах не знала ни одна живая душа, и даже своему сыну Даниил Георгиевич не рассказывал ни секрет его приготовления, ни то, каким действием оно обладает. На лице могучего колдуна не было следов усталости, хотя Сева подозревал, что последние несколько месяцев выдались для него крайне тяжелыми. С исчезновением Водяной в магическом мире могло произойти все что угодно, и справиться с последствиями этого должен был именно Ирвинг. Да, пожалуй, это был самый непроницаемый Огненный маг из всех, кого Сева встречал. Интересно, а Лиса может влезть в его мысли? Сейчас она стояла рядом с главой Светлого сообщества и пила воду из старинного хрустального бокала.

– Наверное, это не самый интересный праздник, на котором вы могли бы сегодня быть, – проговорил Ирвинг, не глядя на Дарью Сергеевну, а продолжая смотреть на собравшихся в гостиной колдунов.

– С чего вы взяли? – усмехнулась Лиса. – Мой отец не очень веселый человек. А если бы я не поехала к нему и не пришла к вам, то встречала бы Коляду в одиночестве или в Заречье в компании Густава Вениаминовича.

- Там остался Македонов.
- Да, мне представилась почти идиллическая семейная картина, но что-то не сходится.
- То есть Уточкино гнездо – не самый плохой вариант?
- Не самый.

Картинка немного поплыла. Внезапно голоса превратились в неразборчивый гам, и в груди что-то дернулось. Сева постарался сосредоточиться. Из последних сил, что еще теплились в тщедушном тельце птицы. Он сосредоточился на непривычном ощущении: спереди, где-то чуть ниже горла к нему как будто прицепили невидимую нить и настойчиво тянули за нее.

Колдуны в гостиной не сразу поняли, что произошло. Первым поднялся на ноги Микоэль Феншо – он отодвинул свой стул со скрипом, не сводя глаз с коршуна.

– Папа, – произнес он чуть громче, чем разговаривали все гости, и Макс Феншо резко обернулся на звук.

– Боги! Зов! – вскрикнула Верея, поняв, в чем дело.

Сева старался не упустить из внимания странное ощущение, и поэтому суэта, которая поднялась вокруг, ускользнула от него.

– Эдуард, окна! – скомандовал Ирвинг, бросив пустой бокал в руки слуге. – Дружина, построиться!

Звягинов выпрыгнул из своего кресла и щелкнул пальцами: большие окна тут же отворились. Зимний ветер раздул старинные занавески, словно паруса. Дружина, состоявшая в этот раз из мага-пространственника и двух боевых колдуний-снежинок, выкатила на середину комнаты свернутый в тугой рулон ковер-самолет. В следующую секунду он был расправлен. Максимилиан Феншо о чем-то шептался со своим сыном, пока все остальные – кроме Юли и Лисы – занимали места на ковре. Микоэль присоединился самым последним. Оставшиеся же колдуны и французский гость расселись по разным углам комнаты и закрыли глаза. Со стороны можно было подумать, будто они задремали на мягких уютных диванах, стульях и креслах, но на самом деле они приготовились помогать отсюда Светлым магам, отправлявшимся в такое опасное путешествие в неизвестность.

Сева почувствовал, как кто-то взял его в руки и как, сопротивляясь порыву ледяного воздуха, оторвался от пола ковер-самолет. Он все еще не мог сосредоточиться на том, что происходит вокруг, а надеялся лишь не потерять незримую связь, которая была единственной возможностью разыскать Водяную колдунью.

Это был ее зов. Действительно ее зов. Но совершенно не такой, каким он чувствовался для оборотня, пребывающего в теле человека. Первым испытанием было не потерять его в пространственно-временном туннеле, который почти сразу же создал маг из Дружины. И только когда его опасения не оправдались и что-то продолжило тянуть его вперед даже после выхода из туннеля, Сева облегченно вздохнул. Его наконец-то отпустили в свободный полет, и птичьи крылья яростно забили, разметая вокруг снег. Стояла глубокая ночь, полную луну поглотила тьма. Метель ярилась, заставляя магов на ковре-самолете сильнее кутаться в свои праздничные плащи и усерднее всматриваться во мрак, чтобы не упустить из виду черного коршуна.

Сева не понимал, сколько длился этот полет – время не было особо существенным показателем в этом новом состоянии и в новом теле. Зато пространство воспринималось как совершенно самостоятельная, живущая отдельно субстанция, в чью ткань он проникал все глубже с каждым взмахом крыльев. Зов слабел очень быстро. Его приходилось выхватывать из сонма других ощущений словно тоненький волосок из клубка запутанных ниток. Но чужое тело, маленькое, крылатое, болезненное не давало возможности как следует сосредоточиться. Полет был слишком тяжелым и слишком насыщенным магическим вмешательством: то и дело открывающиеся одноразовые порталы-ключи, пространственно-временные туннели, которыми, наверное, не пользовались уже лет семьдесят, – всё высасывало силы. Сева чувствовал, что станет просто бесполезной грудой костей, обтянутых кожей и оживленных волей мироздания, если вернется в человеческое тело в логове Темных магов. Эта мысль напрягала, мешала сердцу оставаться холодным. Как назло, хотелось драться, хотелось вырвать из рук Темных магов Водяную колдунью, хотелось как-то показать себя. Но кому? Себе? Своим спутникам или врагам? Или... ей? Вот, Полина Феншо... Посмотри, я пришел за тобой... неужели ты и после этого будешь отворачиваться каждый раз, когда наши взгляды сталкиваются?

Сам того не осознавая, он внезапно спикировал вниз, ощутив за спиной сплоченные движения сопровождавших его боевых колдунов. Драгомир вскинул руку, выбросив было в воздух следующий портал-ключ, но Ирвинг успел остановить его криком «Нет!». И верно – свободного пространства впереди не было! Были какие-то чары, лишь смутно отозвавшиеся в Севином теле легким волнением. Высокий современный дом, который чернел внизу бездны, вдруг стал приобретать другие очертания. Пространственно-временные чары в этом месте защищали что-то от непрошенных гостей и, скорее всего, убивали нерадивых колдунов,

подступивших слишком близко. Сева почувствовал могильный холод, идущий от этой прозрачной многослойной завесы: что ж, на то они и Темные колдуны, чтобы без разбору уничтожать всех подряд.

Справиться с этой магией самостоятельно Сева не мог, защититься от этих стремительно приближающихся заклятий было невозможно. Он постарался затормозить, пока боевые колдуньи за его спиной плели магическую броню для всей их компании. Сквозь едкую пелену древней защитной оболочки, под которой все меняло свои темные контуры, превращаясь из одной иллюзии в другую, они пролетели в сверкающем белом коконе. Сева не успел понять даже примерно, что это была за магия, как уже смог снова свободно вдохнуть и внезапно четче почувствовать присутствие Водяной колдуньи.

Здание, к которому его тянуло, теперь походило на обычный старинный особняк какого-нибудь древнего семейства вроде Муромцев. Сева пытался задержать в легких потоки воздуха, услышать, что несет здешний ветер, получить силу от своей стихии. Ему мерещились голоса, невнятные слова, слишком гортанный говор, непривычные интонации, будто этот магический оазис, так надежно защищенный, был перенесен в далекие земли.

– Маловероятно, – сказал он себе.

Он приблизился к крыше: темная, с вкраплениями бордового, украшенная выпуклыми защитными рунами. Затем зарябили камни стеной кладки, темные озерца окон, отражающих ночь. Красивое старинное здание, предназначение которого состояло не в том, чтобы обеспечивать кого-то крышей над головой. Постоянных жильцов здесь не было. Тем не менее ветер доносил, что где-то поблизости находится целая группа людей – по большей части сильных магов. Скорее всего, они были внутри. Но чей это особняк? И для чего его используют? Сева перестал замечать, что происходит у него за спиной, что-то внутри требовало, чтобы он двигался вперед как можно быстрее. Он облетел половину здания и со всей силы ударился в окно – оно оказалось приоткрытым. Коршун очутился в длинном темном коридоре, зов уверенно вел его к лестнице. Узкие ступени бежали глубоко вниз. На лету Сева успел обернуться – за ним никого не было... Все верно, остальные не смогли бы пролезть в эту узкую створку окна! Ковер-самолет и несколько взрослых магов... Они остались где-то позади. Когда он доберется до Водяной колдуньи, как ему быть? Что он сможет сделать один, ослабевший, только недавно прошедший Посвящение целитель – даже не боевой маг!

Коршун ринулся дальше в темноту. Казалось, что откуда-то доносятся

крики. Мужской голос, похожий на рычание, обрывки запинаящейся суеливой речи и какие-то ритуальные песнопения. Внезапно впереди выросла дверь. Звук шел из-за нее, в этом не было сомнений. Но как же ее открыть? Сева изо всех сил заскреб когтями по деревянной поверхности. Глупо было надеяться, что в таком месте кто-то впустит внутрь незнакомого перевертыша. Но через несколько секунд именно это и произошло: какой-то человек неопределенного возраста, одетый в длинный балахон с капюшоном, резко распахнул дверь. То, что скрывалось за ней, трудно было описать. Магия: древняя и новая, известная и неизвестная, сильная и очень сильная, – хлынула на него со всех сторон. Огромный зал, расположенный под землей, буквально пульсировал от сконцентрированной здесь силы. Навьи, маленькие духи, провожатые и спутники смерти, сгрудились под потолком. Это были единственные духи, которых Сева мог видеть. Зато остальных потревоженных и призванных вопреки их желанию душ, незримо присутствовавших здесь, он просто чувствовал кожей. Энерговик, встроенный в пол, как в зале собраний Старейшин, посверкивал и даже трещал. Такое бывало, насколько Сева знал, при проведении очень сложных обрядов, где требовалось участие нескольких невероятно могущественных колдунов. Чтобы оглядеть помещение и хоть как-то разобраться в том, что именно здесь происходит, у Севы было всего несколько секунд. Голос, раздавшийся оглушительным ревом, едва коршун влетел в дверь, не дал сделать ему и этого. Это был полный злобы крик: «Целителя сюда, немедленно!» Тут же взгляд Севы упал на высокий помост, на котором стоял огромный деревянный круг с начертанными на нем сторонами света и символами стихий. Вдоль кромки круга бежали руны и знаки, некоторые из них светились, а в самом его центре болталась, привязанная за руки и за ноги, знакомая фигура. Она была красно-бурая, словно измазанная в крови. Длинная темная рубаха, спутанные русые волосы... В какой-то момент он не поверил своим глазам, сам засомневался в том, что до нее все же можно добраться и что у него это получилось. Что еще за чувства в нем вызвал ее вид, Сева даже не успел понять: вспыхнул свет, и он превратился из птицы (на которую молча уставились все присутствовавшие в зале) в человека. Приземление в центр энерговика было очень болезненным. Как он и предполагал, сил еле хватало на то, чтобы просто подняться на ноги. Но как добраться до Водяной? Как же защитить себя и ее? Как вообще вести себя? Он обернулся, чтобы еще раз удостовериться, что за его спиной никого нет.

– Это еще кто? – рявкнул уже знакомый голос. Огромную фигуру не удавалось рассмотреть из-за пламени свечей, расставленных вокруг

энерговика. Но Сева сразу почувствовал опасную мощь, исходящую из того угла, где располагался говоривший.

– Посланник! Посланник Милонег! – благоговейно воскликнул другой голос, и перед помостом Сева заметил еще одного человека, до этого сидевшего согнувшись, а теперь встающего на ноги. По одежде он был похож на жреца-некроманта – Сева читал про таких в детстве.

– Что?

– Какой посланник? – вторила громкому недовольному голосу одна из колдуний, расположившихся с другой стороны от помоста.

– Я целитель, – ответил Сева. Он изо всех сил старался не показывать, какую боль причиняло каждое движение. Нужно было следить за выражением лица, за интонациями. – Вы же только что звали целителя.

Он сделал несколько шагов по направлению к помосту, не поднимая глаз на фигуру Полины Феншо, безжизненно висевшую на пересечении энергетических потоков разных стихий. Главное – добраться до нее, удостовериться, что он еще может ей помочь... Тогда он обязательно придумает, что делать...

Сева пытался понять, что за обряды здесь проводились, для чего была нужна Водяная колдунья, почему она без сознания... Как она умудрилась позвать его? Где его перо, в конце концов? Свечи, запахи, травы, жрецы-некроманты и... тут же перед взором его предстало страшное зрелище: на жертвенном камне впереди лежал миловидный юноша с длинными волнистыми волосами. На его обнаженной груди было вытатуировано яблоко, в центр яблока всажен зачарованный нож. Кровь стекала несколькими тонкими струйками на пол, но теперь уже остановилась, высохнув розовато-коричневыми дорожками. От кожи убитого шел холод. Сева остановился, страх вдруг охватил его. В эту минуту почти одновременно опомнились и зашевелились все маги в зале – их было много, больше десятка. Все разом осознали, что среди них незнакомец и чужак. Сева подумал про щит, но никакого щита не получилось бы. Максимум, что он смог бы сейчас сотворить, – это небольшой световой шар.

В эту секунду что-то спасло его! Массивная дверь с оглушительным грохотом слетела с петель и повалилась на стоявшего рядом с ней колдуна в балахоне. Тот, упав, задел латунную чашу с пылающими углями и промахнулся с колдовством, которое он хотел направить на невидимого нападавшего за дверью, но вместо этого неудачно попал в энерговик. Тот отозвался снопом искр, закрывшим на секунду обзор громадному магу в тени и его жрецам.

В зал ворвался Микоэль Феншо. Сева тут же понял, почему никто не почувствовал его приближения. Собственная магия француза была настолько слаба здесь, что просто-напросто терялась. Зато он был окружен какой-то защищающей его сферой. Это было Огненное колдовство, не свойственное Микоэлю. Полинин кузен выхватил из кармана удлинённый кристалл и в два счета начертил им в воздухе руну. Магический знак засветился, огненная сфера лопнула, зато магия незваного гостя стала вдруг более ощутимой. Первое атакующее колдовство полетело в него буквально через мгновение, но он создал вполне сносную броню. Пара взмахов рукой, и еще один незнакомый Севе знак засветился в воздухе, открывая дополнительный канал связи Микоэля Феншо с каким-то энергетическим источником, оставленным на родине.

Сева понял, что времени у них обоих не так много. Он кинулся со всех ног к помосту. В любую секунду его могли убить, ведь на собственную защиту у него не было сил. Туда же бросилась какая-то колдунья. Ее имя в Севиной голове будто прошипела змея: «Шшшшееелого...» Земляная, сильная, кровожадная. Она не стала применять колдовство, а решила остановить непрошеного гостя-оборотня голыми руками. Выслуживаясь перед Берендеем («А, так это Берендей стоит там за горящими свечами!» – подумал Сева), она бы легко убила ослабевшего парня одним движением руки, но, когда расстояние между ними сократилось почти в два раза, Сева бросил последний взгляд на безвольно повисшую голову Водяной и почувствовал, как разум его отключается. В глазах потемнело. Сейчас необходимо было позволить этому чувству завладеть им.

Шелого летела вперед с целью не подпустить мальчишку к Водяной колдунье. А если он подойдет слишком близко, то получит по заслугам! Но он бесстрашно приближался. Как эти идиоты додумались прихватить с собой такого юнца? Он умрет первым из них. Она вытянула руку и схватила его. И вдруг... Какие странные у него глаза... черные... глубокие... и зачем это она хотела убить его? Ах, не лучше ли...

Она не успела закончить свою мысль, ее крик заглушил остальные звуки. Микоэлю, который обернулся на долю секунды, показалось, будто женщину схватило какое-то жуткое крылатое существо. Он тут же осознал наваждение, так как с колдуньей схватился всего-навсего Сева. И это был прекрасный шанс проскользнуть к Полине!

В какой-то момент Сева снова стал соображать и очень удивился тому, что еще жив. Он оттолкнул от себя колдунью, которая закрыла руками окровавленное лицо и упала на пол. Вокруг все двигалось! Людей прибавилось вдвое! Сева чувствовал приток сил – кто-то Огненный питал

его! Он огляделся еще раз... Ну, конечно! Это Звягинов! Видимо, он остался снаружи, чтобы направлять свою силу из-за стены.

«Как хорошо, что про меня не забыли», – искренне обрадовался он.

Агата и Верея синхронно двигали руками, будто вытягивали из воздуха какие-то длинные ленты – так они создавали защиту вокруг себя и Даниила Георгиевича, ворвавшегося в зал. Со всех сторон на них сыпались удары заклятий, и пару раз в ход пошли даже тяжелые предметы. Те просто вспыхивали и падали на пол жалким пеплом, не долетев десятка сантиметров до цели.

«А это уже Ирвинг», – понял Сева. Главы Светлых нигде видно не было. Очевидно, он, как и Звягинов, защищал своих подопечных из-за стен здания.

Микоэль Феншо быстро срезал путы на руках и ногах сестры, а потом вместе с Даниилом Георгиевичем они подхватили ее на руки.

– Кровь! Кровь! – сквозь грохот услышал Сева ее невнятный шепот. Полина вытягивала тонкую руку, измазанную красным.

– Это не кровь, – ответил Микоэль, закутывая ее в плащ-куколь.

– Это настойка из корня кровохлебки... – проговорил Сева, но никто не обратил на него внимания: Микоэль со своей ношей и Даниил Георгиевич промчались мимо по направлению к выходу, пока бойцы Светлых и Темных магов, огородившись впечатляющими магическими щитами, тратили силы на то, чтобы контролировать положение.

– Сюда, сейчас же! – взвизгнула Верея, обращаясь к Севе. – Уходи.

Сева опомнился и бросился в зияющий чернотой дверной проем. Выскочив прямо в открытое окно, он плюхнулся на ковер, зависший над пропастью. Как он узнал, что ковер там? А он и не знал на самом деле. Странно, сиганул в темную бездну и даже на миг не задумался, кто будет его ловить... Сознание покидало его. Не удавалось пошевелить даже пальцами рук. Последнее, что он помнил, проваливаясь в незнакомую пустоту, было землисто-серое и испачканное лекарственным снадобьем лицо Водяной колдуньи. Девушка лежала совсем рядом и не двигалась, прикрытая бесформенным комом Микоэлевского плаща. Ему захотелось подвинуться и прижаться к ней, но вдруг померещилось, будто это не Полина Феншо, и в тот же миг все погрузилось во тьму.

* * *

В деревне давно не появлялись маги. Потусторонние старики

доживали свой век, иногда с грустью вспоминая, что этим летом почему-то не прислали студентов-помощников. Они ругали местную власть, представителей которой не видели в глаза даже мельком. Еще бы не ругать, когда пропала не только студенческая организация, но и маленькая, безымянная фабрика внезапно перестала покупать у них мед для своих кондитерских изделий, а фермерский кооператив больше не присылал за клубникой приятную пожилую даму. В соседних деревнях жителей съедала зависть: и помощники, и покупатели – все к этим. А теперь враз никого не стало. Так что кто-то грешил и на соседей – мол, позвонили куда? Пожаловались? Хотя на что им жаловаться-то!

Летом студентов ждали до последнего дня августа. Листали газетенки, где описывались странные происшествия в Суздале, поглядывали на дорогу в ожидании шаткого автобуса с молодежью и, конечно, не могли связать отсутствие парней и девушек с тем, о чем трещали в газетах. Неосторожные колдуны, приехавшие на Русалий круг, то и дело попадались на глаза жителям Суздаля, те в свою очередь бежали на радио или в редакцию, наперебой рассказывая, как прекрасная незнакомка растаяла в воздухе, а у странно одетого мужчины прямо в руках заблестело пламя.

Здесь же в деревне было принято во всем винить вышестоящих, поэтому власть не частил только ленивый. К зиме обиды потихоньку забылись, на столах золотились трехлитровые банки меда, а клубничный компот подавали на завтрак, обед и ужин. Все сидели по домам, терпеливо пережидая зиму, только в одном доме гостили дети, вернувшиеся из города. Темнота и сегодня опустилась слишком рано, бережно накрыв деревню своим крылом. По телевизору показывали католическое Рождество и заснеженную Европу, всю раскрашенную, словно пряник, и родную столицу, богато наряженную тысячами огней в преддверии Нового года.

Человек, прокладываящий себе дорогу среди сугробов, остался никем не замеченным. Парень скинул капюшон и огляделся. Дерево, перед которым оборвалась цепочка его следов, обросло густыми прутьями, подходящими для того, чтобы спрятать от ненужных взглядов его фигуру, окутанную серым плащом, и черные как ночь, растрепанные ветром волосы. Он взобрался на ближайшую ветку, похожий на старого взъерошенного филина, снова натянул капюшон, спасаясь от стужи, и вынул из кармана дудочку. Пальцы его немного дрожали от пронизывающего тело страха. Сыграть для потусторонних в колдовскую ночь, о которой они все позабыли, и выманить их на улицу – значит применить к ним магию. Одна неосторожная мысль... непрошенная

эмоция, ворвавшаяся в мелодию, и все – его собственная сила уйдет навсегда. Эта тренировка была ему необходима. Как легко справлялся с этим сын целителя, этот Заиграй-Овражкин! Рожденный в позоре, но так оберегаемый всеми наставниками, в том числе и Велес! Он ведь был не единственным, кто способен проводить животворение воды, не единственным, кому подвластна волшебная свирель, не единственным, кто может влиять на других магов. Но обращались с ним так, будто он и впрямь был незаменим.

Парень поднес дудочку к холодным губам и медленно заиграл. Мелодия была совершенно простой, лишь иногда звуки неожиданно срывались на крик, словно падали на кочке, ломая неказистый ритм, и тогда по спине бежал легкий озноб, а старуха в ближайшем доме, сама не зная зачем, резко принималась собираться на улицу. Ей мерещилось, что кто-то протяжно зовет ее у кромки леса. Она подслеповато глядела в окошко, повязывая платок и раздраженно отвечая диктору в новостях. Как только звуки выравнивались, она снова поворачивалась к телевизору, не в силах вспомнить, куда только что хотела идти. Память тут же подсовывала ей образы: соседей, гостивших у них детей, собаку на цепи, и все начинало казаться ладным, правильным – хотела просто заглянуть к Сергеичу, вернуть Марусе пакет мелкой соли, проверить, не окоченела ли в будке Дуська. Да диктор с этими его новостями отвлек. Проклятый диктор. Проклятые новости. Ох, надо срочно бежать во двор.

Парень внезапно осекся и отнял от губ дудочку. С виду казалось, будто он к чему-то прислушивается. Только-только ему подумалось, что колдовство заработало, как вдруг нечто странное заставило отвлечься. Музыка будила магию, поднимала из глубин небытия следы, оставленные чужими чарами. Да, здесь уже несколько месяцев не было никого из Заречья. В честь Русальего круга всем воспитанникам простили долги и освободили от помощи потусторонним. Так, по крайней мере, сказали наставники. Только теперь он чувствовал, что последними здесь были вовсе не знакомые зареченские колдуны. Тонкий, едва ощутимый след магического воздействия вел к одному из деревенских домов. Он был старый, почти исчезнувший – такое случается через десять-двенадцать лунных месяцев. Становится невозможно определить ни вид колдовства, ни его назначение, но след чар еще тает, еще растворяется в вечности, отдаваясь пульсацией в венах, загораясь чуть заметным серебристым огнем.

Этот одинокий след, что разбудила музыка дудочки, был абсолютно чужим. И если принять во внимание, что колдовство было сотворено

прошлой зимой и шлейф от него до сих пор держался, это могло означать лишь одно – магия была сильная. Но кто из Светлых способен на такое? Маловероятно, что здесь появлялись снежинки из Ирвинговой дружины. Ощущения, вызванные этим старым колдовством, рождали скорее иную версию. Здесь побывал Темный маг.

Дима спрыгнул с ветки. В руках его, разгоняя тьму, блеснул кристалл-световик. Парень двинулся к деревне, стараясь не упустить из внимания след чужой магии. На лице его мелькнула смутная улыбка.

* * *

Ветер крутил метели в темном ночном небе над Заречьем, было заметно, что Карачун вспомнил и о тайном убежище юных ведунов. Да и сами обитатели не забыли о древнем боге морозов: кто-то потом говорил, будто видел его, огромного, почти до небес, рогатого, в старой деревянной маске. Из лохматых рукавов его валил снег, от его дыхания леденела река, лесом хрустели шаги, полы его одеяния тьмой укрывали поля. В Заречье горели костры, светились окна избушек, сверкали ледяные статуи, увенчанные кристаллами-световиками. Если души с того света хотели навестить какую-нибудь избушку, пути их были заботливо подсвечены колдунами. Этой ночью солнце надолго ушло под землю, тонкая грань между мирами почти исчезла, и никто не боялся странных визитов.

В холодной россыпи снега над землей что-то гроыхнуло и дрогнуло, внезапно прямо посреди одной из потайных полянок появилась дверь. Она тотчас распахнулась, и целая процессия магов на ковре-самолете влетела в Заречье. Водяная колдунья оказалась дома, но еще не знала об этом. Всю дорогу она была без сознания, как и лежащий рядом с ней Сева. У лазарета их уже поджидали Велес, Густав Вениаминович и Вещий Олег. Возвращение похищенной колдуньи прошло тише, чем можно было себе представить: под покровом ночи ее внесли в лазарет, положили на кровать за ширмой, погасили свет.

В избушке номер девятнадцать было темно, лишь снаружи, на крыльчке, блеснул светильник, чтобы дорога для призраков не прервалась. Большой куст бузины за окном загораживал и крыльцо, и луну, свет почти не проникал в комнату. Маргарита вроде бы только что проваливалась в сон, но через минуту уже снова вглядывалась в темноту, не в состоянии различить ни одного предмета такой знакомой обстановки. Комнату как будто накрыли черным бархатом, и она никак не могла нащупать край

покрывала, чтобы сорвать его. Таинственный отблеск у двери заставил ее подняться. На стене возле крючков для верхней одежды висело зеркало. «Которого у нас тут отродясь не было», – пронеслось в голове у Огненной колдуньи.

Она сделала несколько шагов и приблизилась к зеркалу. Несмотря на темноту, свое лицо в отражении она видела достаточно ясно. Длинные волосы, бледные впалые щеки, печальные глаза. Неужели она до сих пор так плохо выглядит после Лисьей хвори? Девушка в зеркале провела рукой по волосам, и Маргарита сделала то же самое с задержкой в мгновение. Она вступила в игру, правила которой до конца не поняла. Ладонь медленно скользила по черной глади волос. Наклон головы вбок – теперь ни она, ни отражение не отставали ни на долю секунды. Следующий ход – прикосновение. Маргарита протянула руку к своему лицу в зеркале. Отражение с точностью повторило и это. Вот только глаза... Что-то в них изменилось. Искра, едва заметный огонек зажегся где-то в глубине взгляда. Словно теперь на Маргариту смотрел кто-то другой. Руки постепенно сближались. Вот уже всего пара сантиметров отделяла ладонь Огненной колдуньи от бледных пальцев ее отражения. Маргарита попыталась отдернуть руку, но ничего не произошло, тело не послушалось. Отражение улыбнулось, и Маргарита почувствовала, как ее губы тоже растягиваются. Все оборвалось очень резко, комната начала трястись и ходить ходуном. Стены были готовы обрушиться, в ушах нарастал гул и резкий стук. Хотелось кричать, но отражение продолжало спокойно улыбаться, заставляя молчать и ее. Еще секунда – и их руки соприкоснулись.

Маргариту отбросило назад. Она резко села на кровати и открыла глаза. Раздавался настойчивый стук в дверь. «Слава богам, это был сон!».

Он спустила ноги на холодный пол и, стараясь не врезаться в стул или еще что-нибудь, на ощупь прокралась к двери.

– Кто там? – спросила она, с опаской поглядывая в угол за крючками и наброшенными на них плащами и куртками: именно там в ее сне висело зеркало.

– Простите, что разбудил, – раздался снаружи приглушенный голос Странника. – Но я решил, что вы захотите это знать. Вашу подругу, Водяную колдунью, вернули. Она уже в Заречье. Спокойной ночи.

Когда изумленная Маргарита справилась в темноте с замком и выглянула наружу, за дверью уже никого не было.

Лишь на следующее утро – волшебное, чудесное утро, когда солнце, превратившись в младенца Коляду, наконец-то озарило светом Росеник, – весть о возвращении Водяной колдуньи разнеслась по Тридевятиному

государству. Признаться честно, не все сразу поверили в ее правдивость. Те, кто узнал о спасении Полины Феншо не из первых уст, сомневались и перепроверяли слухи: они раскладывали карты в сложном узоре, заглядывали в хрустальные шары, расспрашивали соседей, а некоторые даже требовали, чтобы их пустили в Заречье посмотреть на Водяную собственными глазами. Остальные же маги облегченно вздыхали, обнимали родню, устраивали праздничные обеды, приглашали гостей. Но через пару счастливых дней новые слухи поползли по улочкам, тихим шепотом проникая в дома магов, превращая улыбки в тревожные подергивания уголков губ. Говорили, что до сих пор почти никто из наставников Заречья не видел девушку. Что ее закрыли ото всех в лазарете и никого не пускают к ней. И что, может, это вовсе и не Водяная колдунья...

Глава десятая

Возвращение

Дима ходил вдоль невысоких, по пояс, стеклянных ящиков на бронзовых витых ножках, расположенных углом возле стен. Рассматривая камни, он ненадолго замирал и наклонялся над прозрачной крышкой, отражавшей и искажавшей его лицо, да и всю перспективу комнаты от пола до потолка. Выставленная напоказ гордость и сила семьи Муромцев просто по определению должна была привлекать внимание гостей, внушать трепет, уважение и немного страх. Дескать, если мы, наследники древней фамилии, можем извлекать силу и магию из этих безжизненных камней, так представьте, что же мы можем сделать тогда с вами, с живыми?

Сначала Диму заинтересовал зеленый хромин, способный рассыпаться в пыль от одного прикосновения, затем аспилат. Следом его внимание привлек заточенный в латунный ободок энерговик – он наэлектризованно сверкал в полумраке; за ним в двойном хрустальном склепе покоился достаточно большой алатырь. Митя вспомнил, как они с внуком Велес еще детьми вскрыли и стеклянную витрину, и зачарованный ларчик, не до конца веря в то, что алатырь способен приносить разрушения. И невидимые потоки носились по комнате, разбивая вазы, срывая со стен картины, круша мебель и ломая карнизы с тяжелыми портьерами. Странно, что такое хулиганство связывало Митю именно с молчаливым и угрюмым Димой. Иногда то, что объединяет и роднит двух совершенно непохожих людей, кроется в детстве. И из-за этого появляется надежда на какое-то особое взаимопонимание. Вот и сейчас Муромцу показалось, что именно Дима Велес чувствует его уныние. Хотя, возможно, он просто привык, что рядом всегда был Заиграй-Овражкин, тонко ощущавший – хоть и не подававший виду – настроение друга, и поэтому сейчас бессознательно искал кого-то похожего. Правда, Митя не планировал демонстрировать свое плохое настроение, оттого продолжал широко улыбаться остальным гостям. В малой гостиной осталось только молодое поколение местного общества: Муромцы, чета Рублевых, Дима и Саша Велес, хорошенькая вдова Рубцова, Иван Волков, да еще время от времени заглядывал Вещий Олег – то ли желая быть причисленным к молодежи, то ли, наоборот, проявляя свои наставнические обязанности и приглядывая за воспитанниками Заречья.

Взгляд Мити то и дело возвращался к Жене Рублевой и украдкой

выхватывал какую-нибудь ее черту. Две бронзовые, с рыжим отливом, косы. Красивая полнота и притом тонкокость: узкие изящные запястья, хрупкие щиколотки, видневшиеся из-под подола платья. Все это навязчиво кое-кого напоминало. Хотя поставь их рядом – Женю и ту, о ком он думал, – ничего похожего не найдешь. Но теперь в каждой колдунье ему виделись ее черты – это превратилось в настоящее наваждение.

– Митя, все в порядке? – Девушка неожиданно заметила его взгляд, задержавшийся на ней дольше, чем позволяли приличия.

– Да! – спохватился Митя и рассмеялся. – Мне просто показалось, что цветы на твоём платье двигаются. Я схожу с ума, или это так и есть?

– Нет, они не двигались. Это обычная ткань, никакой магии.

– Значит, ты сходишь с ума, дорогой мой братец, – тут же сказала Анисья.

– Еще б тут не сойти с ума, – многозначительно проговорила Рубцова: она всегда так разговаривала, будто шептала вполголоса на ухо томно и доверительно. Митя подумал, что сейчас в который раз начнется разговор о возвращении Водяной колдуньи, но Рубцова внезапно сменила тему: – Ведь у тебя уже была официальная помолвка. Еще ни разу не видела, чтобы кто-то от этого был в восторге.

– И почему это? – удивилась Анисья, а Дима Велес даже отвлекся от изучения камней.

– Анисья, не делай вид, что ничего не понимаешь, – снисходительно усмехнулась молодая вдова и обратилась к Мите: – Ну давай же, признайся, что тебя это очень печалит.

Как и стоило ожидать, все уставились на него. Леша Рублев скользнул тревожным взглядом по Анисье и нежно взял за руку свою жену.

– Ну... – растерянно протянул Митя, явно пойманный врасплох таким прямым вопросом, противоречащим всем правилам приличия и дипломатии высшего света.

– Помолвка! Это же синоним несвободы, нелюбви, всего самого гнетущего...

– Похоже на правду, – довольно тихо, но так, что слышали все присутствующие, ответил Митя.

Никто не ожидал от наследника Муровцев столь прямого признания. Женя неловко отвела взгляд, Анисья недоверчиво дернула плечом, Саша Велес как бы невзначай отвернулась к окну, сделав вид, что ничего не слышит.

– Только Марьяне не говорите, – с неуместной улыбкой добавил Митя, словно пытаясь свести этот странный разговор к беззаботному обмену

шутками.

– А то она сама не догадывается!

– Она, между прочим, влюблена в тебя! – воскликнула Анисья наперекор Рубцовой.

– Дорогая, это не всегда бывает взаимно, – все с теми же придыханиями произнесла вдова. – Уж поверь мне.

– Ничего не поделаешь, дружище, – заявил Волков. – Традиции не нарушаются. Нам нельзя делать ни шагу в сторону.

– Ну почему же... – таинственно ответила Рубцова, и Митя почувствовал, как все настороженно прислушались: и всезнающая Анисья, и даже внук Велес. И в первую очередь он сам. Тело замерло от мимолетного воспоминания, как его пальцы перебирали длинные рыжие пряди, пока Василиса спала. Один раз. Это было один раз. И больше никогда не повторится.

– От традиций, конечно, никому не сбежать. Но есть шаги внутри самой традиции, – продолжила Елена.

– Какие? – заинтересованно спросила Саша и, тут же смутившись своего нетерпеливого вопроса, начала перебирать складки платья.

– Сделать так, чтобы пришлось расторгнуть помолвку с одной знатной барышней и связать свою жизнь с другой, не уступающей по положению и богатству, но уже с любимой.

«Нет, мне и это не подходит», – горестно подумал Митя. Хотя совсем еще молодая и рано овдовевшая Елена Рубцова предлагала план, который мог бы сработать. Но его избранница вовсе не была богатой и знатной.

– И как это сделать, интересно? – не унималась скептически настроенная Анисья.

– Как? Зачать ребенка. Если в обществе узнают, что знатная девица беременна, колдуна тут же вынудят жениться на ней, даже если он уже помолвлен с другой, – развела руками колдунья.

– Действительно, такие случаи были... – подхватила Женя Рублева.

– Конечно, были! Об этом я и говорю. Многим именно так удавалось устроить свое счастье. Если бы отпрыски древних родов на протяжении всей истории женились не по любви, то семьи уже давно переубивали бы друг друга. Ровно половина всех обрученных строила хитрые планы по спасению своей личной жизни. Взаимная холодность супругов и измены явно не добавляют Светлой магии в нашу жизнь. Надо быть смышленнее!

Леша Рублев вдруг печально посмотрел на Анисью. «Интересно, – подумал заметивший это Митя, – он сожалеет, что такой план не пришел ему в голову несколькими месяцами раньше? Или он все-таки счастлив со

своей женой?»

Этот невинный, а возможно, наоборот, опасный разговор отвлекал от последних новостей, захвативших умы всего Тридевятого государства. Вернулась ли Полина Феншо домой? И если да, то почему о ней ничего не известно? И если это действительно она, то откуда взялся слух, будто это может быть кто-то другой? Муромец испытывал странную, непривычную тревогу. Ему запрещали видаться даже с Севой, запертым с Водяной колдуньей в одном лазарете. Не находила себе места и Анисья. В последнее время она постоянно хмурилась, брат заставлял ее одиноко сидящей у окна: выражение лица ее было неизменно серьезное, вот как сейчас – губы сжаты в строгую ниточку. Она стала камнем – словно из скалы вытесаны ее ровные кудри, малахитовые глаза неподвижны, и даже платье подобрано непривычного рубленого кроя. И вчера, когда они вдвоем втайне от родителей спускались в подземелье, исследовали длинный темный лаз и пытались пройти тупик, отмеченный Чашей Дажьбога, Анисья не издала ни звука.

– Ну, как у вас дела? – В приоткрытую дверь просунулся Вещий Олег. – О чем толкует молодежь?

– Обсуждаем замужество и судьбы богатых семей, – вяло откликнулась Анисья.

– И способы изменить эти судьбы. Вы же, Олег, знаете ту историю про мою бабушку? – улыбнулась Елена Рубцова. – Она была обручена с наследником из рода Звездинок, но, когда обнаружилась ее тесная связь с представителем другого древнего рода, ее быстренько выдали замуж за возлюбленного. Да еще обыграли, будто все это задумывалось с самого ее детства. Таким образом жизнь ее сложилась как нельзя гармонично!

– Какие разные пути у всех нас! – отозвался Вещий Олег, который к этому времени уже вошел в комнату, прикрыл за собой дверь и уютно разместился в одном из пустующих кресел. – А я вот собираюсь наконец обзавестись женой. Правда, ей всего семнадцать.

– Семнадцать? – рассмеялась молодая вдова Рубцова.

– Стасе Романовой уже давно не семнадцать, – возразила Анисья.

– Стасе Романовой? – Вещий Олег сделал удивленное лицо. – А разве я говорю о ней?

– А разве нет? Я еще несколько месяцев назад слышала, как ты рассказывал нашей маме о том, что собираешься сделать ей предложение.

Митя с несвойственной ему гордостью взглянул на сестру. Даже он не позволял себе во времена Посвящения обращаться к Вещему Олегу на «ты», а Анисья умела оставлять все формальности в стенах Заречья и

Белой Усадьбы. И как она пререкается с наставником! Ну точно же, камень. Что ей будет за это? Все вокруг задержали дыхание: в основном от любопытства.

– Ох, дорогуша, разве можно было принять эти слова всерьез? Это было всего лишь предположение... Не более.

– Но... но так нельзя! – вспыхнула Анисья, злобно сверкнув глазами, и повернулась к брату в поисках поддержки. – Как можно говорить такие вещи про одну девушку, а затем делать предложение другой?

Митя вздрогнул, почувствовав, как по спине пробегает морозец.

– Ну и кто же ваша новая избранница? – примирительным тоном произнесла Елена Рубцова. – Давайте, не томите.

– Анисья ее хорошо знает, – ответил Вещий Олег с почти что злорадной улыбкой на лице. – Она проходит с ней Посвящение. Это дочь семейства Звездинок.

Новость вызвала небывалое оживление. Пока девушки обсуждали, какая это удачная партия, а парни вежливо поздравляли Олега, Анисья не сводила с наставника взгляда, которым, по мнению Мити, можно было убить.

– Ася Звездинка? – прошипела она, приблизившись к Олегу. – Что ты задумал?! – Она сказала это почти шепотом, но так, что услышали все собравшиеся.

Ответ на этот вопрос хотел получить и Митя. Из всех присутствующих вряд ли кто-то знал, почему брата с сестрой так взволновала эта мысль. Митя прекрасно понимал, что Вещий Олег сделал выбор в пользу Звездинки неспроста. Но как узнать, что именно ему нужно от этого брака?

– А нам что за дело, дорогуша? – вскинул брови Вещий Олег. – И как это мы разговариваем с наставником?

– Не переводи тему!

– Будь осторожна, Анисья, – сурово произнес Вещий Олег. Он встал и оказался с ней лицом к лицу. – Не то я попрошу твоей руки, а не руки Аси Звездинки. Посмотрим, смогут ли Муромцы мне отказать.

– Только посмей!

За ее спиной в стеклянных ящиках-витринах, протянувшихся вдоль стен, внезапно засветились камни. Вещий Олег это заметил, но не подал виду. Еще заметил Митя, но больше, кажется, никто. Остальные из всех сил старались поддерживать видимость оживленной беседы и не замечать накала страстей.

Анисья почувствовала, как кто-то осторожно взял ее под локоть и потянул в сторону. Она обернулась – это был Дима Велес. Он оставался все

так же молчалив, но очень недовольно смотрел на наставника. Анисья непроизвольно вцепилась в его руку и, сама не понимая зачем, прижалась к нему.

– О боги, да что со всеми вами? – в сердцах воскликнул Вещий Олег, взмахнув плащом. Он оглядел молча взиравших на него колдунов и, не дождавшись ответа, резко развернулся и вышел за дверь.

* * *

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы узнать старый добрый зареченский лазарет, темные свечи из вереска, золотой розги и львиного зева, сделанные собственными руками Густава Вениаминовича; кристаллы-светильники, которые поставляли сюда Муромцы. И никаких клыкастых чудовищных пастей со струящимся из них синеватым светом, никакой помпезной мебели, увитой паутиной до самого пола. Она проснулась уже в третий раз и опять никого не обнаружила рядом – только стакан с мутноватым снадобьем на прикроватной тумбочке да странную конструкцию из тонких серебряных палочек, тикающую на столе: привет от неразговорчивого целителя. О, его-то она отлично помнила все это время!

– Я дома, – сказала она, но ничего не ощутила. Она так долго запрещала себе чувствовать что-либо, что теперь не могла разобраться в себе. Уткнулась носом в одеяло, вдыхая родной и совершенно не поддающийся описанию запах постельного белья. Одеяло ласково обняло ее теплыми складками.

Она знала, что кто-то приближается. Этот инстинкт настолько усилился, что любого сильного мага она могла ощутить даже через стену. Неясное движение где-то за ширмой заставило ее вздрогнуть; дернулось пламя свечей, расставленных на полках, еле слышно затрещал световик и прохладный воздух нежно скользнул по щекам, словно погладил. В дальний угол по стенам сползала темнота, в какой-то миг она стала плотной, и как только Полина моргнула, там внезапно появилась главная наставница Заречья. На ее плечи была накинута пушистая белая шаль, будто сотканная из снежинок, длинная седая прядь висла по темно-зеленому платью, которое к подолу превращалось в россыпь увядших лепестков. Когда же наставница сделала шаг, тяжелая ткань перекатилась несколькими складками, и наваждение спало – никаких лепестков на платье не было. Полина смотрела во все глаза, будто ничего не знала о Велес. Не

знала, что она здесь главная, что все вокруг боятся ее послушаться, что наставники должны заполнять для нее специальные книги, а подопечные юные колдуны вытягиваться по струнке, едва ее заведет. Воспоминания обо всем этом пришли не сразу, и Водяной колдунье вдруг удалось увидеть перед собой невероятное существо, без которого ничего бы здесь просто не было. Велес была той могущественной колдуньей, которых обожествлял Берендей со своей свитой. Река брала начало в ее глазах, здешние тропинки сложились в подробную карту морщинок на ее маленьких руках, лес стал одеждой, а ночные звезды – украшениями, среди которых неуместно болтался лишь желтоватый коготь...

Велес скользнула взглядом по девушке и, заметив, что та не спит, приблизилась еще на несколько шагов и присела на краешек кровати. Запах бревенчатых стен стал отчетливее, где-то недавно топили печь: этот дымный след тянулся сквозняками вдоль пола. Свечной огонь добрался до вереска, заточенного в воск, окрасив комнату душистыми северными облаками. Полина встретила взглядом с главной наставницей и тут же поняла, что ей предстоит отвечать на вопросы. Горячая и сухая, словно речной песок, ладонь дотронулась до ее руки.

– Добрый вечер, Полина.

Внезапная резь в глазах заставила выдержать паузу перед ответом. Запах лазарета, дерева, высушенных трав – добрый запах чьей-то заботы – наконец вызвал ощущения дома. А еще почему-то стали одно за другим всплывать воспоминания о том, как тело Леши, сына провидца Ворцлава, лишенное магической силы, безвольно отскакивало от пола и снова падало, ударяясь о старинный камень с гулким шлепком; как на него сыпались сверху осколки разбитого зеркала и как он размазывал кровь по лицу. И какое всеобъемлющее торжество это вызывало в ней, в хрупкой и далеко не самой одаренной колдунье. И как кричал, срываясь на высокие ноты, почти повизгивая, мерзкий старик наставник, удирая от потоков кипятка, приготовленных специально для него. Как Шелога – приспешница Берендея – пыталась прочесть ее мысли, а через пару минут едва не утонула в фонтане. Лицо стало влажным от слез, захотелось сейчас же признаться во всем.

– Ну, как поживает наш тихий омут?

При звуке этого голоса вся боль ушла разом в какую-то неведомую глубину, и оттуда же поднялся тугой комок волнения.

– Дарья Сергеевна! – Полина испугалась своего хриплого шепота, но это не помешало ей протянуть вторую руку к появившейся так же незаметно, как Велес, наставнице Воздушных.

– Привет, моя дорогая. Наконец-то ты с нами.

Как странно, из памяти почти стерлось то, что здешние маги предпочитают появляться тихо, словно почки на деревьях или первая звезда на небе: зажмуришься, а потом взглянешь – и вот уже что-то загорелось в бесконечной темноте. Старообрядцам же такое было неведомо, там ценилось только то, что могло произвести впечатление, а еще лучше – нагнать страху на окружающих. Искры, треск, черный дым, а иногда и зловещая музыка сопровождали появление сильных колдунов. Сначала Полину это все действительно страшило и волновало. Сейчас же вдруг показалось обыкновенным цирком.

– Пришла пора нам поговорить, Водяная колдунья, – сказала Велес, возвращая Полинино внимание. – Я отвечу на все твои вопросы. Но и ты ответишь на мои, согласна?

Полина кивнула.

– Только когда ты исчезла, я поняла, какую ошибку совершила.

Полина почувствовала, как от голоса главной наставницы все внутри успокаивается, замедляется, словно это не голос, а шум летнего леса, умиротворяющая возня деревенских жителей, музыкальное журчание ручья... Внезапно вспомнилась Нищенка в Енотовом тупике – там она сужалась и весело бежала по цветным камням.

– Я оставила тебя без объяснений. Перестала видеть в тебе выросшего с потусторонними испуганного ребенка, едва ты оказалась в Заречье под защитой его древних чар. За бессмысленной суетой я забыла о главном...

Полина дрожащим взглядом скользнула по пожилой колдунье, укрытой плащом седых волос.

– Вместо того чтобы узнать о природе Светлой и Темной магии и быть готовой ко встрече со Старообрядцами, ты столкнулась с обеими сторонами, совершенно ничего не понимая. Что ж, и вот он мой первый вопрос тебе, дитя. Ты хочешь остаться с нами? Или предпочтешь вернуться туда, где тебя ждет магия гораздо сильнее нашей, известность шире, чем у здешних древних родов, и роль важнее, чем мы можем тебе пообещать?

– Что? – прошептала Полина. – Но ведь... вы же... враждуете со Старообрядцами...

– Да, враждуем. Но ради тебя я сделаю исключение. Я отпущу тебя, если ты выберешь Темную сторону. Это будет цена моей ошибки. За нее должна расплачиваться я, а не ты.

От изумления разболелась голова, да так, что на миг в глазах потемнело. Полина сжала пальцами виски. Она несколько раз непонимающе моргнула и внезапно увидела за спиной Велес очертания

еще одной фигуры: там, во мраке, опираясь на корявый посох, стоял Илья Пророк. В носу защипало. Она поняла, что нет уже смысла признаваться, сколько обид на наставников и всех Светлых магов накопилось в ее душе: почему от нее столько всего скрывали? Почему поселили в Заречье без ее согласия? Почему не рассказали о родстве с Милонегой? Обо всех этих обидах Велес и так знала, именно их она назвала своей «ошибкой». И сейчас именно они выходили с вдруг прорвавшимся плачем. Полина захлебывалась слезами, а нежные морщинистые руки крепко обнимали ее, прижимали к груди, от седых волос так по-родному пахло мятой, а мягкий успокаивающий шепот возле уха и впрямь почти не отличался от голоса летнего леса.

Сколько прошло времени, Полина не понимала. Перед глазами то и дело проносились галактики, бесконечные звезды и планеты, в слезной пелене пульсировали лиловые цветы, они разрастались в целые миры, которые тут же исчезали, а она все плакала и плакала.

– Добро пожаловать в Заречье. Добро пожаловать домой, – отчетливо прошептал лес.

– Но... что теперь будет с моей силой? Я ведь жила с Темными. Колдовала. Пыталась изучать стихию, а ведь их книги... – отозвалась Полина, но сама не разобрала, произнесла ли слова вслух или просто подумала. – И зелья, что давали мне... я не знаю, что в них было и как их делали.

– Приляг, девочка. Ты устала. Я расскажу тебе, в чем разница между нами и Старообрядцами. Дело не только в крови и в том, из чего составляют зелья. Темная магия – это развитие личной силы. Природа наделила тебя совершенно особенными способностями, и будь ты Темной, ты не остановишься ни перед чем, чтобы их развить. Личная выгода, сила, стремление к всемогуществу. Для Темного мага этот мир – лишь площадка для собственного развития. Видишь ли, речь не только о силе и энергии, которые Старообрядцы крадут у более слабых. Разница в целях. Путь Светлых – это путь служения. Мы развиваемся на благо этого мира. Мы отказываемся от легкодоступной силы, мы стараемся заглушить эго, мы понимаем, что сделать мир лучше можем только вместе. Мы несем Свет. Прославленным магом среди нас ты можешь стать разве что в союзе с колдунами других стихий, а обрести влияние получится только благодаря многовековой истории всей твоей семьи. Зная, что нам подвластно все, мы сознательно ограничиваем наши возможности...

– Старообрядцы говорят, – тихо произнесла Полина, – что природа на их стороне. Потому что у природы нет морали.

– Они правы, у природы нет морали, – спокойно согласилась Велес, погладив пальцами ее лоб. – Но у природы нет и такой жестокости, которая присуща людям. Ни один зверь не использует силу другого для достижения собственного величия. Никто из них не убивает ради удовольствия. Ни одно насекомое или дерево не стремится к неограниченной власти, сметая на пути чужие жизни. Именно поэтому мы выбрали мораль как основной ориентир. Без нее мы не приблизимся к природе. Не приблизимся к мудрости. Не приблизимся к Свету. Но и наша система пока еще не идеальна: мы используем переходное колдовство, ты знаешь...

– И убиваем Темных? – закончила Полина.

– Нет, – Вера Николаевна улыбнулась. – Нет, конечно. У нас нет права убивать их.

– А что же с ними происходит? С теми, что попадают в руки Светлым. Их держат в темнице?

Велес вытянула руку, и на нее вдруг упал большой паук. «Семен!» – осенило Водяную колдунью.

– Да, в своего рода темнице. Мы заточаем их в такое тело, из которого они могут лишь наблюдать за жизнью чистых существ, идущих по пути любви и морали. Мы даем им возможность пройти цепочку перерождений и надеемся, что, когда они вновь получают тело мага, мы увидим их в наших рядах.

– Семен! Семен это... Старообрядец? – Полина снова села, протянула ладонь и приняла у Велес паука. – Но ведь заключать их в тела насекомых... рискованно. Кто-то может случайно лишить их жизни! Наступить, прихлопнуть книжкой...

– О, конечно! – с улыбкой кивнула главная наставница. – Старообрядцам придется быть очень осторожными...

Полина села на постели и взяла с тумбочки стакан с Чаровником. На душе постепенно становилось светлее.

На этот раз к ней наклонилась Лиса и внезапно переменила тему:

– Ты знаешь, что это был за обряд, во время которого наши маги добрались до тебя?

– Точно не знаю... – качнула головой Водяная колдунья. – Берендей преподносил так, будто обряд избавит меня от проклятия. Но избавление от проклятия было лишь одним из ритуалов...

– Как думаешь, ему удалось справиться с твоим проклятием?

– Не уверена. Ритуал... был проведен до конца. Но почему-то закончился моим приступом – это все, что я помню. И еще... – добавила Полина, чувствуя озноб, – самое страшное.

– Да?

– Сам этот ритуал... Они убили человека, убили его прямо у меня на глазах! Его ввели в зал после того, как жрецы зачитали заклинания и облили меня какой-то красной смесью. Мне показалось, он был одурманен... Добровольно шел ко мне, нисколько не удивившись, что я привязана... Я не сразу поняла, что будет. Впереди виднелся небольшой каменный выступ, напоминающий невысокий стол. Он лег на него, лицом вверх. А потом... потом подошел один из магов и сорвал с него рубашку. Я увидела рисунок или татуировку – яблоко! Прямо там, где сердце... Маг вынул нож и... – Полина на мгновение зажмурилась. – Неужели избавиться от этого проклятия можно только таким способом? Это был Алексей, младший сын провидца Ворцлава.

– Провидец пожертвовал сыном? – с недоверием произнесла Дарья Сергеевна и посмотрела на Велес.

– Пару лет назад Алексей сбежал со странником, – поспешила объяснить Полина. – Несколько месяцев его не могли найти, но потом он сам вернулся, понял, что такая жизнь не для него. Понял, что Темная магия... истинна.

– Все ясно. Темные считали его предателем... – Лиса выдохнула, брови ее печально выгнулись.

– Алексей был единственным человеком, с кем я общалась. Он был... хорошим, правда. Конечно, пытался убедить меня в том, что Старообрядцы не делают ничего запретного и страшного, но при этом хотел мне помочь. Однажды он принес мне одну вещь...

– Перо Финиста?

– Да, перо, – подтвердила Полина, понимая, что здесь об этом все уже знают. – Он не догадывался, как оно действует. Я его обманула и смогла позвать... вас. Сначала я обращалась с Алексеем очень жестоко. Он пытался прочесть мои мысли и лишился сил. И я... его покалечила. И тем не менее он остался добр ко мне. Не знаю, почему он согласился на этот ритуал. Вряд ли он знал, что они отнимут у него жизнь. Я успела лишь представить, как сжимаю перо Финиста и зову его... и тут они всадили нож прямо Алексею в сердце! Его отец стоял рядом и даже не моргнул! А я не могла помешать, не могла! У меня были связаны руки!

– Ну-ну, здесь нет твоей вины...

– Почему они выбрали его? Почему не какого-то другого сына провидца? – Щеки снова обожгли горячие слезы.

– Да, почему, Полина? Это ведь важно... – Лиса снова наклонилась над ней и заглянула прямо в глаза. – Они пытались снять с тебя проклятие и

использовали мальчишку в качестве жертвы. Скажи, были ли у тебя к нему какие-то чувства?

Полина медленно покачала головой, не переставая плакать.

– А у него к тебе?

– Я не знаю. В последнее время мне стало казаться, что он... Возможно, он мне симпатизировал.

– Так он был влюблен в тебя?

Полина пожала плечами.

– У нас есть догадки, что за обряд они планировали провести, чтобы освободить тебя от проклятия, – произнесла Вера Николаевна. – Судя по тому, что описали Боевые колдуньи, побывавшие в том зале, ты избежала страшной участи. Некроманты собирались выгнать душу из твоего тела.

– Что?! – воскликнула Полина. – Зачем?

– Обычно это делают для того, чтобы уступить место другой душе, мечущейся и желающей воплотиться. Что о тебе знают Темные?

– Однажды в особняке Берендея появилась Вещейка. Она говорила запутанно, но обращалась ко мне очень почтительно. Из ее слов Берендей решил, что Милонегга была моей родственницей.

– Вот все и встает на свои места. Ваша кровная связь с Милонеггой обеспечила бы ей безболезненное возвращение в наш мир.

* * *

Он осторожно прошел мимо кроватей, стараясь ощутить хоть какой-то след Водяной колдуньи. Почему-то не верилось, что это и правда была она, хотя он сам, можно сказать, вот прямо этими руками вырвал ее из плена. Но слишком долго ее не было в Заречье. Слишком долго он убеждал себя, что больше с ней не встретится, слишком долго с этой мыслью приходилось мириться... и вот она снова здесь.

Он выглянул за дверь, поток ледяного воздуха шевельнул волосы, прошелся по телу мурашками и вернулся обратно – в открытую дверь гостиной Ква. Полупрозрачным силуэтом Водяная колдунья замерла на фоне ночной зимней тьмы, беззвездное небо словно заползло в комнату и скрадывало пространство. Зато метель выла и крутилась в дверном проеме, хватала Полину Феншо за батистовую сорочку.

Сева хотел окликнуть ее, но почему-то задержался. Взгляд его скользнул по ее тонкому силуэту, будто вспоминая знакомые изгибы белых рук, рост... Нет, рост был другим: она вытянулась и, скорее всего, догнала

Маргариту с Анисьей. Волосы ее стали длиннее, в ночи они казались очень темными. Они были перекинута через одно плечо, открывая острые лопатки между бретельками ночнушки.

Это было полгода назад. Да... или даже чуть больше. На Русальем круге. Он снова проснулся посреди душевной ночи и снова направился в гостиную за графином с водой. Точнее, так он себе это объяснил... Но дошел только до кровати Водяной колдуньи. На этот раз ее постель была укрыта бельем, и Полина Феншо, лежащая на ней, укуталась в одеяло. Она обнимала руками подушку, нежно согнув пальцы. Сева стоял и смотрел – он уже придумал, что скажет, если вдруг неожиданно проснется Маргарита и заметит его здесь. Всегда можно соврать, будто ему померещились крики Водяной колдуньи и он прибежал проверить, все ли с ней в порядке.

«Что ты делаешь с моей головой?» – подумалось ему.

Признаться, просто признаться себе. Себе, а не кому-то другому. Главная практика для всех Воздушных. Ты можешь изображать полное равнодушие и абсолютное спокойствие, говорила на встречах Лиса, но, если ты все же испытываешь чувство, желание или эмоцию, ты должен признаться себе, что это.

«Итак, я... хочу убить тебя? – честно подумал Сева, вспомнив бедную дочку кондитера Таню, которой не повезло встретиться с нечистью. Но нет, это не подходило. Это никак не отзывалось внутри. Он вздохнул с заметным облегчением. Что ж, слава богам, самое страшное не грозило незащищенной Водяной колдунье. – Нет, я не хочу убивать тебя. Не хочу причинять тебе боль. Не хочу знать, какая у тебя кровь на вкус... Тогда, может...» – Тут его вдруг что-то остановило. Послышался шорох. Сева развернулся и очень быстро пошел обратно в мужскую спальню.

И снова он с ней один на один, спустя столько месяцев. И прошла как будто бы вечность. Полина Феншо, повзрослевшая и совсем чужая, обернулась и встретилась с ним взглядом. Несколько секунд прошли в молчании.

– Можешь не волноваться, я не сбегу, – безучастно произнесла она.

Сева сделал шаг к ней и протянул свою рубашку.

– Тогда хотя бы накинь. От простуды не спасет, но мало ли.

Колдунья не глядя взяла предложенную рубашку и снова повернулась к дверному проему:

– Спасибо! А теперь уйди, пожалуйста, мне сейчас не нужна компания.

Севу не надо было просить дважды. Будто ему нужна ее компания! Что-то резануло в груди. Он вернулся в лазарет, и горячая тьма заволокла

сознание: руки сами потянулись было к ближайшему шкафу, чтобы в порыве смести все с полок, но он легко смог себя сдержать. Хотелось взмахнуть крыльями, оскалиться, увидеть ужас в ее глазах. О Меркурий, хотелось все-таки убить ее! Разорвать на куски это холодное водяное сердце, это костлявое тельце. Ну кого он обманывает, в конце концов!

* * *

Какой неожиданный, странный сон. Полина будто парила под потолком и смотрела сверху на саму себя, стоящую у приоткрытой двери лазарета. Необычайность всего этого как раз была в том, что она вроде бы всего секунду назад бодрствовала: сама пришла сюда, сама отворила дверь, сама накинула на плечи рубашку. Но теперь она спала – точно, спала! – и наблюдала за собой со стороны. Она была сразу всем: темными углами комнаты, зимним холодом, снежинками в дверном проеме, полом, балками крыши. Она была всем и собой, но только не в своем теле. Отдаленно промелькнула мысль, что в теле было здорово и что неплохо бы туда вернуться. Но как это сделать? Впрочем, вопрос ее этот особо не тронул, решение не пришло, появилась лишь какая-то смутная тоска. Она помнила, что рубашку передал ей Сева. Она так долго его не видела! Почти не помнила, какой он! Но не стала даже разглядывать. Ответила холодно, как и требовалось. У нее не было к нему никаких чувств. Никаких! Она отчетливо увидела Алексея, сына Ворцлава, – его обнаженную грудную клетку и нож, всаженный в самое сердце.

«Прости меня! Прости меня!» – думала она, растворяясь в крыше, в стенах, в ночи.

Неужели они принесли его в жертву, заподозрив в ней симпатию к сыну Провидца? Или чувства были у него? Как бы то ни было... Они больше ни о ком не должны узнать. Кому принадлежит ее сердце? Никому. А то, что ей часто снится один человек, ничего не значит. Она скорее ненавидит его, да, именно. Поэтому он ей и снится.

Внезапно тело ее тихонько прикрыло дверь и повернулось. Без согласия, без ее решения оно скользнуло обратно в покои. Та Полина, у которой сейчас были ноги, руки и длинные волосы, двигалась самостоятельно и очень естественно. У нее будто был какой-то план: об этом говорила уверенная улыбка на лице, стремительный шаг. Полина под потолком попыталась последовать за ней – для этого ей не пришлось прикладывать никаких усилий, она тотчас же оказалась над десятком

кроватей, в темноте выделявшихся белыми квадратиками одеял. По проходу между ними двигалось ее тело. Полину пугало это стремление и эта мистическая радость на лице. Как же так? Почему эта телесная Полина из сна так странно себя ведет? Почему торжествует? Почему она ощущает подъем? Всемогущество? Нетерпение? Бесстрашие? И почему это тело больше не чувствует в себе Водяной магии? Да, Полина как-то умудрилась ощутить. Тело ее было пустым. Водяная магия ушла. Что было вместо нее? Так и не определишь с ходу.

О боги, остановите ее кто-нибудь. Остановите ее! *Меня!*

Полина хотела крикнуть, но не смогла, сон сковал ее. Она старалась изо всех сил, надрывалась, звала. Но звуков никто не слышал. Тело ее вдруг остановилось. Оно замерло почти в самом конце прохода, не доходя нескольких шагов до ширмы. Что-то задержало его. Что именно, Полина догадалась не сразу, а когда осознала, испытала еще больший ужас.

Девушка внизу медленно повернула голову и внимательно посмотрела на соседнюю кровать. Бугорки одеяла обрисовывали лежащую фигуру. Взгляд ее стал отстраненным... пустым.

– Нет! Только не это! – все так же беззвучно выкрикнула Водяная колдунья.

Девушка шагнула к кровати. Близость Сирены изменила даже ее движения. Да Полина в жизни так не ходила! Бедро вправо, бедро влево, рука прошлась по ночной сорочке... Мамочки! Сирена не спит, это очевидно, иначе это тело, эта пустышка, в которой был кто-то вместо Полины, не попало бы в ловушку.

Девушка подошла к кровати и плавно опустилась на край. Стали различимы Севины глаза. Он приподнялся, оперся на подушку и посмотрел на свою гостью. Но как понять хоть что-то по его лицу? Оно сурово, неподвижно. Равнодушно, как всегда!

Было похоже на то, что девушка что-то ему сказала. Она заползла на кровать поудобнее, подогнула под себя ногу, оголив коленку и бедро. Севин взгляд лишь на секунду соскользнул вниз.

– Это не я! – вновь бессильно закричала Полина. – Только не думай, что это я!

Ей хотелось встряхнуть его, оттолкнуть собственное непослушное тело, плакать, но она была стенами, крышей, кроватями лазарета, она была ночью и все сковавшей зимой. Она не могла ничего поделать.

Сева отодвинулся, чтобы девушке было удобнее сидеть. Ах, если бы Полина немного больше знала о мужчинах, она заметила бы, что его грудная клетка вздымается чаще, что глаза не такие уж и холодные, как она

привыкла считать. Но Полина об этом не думала, только с нарастающим ужасом смотрела, как ее тело взяло Сирену за руку и приложило его пальцы к обнаженному бедру.

Все, вот здесь бы и проснуться!

Внезапно Сева что-то проговорил – она видела, как шевелятся его губы, но не слышала слов. Затем он встал и потянул за собой ее тело. Вдвоем они направились к ширме.

– Боже, только не это... Только не это. Как же проснуться! Как же остановиться!

Полина и сама уже была за ширмой. Точнее, она и была ширмой. Она была погасшими свечами на полках, пуховой периной, стулом в углу.

Двое остановились. Сева обошел девушку сзади, прижал руками к себе. Полина задохнулась бы, если бы было чем. Ее разорвало бы от чувств, но сейчас она не знала, как именно их испытывают. У ширмы и стула не было ничего похожего.

Но дальше случилось что-то странное! Ее глупое податливое тело вдруг начало брыкаться и дергаться, Полина увидела, что одной рукой Сева зажимает «ей» рот, а другой давит куда-то на шею. Борьба была короткая: яростная, страстная, нелепая, но недолгая – всего несколько секунд. И тело вдруг безвольно повисло в Севиных руках. Он поднял его и бросил на кровать. Затем вынырнул из-за ширмы, бесшумно оделся и быстро покинул лазарет.

Все вокруг – и без того блеклое, темное, расплывчатое – стало меркнуть, Полина ощутила призрачное давление, ее границы сужались, она больше не была крышей, не была полом. На секунду она стала ничем, пустотой в бесконечной пустоте. А потом резко вздохнула и в ужасе села на кровати. Ее окружала все та же небольшая комнатка с погасшими свечами и ширмой. И она не спала... Все это время она не спала...

* * *

Сева бежал со всех ног. От колких льдинок, которыми играла зимняя метель, щипало лицо и горло. Плащ, впопыхах накинутый прямо на футболку, развевался за спиной, ни капли не согревая. Но парень не обращал внимания. Он бежал, и страх впервые в жизни так явно заполнял все его существо. Он не успел испугаться там, в логове Темных, не успел содрогнуться от ужаса, узнав их обряд. До конца не осознал своего страха и тогда, когда несколько лет назад очнулся и увидел перед собой

окровавленную девушку. Страх, что порождали истошные вопли Водяной колдуньи, попадавшей под действие проклятия, сейчас казался смешным.

Он прикрывал глаза, защищаясь от снега, а магия Заречья вела его правильными тропами, заставляя перепрыгивать сугробы. Все тело сводила дрожь, но вряд ли в этом был повинен мороз.

Страшно до жути. Жутко до отвращения. Отвратительно до тошноты. Он знал, что если остановится, то его вывернет наизнанку. Поэтому изо всех сил мчался вперед, вслепую прокладывая себе путь. Наконец заснеженный лесок расступился, показались крыши нежилых изб, скученных в этой необитаемой части деревни. Только в одной из них жил человек. Сева с размаху запрыгнул на крыльцо, не дав избушке возможности отвернуться, и всем телом припал к двери. Он принялся стучать, разбивая костяшки о заледенелое дерево.

– Откройте! Откройте!

– Заиграй-Овражкин? – удивленно и чуть хрипловато произнес Македонов, через пару мгновений отворив дверь. В доме было темно и холодно, но Севу не волновало и это. На его лице, словно маска, застыл неподдельный, первобытный страх. – Что случилось?

– Срочно... в лазарет... – пробормотал Сева, больное горло мешало нормально говорить. – Я отправил информационный ком, но не знаю... Ирвинг. Нужен Ирвинг, Велес, прямо сейчас. Или хотя бы Лиса. Надо их найти!

– Хорошо-хорошо! – Странник сдернул с крючка свой плащ. – Идем! Но что произошло?

– Водяная колдунья, – раздался неуверенный шепот. – Это не она... я отключил ее, но... возможно она уже очнулась.

* * *

Получив от Василия приглашение на «праздник любви», Маргарита твердо решила не идти и несколько раз отогнала мысль о том, что же могло значить столь красноречивое название. Но, заметив на столе повторную записку – на этот раз от Ульяны, – все же сдалась. «Если они решат предаться этой самой любви прямо во время праздника, мне хватит здравого смысла сбежать», – заверила она себя, натягивая совершенно не праздничный свитер и теплые носки. Пригласили только Огненных, но Марго все равно подумала о Полине, которая была все еще заперта в лазарете. Неизвестность пугала. Постоянное ожидание порождало тревогу

и слухи. Говорят, среди ночи собирали срочный совет врачей. А еще говорят, что на него пригласили Фею, хоть она и не имела отношения к целительству.

На улице бушевала вьюга, но нужная избушка находилась совсем недалеко. Преодолев десяток сугробов и два раза чуть не упав, девушка забралась на крылечко и немного раздраженно постучала в дверь. Она ожидала увидеть увеличившуюся изнутри избушку, но нет – сегодня об этом никто не позаботился или просто все боялись тратить магические силы на подобные фокусы. Человек тридцать гостей уже заняли все свободное пространство: они толпились у стола, облепили кровати и кресла, кто-то сидел прямо на полу. Было очень жарко, пришлось снимать свитер и бабушкины вязанные носки.

– Привет, малышка! – Зайчик, открывший ей дверь, зачем-то полез обниматься и чмокнул ее в щеку.

– Фу, какая я тебе малышка! – Маргарита отпихнула его и протиснулась вперед, заметив в углу свободный стул.

Она старалась не смотреть по сторонам, чтобы не встретиться взглядом со Славой, поэтому вздрогнула, услышав неожиданное «привет» прямо возле уха. Оказалось, что соседний стул был занят Димой Велесом.

– Ой, – воскликнула она, приложив ладонь к груди. С нервами в последнее время была настоящая беда. – Ничего, что я здесь села? Ты же никого не ждешь?

Дима кивнул.

– Представляешь?! – Две Огненные, ступавшие прямо за Маргаритой, со смехом обратились не то к ней, не то ко внуку Велес. – Вася и нашего любимого наставника пригласил!

– Маливиничка? – тут же отозвалась Маргарита.

– Что?

– Ну, Маливиничок же любимый наставник всех Огненных!

Девушки покатались со смеху, Дима одобрительно хмыкнул в ответ на ее шутку.

Слова мельтешили, как картинки калейдоскопа, звуки переливались всеми цветами, тут и там вспыхивали вскрики и таяли перешептывания. Смех перепутался с тоской, страх исчезал в бесконечных объятиях и веселых песнях. Внук Велес молча разглядывал гостей и пальцами отбивал музыкальные такты, Маргарите ничего не оставалось, как присоединиться к нему, – щелчок ногтя по бокалу издавал приятный звон. Она все еще не понимала, зачем пришла сюда, на этот придуманный Василием праздник. «Дождусь наставника и уйду», – подумалось вдруг. Но и эту мысль она не

смогла себе разъяснить.

Зачем дожидаться Македонова? Для чего? Чтобы снова при встрече с ним вспомнить все промахи: и как подслушивала их разговор с Лисой, и как потом принесла кожаный мешочек к нему в избушку, говорила ерунду, сдала с потрохами Диму? И чтобы снова убедиться, что за все это наставник не злится на нее, просто внимательно смотрит синими глазами и отвечает что-нибудь мудрое, всегда попадающее точно в цель?

– Жуть какая! Вы слышали? – раздалось рядом. – Дир навещал родню, что живет в потустороннем городе, и едва не лишился своей силы!

– Что? Как? Ты серьезно? – обрушился ливень взволнованных голосов.

– Ввязался в драку, вступился за какую-то девушку. – В ответ колокольчиками разлилось хихиканье. – И чуть не применил магию!

– Ничего себе! О боги! Сварог! Не может быть! – закричал хор на все лады.

Маргарита тряхнула волосами и поморщилась, мысленно пытаясь восстановить логику рассказа. Во второй раз случайно столкнувшись взглядом с Димой, она от неловкости закусил губу.

– Ты в порядке? – вдруг спросил он, не на шутку удивив Маргариту.

– Да, – быстро ответила она. – Просто я мало что понимаю в ваших историях, так что не бери в голову.

Она встала поискать на ближайшем столе какой-нибудь безобидный напиток и, обнаружив нетронутый кувшин с лимонадом, вернулась на место.

– Что же ты не поняла? – Дима продолжил разговор, будто все это время ждал ее возвращения.

– Почему, ввязавшись в драку с потусторонними, Дир чуть не лишился силы?

– Если бы они оказались сильнее или их, например, было больше, он мог по привычке применить к ним магию. Какое-нибудь ослабляющее колдовство, например.

– Я слышала, что это нежелательно, но...

– Нежелательно? Из-за этого ты можешь навсегда лишиться своего дара! Мы владеем магией, но потусторонние защищены от нее и не подозревают об этом.

– Правда? Прямо так?

– Ну, – поправил себя Дима, – конечно, колдуны пытаются обойти эту защиту и наверняка немного продвинулись...

– Подожди, но как же Темные влияют на потусторонних? Используют их энергию? Кровь?

Дима несколько секунд молчал, пристально глядя на Маргариту.

– Я точно не знаю.

– О! Я не имела в виду...

– Но думаю, что способов очень много. Потусторонние не готовы защищаться. Они... они же...

– Говори как есть, – настойчиво произнесла Маргарита, понимая, что Диму останавливает знание о ее родственниках.

– Большую часть своей жизни они словно спят. Двигаются по инерции. И поэтому запросто попадают в ловушки, даже не осознавая этого. Не всем Старообрядцам приходится применять к ним магию. Достаточно лишь создать подходящие условия... и потусторонний сам заглянет в гости, да еще и оставит частичку себя, а может и энергией поделится. Управлять ими можно с помощью навязанных убеждений.

Маргарита поежилась, в душе и протестуя, и соглашаясь со всем, что сказал внук главной наставницы. Ей захотелось вернуться к вопросу о природной защите потусторонних и спросить, как тогда Сева умудряется заставить городских девчонок раздеваться и зайти в реку в Купальскую ночь. Но, заметив Димино выражение лица, она поняла, что сейчас он меньше всего мечтает болтать о Заиграй-Овражке.

Интересно, откуда между ними такая неприязнь? Уж не из-за Анисьи ли?

Внезапно что-то изменилось в интонациях голосов вокруг, Маргарита инстинктивно вытянулась в попытках разглядеть, что именно произвело такой эффект. Дима тоже заинтересовался и оторвал взгляд от пола.

– Добрый вечер! Здравствуйте! Очень приятно, что вы все-таки пришли.

– Македонов? – почти беззвучно произнесла Маргарита, переглянувшись с Димой. Тот явно не ожидал, что наставник и впрямь заглянет на «праздник любви».

Могучая фигура Александра Владимировича застыла у входа. Невозможно было понять, зашел ли он просто из вежливости и собирается уйти через несколько минут или планирует остаться и посмотреть, как веселятся его воспитанники. Кто-то сунул ему в руки полный стакан, Странник дружелюбно улыбнулся, но не заинтересовался напитком. Маргарита продолжала наблюдать из своего укрытия, чувствуя предательский жар, заливший лицо.

– Вы должны остаться! – Вася предложил наставнику пройти и протиснулся следом. – У нас важное объявление. Очень серьезный повод! За него необходимо выпить.

Наставник рассмеялся и потрепал Василия по плечу, что-то ему сказав. Кажется, Васю ответ удовлетворил, значит, подумала Маргарита, Александр Владимирович побудет здесь еще. Дима поднялся и пошел ему навстречу, чтобы поздороваться, Маргарите ничего не оставалось, как последовать его примеру. Несколько человек замолчали, украдкой поглядывая на двоих магов, которых новый наставник выделил среди остальных: одного взял в неофиты, а вторую назначил своей помощницей в сборе каких-то таинственных трав. Маргарита чувствовала, что они пытаются понять причину его выбора. Только она и сама ее не знала.

– Надо же, ты тоже здесь. – Странник пожал руку своему неофиту и даже одобрительно улыбнулся ему. – Хорошая традиция Огненных – собираться вместе, что бы ни случилось.

Взгляд его упал на темную макушку, маячившую за плечом внука Велес.

– Маргарита?

Маргарита высунулась и неловко помахала рукой в надежде тут же снова спрятаться за Диминой спиной, но Странник отодвинул стоявших рядом ребят и приблизился к ней.

– Здравствуйте, – проговорила она.

– Как себя чувствуешь? – Он вмиг стал серьезен. Голос его звучал тихо и спокойно, но ощущение складывалось такое, будто он знает что-то страшное.

– Хорошо...

– Еще не виделась с подругой? С Водяной? – Синие глаза буравили ее из-под нахмуренных бровей.

– Нет. Меня не пускали. Но Жаба разрешил завтра зайти. Надеюсь, не обманет.

Рука наставника осторожно дотронулась до ее плеча.

– Все будет нормально, – почему-то сказал он, заставив Маргариту занервничать.

– Да...

Но он уже отпустил ее и отвернулся, увлекаемый другими воспитанниками к столу с неказистой закуской.

– Друзья! – раздался громкий возглас Васи. Огненные начали рассаживаться кто куда и искать глазами говорившего. – Сварожичи, так сказать!

Толпа немного расступилась, и Маргарита увидела, как хозяин избушки притянул к себе смеющуюся Ульяну. На ней сегодня было очень красивое голубое платье, на манжетах вышитое мелкими звездочками.

– Мы собрали вас неспроста! И неспроста назвали этот вечер праздником любви!

В ответ раздались улюлюканье и смех.

– Мы с Улей хотим объявить вам, что решили пожениться!

Тут началось невообразимое! Маргарита еще даже не успела обдумать услышанную новость, а остальные маги уже повскакивали со своих мест и бросились обнимать Васю и Ульяну. Девчонки визжали, какая-то компания в углу от души хохотала. Над головами обнимающихся уже разливали настойки всех цветов и вкусов, то и дело расплескивая содержимое бутылок кому-нибудь на волосы и плечи.

– За это действительно стоит выпить, – согласился Странник, притянув свой стакан, который за минуту до этого незаметно поставил на стол. Дима в знак солидарности поднял бокал, наполненный точно таким же напитком и отсалютовал наставнику.

Маргарита налила себе лимонада, сделала глоток и закашлялась:

– Это вовсе не лимонад! – В голове мгновенно взорвались тысячи пузырьков, вызвав новую волну жара.

– Конечно нет, – едва слышно ответил ей Дима. – Но сегодня можно, есть повод.

* * *

Стемнело рано, и страшная буря накрыла деревню. Ветер свистел под крышами избышек, что жались друг к другу боками. Внутри было холодно, но еще холоднее было на широкой дороге, ведущей к лазарету. Маргарита расталкивала валенками снег, но каждый шаг давался с трудом. Она спокойно принимала морозные удары вьюги, чувствуя себя предательницей. Под пальто она прятала то, чего не должна была сюда нести. И как она вчера согласилась на эту затею? Можно было бы развернуться, добраться до Васиной избышки и вернуть ему эту несчастную бутылочку с красной жидкостью. Но что-то останавливало, что-то заставляло не сворачивать с пути.

Лазарет тонул в приятных травяных ароматах, освещенный десятком догорающих свечей и несколькими кристаллами-светильниками. Маргарита повесила на крючок верхнюю одежду и осмотрелась. Несколько кроватей еще были заняты больными Лисьей хворью, возле некоторых стояли ширмы, остальные же оставались открытыми. На одной из таких сидел Сева, веки его были плотно сомкнуты, а над головой парил световой

шар, то и дело менявший цвет. Девушка кивнула обитателям лазарета и остановилась возле Севиной кровати.

Колдун выглядел изможденным, несмотря на то, что лежал здесь уже много времени. Острые скулы, отросшие почти до плеч волосы, тонкая шея. Он и раньше не отличался крупным телосложением, но сейчас скорее походил на призрака, чем на живого человека. Ей почему-то стало его очень жаль. Она присела рядом, нарушив его погружение внутрь себя, и когда Сева открыл глаза, обняла его.

– Привет! – сказал он, уткнувшись ей в волосы и сомкнув руки вокруг ее плеч.

– Привет, Сева, – ответила она еле слышно. – Я так рада, что с тобой все хорошо... И я даже по тебе скучала. Немножко.

Девушка на соседней кровати многозначительно кашлянула, Маргарита тут же расплылась в язвительной улыбке и обняла Заиграй-Овражкина еще крепче.

– Немножко? Ну ты и ведьма! – Сева отстранился от нее, лицо его подобрело. – Да ты умирала со скуки.

– Может, и так, – Маргарита рассмеялась. – Ну ладно, кроме шуток. Я правда волновалась. – Она погладила его по плечу. – Вас всех тут заперли... я ожидала увидеть какое-нибудь чудовище вместо тебя. И даже представляла, что тебе поотрывало конечности, поэтому тебя не выпускают...

– Пф, – фыркнул Сева, впервые за долгие дни улыбаясь так широко. – И ты прибежала меня проводить, как только появилась возможность?

– Вообще-то, я не к тебе. Уж прости. – Она кокетливо дернула бровью, попав во власть таинственных чар Сирены, и не заметила, как изменилось выражение Севиного лица.

– Что? Тебе разрешили навестить Водяную?

– Да. Как она?

– Я... – Сева запнулся и на секунду отвел взгляд. – Я не знаю. Не видел.

– Ясно, – протянула Маргарита, начиная улавливать его изменившееся настроение. – Тогда я пойду.

– Тебе вон туда, в конец комнаты.

Часть лазарета была отделена тонкой стенкой, похожей на очень высокую и длинную ширму. Чувствовалось наложенное колдовство. Наверное, оно не позволяло проникать звукам и теням, потому что из отгороженной части помещения лился свет, но никакого движения заметно не было.

– Маргарита, – окликнул Сева. Он поманил ее рукой и еле слышно прошептал: – Если тебе покажется, что... что-то не так... Позови меня.

По спине пробежал легкий озноб. Колдунья поежилась и почему-то ощутила дрожь в пальцах. Она преодолела магический барьер, не позволявший нежданным гостям заглядывать за ширму, и увидела крохотную комнатку с кроватью, тумбочкой и парой стульев. На кровати сидела девушка в белой ночной сорочке. Она вытирала полотенцем влажные волосы и обернулась, когда Маргарита появилась на пороге. Их глаза встретились. Печальные серые, дождливые, туманные и лукавые карие, ловящие отблески свечей.

Обе колдуньи молча бросились навстречу друг другу и застыли в объятиях.

После нескольких минут они опустились на стулья, все еще не разжимая рук, пытаясь утереть слезы плечом или локтем, а через пару мгновений уже тихо посмеивались над собой и друг над другом.

– Они приказали мне ничего у тебя не спрашивать...

– Я знаю, Марго... Но я все тебе расскажу... Позже. Чтобы не портить настроение и нашу встречу.

– Не могу поверить, что ты вернулась! Неужели все встанет на свои места? И будет как раньше?

– Что здесь происходило, пока меня не было? Ко мне никого не пускают. Мне ничего не говорят... Неужели и ты будешь молчать?

– Еще чего! Давай, ложись в постель. А я поделюсь последними новостями. Без тебя все здесь пошло кувырком. Нас измучили непрерывные дожди, а потом растаяла древняя защита Заречья. Ее восстановили специальным обрядом – жуткое было зрелище. Двенадцать девиц голышом таскали за собой плуг вокруг деревни. И это в мороз. Анисья тоже участвовала, чуть не умерла от холода, бедняжка. Кстати. Про Анисью, – Маргарита ненадолго замолчала, подбирая слова. – Ты удивишься, но они с Василисой были в ссоре. Из-за Мити. Из-за того, что он влюбился в Василису и несколько раз провожал ее до дома.

– Что?! – Полина подскочила на кровати, прижав ладони ко рту.

– Теперь все наладилось. Василиса с Анисьей помирились, а у Мити с Марьяной состоялась официальная помолвка.

Полина в ответ расстроено покачала головой.

– Из хороших новостей: моя бабуля купила домик в Долине Гремящих Ветров, это недалеко от Зорника. Теперь мы можем навещать ее. Правда, застройка жилого района посеяла вражду в местном обществе. Строительство затеял Звездинка, его поддержало множество простых

магов. Говорят, он теперь влиятельнее Муромцев. И ходят слухи, в будущем он метит на место Ирвинга. Так что, как понимаешь, при Анисье лучше не упоминать о том, где теперь живет моя бабушка.

– О боги, Марго! Как же я по вам соскучилась! Я только сейчас это поняла. Но меня вряд ли скоро выпустят... – Водяная колдунья вмиг помрачнела, ее взгляд сделался беспокойным.

– Что-то не так? – участливо произнесла Маргарита.

– Послушай... Недавно случилось кое-что странное. Неприятное. Только... не пугайся, ладно? И прошу тебя, не уходи! В какой-то момент я... была не я...

Маргарита вздрогнула. Она не хотела верить в те слухи, которые, словно змеи, расползались по Заречью. В то, что болтали снежинки. В то, о чем шептались вчера на «празднике любви» в избушке Василия.

– Это как? – выдавила она.

– Сложно описать, Марго. Я видела все со стороны, была всем вокруг. Но не собой. А мое тело действовало как-то отдельно. Я бы и сама хотела знать, что это. Сбежались все лекари, и даже Велес была здесь. Но с той минуты больше никто не разговаривает со мной, хотя я – это снова я!

– Послушай, – сказала Маргарита, заливаясь стыдливой краской. Маленькая бутылочка в кармане словно жгла ее. – Ты правда хочешь знать, что это было?

– Конечно! Наверное, все ждут, что это повторится... я тоже жду! В этот раз я буду внимательна, попробую выяснить, что происходит.

– Кажется, я знаю, как это сделать... у меня тут есть... Вот, смотри. – Она вынула на свет бутылочку из толстого стекла, наполненную красной жидкостью. – Это одна из настоек Василия. Называется «Тайные фантазии». Он утверждает, что если выпьешь, то узнаешь свою суть. И все ее тоже увидят. Поймешь, кто ты на самом деле. Прости, мне очень стыдно, что я принесла это... Вчера эти сплетники напоили меня и уговорили передать тебе. Они что-то знают про твой случай. Но это ужасно подло – заставлять тебя пить эту дрянь. – Маргарита брезгливо сунула бутылочку в карман. – С этим должны разбираться целители, а не чокнутый Василий.

Но, к удивлению Маргариты, Полина вдруг требовательно протянула руку.

– Давай сюда.

– Что? Нет, Поль, лучше не надо. Я не знаю, как она действует. Ее никто не пробовал!

– Давай. Все будет хорошо! В конце концов, я в лазарете, тут полно целителей.

Полина схватила бутылочку с зельем, откупорила и сделала глоток. Зажмурившись и поморщившись, она повторила.

Прошло несколько долгих, томительных секунд, наполненных плохими предчувствиями, страхом и надеждами. Тень все так же ютилась по углам, подрагивая от пламени травяных свечей, за окном протяжно выла вьюга, но больше ничего не происходило.

– Немножко кружится голова, – пожаловалась Полина. – Интересно, это что-то алкогольное?

– Тьфу, ну и дурак Василий, – с облегчением выдохнула Маргарита. – Рассказывал так, будто от одной-единственной капли из тебя выйдут все демоны преисподней!

Для уверенности девушки еще несколько минут просидели в молчании, но, когда стало понятно, что на Водяную колдунью не действуют и Васины настойки, обе облегченно рассмеялись.

– У меня есть полчаса, – сказала Маргарита. – Жаба сказал, что, если я задержусь, он придет выгонять меня метлой.

– Его лучше не злить, – согласилась Полина, снова вставая с кровати и потирая виски. – Тогда пришла моя пора рассказывать истории.

И Полина пустилась в пересказ тех событий, что произошли с ней за последние несколько месяцев, стараясь говорить только о самом важном и волнующем и опуская упоминание взглядов Алексея, брошенных в ее сторону, его самодовольных, но добрых фразочек, адресованных ей, его желания помочь... Все это причиняло боль, которую не хотелось будить. И возбуждало страх, с которым не хотелось мириться. Теперь каждую ночь ей снился кошмар, как чья-то рука с размаху вонзает нож в его грудь, а Полина не в силах помешать... Она просыпалась от собственного крика, захлебываясь слезами. Леша лишь немного был ей симпатичен. Но он стал ей другом. Так за что? За что его так жестоко лишили жизни? Как они могли?

Маргарита несколько раз улавливала стеклянный, болезненный взгляд Полины, неожиданно прерывавшей рассказ и молчавшей несколько секунд, но ничего не спрашивала. Сегодня ей хватило и всего того, что подруга рассказала о Старообрядцах. И когда отведенные тридцать минут истекли, она нехотя поднялась со стула, нежно обняла хрупкую, бледную девушку и пообещала прийти завтра, даже если Жаба не разрешит. На пороге она обернулась еще раз помахать рукой на прощание, и в это мгновение что-то в комнате поменялось. Водяная колдунья замерла у стола, она все так же глядела на подругу, но Маргариту внезапно передернуло от странного, неприятного ощущения.

– Поль? – нерешительно произнесла она, чувствуя, как колени сводит омерзительной слабостью.

– Маргарита! – раздался громкий и вместе с тем неслышный для остальных крик. Голос принадлежал Полине, но губы той, что смотрела на нее из другого конца комнатки, не шевелились.

Огненная попятилась на ватных ногах, шестым чувством понимая, что нужно торопиться, и едва высунулась из-за ширмы, хрипло прошептала «Сева!». Не посмотрев на парня, не удостоверившись, услышал ли он, колдунья вернулась в Полинин закуток. Водяная колдунья с интересом разглядывала вновь появившуюся гостью, иногда переводя взгляд на обстановку комнаты. Она молчала и еле заметно улыбалась, будто думала о чем-то приятном.

– Полина! – снова позвала Маргарита, и на этот раз голова едва не взорвалась от боли. Все вокруг раздвоилось, и где-то сбоку мелькнул сгусток серебристо-голубых нитей, неистово вибрирующий и будто посылающий какие-то сигналы. Мгновение – и все исчезло. Комната приняла привычные очертания. Раздался звук шагов, вбежал Сева.

– Зови целителей, быстро! Стукни по хрустальному шару возле моей кровати и отправь информационный ком, если сумеешь. Я ее отвлеку.

«Как отвлечешь? – хотела спросить Маргарита. – Она же не реагирует на твою магию и вообще тебя не переваривает!» – Но осеклась, заметив, как Водяная колдунья перевела мутный, глуповатый взгляд на Заиграй-Овражкина.

– Пока будем ждать целителей, сиди вон там в углу, – бросил ей Сева, при этом не сводя ответного взгляда с девушки в белой ночнушке, – и не смотри на меня. Постарайся сохранить разум.

– Хорошо, – прошептала Огненная колдунья и бросилась к хрустальному шару.

Тело Водяной ринулось было за ней, но его успели схватить мужские руки:

– Подожди, не так быстро, – плеском волн разлился чуть слышный голос Сирены. – Мы же только начали.

Его взгляд наполнился сладким медом, движения стали плавными, руки туго обвилились вокруг девичьего тела.

«Вся магия Старообрядцев – ничто перед моими черными чарами», – подумал он и улыбнулся.

Он думал о том, что Полина, настоящая Полина все-таки видит его, чувствует. Едва он представлял ее возмущенное лицо, душа распалялась от ядовитого смеха. Ну же, посмотри, что я могу сделать с тобой, едва ты

ослабишь сопротивление.

Стали слышны голоса, приближались люди. Тело Водяной колдуньи отчаянно дернулось в последней попытке вырваться из лап нежити, но было поздно: фигуры наставников, готовых к обряду, выросли в углах и вдоль стен.

– Уберите Огненную, – послышался чей-то голос.

– Нет! Маргарита! – Маргарита снова услышала эхо Полининого крика где-то в своей груди.

– Полина! – в ответ крикнула она. – Я тебя слышу! Я чувствую, где ты!

Сева удивленно обернулся, передавая корчившееся тело Водяной в руки отца. Странник держал за плечо свою воспитанницу.

– Маргарита? – произнесла Велес.

– Руян видит духов, – как ни в чем не бывало заметила Фея, отодвигая стул и занимая свое место в кругу. – И, очевидно, души, изгнанные из тела. Не понимаю, как это до сих пор никто не заметил.

– Хорошо, оставайтесь. – Велес указала ей на самый темный угол. – Но не высовывайтесь. А лучше закройте глаза.

Маргарита забилась в щель между стеной и кроватью. Цвета померкли, звуки доносились будто из длинной трубы. Наставники – их было двенадцать – окружили извивающееся тело Полины, уложенное на пол двумя целителями. Кто-то зажег пучки полыни, горький дым окутал комнату. Стены, пол и потолок исчезли, Маргарите казалось, что она очутилась в каком-то неведомом пространстве. Круг темных фигур словно парил над облаками дыма, речитатив заклинания, становившийся все громче, дергал за внутренние струны, заставляя глаза слезиться. Она ловила взглядом отблески свечей и время от времени смутно различала переплетение серебристых нитей, метавшихся взад и вперед.

– Тебе нужно вернуться в свое тело, – шептала она этому светящемуся клубку. – Вспомни. Вспомни себя. Вернись в тело, иначе его займет кто-то другой...

Глава одиннадцатая

Перун

Прошло три дня. Солнце давно село, в комнате было темно, и только кристаллы-светильники над несколькими кроватями мерцали уютным желтым светом. Дерево стен и мебель словно отозвались на появление Земляного мага: Митя услышал протяжный скрип, приветственный вой половиц и почувствовал волну теплого запаха древесины. Лазарет был похож на живое существо, и это существо было спокойно, в отличие от всего того, что его окружало.

После таинственного обряда над Полиной Маргарита проспала двое суток – выдержать такое непосвященной оказалось не под силу. Но вчера ее отпустили домой, и она собрала у себя в избушке Митю, Василису, Анисью и Микоэля Феншо, чтобы в подробностях рассказать обо всем, что случилось. Все это время Муромца прошибал неприятный озноб. Мысли о том, что душу можно выгнать из тела, словно вырезать хрупкую сердцевину из плода, отзывались холодным эхо... Где-то он уже это слышал. Нет, не на встречах с Феей. Дальше, глубже, раньше... Но что именно откликалось в нем, он не мог ни понять, ни вспомнить.

Холодный воздух в избушке скрипел от напряжения. Митя с Василисой не смотрели друг на друга, хотя старательно изображали дружелюбие. Микоэль чувствовал себя неловко в чужой компании. Анисья же сначала с интересом разглядывала новое Василисино украшение – длинную цепочку и круглый кулон с зеленым камнем – но потом вдруг насторожилась и, недоверчиво поглядев на подругу, спросила: «Откуда у тебя кельтский бриллиант?» Василиса тут же отмахнулась, мол, никакой это не бриллиант, а просто очень хорошая подделка. Анисья продолжала насупленно смотреть на камень, замечая, как тот меняет цвет. Маргарита ничего не поняла, поэтому просто не обращала на девушек внимания. А вот Митя то и дело отводил взгляд от украшения и пытался угадать, что Василиса хочет сказать, надев кулон на встречу и заявив, что это подделка. Тем не менее он был благодарен, что она никому не призналась, откуда на самом деле у нее взялся камень.

Вспомнив все это, Муромец постарался отвлечься. Запахи лазарета чуть успокоили его колотящееся сердце. Он стянул с плеча холщовую сумку, набитую книгами, и подошел к кровати, на которой в кругу

колдовского света сидел Сева.

– Муромец! Тебя впустили? – На лице Воздушного мага промелькнула улыбка. – Наконец-то! Тебя слишком долго не было.

– Это тебя слишком долго не было! Ну, как дела? – Митя потрепал друга по плечу. – Выглядишь отвратительно.

– Все нормально. Даже спокойно, если не считать некоторых девиц. – Сева покосился на соседние кровати. – Мешают читать. Но вообще здесь не заскучаешь. – Его взгляд скользнул по ширме, скрывающей Водяную колдунью.

Заметивший это Митя тут же спросил:

– Она в порядке? Я знаю, что произошло, Маргарита нам все рассказала. И про заточение у Берендея тоже...

– Я не видел Водяную после обряда. Отец считает, что все прошло успешно, и ее душа больше не покинет тело. Но ее продержат тут еще долго, я уверен.

– Тогда расскажи, как вы спасли ее. Что там было? Как это произошло и где?

Сева оживленно приподнялся, поудобнее взбил подушки за спиной и принялся подробно пересказывать празднование Коляды в Уточкинском гнезде, зов, свой полет и все то, что он увидел в логове Темных.

Митя потянулся было к сумке, чтобы в ответ показать кое-что Заиграй-Овражкину и рассказать ему свою главную новость, но входная дверь внезапно скрипнула, и в темном дверном проеме медно полыхнуло пламя длинных волос.

Василиса приветливо улыбнулась, но тут же отвела глаза. Ступая совершенно бесшумно, она прошла мимо кроватей и задержалась только напротив Севы, который помахал ей рукой.

– Привет, Василиса.

– Привет, Сева. Как ты?

Подумав с секунду, он похлопал ладонью по краю кровати, предлагая ей подойти:

– Посидишь с нами?

За все это время Муромец не шелохнулся, он в упор смотрел на девушку, но не мог выговорить ни слова.

– Нет, я... туда... – Она неуверенно указала на ширму. – Мне разрешили провести ее после... ну... ты знаешь... – И, кивнув на прощание замершему Мите, она повернулась и все так же тихо направилась в другой конец комнаты.

После ее ухода время потекло иначе.

Мите потребовалась целая минута, чтобы прервать наступившее молчание и вспомнить, о чем он собирался поговорить. В груди оглушительно громко бухало сердце, уши горели огнем, хотелось закрыть руками лицо и застыть, превратиться в дерево, в камень, разучиться чувствовать...

– Ты что-то принес? – Вопрос Заиграй-Овражкина вернул его в лазарет.

– А, да. – Митя вынул из сумки карту подземелий, которую нарисовал вместе с сестрой. – Пока вы участвовали в заварушке с Темными, мы с Анисьей тоже не сидели без дела.

– Разгадали тайны тупиков? Чашу Дажьбога? – Сева изменился в лице. Казалось, силы начали возвращаться только от одного этого известия.

– Нет, с Дажьбогом не разобрались. Но Анисья нашла кое-что, что, как она считает, может подействовать на стену в другом тупике – отмеченную Чашей Перуна. Правда, туда мы сможем попасть только с тобой, потому что Финист, стерегущий вход, нас вряд ли пропустит.

– Отлично! Осталось дождаться, когда Жаба разрешит мне свалить отсюда.

– Только нам неизвестно, что там за стеной. Допустим, заклинание сотрет с нее защитные чары, но что дальше?

– Не знаю... Есть идеи?

– Вот что, пока ты валяешься тут и покрываешься пылью, почитай-ка эти книги. – Митя вывалил на кровать содержимое сумки. – Взял из домашней библиотеки. Старинные. Ни черта не разобрать. Я даже не понимаю, что за язык. Короче, литература в твоём духе.

– Спасибо, – усмехнулся Воздушный колдун.

– Анисья везде ищет сведения про Перуна: взяла несколько книг у Рублева и у Романовых. Я же посмотрю, что есть в городской библиотеке, поговорю с работниками. Уверен, разгадка, как всегда, под самым носом.

* * *

В темноте начали вырисовываться ее черты. Матрас примялся и скрипнул: колдунья медленно опустилась на край кровати. Он узнал бы ее и с закрытыми глазами. Волосы не темные и не светлые, взгляд не холодный и не теплый, слова то бегут быстрым ручейком – только успевай ловить, то звучат редко и скупно. Головоломка. Загадка, которой позавидовал бы любой сфинкс.

И сколько ни стремись к свету, к возвышенному, к божественному, один лишь взгляд на ее выступающие ключицы бросает обратно во тьму.

С ее плеча будто случайно сползла тонкая лямка ночной сорочки. К горлу подступил ком, сердце пропустило пару ударов. И когда ее рука требовательно сжала его ладонь, потянула и приложила к обнажившемуся бедру, сдерживаться больше не было сил. Его пальцы скользнули по прохладной коже, покрытой мурашками. Задыхаясь, он целовал девчонку, одной рукой пытаясь избавиться от одеяла, а другой крепко держа свою гостью за талию, – благо, во снах колдуньи ничего не надевали под ночные рубашки, да и вообще неожиданно оказывались безо всякой одежды.

В перерывах между поцелуями она тихонько и сладко вздыхала – это был до оцепенения приятный звук. Да, такой он и представлял ее: чуть испуганной и очень нежной...

Сон, повторявшийся почти каждую ночь вот уже почти две лунных четверти, оборвался на самом интересном: Севе вдруг показалось, что кто-то треплет его за плечо. Он открыл глаза, обнаружил, что лежит, свернувшись калачиком и крепко обхватив руками колени. Под одеялом было душно и темно, и кто-то действительно пытался его разбудить. Сева выбрался на свет, зажмурившись, а когда смог наконец различить перед собой человека, едва не выругался – на него смотрели Полинины глаза, но не с ее лица.

– Доброе утро, – с заметным акцентом произнес Микоэль Феншо. Все эти дни Сева видел его лишь мельком, тот по утрам навещал сестру: бесшумно проскальзывал вдоль прохода и скрывался в другом конце лазарета. – Тебе плохо?

– Что? – удивленно спросил Сева, нахмурившись.

– Я шел к По... и услышал... – Он замялся и помахал рукой, будто подбирая слова, – странные звуки. У тебя что-то болит? Позвать целителя?

– А, нет, – быстро затряс головой Воздушный колдун. – Просто сон приснился. Кошмар.

– Кошмар? Да, бывает, – пожал плечами француз. – Мне тоже снится не пойми что.

«К По. Шел к По», – повторил про себя Сева, когда Микоэль отвернулся и направился к ширме, за которой лежала его двоюродная сестра. Внезапно французский маг остановился и снова обратился к нему:

– Тебе тут еще долго быть?

– Вообще-то сегодня хотел сбежать, – признался Сева, натягивая одеяло до самого носа и бросая взгляд на стопку старинных книг, которые притащил Муромец. Осилена была только одна. – А что?

– Здесь тоскливо. Можно пойти в город и чего-нибудь выпить, если хочешь.

– Ну-у, да, можно, – кивнул он, не успев даже подумать. Соглашаться на прогулки с малознакомыми людьми было совсем не в его духе. А особенно пить с ними в барах и тем более – вести разговоры с глазу на глаз. Но в этот раз что-то подталкивало. Наверное, чувство вины из-за сна о Водяной колдунье. – Ближе к восьми, наверное... Устроит?

– Да, – ответил Мик и скрылся за ширмой.

В половине девятого двое молодых людей, спасаясь от вьюги заколдованными плащами, уже подходили к Медвежьему углу. Велес без вопросов выпустила их из Заречья и, казалось, даже обрадовалась Севиному вызволению.

– Я почти не знаю хороших мест в городе, – признался Сева. – Только этот бар и пару кофеен. Надеюсь, Угол тебя не напугает.

– Целители – редкие посетители таких заведений, – понимающе усмехнулся Микоэль Феншо.

Всю дорогу они молчали, пряча носы в теплые шарфы. Сева чувствовал слабость, но стены лазарета опротивели, а близость и одновременная недоступность Водяной колдуньи так опустошили, что возвращаться в Заречье совершенно не хотелось. Тем не менее очень странно было идти рядом с Полининым кузеном: непонятно, ждать ли какого-то разговора, или же и в баре можно будет продолжать молчать.

При приближении гостей включился старый фонарь, лестница побежала круто вниз, Микоэль остановился у вывески, попытавшись прочесть вязь, но тут же понял, что с этим ему не справиться.

За тяжелой дверью царил духота и, к удивлению Севы, стоял приятный запах готовящейся еды. Среди посетителей попала пара знакомых лиц: не то пациенты отца, не то кто-то из городской здравницы. Привычный гул голосов убаюкивал.

Бармен кивнул вошедшим и указал на свободный стол у стены. Мягкий рыжеватый полумрак скрывал половину букв потрепанного меню, Микоэль задумчиво полистал страницы и внезапно обратился к Севе:

– Я плохо читаю по-русски.

– Зато хорошо говоришь.

– Моя мама – русская. Но ей не удалось научить меня нормально читать. Что здесь обычно пьют?

– Э-э, – Сева почесал затылок, чувствуя неловкость, – а что ты предпочитаешь? Французское вино?

– Местное. Надо что-нибудь местное. Французское вино я достану во

Франции.

– Ладно, есть медовуха, разные настойки... Бармен – отец нашего друга. Оба они славятся своими странными напитками... Если честно, я даже не знаю, как их назвать.

– Нужно, чтобы ушло напряжение. – Микоэль устало потер виски. – И страх. Все закончилось. Ничто не грозит ни моей сестре, ни всем остальным магам... Так ведь?

– Я понял, – кивнул Сева и подал знак бармену. – Выбирай из этого списка. Не читай, просто ткни пальцем. Названия все равно ни о чем не скажут.

Через несколько минут на столе появились два вытянутых стакана: в одном, судя по цвету, можно было угадать хмельной напиток, другой же искрился ярко-красными пузырьками, похожими на рыбью икру.

Микоэль с интересом взял свой стакан и сделал глоток. Сева внимательно следил за ним. Кровное родство, которое связывало французского мага с Водяной колдуньей, не давало собраться с мыслями. Бледный, весьма худощавый и высокий Микоэль Феншо обладал редкой в здешних краях Каменной магией и если по силе явно не дотягивал до Муромцев, то по количеству необычных техник и знаний, возможно, превосходил. Немногим магам удастся колдовать вдалеке от родины. Большие серые глаза, напоминавшие озера в ноябре, глядели дружелюбно и вместе с тем абсолютно бесстрастно; огромный сизый шарф, который он почти не снимал, придавал облику что-то поэтическое.

– Не знаю, почему они тут не носят тебя на руках и не обращаются как с героем, – внезапно сказал Мик, тряхнув пепельной шевелюрой. – Ведь ты побывал у Старообрядцев и спас мою сестру. Наверное, у вас так принято... Но я все равно хочу сказать спасибо. Малютка так несчастна, хорошо, что у нее есть ты!

«У нее нет меня. А у меня нет ее», – мысленно проговорил Сева, но вслух только пробубнил что-то нечленораздельное и отхлебнул обжигающий горло напиток.

– Я думаю, нам надо забрать ее во Францию, – продолжил Микоэль, не обращая внимания на Севино изменившееся выражение лица.

– Что? Но... у нее же Посвящение...

– Она тут совершенно одна. Я знаю, ее сила уменьшится во Франции... Но если углубиться в руническое колдовство... Она справится. Пошлем ее к какому-нибудь хорошему Севернику. То есть... к Водяному магу. Так же тут это называется?

– Э-э, хм, – снова протянул Сева и во второй раз ушел от разговора,

сделав глоток «Полынного утра».

– Понимаешь, она выглядит несчастной. Когда она приезжает к нам на Йоль, она всегда кажется какой-то потерянной. Я думал, это из-за того, что она скучает по друзьям... но, может, ей здесь не так уж хорошо? Да и в личной жизни не везет. Ей нравится какой-то парень... она рассказывала. Но что-то у них не ладится.

– Да, – Сева вспомнил ухажера Водяной колдуньи, – Светослав, кажется. Не слишком приятный тип.

– Точно. Имя начиналось на «С»... Такое длинное.

– Они расстались. Она быстро его забудет. – Воздушный маг нерешительно пожал плечами.

– Бедная маленькая По, – вздохнул Мик и попросил повторить напиток, по-отечески вздохнув. – Я знаю, каково это – терять близких. Особенно в таком сложном возрасте. Проклятие и потери... Все помнится, как вчера.

– Да, кстати, – вдруг оживился Сева. – Как ты избавился от проклятия? Все-таки Монье тебе помог?

– Нет-нет. – Микоэль решительно покачал головой и грустно усмехнулся. – Моя девушка. Я рассказывал По. Клоэ забрала проклятие. И оно убило ее.

Сева в упор посмотрел на Микоэля Феншо. Было ясно, что тот не врет. Он был уверен в своих словах, несмотря на то, что все считали именно месье Монье его спасителем.

– Но как она забрала проклятие? – наконец выдавил он. – Я целитель. Мне важно знать такие вещи. Нам доступно слишком мало информации о древних Темных проклятиях.

– Нам тоже. Но... Клоэ увлекалась Темной магией. Меня это не сильно пугало. Она была безумная, совершенно чудная, так что мне это даже нравилось.

– И ты позволил ей взять на себя проклятие?

– Позволил? Она меня раздела и уложила на пол, пообещав, что сейчас мы отлично повеселимся, – усмехнулся Микоэль. – Я принимал ее темные ритуалы за игру взбунтовавшейся непосвященной. Поэтому когда она попросила немного моей крови, я без вопросов протянул ей руку. Заклинание, которое она бормотала, имело явный любовный подтекст. Мне было всего семнадцать, и я не услышал в нем ничего зловещего – только что-то про единение тел и душ. Я смиренно ждал, когда она наиграется и приступит к главному. Но... все оборвалось.

– В смысле? – спросил Сева, нахмурившись.

– Со мной вдруг сделался приступ. Самый сильный из всех, что когда-либо случались. Клоэ позвала на помощь, и пока целители бились надо мной, подчищала следы своих темных увлечений. Никто не заметил, что смерть уже раскрыла крылья и приготовила свой серп. И что стоит она вовсе не за моей спиной. Я очнулся на следующий день... Под вечер. В этот же час Клоэ на другом конце города умерла.

– О, Перун, – пробормотал Сева, залпом выпив оставшуюся половину «Полынного утра».

– Все решили, что это мощный обряд Монье спас меня. На Клоэ не было следов проклятия – только разодранная в кровь грудная клетка, будто ее царапали огромные длинные когти.

– Значит, ты думаешь, все-таки можно избавиться от проклятия таким способом?

– Это непросто. Во-первых, проклятый не должен сопротивляться. Клоэ откуда-то об этом знала. Иначе зачем бы она так тщательно изображала любовную игру? Во-вторых, никто не сможет взять на себя проклятие по принуждению. Какое чувство может заставить человека сделать это? Ответ очевиден. Отдать жизнь взамен жизни любимого человека... Нарочно прервать свой путь и скатиться на сотню ступеней назад, перевоплотившись в камень... цветке? О чем думала эта девчонка? Я точно этого не стоил, вот что самое обидное! – Микоэль поднял глаза на хмурого Севу и снова совершенно неожиданно улыбнулся, будто желая поскорее закрыть печальную тему: – Но знаешь что? Если в По кто-нибудь влюбится, ты подкинь парню эту идею, ладно? Вдруг ради спасения моей сестры он не пожалеет жизни?

– Да, подкину.

* * *

– Нет, ну как так можно! Ходил в Медвежий угол и без меня! – воскликнул Митя, спрыгивая с крыльца.

Прошел день, и Сева решил отправиться на Боевую магию. Сидеть дома было невозможно. В избежке стоял почти такой же холод, как и на улице.

– Меня позвал Микоэль Феншо, я не успел отвертеться. Мы пошли, едва я переступил порог лазарета.

– И о чем вы говорили?

– О проклятии Водяной колдуньи, – уклончиво буркнул Сева, не желая

признавать, что эта тема с некоторых пор вселяла ему неприязнь. Теперь он понимал, почему отец всегда старался избегать работы с проклятиями и порчами. Было во всем этом что-то противоестественное ходу жизни. Что-то, что не должно случаться с человеком. От самих разговоров о настоящем проклятии хотелось отмыться. – И еще Микоэль сказал, что семья подумывает забрать отсюда Водяную колдунью и увезти ее во Францию.

– О, да кто же им даст, – отозвался Митя. – Наша единственная Водяная! Она слишком ценна для Тридевятого государства.

– Наверное, ты прав. – Сева пожал плечами.

На полянке, расчищенной от сугробов, уже ждали наставник, его неофит, несколько воспитанников и Полинин кузен. Мик тут же подошел поздороваться и с интересом принялся рассматривать длинную белую палку, которую Сева носил с собой на Боевую магию. С тех пор как Мик впервые пришел на тренировку, в Заречье увлеклись руническим колдовством. Митя прочитал об этом все, что только можно было найти, но не обмолвился с французом ни словом. Если сестре он с легкостью простил Каменный дар, то этому молодому магу почему-то не мог. Ему казалось, что в присутствии Микоэля Феншо слишком бросается в глаза, что наследник семейства Муромцев не получил по рождению знаменитого умения. Птицы, что садились ему на шляпу, черные коты Снежок и Рыжик, что ходили за ним по пятам и преданно ждали в кустах во время Боевой магии, утки, что плыли к берегу, едва он оказывался у реки, – все это вдруг стало чересчур заметным. И сейчас, выполняя задания Македонова, взмахивая самодельным посохом, заставляя птиц пикировать на голову противника, а ветви деревьев хлестать зазевавшихся друзей, он мысленно возвращался к этой несправедливости. Каменная магия не была ему подвластна ни в какой форме. Даже руническое колдовство, которое могли усвоить и маги других стихий, пока ему не давалось. В голове то и дело всплывала история про Вещейку, которую он рассказал Севе перед праздником Покрова. Он слышал, что Полина видела Вещейку, когда жила в доме Берендея. С тех пор он не мог забыть про это существо. Могла ли она как-то повлиять на его магию и его способности?

Микоэль вовремя отразил атаку Муромца, сотворив щит, но на этот раз рука его не выдержала напряжения – на месте нарисованного на ладони знака кожа лопнула, тонкой струйкой побежала кровь. Француз быстро закатал рукав и зашагал к Заиграй-Овражкину.

– Можешь заговорить, чтобы остановилась? Или мне идти к месье Ква?

Сева тут же отвлекся от тренировки, бросил посох и принялся шептать

наговор над ладонью колдуна. Кожа на руке Микоэля затянулась тонкой розовой пленочкой. Тот отер платком остатки крови и благодарно похлопал целителя по плечу.

– Ты теперь дружишь с Феншо? – хмуро бросил Митя. – Он тебя тоже зовет месье? Месье Заиграй-Овражкин?

Сева неожиданно расхохотался. Он поднял свой посох и треснул друга по спине.

– Защищайтесь, месье Муромец.

Сноп посыпавшихся белых искр заставил Муромца согнуться пополам и закрыть рукой глаза. Когда он распрямился, Сева был уже на другом конце поляны. Странник тщетно пытался сказать им – сначала просто серьезно, а затем гораздо громче и строже – чтобы они оба вернулись на свои места, но никто не послушался.

– А что, Лиса вас не предупредила, что с нами нет сладу? – как бы между делом спросил Митя, пробегая мимо.

Дни потекли своим чередом. Никто из воспитанников еще ни разу не видел Заречье зимой и никто до сих пор не привык к заснеженным избушкам, оттого каждое утро преподносило сюрпризы и казалось удивительным. В деревню залетали огромные стаи снегирей. Они долго кружили, пытаясь выбраться, но чары Заречья вынуждали их обосноваться здесь. Митя носил на своей шляпе иногда по три-четыре красногрудых пушистых птички, в столовой к нему то и дело подбегала умиляющаяся Марьяна в сопровождении хихикающих подружек.

В избушках стало лишь немногим теплее: Огненных обязали по вечерам проходить по всем домам и с помощью магии нагревать воздух, поэтому засыпали воспитанники в совершенном уюте, но вот по утрам еле выползали из-под одеял. Горячий чай уже ждал их на столе, а в особо холодные дни завтрак, обед и ужин подавались прямо на кухне Розалии Павловны или в гостиной Нестора Ивановича. Шерстяные носки стали самым популярным подарком среди жителей Заречья. По пятницам Параскева – колдунья, приглашенная из Росеника, – учила всех желающих шить и вязать.

Несколько раз навестить Водяную колдунью пускали подруг. Маргарита приходила к ней после шаманских практик с бубном, которые проводил безымянный якутский кам. Поначалу она совершенно не знала, что делать со странным подарком Странника, но потом все же решила обратиться к шаману, который появлялся раз в две лунные четверти и к которому сбегалась чуть ли не треть Заречья. Бубен был очень красивым, с ручкой, выполненной в форме вытянувшего руки человека. Стоило

Маргарите хлопнуть по натянутой коже ладонью, как гулкий гортанный звук – одновременно и мертвый, и очень живой – тут же стирал все ее мысли, оставляя внутри лишь приятную пустоту.

Анисья два раза забежала к Полине перед самым закрытием лазарета, едва успев после кружка по каталанскому. Она делилась историями из жизни общества и то и дело шокировала бедную Полину – рассказывая, к примеру, о готовящейся свадьбе Вещего Олега и Аси Звездинки.

– Что? – изумленно воскликнула Водяная колдунья, не сразу поверив в то, что это не было шуткой. – Ты серьезно? Ася Звездинка выходит замуж за наставника? О боже, какая гадость!

– Не за наставника, а за наследника древнего рода.

– Анисья, да ему же сорок! Ну или сколько там? У них огромная разница в возрасте!

– Да ладно, скажи спасибо, что не старик! – пожала плечами Анисья. – Мне наоборот жалко Олега. Женится на такой девице, как Звездинка! Вот это я понимаю, гадость. Хотя он сам и виноват. Знаешь, ведь он говорил, что хочет попросить руки одной моей знакомой – Стаси Романовой. Она и по возрасту ему больше подходит. А потом вдруг передумал.

– Ты считаешь, это как-то связано с Асиным отцом? – насторожилась Полина.

– Наверняка. Но как это доказать? Вот если бы ты видела Анатолия Звездинку с Берендеем...

– К сожалению, не видела. Если они и общаются, то держат это в секрете ото всех.

На другой день заглянула Василиса, на ее груди висело красивое тяжелое украшение с большим переливающимся камнем. Полине показалось, что от подруги осталась ровно половина: так она похудела и осунулась. На лице читалась усталость от постоянных переживаний, но Водяная колдунья не решалась спросить, был ли этому причиной Митя или же недавний разлад с Анисьей.

Сменился лунный цикл, и Заречье покинул Микоэль Феншо. Кто-то говорил, что Полину теперь выпустят из лазарета, но неприятный слухок о том, что ей уже ничем нельзя помочь, выползал из щелей между старыми досками, даже несмотря на уверения Полининых подруг в том, что с ней все в порядке. Пару раз Василиса слышала слово «проклятие», оброненное шепчущимися воспитанниками. Про ее связь с Милонегой говорили меньше. Зато целительский обряд, который потребовал присутствия большей части наставников, вызывал много вопросов.

«Лучше бы наставники рассказали все без увиливаний», – подумала

Василиса, но тут же представила собрание в Малахитовом зале, где перед огромной толпой Велес держит за плечо Полину и с бесстрастным видом сообщает обо всем, что случилось с ней за последние несколько месяцев. Василиса тут же отогнала этот образ, поняв его нелепость. Нет, Полина должна всем поделиться сама, если пожелает. Никто не имеет права выдавать ее тайны.

Сева же, прощаясь с Микоэлем Феншо, который собирал вещи, молча слушал взволнованный монолог французского колдуна:

– Я настаивал, чтобы По забрали домой, во Францию. Я связался с нашими, они сказали, что есть подходящий Северник, который может обучить ее рунической магии. Но мадам Велес и слушать не хочет! А папá? Говорит, нам придется ее тут оставить! Конечно, главы вашего сообщества не хотят ее отпускать, она же единственная Северная!

– Водяная, – поправил Сева.

– Да, Водяная. Я хочу тебя попросить об одолжении. Напиши мне, если ей будет здесь плохо. Напишешь? Вместе мы что-нибудь придумаем. Уговорим ее вернуться во Францию, там ей будет лучше.

Сева молча кивал, старясь выглядеть уверенно. И Микоэль, охваченный эмоциями, не заметил, что разговаривает с человеком, больше других желавшим, чтобы невыносимая Полина Феншо осталась в Заречье.

О Темных магах, казалось, все позабыли. «Тридесятый Вестник» давно не пестрел новостями о Берендее и его последователях. Митя отказался присутствовать на очередном Вече Старейшин, наставники ничем не выдавали тревог, все были увлечены восстановлением древних защитных чар Заречья, разрушение которых остановил Обряд Опахивания. Инженеры под шумок подсовывали наставникам чертежи с отопительными системами для избышек, Воздушные пытались снять заглушки, не позволявшие использовать ковры-самолеты и ступы, а Мастер и Елисей Вилкин упорно разрабатывали новый канал связи для зеркальников, которыми раньше здесь пользоваться не удавалось. Ничего не предвещало плохих новостей, пока в один прекрасный день Маргарита – пребывавшая в приподнятом настроении – не пришла на поляну, где встречались Огненные, и не увидела на месте наставника низкорослого и улыбчивого Эдуарда Звягинова. Сюда же забрела одна из куриц Пророка: она важно вышагивала по небольшой проталине и что-то выковыривала из-под снега, хотя ей было положено сидеть в курятнике и кудахтать с остальными птицами. Удивленная Маргарита тихо подошла к своим, столпившимся вокруг Звягинова, и опустилась за их спинами на бревно.

– Сегодня у нас встреча с профессором, – заметив ее, тут же зашептал

присевший рядом Емеля. – Македонова не будет.

– А где он? – спросила Маргарита, хотя понимала, что Емеля вряд ли это знает.

– Говорят, Ирвинг отправил его к Старообрядцам, чтобы он втерся в доверие. Вроде как у Македонова там связи...

«Говорят», – пронеслось в голове у Маргариты. Вряд ли Велес объявляла это на общем собрании. И как это устроено Заречье, что все самые тайные тайны становятся первым делом известны воспитанникам?

– Но... как же так? Как можно взять и послать к Темным зареченского наставника? Для этого же есть бессловники!

– Наверное, это была необходимость. Ну... или просто никто другой не согласился.

Но Маргарита уже не слушала Емелю. В ее голове роились вопросы. Зачем Странника отправили к Старообрядцам? Конечно, первым на ум приходил его брат-близнец. Наверняка Македонов сможет что-то разнюхать, прикинувшись своим братом, в этом ему поможет зелье-блокатор. Но что именно Ирвинг и Старейшины хотят узнать? Почему Темные затаились и никак себя не проявляют? Почему не пытаются опять похитить Полину? Или Светлые должны быть уверены, что на Темной стороне не прознали о каких-нибудь тайнах: местоположении Заречья или Ярилиной рукописи, бессловниках, планах влиятельных семей?

Македонов не появлялся в Заречье неделю, но затем как ни в чем не бывало встретил своих воспитанников на поляне возле большого костра, согревающего холодный вечер. О своем путешествии он не обмолвился ни словом, и никто не решился его расспрашивать. Маргарита пыталась поймать его взгляд, но и сама не могла понять, для чего это делает. Не станет же наставник делиться с ней тем, что Ирвинг поручил ему найти по ту сторону реки!

* * *

Наконец ветер сменил свое направление, тяжелое небо начало светлеть, синие пятнышки рассыпались между сизыми облаками. Колесо года покатилося к равноденствию. Встречать весну в Заречье было всем непривычно. Раньше деревня в это время пустовала, поэтому погода могла меняться по сто раз на дню – на нее влияли всевозможные чары, наложенные не только магами древности, но и наставниками, живущими в наши дни.

За одно лишь это утро успел посыпать град, затем пролился веселый дождик, расцвеченный ярким солнцем, на небе появилась радуга, а через несколько минут все исчезло в снежной буре. Ближе к полудню, когда большинство колдунов выбрались на улицу, уже вовсю припекало солнце, на Дороге Желаний растаяли сугробы и кое-где вылезли первые травинки. В этот раз закликали весну всей деревней. Сева, словно верхом на пегасе, сидел на крыше избушки и играл на дудочке. На крыше соседнего дома три девушки пели веснянки. Избушки на улице Шаровых молний не могли удержаться от танцев, поэтому едва там кто-то затягивал песню, сопровождавшуюся игрой на гуслях или флейте, они принимались приседать или переваливаться с ноги на ногу. Тут же раздавались веселые крики и хохот, кажется, несколько певцов, не удержавшись, поскаtywались с крыш. Заречье ходило ходуном. Ветер трепал бумажные флажки и ленты, развешанные по деревьям. Повсюду бегали сбежавшие из курятника куры и петухи. С Севиного места хорошо была видна огромная соломенная кукла, вокруг которой уже водили хоровод. На одной из избушек начала выступление группа музыкантов, и Сева засунул в карман дудочку, понимая, что стоит поторопиться и занять удобное место внизу: туда уже хлынул целый поток колдунов и колдуний. Он натянул на лицо рогатую маску и соскользнул на землю. С десятков таких же рогатых лохматых чудищ как раз гнались мимо него за визжащими девчонками, он присоединился к их стае и бегом добрался до улицы Огненных, где уже был выставлен бесконечно длинный стол. На нем дымились самовары, высились горы блинов. Розалия Павловна, приплясывая, выставяляла вазочки с вареньем и медом, ее помощники тащили через всю улицу тарелки и чашки, девушки с розовыми лентами в волосах ставили огромный поднос с жаворонками, которых напекли из теста сегодня утром, а крепыш Ярослав в одиночку нес высоченную гору масленичных печений.

– Коза-предсказательница! – послышался знакомый голос. Сева обернулся, пытаясь разглядеть в толпе Муромца. Тот подталкивал вперед Анисью: к ее изящной шейке была привязана грубая веревка, другой конец которой был намотан на Митину руку. На груди висел большой колокольчик, и каждый раз, когда Анисья делала шаг, он гулко звякал. Полумаска с рогами козы закрывала верхнюю часть ее лица, щеки покраснелись от ветра. – Коза-предсказательница!

Анисья со смехом вытаскивала из мешочка бумажки с предсказаниями и совала в руки проходивших мимо колдунов. Севе показалось, что некоторые парни останавливались, чтобы освободить красавицу, но так и не решались признаться в этом ее брату.

– Эй, клоуны! – Сева помахал рукой, подзывая друзей к столу, где так кстати нашлось три свободных места.

– О, гляди-ка, сейчас у меня появится еще и козел-предсказатель! – Митя поспешил к другу, больно дернув за шею сестру. Анисья тут же отвесила ему затрещину.

– А, Сева! – Она выдернула веревку из рук Мити и подбежала к Воздушному магу. – С Новолетием! Держи, это тебе! – И протянула ему бумажку из мешочка.

Сева уставился на сложенный вчетверо квадратик и вдруг ощутил неприятный озноб. Помедлив, он засунул предсказание в карман.

– Что? Даже не посмотришь? – удивленно воскликнула Анисья.

– Потом, – уклончиво ответил он и спрятал свои страхи за улыбкой. – А то вдруг там что-то неприличное.

– Я такого не писала! – звонко рассмеялась Анисья, шлепнув его по руке.

– Ага, знаю я тебя.

Он подвинулся, чтобы она смогла сесть рядом, а сам поглядывал через стол на Арсения с Аленкой. Кажется, те ссорились.

– О, посмотри, там Марго! – Анисья снова подскочила и принялась махать рукой. – Точно, Марго и... и Полина!

Сева с удивлением поднял голову, но только через несколько минут разглядел тех, о ком говорила Анисья, обладающая зрением Земляной. Водяная колдунья была все так же привычно бледна. Из-под темно-синего платка с цветами, наброшенного ей на плечи, виднелся кончик русой косы. Девчонка улыбалась, но как-то рассеянно, смущаясь внимания, которое было обращено на нее со всех сторон. Сева сразу заметил, как косятся, перешептываются и расступаются проходящие мимо ребята. Но были и те, кто кидался к ней чуть ли не бегом. С некоторыми она приветливо целовалась в щеку, от кого-то сама отходила. Откуда ни возьмись появился Попов: он прыгнул к ней будто к старой подруге и принялся обнимать, а потом еще и втиснулся вместе с ней за стол прямо напротив Севы. Попов... странно это все. Разве они общались до того, как Феншо исчезла? Пару раз он заходил в лазарет навестить ее. В первый раз пришел в разгар обеда. Девицы, уже почти вылечившиеся от Лисьей хвори, составили посреди лазарета два стола, а домовой принес плошки с супом и разложил в корзинках хлеб и масло. Сева остался лежать, его воротило от еды, а вот Водяная колдунья, не найдя себе стула, села прямо на его кровать, в ногах, и уперлась локтями в стол. Он буравил взглядом ее спину, но она спокойно помешивала ложкой суп и не поворачивалась, слушая щебет старших

колдуний, шедших на поправку. Ее равнодушие болезненно обжигало. Он привык видеть неуверенную в себе, пугливую девчонку, чуть ли не роняющую из рук стопку книг, стоило только задать ей вопрос. Но теперь перед ним сидела вовсе не она.

Сева тут же попытался придумать иные обстоятельства, при которых она могла бы так запросто усесться на его кровать, даже не спросив разрешения. Наверное, так поступают люди, которые давно встречаются друг с другом. Он представил, как она все с тем же равнодушным видом заходит в его комнату, бросает на кресло кофту, берет со стола кружку остывшего чая, поворачивается к нему и говорит... Хм, а что в таких случаях говорят девушки? Он задумался, пытаясь припомнить хоть какой-то пример. Но в голову лез только образ Юли и ее отношения с его отцом. Единственная счастливая семейная жизнь, которой он был свидетелем.

– Ты поел? – спросила Полина голосом Юли. И Севе тут же пришлось признать, что это выглядело ужасно нелепо. Нет, Водяная вряд ли относится к тому типу колдуний, которые хотят всех накормить, приласкать и утешить. Да и ведение хозяйства ее, наверное, не интересует. Тогда что?

В эту минуту в лазарет и заглянул Леша Попов. Все тут же принялись обмениваться с ним новостями, расспрашивать, рассказывать. А он поглядывал на Водяную колдунью – ясно, пришел только для того, чтобы поглазеть.

– Ну, а ты как себя чувствуешь? – спросил он, улыбаясь. Ему не было дела до ее равнодушного вида. Он этого даже и не заметил, наверное.

Полина пожала плечами, но робко улыбнулась в ответ: Сева видел ее белый, словно выточенный из мрамора профиль.

– Как лошадки? – вдруг подала она голос.

– О, да как обычно.

– А Видга?

Все притихли. Попов выглядел сконфуженным.

– Видга? А ты не знаешь?

– Не знаю что? – тихо спросила Полина, откладывая ложку.

– Видга... умер, – проговорил Попов.

– Умер? Мой Видга?

Сева замер от ее шепота. Такого печального... недоверчивого... Внутренне он весь сжался от жалости к ней – не к коню, которого поразила неизвестная болезнь, а именно к ней.

Полина посмотрела на смутившегося парня, виновато прикусившего губу, и вновь повернулась к тарелке.

– Да, это очень грустно... – пролепетала Оксана, глубоко вздыхая.

– Мы тоже были ужасно расстроены. Умер не только Видга... – добавила Пелагея, протягивая Полине руку. – Это все из-за расстроившихся защитных чар. Здесь творилось бог знает что.

– Эй, ну ладно тебе... – Попов вдруг встал и обнял Водяную колдунью за плечи. Еще и уселся на Севину кровать. Но Полина лишь несколько раз всхлипнула, вытерла ладонью глаза и отстранилась от парня.

Сева видел, что тот приходил еще раз, через несколько дней. Он пробыл за ширмой у Водяной минут пятнадцать и вышел все такой же жизнерадостный, каким был, когда заходил в лазарет. И теперь, вот, наверное, решил, что они уже могут считаться лучшими друзьями? С какой-то стати вдруг начал отгонять от нее любопытных, хотя сам еще недавно был таким же навязчивым...

И действительно, вокруг Полины вдруг образовалась целая толпа, так что Маргарите пришлось обойти стол и сесть между Митей и Севой.

– Куда запропастилась Василиса? – протянула Анисья, передавая мешочек с предсказаниями Маргарите и нескольким зевакам, склонившимся над столом. Хотя Полина молчала, заворачивая в трубочку блин, и только кивала в ответ Алеше Попову, все продолжали от нее чего-то ждать.

– Да где-то застряла, – отмахнулась Марго, хитро взглянув на Муромца. Тот быстро отвел глаза и ничего не сказал. – Ну? Как продвигаются поиски в подземельях? Нашли что-то про Чашу Перуна?

– Я думаю, завтра мы с Муромцем еще раз попробуем дойти до этого тупика и поищем еще какие-нибудь знаки. Вдруг эта стена чем-то отличается от Врат Велеса? Может, мы что-то упустили, – чуть бодрее сказал Сева, переставая следить за Поповым.

– Эх, ну почему нам нельзя с вами, какая несправедливость! – капризно воскликнула Анисья. – Велес точно нас не отпустит.

– Не ной, пожалуйста. Лучше расскажи, что ты там нашла, – сказал Митя.

– Я выписала несколько фраз из старых песен, где упоминался Перун. По строению они очень похожи на заклинания. Я пробовала читать их, но ничего, конечно, не произошло. Возможно, их надо прочесть в каком-то специальном месте. Сегодня вечером передам вам записи. Произнесите эти слова возле стены, глядишь, что-нибудь и сработает.

– Отлично, хоть что-то есть! – обрадовался Сева.

– Что вообще известно про Перуна? – спросила Маргарита, подливая себе мятного чая из пузатого самовара. – Что это был за маг? Какой стихией владел?

– Он Водяной.

– Нет, об этом до сих пор спорят. По легендам он мог управлять дождями и грозами, что точно делает его Водяным. Но немало историй рассказывают, что он отлично метал огненные стрелы.

– Ого, – одобрительно воскликнула Маргарита.

– А еще парочка историй повествует о каменных стрелах, а не только огненных, – добавил Митя, к которому на колени только что запрыгнула пестрая утка. – Так что наш Перун всех запутал.

– Но не зря же руна зовется «Чашей», – возразила Анисья. – Здесь явно имеется в виду Водяная магия.

– Этого бога еще связывают с войной. Наверное, он был хорошим боевым магом, – сказал Сева. – Что делает странной его часть подземелья. Он мог бы оставить оружие, как остальные боги, но вместо этого лишь опечатал какой-то «Чашей» часть коридора.

В это время маг, который сидел рядом с Муромцем, встал из-за стола и отправился слушать новую песню выступающей на крыше группы.

Вслед за ним поднялась и Водяная колдунья. Она пробралась на противоположную сторону стола и заняла место с друзьями. Алеша Попов тут же помрачнел, Анисья, заметившая это, понимающе ему улыбнулась и протянула тарелку с блинами.

– А что означает имя Перун? Может, в нем скрыта разгадка? – продолжала Маргарита.

– Трудно судить. В древности у всех могущественных магов были выдуманные имена. Каждый должен был носить имя, не совпадающее ни с чьим другим. Оно давалось во время Посвящения и было призвано защищать колдуна.

– Темные до сих пор так делают, – послышался голос Водяной колдуньи.

– Не только Темные, – тут же ответил Митя.

– А кто еще? – Маргарита повернулась к нему, удивленно дернув бровями.

– Ирвинг, например.

– О, как это я не догадалась! Но послушайте, как же нам во всем этом разобраться? Если бы потусторонние сказки могли помочь! Но у нас все еще запутаннее.

– Разве потусторонние знают о Перуне? – удивилась Анисья.

– Конечно, – ответила Полина. – И про Илью Пророка. Только в их мире это мифологические герои. А в деревне, где живет подруга моего деда, они вовсе считаются одним и тем же человеком.

– В каком смысле? – изумленно спросил Митя.

– У потусторонних деревенских жителей есть примета: Илья Пророк бросает льдинку в воду, после чего реки становятся очень холодными. Только здесь я узнала, что он делает это на самом деле. Но в деревне, где я оказалась в ту... Купальскую ночь, – она вдруг бегло взглянула на Севу, но он не успел даже моргнуть в знак того, что понимает, о чем идет речь, – старики говорят, что это делает Перун. Наверное, они все перепутали...

– Постойте! – Маргарита отставила чашку. – Мне никогда не приходило это в голову... Но получается, если Илья Пророк способен заколдовать воду в реке, то он Водяной маг?!

– Получается... что да, – Митя почесал голову. – Не поверишь, но мне тоже никогда не приходило в голову об этом подумать.

– Ты же не слышишь его приближения! – осенило Севу. – Значит, он и впрямь Водяной.

– И он всегда был очень расположен ко мне, – сказала Полина. – Однажды прогнал кикимору, когда я поднялась ночью в крыло парней. А еще показывал мне цыплят и котят... и говорил, что один в поле не воин! Может, он имел в виду, что нас теперь двое?

– Да, но почему тогда никто не чувствует его стихию? Нам твердят, что Полина единственная Водяная, – продолжала негодовать Маргарита.

– Он настолько стар, что его магия уже не ощущается. Она словно срослась с ним.

– Насколько он стар, Митя? Кроме шуток! Никто не отвечает мне на этот вопрос. Не может же он впрямь жить тысячу лет!

– Может... Если он не совсем человек...

– Вы что, серьезно предполагаете, что это и может быть... Перун? – развела руками Огненная колдунья. – И никто до нас не заметил?

Друзья переглянулись. Звучало и правда глупо.

– По-моему, он маг молока и соли, а вовсе не каменных стрел... – скептически заметил Сева, кивая на Пророка, усевшегося у дальнего края стола. Тот с блаженным видом сыпал из солонки соль в чашку с молоком, а потом с интересом пробовал на вкус.

– Завтра мы с Овражкиным спустимся в подземелье и осмотрим тупик. А послезавтра у меня практика с Велес. Вот уж кто-кто, а она должна все об этом знать, я уверен. Она единственная, кто остается прямым потомком одного из таких божеств, укрывших дары под Росеником. Я уломаю ее рассказать мне, – уверенно произнес Митя.

Сева покинул Заречье поздно вечером, когда сожгли соломенную Масленицу, а от вида блинов и тетерок уже подташнивало. Ветер стал еще теплее. Над длинным столом зажглись разноцветные фонарики, а несколько Огненных, известных своими небезопасными проделками, едва не спалили одну из избушек, устроив над ней фейерверк.

Пара особо ушлых колдунов, что встали пораньше и собрали с тающих сосулек воду, незаметно подсаживались к будущим целителям и предлагали купить у них склянку с этой водой за небольшой самоцвет. Севе пришлось раскошелиться, потому что сам обряд он проспал.

Дома его ждала всеми забытая комната с темными стенами и белым креслом. Казалось, он не был тут целую вечность, и воспоминание, первым приходившее на ум, касалось Водяной колдуньи: когда он совершенно неожиданно застал ее здесь. Впрочем, он не удивился тому, что память подкинула ему именно тот вечер. Со спасением Водяной колдуньи от Старообрядцев в его душе было связано что-то большое и важное, на деле обернувшееся лишь ее привычным молчанием. Но раньше она хотя бы стеснялась его, теперь же он стал ей явно не интересен. Непонятно только, почему от этого было так тоскливо.

Спал он плохо и проснулся около шести утра, предвкушая поход в подземелье. Оставалось дожидаться Муромца, хотя договорились они лишь на полдень.

Слоняясь по дому, он засунул руку в карман штанов и вынул оттуда скомканную бумажку, о которой вчера благополучно забыл. Пророчество от Анисьи. «Тебя ждет очень важное открытие! С Новолетием!» – на бумажку попали капли дождя и надпись немного расплылась. Сева с облегчением выдохнул, уже не понимая, что вчера его так напугало. Казалось, что там обязательно попадется что-нибудь неприятное. Что-то, что подтвердит его самые худшие опасения.

– Но у меня же нет никаких опасений! – твердо сказал он себе.

И вот стрелки часов подползли к двенадцати, и Сева отправился во двор, чтобы встретить Муромца. Плющ, увивавший забор, был совершенно лыс, сквозь его озябшие голые ветви просматривалась улица. Вся она была точно усыпана солнечными блестками, свет отражался от луж и оконных стекол, играл на черных лапах деревьев. Наконец впереди что-то замаячило, небольшая точка в конце улицы начала увеличиваться, и вскоре уже можно было различить фигуру Муромца. Поначалу Сева не мог

понять, почему друг так странно идет – будто раскачиваясь из стороны в сторону и иногда взмахивая руками, – но через несколько мгновений он заметил, что Митя не идет, а с трудом летит, встав ногами на маленький ковер-самолет.

– Ну ты даешь! – удивленно воскликнул Сева, распахивая ворота. – Как ты умудрился? Эти мелкие ковры заточены под Воздушных!

– Продавец очень хотел, чтобы я его приобрел, – со смехом отозвался Земляной маг, неудачно спрыгнув и едва не врезавшись носом в каменный столб.

Сева подхватил коврик и тут же оценил искусную работу, оплатить которую и впрямь под силу было лишь Муромцам.

– Он утверждал, что сделал все возможное, чтобы Земляному можно было пользоваться этим ковром хотя бы пару часов. Так что я решил сегодня испробовать.

Сева запрыгнул на коврик и плавно полетел ко входу в дом.

– Отличная вещь! Пригодилась бы в Заречье, но жаль, что вся эта магия там глушится... – начал Сева и внезапно осекся: за воротами послышался шум.

По улице спешила Юля, ведя кого-то под руку. Вокруг суетились несколько человек, помогая и поддерживая, были слышны их расстроенные возгласы.

– Сева, как хорошо, что ты здесь! – воскликнула мачеха, толкая незапертую створку ворот. – Сбегай предупреди Даню, пожалуйста. У нас непредвиденные гости.

Колдуньи, пытавшиеся помочь Юле, расступились, и Сева с Митей застыли от изумления: в дом вели Илью Пророка. Его водянистые голубые глаза вопросительно смотрели на небо, неопрятная длинная борода в чем-то испачкалась.

– Судьба посылает нам знак? – прошептал Сева, не двигаясь с места.

– Это уже не просто знак, – отозвался Муромец. – Только слепой не заметит, как судьба машет нам флагом.

Сева тут же развернулся и бросился в дом за отцом, а Юля подвела Пророка к крыльцу и сунула Мите в руку его посох:

– Бедный дедуля поскользнулся и упал. Посмотри, сломал руку! Ах, крепитесь, Илья Иванович, сейчас мы все поправим. Вам несказанно повезло, что это случилось прямо возле нашего дома.

– Давайте его сюда. – Даниил Георгиевич выбежал на крыльцо и подхватил старика под локоть. – Ай-ай-ай, как же вы так, голубчик! Идем. Вот, в мой кабинет.

Митя хотел было проскользнуть в комнату вслед за целителем, но Сева схватил его за рукав и потянул в открытую дверь напротив. Они очутились в светлой гостиной.

– Посидим пока здесь. Как только Пророк выйдет, мы его увидим. – Сева забрал у друга посох и вместе с ковриком положил у дивана. – Чаю хочешь?

– Какой у тебя план? – отмахнулся от чашки Митя. – Думаешь... попросить его спуститься с нами в подземелье?

– Еще не решил!

– Конечно, сейчас это кажется полным бредом, что он и впрямь может оказаться...

В комнату заглянула запыхавшаяся Юля, прервав речь Муромца. Тот сразу же сделал вид, что ничего не говорил, и принялся разглядывать картины на стенах.

– Привет, Митя. Я ведь даже не поздоровалась с тобой. Вы пьете чай? Значит, я успела с пирогом. Испекла сегодня утром, он еще теплый. – Юля внесла в комнату поднос, на котором красовался ягодный пирог, посыпанный сахарной пудрой.

– О да, спасибо! – Митя тут же схватил чашку, от которой отказался всего несколько секунд назад, и отрезал кусок пирога, чтобы было чем занять себя при Севиной мачехе. – Вы очень вкусно готовите.

Со стен в квадратных рамках глядели драконы. Все они были разных пород и размеров, и единственное, что их объединяло, был взгляд – будто безудержно кричащий о чем-то. В соседстве со светлыми стенами и аккуратной скромной мебелью их оскаленные пасти смотрелись слишком агрессивно, будто драконы собирались сожрать остатки ягодного пирога.

Вбежала Лиза и, смутившись при виде Муромца, забралась на колени к Севе и уткнулась ему в плечо. Юля переводила неловкий взгляд с одного молодого человека на другого, пытаясь понять причину их напряженного молчания, но в конце концов поднялась, взяла Лизу и направилась во двор. Время тянулось невыносимо долго, парни съели уже по три куска пирога и выпили весь чай, когда наконец распахнулись двери кабинета. Сева первым подскочил к отцу:

– Ну что?

– Все в порядке, – отозвался целитель и коснулся кисти Ильи Пророка. – Перелом и правда был крайне неудачный, но на нашем старом друге все срастается очень быстро. Правда, Илья Иванович? Кстати, что это вы делали в городе?

Старик в ответ улыбнулся и сказал:

– Высокая у хмеля голова – да ноги жиденьки.
– Все с ним ясно! – рассмеялся подошедший Митя и протянул Пророку посох. – Не волнуйтесь, мы его проводим. Мы как раз собирались уходить.
– О, замечательно! – Целитель пожал Муромцу руку. – Тогда я возвращаюсь к работе, ко мне вот-вот придут за снадобьем!

Даниил Георгиевич скрылся в кабинете, и Митя с Севой одновременно поглядели на двор, видневшийся в проеме не до конца закрытой входной двери. Потом так же синхронно повернулись к двери, ведущей в сад.

– Нам туда, – кивнул Митя, увлекая за собой старика. – Да-да, не переживайте. Я ничего не напутал.

Старый неухоженный сад был еще скрыт под ноздреватыми сугробами, покрывшимися на солнце влажной корочкой. Муромец оставлял глубокие следы с темным дном, которые тут же расползались, сдаваясь под теплыми весенними лучами, а Пророк бороздил снег посохом, волоча его за собой. Внезапно он замер посреди сада и уставился на землю под одним из старых кленов, будто увидел там что-то необычное. Колдуны у него за спиной переглянулись и пожали плечами: летом тут росли лекарственные травы, семена которых бросил в землю дальний предок Заиграй-Овражкиных.

– Это здесь, – сказал Сева через несколько минут ходьбы. Он остановился перед круглым каменным колодцем и принялся сбрасывать с него прошлогодние ветки.

Даже скрытый от людей, колодец продолжал жить. Внутри что-то капало: гулкое, манящее эхо падающей воды заставляло вздрагивать. Стоило лишь нагнуться над краем, как волна древних чар взъерошивала волосы.

– Ты думаешь, он сможет... – неуверенно проговорил Митя, косясь на Илью Пророка, но тот лишь блаженно улыбнулся, – спуститься?

– Придется использовать твою знаменитую силу, – усмехнулся Сева.

Ему вдруг показалось, что они ошиблись, приняв старика за самого Перуна, некогда вместе с остальными богами решившего оставить последний дар людям. Сейчас это выглядело глупой, наивной идеей. Пророк – просто чокнутый леший. Да, в прошлом могущественный маг, скорее всего, даже Водяной, но теперь – настоящая развалина. Что будет, если окажется, что он ничем не может им помочь? Как потом вызволять его из этого подземелья?

Муромец застыл в нерешительности, будто подумал о том же самом.

– Ладно, давай, – наконец сказал он, тряхнув головой. – Прыгай первым, мы за тобой. – И тут же добавил, повернувшись к старику: – Илья

Иванович, нам придется прыгать в колодец.

Сева не стал дожидаться ответа от сумасшедшего, взобрался на мшистый край и соскользнул в темноту. Ноги ударились о дно, расплескав мелкую стоячую воду. Сверху послышался шум, парень сделал шаг в сторону, уступая место Муромцу.

Сеvu окатило брызгами, но когда он вытер лицо и открыл глаза, то с удивлением обнаружил перед собой Илью Пророка, а не Муромца. Митя же прыгнул следом за стариком.

– Представляешь, я не успел даже толком объяснить, что делать, как он сиганул в колодец! – тут же затараторил Земляной маг. – Как будто все свои столетия он только этого и ждал.

Это показалось Севе хорошим знаком. Значит, Илья Пророк не настолько немощен, как кажется.

Впереди вырисовывался вход в подземный лаз. Сева провел рукой по сгнившей двери, холодное скользкое дерево отозвалось мертвым безразличием. Скрипнули петли, и, сбросив покрывало из паутины, дверь поползла во мрак. Десятки истлевших мушиных крылышек сорвались и закружились в стылом воздухе.

Троица проникла в лаз, Митя вызволил из коробочки засветившегося жука радужника и двинулся вперед, с тревогой наблюдая за дрожанием теней на низких сводах потолка. Пророк бесшумно ступал за ним следом, только его корявая палка отбивала мерные глухие удары. Иногда туннель вел чуть вниз и плавно поворачивал. Неожиданно жук заметался, вспышками испуская радужное сияние, тогда Митя вытянул руку и поймал его. Парни поняли, что их ждет. Тень соскользнула со стены на пол и обернулась исполинской черной птицей, чьи перья поблескивали синевой, как у воронов. Финист раскинул крылья, закрывая собой весь проход. Вспомнит ли он Севу и Митю? Припомнит ли хитростью выдернутое перо, которое сделало Севу призванным оборотнем?

Сева незаметно поежился, уже придумывая план отступления и спасения неповинного Ильи Пророка, хотя в душе все же надеялся, что Финист лишь задаст свой главный вопрос и исчезнет, услышав ответы.

Фигура птицы зашевелилась, чернота туннеля обманчиво скрывала истинные размеры существа. Покачивание крыльев напоминало мистический танец. Внезапно птица издала звук – гортанное курлыкание, чем-то напоминающее воркование огромного голубя. Взмахнув крыльями, она сделала шаг к крошечному старику, опиравшемуся на посох, и склонила набок голову.

– Ту-ру-ру-ру-ру, – пропел в ответ Пророк, вытягивая ей навстречу

морщинистую ладонь.

– Вот это да, – прошептал Митя, поворачиваясь к другу. – Мы тут, значит, на вопросы отвечаем, оставляем магию, оружие... а требовалось-то всего лишь «ту-ру-ру».

Сева улыбнулся, а Пророк внезапно стукнул посохом о мягкий пол, покрытый столетним слоем пыли. Птица замерла на месте. Он еще раз обрушил на пол посох, и на этот раз эхо от удара – будто металла по камню – разлетелось по всему подземелью, его отголоски вернулись обратно лишь через несколько секунд. Птица вскрикнула и растаяла во мраке.

– Как... это все? – удивленно прошептал Сева. Илья Пророк вопросительно взглянул на него. – Да-да, идем дальше.

Дальше двигались молча, погруженные в мысли. «Неужели все это правда? – Сева до сих пор не мог прийти в себя. – Неужели Пророк – не просто старик, у которого поехала крыша после какого-то заклятья, продлевающего жизнь? Как он прогнал Финиста? Почему птица ворковала с ним? Значило ли это, что Илья Пророк уже бывал в этих лазах под городом? И, может быть, он сам... их создавал? И кто из наставников знает об этом? Велес? Да, Велес определенно знает! И Ирвинг, наверное...»

Радужника снова выпустили на волю, но впереди слишком скоро вырос заветный тупик, преградив путникам дорогу.

– Итак, Чаша Перуна, – проговорил Митя, внимательно наблюдая за стариком, но тот отрешенно молчал. – Этой руной обозначен тупик. Анилья тут нашла кое-что. Сейчас. – Он полез в карман за бумажкой. – Текст очень старой песни. Надеюсь, ее не сильно переврали, ведь если в заклинании, что наложено на стену, важен именно порядок слов, то...

Он осекся, потому что старик приблизился к стене и снова ударил посохом. Не успели колдуны моргнуть, как комья земли, проросшие на глубину коренья и крохотные камешки покатались вниз. По привычке Митя и Сева ожидали увидеть под слоем земли и глины барельеф, но, к их изумлению, рушилась вся стена целиком! Дождавшись, пока разлом станет достаточно широким, чтобы протиснуться в него, они подскочили в надежде рассмотреть, что скрывается дальше, но тут же отпрянули. Оставшийся край стены мог рухнуть и утянуть их в огромный пролом. Радужник пролетел было над зияющей дырой, но едва что-то невидимое начало затягивать его вниз, суетливо задрезжал крыльями и вернулся обратно на ладонь Муромца.

– Что это? – спросил Сева, поворачиваясь к Пророку и указывая на яму. – Нельзя ее перелететь? Перепрыгнуть?

Старый маг молча смотрел на парня, его лицо ничего не выражало.

Митя сотворил световой шар и со всей силы швырнул в темную яму. Светлая точка долго уходила вниз, пока ее вовсе не поглотила тьма.

– Вот тебе и чаша... – пробормотал он. – Бездонная.

– А если вы снова используете свой посох... – неуверенно проговорил Сева, – мы пройдем?

Но Пророк безмолвствовал.

– Слушайте... мы же знаем, кто вы.

– Деда, серьезно! – встрял Муромец. – Мы же спустились сюда, прошли мимо Финиста и так легко преодолели стену... Дайте подсказку, как перепрыгнуть чашу.

– Давай подумаем, что это может быть. – Сева повернулся к другу, смирившись с молчанием старого мага. – Разгадка как всегда под носом. Что ты слышал про чаши?

– Жизнь – полная чаша? – предложил Муромец.

– Испить чашу до дна? Так говорят про что-то плохое? О Меркурий, да кто тут знаток поговорок? Точно не я!

– Горе, – чуть слышно прошептал Илья Пророк, и парни мигом обернулись к нему. – Здесь горе. Грехи.

Друзья молча уставились друг на друга, судорожно соображая, что это может значить.

– Надо поделиться своим горем? – начал перебирать Митя. – Признаться в грехах?

– О, нежить к вашим услугам, – кисло ответил Сева.

– Вы должны помочь, – прошептал Митя, вновь поворачиваясь к Илье Пророку. – Пожалуйста! Мы запутались! Мы не замыслием ничего плохого, вы же знаете. Лишь хотим получить разгадки. Слышите? Нам нужны разгадки. Мы попробуем узнать, что хранится в сокровищницах поместий, к которым ведет развилка за провалом. Мы не воры. Нам не надо чужого. Мы просто хотим знать, что оставил Кресень. И чем одарила колдунов Мара.

На этих словах старик вдруг подобрался и подскочил к Муромцу. Он схватил его за грудки и встряхнул. Сева хотел вмешаться, но застыл, пораженный необычной картиной. Немоощный, дряхлый Илья Пророк цепко держал рослого парня, безумно глядя на него снизу вверх.

– Мара-а-а, – прохрипел он, борода его дрожала вместе с подбородком, глаза расширились. – Обещай, что она отпустит меня!

– Ч-что? Кто отпустит?

– Обещай, мальчишка! Что она меня отпустит... Хватит с меня...

Муромец поднял руки и схватился за голову. Виски сдавило. Борясь с

покидающим его сознанием, он увидел, как Сева закрыл руками лицо и начал медленно сползать по стене. Потом несколько секунд стояла тишина, все вокруг поглотила крошечная тьма. Митя не понимал, где находится. Только чувствовал движение собственного тела. Он шел. Шаги тяжело впечатывались в землю, по спине и рукам острой синевой разливалась незнакомая сила.

«Кто я?» – спросил он себя и вдруг на мгновение снова увидел лицо Пророка: на морщинистых щеках блестят две дорожки от слез, взгляд полон многолетней мольбы.

И снова морок поглотил его. Он продолжал по-хозяйски вышагивать по узкому коридору подземелья. Он – последний из великих. Тот, кто вел за собой не только волхвов, но и простой люд. Тот, кому остальные – уже ушедшие – доверили оставить подсказки для потомков. В этот мир еще придут достойные, они-то и найдут божественные дары...

Снова лицо старика прорвалось сквозь мираж. Слезы душили его, тело горбилось, руки тянулись к глазам в надежде укрыться хотя бы от этих видений. Митя почувствовал, что делает почти то же самое: закрывается, размазывает по щекам горячие слезы. Откуда столько боли в этом странном видении?

«Что, если подождать еще немного?» – мелькнула надрывная мысль. Но своя или чужая?

На ногах снова были тяжелые сапоги, грудь сжимали непривычные одежды. Что, если подождать? К чему торопиться... Свой дар он еще успеет оставить. И запечатать последний проход тоже успеет. Что, если пойти взглянуть, чем отблагодарили людей остальные, прежде чем вознестись? Что такое несколько лишних лет на этой земле по сравнению с тем неизвестным, куда отправились его сородичи?

И он двинулся дальше, бросая взгляд на стену, где то и дело загорались вырезанные знаки. Путь его лежал к книге. Тот, кого они называли Ярилой, говорил, что записал в ней все свои знания. Воодушевление распаляло его, шаг сделался быстрее и увереннее. Собрав все, что оставили здесь его друзья – такие разные, такие могущественные, – он сможет соединить в себе всю их мудрость... Он увидел, как предстает перед народом, и все склоняются перед ним, все идут к нему за советом, враги умирают от страха от одного лишь его взгляда... Он – спаситель невинных. Справедливый судья. Владыка... целого мира! И он будет жить так сколько захочет. Когда же ему надоест, он вернется в подземелье, запечатает вход и исчезнет. А если не надоест... то он останется жить... вечно. Вечно!

Митя снова очнулся. На этот раз сломленный старик, осев на пол,

жалобно выл и раскачивался из стороны в сторону. Как обманывал себя этот человек из видения! Как пытался убедить, что он делает это лишь ради справедливого правления. Он бежал от мысли, что жажда безграничной власти завладела им. Предвкушение всемогущества вскружило голову, заставив забыть об обете. Но провидение уберегло его, первым делом приведя именно к книге, на которую мудрый создатель наложил защиту. Ярилина рукопись раскрылась перед обманщиком и подарила ему вечность... День сменял день, а год сменял год, и много времени прошло, прежде чем чья-то рука выдернула его из дурного колдовского сна. Митя опять почувствовал резкую боль в голове. Перед глазами двоилось, в расплывчатых нитях морока он увидел незнакомую женщину в странном наряде. Она смотрела на него с немым укором. Она была молода и красива, а он давно превратился в старика. Их разделяли столетия, но внезапно в ее чертах мелькнуло что-то знакомое, неуловимо родное. Он будто уже видел ее когда-то...

– Это ты... ты пришла! – с трудом вымолвил он, растворяясь в осознании содеянного. Да, она пришла. Единственная, кто из них мог возвращаться сюда. Та, что не боялась смерти. Та, что сама была смертью...

– Ты мечтал о вечной жизни? – Ее голос звучал равнодушным эхо. – Так знай, что вечной жизни не обрести, не умерев.

– Теперь я понимаю... я все понимаю! Я согласен! Спасибо, что пришла за мной.

– Пришла за тобой? – воскликнула колдунья, залившись горьким смехом: когда он видел ее в последний раз, волосы ее были намного темнее, голос звучал мягче, взгляд не был таким решительным. Теперь перед ним стояла рослая девица с дерзким, улыбчивым лицом. Светлорусая коса змеей вилась по платью. – Я пришла подарить тебе вечную жизнь, трус. Жизнь во служении. И, может быть, когда-нибудь я все-таки приду за тобой. А сейчас... наслаждайся.

Раздался звон металла, она выхватила из-за пояса нож, тускло блеснувший дугой, и все оборвалось.

Митя судорожно схватил ртом воздух, заходясь в кашле. Сева корчился в углу от таких же спазмов, сводящих грудь, и только Илья Пророк продолжал тихонечко скулить, похожий на грудю старого тряпья. Муромец провел рукой по лицу, ворот рубашки был мокрым от слез, глаза саднило – в последний раз он так сильно плакал в далеком детстве. За несколько минут видения сквозь него прошли чужое горе, сознание вины, тоска... Он оглянулся и с удивлением обнаружил, что провал до краев заполнен водой.

– Овражкин, – позвал Митя. – Посмотри! Кажется, теперь мы можем...

Он растерянно посмотрел на Илью Пророка, который все сидел на полу и страдальчески морщился.

– Обещайте! – просвистел старик, с трудом разжимая челюсти. – Обещайте, что отпустите меня! Мне... хватит... Хватит сполна.

Митя присел на корточки рядом с колдуном:

– Спасибо, что помогли нам. Я не знаю, что мы можем сделать для вас. Но если... если мы когда-нибудь увидим эту женщину... Мы передадим, что вы искупили вину. Вы служили Заречью, и...

– Идем, – внезапно одернул его Сева, указав на яму, вода в которой начала постепенно опускаться. – Мы должны переплыть, пока у нас есть время.

– Возвращайтесь назад, – шепнул Митя, сжав локоть старика. – Финист вынесет вас наверх. Хотя вы... вы и сами знаете!

И он кинулся вслед за другом, нырнувшим в темную воду. Через минуту они достигли противоположного берега и только теперь смогли отдышаться.

– Что это было? – выдавил Муромец, снимая рубашку и выжимая из нее воду. – Ты ведь тоже это видел?

– Могущественный колдун. Тот, кому доверяли больше всего и поэтому оставили последним покинуть земной план бытия и запечатать туннель, – сказал Сева, пытаясь высушить штаны с помощью магии. – Водяной маг. А вот что за женщина пришла за ним? Я так и не понял, как он узнал ее, если прошло лет сто!

– Он видел в ней смерть, – отозвался Митя, вспоминая свои ощущения. – Будто смерть в человеческом облике. Она замахнулась на него ножом. Но почему тогда он все еще жив?

– Кто ж знает... О, смотри-ка, здесь какие-то знаки... Кстати, в этом видении они тоже были, но только язык надписей был старый. Интересное временное колдовство. Здесь запечатлена сама информация... а уж какие символы мы используем, чтобы ее передать, неважно... Послание остается посланием, а наш мозг сам превращает его в понятные слова...

– «Того, кто на вечный покой обречен, последней дорогой ведет Скорпион», – прочитал Муромец. – Что ж... Начнем с кладбища и поместья Мертвой луны, раз Илья Пророк так мечтает о встрече со смертью. Кто знает, кого мы там встретим.

Эта дорога оказалась слишком извилистой, не похожей на все остальные коридоры в подземельях. Можно было подумать, что тот, кто ее когда-то прокладывал, обходил бесконечные препятствия: каменные глыбы, сквозь которые невозможно было пробиться, или что-то еще. Здесь

отчетливо пахло болотной сыростью, и когда за очередным резким поворотом замерцали блудячие огоньки, озарившие призрачным сиянием земляной свод потолка, Митя с Севой поняли, что ход ведет именно туда, куда они предполагали.

– Мертвецы, – чуть слышно произнес Сева.

– Знаю. Мы на верном пути, – кивнул Митя и увереннее пошел вперед. – Блудячие огни выведут к кладбищу, а Серп Мары – это дар, который хранится во владениях Вещего Олега. Заглянем к нему.

– Главное, чтобы он не узнал, что мы к нему заглянули. Без убедительной причины заявляться в чужое древнее поместье через секретный подземный ход – дело крайне опасное. Хоть ты и Муромец, но даже тебе полагается посещать только собственную сокровищницу, а не сокровищницы других родов.

– Это точно, – рассмеялся Митя, силясь отогнать воспоминания о Водяном маге из видения. – Но если мы сами не увидим, что же такое Серп Мары, мы этого никогда не узнаем. Потомки древних родов скрывают все друг от друга. Я не могу понять, как это Светлое сообщество, которое объединилось против Старообрядцев на почве взаимной любви и доброты, вдруг превратилось в кучку ревностных хранителей богатств. Как будто между старинными семьями исчезло доверие. Стой, у меня хлюпает в ботинках. На их просушку сил не хватило. Попробую еще раз.

– Вряд ли мы восстановим доверие, если залезем в чужой дом, – усмехнулся Сева, остановившись.

– Мне надоели тайны. – Митя натянул высушенную колдовством обувь и обернулся. – Сыт ими по горло. Иногда мне кажется, что даже мой дед не знал и половины всего, что происходит или что хранится в сокровищницах могущественных родов. Мы должны быть вместе, должны объединяться против зла, а вместо этого скрываем семейные секреты даже от собственных детей. В том странном мороке, в чужом кошмаре, я только что видел, что случается, когда чужие секреты завладевают душой колдуна. Пусть я прослышу наименее благородным из Муромцев, но я хочу знать, оставили ли нам что-то наши великие предки, и если оставили, то что именно и как этим можно воспользоваться, случись что-то плохое. Мне не нужны всемогущество и слава. Я просто хочу, чтобы от меня ничего не скрывали.

– Думаешь, если бы Старообрядцы напали на Росеник, твои родители заперлись бы в сокровищнице в обнимку с неразменным червонцем? – В Севином голосе снова послышалась ирония.

– О, не удивлюсь! Они так ревностно относятся к этому золоту, будто в

жизни нет ничего важнее. Кстати, ты спрашивал у отца, что такое Велесов шлем, из-за которого мы облазили все подвалы под вашим домом?

– Да, спрашивал. Он сказал, что не знает.

– Ты ему веришь? – донесся Митин шепот из-за следующего поворота. Под сводом потолка снова поплыли болотные сгустки света, и Муромец засунул в карман коробочку со светящимся жуком.

– И да и нет, – уклончиво ответил Воздушный маг, разглядывая стены в поисках еще каких-нибудь знаков. – Он действительно может не знать этого названия. У нас в семье тайн побольше, чем у Муромцев.

– Самая главная из которых – твое происхождение, – рассмеялся Митя.

– К сожалению, да. И если бы в этой тайне еще было хоть что-то приятное! На деле же это просто набор нелепых ошибок – в отличие от Ярилиной рукописи и нескончаемого золота, такое в самом деле стоит держать в секрете, – отозвался Сева.

– Поэтому ты сам никому не рассказываешь эту историю?

Сева заметил любопытный взгляд Муромца. Действительно, про свою семью Сева никогда никому не рассказывал, как и про свое рождение. Да и что тут расскажешь? Что он ребенок, появившийся на свет не от большой любви? Про то, что он лишь напоминание о плохом? Хотя кто знает, возможно, когда тайна перестает оставаться тайной, она больше не превращается в ночные кошмары, не застигает тебя врасплох, когда ты одинок и подавлен, не догоняет тебя в самый неподходящий миг...

Поразмыслив несколько секунд, Сева поравнялся с другом и произнес:

– Мой отец должен был жениться на колдунье из рода Брюсов.

Митя ошарашенно воскликнул:

– Что? Чернокнижники? Это же очень старый род!

– Да, и богатый. Не знаю, как мой дед устроил эту партию. Наша семья к тому времени уже несколько поколений не знала достатка. От бывшего величия сохранился лишь клочок земли да пара серебряных сервизов. Но Брюсы почему-то согласились связать с нами свою фамилию.

– И... что же пошло не так? – удивился Митя.

– Отца пригласил на практику один известный греческий целитель. Он уехал совсем ненадолго, но успел там встретить мою маму.

– И влюбился? Теперь-то все понятно!

– Влюбился? В Сирену? – Сева снова усмехнулся, на этот раз недобро. – Никто не влюбляется в Сирен, Муромец. Это мама влюбилась в него, а он не смог устоять перед ее чарами. И он привез ее домой. Естественно, свадьбу с наследницей Брюсов тут же отменили. Был страшный скандал. Никто не знал, что мама наполовину Сирена. Все

решили, что молодой колдун расторг будущий брак из-за какой-то симпатичной иностранки. Дед не выдержал позора, слабое сердце его подвело. Он слишком многого ждал от связи с Брюсами, бредил деньгами, мечтал восстановить положение семьи. Лекарем дед был скверным, а вот отцу достались прекрасные способности, он мог бы очистить наше доброе имя.

– Твои родители были бы счастливы и без одобрения света... – вопросительно пожал плечами Муромец.

– Они и были, пока в один прекрасный день отец не научился сопротивляться чарам нечисти. Тогда он решил во что бы то ни стало вернуть свое положение. Ирвинг покровительствовал ему, сделал своим хранителем. Теперь выходцы из древних родов были вынуждены считаться с ним, они открыли глаза на его выдающийся талант. А он в свою очередь поднял семейные лекарские книги, рукописи деда – после ссоры он к ним даже не прикасался. Занялся сложными практиками, которые редко бывают подвластны обычным целителям. И вскоре отец понял, что долгие годы находился под чарами Сирены. Он ведь на самом деле не любил мою мать. Он тут же рассказал ей обо всем: и о том, что никогда ее не любил, и о том, что она обманула его, силой и ложью держала рядом. Он припомнил и Брюсов, и несостоявшийся брак. Просто в одночасье возненавидел мою мать. И меня заодно. Я это хорошо помню. Мама умирала от горя. Бабушка – а она почему-то любила мою маму – советовала ей уехать, вернуться на родину, но та осталась. А потом мама сильно заболела, отец даже не пытался ее спасти. Через некоторое время в нашей жизни появилась Юля – ты, наверное, знаешь, что ее семья не настолько богата, как семья Брюсов, но они как-то договорились о браке, тем более что, встретившись впервые, эти двое и правда полюбили друг друга. Ну... а потом мама умерла. Остальное ты знаешь.

– А я всегда думал, что у тебя нормальная семья! – Митя повернулся к Севе с виноватой улыбкой. По его лицу было видно, насколько сильно его поразила эта история.

– У меня? Ты смеешься? – спросил Сева.

– Мне только одно непонятно... Как твой отец научился сопротивляться Сиренам?

– Ну, он все-таки превосходный целитель. Наверное, научился защищаться даже от подобной магии.

– Seriously? – Митя круто повернул направо, следуя неожиданному выражению подземного лаза. – И за много веков ему не было равных? Иначе почему тогда говорят, что сопротивляться Сиренам невозможно? Разве что

по-настоящему влюбившись в кого-то другого. Но ведь он познакомился с Юлей позже.

– Да, позже. Не знаю, я не думал о том, как именно он стал сопротивляться. Всегда считал это его профессиональной особенностью. И... погоди... что это?

Колдуны остановились. Перед ними высилась глухая стена с выщербленными в ней ступеньками. Ступени представляли собой идеально ровные каменные плиты, покрытые письменами.

– Лестница, – предположил Митя.

– Лестница? Это могильник, Муромец. Посмотри, это могильные плиты.

– Но, кажется, только по ним мы сможем подняться вверх...

– Что ж, пошли.

Их голосами, отразившимися от стен печальным эхом, зазвучал старый курган. Едва нога Муромца ступила на первую плиту, что-то засвистело, завывало, застонало в дальних лазах подземелья. Колдуны переглянулись, вспомнив о птице, которая должна охранять выход.

– Манур, – одними губами произнес Сева. Но его почти беззвучный шепот усилился в несколько раз и повторился эхом. Звуки как будто рухнули вниз, затем отскочили от одной из стен и устремились в темноту подземного хода. «Манур, манур, манур», – доносилось отовсюду. Холодный ветер зловеще рванул в могильник.

Вдоль пола снова поплыли блудячие огни, словно где-то рядом находилось болото с утопленниками. Их туманные отсветы падали на лица застывших магов. Огоньки ползли один за другим, собираясь и перекрывая путникам обратную дорогу. С каждой секундой их становилось все больше, стен туннеля они не освещали, зато теперь стали подниматься выше – к своду – и выстраиваться в какую-то фигуру. Митя не успел моргнуть, как увидел перед собой птичий череп и расползающиеся в стороны лохмотья. Были ли это перья, ошметки истлевшей плоти или полы давно сгнившего плаща? Видение сияло сумрачным, серебристо-зеленым светом болот. Холод и неправдоподобная тишина сковали потревоженный могильник.

– Кто ты, живой на дороге смерти? – раздался жуткий до тошноты голос. Он звучал как будто прямо в желудке, выкарабкиваясь наверх холодным страхом.

«Я целитель... – подумал Сева. – Из рода, прячущего Велесов шлем. Но, – что-то вынудило его добавить, – во мне кровь нежити».

Резкий хохот скрутил его нутро.

– Не-ежи-и-ть? Это мне нравится! Нравится!

Сева думал, что совершил ошибку, но мороз почему-то отпустил, словно призрачная птица потеряла к нему интерес. Он собрался было броситься вверх по лестнице, но догадался обернуться к Муромцу. Тот стоял не в силах пошевелиться. Манур вилась вокруг него, закручивая у ног истлевший плащ. Лицо колдуна побледнело, губы синели прямо на глазах.

– А ну отдай! – Сева бросился к другу и схватил его за руку, выдергивая из лап призрака.

– Сегодня это твоя добыча, нежить! – противным шелестом разнеслось вдоль стен. – Забирай! Забирай живого!

Друзья бросились наверх. Едва Манур растаяла за их спинами, они остановились.

– Почему Манур не хотела тебя пропускать? – спросил Сева, с трудом переводя дыхание.

– Она утверждала, что я слишком живой, чтобы подниматься по этим ступеням.

– Слишком живой? – поморщился Сева.

– Ты ничего не слышал? Она... повторяла и повторяла одно и то же. Не знаю, что именно это было... Заклинание? Предупреждение?

– Нет, я ничего не слышал! Только видел, как ты бледнееешь!

– Постой, сейчас... – Митя осекся, пытаясь вспомнить, что говорила Манур. Но оказалось, что прикладывать усилия для этого вовсе не нужно! Шепот птицы до сих пор еле различимо звучал в ушах, а слова будто застыли светящимися шрамами где-то внутри. – Камень – тело. Воздух – дух. Вода, как кровь, откроет круг. Но словно чувства без огня, дух – только ветер без тебя. Из камня плоть не оживить. Ты – тайна тайн. Ты – жизни нить.

– Это еще что значит? – Сева взглянул на Муромца, но взгляд Мити был блуждающим и рассеянным. Это напомнило о чем-то. Внезапно в Севиных воспоминаниях всплыло лицо Анисьи. Это случилось сразу после того, как девчонки в первый раз пробрались к Ярилиной рукописи и Анисья утверждала, что ничего не увидела в книге, хотя Сева без труда выхватил обрывки бессвязных фраз, занимавших ее мысли. И взгляд ее был точно таким же, как сейчас у ее брата. – Но даже если Манур решила, что ты – жизни нить, то яснее ничего не становится. Кто же здесь обычно ходит, раз нормальный человек ей кажется слишком живым? – спросил Сева.

– Возможно, раньше этим путем шли хоронить, и достаточно было показать птице мертвеца? И теперь ей тоже понадобился мертвец.

Они поднялись наверх, осторожно ступая по плитам и мысленно извиняясь перед теми, кто лежал под ними. Солнечный свет вовсе сюда не

проникал, но чем выше колдуны поднимались, тем светлее становилось. Наконец над головами появилась широкая щель, сквозь которую просачивались лучи. Митя уперся руками в каменную плиту и приподнял ее.

Снаружи ударило влажным весенним ветром. Снег здесь растаял, крошечный пяточок земли, на котором они оказались, был обнесен высоким каменным забором и упирался в двери старинной усыпальницы. Другого выхода отсюда не было.

– Ну и дела. Кажется, наши приключения с мертвецами еще не закончились.

– Идем. Ты знаешь, чей это склеп?

– Семейная усыпальница рода, что владеет кладбищем, – ответил Митя, прислушиваясь.

– Значит, тут родня Вещего Олега? – отозвался Сева. – Интересно, почему подземный ход выводит на само кладбище, а не в дом?

– Наверное, потому, что божественный дар хранится именно здесь... – Митя навалился плечом на дверь усыпальницы, она поддалась, но, когда оба мага очутились внутри, ноги Муромца подкосились. Он часто заморгал, пытаясь понять, что происходит со зрением: все вокруг плыло, голова трещала еще сильнее, чем во время видений Ильи Пророка. Митя шатался из стороны в сторону, пока наконец не врезался в каменное надгробие и не осел рядом с ним. «Где Заиграй-Овражкин? Почему он не помогает?» – пронеслось в его голове.

Сева застыл, почти не замечая того, что творится с Муромцем.

В центре усыпальницы сидел человек, глаза его закатились, белки зловеще светились в полумраке. На плечи был накинут изъеденный временем старомодный плащ, в руках, словно темная вода, поблескивал нож. Человек медленно покачивался, растягивая низкий монотонный звук, и когда приподнял голову, Сева с нарастающим ужасом узнал в нем наставника по Легендологии. Муромец, тяжело дыша и постанывая, подползал к двери. Едва он очутился снаружи, его вывернуло.

«Некромантия», – подумал Сева, боясь двинуться с места. Но Митя так шумел, что шансов уйти незамеченными у них почти не оставалось.

То, что здесь происходит нечто страшное, запрещенное и явно не узаконенное в обществе Светлых магов, Сева понял с первой секунды. Муромец, кажется, и впрямь оказался «слишком живым» для этой магии. Она шла в разлад с его собственными силами, по крайней мере, первые признаки указывали именно на это.

Сева чувствовал присутствие кого-то еще. Он видел низших духов

смерти, кишаших вокруг колдуна и, словно ненасытные черви, пожирающих его защитную оболочку, но понимал, что все это устраивалось не ради них. Вещий Олег вызвал на разговор чью-то душу, о чем свидетельствовали сдвинутая плита одного из надгробий, поношенный плащ, по всей видимости принадлежавший давно умершему родственнику, да могильная земля, которой было измазано лицо колдующего...

Черные свечи, знаки на полу, раскрытая книга, от которой так и веяло смертью. Ничего себе! Заглянули в гости, называется!

Вдруг дверь с грохотом захлопнулась. Сева вздрогнул и понял, что глаза Вещего Олега смотрят прямо на него. Он обернулся: Муромец медленно поднимался с колен. Он толкнул дверь, сбившую его с ног, но теперь все было бесполезно.

– Так-так, – протянул Олег своим привычным голосом, оборвав монотонное мычание и перестав раскачиваться. Взгляд его намертво приковался к незванным гостям, не сумевшим скрыть ужаса на лицах. – Как интересно... Муромец и Заиграй-Овражкин. В нашем семейном склепе. Любопытно, что вы здесь забыли?

Сева почувствовал предательскую слабость в коленях. Он же предупреждал, что заявляться на территорию других влиятельных семей небезопасно. Надо было продумать план!

Он еще раз огляделся, стараясь сделать это как можно быстрее, чтобы Вещий Олег не успел заметить, на каких предметах задерживается его взгляд. Он ожидал найти здесь что угодно, встретиться с кем угодно, но никак не мог представить, что натолкнется на наставника, да еще и занимающегося подобным! Приоткрытый саркофаг и странная книга, залитая черным воском, были главными доказательствами начатого запрещенного ритуала, и Сева изо всех сил постарался запомнить подробности: выбитые символы на надгробном камне, примерное очертание рунограммы на раскрытой странице книги.

– Овражкин, – прошептал Митя. И хоть голос его был тих, Воздушный колдун уже ощущал силу, готовую вырваться наружу. Муромец понимал, что они оказались в самой настоящей западне. – Скажи, это то, о чем я думаю?

– Да, – ответил Сева нарочито громко. Вот что-что, а голос он умел отлично контролировать. Сейчас нужно мастерски перевернуть все с ног на голову, выставить ситуацию так, будто это Вещий Олег совершил страшную ошибку, а вовсе не они. – Наш Зареченский наставник, оказывается, заправский некромант. Не уверен, что сегодня ритуал прошел успешно, но, полагаю, это станет интересной новостью для других

семейств.

Как сказал бы Илья Пророк, лучшая защита – это нападение.

– Щенки, – прошипел Вещий Олег. Он вскочил на ноги, стряхивая с себя лохмотья и стирая с лица остатки земли тыльной стороной ладони. Черные свечи, плачущие восковыми слезами над книгой, погасли. В усыпальнице стало темно. Фигуры колдунов подсвечивались лишь тусклыми кристаллами-световиками, кое-где выступавшими из стен. – Вы ничего не знаете!

– Узнаем, когда ты все объяснишь, – резко сказал Митя.

– Объясню? А ты сначала выберись отсюда, Муромец, – язвительно произнес Олег, приближаясь к Земляному магу. Было ясно, что он точно не сдаст позиции. Митя нащупал за спиной дверь и снова безуспешно толкнул ее. – Заперто? Какая жалость, правда? Вот если бы именно тебе передался Каменный дар, а не твоей сестрице...

– Запертые двери – это очень обидно, – оборвал его Сева, заставляя обернуться. – Но хорошо, что мой информационный ком может преодолеть даже такую преграду.

Вещий Олег зло усмехнулся:

– Давай, попробуй. Посмотрим, как ты создашь информационный ком, если все силы здесь высасывает земля.

Митя и сам попробовал воспользоваться этим колдовством но, как и сказал наставник, ничего не вышло. Сева же продолжал спокойно смотреть на хозяина кладбища:

– Вы никогда не слышали про меня ничего странного? – Даже сейчас он не решался называть наставника на «ты», но с приятной злостью отметил, как вопросительная гримаса исказила лицо Вещего Олега. – Всякие слухи? Некоторые говорят, что у меня черная кровь.

Он повернулся и направил всю свою волю на одну из метавшихся под потолком Навий – духов-прилипал, сопровождавших смерть. Сгусток липкой, холодящей нутро силы вопил и сопротивлялся, но его крик никому не был слышен. Олег же с недоверием проследил, как Заиграй-Овражкин буквально вылепил из этой черной энергии шар, замерцавший приятным голубоватым светом, и подкинул его к потолку.

– Стой! – вскрикнул Олег, выбрасывая вперед обе руки.

Сева замер, его информационный ком завис прямо перед каменной преградой. Пальцы подрагивали от волнения и неуверенности в том, что колдовство удалось. Но наставник, к счастью, ничего не заметил.

– Хорошо! Что вы хотите? – Тяжело дыша, Вещий Олег перевел взгляд с Заиграй-Овражкина на бледного Муромца.

– Хотим выйти отсюда прямо сейчас. А после того как ты нас выпустишь, ты объяснишь все, что здесь произошло, – тут же отозвался Митя.

Вещий Олег медленно оглядел обоих парней. Сева, не отрываясь, следил за ним. Нож и книга лежали теперь далеко – да и не причинит же он вред наследникам двух старинных семейств? Но Сева понимал, что Олег не так уж прост. Он хитер и знает обо всех слишком много. Скорее всего, отпустить свидетелей незаконного ритуала не входит в его планы, будь они хоть сыновьями Ирвинга.

– Идет, – внезапно сказал Вещий Олег, чем очень удивил Севу. – Но я должен буду знать, как наследник рода Муромцев пробрался в мои владения через потайной ход.

Митя с Севой хмуро переглянулись, а Вещий Олег задвинул надгробную плиту, хлопнул ладонью по ближайшему световику, заставив погаснуть все остальные, и распахнул дверь в противоположной стороне усыпальницы: она была заперта на засов. Перед колдунами открылась дорога, ведущая через кладбище к особняку. Справа простирались домовины – крохотные избушки на каменных столбиках, в чьих недрах хранился прах умерших. Эта часть кладбища была самой старой, смерть здесь уже не ощущалась, только светлая тоска чуть трогала сердце проходящих мимо магов. Слева возвышались статуи, венчавшие более поздние захоронения. Несколько семейных склепов, принадлежащих разным родам, монументально обступали дорогу. В тенистой аллее еще поблескивал снег, кое-где покрывшийся рыжими – от песка – пятнами.

– Почему Манур ничего не забрала у нас? – спросил Митя, следуя по пятам за Вещим Олегом, ведущим незваных гостей в дом.

– Манур? – усмехнулся наставник. – Ты знаешь, как зовут птицу, стерегущую вход?

Митя промолчал, и Олег продолжил:

– Я удивлен! Ты не был силен в Легендологии. А тут вдруг узнаешь мою птицу...

«Он провоцирует! – раздался голос Севы в голове Муромца. – Не ведись».

– Но ты прав, Манур ничего не забирает. – Вещий Олег остановился у главного входа и, изображая гостеприимство, жестом предложил молодым колдунам войти. – На кладбище даже со своей знаменитой силой Муромцев ты ни для кого не опасен.

Войдя, Сева задрал голову и стал с интересом разглядывать выложенный темной мозаикой потолок. Там была изображена старуха-

смерть в серой куколи. Скрюченные руки прижимали к себе душу, представленную в виде младенца, а вместо левой ноги торчала кость.

Митя же убранством не интересовался – он бывал здесь десятки раз.

– Прошу, – сдаваясь под его взглядом, Олег пригласил всех в небольшую комнату. – Располагайтесь. Извините, до обеда еще далеко...

– Нас не интересует обед. Мы ждем не дождемся, когда ты приступишь к рассказу, – оборвал его Митя, теряя терпение.

– Приступлю к рассказу? – отозвался Олег, тоже повышая тон. – А не слишком ли смело, Муромец? Двое сопляков забираются ко мне в дом, и я должен отчитываться?

– Вот какое дело. Мы-то и перед Старейшинами можем объяснить, как и почему мы проникли сюда. Но им может не понравиться то, что мы здесь увидели. Наставник Заречья совершает некромантский обряд прямо на центральном кладбище, где похоронены предки всех живущих в Росенике семейств. Тем более история странным образом касается человека, внезапно решившего жениться на дочери семейства Звездинок, что некоторые уже расценили как предательство...

– Некоторые – это твой отец? – ехидно заметил Олег, усаживаясь в кресло. – С каких это пор тебя волнует его мнение? Или ты вдруг образумился? Ты теперь на его стороне?

– Я на твоей стороне, как ты не поймешь! – ответил Митя, опустив руку на стол, отчего на нем подпрыгнули и звякнули хрустальные бокалы и графин. – Или ты хочешь, чтобы Долгорукий узнал, что вы там замышляете с Писаревым? Боюсь представить, что Долгорукий сделает с тем, кто решится открыть тайну нашего существования потусторонним.

– Откуда ты... – Вещий Олег побледнел.

– Я не знаю, в чем состоит ваш план. Но что-то в этой идее меня привлекает. И пока что заставляет держать в секрете все, что мне известно.

– Ч-черт, – выдавил Вещий Олег, плеснул что-то из графина себе в бокал и залпом выпил. – Муромцы только и умеют, что давить на людей угрозами!

Митя примирительно улыбнулся:

– Так и быть, пока ты приходишь в себя, я расскажу, зачем мы пробрались на кладбище. Мы исследуем подземелья под городом.

– Об этом я и сам догадался! – Олег потрянул головой. – А когда после Посвящения папочка поведал тебе о потайных ходах, он не сказал, что к другим людям ходить таким путем нельзя?

– Я узнал о ходах еще до Посвящения.

– Что? – Олег поднялся с кресла. – Каким же образом?

– Мы нашли карту, – подал голос Сева.

– Карты подземелий не существует!

– А как же «Весть семи богов»?

– «Весть семи богов» – это просто рунограмма. Не дурите мне голову, невозможно догадаться, что это карта. Карту можно лишь составить...

– Да-да, из нескольких схем, – подтвердил Митя. – Другую часть моя сестра как раз нашла в старинной семейной книге, когда пыталась выучить «Весть семи богов».

– Анисья Муромец, – сквозь зубы процедил Вещий Олег. – Ну конечно! Самая настоящая заноза. Кажется, что не только семья подыгрывает ей во всем, но и весь мир!

– О да, в этом я с тобой соглашусь, – пожал плечами Митя. – Ну так вот. В подземелья мы попали еще до Посвящения. Именно тогда стало понятно, сколько тайн скрывают друг от друга наши семьи, призванные защищать общество Светлых магов. Так что теперь я настроен выяснить, какие дары оставили нам боги.

– Ты веришь, что это были боги? – ухмыльнулся Олег.

– У меня нет ни капли сомнений. Особенно учитывая то, что я видел один из этих даров своими глазами, – спокойно ответил Митя, чувствуя, как власть над ситуацией плавно перетекает в его руки. Это было приятное ощущение. Чертовски приятное. Он видел не только дары. Всего пару часов назад он глядел на существо, которое предки называли богом. И видел то, что случилось с этим богом, попавшим в плен человеческих страстей. – Так что расскажи нам, что скрывает земля, принадлежащая твоему роду. Иначе я продолжу поиски и все равно это выясню.

– О, да никаких секретов, – почти безразлично развел руками Олег. – Вы знаете, почему магов хоронят на этом кладбище?

– Да, – ответил Сева. – Необычная местность. Если перед смертью маг не передал свою силу неофиту, он будет погребен вместе со своим даром, и никто не вправе отнять его после смерти. В других же местах опытный некромант может забрать дар мертвеца.

– Именно, – кивнул хозяин дома. – Вот он вам и дар великой Мары.

– Но вы некромант! – тут же воскликнул Сева. – Как вы можете проводить здесь подобные ритуалы?!

– Есть и исключение. Никто не может совершать ритуалов на кладбище, кроме наследников нашего рода. Только моя семья способна забирать магию умерших, чего мы, однако, никогда не делали и делать не будем. А то, что вы сегодня видели, имело совершенно другое назначение. Честно говоря, мы с вами очень похожи в своих желаниях. Я тоже ищу

одно древнее сокровище. И предполагаю, что кто-то из моей давно почившей родни прольет свет на то, куда же оно делось. Не думайте, что это случайность. То, что я ищу, и вас заставило пуститься на поиски. Просто вы об этом не знали. Думали, что жажда приключений и череда совпадений привели вас в подземелье. Но нет. Это он. Серп.

– Серп?

– Серп Мары. Старинное оружие, оставленное богиней смерти. И мне интересно, что такого сделала Анистья Муромец, что ей в руки попали разрозненные части карты подземелий, где это оружие некогда хранилось?

– Подожди, но ведь Серп Мары – это лишь символ, – проигнорировал его вопрос Митя. – Ты сам сказал, что дар богини – это кладбище, где силы погребенных колдунов уходят вместе с ними и не могут быть украдены...

– Верно. Но наше семейное предание гласит, что есть и сам серп.

Митя отчетливо вспомнил, как мелькнула дуга кинжала в видении Ильи Пророка. Был ли клинок похож на серп? Вещий Олег прошелся вдоль комнаты и продолжил:

– Тот, что позволяет Маре освобождать души. Говорят, он давно утерян. Он передавался только по женской линии, и что-то увело его из моего рода. Еще мой дед искал его... я помню. Он был одержим идеей, что серп рядом.

Наставник щелкнул пальцами, и через минуту в дверь всплыла старая толстая книга, раскрытая почти на самой середине.

– Вот, – он указал на изображение. Девушка, укрытая саваном, держала в руках странный изогнутый нож, лишь отдаленно напоминающий привычные серпы. – Видите это лезвие? Необычная форма... Это он и есть.

– И зачем тебе понадобился серп Мары? – Митя прищурился. – Раз он передается только по женской линии, значит, ты не сможешь им воспользоваться.

– Если верить легендам, это опасная вещь. Если она попадет в руки Старообрядцам...

– И ради него ты нарушаешь законы? Используешь некромантию? Чтобы спасти нас всех от Старообрядцев?

– Муромец, может, тебе и трудно в это поверить, но да. Моя жизнь ничтожна по сравнению с жизнью целого сообщества. Из-за этого я даже решился на брак, которого не планировал.

– С Асей Звездинкой? – удивленно спросил Сева со своего места.

– Семья, чьим символом всегда был серп! – воскликнул Вещий Олег. – Знаменитые травники.

– Так ты думаешь... он может быть у них? – встрепнулся Митя.

– Вполне. В любом случае, никаким другим способом я не могу это проверить. А ты знаешь, Муромец, что кое-кто настроен против Звездинок. Если Звездинка и впрямь окажется замешан в нехороших делах, то серп Мары ни в коем случае не должен оказаться в его лапах. Если это сокровище хранят в их семье, оно перейдет к Асе. Как я уже говорил, только женщины способны раскрыть силы Серпа. Сама Мара приходит вновь и вновь в их облике. Она ведь не умерла. Не могла умереть. Она продолжает свой путь и узнает себя в новой жизни, получая по наследству серп.

Сева и Митя одновременно вздрогнули, вспомнив девушку из видения Пророка. Колдунью, которую тот никогда не видел, но тут же узнал.

– Теперь ваша очередь рассказывать, Заиграй-Овражкин, – внезапно раздался насмешливый голос наставника.

– Что рассказывать?

– Что это за слухи про вас ходят? Какая еще черная кровь...

– К счастью, это просто глупые сплетни. Но, согласитесь, их очень удобно использовать в нужной ситуации. – Сева поднялся, сделав знак Муромцу, и оба они направились к двери.

Но Вещий Олег тут же очутился возле них.

– Я бы охотно поверил, если бы не видел, что вы сделали с низшим духом...

– А, этому я научился на практиках в Здравнице.

– Вы врете, Заиграй-Овражкин! – понизив голос, произнес Вещий Олег, и его взгляд угрожающе похолодел. – Такому нельзя научиться, уж мне ли не понимать. Но знайте: я выясню, откуда у вас такая способность.

* * *

Выйдя из избушки, Полина тут же угодила в лужу, в которую превратился вчерашний сугроб. Она первый раз видела Заречье в такое время года. Для нее в этом всем было что-то правильное, словно вернувшись от Темных магов, она уже не могла попасть в свой старый привычный мир. Страх и полная растерянность, сопровождавшие ее в последние месяцы, не сломили, а наоборот закалили ее. Внутри словно появилась невидимая опора. Она справилась с этим опытом, справится и со всем остальным: с одиночеством, с бесконечными тайнами и недомолвками, со своенравной стихией, лишь изредка приходящей ей на помощь, с холодным взглядом черных глаз... Оставалось лишь понять, как

справиться с таким количеством внимания, свалившимся на нее!

Обед прошел непросто. И почему она не решила поесть в избушке, ведь можно было попросить Афанасия принести скатерть-самобранку? Но что-то тянуло ее прочь из четырех стен, на свет, к людям. Сегодня стол облепили ребята, с которыми до этого она почти не общалась. Арсений Птицын все пытался свести разговор к Старообрядцам. Он был слишком прост, слишком прямолинеен по сравнению с остальными магами. Поэтому ему нетрудно было отказать в рассказе. Он нахмурился, почесал лоб, смахивая вьющуюся прядку, и начал обдумывать, с какой еще стороны подобраться к Водяной. А вот несколько снежинок как бы невзначай интересовались укладом жизни Темных. Встряхивали длинными локонами, блестящими на солнце силой, добродушно смеялись и сочувственно кивали, а потом ловко переводили тему. И не заметишь, как уже отвечаешь на их не заданные вслух вопросы. Отвечаешь, даже когда не хочешь. Саша Велес спросила, представителей каких старинных родов Полина видела на Темной стороне, будто Водяная колдунья только и делала, что посещала званые ужины. Неподалеку сидел Алеша Попов, вызывая смущение и неловкость. Полина заметила, что он оказывает ей знаки внимания: то подвинет поближе миску, то принесет с круглого стола румяный пирожок, то душевно улыбнется. Тактичные и робкие попытки вызвать в ней ответную реакцию, на которые она не может ответить. Не может, потому что мало того, что он высок и светловолос, так еще и зовут его Лешей, как того... того, которого убили прямо у нее на глазах только за то, что она ему приглянулась. Но даже его нелепая, оказавшаяся напрасной смерть не избавила ее от проклятия. Она чувствовала его внутри. Темные птицы затаились и выжидали подходящей минуты. Ничего не стоило их крыльям распахнуться, едва она потеряет бдительность. Интересно, сколько нападений этих чудовищ ей удастся перенести? И пострадает ли из-за нее еще кто-нибудь?

О, как удачно, что напротив сидела Анисья. Заметив Полинино выражение лица, она отвлекла Попова, стала спрашивать о делах его отца, и тот охотно увлекся новой темой. Полина толком не могла вслушаться в их разговор, будто что-то не позволяло ей поинтересоваться рассказом Алеши: вдруг она узнает слишком много о его семье, о его детстве, догадается о его чувствах... к ней самой? Нет, это невозможно было выдержать. Перед глазами то и дело возникала рука, занесшая нож.

– Мне пора на встречу с Дарьей Сергеевной. – В самый разгар беседы Полина поднялась из-за стола.

Попов тут же замолчал, а снежинки начали перешептываться.

– Конечно, уже время... – кивнула Анисья, сверяясь с часами.

– Ты же только из лазарета. И сразу на практику? – подала голос одна из девушек в белом.

– Если честно, я там просто бездельничала. Чувствую я себя хорошо, – отозвалась Полина и, не зная, что еще добавить, направилась к выходу.

Странно, если раньше она ощущала себя лишней здесь – неловкой, ничего не понимающей, глупой, то теперь это чувство лишь поменяло оттенок: она все еще была лишней, не такой, как все, отделенной от остальных толстой стеной, но причина в этом крылась другая. Неужели так никогда и не удастся стать частью их огромной дружной семьи?

Дорогу Желаний размыло. Кое-как пробравшись по грязи и мелкой холодной воде, заполнившей все ямки и канавки, Полина подошла к деревьям, которые окружали поляну для встреч Воздушных. Голые, с облетевшими листьями, потемневшими от влаги стволами, они не казались так уж тесно прижатыми друг к другу. Полина легко прошла между ними, касаясь руками морщинистой старой коры, и очутилась на поляне, обнесенной стеной исполинов. Поляна представляла собой идеально ровный круг. Это Водяная заметила еще пару лет назад, в день первого собрания с Верой Николаевной. Тогда она удивлялась. Теперь осознавала. Она медленно поворачивалась вокруг себя, спокойно убеждаясь в безгрешности линий. Она смотрела на лес, на его мокрые скрипучие ветви, взвившиеся к небесам. Лес – живой, чуть уязвимый без своей роскошной кроны, – смотрел на нее в ответ. Удивительно, но здесь, в месте, наполненном Воздушными чарами, под присмотром старых деревьев она переставала чувствовать себя чужой. Лес просыпался, некогда усыпленный дудочкой и колыбельной песней мужчин-колдунов. Но веснянки, исполненные звонкими девичьими голосами, стряхнули с него дремоту. Гороховые лепешки, что вчера она оставляла на пеньках вместе с другими девушками, накормили не только проснувшихся медведей, но и сам лес. Где-то в глубине всколыхнулись подземные воды. Под ногами чуть задрожала и тут же успокоилась земля. Полина еще раз повернулась, на ее губах расплылась легкая улыбка. Лес баюкал ее, свое речное дитя, улыбался в ответ. Заречье ждало ее. Радовалось ее возвращению. В небе весело закричал жаворонок. Полина сделала еще шаг и непроизвольно вскрикнула – за спиной вдруг возникла Лиса.

Наставница звонко рассмеялась, заметив ее испуг, и протянула к ней руки.

– Ну, вернулась, значит? – весело прошептала она.

Ее странные глаза с желтыми прожилками в радужках никогда не

меняли выражения, будто это были стекляшки, позаимствованные у куклы. Вспомнив эту особенность, Полина вмиг помрачнела. Ей пришло в голову то, что она хотела сказать наставнице еще в день их первой встречи в лазарете. Ей отчего-то казалось это важным.

– Пока мы не начали, я должна... – пролепетала она, понимая, что причинит боль. Но боль не отразится на лице наставницы. Чем больше боли, тем сдержаннее взгляд. Этот круг не разомкнется. – Я хотела сказать вам, что видела... его. Видела... там... его...

– О, – произнесла Лиса, уголки ее губ опустились. Конечно, она поняла, о ком речь, но зачем-то уточнила: – Близнеца?

Полина уже думала о том, как правильно его назвать. Но ни имени, ни слова «ваш муж» она выговорить не могла.

– Всего пару раз. Мельком. Но если вы захотите, чтобы я вам что-то рассказала, я расскажу!

– Да, Полина, спасибо. – Голос наставницы зазвучал чуть печальнее. – Если что, я... спрошу. Но точно не сейчас.

– Простите...

– Ничего страшного! Все в порядке. Ну, ты как? Чувствуешь в себе силы? – бодрее заговорила Лиса.

«Нет», – хотела признаться Полина, но лес вдруг зашумел.

Девушка подняла голову. В высоких ветвях гулял ветер. Она вспомнила тот самый взгляд, что деревья не спускают с нее. Тот ток, что бежит под стылой землей. И ту легкость, которая наступает после долгого хохота подружек... Пальцы потянулись к отросшей косе и развязали узелок ленточки. Растрепавшиеся волосы рассыпались по плечам неровными прядями. Вслед за девичьим смехом в голове прозвучал крик старика, который пытался укрыться от горячих жалящих струй, вырвавшихся из проеденных временем труб; булькающие звуки, с которыми рот Шелогии, барахтающейся в водах фонтана, хватал воздух. И снова улыбка осветила бледное лицо Водяной колдуньи.

– Да, Полина, вижу, что силы ты чувствуешь. Поняла наконец, что не все мы белые и пушистые? – Лиса оказалась очень близко, заглядывая в глаза и абсолютно верно читая их блеск. – Служить свету можно не только безгрешными помыслами. Иногда в битве за любовь и добро нам приходится показывать когти.

Полина старалась не двигаться. Чувство никуда не уходило. Раньше оно возникало лишь всплесками. Но теперь как будто начало укрепляться в ней.

Лиса отошла на несколько шагов и повернулась к подопечной.

– Сегодня ты начнешь учиться создавать морок. То, чего нет. То, что собьет с толку твоих врагов.

– Звучит как Боевая магия...

– Называй как хочешь, но я знаю, что именно это тебе сейчас нужно.

– Но разве это не Воздушные чары?

– Говорят, что в мороке никто не превосходит Водяных. Да, ты не умеешь влиять на людей, навязывать им свои мысли и желания. Ты вряд ли сможешь заставить их поверить, что они видят перед собой стену огня, если огня там нет... Но ты можешь пойти другим путем. Ты должна сама поверить во что-то несуществующее. Убедить себя, что видишь это. И тогда это увидят остальные. Как это произошло с пером Финиста, которое ты лишь представила, и все равно кое-кто услышал твой зов.

Полина почувствовала волнение. Ей хотелось, чтобы это получилось так же легко, как тогда, когда она увидела Ундин, но что-то подсказывало, что на этот раз придется приложить больше усилий.

– Кстати, у тебя есть мысли по поводу волшебного помощника? – вдруг спросила Лиса.

– Волшебного помощника? О... нет. Если честно, я думала, он выберет меня сам. Да и вообще...

«Да и вообще я несколько месяцев жила в плену у Берендея. Может, мне стоило взять его в качестве помощника?» – закончила она фразу, которую не решилась произнести. Лиса продолжала поглядывать на нее с улыбкой.

– Разве обязательно его находить?

– Поверь мне, он выручит тебя на Посвящении. Любому существу необходим помощник в сложных ситуациях. Его помощь может быть разной. Понимаешь, к чему я? Подумай, где твоя слабость, Полина! Возможно, именно там тебе понадобится чья-то поддержка, смекалка или ловкость. Ну ладно, давай начинать. Тебе надо настроиться. Забыть, о чем мы говорили. Отбросить прочь все, что беспокоит. Дыши.

Полина закрыла глаза. Ноги начинали немного подмерзать. Она сделала медленный глубокий вдох, вместе с ним по ее телу из земли поднялась тонкая струйка силы, она пробежала вверх по спине, на мгновение застыла в районе затылка и потекла обратно вниз, на этот раз огибая ее тело спереди. Следующий вдох увеличил эту силу. Кончики пальцев ног и рук потеплели. Сама земля питала ее, передавала напряжение подземного ручья. Деревья вырастали в темноте, их устремленные к небу потоки ощущались даже с закрытыми глазами. Крепкие, спокойные, деревья стояли тут всегда, смиренно переживая отведенную им вечность.

Они напоминали Земляных магов: уравновешенных, неторопливых, наделенных природной мудростью. Полине вдруг привиделся Алеша Попов, выводящий из стойла коня.

– Мысли, – ворвался в ее видение шепот Лисы, – пусть проплывают мимо.

Полина снова сделала вдох и внезапно придумала, что за морок попробует наколдовать. Она подняла к лицу руки, сложив их лодочкой, и надолго застыла, забыв о холоде, остатках мокрого снега под ногами и даже Земляных магах. Она представляла зеленый росток, тянущийся прямо из ладоней. Маленький, нежный, прорвавшийся назло холоду. Земляные маги в обморок попадают, если ей удастся этот морок! Решат, что она научилась прямо из ничего выращивать растения! Полине стало смешно.

Лиса отпустила ее только через четыре часа. Росток получился вполне крепким, но видела его пока только Полина. Она попрощалась с наставницей и покинула поляну, опять погладив рукой кору ближайшего дерева. Она как раз успевала к началу Марьяниного клуба, куда ее пригласили. Водяная колдунья вздохнула, снова возвращаясь в своих воспоминаниях к сегодняшнему обеду, в самом начале которого ее поймала под руку невеста Мити Муромца, а Нина и Настя, повсюду ее сопровождавшие, наперебой затараторили о вечернем собрании. Полина думала отказаться: и ежу понятно, что все будут ждать от нее рассказов о Темных магах, но внезапно рядом возникла Анисья и сказала тихонько на ухо: «Пожалуйста, Поль, они тоже имеют право знать. Если ты не расскажешь им сама, они поверят в сплетни и прочую ерунду».

Полина поразмыслила немного и сдалась, согласившись с Анисьей. И как только она объявила о том, что придет на собрание, в столовой появился Василий, старший Огненный маг. Он деловито раздвинул девчонок и подсел за Полинин стол, не обращая внимания на возмущенные взгляды Марьяны Долгорукой и Нины.

– Такое дело, росинка, – тут же обратился к Полине Вася, отхлебнув компота из ее кружки. – Ты слышала про наши вечерницы? Наверняка тебе уже кто-нибудь рассказал! Так вот, сегодня у нас встреча в темноте. Ну знаешь, все сидят в кругу и болтают. Когда не видишь собеседника, совершенно по-другому воспринимаешь информацию, ты знала?

– Интересно, наверное, – произнесла Полина, не совсем понимая, к чему он клонит.

– Конечно, интересно! Мы тебя ждем!

– Что? Ой. – Полина отложила ложку, так и не успев притронуться к супу. – Не могу, сегодня я уже занята.

– Ну пожалуйста, пересмотри свои планы. – Василий сделал грустные глаза. – Нам нужны твои знания. Понимаешь, мы же – будущее Светлого сообщества.

– Знаете, молодой человек, уже поздно! Полина идет на собрание ко мне, – не выдержала Марьяна Долгорукая.

– Да-да, – подтвердила Настя, – но туда приглашены далеко не все.

Вася окинул их любопытным взглядом, но, даже толком не вникнув, кто перед ним, снова повернулся к Полине.

– Послушай, ручеек, приходи, а? Я не могу обещать, что будет весело: обычно эти разговоры в темноте совсем не веселые. Философские скорее. Задумчивые. Бывает, что и печальные. Но тебе будет интересно, вот увидишь.

– Вася, я... правда не могу, – растерянно проговорила Полина. – Я бы с удовольствием, но я пообещала... – Она перевела взгляд на Марьяну и замолчала.

– Такие вещи должны обсуждаться с серьезными людьми, – вдруг заявила Марьяна. – С теми, кто в будущем действительно сможет что-то сделать и поменять!

– Кто эта маленькая задира? – рассмеялся Вася, отмахиваясь от нее, как от назойливого комара.

– Марьяна Долгорукая, – мрачно отозвалась Полина. – Невеста Мити. Марьяна, это Василий, Огненный. Его отец – владелец «Медвежьего угла».

Лицо Васи вытянулось, и он шлепнул себя по лбу. За его спиной раздались смешки.

– Прощу прощения, – медленно произнес он, и улыбка исчезла с его лица. – Тогда все понятно. – Он встал и развел руками. – Ладно, росинка, тут ничего не попишешь. Многие бы выбрали компанию из знатных семей...

– Вася! Да нет же...

Но Василий уже развернулся и быстро зашагал к выходу.

Марьяна, почувствовав испортившееся настроение Водяной колдуньи, поспешила удалиться, но ее место тут же заняли несколько снежинок, Саша Велес и Алеша Попов.

И теперь Полина медленно брела к избушкам, испытывая вину перед Васей, будто она его чем-то обидела, и нежелание идти к самодовольной Марьяне, которая, конечно, вовсе не хотела быть грубой, а просто боялась упустить занятную гостью. Наверняка девочка и впрямь верила, что затеяла что-то важное, представляла, как в будущем займется делами семьи, хотела руководить и управлять, да и служить на благо Светлого сообщества...

Полина остановилась у избушки под номером девятнадцать, размышляя о том, нужно ли было переодеться к этому Марьяниному собранию. Она решила сменить промокшие ботинки и найти кофту понаряднее. Возле шкафа до сих пор стояла сумка с вещами, которые она собирала еще летом. Под руку попало новое легкое платье и юбка для Маргариты – они покупали это вместе с Миком. Так давно, словно в другой жизни. Покопавшись несколько минут, Полина снова очутилась на улице и направилась в сторону Беличьего тупика. На перекрестке ее ждала Анисья, кутавшаяся в плащ.

– Не думала, что все так получится, – расстроено проговорила она, увлекая за собой Полину.

– Что стряслось?

– Митя с Севой до сих пор не появились. Марьяна пригласила их, и они обещали быть.

– Они что-то нашли в туннеле?

– Наверняка они прошли тупик, раз их так долго нет.

Впереди выросла избушка Марьяны, прямо над крышей по небу катилось вечернее солнце. Над дверью висел венок из березовых веток, украшенный сухими цветами.

– Марго с Василисой уже там? – спросила Полина.

– Н-нет, – с запинкой проговорила Анисья.

– Марго не было дома, я заходила.

– Возможно, они пошли на вечерницы к Василию. Понимаешь... Марьяна их не приглашает. – Она с виноватым видом повернулась к Водяной колдунье.

– О, вот как, – протянула та.

– Только выходцев из старинных семей. И иногда бывают разные гости, которые могут поделиться интересными сведениями.

– Выходит, я именно такой гость, – улыбнулась Полина, вспоминая, что уже и сама про себя так сегодня думала.

– Выходит, да, – ответила Анисья, чуть нахмурившись.

Девушки поднялись по ступенькам и вошли. Избушка встретила их уютным теплым светом, но воздух здесь показался Полине промозглым. Одна из Марьяниных подруг тут же вскочила им навстречу и поднесла тарелочку с засахаренными фиалками.

– Как я рада, что вы пришли! – воскликнула хозяйка избушки, одетая в длинное платье с узором из тонких веточек. – Присаживайтесь. Мы ждали только вас, так что можем начинать. Ну, что же ты стоишь, Полина?

Она подняла глаза на Водяную колдунью.

– Прости, Марьяна. Но я передумала.

Все сразу затихли. Анисья удивленно повернулась к подруге.

– Я передумала рассказывать что-то на этом собрании. И хочу пойти на вечерницы к Огненным. Понимаете, там мои друзья. – Она поглядела на Марьяну Долгорукую, стараясь поймать ее взгляд. – И если вы хотите послушать мои истории, то идем со мной. Дело касается Старообрядцев, поэтому мы не должны разделяться на два лагеря. Но если уж дошло до такого, то я не останусь в одном лагере с детьми знатных семей – мне далеко до вашего положения.

– Полина, да ты не понимаешь, – начала Марьяна, – дело не в положении.

– Идем, – прервала ее Полина, понизив голос до шепота, а потом оглядела комнату и обратилась ко всем гостям: к Диме Велесу, замершему в углу, его двоюродной сестре Саше, которая еще днем пыталась узнать хоть что-то о Темных, к Нине и Насте, сжимавшим узорчатые пиалы с угощением, и двум девушкам и двум парням, которых не знала по именам: – Пойдемте все вместе. Там будет темно, и никто даже не догадается, что знатные особы посетили вечерницы.

Не дожидаясь ответа, она направилась к двери, успокаиваясь от того, что Анисьины шаги звучали рядом.

– Ну ты даешь! – захихикала подруга, прижимаясь к Полининному уху. – У Марьяны было такое лицо!

– Анисья, не смейся над ней, – ответила Полина, украдкой оборачиваясь: гости один за другим покидали Марьянину избушку и шли в направлении улицы Гроз. – Она же такая юная и несмышленная!

На улице Гроз снег начал таять еще вчера, а тот, что не успел, был безжалостно втоптан в грязь ряжеными на Масленицу. Так что дорога была плотной и нескользкой. Из кухни, расположенной в доме Нестора Ивановича и Розалии Павловны, аж досюда тянулся сладкий дух горячих сдобных булочек. Полина почувствовала, что проголодалась.

– Кажется, тут. – Анисья подтолкнула подругу к одной из избушек, дверной косяк которой был украшен десятком разноцветных кристаллов-светильников. В окнах этого домика было неестественно темно.

Они поднялись на крыльцо и отворили дверь. В избушке тут же стихли голоса, прерванные на полуслове.

– Кто бы это ни был, – раздалось в темноте, – заходите скорее и закрывайте за собой дверь. Мы не хотим замерзнуть. Сварог тебя порази, смотрите как их много!

– Жаль, не видно, кто это...

Снимая у входа ботинки и вешая пальто на крючок, который она нашла на ощупь, Полина пыталась прислушаться к голосам, но, к своему удивлению, не поняла, кто произнес эти фразы.

– А дальше что делать? Куда садиться? – спросила Водяная, вытянув руки и пытаясь нашарить перед собой хоть что-нибудь.

Было слышно, что присутствующие в комнате притихли, будто тоже не до конца понимали, говорит с ними Водяная колдунья или кто-то другой. Интересно, что же это было за колдовство?

– Не бойся, просто иди вперед. Ты не споткнешься. Садись прямо на пол там, где тебе хочется.

Полина сделала несколько шагов и опустилась вниз, с удивлением почувствовав, что села на мягкую подушку. Чьи-то руки сунули ей какой-то ком, оказавшийся пледом. Она с удовольствием в него закуталась, хотя в этой избушке, в отличие от Марьяниной, было тепло. Ее коленка во что-то упиралась, она снова протянула руку и нащупала корзинку с теплыми рогаликами. Рядом нашлась и чашка с чем-то горячим, пахнущим мятой и чабрецом. Вокруг шуршали и тихонько двигались остальные: Марьянины гости медленно рассаживались и, скорее всего, тоже находили рядом с собой вкусности вроде чашки какао или бутерброда с сыром и листиком салата.

– Ну, как день прошел, хорошие мои? – спросил чей-то мужской голос, и Полина вместе с другими тихонько засмеялась, чувствуя приятное тепло.

– Мы у Параскевы сшили сегодня шесть мужских рубашек. Получились отличные, – начала какая-то девушка.

– Мне как раз надо! Возьму сразу две! – отозвался мужской голос.

– Мы отложим тебе самые маленькие, – расхохотались девчонки.

– Так, с чего это?!

Полина пыталась уследить и понять, кто же все-таки говорит. Ей вдруг стало весело. Какая хорошая затея – эти вечерницы!

– Эй ты, напротив! Ты что делаешь?

– Вышиваю, – ответил приятный девичий голосок. – Узор на рубашке, которую ты заказал.

Снова раздался смех. Полина потянулась за булочкой и откусила ее мягкий бочок.

Дверь открылась снова и впустила еще нескольких человек. Полина вглядывалась в их силуэты, но так и не смогла рассмотреть.

– Все, это последние! – воскликнул кто-то. – Избушка-то не резиновая, господа. Заприте за собой дверь.

Кто-то закопошился рядом с Полиной, пристраиваясь на полу. Она тут

же передала невидимке миску с рогаликами и коричневыми улитками.

– Кому сегодня что снилось?

– О, ну это до ночи можно рассказывать!

– Я была горой. Огромной скалистой горой, к которой ластится пасмурное море...

– Нет, у меня была просто бестолковая погоня.

– А я весь сон целовался.

В ответ загомонили, несколько девушек кокетливо засмеялись, кто-то крикнул «Повезло!»

– Да, кое-кому и во сне такое не светит.

– На что это ты намекаешь?

– С кем хоть целовался?

– С самой красивой девушкой в Заречье.

– Ой, это не ответ!

Полина разволновалась, но волнение было приятным. Она хихикала вместе со всеми. Именно этой ночью ей не снился нож в груди бедного Леши, и спала она очень крепко.

– Да ну, из вас сегодня ничего не вытянешь! – раздался мужской голос. – Ну так что? Может быть, кто-то сам хочет что-нибудь рассказать?

Полина дожевала булку и отставила подальше чашку. Шорохи постепенно смолкали. Голоса превратились в шепот, но и тот скоро стих. Она уселась поудобнее, в надежде, что кто-нибудь заведет разговор. Но комната погрузилась в тишину.

Водяная колдунья робко кашлянула и негромко проговорила:

– Это был огромный дом. Вроде тех, в которых в Росенике живут богатые семьи.

Он запнулась, отвлекшись на то, что кто-то слева от нее снова зашевелился. Через секунду она почувствовала, как этот кто-то прилег и положил голову к ней на колени.

– Значит... да, дом. Даже, может, и поместье. За окнами видно только огромный сад. Но непонятно, есть ли что-то за его оградой.

– Ограда была заколдована? – уточнил высокий голосок.

– Да. – Полина опустила руку и осторожно дотронулась до лежащей у нее на коленях головы. По ощущениям слева от нее сидел парень, но неплохо было бы удостовериться.

Пальцы прошли по волосам – достаточно длинным и совсем не кудрявым. Значит, не Алеша Попов, у того короткие. Не Митя, который в принципе мог бы позволить себе такой жест, – да Мити тут и не было. Двое отпали, но в кандидатах оказалась половина парней Заречья. Дальше

пальцы скользнули к подбородку, укололись о свежую щетину, прыгнули было к носу, но невидимка смешно засопел от щекотки и уткнулся прямо ей в коленку, отворачивая лицо. От его присутствия почему-то становилось спокойно.

– Кто же жил в том большом доме? – раздался в темноте и бесконечной пустоте еще один голос. И вдруг Водяная колдунья все поняла. У голосов здесь не было возраста. У голосов не было пола. Не было статуса. Не было неприятной наружности. Этого всего не было и у ее собственного голоса. Ее историю рассказывал сам мир. В этот миг она ощутила себя частью огромной семьи – той, в которой она еще недавно казалась себе лишней, одинокой, ни на кого не похожей и никому не нужной. Ее голос тоже был голосом Заречья. Она была нужна здесь не только из-за своей редкой магии. Полина положила руку на лохматую макушку парня и ответила гораздо увереннее:

– Берендей, предводитель Темных магов. А еще Полина Брусникина, Водяная колдунья. Вы же знаете, что моя фамилия Брусникина? И что я правнучка Милонеги?

Конечно, многие старшие уже слышали это от Дарьи Сергеевны, а младшие довольствовались обрывками сплетен, но не понимали, стоит ли им верить, поэтому признание от самой Полины заставило всех изумленно зашептаться. Полина вдруг услышала добрые, сочувствующие интонации. Среди голосов, вопросительно повторявших ее настоящую фамилию и восклицавших «Неужели это правда?», раздался громкий и веселый ответ:

– Она говорит правду! Все это так же верно, как и то, что Илья Пророк не кто иной, как Перун – древнее божество, которому поклонялись наши предки.

«Митя!» – воскликнула Полина про себя и чуть не рассмеялась. Значит, Митя с Севой все же успели на вечерницы! И значит, они прошли «Чашу Перуна»!

Глава двенадцатая

Темные птицы

Когда он сидел здесь, время всегда шло иначе. Другим был воздух: словно где-то открылись двери древнего замка, и старина с ее запахами хлынула наружу. Другим казался и свет: будто только-только наступила заря нового мира и солнечные лучи скользили по абсолютно чистой земле. Звучали по-иному мысли, а окружающие предметы болтали друг с другом на незнакомых языках. Митя прислушался. Нет... кажется, он все-таки понимал их.

В кресле перед ним застыла Велес. Приход весны ощущался по ее виду, по платью, по длинным седым волосам, изменившим оттенок. Может быть, она и была весной?

Границы избушки расширились, а потом и вовсе растворились в лесу, тоже почти неуловимо сменившим свой цвет. В коре появились фиолетовые прожилки, у корней зазеленел призрак будущего мха. Колдунья помешивала в чашке травяной чай и болтала ногой, при этом умудряясь выглядеть серьезной. Варенье, стоявшее рядом с ней на столике, стремительно исчезало из банки.

Превращение снова не удалось.

На этот раз он выбрал волка, но тело не желало видоизменяться в нужных пропорциях. Он изучил все: скелет, мышцы, повадки, звуки. Однако кот внутри него не хотел в компанию хищного пса.

– Наверное, с волком совсем ничего не выйдет, – наконец сказал он и нехотя взял пиалу с вареньем. Велес всегда настаивала если уж не на еде, то хотя бы на чае после подобных экспериментов. Варенье оказалось на удивление вкусным, и он тут же отправил в рот еще одну ложку.

– И что в этом страшного? – спросила в ответ Велес.

– Да нет, ничего, наверное...

– Делай ошибки, Митя Муромец, – вдруг сказала она строже и перестала постукивать не дотягивающимися до пола ногами. – Ошибайся, мальчик. Пусть ошибки и стоят потраченного времени да потерянных сил, которых уже не вернуть.

– Но...

– В Заречье мы все равны. Там ты будешь все делать идеально. Здесь можешь быть обычным человеком и совершать сколько угодно промахов

вопреки правилам Муромцев.

Митя в упор посмотрел на Велес, ему почему-то казалось, что она говорит вовсе не о его превращениях.

– И спроси уже, что хотел.

Белой мохнатой рукой Митя стер со лба все еще выступающий холодный пот: несколько часов после практики с перевертыванием организм возмущался и не понимал, что происходит.

– Вера Николаевна, я должен поговорить с вами про Илью Пророка.

Наставница ничего не ответила, только ее губы тронула легкая заинтересованная улыбка. Очертания комнаты снова поплыли. Еще утром он решил, что не станет ее спрашивать. Правда и так открылась ему, зачем пускаться в лишние объяснения: как они с Севой оказались в подземелье? для чего рисковали здоровьем старика, заставляя его прыгать в колодец? Но внезапно по Заречью разнеслась волнующая новость о том, что древний высохший источник, находящийся под особняком Горынычей, наполнился водой. Марья и Федор Кошечевичи наперебой рассказывали это каждому наставнику, который готов был их слушать, и совершенно не опасались, что этим известием заинтересуются и остальные обитатели деревни. Источник трех вод, несомненно, был старинным сокровищем, оставленным кем-то из богов, чье первоначальное имя забылось и было заменено более поздним Кресенем. Он ожил благодаря присутствию Перуна. Последнего из тех, кто создал подземелья под городом. Потому-то Муромец и решил поговорить обо всем с главной наставницей.

– Скажите, Пророк – Перун? – взволнованно спросил Митя.

– Не ошиблась, когда выбрала тебя неофитом, – спокойно ответила Велес, но глаза ее блеснули неподдельным восхищением. – Перун... Возможно, это он и есть.

– Почему же вы никому не рассказываете?

– А как это доказать? Да и зачем, в конце концов, всем эта информация?

– Как зачем? – воскликнул Митя. – Он же... он же бог!

– А что такое бог?

Колдун снова не понял, как упустил контроль. Комната вместе с сидящей перед ним колдуньей начала двоиться. Разбросанные по плечам волосы наставницы напомнили трепыхнувшиеся крылья гигантского мотылька. Вопрос прозвучал у него в голове. Да и мог ли он быть уверен, что вся беседа с главной наставницей Заречья не происходит просто у него в голове? Но он был вынужден согласиться, что рассказывать тут абсолютно нечего. Все и так знали, что Илья Пророк обитает в деревне не

первый век. А уж куда кого привели догадки, не суть важно.

– Если тебе открылась истина, то береги ее. С тобой говорит сама судьба. Она доверяет тебе тайны, недоступные другим.

Митя согласно кивнул.

– Пророк не сможет рассказать всем свою историю. А мы не сможем выучиться на его ошибках.

– Его оставили здесь служить Светлой магии, – проговорил Митя, бессильный против зрительных галлюцинаций, превращающих в кашу всю обстановку избушки.

– А он и служит. Нам. Заречью.

– Как?

– Когда-нибудь мы обязательно это узнаем.

* * *

– Скорее, скорее! – подгонял Федор Кощеевич, дрожа от нетерпения. – Там немного...

– Сыро! – подсказала его сестра, Марья Кощеевна, и рассмеялась высоким звенящим голосом.

– Понимаете, мы давно не пользовались этим ходом, – продолжал Федор Кощеевич.

– Лет эдак восемьсот, – снова закончила за него сестра, и отголоски ее смеха разнеслись по длинному и пустому подвальному помещению.

Вера Николаевна Велес с внуком, Ирвинг и Василий Ильич Муромец с женой спускались вслед за хозяевами дома в подzemелье.

Кощеевичи уверяли, что источник трех вод, расположенный под землей, внезапно наполнился живой, мертвой и обычной родниковой водами. Федор был вынужден посетить несколько званных обедов и поэтому временно покинул Заречье. В один из дней, когда он как раз собирался в гости, он почувствовал необычный зов. Так, по крайней мере, он сам описал это чувство. Оно тянуло его к лестнице, а затем привело к двери в подвале. Руки ощутили необычный прилив магической силы, словно где-то рядом поместили сильно заряженный магией предмет или же спрятали могущественного колдуна. Федор Кощеевич повиновался таинственному зову силы и спустился в подвал. Теперь его путем шли сестра и гости, призванные засвидетельствовать возвращение семейного сокровища, считавшегося давно утраченным.

– Как замечательно, – проговорила Евдокия Рюриковна, придерживая

рукой длинное платье и спускаясь по узким ступеням вслед за мужем. – Это значит, что мы вновь обрели нескончаемый источник живой и мертвой воды. Целители обрадуются этой новости!

– Вы правы, милая, – отозвалась Марья Кошечкина, пытаясь выглянуть из-за плеча брата и рассмотреть, видно ли что-то впереди. – Ведь когда-то наша семья владела и распоряжалась этими водами. Наконец-то справедливость восторжествовала.

– И нам больше не пригодится сын целителя, чтобы проводить обряд животворения воды? – Ирвинг с улыбкой обернулся к Велес.

– Возможно, – уклончиво ответила та, – но давайте сначала посмотрим на источник, чтобы оценить масштабы.

– Ах, а как было удобно, мальчик ведь делал это бесплатно. А вот теперь нам придется платить за живую воду, так, Марья?

– Конечно, Ирвинг! Естественно, мы пойдем навстречу Светлому сообществу, и на живой воде никто не разорится. Но мы же не можем раздавать ее бесплатно... Вы понимаете, это древний дар...

– Еще бы! – отозвался Ирвинг и вновь взглянул на Велес.

Спуск закончился и плавно перетек в такой же узенький туннель, где не смогли бы разойтись два человека. Так колдуны двигались минут пять, пока наконец лаз не расширился.

– У вас здесь все иначе устроено, – заметила Вера Николаевна, оглядывая каменистый свод.

– Конечно-конечно. Ведь у нас и сокровище совершенно иного порядка, – важно заметила Марья Кошечкина. – Ну, Федя, куда нам?

Из темноты выплыла арка, пахло плесенью. Сырым оказался и сам камень стен.

– Здесь, слышите? – шепотом ответил Федор Кошечкин. – Здесь всегда стояла тишина. Но когда я шел сюда несколько дней назад, непривычный шум падающей воды едва не оглушил меня.

Он торжественно замолчал, все прислушались. По коридорам блуждало эхо и шорохи, будто от десятка мышиных коготков.

– Да, источника пока не слышно, нам стоит подойти ближе, – сказал Федор Кошечкин. – Господа, давайте зайдем в арку. Там я посвечу, и вы все увидите сами.

Гости двинулись к арке, над которой слабо выступали выбитые на камне знаки. Ирвинг вошел вслед за Федором, а Василий Муромец за его спиной достал из кармана большой светящийся кристалл. Он щелкнул по нему пальцем, и тот засиял во много раз ярче, осветив и пол, и потолок, и то, что лежало впереди: огромная пещера с сосульками сталактитов и

одинокое капающей где-то в углу капель была абсолютно пуста. Чуть впереди на расстоянии двадцати шагов виднелся глубокий и совершенно сухой овраг. За ним темнели еще два точно таких же.

– Как же... – пробормотал Федор Кощеевич.

Все застыли в гробовом молчании, осматриваясь.

– Но...

– Федор...

– Нет, подождите! – выкрикнул колдун. – Вода была! Она была, я клянусь вам!

– Мы вам верим, – тут же ответила Вера Николаевна, хотя Евдокия Рюриковна смотрела на хозяина поместья, как на сумасшедшего.

– Как она могла исчезнуть? – в ужасе прошептала Марья Кощеевна, закрывая руками лицо.

– Она не могла исчезнуть! Не могла! – Колдун бросился к первому оврагу и начал судорожно рыть пальцами сухую землю.

– Могла, – отозвался Муромец, крайне равнодушно глядя на то, как сестра пытается оттащить Федора Кощеевича от края канавы. – Когда-то же она исчезла? Почему бы этому не случиться во второй раз?

– Нет, нет! – твердил Федор, чуть не плача.

– Да бросьте вы, ничего же страшного, – негромко проговорил Дима Велес, а потом спросил у подошедшей Марьи Кощеевны: – А куда ведет вон тот ход?

– А? Этот? К поместью Мертвой Луны. На кладбище, – отмахнулась она, пытаясь успокоить брата.

– Дышите глубже, Федор, – Ирвинг подошел к наставнику и положил руку ему на плечо. – Мы вместе выясним, как так получилось, что вы видели источники полными...

– Я не лгу, Ирвинг! Мне это не показалось!

– Я знаю. Так давайте обратимся к легендам. Что говорят ваши семейные предания об этом источнике?

– Говорят, что, когда боги преподнесли свои дары людям, этот источник так и остался пустым, – тут же ответила Марья Кощеевна, в ее тоне послышалось раздражение, будто она пеняла судьбе за подобную несправедливость. – Кто-то не успел или забыл наполнить его водой.

– Чушь! – выкрикнул Федор Кощеевич. – Здесь были воды! Чуть ли не реки! Это всем известно!

– Ну, может, и так. Легенды ходят разные. Вещий Олег помог нам выяснить кое-какие факты. Говорят... – Тут Марья Кощеевна перешла на таинственный шепот, и Евдокия Рюриковна у нее за спиной скептически

закатила глаза: все знали, что подобным образом Горынычи разговаривают только о драконах. – Говорят, что могущественная Огненная колдунья, входящая в Союз стихий, создала дракона, змея! Она создала его, использовав силу источника трех вод, а это значит, что он действительно был наполнен. Но как только дракон ожил, он выпил всю воду. Она понадобилась ему, чтобы обрести крылья и мощное тело. Но как только последняя капля попала на его язык, у него выросли еще две головы...

– Ну хорошо, допустим, – оборвал ее Василий Муромец. – Значит, вы можете связать то, что произошло здесь пару ней назад, с драконом?

Было видно, что брату и сестре эта мысль пока еще не успела прийти в головы, но, когда они услышали ее из уст Муромца, их лица вдруг просветлели, и они воодушевленно уставились друг на друга.

– Конечно! – задышавшись, прошептал Федор Кошечев, и его темная густая борода затряслась. – Источник наполнился водами, но тут же опустел... потому что сюда приходил змей!

Евдокия Рюриковна поднесла ко рту ладонь, чтобы спрятать улыбку.

– А вам не кажется, что всему виной может быть Водяная магия? – подсказала Вера Николаевна, желая вернуть Горынычей с небес на землю. – Ведь наполнять и осушать источники способен лишь Водяной колдун...

Но Марья и Федор Кошечевы ее не услышали.

* * *

Наконец весна принесла апрель. Зеленый, юный, со свежим ветром и особенно ласковым солнцем, которое окончательно высушило дорожки Заречья. Повсюду появились первые робкие травинки, каждый день они тянулись навстречу небу, заметно прибавляя в силе.

Подружки только что покинули небольшую ярмарку, устроенную за избой Яги. Непосвященным воспитанникам требовались новая одежда, бумага, чернила, карандаши, краски, различные снадобья и амагили. Параскева и Эбонит Павлович помогли Вере Николаевне все это организовать. У Полины скопился целый мешочек самоцветов – там был и подарок Мика на день рождения, регулярные передачи от тети, и ее первый собственный заработок: она дала несколько уроков французского двум старшим снежинкам.

За прилавком с платьями стоял мужчина среднего возраста, у него было приятное и очень доброе лицо. Окладистая борода золотилась в солнечных лучах. Наверное, это был сам портной, потому что все вещи, что

лежали и висели вокруг, отзывались такой же добротой. Полина выбрала широкую рубашку из тонкого белого льна, чуть похожую на мужскую, и темно-зеленое платье с коротким рукавом. Улыбчивый продавец положил ей в подарок кушак и ленту для волос, пообещав в следующий раз принести кое-что специально для нее. Она чувствовала, что ей требуется обновление, как и самой деревне. Пришла пора забыть обо всем и жить дальше...

Маргарита долго подбирала верх к новой юбке, которую ей привезла из Франции Водяная колдунья. Василиса в это время купила прекрасную нежно-голубую рубашку в цветок, и они с Анисьей пошли выбирать для всех бумагу и чернила.

Забросив все это в избушки, они снова встретились на перекрестке и отправились к якутскому каму. Маргарита молча рассматривала бубен, пропуская между пальцами длинные нежные ленты.

– Значит, вы все ходите к шаману танцевать? – удивленно спрашивала Полина, так и не поняв, куда ее ведут подруги.

– Да, бывают поющие шаманы, а бывают танцующие. А Марго вот бьет в бубен и совершает путешествия по мирам, правда? – рассмеялась Анисья, подхватив Огненную колдунью под руку.

– На самом деле это очень здорово и весело, – продолжила Василиса. – Вот увидишь. Мы будем танцевать под бубен.

– Но как танцевать? Я миллион лет не танцевала!

Кам облюбовал ту полянку, на которой обычно встречались Земляные. Приземистый человечек, чья фигура была скрыта под объемной накидкой, обшитой множеством ленточек и бисерных нитей, как раз надевал высокий головной убор с торчащими вверх перьями. За его спиной уже выстроилась целая армия таких же бесформенных лохматых существ в больших угловатых птичьих масках. Ленточки на рукавах красиво вились на ветру, где-то легонько позвякивали бубенчики. На земле перед камом лежали еще четыре накидки и три маски. Он безмолвно указал на них подошедшим девушкам.

– Для чего нам эти штуки? – шепнула Полина, просовывая руки в рукава накидки, оказавшейся на удивление легкой и удобной.

– Мы должны стать одинаковыми. Иначе ты тут же начнешь стесняться и думать, как танцевать покрасивее, если все будут знать, что это ты, – тихо произнесла Анисья. – Но эти танцы – совсем другое.

Полина натянула маску, надеясь, что все поймет в процессе, и последовала было за девушками в общий круг, когда ее руку перехватил старый кам.

- Стань орлом, дочка.
- Мне надо двигаться, как орел? – на всякий случай уточнила Полина.
- Просто стань орлом.

Полина замаялась, раздумывая, не спросить ли еще что, но в эту секунду гулкий звук пронзил пространство. Маргарита, оставшаяся без маски, ударила в бубен. Кам издал странный возглас, будто где-то в вышине крикнула хищная птица. Еще двое зареченских колдунов у него за спиной засвистели, и Водяной колдунье послышался вой ветра. Бубен застучал, отчаянно сбивая ее. Поначалу она сопротивлялась, хотелось заткнуть руками уши. Сердце билось совершенно в другом ритме, дыхание стало неровным. Она заметила, как встрепенулись фигуры в масках. Кто из них Василиса? Кто Анисья? И кто из знакомых еще здесь?

Удары бубна стали чаще. К ним присоединились бубен старого шамана и гортанный звук, вырывающийся из его горла. Орлы вскинули руки-крылья. Кто-то упал вниз, будто сбитый на лету, кто-то закружился. Одна фигура смешно расхаживала по поляне, очень похожая на важную птицу. Полина закрыла глаза, заставляя себя понять, что же ей делать. И вдруг...

Она оказалась на обломке серой скалы. Дымные, сизые камни бежали вниз настоящим водопадом. По правую руку высились одинокие густо-зеленые ели. По левую лежала пропасть. Ветер дул со всех сторон, принося с собой капли теплого дождя. Полина распахнула крылья. Спина ее выгнулась, тело качнулось в одну сторону, в другую... На крыльях не было перьев, вместо них вверх взлетали длинные черные лохмотья, похожие на ветви старых елок в дремучих лесах. Это было красиво. Невозможно красиво. Она чувствовала себя настоящей птицей, пусть и крепко стоящей на остром каменном выступе. Сердце билось ровно и звучало, словно бубен. В вое ветра слышались голоса, а в небесах кричали не то птицы, не то сами люди... Она еще раз покачнулась, еще раз взмахнула прекрасными призрачными крыльями, словно таящими в себе ночь, которая придет так нескоро... Она поняла, как нужно танцевать. Как танцует лес во время бури, как танцует горная река, срываясь с вершин, как смешно танцуют птицы, привлекая своих самок.

Она открыла глаза – ее окружала целая стая таких же как она орлов.

Маргарите вдруг захотелось ворваться в круг движущихся фигур. Раньше она всегда стояла рядом с шаманом. Поначалу боялась сбиться с ритма, воспринимая эти встречи как уроки в музыкальной школе, но теперь вдруг забыла про сидящего у костра старика. Она сделала несколько шагов, и огромные птицы с угловатыми и наспех покрашенными клювами окружили ее. Она обернулась вокруг своей оси, рука чуть изменила ритм,

бубен зазвучал медленно и зловеще. Она чувствовала, что поймала нечто... волну, ноту или еще один мир, притаившийся где-то между ней самой и ее тенью на земле. Она поняла, что разбудила кого-то...

Сначала ей показалось, что над головами танцующих поднимается сиреневый туман, но уже через секунду в тумане вдруг проступили лица. Удивительные, странные, некоторые походили на морды зверей, другие же улыбались беззубыми улыбками стариков. В конце концов среди них мелькнуло и знакомое – юная девушка, что приходила в Маргаритины сны.

Духи танцевали вместе с птицами. Это она тоже видела во сне! Они кружились и прыгали, смешно скалили клыки и трясли головами. Девушка с длинными косами танцевала за руку со сгорбленным существом с головой волка. Это продолжалось несколько минут: едва бубен затихал, удары становились реже, танец духов успокаивался, казался плавным и вдумчивым; если же ритм ускорялся, существа, сотканные из тумана, пускались в неистовый пляс.

Но внезапно настроение танца сменилось, далекие удары бубна зазвучали печальнее, духи устремили свои взгляды вниз. В кругу раскрывающих крылья птиц одна уже не танцевала – она медленно пятилась, осторожно поднимая перед собой руки. Призраки заматались по поляне, бросая свою таинственную пляску, и через мгновение раздался душераздирающий крик.

Полинин крик. Маргарита не могла перепутать.

* * *

Проклятие Темных птиц. Так, по словам Велес, Старообрядцы называли проклятие Водяной колдуньи. При чем здесь птицы? Их принесли в жертву, чтобы проклятие заработало? Они были подсказкой к снятию страшного колдовства? Они – птицы, хоть и не настоящие, а разыгранные колдунами в масках и лохматых накидках – спровоцировали новый приступ, как когда-то пегас Вороной, круживший над головой Полины, и коршун-перевертыш, чье перо она хранила? Или же птицы были... исполнителями древнего проклятия?

Сева уставился на длинный глубокий порез, пересекавший обе руки бледной девушки. Водяная словно пыталась закрыться от кого-то, она поднесла руки к лицу, и что-то полоснуло по ее запястьям, как ножом.

После приступа она еще не приходила в себя. Целители столпились над ее кроватью. Густав Вениаминович рассказывал о проклятиях двум

неофитам и нескольким колдунам помладше, а Пирогов-Павлов зашивал вспоротую кожу самой настоящей иглой, но с заправленной в нее заколдованной нитью. По его словам, иглу использовали в своей медицине потусторонние, потому что у них не существовало ни мертвой воды, ни наговоров, способных быстро срастить кожу. А он соединил вместе две техники и теперь обещал, что рана к завтрашнему утру превратится в еле заметный шрам, а тот, в свою очередь, исчезнет к концу лунной четверти.

– Так что когда настанет пора носить короткий рукав, у малышки не останется на руках никаких следов, – весело закончил лекцию Пирогов-Павлов, будто Полину и впрямь волновало, насколько красиво ее рука со шрамом будет выглядеть в летнем платье.

Когда девочку принесли в лазарет и сняли с нее шаманскую накидку, Сева удивленно отметил, что она одета в его рубашку, которую он когда-то отдал ей. Тогда она стояла у распахнутой двери и глядела в ледяную зимнюю ночь. Он иногда вспоминал про эту рубашку, принимался искать ее в куче накиданных на кресло вещей, но потом понимал, что Водяная колдунья так ее и не вернула.

Теперь же его рубашка висела балахоном на ее маленьких острых плечиках, рукава были подвернуты до локтя, а на открытом участке кожи краснели глубокие уродливые раны.

Шрамы исчезли, как и предсказывал целитель, уже через несколько дней, и Полина, зашедшая под красную крышу столовой, была опять одета в большую клетчатую рубашку, на этот раз заменившую ей платье. Когда Алеша Попов, сидевший прямо у Севы за спиной, спросил ее, откуда она взяла эту явно мужскую и неподходящую по размеру вещь, Водяная колдунья ответила, что одолжила у своего кузена. Сева лишь непроизвольно дернул головой, услышав ее ложь. Шанс ответить ей тем же представился скоро, буквально в этот же вечер. Оксана, весь ужин что-то щебетавшая у Севы над ухом, неожиданно прищурила карие глаза и оценивающе кивнула на сидевшую неподалеку Полину:

– У нее твоя рубашка? Или мне кажется?

– Да, – тут же ответил Сева намеренно громко, уверенный, что Водяная колдунья слышит их разговор. – Она украла ее, когда я был в лазарете.

– Что? Украла? – Девушка понизила голос, прижала ладони ко рту и от возмущения едва не закашлялась.

Весь эффект как обычно испортил Муромец. Он весело расхохотался, и Полина, повернувшись и чуть было не уничтожившая Севу взглядом, улыбнулась.

Она не поняла, что это была за странная шутка Заиграй-Овражкина. Но реакция Мити, да и выражение лица жгучей красотки Оксаны не могли не позабавить. Правда, ей пришлось тут же отвернуться, чтобы ничего не отвечать на дружеское подмигивание Муромца. После того, что произошло между ним и Василисой, Полина уже не могла общаться с ним, как раньше. Она лишь по привычке обернулась на его смех, по привычке расплылась в улыбке, готовая поддержать веселье, но тут же вспомнила, что теперь это совсем не тот Митя, с которым она раньше дружила. Парень, которого она всегда считала честным, благородным и сильным, сейчас виделся ей по-другому. Конечно, он ничего не обещал Василисе, но сам втянул ее в отношения, которые тут же и закончил, решившись на помолвку со знатной девицей. В глубине души Полина и не рассчитывала, что Муромцу удастся связать свою жизнь с кем-то из простых колдуний, переубедить родителей, прервать древнюю традицию. Но он мог хотя бы попытаться! Он не должен был отказываться от своей любви так скоро! Не должен был снова прятаться за улыбкой и бесконечными шутками. Они сбивали с толку и заставляли ошибочно думать о нем, как о легком и искреннем человеке. Но он оказался слишком слаб... и от этого становилось больно.

Как тяжело, оказывается, разочаровываться в друзьях... Раньше он вызывал столько теплых чувств, его хотелось трепать за кудряшки, словно брата, хотелось обниматься с ним – большим, мускулистым и добрым. Хотелось просто сидеть рядом и смеяться над его словами. Если она чувствовала себя плохо из-за холодных черных глаз, взгляд которых никогда не смягчался при виде нее, из-за того, что симпатичный Светослав променял ее на другую девушку, а на практиках по Водяной магии все валилось из рук, достаточно было оказаться рядом с Митей, и все тревоги вмиг исчезали.

Теперь же она неловко отводила глаза, не желая ничего отвечать Муромцу. Шутки его казались искусственными, а улыбка натянутой. Она отчетливо видела печаль в глубине его зеленых глаз и не понимала, для чего он так тщательно ее прячет.

Глава тринадцатая

Велесов Шлем

На севере города в небольшом особняке было как всегда довольно тихо. Целитель собирался на срочный вызов, и дома оставались его жена, сын и дочь.

Сева сидел в рабочем кабинете отца и наблюдал, как тот в спешке собирает необходимые колбочки в свой чемоданчик. На колченогом столе у окна что-то кипело в длинном вытянутом чайничке, и, когда крышка чайника начала уже подскакивать, целитель спохватился:

– Вот оно, готово! Ну наконец-то!

Он схватил чайничек, разлил кипяток в две кружки, в которых темнела густая бурая жидкость, и одну из них сунул в руки сыну. Вторую кружку – она была поменьше – он выпил сам почти залпом.

– Что, все так страшно? – усмехнулся Сева, рассматривая отвар в кружке, становившийся из бурого зеленым.

– Говорю тебе, так и есть. Но ты должен справиться. У тебя же, – он остановился посреди кабинета и задумчиво помахал в воздухе рукой, – какое-то особое равнодушие к виду кровавых ран. Тем более когда выпьешь это.

– Когда придет этот твой кровавый пациент?

– Примерно через час. Я его не предупреждал, что исцелять будешь ты, но... все должно быть в порядке. Его рука в жутком виде, шипы ядовитого илициума, в которые он угодил, очень тяжело вытаскиваются. Вокруг них образуются нарывы. Настоящие зеленые пузыри.

Сева поморщился и отпил из своей кружки снадобье, теперь ставшее желтым.

– Это совсем не кровавые раны! – воскликнул он. – Зеленые пузыри!

– Ну ничего-ничего. – Даниил Георгиевич рассеянно хлопнул сына по плечу. – Ты, главное, это допей.

– Как вообще он умудрился попасть в илициум? – поинтересовался Сева.

– Он не признается. Но наверняка тоже искал что-то в Опасных лесах.

– Профессор Мертвецкий называет таких «охотниками за драконом», – с улыбкой произнес молодой целитель. – Таких странных пациентов всегда направляют к нему.

– Все, я пошел, – сказал Даниил Георгиевич. – Очень на тебя рассчитываю, помни.

Сева встал и раздвинул шторы на окнах – отец всегда сидел в полумраке. Отвара в кружке стало меньше наполовину, и зеленые пузыри вокруг воткнувших в кожу шипов теперь казались не такими уж и противными. Сева прошелся по освещенной комнате, поглядел на фотографию своей матери, вернулся к столу и сделал еще глоток. Хладнокровие было необходимо при целительстве. Нельзя испытывать ни отвращение, ни даже жалость – ни одно из чувств не должно мешать. В этом смысле Даниил Георгиевич был непревзойденным мастером. Его секретом, помимо силы воли и прекрасной выдержки, считалось и это снадобье, которое сейчас остывало в кружке. Сева знал, что рецепт зелья издавна передается по наследству в их семье. Отец нашел его в старинных лекарственных книгах, ревностно хранимых родом Заиграй-Овражкиных. Особенно усердно прятал рецепты и описания ритуалов дед. Но спустя несколько лет после его смерти сын все же докопался до этих записей. Чудодейственный напиток словно на время заглушал голос сердца и оставлял лишь холодный рассудок, который так был нужен всякому целителю. И хотя Сева отлично понимал всю ценность подобных свойств, это снадобье давно уже вызывало у него неприятные воспоминания: последний раз отец отпаивал его им, когда умерла мама.

Сева внезапно опустил чашку и уставился на тот самый снимок, где был запечатлен на руках у матери.

«Странно, – вдруг подумал он и удивился, что подобная мысль никогда не приходила ему в голову. – Мама была дочерью Сирены... – продолжал размышлять Сева. – И отец не мог ни в кого влюбиться. Он не мог полюбить другую женщину, живя с Сиреной. Но тем не менее случилось именно это».

Теперь эта загадка будто стала решаться сама собой: зелье, заглушающее все голоса, кроме голоса разума... Зелье, которое полностью отключает чувствительность и гасит эмоции. Возможно ли, что приняв его, отец не поддавался больше чарам Сирен?

Сева подошел к колченогому столику и открыл так хорошо знакомую ему жестяную банку. В ней лежали мелкие, сморщенные и почерневшие листочки, некогда бывшие симпатичным нежным растением. Росло оно за кленом в их старом, неухоженном саду и называлось мирником. Мирник был основным компонентом таинственного зелья, которое принимал перед приемом тяжелых пациентов Даниил Георгиевич и которое, по Севиним догадкам, вполне могло спасти его от чар нечисти.

«Рецепт его приготовления знает только наша семья и именно в нашем саду растет мирник, – думал Сева, глядя на скрюченные листочки в банке. – И такого названия не встречается ни в одном справочнике из всех, что я видел... Растение, которое дарит хладнокровие».

Он взял один маленький листок и попытался его развернуть, но прежде чем успел разглядеть, было ли там то, что он ищет, сухой лист раскрошился в пыльцу.

«До прихода зеленых пузырей еще полчаса, – Сева глянул на часы, не догадываясь о том, что не выпей он полкружки снадобья, то уже бежал бы в сад со всех ног. – Времени достаточно».

Он покинул кабинет целителя, прошел длинный неосвещенный коридор, ведущий к задней двери, и вскоре вышел в поросший молодыми травами сад.

«Наш род не съезжает с этого пригретого места, – размышлял он, пробираясь сквозь заросли. – Один дом был здесь, – он поглядел на небольшой кусочек каменных развалин. – Еще один вот тут, – теперь он повернулся к длинному валу, напоминающему хребет огромного дракона. – Что-то держит здесь всех целителей. Случайно не это ли неприметное растение?»

Он опустился на колени и раздвинул мягкую траву. Среди набирающих силу травинок вились тщедушные, полупрозрачные стебельки, увенчанные маленькими белыми цветочками. Под каждым цветком было всего по два круглых листика. Сева сорвал один и поднес его к глазам. На поверхности виднелся мелкий узор. Сначала Севе увиделась в нем подкова, но затем он разглядел и другие детали... нежно-зеленый рисунок напоминал... руну...

– Велесов Шлем! – пробормотал Сева, улыбнувшись.

* * *

Над рекой серебрился туман. Зрелище завораживало, но Маргарита знала, что заглядываться на сказочные пейзажи некогда, надо торопиться – солнце совсем скоро встанет над деревьями, верхушки которых пока сливаются с черным небом. Вокруг нее – на безмолвной поверхности реки, в невесомом тумане, в покрытой ночной росой траве – везде была разлита чужая стихия. Идея отправиться медитировать в лес казалась не самой удачной. Но сегодня на восходе солнца было лучшее время для уединенных практик среди Огненных колдунов. К тому же ей не спалось. Маргарита никогда не страдала от бессонницы, но почему-то именно сегодня она

переворачивалась с одного бока на другой, откидывала одеяло и почти сразу снова им накрывалась. В конце концов ей надоела эта бессмысленная борьба, и она отправилась встречать рассвет. «Может, все дело в том, что мне именно сейчас необходима эта практика?» – думала она, стараясь как можно тише выйти из избушки.

На последней встрече по Стихии Маргарита с трудом справлялась с самым элементарным колдовством, вызывая сочувственные взгляды Емели и Миши. Вся ее магия словно вытекла сквозь пальцы – колдунья не ощущала привычного тепла, разливающегося от ступней до самой макушки. Возможно, это было связано с тем, что вместо Македонова с ними опять встретился Звягинов? Абсолютно беспечный и доброжелательный с виду колдун был сильным и опытным наставником. Его советы попадали точно в цель и помогали всем, кроме Маргариты, чья сила струилась и понапрасну утекала в землю.

– Думаю, с тех пор как я был здесь наставником, в Заречье мало что изменилось. И вам, как и сотням других новичков, старшие Огненные устроили свое Посвящение, – улыбнулся наставник, пристально глядя на Маргариту. – Они преподали вам крайне важный урок: огонь не может вам навредить. Это действительно так. Но это лишь половина правды. Другая заключается в том, что в неуправляемом пламени можно сгореть. Не материально, конечно. Но разве тело – это самое главное, что есть у человека? Душевные раны куда тяжелее...

Маргарита не нашлась что ответить. Что же смог разглядеть в ней Звягинов, раз решил сказать такое? Возможно, он понимал, что именно выбило ее из равновесия?

Огненная колдунья все дальше уходила от реки в лес. Она не раздумывала, куда ступать, – просто следовала за тропинкой, точно зная, что та выведет ее в нужное место. В этом и состояла магия Заречья: тебе не приходилось выбирать правильные дороги – любая из них приведет туда, куда тебе суждено попасть. Главное – поверить, что это реально. Маргарита уже давно уяснила, что в Заречье с ней не случится ничего плохого.

Всплыло воспоминание, как они со Странником ходили на Драконью волюнь – поляну, затерянную в лесу за Белой Усадьбой. Но сейчас, в Заречье, ее не покидало ощущение, что тропинка ведет ее как раз туда. Вон там впереди, кажется, то самое место, где она увидела призрак девушки, которую приняла за наяду. На этот раз Маргарита различила только едва светящиеся в темноте силуэты берез.

Колдунья свернула с тропинки и пошла сквозь высокую траву, цепляясь подолом за жесткий кустарник. Когда они с Полиной впервые

шли на обряды, Маргарита, глядя на девушек в длинных платьях, иронично рассуждала о том, как, наверное, неудобно ходить в лес в таком виде. Это же светлое платье, что было сейчас на Огненной колдунье, с вышивкой на подоле и рукавах, подарила ей бабушка, сказав, что узоры защитят ее. Маргарита не стала спорить об удобстве и практичности длинного, почти белого платья и повесила его поглубже в шкаф. Однако почему-то именно сегодня захотелось его надеть. Его подол уже насквозь промок, но тонкая на вид ткань не рвалась, когда колючки и сухие ветки за нее цеплялись. «Волшебство», – улыбнулась Маргарита и с благодарностью подумала о бабушке.

Лес становился все дремучее. Иногда какой-нибудь тонкий пруттик неожиданно и больно хлестал по руке, словно лес противился ее пути. От одного такого удара Маргарита невольно вскрикнула. Ее голос спугнул птицу, сидевшую на дереве, – она с возмущенным писком взлетела вверх, навстречу восходящему солнцу. Восход! Страх тут же отступил, на душе стремительно потеплело.

Маргарита не отрываясь смотрела на розовое свечение, разраставшееся за макушками деревьев. Казалось, солнце встает только ради нее. Она одна на всей земле так отчаянно ждала его пробуждения и теперь с наслаждением купалась в его лучах. Все вокруг наполнилось не только светом, но и чистой магией. Она пронизывала сверкающими нитями воздух, проникала в стебли и листья растений, просачивалась в почву. Маргарита ощущала ее на кончиках пальцев. Колдунья вытянула руки, наблюдая как мерцание ее собственной силы становится заметнее, и вдруг поняла, что под ее ногами и впрямь расстилается Драконья волянь. Последний раз она видела ее сгоревшей дотла и засыпанной черным пеплом. Сейчас же она была покрыта густым ковром зелени – лафелии и грандины только набирались сил, чтобы вновь распуститься после ночного сна. Но как она здесь оказалась?

– Я рад, что вы не пропускаете самостоятельные практики. Большинство Огненных ими пренебрегают, а зря.

Маргарита чуть не вскрикнула от удивления, оглянувшись и увидев Странника.

– Вы? – испуганно, но в то же время радостно спросила Маргарита.

– Мне тоже надо было восстановить силы, – Македонов улыбнулся, но даже в скудном утреннем свете Маргарита заметила, что выглядит он очень уставшим. Он едва стоял на ногах, опираясь на посох.

– С вами все в порядке? – встревоженно спросила она, не решаясь задать вторую часть вопроса: «Где вы были?».

– Не волнуйтесь, Маргарита, со мной все хорошо. Просто... Мой вынужденный отъезд был крайне утомителен.

– Вы...

– Я навещал семью.

В этом простом и таком логичном ответе было что-то странное и противоестественное. Конечно, у Странника могла быть семья, родители, например, но Маргарита не подумала об этом... Да и Звягинов заменял его, по слухам, вовсе не по этой причине...

Внешний вид наставника не внушал опасения, но казалось, что внутри него что-то сломалось. Обычно Маргарита ощущала исходящую от него силу стихии, а теперь... Почему-то ей было некомфортно, словно она чувствовала совершенно незнакомую магию. «А может...». Маргарита не успела сформулировать свои опасения, как колдун произнес:

– Не бойтесь, Маргарита. Это я, ваш наставник. Недавно я принимал зелье, – он сделал небольшую паузу, словно тщательно подбирая слова. – Оно могло повлиять на магию, которую вы чувствуете.

Беспокойство не исчезло. Зелье, которое может повлиять на магию... Не об этом ли зелье говорила Лиса, когда они ссорились перед Русальным кругом? Зелье-блокатор. Ингредиенты для которого она помогала собирать ему на этой самой поляне. И теперь наставник выглядит вот так.... Да еще и она едва не ударила по больному месту – по его схожести с братом-близнецом.

– Простите, что я подумала, что вы – это... не вы, – она не смогла назвать имя другого брата.

– Не извиняйтесь. Это совершенно естественные опасения, учитывая последние события. Было бы правильно, если бы вы меня проверили. Но я даже сам не могу придумать как, – он слабо улыбнулся. – Не продумал такой план.

– Я могла спросить, какого числа у меня день рождения, – сказала Маргарита. – Хотя это глупая идея, конечно. Потому что вряд ли вы...

– Третьего ноября. Я помню. Именно тогда мы впервые пришли на Драконью волынь.

Щеки Маргариты вспыхнули. Она ничего не ответила.

– Думаю, нам пора возвращаться, – наконец произнес Странник. – Нам обоим необходимо попасть в Заречье до того, как все проснется.

Почти всю дорогу до деревни они шли молча. Огненная колдунья не решалась больше ни о чем спрашивать. Когда вдалеке показались улицы с избушками, стало совсем светло.

– Теперь я могу вас оставить, дальше вы дойдете сама, – обратился

Странник к Маргарите. – Думаю, сегодня я позволю себе отменить нашу встречу по Стихии. Но передайте всем, что я буду ждать вас завтра.

– Я передам. Все обрадуются, что вы вернулись.

– Вам очень повезло, что я отсутствовал, – Странник снова улыбнулся. – Многие Огненные маги мечтают о встрече с Эдуардом Звягиновым. Ну все, а теперь домой.

Маргарита кивнула и поспешила по тропинке в сторону своей избышки. Александр Владимирович еще немного постоял на дороге, глядя ей вслед, а потом направился к лазарету.

* * *

Апрельское солнце слепило. Журавли в небе своим истошным курлыканием заглушали всех мелких птишек. Мухи жужжали над еще не раскрывшимися бутонами на яблоневых ветвях. Водяная колдунья, похожая на призрак предвесенья – что-то между февралем и мартом, – медленно брела сначала мимо Говорящего сада, а затем вдоль аллеи тоненьких молодых берез. Она направлялась к Ивановскому Виру. Миновав поворот Дороги Желаний к летней столовой и обойдя стороной темную Дождливую аллею, она пошла по тенистой тропинке к огромной заводи, которая виднелась издалека сквозь ветки, покрытые крохотными молодыми листочками сине-зеленого цвета. Только-только зацвела черемуха, и поэтому было еще прохладно. Водяная колдунья накинула на плечи куколь – подарок французской родни, – и замедлила шаг: ткань цеплялась за деревья. Впереди, отражая свет, блестела на солнце вода. Темные точки, густо заполнившие берег и медленно передвигавшиеся вдоль кромки реки, увеличивались в размере с каждым ее шагом и постепенно приобретали форму лошадей.

По дороге Полина заглянула в конюшню в поисках подруг, но ни девушек, ни их лошадей там не было.

От яркого солнца на сердце у Полины немного полегчало. На минуту жизнь перестала казаться ей мрачной чередой печальных событий, которая к тому же вот-вот могла оборваться. Она была дома, ее окружала любимая деревушка, подруги были добры и отзывчивы, а симпатичный Алеша Попов душевно улыбался и интересовался ее делами при каждой встрече.

Молодая низкая трава приятно приминалась под ногами, в воздухе разливался запах распускающихся цветов, сырой, в некоторых местах обнаженной земли и свежести, которая чаще всего бывает после грозы.

Полина приблизилась к Виру настолько, что уже могла различить несколько человеческих фигур, разбросанных вдоль берега. На краю небольшого залива, образованного там, где в ровную гладь реки странно вклинилась часть суши, стоял парень. Его ноги оказались по колено в воде – иногда волны дотягивались до завернутых штанин, оставляя после себя темные мокрые разводы. Он стоял к Полине спиной и глядел вперед, где неподалеку от него резвились два пегаса: огромный Вороной, резко взмахивающий крыльями, и менее крупный английский пегас песочного цвета – Миссис Роуз, принадлежащая Марьяне Долгорукой.

Полина остановилась, не доходя до залива, и села на кочку под березой. Она не стала говорить Севе о своем присутствии и просто уставилась на водную гладь, подставив бледное лицо солнечным лучам. Где-то здесь прогуливались со своими лошадьми девочки, так что самым верным решением было подождать их прямо на берегу недалеко от Севы – рано или поздно он притянет их своими чарами.

Вороной пегас добрался до берега и принялся носиться теперь уже с парой гнедых лошадей.

Сева не оборачивался. Он поднял со дна горсть камней и швырнул один из них в воду. Камень скрылся в волнах, потом вынырнул, снова скрылся и больше не показывался. Сева повторил попытку еще раз. Увидев новое развлечение, черный крылатый конь кинулся к хозяину, чуть не сбив его с ног и окатив речной водой. Правда, почти тут же что-то отвлекло его от поиска утонувших камней. Полина, до этого рассеянно рассматривавшая берег, инстинктивно напряглась: огромное черное пятно не то летело, не то скакало, развернув перепончатые крылья. Оно поднимало сотни грязных брызг, а затем уже облака пыли. Скакало оно к пригорку, а точнее, к березе, под которой сидела она сама.

Полина успела лишь судорожно втянуть воздух и вжаться спиной в ствол – сбежать просто не было возможности. Существо с длинной мордой и бездушными черными глазами принялось ходить вокруг нее, придавливая слабенькую нежную траву и яростно молотя длинным хвостом. Оно то подпрыгивало, то било здоровенным копытом о землю.

– Вороной! – раздался резкий оклик. – Вороной!

Стало понятно, что пегас слышит голос хозяина, но не собирается отходить от своей жертвы. Он несколько раз мотнул головой, сложил на спине крылья и вдруг сел, подогнув задние ноги. Сева прибежал со стороны берега, оттуда же чуть медленнее двигались Муромец и Арсений, совершенно непонятно откуда взявшиеся. Тем не менее при виде этих двоих Полине почему-то стало спокойнее.

– Отойди, – приказал Сева Вороному, не замечая прижавшуюся к березе Полину. – Я кому сказал?

Пегас демонстративно отвернулся, делая вид, что ничего не слышит. Он продолжал странно и смешно сидеть, будто ожидая чего-то. Сева наконец перевел взгляд на побледневшую Водяную колдунью.

– Ну, ты чего так испугалась?

Полина молча посмотрела на него. Положения хуже не придумаешь: она полулежит под деревом, запутавшись в куколи и перепугавшись какой-то крылатой лошади.

– А что у тебя в кармане? – внезапно спросил Сева, не дождавшись ответа.

– У меня в кармане? – еле слышно повторила Полина. – Груша.

– Груша? Ну еще бы! – Он похлопал притихшего пегаса по шее. – За грушу он еще и не такое бы сделал. Если ты не поняла, он тебе показывал, сколько он всего может.

«Сколько он всего может сделать, если не дать ему грушу?». Полина с трудом выдохнула и попыталась сесть.

– Даже если и так, то это было... ужасно страшно.

Подошедший в эту секунду Митя подал ей руку и помог встать.

– Привет! – весело кивнул ей Арсений. – Перепугалась этого чудовища?

– Не называй его так, – предупредил Сева. – Иначе он откусит тебе голову.

Митя взял из дрожащей Полининой руки помятую грушу и протянул Вороному. Тот довольно зачавкал, роняя на землю куски.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовался Муромец.

– Я искала девочек. В такое время они обычно катаются на лошадях. Вы их не видели?

– Нет, – ответил Арсений. – Мы и сами-то только подошли. А я подумал, что ты пришла прокатиться на Вороном. – Странная усмешка исказила его лицо.

– На Вороном? Я? – удивленно переспросила Полина. – Теперь ты понимаешь, как ошибся?

– Да брось, неужели ты не хотела полетать на пегасе? – не унимался Арсений.

Полина бросила взгляд на Севу и тот указал на спину своего питомца, будто предлагал ей действительно оседлать его.

– Нет. То есть я бы хотела, конечно. В теории. Но от страха я попросту могу свалиться с него в полете.

– Никто и не даст тебе летать на нем одной. Он не будет тебя слушаться. Только если со мной, – отозвался Сева абсолютно серьезно.

Полина собралась пробубнить в ответ что-нибудь неопределенное, но промолчала, удивившись Митиной реакции: он вдруг протянул руку и схватил Заиграй-Овражкина за плечо.

– Нет, – сказал он. – С тобой она не полетит.

Повисло молчание. Полина сразу догадалась, что здесь было что-то не так. Но что именно? И как спросить об этом? А главное, кого?

– Как насчет спины самого красивого коня в округе? – Митя внезапно сменил выражение лица и повернулся к Водяной колдунье с дружелюбной улыбкой. – То есть меня? Не нужно лететь на пегасе, если ты боишься.

– Можно прокатиться на тебе? – спросила Полина. Ощущение, будто ей что-то не рассказывают, не прошло. Митя пытался увести ее от какой-то темы.

– После такого я даже и не знаю, что тебе предложить, – подал голос Арсений, переводя взгляд с Мити на Севу. – Разве что шоколадку. Хочешь? Она, правда, немного растаяла.

– Ну все, садись, – поторопил Сева, словно ее решение ехать с ним было очевидным. – Иначе Вороной опять побежит обхаживать Миссис Роуз, а я не уверен, что нам с Марьяной Долгорукой нужны жеребята.

– Она не полетит, – решительно отозвался Митя.

– Конечно, – встрепенулся Арсений и засмеялся, хотя напряжение, висевшее в воздухе, ни капли не уменьшилось. – Да разве хоть одна здравомыслящая девушка полетит с тобой вдвоем?

– А если учесть, что в твоем присутствии Полина единственная здравомыслящая девушка, то твои шансы равны нулю, – закончил Митя.

– Ну хватит уже... шутники, – сказал Сева, как-то умудряясь сохранять абсолютно равнодушный тон. – Муромец, я же не идиот. – Он поманил Полину рукой. – Тебе помочь залезть?

– Я не уверена, что хочу кататься верхом на пегасе... – сказала Полина, но почему-то сделала два шага навстречу чудовищу.

– Давай, – протянул Сева. – Это не так страшно, как ты думаешь. Или ты считаешь, мне так нравится тебя уговаривать?

Он запрыгнул на спину склонившегося пегаса и усадил снова запутавшуюся в длинной куколи колдунью перед собой.

– Без глупостей, – произнес Муромец, на этот раз глядя хмуро и холодно.

– Это он тебе говорит, – весело сказал Сева возле самого Полининого уха и ударил Вороного пятками.

Пегас вскочил и бросился бежать вдоль берега. У Водяной колдуньи перехватило дух, она хотела что-то крикнуть Муромцу или даже сказать что-нибудь Арсению, но от того, как Вороной резко рванул вперед, вздох и слова так и застряли где-то в горле.

– Только пусть он не летит слишком быстро, – выдавила она, пытаясь повернуться к Севе, чтобы он ее услышал. – Мне очень страшно.

– Уже? Мы же еще не взлетели. – В его голосе послышался смех.

– Мне кажется, что я соскальзываю, я никогда не ездила без седла! И я не понимаю, за что держаться. – Полина уже начинала жалеть, что согласилась на эту авантюру. Весь полет ей предстояло чувствовать себя жалкой трусихой, нелепой, неуклюжей. Она плохо ездила верхом, боялась высоты, скорости, пегасов, задавала дурацкие вопросы, не находилась с ответом... И всё это в присутствии Севы, при котором все твои дурные качества словно усиливаются в три раза. И как она умудрилась согласиться на это?

– Все в порядке. – Сева просунул веснушчатые руки под ее локти и ухватился за гриву пегаса. – Вот так будем держаться, ему не больно.

– Почему Митя не хотел, чтобы я ехала с тобой? – перекрикивая ветер, спросила Полина, но в ответ снова слышала только смех и почувствовала себя глупо. Сева еще раз ударил пятками и свистнул, Вороной как-то необычно дернулся, Полина зажмурилась:

– Нет-нет! Я передумала! Передумала!

Пегас расправил огромные перепончатые крылья и взмахнул ими несколько раз, отрываясь от земли.

Полина почувствовала, как Сева навалился ей на спину. Сложно было разобраться, какие эмоции вызывает сейчас такая близость. Из-за ветра было тяжело дышать, слезились глаза. Чем выше поднимался пегас, тем холоднее становился воздух. Зеленеющий берег Ивановского Вира становился все меньше и меньше. Избушки превращались в неразборчивые пятнышки на квадратных лоскутках разноцветных полянок. Вороной яростно хлопал крыльями, набирая скорость.

Наконец Сева отодвинулся от Водяной, насколько позволяла спина пегаса, и даже отпустил гриву. Полина снова вздрогнула, этот маневр показался ей опасным – а если она соскользнет с гладкой спины? Девушка вцепилась в гриву. Страх сковывал тело, но ей удалось немного перебороть себя и глянуть вниз, отчего тут же захотелось снова зажмуриться. Ей казалось, что пальцы слабеют и скользят, а когда пегас вдруг повернул, сердце ее чуть не остановилось. Сева же сидел прямо, просто опустив руки, и лишь на повороте схватился за гриву, опять прижавшись к Полине.

– Хочешь спуститься пониже? – раздался голос прямо у нее за спиной.

– Да! – Она облегченно выдохнула.

Совсем внезапно, отчего к лицу прилила горячая кровь, руки Севы обвилились вокруг ее талии – а точнее, вокруг плотного, складчатого кокона ее куколи, под которым вряд ли можно было бы нащупать талию.

Колдун весело произнес:

– Тогда держись крепче.

Сева снова пришпорил Вороного, отчего тот стрелой кинулся вниз. Полина еле успела схватиться за шею пегаса и вцепиться в короткую шерсть. Она визжала так громко, как никогда в жизни, забыв даже о том, что красивые руки в веснушках прикасаются к ее плащу. Сева хохотал над ней. Полине было настолько страшно, что его издевательский смех не мог ее расстроить. Она лишь чувствовала, что он легонько пытается оторвать ее от гривы, в которую она уткнулась лицом, и вернуть в сидячее положение. Казалось, он получал какое-то удовольствие от ее страха. Пегас продолжал бить крыльями воздух, то снижаясь, то вновь взмывая вверх. Наконец Сева сам схватился за черную гриву, и Водяная приподняла голову, чтобы видеть, куда они летят.

Темные крыши избушек увеличивались в размерах, берег Вира стал приближаться.

– Я же не Воздушная! Я боюсь высоты! – прошипела Полина, сумев вздохнуть. – Моя стихия – вода!

Сева направил коня прямо на водную гладь, искрившуюся под ослепительным солнцем и бросавшую причудливые блики. Теперь уже можно было различить поднятые вверх лица Мити и Арсения.

Полина не успела и вдуматься в Севин ответ: «Вода так вода», как ее обдало ледяными брызгами. Пегас пролетел прямо над рекой, задев копытами холодную воду, а потом принялся то опускаться в реку, то взмывать в воздух. Полина снова визжала. Ее одежда промокла насквозь. Руки заледенели, дрожали, но веселье сидевшего сзади парня внезапно перекинулась и на нее. Полина, зажата в неудобной позе весом его тела, вдруг тоже начала улыбаться, когда перепончатые крылья ударились о воду и поднимали стену брызг. Вода стекала по ее лицу и волосам, она сильнее запахла плащ в надежде согреться. Наигравшись со своим отражением, пегас расправил крылья и медленно полетел над рекой.

Сева снова отодвинулся, давая Полине возможность нормально двигаться. Она обернулась и неожиданно близко увидела его лицо с прищуренными глазами.

– Почему Муромец не хотел, чтобы я с тобой летела? – повторила она

вопрос, который уже задавала.

– Это секрет, – тут же ответил Сева, и на его левой щеке появилась ямочка.

– Тебе не кажется это невежливым? Вы о чем-то договаривались, и только я одна не понимала, в чем дело.

– Да, это невежливо, согласен. – Сева перестал смотреть на нее, и Полина тоже отвернулась. – Но мне же может быть стыдно за свои секреты?

– И поэтому их знают Муромец и Арсений?

– Какая ты дотошная! – воскликнул он, но в голосе его снова послышался смех. – Ты сама пожалеешь о том, что спрашивала, если я тебе расскажу.

Полина выждала минуту, ничего не отвечая, и потом обернулась к нему во второй раз.

– Хорошо. Я катаю девушек только за определенную плату.

– И какая это плата? – спросила Полина, почувствовав, как волнение снова охватывает ее и щеки начинают предательски гореть. Не надо было спрашивать...

– Не догадываешься или делаешь вид?

– Все понятно... – оборвала его Полина и резко отвернулась. Сжалось сердце, пронзенное болью, грустью и какой-то невыразимой тоской. Сюда примешивались страх, нежелание воспринимать все это. Неужели он правда так делает? Как неприятно, дико... Как это все... необъяснимо, непонятно... Что за отвратительная идея! И каково это – оказаться на месте кого-нибудь из этих несчастных девушек? Интересно... и почему так сладко скручивает живот?

– Ну вот, что я говорил? – раздался довольный голос за ее спиной, пока пегас поворачивал к берегу. – Не бойся, с тебя никакой платы не требуется.

– Потому что мне покровительствует Муромец? – Как странно теперь было смотреть на эти конопатые руки, сжимающие перед ней черную гриву!

– И поэтому тоже. О, видишь? Вон Анисья, ты как раз ее искала.

Вороной только что спланировал над песчаным выступом, на котором близко друг к другу сидели двое: Анисья Муромец и Алеша Попов. В голове у Полины внезапно все перемешалось. Анисья и Попов? Что они делают здесь вдвоем? Почему они вместе и почему он приобнял ее за плечо в тот миг, когда над ними пролетел вороной пегас? Или ей померещилось? Может, это вовсе был не Алеша? Ведь Алеша постоянно ходит за ней, Полиной, подсаживается в столовой за обедом, разговаривает, задает много

вопросов, смотрит в глаза... Она, конечно, старалась не отвечать ему взаимным вниманием, но всем понятно, что симпатизирует он именно ей, а не Анисье. Разве не так? Нет-нет-нет, этого никак не может быть!

– Мы... мы не можем еще раз пролететь вон там? – дрогнувшим голосом спросила Полина.

Сева молча развернул пегаса. Выражение его лица изменилось. Может быть, Полина это и заметила и даже поняла бы, что за мысли крылись за его тяжелым взглядом, но она в упор смотрела на спины Анисьи Муромец и Алеши Попова, и непрошеные слезы подступали к ее глазам.

– Я устала, – еле слышно выдавила она. И Севин секрет, и вид этой романтической картины совершенно растревожили ее сердце. Все вокруг было слишком сложным для ее понимания.

Пегас плавно опустился в том месте, откуда начал свой полет. Полина неловко спрыгнула с его спины, слегка оступившись, и, не обернувшись, бросила Севе: «Спасибо». Ему-то все равно от нее большего не нужно.

Глава четырнадцатая

Свадьба в Заречье

В последний день апреля многие в Заречье проснулись в предвкушении праздника. Кто-то готовился к ритуалам Живиной ночи, а кто-то собирался на свадьбу Огненных магов Василия и Ульяны. Свадьбы здесь проводились редко, и Маргарита была рада посмотреть и поучаствовать в колдовских свадебных обрядах. Она встала поздно, когда солнце уже поднялось над землей, тени стали короткими, а соловьи умолкли. Полина лежала в кровати и читала книгу, Маргарита поднялась и еще раз осмотрела свое новое платье, приготовленное специально для свадьбы.

– Ты уже идешь к Ульяне? – спросила Полина.

– Да, я и еще несколько девушек помогаем ей собираться.

– Потом расскажешь, как это происходит, – улыбнулась Водяная колдунья. – Мне тоже пора вставать, я обещала помочь украсить поляну.

Сборы невесты – по одной из любимых местных традиций – проводились в бане. Баня стояла недалеко от реки, на высоком и крутом берегу Нищенки. Обычно воспитанники ею почти не пользовались, но именно этой зимой, когда развлечений в Заречье осталось не так уж много, баня обрела преданных поклонников. Земляные колдуны заменили старый прогнивший пол, Огненные поработали над печью, а вышедшей из лазарета Полине удалось поупражняться со своей стихией: она силой мысли наполняла ведра речной водой.

Теперь же баня была украшена пучками трав, отпугивающих нечистую силу, и живыми цветами. В уютном полумраке возле печи, скрестив ноги и закрыв глаза, сидела Ульяна. Подружки-поневестицы, блестя длинными мокрыми косами, прикрывающими обнаженные тела, лили ей на голову теплую воду из медных ковшиков, приговаривали пожелания и пели старинные свадебные песни, иногда забывая подставить нужные имена:

– Ульяна, батюшка, нагулялася, на танцы, на пиры находилася, в молодого Ванечку влюбилася...

– В Васечку! – рассмеялась Ульяна, поправляя подружек.

– А вы слышали, что Яга сказала, когда мы сюда шли? – откидывая прядь тяжелых мокрых волос, спросила одна из колдуний.

– Чтобы воды много не расходовали? – усмехнулся кто-то.

– Нет, об этом нас Полина могла попросить, – отозвалась Маргарита. – Но она не возражала.

– «Пошла смывать свои гульбы», представляете?!

Небольшое помещение вновь наполнилось звонким девичьим смехом.

Горячий пар, смешавшийся с запахом трав и сосновой смолы, опьянял не хуже настоек Василия. Маргарита замерла у большого чана с водой, завороченно глядя на грациозные движения колдуний, которые совершенно не стыдились своей наготы. Их лица покраснели от жара, а по телу тонкими ручейками бежал пот. Теперь они растирали щелок – древесную золу, используемую вместо мыла, – по коже Ульяны.

Тело – сосуд. Тело – проводник. То, что дарует связь с природой: ощущение холода от капель утренней росы и тепла от солнечных лучей, твердости земли под босыми ногами и нежного прикосновения ветра. Ощущение собственной силы и стихии, которое разливается от кончиков пальцев до самой макушки. Можно ли этого стесняться? Конечно нет. Маргарита зачерпнула в ковшик теплой воды и тоже подошла к Ульяне.

Закончив обряд, колдунии вывели невесту в предбанник и принялись вытирать вышитыми обрядовыми платками. Одна из девушек достала баночку с душистым снадобьем и начала вновь растирать им кожу невесты. Ульяна послушно поворачивалась, иногда бросая взгляды на свое отражение в небольшом зеркале.

– В чем будет Вася? – спросила Лена, проводя руками по волосам Ульяны.

– Не знаю, это сюрприз!

– И твоего платья он не видел?

– Нет.

– Потусторонние девушки выходят замуж в белом, – вступила в разговор Маргарита, поглядывая в угол, где водопадом струилась нежная красная ткань.

– О, как интересно! Прямо все? А почему?

Маргарите пришлось вспоминать все, что она слышала и читала об этом обычае, а Юна тем временем взяла другую склянку с чем-то зеленоватым, обмакнула туда палец и нарисовала невидимый знак у невесты на животе. Когда и с этим ритуалом было покончено, девушки принесли тонкий плетеный пояс и обвязали вокруг Ульяниной талии.

Банник Прошка, снова вернувшийся из библиотеки Белой Усадьбы в ожившую баню, накрыл в углу небольшой столик, и прежде чем одеться и заняться прическами, девушки расселись вокруг стола и принялись за угощения. Проголодавшаяся Маргарита налила себе козьего молока и

выбрала горячий пирожок с зеленью.

– Не знала, что в Заречье можно праздновать свадьбы, – сказала она.

– Конечно, можно, особенно если молодожены не планируют в ближайший год покидать деревню, – улыбнулась ей Ульяна. – И чаще свадьбы здесь празднуют Огненные.

– Принято, чтобы свадьба проходила в окружении стихии жениха и невесты, – продолжила Юнона, звонко хрустнув яблоком. – А столько костров, как здесь, можно разжечь разве что на Пустых холмах, но кто же захочет праздновать свадьбу на этом пустыре?

Ульяна потрогала волосы и, убедившись, что они высохли, повернулась к Владе, которая славилась своим умением делать прически. Тонкие пальчики колдуньи быстро забегали, перебирая прядки и сплетая их в тонкие косички. Маргарита тем временем достала из сумочки ленту, специально вышитую для невесты. Старшая Огненная принесла ей горстку бусин, оставшихся от старинного ожерелья прабабушки, и попросила смастерить свадебный головной убор. Теперь эти бусины выстроились узором на полоске красного шелка, загадочно поблескивая в тусклом свете комнаты. Ульяна несколько секунд восхищенно разглядывала украшение, а потом передала Владе, чтобы та уложила его в прическу. Через час приготовления были почти закончены. Аккуратная тонкая косичка обрамляла лоб невесты, красная лента и несколько длинных прядей переплетались и были уложены на затылке, остальная часть волос должна была остаться распущенной, но сейчас девушки заплетали ее в тугую косу, чтобы расплести прямо перед встречей с женихом.

Ульяна встала, поправила поясok и подняла вверх руки, чтобы подружки могли надеть на нее платье. Едва нежная грудь, гибкие руки и округлые плечи скрылись под складками ткани и платье было застегнуто на спине на десяток пуговиц, Маргарита ахнула от восторга, рассматривая прекрасную невесту. Длинное красное платье с тремя слоями полупрозрачных юбок плавно струилось к полу. На груди вилась вышивка, выполненная медной нитью, такой же узор повторялся и на подоле.

– Ты богиня, Ульяна! Это невероятно! – зашебетали девушки, кружась около подруги и поправляя складки и волосы. – Ну что, все готовы? Кажется, нам пора.

Прямо у порога бани лежало несколько белых цветочков. Маргарита, первая ступившая на улицу, подняла голову и увидела, что вдалеке цветов становится все больше и больше: ими была выложены тропинка, по которой невесте предстояло дойти до места встречи с женихом. Так вот чем занимались приглашенные Земляные колдуньи! Ульяна вышла вслед за

Маргаритой и радостно вскрикнула, ступив босой ногой на дорожку из цветов. Всё вокруг словно притаилось, готовое в любую секунду выстрелить, взорваться фейерверком или разразиться песней. Предчувствие оказалось не напрасным: едва девушки покинули баню и выстроились за Ульяной, в хаотичном перекрикивании птиц вдруг начал прослеживаться определенный ритм, и вскоре звуки слились в отчетливую мелодию, что заставило невесту и ее подруг счастливо рассмеяться. Они медленно двигались по дорожке, окутываемые нежным весенним солнцем, как вдруг раздался грохот, и прямо перед ними в небо взвился сноп искр, чуть померкнувший в солнечных лучах, но все же напугавший и опять развеселивший девчонок. За поворотом их ожидало новое препятствие: из кустов выскочила целая толпа парней. Они перекрыли тропинку и принялись требовать поцелуи за пропуск. Маргарита, отводя взгляд и старательно делая вид, что не заметила среди них Славу, чмокнула в щеку Севу. Парни посоветовались и решили, что пропускать девиц не станут. Вместо этого они стали наперебой кричать о том, что сами хотят жениться на Ульяне и всячески бранить Василия:

- Ульяна, одумайся! Он же лысый, как черт!
- Да и худой как палка!
- И эти его настойки... А что еще хуже – их названия!
- Знаем мы его «Тайные фантазии»! А ты ведь приличная девушка...

Шуточные оскорбления перемежались с выдуманнами историями про детство Василия, непристойными случаями, которые якобы случались с ним во взрослом возрасте, и тайнами, которые он будто бы доверил своим друзьям.

– Да и вообще, все же говорят, что ты точь-в-точь похожа на бывшую жену Густава Вениаминовича! Вот была бы удачная партия!

Ульяна хохотала до слез, и в конце концов ее все же пропустили.

Цветов под ногами становилось больше, они благоухали, наполняя воздух нежными ароматами. Потянулись деревья, украшенные красными лентами, печеньями, сделанными в форме солнца, и бумажными плакатами с пожеланиями любви и света. Тропинка побежала чуть вниз с горы и внезапно уперлась в небольшой ручей, которого здесь раньше не было.

– Что это? – удивилась Маргарита, чувствуя вмешательство Водяной магии.

– По старинному обычаю, вступая в новую семью, невеста должна пройти по воде. Это символ очищения. Если сегодня к нам пристали какие-нибудь низшие духи, вода должна их задержать, – ответила одна из поневестниц, идя к ручью вслед за Ульяной.

Маргарита приподняла платье и тоже шагнула в ледяной ручеек, звонко бежавший прямо по зеленой траве. Она оглянулась и заметила невдалеке Полину. Та сидела на коленях, положив ладони на землю. Глаза ее были плотно закрыты: она сосредоточилась на колдовстве. Ее платье на тонких ляпочках само было цвета воды: не то серое, не то синее, так идущее ее белой коже, пепельному оттенку волос и огромным туманным глазам.

За ручьем дорожка снова поднималась в гору, по обеим сторонам от нее уже разгорелись костры. Цветы вели невесту и ее спутниц на полянку, скрытую под сенью раскидистых лип, чьи кроны давали тень. На этой поляне тропинка упиралась прямо в огромный костер, за которым угадывалась фигура ждущего жениха. За ним стояла толпа. Маргарита разглядела знакомых Огненных, Василису, нескольких наставников, Елисея Вилкина; остальных скрывал дым и яркие всполохи пламени.

Заметив приближение невесты со свитой, поляна загудела, раздались веселые приветственные крики, многие начали размахивать руками. Выстроившийся по обеим сторонам от дорожки хор затянул песню, скрытые где-то за костром музыканты ударили по струнам. Маргарита непроизвольно улыбнулась: так все вокруг было красиво, с такой искренней радостью звучали голоса, так ласково шептал над головами лес с молодой листвой.

Ульяна на секунду замерла перед стеной огня. Она улыбалась. Высокая, с прямой спиной и гордо поднятым подбородком. Маргарита приблизилась к ней, осторожно развязала ленточку и расплела ее длинную темную косу. Она расправила чуть волнистые волосы, разложила их по плечам невесты и тихо шепнула: «Готово». Все задержали дыхание, музыка стала тише, Ульяна шагнула в костер. Под хлопки и торжественные крики, невеста прошла сквозь огонь, оставшись невредимой, и оказалась в объятиях Василия, но Маргарита, вместо того чтобы разглядывать наряд веселого жениха и наблюдать, как он надевает на голову невесты венок, всматривалась в дым, взвившийся к кронам. Там уже знакомо проступали фигуры и лица. Толпа разновозрастных призраков с одной стороны делала приветственные жесты другой толпе, возникшей прямо над головой Ульяны. Бородатый старичок выступил вперед и пожал руку высокому тощему мужчине в длинном полупрозрачном кафтане. Рядом уже обнимались таявшие на свету старушки. Маргарита изумленно смотрела на духов двух семей, не до конца веря в то, что и впрямь видит их собственными глазами, как вдруг молчаливая дымная сцена была развеяна такой же бесшумной темной вспышкой. Духам понадобилось несколько

мгновений, чтобы появиться вновь и броситься к темному пятну, зависшему над головой невесты. Маргарита вздрогнула, не понимая, нужно ли кого-то об этом предупредить. Она взволнованно оглянулась и вдруг заметила Людмилу, тоже уставившуюся на дым. Девушка, почувствовав, что на нее смотрят, повернулась и взглядом нашла в толпе Маргариту. Заметив ее испуг, она приложила палец к губам и вновь указала на невесту. Духи сцепились с темным сгустком, пытавшимся завладеть силами невесты, которая только что лишилась основной поддержки своего рода, но еще не вступила в другую семью.

К Ульяне через поляну приближался высокий лысый человек, в котором без труда узнавался отец Василия, и приятная женщина с русой косой, затейливо уложенной на голове. Маргарита могла следить за происходящим лишь краем глаза, потому что темные силы продолжали самую настоящую борьбу за уязвимую девушку. Но когда женщина с косой назвала Ульяну «доченькой» и обняла невесту сына, черное пятно на долю секунды испарилось. И когда лысый колдун с фиолетовыми глазами расцеловал ее в обе щеки и протянул ей небольшую шкатулку, тут же исчезнувшую в складках платья, духи обоих родов одержали полную победу над темными силами.

Василиса в это время стояла по другую сторону костра. Ей было видно лицо Маргариты, лишь наполовину скрытое за пламенем и дымом. Подруга хмурилась, глядя на сизый дым, таявший на фоне голубого неба, и переглядывалась с Людмилой, затянутой в черное платье с открытыми плечами.

Когда небо вновь стало прозрачно-голубым и от дыма не осталось и следа, Василий взял за руку свою невесту и обратился к собравшимся гостям:

– Вы не представляете, как я боялся, что эти дурни, – он указал в сторону колдунов, которые встречали Ульяну с поневестницами на пути из бани, – смогут ее отговорить. Но даже образ великого и могучего наставника по Целительству – его же еще нет среди гостей? – не смог сбить ее с верного пути. Да даже Заиграй-Овражкин с его необъяснимым обаянием оказался бессилен!

Гости рассмеялись, и Сева весело улыбнулся, глядя на Огненного колдуна, который, кажется, в первый раз в своей жизни действительно волновался.

– Ладно, если серьезно, – продолжил Василий, – разве мог я когда-нибудь представить, что буду вот так стоять на свадьбе, в парадном кафтане, рядом с самой прекрасной колдуньей? Понимаете, на собственной

свадьбе! Я тут не настойки разливаю, я женюсь! – воскликнул он, а гости встретили его слова громкими аплодисментами.

– На самом деле, – Вася повернулся к Ульяне, которая выглядела намного спокойнее, чем он, – про верный путь – это еще вопрос. Может быть, наш путь не всегда будет верным, но веселым – это я тебе обещаю! И больше никаких «Тайных фантазий»! Ну... разве что для хороших друзей, – он рассмеялся и подмигнул Муромцу, стоящему рядом.

Молодые слились в поцелуе, все вокруг захлопали в ладоши, и внезапно у них под ногами что-то засветилось. Таинственное розоватое мерцание усилилось, вызвав интерес жениха с невестой и их гостей, и вот уже сверкающие островки расползлись по всей поляне. Василиса наклонилась и подняла небольшой камешек, как оказалось, источавший свет: эти замерцавшие малыши придали полянке совершенно сказочный вид, вызвав поток удивленных и восхищенных возгласов.

Ульяна с Васей счастливо целовались, кружась в звуках музыки и в необычном розовом свете заколдованных камней. Василиса обернулась и отыскала взглядом Анисью, замершую у дальнего дерева. Та крепко держала в руках круглый камень и что-то шептала ему, он озарял ее лицо светом и заставлял светиться остальные камни. Вслед за Василисой и другие гости догадались, кто смог сотворить подобное волшебство.

– Муромец? Анисья Муромец тоже пришла на свадьбу? – разнесся шепот среди Ульяниных и Васиных родственников, собравшихся небольшой группкой у главного костра и польщенных присутствием знатной девицы на их скромном празднике. – Какая красавица. Только посмотрите на ее наряд!

– Ты снова в центре внимания. Даже на чужой свадьбе! – рассмеялась Василиса, подходя к Анисье вместе с Полиной и откуда-то взявшимся Алешей Поповым, когда гости обменялись поздравлениями и отправились за угощениями.

– Что ты имеешь в виду? – улыбнулась Анисья, отпустила камень, который помог ей в колдовстве, и как бы невзначай поправила платье.

– Твое колдовство всех восхитило! И потом, многие не ожидали, что ты придешь на эту свадьбу. Никто из родни Ули не думал встретить представительницу древнего рода.

– Ну, Митя же пришел, – пожала плечами Анисья. – Тем более мне нравится Ульяна. Бывают такие жалобы по здоровью, которые я могу доверить только ей.

Девушки понимающе кивнули, а Алеша Попов тут же добавил:

– Твое колдовство и впрямь выглядело круто.

– Правда?

Парень повернулся к притихшей Полине:

– А ты... ты прекрасно выглядишь. Этот цвет...

– Спасибо, – с благодарной улыбкой ответила Полина, но тут же помрачнела, будто вспомнила что-то. Анисья, заметив ее изменившееся выражение лица, схватила Алешу под руку и постаралась перевести тему разговора:

– Не знаешь, случайно, еду для праздника доставили из «Медвежьего угла»?

– Слышал, что да, – отозвался Попов, с готовностью подставив Анисье свой локоть, но вопросительно поглядывая на Водяную колдунью. – Отец Василия настаивал, чтобы свадьбу праздновали в кафе, но ребята захотели устроить все здесь. Велес сделала исключение и разрешила родственникам присутствовать. Кажется, нас ждет веселье на открытом воздухе.

– Это замечательно! – ответила Василиса, обводя взглядом пятачок, на котором были расставлены столы. – Я очень люблю подобные праздники! Надеюсь, музыка будет так же хороша, как и все остальное на этой свадьбе. Ой, вы только посмотрите, как красиво украсили сцену. Анисья, ты помогала с этим? Я вижу там кристаллы.

Она осеклась, заметив идущего навстречу Митю Муромца. На раздумья было всего несколько мгновений, и, немного поколебавшись, Василиса добавила чуть дрогнувшим голосом:

– Я пойду поищу Маргариту и выберу нам места поближе к сцене.

– О, спасибо, Вася, это будет кстати! – откликнулась Анисья, ничего не заметив. – Я не знаю, куда на таких свадьбах нужно садиться.

Митино сердце кольнуло от вида стремительно удаляющейся Василисы. Он не мог знать, что его приближения отчаянно желала Полина, оказавшаяся в компании Алеши и Анисьи. Она видела их на берегу Нищенки, сидевших в обнимку, – по-дружески ли? Или они обнимались, как влюбленные?

Они не подозревали о том, что Полина стала свидетелем их тайной встречи, и старались втянуть ее в беседу. Водяная колдунья окончательно запуталась. Какое ей дело до Алеши Попова? Она ведь пообещала себе не вступать в отношения после того, что случилось с бедным сыном провидца Ворцлава. Но Алеша Попов ухаживал за ней... Или нет? Может, это были всего лишь проявления вежливости и доброты?

А Анисья, видя нежелание Полины общаться с этим парнем, пыталась сгладить неловкие паузы и перетягивала внимание Попова на себя. Тогда зачем она обнималась с ним на берегу? Он что, ей нравится?

Митя, поравнявшийся с ними, выглядел хмурым и растерянным. Полина, несмотря на ее изменившееся отношение к Муромцу, ждала какой-нибудь язвительной шутки, его заразительного смеха и участливого взгляда в ее сторону. Он умел отвлекать от неприятных мыслей, и на пару минут она была готова простить его слабости, несложившиеся отношения с Василисой, даже неискренность его улыбок, лишь бы он смог развеселить ее саму. Но вместо этого он уставился на свою сестру и буркнул:

– Не уходи далеко. Я хочу подарить подарок в самом начале праздника, чтобы потом можно было раствориться в толпе и исчезнуть.

Алеша Попов понимающе рассмеялся:

– Не любишь внимание?

– Мама Ульяны уже преследует меня и осыпает комплиментами, – неохотно признался Митя. – Говорит, не может поверить в то, что на свадьбе ее дочери присутствуют «сами Муромцы». Это никуда не годится.

– Хорошо, – согласилась Анилья и, подмигнув Алеше, последовала за братом.

Место на сцене заняла группа из двух парней и двух девушек. У них были русые волосы абсолютно одинакового оттенка, темно-коричневые музыкальные инструменты и нежно-зеленые наряды. Неподалеку, в конце стола, как раз оказались свободные стулья, Василиса повесила шаль на выгнутую дугой спинку одного из них. По длинной столешнице бежали реки льна и кружев, в корзинках благоухали пионы, в маленьких амагиях, словно собранных со всех избышек Заречья, серебрились облачка сныти. Между цветами и блюдами под стеклянными колпаками были расставлены композиции из мухоморов-светляков. Колдунья знала, что, когда наступит вечер, они будут очень красиво сиять. Вокруг них, возвышаясь на пирамидках из березовых спилов, громоздились тарелки с кексами и пирожками. На солнце блестели кувшины с лимонадом и компотом.

Василий и Ульяна устроились во главе одного из столов в окружении родни и близких друзей. Маргарита представляла свиту невесты, поэтому была отделена от своих подруг и лишь перемигивалась с ними через стол.

Зайчик – щупленький, улыбчивый паренек, и крепыш Емеля, которого хорошо знала Маргарита, вызвались помогать на свадьбе. Сейчас они рассаживали гостей и обменивались шутками, до слез веселя наставников и Ульяниных тетюшек. Когда колдуны расселись и принялись с интересом разглядывать угощение на столах, парни объявили, что все желающие могут поднести молодоженам подарки.

– И не забывайте, что, если вам вдруг не нравится ваш сосед по столу, мы с удовольствием пересадим вас за другой, – с улыбкой объявил

Зайчик. – Всего за пару самоцветов.

– Или руну отличия, – добавил Емеля, провожая припозднившегося Густава Вениаминовича за стол с наставниками и указывая на место рядом с Марьей Кошечевой. – О, я вижу, что у нас есть первые желающие подарить подарок!

Митя с Анисьей вышли на центр поляны, гости тут же притихли и обратили к ним взгляды.

– Дорогие друзья, разрешите представить! На случай, если кто-то не в курсе, – громко сказал Емеля, – Анисья и Дмитрий Муромцы. Вот уж не знаю, что за зелье жених подмешал им в утренний чай... Нет, а что? Неужели вы думаете, что они по доброй воле пришли на эту свадьбу?

Раздались смешки.

– Итак, Митя, Анисья, ждем ваших пожеланий. Хотя, ладно, зачем я обманываю, – все, конечно, больше ждут вашего подарка. Что вы приготовили для наших молодых? Пегаса? Небольшой домик на берегу моря? Несколько метров русалочьей парчи? Или гарнитур с кельтскими бриллиантами?

Митя, собиравшийся ответить шутнику, вздрогнул и промолчал, так что Анисье пришлось брать первое слово:

– Василий, Ульяна. Я хочу поблагодарить вас за возможность погулять на этом празднике. Возможно, мы не очень много общались, но я знаю, что вы были хорошими друзьями моему брату. Я бы хотела, чтобы ваша жизнь всегда была наполнена любовью и светом. – Она повернулась к Мите, но тот все еще напряженно молчал, поэтому ей пришлось продолжить: – Но если со светом вдруг возникнут проблемы, то вы всегда сможете воспользоваться моим подарком.

Она открыла коробку, которую держала в руках, и вынула большой кристалл-световик, выполненный в форме медведя.

Гости тут же зааплодировали.

– Вырезать его мне помог брат. Надеюсь, моей силы хватило на то, чтобы хорошенько зарядить этот светильник. Но у Огненных никогда не бывает трудностей с поддержанием света в кристаллах-световиках. Так что... это вам!

Она передала подарок Зайчику, и тот понес его молодоженам. Вася тут же схватил световик, считавшийся дорогим и редким кристаллом, и принялся с неподдельным восторгом рассматривать его со всех сторон. Следом к нему потянулся Васин отец, словно уже прикидывая, куда бы поместить такую красоту в «Медвежьем углу».

– Друзья, кажется, Муромцы еще не закончили с подарками! – Емеля

призвал гостей к тишине, заметив коробку в руках Мити. – Дмитрий, вам слово. Ну что там у вас? Дом? Пегас? Золото?

– Мой подарок больше для невесты, извини, Вась. – Митя, очнувшийся от мрачных мыслей, рассеянно улыбнулся друзьям. – Ульяна, я знаю, что недавно тебе пришлось пережить тяжелую утрату. Потеря волшебного помощника часто плохо сказывается на колдуне... Нам всем нравился твой пес Соловей, и все мы очень грустили, когда неизвестная болезнь унесла его жизнь. Но я считаю, что ты сама помогаешь стольким людям, что не можешь остаться без помощника. Конечно, Соловья уже никто не заменит, но, надеюсь, что мой подарок доставит тебе часть той радости, что приносила собака.

Митя открыл подрагивающую коробку и вынул на свет маленького щенка, черная шерсть которого торчала клочьями, напоминая вороньи перья, а глаза светились двумя красными угольками.

Ульяна взвизгнула и, едва не уронив стул и путаясь в подоле платья, кинулась к Муромцу, выхватывая из его рук щенка Чупакабры и прижимая его к груди.

– Это невозможно! Невозможно, – шептала она, заливаясь слезами. – Как ты его достал, Митя? Сколько он стоил? Ой, прости за вопрос... Но в это невозможно поверить!

Гости повскакивали со своих мест и тоже устремились к Муромцу и невесте, всем хотелось взглянуть на диковинное животное, доставленное с другого полушария.

– Так нечестно, – возмущался Вася, – она будет любить этого щенка больше, чем меня!

Емеля с Зайчиком тщетно пытались усадить всех за столы, пока маленькую Чупакабру не поместили в корзинку возле ног Ульяны. Василиса попыталась поймать Полинин взгляд, заметив подавленное настроение подруги. «Что случилось?» – одними губами произнесла она, но Водяная колдунья в ответ лишь покачала головой. Ее глаза то заинтересованно останавливались на Алеше, сидевшем рядом с Анисьей, то на Анисье, то на самой Василисе, теребившей тяжелый медальон на золотой цепочке. Казалось, в ней происходит какая-то неназванная борьба, что мучает и терзает. Но Василиса не знала причины ее беспокойства и была не в силах помочь, хотя и очень хотела.

Музыканты заиграли новую песню, на этот раз быструю и заводную, таким образом раззадоривая гостей общаться друг с другом, пересаживаться от стола к столу и, конечно, танцевать.

Медальон в руках Василисы начал медленно темнеть. Что это значит?

Страх, нетерпение, сомнение? Она поглядела на кельтский бриллиант и попыталась спрятать его в ладонях. Интересно, как долго его можно будет выдавать за удачную подделку? Василиса до сих пор не решилась сказать правду никому из подруг. Особенно старалась скрыть тайну от Анисьи. Она не могла понять себя, когда надевала тяжелый кулон, хоть и знала, что его точно заметит Митя. Поначалу она хотела вернуть подарок, сунуть в руки парню и с гордым видом уйти. Потом решила возвратить украшение тайком, оставив, например, под дверью избушки. Но не отважилась и на это и подумала закопать его поглубже в вещах в своей комнате в Росенике, чтобы если и наткнуться на него когда-нибудь, то только когда ее чувства к Муромцу останутся в далеком прошлом и не смогут больше ранить. Что же получилось в итоге? Она носила кулон, ни от кого не пряча, и каждый раз рассказывала, что камень ненастоящий – якобы симпатичная подделка от инженеров с маминой работы. Пусть Митя видит, что она не отвернулась от него. Ей ничего не осталось на память от их едва вспыхнувших чувств, кроме этого медальона. Так пусть у нее будет хотя бы медальон.

Гости танцевали. Анисья ушла с Поповым, Маргарита все еще не отходила от невесты, но уже чаще посматривала в сторону подруг. Полина пыталась укрыться от глаз и избежать внимания, поэтому сейчас стояла в тени. На ее лице Василиса разглядела все то же потерянное выражение, но решила не беспокоить подругу расспросами: очевидно, Полина хотела разобраться во всем сама, раз постоянно пыталась ускользнуть и побыть в одиночестве.

Темнело, костры разгорались ярче, их становилось больше, и Огненные уже разве что не водили вокруг них хороводы. Но Митя даже не заметил, как пролетели несколько часов. Он никак не мог включиться в праздник: только наблюдал со стороны. К счастью, поблизости не было Марьяны и ее подруг. Где-то за всполохами огня изредка мелькал Дима Велес. Сестра уже третий раз танцевала с одним и тем же парнем, и это отчего-то радовало Заиграй-Овражкина. Митя опять заметил его рядом с ними: Сева что-то рассказывал с самым веселым видом, те в ответ смеялись.

– Купаться пойдешь? – Воздушный маг в одно мгновение оказался рядом с другом.

– Никто не купается в такую холодину, – отозвался Муромец, равнодушно глядя и на предложенные гостям напитки из «Медвежьего угла» и на гору сладкой выпечки.

– Живина ночь – главный ритуал снежинок. Они пойдут на речку, – заметил Сева.

– И что, ты собираешься с ними?

– Они меня позвали! – ответил Сева, слишком уж расслабленно улыбнувшись, и вмиг исчез.

Митя не понял, пошутил он или нет. Конечно, после зелий Василия от гостей можно было ожидать чего угодно, и снежинки вполне могли сойти с ума и пригласить искупаться вместе с ними Сирену. Главное, чтобы Сева оставался в своем уме и понимал, во что себя втягивает.

Муромец из вежливости наполнил тарелку фруктами, выбрал маленький кусок торта – еда вставала поперек горла – и решил пройтись. Вечерняя прохлада ощущалась лишь вдали от костров, отсюда – с края украшенной для свадьбы поляны – виднелись танцующие. Взгляд без особого труда отыскал ту, чьи волосы сливались по цвету с языками пламени. Василиса держалась на некотором расстоянии от огня. Она танцевала медленно, нехотя, словно была не в силах справиться с волей звучащей музыки. Рядом с ней точно так же без энтузиазма двигалась Полина. То ли обеим не нравилась песня, то ли их больше интересовал разговор: они то и дело наклонялись друг к другу и обменивались фразами, хмурясь и пожимая плечами.

Заметив, что, обходя гостей, столы и стулья, к нему движется дама из числа Ульяниной родни, Муромец сделал вид, будто увидел кого-то знакомого и быстро покинул свой пункт наблюдения. Вдали от импровизированной сцены, куда не долетал свет от костров и где было развешено меньше фонариков, собирались ворковавшие парочки и небольшие группы друзей. Они растягивались на траве и смотрели на звезды. Над ними порхали десятки ночных мотыльков, мерцая бледным лунным светом. Музыка слышалась отчетливо, но производила совершенно другое впечатление. Митя различил нежный женский голос, выводящий слова вслед за солистом-парнем. Он попытался вслушаться, о чем она поет, но теперь слова заглушала флейта.

За углом первой избушки, стоявшей в самом начале улицы Гроз, слышались возня и отчетливые звуки поцелуев. Муромец хотел незаметно проскользнуть мимо, сделав вид, что не заметил влюбленных, но в следующий миг едва не столкнулся лбом с Алешей Поповым, который бросил кому-то «Сейчас сбегая за напитками» и вылетел прямо из-за этого угла. Колдуны разминулись с неловкими улыбками, и, поравнявшись с избушкой, Митя все же бросил на нее любопытный взгляд. В тени крылечка застыла Анисья. Муромец тут же подскочил к ней и схватил за локоть.

– Чего тебе? – Анисья выдернула свою руку и недовольно

нахмурилась.

– Послушай. – Брат, не обращая внимания на сопротивление, потащил ее к следующей избушке. Людей там как раз не было. – Ты что, с ума сошла? – Он взглянул в ее порозовевшее лицо.

– Я-то?

– Сколько ты выпила, дурында? – Митя покачал головой, пытаясь поймать рассеянный взгляд сестры.

– Капельку! Ой, нет. – Она издала глупый смешок. – Три раза по капельке. Нет, правда, вот столечко.

Этот смешок вдруг напомнил о чересчур радостном Севе и его затее идти купаться вместе со снежинками.

– А что ты пила?

Анисья по-детски закусил губу и, так и не вспомнив ничего определенного, виновато произнесла:

– Что-то зелененькое... Сладкое.

Казалось, что она уже начала забывать, от какого занятия ее оторвал брат. Тело ее обмякло, и она сонно уткнулась ему в плечо.

– Анисья, это же Васины настойки. Нельзя пить их три раза. Некоторых и с одного раза уносит знаешь как...

– Но я же за свадьбу... тост... – пробормотала она. – Его родители всем наливали, нельзя же было отказываться!

– Ты только что целовалась с Поповым. Понимаешь? Ты хоть знаешь такого?

– Конечно, знаю, глупый! – тут же отозвалась она, вскидывая голову. – Что мне, нельзя целоваться?

– Да в том-то и дело, что я не имею понятия, можно ли тебе целоваться! – сказал Митя, умолчав, что снова заметил Диму Велеса, на этот раз мелькнувшего за ближайшим кустом сирени. Тот тоже заметил поцелуй Анисьи и Алеши Попова. Лицо его было мрачным. – Как отнесутся к этому родители, если узнают? У Попова, конечно, семья еще туда-сюда, но вы не можете быть парой, понимаешь?

– Может, еще скажешь, что нам нельзя пожениться? – совершенно внезапно расхохоталась Анисья и едва удержалась на ногах. – А что? Раз поцеловались, надо сразу идти под венец!

– О Ярило, да не ори ты так, – Митя хорошенько дернул ее за руку. – Просто будь осторожна, поняла? Случись что, я не знаю, как ты будешь выкручиваться. А ведь ты... Посмотри на меня! Ведь ты самая главная надежда нашего рода.

Анисья подняла на него глаза, и взгляд ее стал более-менее

осмысленным:

– Разве? А как же ты?

– А я... нет.

– Так вы здесь? – раздался веселый голос Попова, подошедшего с двумя бокалами в руках. – Я как раз искал Анисью... возле той избушки...

Митя бесцеремонно взял у него один из бокалов и кивнул:

– Без глупостей, дружище. И проследи, чтобы родственники Василия больше не подливали ей никаких настоек.

Настроение стало совсем отвратительным. Он медленно поплелся обратно на праздник и рухнул у ближайшего костра. Рядом опустился Мастер и бросил небольшой мешок, в котором что-то задребезжало.

– Что там? – поинтересовался Митя, мысленно возвращаясь к сцене, свидетелем которой непроизвольно стал.

– Ножи. Перед обрядами всем резко понадобилось их поточить. А я что? Я не гордый. Да и деньги мне нужны. – Мастер вынул из мешка несколько ножей разных форм и размеров.

– Ты что, собрался сейчас работать? Свадьба же! Веселье!

Мастер цыкнул и покачал головой, посмотрев на Муромца как на последнего бездельника. Тот в ответ лишь рассмеялся.

Пляски у центрального костра становились все веселее. На невысокий, сколоченный из досок помост вышли несколько девушек с музыкальными инструментами. Они заиграли очень бодро – круг танцующих счастливо захлопал в ладоши, все принялись скакать, подстраиваясь под ритм незнакомой песни. Мастер размеренно позвякивал точильным камнем, словно подыгрывал музыкантам. Краем глаза Митя наблюдал за его монотонной, успокаивающей работой, но его взгляд то и дело возвращался к костру и ловил отблески на длинных рыжих волосах, волнами взлетающих вверх вслед за руками. Незабудково-голубое платье легкими складками окутывало бедра, маленькие босые ступни мелькали в траве. Василиса все еще была далеко и не видела Муромца. Когда она исчезла из виду, затерявшись в толпе нарядно одетых девушек, Митя снова повернулся к Мастеру – тот как раз вынул из ножен слегка изогнутый клинок с потемневшим лезвием.

– То ли слишком старый, – проворчал Мастер, – то ли я просто не понимаю, что с ним делали...

– Восточный кинжал?

– Нет, это серп, – ответил Мастер. – Старинная форма, одно время такие были распространены, я в книжке видел.

При слове «серп» в голове Муромца цепочкой побежали

воспоминания. Подземелья под Росеником. Птица Манур. Книга, которую показывал Вещий Олег. И изображение богини смерти, занесшей над головой серп. Форма лезвия была очень похожа на эту.

Мастер, бубня что-то себе под нос, покрутил в руках серп и опять возмутился его состоянию. Подцепил пальцем поврежденную обмотку ручки, чуть сдвинул ее в сторону и вдруг удивленно поднес нож прямо к лицу: под истрепанным кожаным шнурком скрывалась отполированная металлическая рукоятка, а на ней жутко и одновременно прекрасно мерцали темно-красным светом тонкие письмена, словно кто-то сыпанул туда горсть крошечных тлеющих угольков.

Мастер тут же потянулся пальцами к этим знакам, но, прежде чем успел их коснуться и прежде чем Митя сообразил предупредить его, его руку перехватили. Мастер удивленно поднял голову и уставился на Севу, нависшего сверху.

– Фу-у-уф, – с облегчением выдохнул Воздушный маг. – Так, Мастер, опусти-ка это на землю.

– Что? Почему? – возмутился тот, но послушно кинул серп себе под ноги.

– Там очень сильное колдовство. И очень старое. Неизвестно, что может случиться...

– Если бы там было мощное колдовство, такая простая обмотка не смогла бы скрыть его. – Мастер снова схватился за рукоятку ножа, но в этот раз сделал это с заметной осторожностью.

– Вот и я думаю, что обмотка не самая простая. Не удивлюсь, если это кожа черного дракона. Или какого-нибудь карельского.

– Ты серьезно? – фыркнул колдун.

– Слушай, ты можешь просто получше замотать... ну... ручку? – почесал голову Сева и переглянулся с Муромцем. Тот не сводил с него изумленного взгляда, тоже догадавшись, что именно попало в руки незадачливого Мастера.

– Могу, конечно...

– Скажи, а чей это серп? – как бы между делом спросил Митя, приходя в себя и борясь с желанием выхватить оружие из рук парня.

– Чей? Да... да вон. Ее, – он кивнул в сторону костра, куда Митя старался больше поворачиваться.

На этот раз Василиса танцевала в обнимку с Маргаритой, и обе умирали со смеху.

– Василисин? – прошептал Митя, не веря своим ушам. – Он принадлежит Василисе Умной?

– Эта которая? Рыжая? Да не-е-ет. Вон та, вторая. Огненная. Это она дала мне эту рухлядь. Не знаю, поможет ли заточка такому старью!

– Маргарита... – произнес Сева почти беззвучно и вновь уставился на Муромца. В его голове по кусочкам начала собираться большая картинка.

* * *

Маргарита падала с ног, но продолжала кружиться вокруг костра, боясь остановиться и действительно рухнуть на землю. Не хотелось прекращать веселье – ей давно не было так хорошо. Высоко в небесах сияли звезды, ночь стояла теплая, звучала волшебная музыка, расстраивало лишь то, что она не знала слов ни одной из песен и не могла подпевать. Нежно-розовое платье, которое ей сшила Параскева и за которое пришлось отдать треть своих скудных сбережений, сейчас казалось прекрасным произведением искусства. Она сама сделала на поясе и на подоле вышивку в виде маленьких цветочков и была очень довольна своим нарядом.

Из-за ветвей бузины за ней уже добрых полчаса наблюдал какой-то парень. Она не могла понять, знакома ли с ним. Ей почему-то казалось, что они вообще никогда не виделись, но это было маловероятно – так или иначе в Заречье она пересекалась со всеми воспитанниками. Не прекращая танца, Маргарита украдкой пыталась его рассмотреть, сраженная его заинтересованным и при этом чистым взглядом. Но тонкие ветви бузины превращали его лицо в мозаику, и все, что ей удалось выхватить и запомнить, были длинные темные волосы да прямой нос.

В следующий раз, когда Маргарита обернулась вокруг себя и поняла, что за бузиной уже никого нет, она словно очнулась и вспомнила, что пора отправляться спать. Возле соседнего небольшого костерка сидели Митя с Севой и странно поглядывали на нее. Она послала им воздушный поцелуй и отправилась искать Полину. Та нашлась неподалеку, возле нее с виноватым видом околачивался Светослав.

– Прости, Светик, мы уходим, – она решительно взяла подругу под руку и повела к дороге. – Эй, ты как? Что это он к тебе прилип? – обратилась она к Полине.

– Вот уж чего не знаю, того не знаю...

– Хочешь, прогуляемся немного перед сном?

– С удовольствием. Спустимся к реке?

– Идет.

Занялся рассвет. В танцующих всполохах костра его не было заметно,

но едва девушки удалились от места праздника, бледное голубоватое зарево стало отчетливо видно над лесом. Ночь, имевшая десятки имен, подходила к концу. Птицы смолкли, в хрустальной тишине слышались лишь легкие шаги колдуний, пытавшихся отыскать тропу среди молодого кипрея.

– Так о чем вы говорили со Светославом?

– Он так внезапно подошел ко мне! – Полина передернула плечами. – Кажется, за что-то извинялся. Говорил, что беспокоился, пока меня не было...

– Конечно! Наверное, до сих пор считает, что ты тайно переметнулась к Старообрядцам, и пытается спасти свою шкуру. Значит, понимает, что первым попадет под твою руку, случись что, – Маргарита попыталась свести все в шутку.

– Проблема в том, что я почти не помню, что между нами было, – отозвалась Полина с безразличием. – Будто это все случилось не со мной. Или в другой жизни. Не знаю, чего он так за это уцепился...

– Ну а... Попов?

– С Поповым все понятно, – Полина вздохнула. – Ему нравится Анисья.

– Н-да, какая-то глупость.

– Да нет, все в порядке. У нас бы ничего не получилось. Мне сейчас этого не нужно, правда.

Внезапно обе девушки остановились – слышались голоса. Несколько женщин то ли пели, то ли хором читали заклинание. Речитатив звучал таинственно и призывно, в голосах мерещились знакомые интонации.

– Посмотрим, что там? – предложила Маргарита.

Полина согласно кивнула, и они стали пробираться сквозь заросли ближе к реке. По земле тянулась утренняя сырость, трава становилась влажной и холодной. Одиноко вскрикнула птица и тут же умолкла, будто испугавшись собственного голоса. Странная песня становилась все отчетливее. Заметив впереди движение, Маргарита остановилась и тихонько раздвинула ветки.

Картина открылась престранная. На пологом берегу, что ближе к лету обычно зарастает крапивой, прямо на земле сидел Илья Пророк. Вокруг него, держась за руки и напевая, шли в хороводе наставницы. Маргарита тут же узнала маленькую Веру Николаевну с гривой седых волос, высокую и полную Кассандру Степановну, хрупкую и прямую Лису. Все они были раздеты донага. И Яга, и Марья Кошечкина, и странная Фея... Только длинные распущенные волосы укрывали их, словно плащи. Они

продолжали ходить вокруг замершего Пророка, приговаривая все громче и быстрее:

– Ладу-ладу-ладу. Лови-лови, Яша, женку-перепелку.

Полина с Маргаритой изо всех сил прислушались.

– Сиди-сиди, Яша, ты забава наша.

Грызи-грызи орешки каленые, милою дареные.

Чок-чок, пяточок, вставай, Яша, дурачок.

Выбирай невесту, из любых любую

И ту молодую!

Вдруг Илья Пророк пошевелился и указал рукой на кого-то из круга, в ответ раздался дружный смех, хоровод задвигался быстрее, а песня полилась еще веселее.

– Что они делают? – удивленно прошептала Полина. – И почему называют его Яшей?

– Яшей? – отозвалась Маргарита. – По-моему, они говорят «ящер».

«Сиди-сиди, ящер, под ореховым кустом, – тут же раздалось в голове у Полины. – Свои руки покажи, имя правильно скажи!»

– Или все-таки «Яша»? – запуталась Маргарита. – Ничего не... о боже, Полина, смотри!

Девушки изумленно застыли, по спинам обеих пробежал мороз: вокруг старого Илья Пророка водили хоровод стройные молодые девицы, заливавшиеся смехом. Лиса, почти не изменившая своего вида – разве что оттенок волос стал теплее, – держала за руку низкую девушку с темно-каштановыми волосами и нежным бледно-розовым телом. Та в свою очередь сжимала ладонь статной красавицы с высокой грудью и водопадом черных локонов.

– Мамочки, что тут происходит...

– Они помолодели, Полина! Помолодели на глазах!

На поляне раздался визг, Полина с Маргаритой снова усталились в просвет между ветвей. Илья Пророк поднялся с колен и ударил о землю посохом, голые девчонки кинулись от него врассыпную, зажимая от хохота рты. Внезапно со всех сторон зашевелились кусты, и оттуда повыскакивали парни. На поляне поднялась суматоха, колдуны что-то кидали в девушек, те уворачивались.

– Догоняй эту! – раздался мужской возглас.

– Фу, да это же червяки! – весело выкрикнула Лиса. – Густав, ты сейчас получишь!

– Густав? – изумленный шепот Маргариты затерялся в очередном взрыве хохота. Долговязый парень с растрепанными волосами по самые

лопатки на этот раз гнался за хорошенькой курносой пышкой, которую с трудом сейчас можно было назвать Розалией Павловной.

Они бегали друг за другом, словно дети, совершенно не смущаясь наготы. Казалось, они не замечают того, что раздеты. Они походили на прибрежные деревья, на первые весенние цветы, на птиц или резвящихся зайцев. Не прошло и минуты, как послышался всплеск: кого-то скинули в реку. Тогда вся честная компания бросилась к воде, парни и девушки хватали друг друга, швыряли с мостика и тут же сами прыгали на выручку.

Илья Пророк наблюдал за ними, медленно указывая на каждого пальцем, словно пересчитывая. Наконец он остановился и неторопливо обернулся. Полина с Маргаритой со страхом поняли, что он смотрит прямо на них.

– Что... что? Он нас заметил?

– Нет-нет, он ждет меня.

Девушки подпрыгнули от ужаса – прямо за их спинами стоял широкоплечий парень. Ветер раздувал его волосы, и они закрывали половину лица, но по взгляду спокойных темно-синих глаз Маргарита тут же догадалась, кто перед ними. А еще догадалась, кто следил за ней, не покидая укрытия в кустах бузины.

Полина прижала ладони ко рту, но вдруг улыбнулась. Казалось, улыбнулась впервые за этот вечер.

– Оказывается, есть некоторые приятные стороны в том, чтобы быть наставником Заречья, – сказал юный Странник, отвечая на немой вопрос остолбеневших воспитанниц. – Один раз в году ты возвращаешься в возраст своего Посвящения.

– Так вам восемнадцать, – только и вымолвила Маргарита.

– Но вы почти не изменились, – тут же добавила Водяная колдунья, радуясь, что Александр Владимирович закутан в плащ. Было бы крайне неловко разговаривать с голым наставником.

– Спасибо, – усмехнулся Странник, но усмешка вышла какая-то печальная. – Ладно, я пойду, Пророк начинает сердиться. Без его магии все это было бы невозможно.

– Да-да, такое не надо пропускать, – согласилась Полина.

Странник повернулся к Маргарите, наверное, ожидая и от нее напутственного слова, но та стояла молча и все еще не могла пошевелиться. Она пыталась запомнить каждую его черту, понять, что именно изменилось в нем за все эти годы. Пыталась представить, как бы общалась с ним, если бы между ними не лежала такая огромная разница в возрасте и они вместе проходили бы Посвящение. В конце концов они лишь обменялись долгим

нечитаемым взглядом, и Странник отправился к остальным наставникам. Обернувшись, Маргарита увидела, как он скинул плащ и тоже побежал к реке, не обращая внимания на сырой стылый воздух.

Глава пятнадцатая

Мара

После веселой и шумной свадьбы половина Заречья проснулась лишь к полудню. Яркое солнце заливало золотом берег, нагретые кочки под березой зеленели влажной лохматой шерсткой, напоминая свернувшихся ежей с травяными спинками. Луг тонул в нежной белой пене морковника, овсянки скакали по веткам и перекладинам старых качелей, сделанных в форме лодки. На этих качелях друг напротив друга сидели Анисья и Полина. Обе плохо спали сегодня ночью и сейчас нервно потирали пальцы. Казалось, что на их лица вовсе не попадают живительные лучи, а только отбрасывают тени невидимые для остальных людей тучи.

– Полина. – Наконец Анисья чуть наклонилась и взяла руки подруги в свои, взгляд ее при этом стал виноватым. – Прости меня, пожалуйста.

Водяная колдунья изобразила удивление, но от Анисьи не укрылась непривычная холодность, исходящая от нее.

– Прости меня за Попова, – настойчивее произнесла Анисья, преодолевая волнение и стыд, сопровождавший ее все утро. Раньше извинения почти никогда не срывались с губ горделивой наследницы, но этот год показал, что признание своей вины может принести долгожданное облегчение.

– Нися, – отмахнулась Полина. – Да с чего ты вз...

– Пожалуйста, признайся, он тебе нравится? – Анисья решительно смотрела ей прямо в глаза, пытаясь докопаться до сути. – Я ведь думала, что нет. – Она болезненно потрясла головой, расправляя кудри. – Наверняка он начал ходить за нами, подсаживаться за наш стол в столовой и звать кататься на лошадях только из-за тебя. Но я видела, что тебе это неприятно. Ты постоянно уходила от разговора, отворачивалась... Я старалась быть с ним вежливой, дружелюбной и только... честно. Но тут он, похоже, влюбился в меня...

– Не бери в голову, – резко оборвала ее Полина. – Может, он с самого начала хотел каких-то отношений именно с тобой. – Ее грустный взгляд скользнул в сторону.

– О боги, значит, он все-таки тебе нравится... Какая же я дура, – сокрушенно воскликнула Анисья.

– Да нет же...

– Полина!

– И к тому же мне сейчас не до парней, правда. – Водяная колдунья еще несколько секунд разглядывала блики на воде и только потом посмотрела на подругу. – Ты знаешь, что случилось у Старообрядцев, я рассказывала про Алексея... Теперь я не позволю себе никаких отношений. Подвергать кого-то такой опасности просто потому, что его жизнь могут использовать для снятия моего проклятия? Нет, спасибо! – Она откинулась на спинку качелей, высвобождая пальцы из Анисьиных ладоней, и скрестила руки на груди.

– Да не думаешь же ты, что Светлые так поступят?! – одернула ее Анисья.

– Я уже ни в чем не уверена. И потом, кто знает, не доберутся ли до меня Темные во второй раз. Так что не волнуйся, можешь встречаться с Поповым... – Полина пожала плечами.

– Я не собираюсь с ним встречаться! – тут же возразила Анисья. – Вчера мы целовались, но я совсем не понимала, что делаю. Сегодня утром пришлось поговорить с ним. Не знаю, на что я повелась... На знаки внимания или его доброту? Но ведь на самом деле мне он не особо-то и интересен. Раньше я его совсем не замечала!

– Тебе захотелось тепла, – сказала Полина.

Анисья вопросительно дернула бровью.

– Простого человеческого тепла. Не надо себя за это ругать.

– Ты считаешь, мне его не хватает?

– Конечно, не хватает. Ты окружена вниманием, все восхищаются твоей красотой и талантом. Но парни боятся тебя. Каждый из них понимает, что тебя не достоин. Ты для них либо слишком богата, либо слишком сильна, либо слишком хороша. – Полина перевела взгляд на подругу, Анисья нерешительно прикусила губу и молчала. – Но ведь это совсем не то, что нужно девушке, правда? А Алеша поступил с тобой как с обычной девчонкой. Захотел поцеловать и попытался это сделать. Захотел побыть с тобой вдвоем и пригласил посидеть на берегу Нищенки.

– Откуда ты знаешь про Нищенку? – встрепелась Анисья, щеки ее чуть покраснели.

– Я вас видела. Мы с Овражкиным пролетели прямо над вами на его пегасе.

– Вы с Севой? – удивленно спросила Анисья, будто не веря в услышанное. – На Вороном? Но... ты же боишься летать. И... не дружишь с Севой.

– Да, это был странный день, – согласилась Полина.

– Но... нет, я ничего не понимаю. Я знаю, что Сева никого не катает.
«Катает, – ответила Полина мысленно. – Только не признается тебе, за какую плату».

– Подожди, значит, он тоже видел меня с Поповым? – не унималась Анисья.

– Видел. Но ему не было до этого никакого дела. Ему вообще ни до кого нет дела, Нися. – Полина сочувственно покачала головой и на этот раз сама сжала Анисью ладонь. – И ты тоже не думай о нем. В этом нет никакого толка.

* * *

Сева поудобнее расположился на подоконнике. В дверь постучали, но он при всем желании не смог бы открыть – весь пол под его ногами был уставлен продолговатыми ящиками. Ящики были набиты карточками и пухлыми папками, содержащими истории болезней всех пациентов Еремея Павловича – одного из главных врачей городской Здравницы. Спрыгивать Севе было просто некуда. Оставалось вопросительно взглянуть на старшего помощника почтенного врача.

Мышка соскочил с высокого стула и, лавируя между вздыбленными, махровыми от топорщащейся старой бумаги островками, подбежал к двери.

– Проходите, проходите, дорогая. Вот сюда! – В проеме показался Еремей Павлович, за ним – высокая девушка с темной косой. – Ну вот, видите, как вам повезло! Вы попали, скажем так, в эпицентр событий!

– В эпицентр ежегодной уборки в Здравнице. – Сева одними глазами улыбнулся Ульяне, и та понимающе пожала плечами. Она приветственно помахала Мышке и уставилась на ящики, которые у одной стены были навалены друг на друга горой и лавиной съезжали к подоконнику.

– Ну хорошо, если бы ежегодной... – честно развел руками Еремей Павлович. – На самом деле я и не помню, когда в последний раз приводил в порядок эти архивы. Советую вам распределить ящики по составу недугов и разложить все карточки в алфавитном порядке.

– Почему вы не применяете заклинание, содержащее их в порядке? – удивилась Ульяна и тут же робко взглянула на Севу, словно спрашивая, потерпит ли Еремей Павлович подобные вопросы.

– Воздушное колдовство, – фыркнул врач. – Оно здесь долго не действует, слишком много Земляных магов.

– Об этом я как-то не подумала.

– Приступайте сейчас, чтобы не задерживаться до позднего вечера. А я пойду займусь переуском. И да, поздравляю вас со свадьбой, милая. – Еремей Павлович еще раз оглядел захламленный кабинет, сочувственно вздохнул и вышел.

– Так ты теперь тоже помогаешь Еремею Павловичу? – Мышка забрался на свой тонконогий стул и уставился на Ульяну. – Боги, целительница из Заречья. Это что-то невиданное.

Сева с Ульяной усмехнулись.

– Ну как Густав Вениаминович это допустил? – Мышка сам расхохотался. – Неужели он перестал сомневаться в способностях ведьм к этому тонкому искусству?

– Нет, она просто похожа на его бывшую жену, – сказал Сева, взглядом пытаясь притянуть к себе ближайший ящик: но и ящик, и бумажки в нем слишком часто подвергались магическим воздействиям, что создавало затруднения для Воздушного колдовства.

– О Дажьбог, ты что, в это веришь? – Ульяна уселась прямо на пол и равнодушно порылась в папках. – Вася ради интереса откопал где-то ее фотографию. Ничего общего. Конечно же, Ква всячески пророчествовал на мой счет – и что ничего из меня не получится, и что всех подопытных я ненароком переубиваю, но я стараюсь ставить его пророческий дар под сомнение.

Сева свесился с подоконника и, едва не упав, подтянул к себе один из ящиков.

– Так, помутнение рассудка, – прочитал он на первой попавшейся карточке. – Значит, всех с помутнением рассудка передавайте мне. Судьба велит складывать их в этот ящик.

– Без проблем, – ответила Ульяна и запустила в него целой папкой. – Тогда у меня чур отравления ядами.

– Это ты про настойки Василия? – пошутил Мышка.

Сева засмеялся и раскрыл потрепанную папку, чтобы вытряхнуть из нее давно истлевшие бумажки, не относившиеся к делу больного. Внезапно он умолк и уставился на первую страницу тонкой книжицы, содержащей в себе сведения о пациенте.

«Валерий Брусникин, – гласила надпись. – Охотник на Темных магов». Дата смерти не стояла.

Сева раскрыл папку и принялся продирается сквозь непонятный почерк.

Избушка присела, скрипнув створкой отворившегося окна, и задремала. Севе казалось, что он слышит ее равномерное дыхание, хотя такого просто не могло быть. Он лег на кровать и уткнулся носом в подушку, набитую сухими травами. Пряный нежный аромат убаюкивал вместе с размеренным покачиванием старой избы. Клонило в сон, но Сева держался. Он знал, что его там ждет: темное помещение лазарета, звездная ночь, проникающая прямо сквозь потолок, и тонкая фигурка русоволосой колдуньи, которая с призывным взглядом присаживается на край кровати. О, этот сон он успел изучить во всех подробностях! И хоть он манил, Сева решил не поддаваться воле сновидения и открыл глаза.

За стеной стих шум воды, Муромец еще немного повозился в ванной и наконец вышел, случайно грохнув дверью.

– Я еще не сплю, – отозвался Сева, предугадав Митин виноватый взгляд, брошенный в его сторону.

Он еще немного подождал, пока Земляной колдун уляжется на кровати в своей половине комнаты, и только тогда завел разговор.

– Слушай, я вчера был в Здравнице и нашел там очень странную вещь.

– Копался в ящике Мертвецкого? – усмехнулся Митя.

– Можно и так сказать. Мы действительно разбирали ящики, только вместо личных вещей целителя они содержали карточки с историями болезней. Мне достались психические и нервные расстройства. Сам знаешь, такое с колдунами случается нечасто.

Митя что-то неразборчиво пробормотал.

– В общем... я нашел там имя одного человека... Понимаешь, живого человека.

– Неужели все остальные скончались от этих недугов? – удивленно спросил Митя.

– Не в этом дело. Просто именно этого мага все считали мертвым. Ладно, может быть, и не все... Но те, кто о нем знает, полагают, что он умер.

– Та-а-ак... и ты думаешь...

– Я не понимаю, как это произошло, – признался Сева. – Зачем-то было сказано, что колдун мертв. А он оказался живым, но помешанным. Скажи, Муромец, вот если бы именно ты обнаружил это, ты поделился бы с кем-нибудь?

– Да! С тобой.

– Не смешно. Должен ли еще кто-то знать о том, что человек жив, если целители это скрыли? И если мы знакомы... хм... допустим... с его родственником?

– Овражкин, да кто это? Скажи, о ком идет речь?

– Валерий Брусникин, охотник за Темными магами.

Сева услышал шорох: ясное дело, Муромец подскочил на кровати и сел.

– Что? Брусникин? – Его голос звенел неподдельным изумлением. – Отец Полины?

– Да, он.

– Он жив?

– Как я уже сказал. В карте была коротко описана история, в ходе которой он лишился магического дара и сошел с ума. Похоже, что Темные устроили ловушку: Брусникин попал в передрагу в одном из потусторонних городов. Банда пьяных напала на его жену – потустороннюю. Он пришел на помощь, но в одиночку отбиться от них не смог, лишь разъярил, спровоцировал на агрессивные действия. Наверное, кто-то из нападавших ударил его жену – в этот день она скончалась от травмы, а Брусникин применил чары...

– Ч-черт, – процедил сквозь зубы Митя, потирая одной рукой другую, чтобы разогнать мурашки.

– И остался без своей силы. Говорят, редкие колдуны такое переживают. Так что... одного охотника Старообрядцам удалось обезвредить.

Сева замолчал и повыше подтянул одеяло, по коже отчего-то пробежал мороз. За шкафом трещал сверчок, в комнату через открытое окно налетели мотыльки, они сновали под потолком, бесшумно взмахивая сизыми крылышками.

– Теперь я понимаю твой вопрос, – заговорил Митя после долгой паузы. – Стоит ли рассказывать об этом Полине?

– Да...

– С одной стороны, у нее и так много проблем. Проклятие, похищение, да еще тот парень, которого прирезали Старообрядцы у нее на глазах... Но с другой стороны, это же ее отец!

– Сумасшедший отец.

– М-да, – согласно протянул Муромец и добавил: – А сам-то ты к чему склоняешься?

– Я точно не стану ей этого говорить. Но, может быть... это сделаешь ты или Дарья Сергеевна? Впрочем... Мне кажется, надо подождать. Дать ей

время восстановиться после всех событий.

– Согласен.

– И, возможно, я смогу найти место, где держат Брусникина. Таких пациентов не запирают в Здравнице. Лишенных магической силы отправляют к потусторонним специалистам. Им делают документы, придумывают историю жизни, и кто-то из наших целителей их иногда навещает...

– Было бы хорошо разыскать его, ты прав. Может быть, нам тоже удастся его навестить? Если мы будем знать, что он из себя представляет, то уж точно поймем, стоит ли малютке Феншо знать про все это...

* * *

Люди. Странные. Двунogie. Слабые и одновременно очень сильные. Хитрые. Стойкие. Светлые. Они и впрямь излучают свет. Он проходит сквозь тела, образуя кокон, что сияет и пульсирует.

В своем стремлении к свету они отдаляются от зла. Перестают замечать его. Забывают о нем. Зло больше не соприкасается с ними. Но все, что осталось за спиной, не перестает существовать.

Должен быть кто-то, кто будет смотреть злу в глаза. Помнить о нем. Кто окажется не в силах возвыситься, потому что существующее зло будет каждый раз напоминать о себе. Кто-то обязан защищать от зла остальных. Этот кто-то – я.

Сгущается ночь, глядит на меня сотнями глаз, говорит со мной сотнями голосов. Топкая земля затягивает, стоячая вода, согретая дневным солнцем, обволакивает кожу. Нежить скалится, выпуская от страха когти. Она чувствует опасность, знает, что зубы сомкнутся и разорвут в клочья ее склизкое тело, если она осмелится приблизиться к светящемуся человеческому кокону.

* * *

Окна были распахнуты. Летний зной собирался разыгаться к полудню, но на кухне Розалии Павловны уже с утра кипела работа и стояла такая нестерпимая жара, что любой сквозняк или ветерок казался спасением. На большом деревянном столе, который островком парил посреди просторного помещения, были разложены горы трав. Почти

круглый год здесь делались всевозможные заготовки. Начало июня было временем первого летнего супа из крапивы и пирожков с щавелем. На другом конце кухни пахло мятой – целый сноп упругих стеблей в дымке сизо-голубых листочков свешивался с края стола, рядом на чем-то забытом платке рассыпался чабрец, пестревший фиолетовыми головками, за ним благоухала тепло-зеленая Melissa. Зимой все это попадет в ароматный травяной отвар и будет напоминать о волшебных летних днях.

Когда Василиса вместе с подругами появилась на кухне Розалии Павловны, там уже собралось немало народу. Марья и Забава разбирали мяту, занимавшую половину стола и стремившуюся сползти на пол, Светослав подвешивал готовые пучки к длинной веревке, протянутой вдоль бревенчатой стены. Оля тем временем занималась тестом: поддерживала нужную температуру, чтобы оно скорее поднялось и можно было начать лепить пироги. Здесь же сидели и Миша с Емелей. Судя по всему, они пришли всего за пару минут до девушек и все еще ждали поручений от Розалии Павловны.

– Сева, а ты что тут делаешь? – воскликнула обрадованная Анисья, заметив Воздушного мага за низким столом возле окна. Второй неофит Густава Вениаминовича – Матвей – как раз передал ему бумажный сверток. – Готовить же помогают только непосвященные!

– Целители заняты другим делом, – ответила ей Розалия Павловна, которая как раз появилась в дверном проеме с медной кастрюлей. – Скоро Посвящение, так что нужно пополнить запасы целебных трав. Мать-и-мачеха, кандык, болотный лютик, вероника полевая...

– Судя по количеству этих трав... – произнесла Маргарита. – Нет, даже шутить на эту тему не могу.

– Да, – усмехнулся Матвей, – Розалия Павловна умеет успокоить перед Посвящением.

Анисья подошла к целителям и с интересом заглянула в бумажные свертки, по которым ребята сортировали сухие растения, превращенные в темное крошево. Полина подала Светославу скрученный Забавой пучок мяты – чем заставила Олю взволнованно оглянуться. Маргарита же с Василисой расчистили себе места за общим столом.

– Девушки, займитесь крапивой, – тут же сказала им Розалия Павловна. – Для начала ошпарьте ее кипятком. Емеля, Миша, а вы нарежьте пока щавель для пирожков. – Парни в ответ натянуто улыбнулись, словно огромную гору свежего кислого щавеля надо было не нарезать, а съесть.

– Кстати, о Посвящении, – проговорила Маргарита. – Странник все

еще иногда заводит речь о волшебных помощниках. Наверное, не теряет надежду. Скажите честно, они правда так необходимы?

– Лиса тоже спрашивала меня о волшебном помощнике, – подала голос Полина, вернувшись к подругам и прекратив нервировать Олю. – Но я ума не приложу, кто это может быть.

– Да ладно, не переживайте, – отозвался Миша. – Помощник нужен только на самом Посвящении – пока от моего ленивого рыжего кота нет никакой пользы. Вон даже щавель приходится резать самому.

– Так все уже выбрали? – спросила Маргарита.

– Конечно! Я же тебе говорила, что моим помощником будет Окрошка.

– Пегас? – удивленно переспросил Емеля.

– Да. У Севы помощником был его Вороной. Так что это распространенная практика.

– Думаю, коты все же более распространенная практика, – утешительно добавила Маргарита, глядя на изменившееся выражение лица Миши. – Пегаса у нас только три на всю деревню.

– А у тебя кто? – Емеля посмотрел на Василису.

– Надеюсь, что мне поможет Белун.

– Да ведь домовой не может помогать на Посвящении!

– Ну-у, Птолемей не совсем домовой.... Так что надеюсь, мы с ним поладим.

Работа была поровну разделена между подружками. Каждую веточку необходимо было опустить в кипяток, чтобы крапива перестала колоться. Маргарита с Полиной делали это осторожно, беря двумя пальцами за самый кончик ножки, Василиса же с Анисьей спокойно держали крапиву в руках, не боясь колючек. Маргарита заметила, как рыжеволосая колдунья сосредоточенно перебирает стебли и жгучие листья, погрузившись в свои мысли. Со времени ее ссоры с Анисьей будто прошли десятки лет! В Заречье вернулась Полина, а вместе с ней и весна; Митя и Сева разгадали тайну Ильи Пророка и продвинулись в исследовании подземелий; пролетела свадьба Ульяны и Васи, а совсем скоро Вещий Олег женится на Асе Звездинке. Даже наставники успели постареть. Маргарита улыбнулась, вспомнив их обряд. Кажется, за все это время Василиса и словом не обмолвилась с Митей. Интересно, замечает ли Анисья, как при встрече ведут себя ее подруга и брат? Или для нее такая жертва, пусть и близких людей, кажется оправданной? Ведь речь идет о сохранении семейной чести и традиций. Маргарита перевела взгляд на Анисью, которая даже крапиву для супа резала с таким достоинством, что сидящий рядом Емеля никак не мог сосредоточиться.

– О, Вера, привет! Ты сегодня без Аси? – Голос Оли выдернул Маргариту из ее размышлений.

– Да, Асю отпустили домой, чтобы она провела время с семьей, – отозвалась Синеглазка, заняв место у дальнего края стола. Розалия Павловна тут же водрузила перед ней ведро картошки, которую надо было почистить.

– Никак не могу представить, что Ася Звездинка будет жить с Вещим Олегом, – прошептала Василиса. – Он же наставник!

– Меня больше интересует, возьмет ли она фамилию мужа? – отозвалась Маргарита. – После свадьбы в Заречье вернется Ася Вещая?

– Марго, у колдунов нет паспорта, – рассмеялась Полина. – Зачем им менять фамилию?

– Конечно, возьмет, – возразила Анисья. – Девушка, выходя замуж, переходит в род своего мужа, чтобы впредь он защищал ее.

– Анисья, ты только представь, что когда-нибудь ты перестанешь быть Анисьей Муромец и будешь зваться... – пока Маргарита нерешительно подбирала нужный вариант, все присутствующие, казалось, с любопытством уставились на наследницу Муромцев.

– Уверена, Анисья оставит свою фамилию, – пришла на помощь Василиса. – Когда невеста происходит из более знатной семьи, чем жених, она может оставить свою фамилию. Не думаю, что в Тридевятом государстве найдется более уважаемый род, чем Муромцы.

– Необязательно, – все так же серьезно отозвалась Анисья. – Если девушка не единственный ребенок в семье, то она может взять фамилию мужа, если захочет.

Маргарите на долю секунды показалось, что, закончив фразу, Анисья бросила взгляд в ту сторону, где два неопита Густава Вениаминовича корпели над составлением целительных сборов.

– Я запуталась. Значит, Ася Звездинка продолжит быть Асей Звездинкой? Их род древний. И они теперь очень влиятельные, особенно после строительства... – Маргарита осеклась, так некстати забыв, что в присутствии Анисьи эта тема считалась запретной.

Полина с Василисой сочувственно переглянулись, а Анисья метнула в ее сторону гневный взгляд:

– Нет, Марго. Я уверена, что Ася возьмет фамилию Олега.

Наступило неловкое молчание, девушки по очереди окунали стебли крапивы в кипяток, извлекали из кастрюли и складывали на тарелку. Конечно, все это можно было бы сделать быстрее при помощи колдовства, но, как говорила Розалия Павловна, каждая колдунья должна приобщиться

не только к магии своей Стихии, но и к магии очага.

– Подождите, – сказала Полина, – а Велес – это фамилия Веры Николаевны или ее первого мужа?

– Нет, – с улыбкой ответила Василиса. – Это фамилия ее рода. Она не стала бы ее менять, ведь именно род Велес уже много веков отвечает за Посвящение молодых магов.

– Мы опять вернулись к Посвящению! – воскликнула Марго. – Так странно думать, что когда-то сама Вера Николаевна проходила Посвящение. До сих пор не могу поверить, что видела ее молодой во время обряда.

– А я жалею, что мы с Василисой пропустили это!

– Думаю, тебе стоит пожалеть Асю Звездинку, – понизив голос, усмехнулась Маргарита. – Она сможет видеть своего мужа молодым только один раз в год.

Девушки засмеялись, снова обратив на себя внимание всех присутствующих.

Сколько бы крапивы ни брала каждая колдунья, гора все равно не уменьшалась. Но ее количество никого не удивляло: надо было не только приготовить свежий суп для всех обитателей Заречья, но и сделать заготовки на зиму, чтобы потом получить хоть немного силы от замороженного или засушенного лета. Если холодным утром во флигеле Белой Усадьбы вдруг начинало тягуче пахнуть земляничным вареньем или кислым щавелем в зеленых щах, успехи в магии тут же становились заметнее.

Василисе, которая сидела в залитой солнцем кухне Розалии Павловны и наблюдала за движением теневых узоров от кружевного тюля, на мгновение показалось, что ничего плохого не произошло ни с ней, ни с деревней. Будто все события ей когда-то приснились: Полина не оказывалась в плену у Темных; Марго не пролежала в лазарете почти всю осень; Анисья не бросала ей злых и правдивых обвинений, а Митя никогда... Да, как здорово представлять, что ничего этого не было и они привычно провели зиму в Белой Усадьбе, а потом избушки встретили хозяев, ворчливо поскрипывая половицами, и Белун принес ей крошечный самоцвет...

– Ай! – Василиса так увлеклась фантазиями, что не заметила, куда опустила нож. Теперь на пальце расплзался порез, медленно начала проступать кровь.

– Дорогая, осторожнее, – всплеснула руками Розалия Павловна. – Молодые люди, кажется, нам придется немного опустошить ваши запасы

кровоостанавливающих снадобий. Они ведь готовы?

Но Сева уже направлялся к Василисе. Не прошло и минуты, как на ее пальчике не осталось и следа от пореза, и никакие снадобья не понадобились – Заиграй-Овражкин умел заговаривать кровь.

– Спасибо, – робко шепнула Василиса, и Воздушный маг ответил ей улыбкой. В последнее время он почему-то был к ней особенно добр. Не хотелось думать, что он читает ее мысли и замечает грусть в глазах, поэтому старается быть дружелюбным. Не хотелось вызывать у него жалость...

– Сева, – Анистья воспользовалась тем, что Заиграй-Овражкин отвлекся от своих трав, и поспешила усадить его рядом с собой, – расскажи, каково быть неофитом Жабы.

– М-м-м... Как видишь. – Он указал на стол, заваленный свертками, из-за которых почти не было видно Матвея.

– Ну это же не единственное, что ты делаешь?

– Да, ты помогаешь Густаву во время практик с новичками? – добавила Маргарита. – На встречах с Александром Владимировичем теперь всегда присутствует Дима. И, должна признать, иногда он дает дельные советы.

– Нет, Жаба не заставляет нас присутствовать на каждой встрече, – равнодушно ответил Сева. – Так что я просто жду, когда он умрет и передаст мне свою силу.

На лице Воздушного не дрогнул ни один мускул, поэтому прошло несколько секунд, прежде чем девушки осознали, что он шутит, и разразились смехом. В разгар веселья в распахнутое окно кухни влетел жаворонок и опустился на краешек стола. Не успели все опомниться, как птица обернулась человеком.

– Вера Николаевна, вы как раз вовремя, – радостно поприветствовала появившуюся колдунью Розалия Павловна. – У нас готова первая порция пирожков с щавелем, а я знаю, как вы их любите!

– Да-да, спасибо, Розалия, я обязательно их попробую, но только позднее. Сейчас мне нужно поговорить с Маргаритой Руян.

Все почему-то удивленно умолкли. Василиса видела, как прищурился Сева, пронизывая пристальным взглядом главную наставницу и вставшую ей навстречу Маргариту.

– Ох, конечно! – спохватилась Розалия Павловна. – Ступай, девочка.

– Давайте выйдем, – сказала Маргарите Велес.

Маргарита последовала за главной наставницей. Они прошли через гостиную, в этот час пустовавшую, и оказались в палисаднике.

У забора благоухали пионы, пчелы жужжали над облаком ночных фиалок, а в цветущей калине застряли июньские бронзовки, издающие приятное низкое гудение. К жизнерадостному ухоженному садику не шло лишь лицо пожилой колдуньи, обрамленное седой косой: оно совершенно ясно выдавало тревогу и усталость.

– У меня не очень хорошие новости, – начала Велес. – Сегодня утром в Долине Гремящих Ветров напали на вашу бабушку. Ее вот-вот доставят в Здравницу.

– Как? – только и смогла выдавить Маргарита. – Что?

– Я сообщу вам, если что-то узнаю...

– Мне можно увидеть ее? – тут же перебила девушка.

– Завтра. – Велес опустила веки и дотронулась до Маргаритиной руки. – Успокойтесь. Завтра я отпущу вас, обещаю. А пока... вы должны оставаться здесь.

– Но неужели не известно, что случилось?!

– Нет. Есть лишь странное обстоятельство: ваша бабушка не сразу сообщила о нападении. С нами связались соседи.

Дальше Маргарита уже ничего не слышала. Не так давно она получила радостное письмо от бабули, в котором та рассказывала, как прекрасно обустроилась в новом доме, какие замечательные колдуны по-соседству, как она ждет в гости внучку... И вот теперь...

– Маргарита, – Вера Николевна не дала ей уйти в пучину мрачных мыслей и страхов, – все будет хорошо. Сегодня ей необходимо находиться под присмотром целителей. Возвращайтесь на кухню, пусть Розалия сделает вам успокаивающий отвар. Мне нужно, чтобы завтра вы собрались с силами и... не напугали бабушку своим видом.

Она обернулась. В распахнутом окне виднелись лица Полины, Анисьи и Василисы, вытянувшиеся от недоумения. За ними, не скрывая своего интереса, в полумраке маячил Сева.

* * *

Грек не успел добраться до двери, как что-то пригвоздило его к холодной кирпичной стене. Этим неприметным проулком между двумя прижатыми друг к другу домами он часто сокращал переходы между заброшенными пространственно-временными туннелями. В эти часы дорогу покрывала тень от соседнего здания, бездомные собаки гремели мусорными баками, а потусторонние появлялись значительно позже, лишь

под вечер. Улочка скорее походила на расщелину в скале, словно чья-то огромная рука пыталась разорвать надвое серое здание из массивного камня. Потусторонние вообще не любили это место. Оно не было похоже ни на что в их сверкающем городе. И те, кому после работы приходилось уныло тащиться по темному проулку, слыли неудачниками.

На этот раз Греку было тревожно, он ощущал невидимое преследование, но сколько ни оборачивался, не мог никого разглядеть. Теперь же его схватили невидимые руки, он дернулся и попытался вырваться, хватка ослабла, и перед ним появился знакомый человек. Длинные растрепанные волосы, лицо с резкими чертами. Раньше на нем еще атели шрамы, теперь же оно было здоровым и чистым. Синие глаза прожигали взглядом насквозь. Всегда спокойный и даже хладнокровный, Македонов сейчас был рассержен и не скрывал этого.

– Какого мерека ты творишь? – прошипел он, оглядываясь.

– О чем это ты? – ощерился Грек. Он ненавидел, когда его вот так резко сбивали с мысли. Ощущение тревоги растворилось в каком-то ином чувстве. Снова казалось, будто что-то идет не так. Он давно перестал доверять Македонову: еще с той самой встречи, когда заметил на его пальце перстень с аспилатом. Зачем Огненному магу носить подобный камень? Александр не объяснил. Бросил лишь, что должен передать кольцо одному колдуну, поэтому для надежности решил носить его на себе. При следующих встречах кольца действительно не было, но бледно-голубое сияние аспилата вставало перед глазами Грека каждый раз, когда он встречался с бывшим странником. Грек метался, не в силах сделать правильный выбор. Он не хотел отказываться от редких просьб и заданий, за которые Темные неплохо платили, и в то же время предпочел бы больше не видеться с Македоновым. Чувство, будто его обманывают, а потом еще и насмеются, не покидало его.

– Не прикидывайся. Я приказал тебе разузнать, что сейчас творится в Гандвиге. Тебе нужно было проникнуть на берег со стороны моря и доложить, что там происходит. А что сделал ты? – Македонов бегло оглядел проулок, однако сейчас его обходили стороной не только люди, но и бродячие псы.

– Я свое задание выполнил. Деревня стоит на месте, новехонькая. Такая идеальная, что аж тошно. Защита очень слабая. Никаких магических барьеров, кроме естественного, воздвигнутого самим заливом, пока нет. Мог бы и сам туда сходить, никто бы тебя не заметил.

– Не морочь мне голову. Ты полжизни лазаешь по этим камням в поисках саамри. А моя магия оставит слишком заметный след даже без

всяких щитов.

– Да, неудобно быть Темным, – каркающее рассмеялся Грек.

– Так отвечай, с какой стати ты напал на кого-то из местных? – Глаза Македонова требовательно прищурились.

– А ты откуда знаешь? – удивился Грек и внимательно поглядел на колдуна. Странное ощущение лишь усилилось, в голове как будто роились мухи. Такое случалось в присутствии Воздушных, не брезговавших забраться в мысли любому встречному. Огненный Македонов притащил с собой еще кого-то, скрытого Отводом глаз?

– Это уж точно не твое дело! Отвечай, что тебе там было нужно?

– Какая разница? – Грек мотнул головой, но непрощенный образ старухи, поселившейся в Долине Гремящих Ветров, упорно замаячил перед глазами. – Значит, у меня не может быть личных интересов? Наш уговор был вполне определенный! И если тебя так быстро информируют о том, что происходит на этом берегу, зачем ты вообще посылал меня? Мог бы все разузнать у этого предателя Светлых, что поставляет тебе информацию.

– Я не могу доверять ему до конца, – вдруг признался Македонов, не сводя пристального взгляда со странника. – Ему доверяет Берендей. Но не я.

– О да! Я понимаю, – сипло усмехнулся Грек и обнажил в улыбке желтые зубы. – Дай-ка угадаю. Наверняка это какой-нибудь богач? О, не смотри на меня так, я их знаю как облупленных. Выходец из древнего рода. Уважаемый, знатный. Но, по его мнению, недооцененный. Интересно... что именно могло натолкнуть его на такую мысль? Не дали место в Вече? Влиятельные личности задвигают его на вторые роли? Ах, или это чья-то женушка, недополучившая любви и уважения? Брось, можешь не отвечать. Мне плевать на имя. Я бы на твоём месте тоже не доверял этим святошам. Знаешь, Александр, а ведь твой личный случай не такой уж и распространенный. Обычные пешки редко уходят в странники. И еще реже к Темным. Наверное, это и есть твоя дорога, если ты достиг таких высот среди Старообрядцев.

– Не заговаривай мне зубы, крыса! – Лицо колдуна снова исказилось, на нем отчетливо проступило раздражение. – Я знаю, ты что-то искал в одном из домов Долины. Ты чуть не выдал нас. Так признавайся, что это было?

– Ты мало мне платишь. А самоцветы не бывают лишними.

Македонов схватил его за грудки и угрожающе приблизился.

– Да не искал я ничего конкретного, – прохрипел Грек, хватая ртом воздух. – Но тебе самому не кажется все это любопытным? Кто-то очень

быстро возвел новый поселок, куда съехались все колдуны, много лет назад растворившиеся в городах потусторонних. Скоро там поставят такую защиту, что нам не будет туда ходу... Так почему бы не воспользоваться возможностью и не разнюхать, что происходит? Может, кому-то выгодно, чтобы они вернулись? Чтобы жили все вместе, рядом... Под присмотром? Чувствую запах чьей-то личной выгоды.

– Забудь об этом, ты понял? Возьми плату и убирайся.

Колдун сунул в руки страннику мешочек с самоцветами и грубо втолкнул в жалобно лязгнувшую железную дверь, разъеденную снизу ржавчиной. Петли громко вскрикнули, и дверь захлопнулась. Грек обернулся напоследок, его повергло в изумление собственное отчетливое ощущение: все это время он разговаривал с Воздушным магом. А значит – не с бывшим странником Александром Македоновым. Этот самозванец старательно скрывал свою стихию, но в самый последний миг Греку удалось ее почувствовать.

* * *

У дворца собраний шумела толпа. Жители Росеника с интересом наблюдали за тем, как на соседней улочке возникали то вимана Муромцев, то ковер-самолет, доставивший из Зорника Рублевых, то такси, подбросившее очередного Старейшину, который не успел даже распорядиться об экипаже. Вещий Олег и вовсе пришел пешком. Судя по тому, как вздыбились его волосы и сбился от ветра плащ за спиной, становилось понятно, что наставник очень торопился. Василий Ильич, по традиции накинувший красную куколь, занял свое место в ряду двенадцати избранных в зале собраний. За его спиной возвышалась фигура сына. Дима Велес, Вещий Олег, Сергей Лопухин – один за другим рассаживались во втором ряду кресел.

Старейшины, столкнувшиеся друг с другом еще у входа, тревожно пожимали руки, справлялись о здоровье и делах, хотя мыслями устремлялись к неожиданной новости, прокатившейся по Тридевятому государству. Василий Ильич оглядел занимавших места Старейшин. Звездинка, как нетрудно догадаться, отсутствовал. Конечно, это было представлено так, будто при первой возможности он отправился в Долину Гремящих Ветров, чтобы самолично рассмотреть место преступления и попытаться нащупать след какой-либо магии. Но старший Муромец был уверен, что этот человек просто сбежал, не успев придумать себе

оправданий: он знал, что Старейшины первым делом обвинят его. Еще бы – жителей Долины лишили должной защиты, о которой Звездинка разве что не кричал на каждом углу до начала строительства!

Вновь пустовало и место главы Дружины. Черная Курица отправилась в Долину вместе с Анатолием Звездинкой, что тоже преподнесли совсем не так, как видел это Муромец. Екатерина якобы должна была помочь Звездинке осмотреть местность и расспросить очевидцев, а также обсудить с ним виды защиты, которую необходимо возвести, и сроки установки магических чар. Василий Ильич же, поглядывающий сейчас на Ирвинга, склонен был считать, что глава Светлых магов отправил туда Черную Курицу вовсе не для этого. Он не мог доверять Звездинке. Просто не мог. И боевую колдунью послал для того, чтобы она проследила за ним. Чтобы не допустила его давления на жителей Гандвига, чтобы не дала ему возможности уничтожить следы запрещенных чар – если вдруг кто-то их применял.

Муромец повернулся и бросил взгляд на кресло Велес. Главной наставницы Заречья сегодня тоже не было. Место Старейшины-судьи пустовало уже много лет, Вера Николаевна занимала его лишь изредка, когда снисходила до приземленных материальных забот города или когда требовался ее голос для решения вопроса. Наверное, она посчитала, что сегодняшнее собрание закончится пустой болтовней, поэтому не желала тратить свое драгоценное время. Вместо нее присутствовал внук, сосредоточенный и как всегда серьезный. Василий Ильич как никто другой знал, что и его собственный род и род Велес брали свое начало еще в глубокой древности и на протяжении веков оставались верны Светлой магии. Их традиции, воля и сила были столпами этого обособленного мира. И тем не менее обе семьи казались настолько разными, владели такими отличающимися видами магии, хранили такие не похожие друг на друга сокровища, что походили скорее на конкурентов, чем на союзников. Муромцы – завсегдатаи Вече Старейшин – имели основной вес в решении экономических вопросов всего Тридевятого государства, а Велес, на протяжении всей истории посещавшие собрания от силы три раза в год, несли ответственность за Посвящение, основные магические мистерии и ритуалы. Поэтому последнее слово всегда оставалось за ними. Поэтому же и роль главного судьи ложилась на их плечи. И поэтому они никогда не связывали свои жизни с представителями рода Муромцев. Духовное и материальное всегда существовало отдельно.

Исключение сидело за пустующим креслом Веры Николаевны. Сначала родители Дмитрия, позже бабушка, а затем и он сам просили руки

Анисьи Муромец. А Муромцы находили причину отказать.

Пока Василий Ильич размышлял, остальные Старейшины нетерпеливо подзывали тех, кто замешкался у двери. Собрание начиналось.

Достаточных сведений о случившемся в Гандвиге пока ни у кого не было. Ирвинг повторил лишь то, что все уже знали: на пожилую даму, только переехавшую в Долину, напали. Точное время неизвестно, как и неизвестно, кто это сделал. Восточку смогли отправить соседи, но удалось им это с трудом. Что-то мешает устанавливать связь между Долиной и остальными городами Тридевятого государства.

– Я же говорил, что это место небезопасно! – самоуверенно воскликнул Василий Ильич, откидываясь на спинку кресла.

– Предполагаю, что это лишь недоразумение. Никто не знал, что магия Гандвига перебивает наши одиночные чары, – примирительно отозвался Годунов, активно поддерживавший проект строительства.

– Анатолий не мог этого не знать, – старый Яромир ядовито усмехнулся. – Их род столетиями добывает там редкие водоросли. Неужели вы думаете, что он не был в курсе особенностей местности?

– Да, но все наши города строились в зоне природных аномалий, – вступился Романов. – Так принято. Сюда не добираются потусторонние, но и магия места заглушает какое-то наше колдовство. Она же и помогает воздвигнуть защитные барьеры. По-видимому, это впрямь лишь неприятное совпадение, что именно в заливе невозможно наладить связь.

– Я не скрываю, что идея с застройкой Гандвига была мне не по душе, – опять взял слово Яромир. – И тем не менее соглашусь с вами: не стоит делать выводы, пока мы не узнаем больше фактов. Под подозрением не только Анатолий Звездинка, но и соседи пострадавшей.

– Тем более магическая защита Долины Гремящих Ветров еще не возведена полностью. Туда мог проникнуть кто угодно, – добавил Годунов.

– Следы Темной магии обязательно будут обнаружены, если вы об этом. Но я сомневаюсь, что кто-то из Старообрядцев побывал там. Скорее это...

– Я бы попросил вас быть осторожным с обвинениями Звездинок, – подал голос Вещий Олег. – Вы знаете, что я тоже не поддерживал строительство, однако мой будущий брак...

– Прошу прощения, – холодно ответил старый колдун.

Муромец вздрогнул. Он никак не мог разгадать, что за ход сделал Вещий Олег, попросив руки Аси Звездинки. Конечно, вряд ли он мог рассчитывать на брак с Анисьей, но даже в свете стремления к выгодной партии, к богатству и влиянию, союз со Звездинками представлялся

сомнительной победой. Все это время семья Вещего Олега была на стороне Муромцев: они выступали против строительства домов в Долине Гремящих Ветров, были склонны не доверять Анатолию, ставить под сомнения его чистые намерения. С Олегом Василий Ильич делился своими опасениями, ему чуть не выдал подозрения, которые его сын Митя имел насчет нападения неизвестного колдуна на Полину Феншо... Внезапная новость о готовящемся браке Вещего Олега и Аси Звездинки шокировала многих. И в первую очередь, самого Муромца.

– Что ж, тогда я попрошу всех подготовиться к следующему Вече, – взял слово Ирвинг. – Оно может стать внезапным. Как только мы получим еще какие-то сведения из Долины Гремящих Ветров, я сообщу о дате нового собрания. Я бы хотел узнать мысли каждого из двенадцати Старейшин по поводу случившегося. Напоминаю, что само происшествие, которое пока что мы не можем назвать опасным, так или иначе бросает тень на одного из членов Вече.

Все присутствующие согласно кивнули.

– Итак, есть ли еще темы для обсуждения сегодня? А, Михаил, прошу вас.

Ирвинг сделал приглашающий жест в сторону Михаила Годунова. Тот поднялся и вышел в центр энерговика.

– Господа, я намерен немного отвлечь вас от волнительных новостей и вернуться к нашей старой проблеме.

Муромец попытался отбросить мысли о Звездинке и взглянуться в лицо выступающего. Годунов отвечал за коммуникацию с потусторонними.

– Мы до сих пор не определились с новым местом добычи живой воды для Росеника. Небыль как и прежде готова поставить сюда часть своих запасов, но я знаю, что создание собственного источника считается для местных целителей принципиальным.

На этих словах вопросительно переглянулись Дима Велес и Митя Муромец. Оба впервые слышали о проблеме. И если на лице внука Веры Николаевны появилось сначала задумчивое выражение, а потом взгляд словно осветился какой-то догадкой, то Митя продолжал крутить головой в надежде, что кто-нибудь объяснит, что же случилось.

– К сожалению, сведения Федора и Марьи Кошечевичей о том, что под их особняком возродился некий источник, наполненной живой водой, не подтвердились.

На этих словах раздался грустный всхлип под капюшоном одной из серебряных кукол. Несколько человек обернулись к Федору.

– Извиняюсь, – подал голос Митя Муромец и поднялся. – Я пропустил

много собраний, знаю. Но не могли бы вы повторить, почему нам требуется найти новое место для добычи живой воды? Дело в том, что обряд животворения проводит мой друг, сын целителя Заиграй-Овражкина, и его ни о чем таком не предупреждали.

– Все верно, Дмитрий, – согласно кивнул Михаил. – Сын целителя будет предупрежден позже, когда совет Старейшин выберет новый подходящий водоем.

– Дело в том, – взял слово Ирвинг, – что в деревушке, где живут потусторонние и где уже несколько лет мы успешно получали живую воду, больше не безопасно. Нас выследили.

– Выследили? – не понял Муромец.

– Старообрядцы, – тихо произнес внук Велес, но Митя его услышал.

– Да, иногда такое случается. Концентрация нашей магии в обычном поселении потусторонних привлекла внимание Темных. Больше года назад, зимой, кто-то из Старообрядцев открыл там временный портал, оставивший заметный след. Мы не уверены в том, что они не станут преследовать сына целителя во время обряда.

– Хотя признаюсь, место там было идеальное, – вздохнул Годунов. – Тем летом животворение сорвалось из-за того, что произошло на Русальем круге. Запасов воды на этот год хватило, сколько-то все же купили в Небыли. И вот несколько месяцев мы разыскивали новое место, а заодно и подходящую деревню, куда Вера Николаевна сможет отправлять воспитанников на помощь потусторонним.

– Значит, на примете уже есть подходящие поселения и водоемы?

– Мы остановились на одном. Я дам Старейшинам карты, чтобы они смогли почувствовать это место. Но по силе оно уступает старой деревне. Сын целителя должен будет сделать все возможное...

– Не лучше ли подстраховаться и отправить еще кого-нибудь на старое место? – внезапно спросил Дима Велес.

– И кого же? – воскликнул Годунов. – Как вы знаете, Водяная еще не освоила это колдовство, да и Вера Николаевна ни за что не отпустит ее, особенно туда, где девочку могут поджидать Старообрядцы. Но, кроме нее и сына Заиграй-Овражкина, никто не способен на животворение.

– Я немного владею этим навыком. – Дима пожал плечами.

Митя удивленно уставился на него.

– И что же, вы согласны рискнуть не только своей магией, но и жизнью? В деревне и правда побывали Темные маги...

– Да, знаю. Но я хочу и готов послужить нашему сообществу хоть как-то, – чуть тише произнес внук Велес. – В Купальскую ночь я отправлюсь в

ту деревню и попробую совершить обряд животворения воды. Уверю вас, если что-то пойдет не так, я прервусь – расставаться с магическим даром я и впрямь не хочу. А от Старообрядцев постараюсь укрыться. Вы же знаете, что не так давно я стал неофитом Александра Владимировича?

Дима многозначительно умолк, оглядывая присутствующих. Старший Муромец тотчас вспомнил, что Македонов уже несколько раз пытался разнюхать, где прячется его брат, переметнувшийся на Темную сторону, и обладал кое-какими представлениями о самозащите, которыми мог поделиться со своим неофитом.

* * *

Маргарита поежилась: на улице было зябко после дождя, которым сменилась полуденная жара. Дождь лил стеной весь вечер. Колдунья оглянулась по сторонам, пытаясь распознать в густой темноте знакомый силуэт, но никого не увидела. Ни одна звезда еще не зажглась на небосводе, лишь тонкий полумесяц, выглядывающий из облаков, отбрасывал еле уловимый отблеск на синеватую траву.

Она спустилась с крыльца. Старые деревянные ступени издали пронзительный скрип, словно ворон с криком вылетел у нее из-под ног. Вокруг по-прежнему стояла давящая тишина, казалось, что даже комары исчезли. Маргарита подошла к скамейке, провела над ней рукой, чтобы высушить от крупных дождевых капель, и села. Было поздно, почти все разошлись по избушкам, только с улицы Шаровых молний доносились музыка и веселый смех Огненных магов. Чтобы отвлечься и занять себя, Маргарита попыталась представить, зачем наставнику могла понадобиться ее помощь на этот раз, но мысли ее то и дело возвращались к ужасной новости, сжавшей нутро ледяной хваткой. Нападение на бабушку казалось нелепым. И кому могла понадобиться старушка-колдунья, едва переехавшая в Долину Гремящих Ветров? Нет, в этом всем чувствовалось что-то зловещее. Так и представлялись ужасные чудища, которые выползают ночью из залива и медленно приближаются к одинокому домишке с горящими желтыми окнами... Каким-то чудом бабушка осталась жива, ее даже не хватил сердечный удар! Храбрая бабуля!

На дерево рядом села маленькая птичка, и на Маргариту упало несколько капель. Она стряхнула их с плеча и еще раз посмотрела по сторонам – глаза постепенно привыкли к темноте, и уже можно было разглядеть не только дальние избушки, которые напоминали огромные

фонари, мерцавшие теплым светом, но и ближайшие кусты сирени и бузины. Напряжение нарастало: сможет ли она помочь наставнику на этот раз? Дело было не только в ее сбившемся настрое после мрачных известий. Ведь поменялось очень многое. Может, ему следовало бы пригласить для помощи какую-нибудь... снежинку? Птичка негромко зачирикала, заставив Маргариту вздрогнуть. Вдалеке наконец замаячил знакомый силуэт. Македонов шел со стороны Кудыкиной горы.

– Добрый вечер, Маргарита. Вера Николаевна собирала всех наставников... Вы давно ждете? Что ж, пойдемте. Нам нужно найти одно место в лесу.

Маргарита кивнула и только вблизи заметила усталое выражение на лице наставника.

– Я уже знаю про вашу бабушку. Такое несчастье. Но уверен, с ней все будет в порядке, ее вовремя доставили к целителям.

– Мне сказали, ее поместили в Здравницу. Завтра я уже смогу ее навестить. Надеюсь, это значит, что она пришла в себя и ей лучше, а не...

– Ну конечно, не переживайте. Ваша бабушка жива, и это главное. – Наставник попытался улыбнуться, но усталые глаза сделали улыбку какой-то печальной.

– Велес вам не говорила, что именно случилось? – не выдержала Маргарита. – Я ничего не знаю об этом нападении. Анисья постоянно твердила, что Долина Гремящих Ветров опасна – так считает ее отец. Зачем же тогда там построили дома?

– Все это очень сложно, Маргарита. Гандвиг действительно не самое спокойное место... Природа тех сил, что обитают там, не изучена. Поговаривают, что некоторые Старообрядцы проворачивали там свои темные дела, пользуясь необычной энергией залива. Но мне кажется, это лишь сплетни, которыми обростает все неизвестное.

– Но бабушка не смогла подать сигнал об опасности... Почему-то не смогла ни с кем связаться.

– Да, об этом я слышал. Кажется, такое Звездинка не предвидел, когда убеждал в том, что колдунам там будет комфортно.

– Или предвидел, но не захотел никому рассказывать...

Наставник с интересом обернулся к Маргарите:

– Как думаете, зачем?

Она пожала плечами:

– Кто знает, возможно, ему было выгодно, чтобы маги не смогли позвать на помощь, когда на них нападут. Одно не понимаю – при чем тут моя бабуля?

Они молча удалялись от избушек, уютно светившихся в темноте. Трава была влажной. Теперь вокруг лица Маргариты роились тучи комаров, которые не могли пробиться сквозь защитное колдовство, но все равно раздражали противным писком. На небе загорались первые звезды. Девушка посмотрела на них, и внезапно с ее губ сорвался вопрос:

– А почему Вера Николаевна собирала наставников? Не из-за бабушки? – Маргарита была уверена, что для Велес нападение на пожилую колдунью в Долине стало лишь еще одной каплей в море пугающих происшествий. Но после похищения Водяной колдуньи мало у кого в Заречье сохранились иллюзии по поводу затихшего конфликта между Темными и Светлыми. И даже несмотря на возвращение Полины, общее настроение нельзя было назвать приподнятым. Все находились в постоянном ожидании чего-то. И у многих на душе было нехорошее предчувствие.

– Новые распоряжения. – Голос Странника звучал спокойно. – Просто теперь у наставников прибавилось обязанностей.

Он не стал развивать тему. Маргариту не успокоил его ответ, но она не решилась задавать новые вопросы. Теперь она пыталась понять, куда они идут. Нужно было улучшить минуту и признаться наставнику, что собирать некоторые травы она может уже не столь хорошо, как раньше. Ей тут же вспомнился Слава. Слава... такое ощущение, что их роман случился в прошлой жизни.

Маргариту тяготило молчание, хотелось говорить, а лучше – слушать. Больше узнать о том, что происходит в Светлом сообществе после того, как Светлые вернули Полину в Заречье, что обсуждают наставники с Велес, что вообще думает обо всем этом Македонов. Что она вообще знает о нем, кроме того, что он был странником, а его брат ушел на Темную сторону? Ах, ну да, еще ей известно, как он похитил мужа Велес. Она усмехнулась про себя – не самые положительные факты биографии.

Вспомнив его брата-близнеца, Маргарита покосилась на Александра Владимировича. Трудно было представить, что на земле есть человек с точно такой же внешностью, но совершенно иным содержанием – темным, холодным.

– Маргарита, нам туда.

Перед тем как продолжить путь, наставник повернулся к колдунье:

– Я должен вас предупредить. Вы знаете, что приближается Русалья неделя и гулять по лесу небезопасно?

– Да, но нежить не появляется на территории Заречья, – ответила Маргарита. – Только Морянки в реке. Но они никого не трогают. Ну... в

смысле, никого не трогали до того случая с парнем...

– Верно, но я все равно хотел напомнить, чтобы вы были осторожны. Не отставайте от меня. В последнее время ничего нельзя утверждать с полной уверенностью.

Маргарита не поняла, что он имеет в виду, но кивнула, таким образом намекнув, что не боится и готова следовать за ним.

– Сегодня мы пойдем к одному болоту.

– А где тут болото? Никогда его не видела.

– О нем мало кто знает. Оно, если можно так выразиться, заброшенное. Никаких ценных водорослей в нем самом нет. Да и... в нем обитают Мавки. Поэтому туда воспитанников не отправляют. Мавки – это проклятые дети.

Он сказал это таким будничным тоном, как будто говорил о чашке чая, которую выпил за завтраком. Маргарите стало не по себе: из рассказов Нестора Ивановича она знала, что обычные русалки не так страшны, как Мавки. Мавки встречаются крайне редко и считаются очень опасными, но почему именно, она толком не помнила. Но зачем Страннику нужно болото с проклятыми детьми?

– Там рядом растет редкое растение, которое используется для приготовления ядов и противоядий и даже для избавления от проклятий. В народе его называют «русалочьи слезы».

Любопытство только возросло: зачем Страннику понадобилось такое растение? Не Полину же от проклятия избавлять?!

– Вы помните что-нибудь про Мавок из рассказов Нестора? – прервал ее размышления наставник.

– Это дети, которые умерли на Русалью неделю или были убиты собственной матерью. Они мстят за свою непрожитую жизнь всем, кого повстречают.

– Не всем, – ответил наставник. – Они мстят только тем, кто любит жизнь и хочет жить. Остальные им не интересны.

– Но все любят жизнь, – возразила Маргарита, усмехнувшись.

Наставник остался серьезен и сосредоточен, казалось, он что-то обдумывает, пытается решить какую-то задачу. Он не ответил на возражение воспитанницы и продолжил:

– Перед тем как утопить человека, они могут его уболтать, заговорить. Иногда даже спрашивают, хочет ли человек жить. Их невозможно провести. Маги не любят их. Мы вообще не любим тех, кто сильнее.

– Разве можно назвать сильным того, кто мстит невинным за свое несчастье? – удивилась Маргарита. – Если понять, что на самом деле это их

слабость, то их можно не бояться.

Еще пару минут они шли молча. Вскоре Маргарита стала замечать, как ее ботинки все тяжелее отрываются от земли. Она посмотрела вниз и увидела, что земля стала вязкой и ноги начали утопать в противной жиже. Чем дальше они заходили, тем сильнее эта жижа цеплялась за подошвы. Они дошли до старой березы, и Странник остановился. Обломав две длинные толстые ветки, он повернулся к Маргарите и протянул одну ей:

– Ступайте точно за мной. Здесь опасно. Мы в любую минуту можем провалиться.

В его глазах Маргарита заметила незнакомый блеск, какой-то огонек азарта, а может, нетерпения или ожидания чего-то очень важного, но Александр Владимирович быстро отвел глаза и продолжил идти. Маргарита старалась не отставать, хотя это было тяжело. Странник делал большие шаги, и Маргарите приходилось семенить, чтобы успевать за ним. Внезапно прямо перед ней из зарослей камыша выбежало маленькое мохнатое существо с горбом. Маргарита вскрикнула от неожиданности, Македонов тут же обернулся, но существо уже скрылось из виду.

– Что случилось? – спросил он взволнованно.

– Ничего. Какая-то странная птица выскочила прямо оттуда. Или кикимора... я не ожидала.

– С вами все в порядке? Птицы, знаете ли, не очень-то похожи на кикимор. – В его голосе слышалось недоверие. Он перевел взгляд с зарослей камыша на густую влажную траву, но так ничего и не увидел.

– Да, но... Просто слишком темно.

Странник еще раз поглядел по сторонам.

Маргарита порадовалась, что ее наставник не умеет читать мысли. Иначе он бы вмиг уличил ее в обмане. Но ей совершенно не хотелось говорить, что она только что видела Лишенку. Насколько она успела понять из рассказов обитателей Заречья, Лишенок здесь считают предвестницами беды.

Вскоре они наткнулись на стену кустарника, из которого болотная вода давно высосала жизнь: тщедушные ветки печально белели в темноте.

Странник взмахнул рукой, и сухие сучья тут же вспыхнули. Чтобы сгореть дотла, им хватило пары минут. Когда пламя исчезло, Маргарита удивленно моргнула. Перед ними простирался небольшой пруд, который она не назвала бы болотом, всю его поверхность покрывал густой туман. Со всех сторон пруд был окружен плотной стеной леса и мерцающими травами. Нельзя было не восхититься пугающим местом. Все вокруг было жутким и завораживающим. Взгляд Маргариты задержался на цветке,

который рос неподалеку. Яркий брусничный цвет по краям наливался колдовским черным. Его красота почему-то не радовала глаз. Глядя на него, Маргарита ощутила необъяснимую грусть.

– Это Латения, – объяснил Странник, проследив направление ее взгляда.

– Красивый цветок!

– Да, но не стоит его касаться: эти цветы таят в себе проклятия Мавок.

Маргарита не совсем поняла, как именно в цветке можно утаить чьи-то проклятия. Она вообще плохо соображала, все было точно в сновидении, вот только кошмар это или прекрасный сказочный сон, осознать она не могла. Над поверхностью пруда, вырастая прямо из тумана, вверх устремлялись белые тонкие стволы деревьев, словно припорошенные снегом, хотя зима уже давно уступила свое место лету.

– Маргарита, вы идите на ту сторону болота, а я буду собирать русалочки слезы здесь, – сказал Странник, доставая из висевшего у него на плече мешка серебряный клинок. – Ничего не бойтесь. Там безопасно. Но никуда не сворачивайте.

Он отвернулся и присел, а Маргарита продолжала стоять в полной растерянности.

– Что-то не так? На той стороне болота нет ничего страшного...

– Да-да. Просто я не знаю, как выглядят русалочки слезы.

– Ах да, я совсем забыл. Вот. – Он показал рукой на полянку, заросшую травой.

Маргарита вглядывалась в этот ковер, но никак не могла разглядеть ничего, кроме самой обыкновенной травы.

Странник сделал жест, чтобы она нагнулась.

– Это трава, – сказала Маргарита и посмотрела на наставника, ожидая его возражений.

– Правильно. Трава, растущая у болота с Мавками, обладает особыми свойствами, если ее собирать на Русальную неделю. Она и носит название «русалочки слезы».

Маргарита кивнула, ее голова была тяжелой, казалось, что вся информация доходит спустя какое-то время.

– И еще запомните, – окликнул девушку Странник, когда она направилась в противоположному берегу. – Ни при каких обстоятельствах ни с кем тут не разговаривайте.

– Хорошо, – только и смогла произнести Маргарита. «С кем тут можно заговорить?»

Странник внезапно дотронулся до ее руки:

– Не бойтесь, невинных колдуний Мавки не трогают.

Она снова кивнула и зашагала по темной траве так быстро, как только могла, только чтобы Странник не заметил, как она покраснела. А ведь хотела же ему все рассказать с самого начала! Нельзя так обманывать наставника! Вдруг и эти дурацкие «русалочьи слезы», собранные ее руками, не будут работать? Или переубивают кого-нибудь? Нет, это уже слишком, наверное...

Маргарита опустилась на колени, достала Полинин ножик (свой она так и не забрала у Мастера) и принялась срезать траву. Стебли казались мертвыми. Чем дольше Маргарита сидела и выполняла монотонную работу, тем сильнее ей хотелось убежать отсюда. Она как будто находилась в полудреме и была не в состоянии избавиться от этого ощущения. Ее ноги словно приросли к земле, она превратилась в одно из деревьев, окружающих болото; руки двигались очень медленно, веки опускались под тяжестью ресниц.

Иногда она бросала взгляд на противоположный берег, чтобы удостовериться, что Странник все еще там. Сквозь молочный туман, расстилавшийся над водой, она улавливала лишь его силуэт.

Или дело было вовсе не в тумане? Девушка сама словно витала в этих испарениях, когда заметила что-то необычное. На нее смотрели два жемчужно-серых глаза совсем маленькой девочки. Маргариту заворожила красота очаровательной малютки: длинные волосы, носик кнопкой и милая улыбка на бледных губах. Внезапно Маргарита услышала собственный голос:

– Как это ты тут очутилась, кроха?

– Привет, я... – Голос девочки напоминал журчание ручья, он был завораживающим и ласкающим слух. Она поманила Маргариту, словно собиралась сказать ей что-то по секрету. Маргарита подползла к краю болота. Но девочка не подалась к ней навстречу. Вместо этого она протянула колдунье руку. Все еще пребывая в странной полудреме, Маргарита спустила ноги в воду. Она ожидала, что ей тут же станет холодно, но вода почему-то оказалась необыкновенно приятной. Маргарита оттолкнулась от топкого бережка и дотронулась до руки девочки, и только тут почувствовала, как куда-то проваливается. Перед глазами тотчас потемнело.

Жалобный крик пронзил тишину леса. Странник резко поднял голову и посмотрел в сторону противоположного берега, но там никого не оказалось. Он заметил большие круги, расходящиеся по болоту, и длинные черные волосы Маргариты, раскинувшиеся на водной глади. Все ее тело уже было скрыто под толщей воды. Ни секунды не раздумывая Странник бросился в болото. Чтобы добраться до воспитанницы, ему нужно было проплыть несколько метров, но руки и ноги постоянно запутывались в зарослях тягучих водорослей. Совсем скоро он оказался рядом с девушкой. Александр Владимирович нырнул под воду и увидел, как жуткая Мавка с редкими белыми волосами на сморщенной головке тянет сопротивляющуюся Маргариту на дно. Странник подплыл к нежити и попытался выхватить из ее цепких лап обессиленное тело колдуньи. В мгновение ока их окружили остальные Мавки. Все они были уродливыми: с костлявыми туловищами, как будто дети превратились в древних стариков, почти все их волосы выпали, и только несколько длинных прядей развевались в воде; их пальцы были скрючены, а глаза водянистого цвета гневно сверкали из глубоких глазниц. Отбиваясь от полчища мелкой нечисти, Македонов вынырнул вместе с Маргаритой. Ледяные скользкие пальцы хватали его за одежду и пытались утащить под воду. Его силы были уже на исходе, когда они с Маргаритой наконец оказались на берегу. Колдунья была без сознания. Болотная вода, чары Мавок, дурман, источаемый цветами... удивительно, что она вообще еще дышит. Он положил девушку на траву. Стоило ей оказаться на твердой земле, она открыла глаза, резко села и начала кашлять, выплевывая воду и пытаясь вдохнуть. Через пару секунд ей удалось восстановить дыхание, она замерла, не замечая, как по всему ее телу струится вода.

– Как ты? – Голос Странника звучал взволнованно. – Ну все, все. Обошлось.

Колдунья только кивнула, продолжая невидящим взглядом смотреть перед собой. Он опустился рядом, тяжело дыша, и закрыл опущенную голову руками.

– Она была права, я не должен впутывать тебя в свои дела. – Его голос звучал тихо. Внезапно он поднял на нее глаза и сказал очень строго: – Я же просил ни с кем не разговаривать!

Маргарита молча глядела на него, хмуря черные брови, будто не совсем понимала его речь.

– Ты знаешь, что могла умереть? – спросил он еще жестче, но в его собственном голосе вдруг проскользнула дрожь. – Вот так, в один миг. Я же мог не успеть!

Маргарита обхватила себя руками и опустила голову на колени. К ней постепенно возвращался рассудок, пришло осознание, что несколько минут назад она правда могла проститься с жизнью. Стало мучительно страшно, невыносимо тоскливо. Какое отвратительное место! Убраться бы отсюда поскорее!

Она непроизвольно всхлипнула и ощутила горячие следы слез на щеках. По телу прошла волна дрожи. Внезапно большая теплая рука погладила ее по голове, а потом обняла за плечо.

– Извини, – донесся тихий шепот наставника. – Сам во всем виноват: ничего не объяснил, а потом разозлился. Нельзя больше подвергать тебя такому риску.

– Ты. Вы говорите мне «ты», – вдруг произнесла Маргарита, и в ее голосе отчетливо послышалась улыбка.

Сама не зная, как так вышло, она прильнула к груди наставника и осталась так сидеть. Было стыдно поднять заплаканное и улыбающееся лицо.

– Я представил на секунду, что... все, что Мавка утатила тебя... вас. А, ч-черт.

Его рука вновь принялась осторожно гладить ее по голове.

– Простите меня тоже, – еле слышно проговорила она и почувствовала, что не может еще в полной мере контролировать свой голос.

– Тебя-то за что?

– Вы тоже могли погибнуть. Вы ведь тоже не невинная колдунья... как, в общем-то, и я.

– Маргарита, успокойся. Это я виноват, я не должен был отпускать тебя одну. И подумать заранее о нашей безопасности. Сопротивляться Мавкам очень тяжело, особенно если ты...

– Если я... – согласилась Маргарита, не отрывая носа от колючего свитера наставника, отчего голос ее звучал глухо и невнятно.

– Если ты очень взволнован или расстроен, – закончил Странник совсем не так, как ожидала колдунья. – У тебя случилось такое несчастье с бабушкой. Я должен был предвидеть.

Несколько минут они сидели в тишине, каждый думал о чем-то своем. Маргарита постепенно успокаивалась. Ком все еще подкатывал к горлу, но она не давала волю слезам. Наконец она набралась смелости, отстранилась от наставника и робко взглянула на него:

– Но почему Мавки так повели себя? В Заречье нечисть не должна ни на кого нападать!

– Сейчас в мире все очень зыбко. Равновесие Темных и Светлых сил

пошатнулось.

– Но ведь Полина снова с нами.

– Но это не значит, что равновесие восстановлено, – ответил Странник, и от его слов по спине Маргариты пробежали мурашки.

«Но как тогда восстановить равновесие?» – пронеслось у нее в голове, но она тут же отогнала эту мысль.

– Помните, вы говорили, что Мавки спрашивают у жертвы, хочет ли она жить? Но у меня об этом не спросили.

– Понимаешь, Маргарита, стоит только посмотреть тебе в глаза и можно сразу понять, что ты хочешь жить. В тебе столько энергии, что это невозможно не почувствовать, – он улыбнулся.

– А вы что, не хотите, поэтому на вас они и не напали? – Вопрос сорвался с губ сам собой.

Странник молча отвернулся и посмотрел куда-то в сторону, а ответил лишь через несколько секунд:

– От некоторых видов нежити можно ненадолго закрываться, как от Воздушных. Нужен только опыт. Когда-то один мой друг научил меня этому, потому на меня их магия и не подействовала. К тому же со мной было вот это. – Странник отцепил от пояса кожаный мешочек – тот самый, который в прошлом году Маргарита подобрала на поляне и отнесла ему в избушку. Внутри него Маргарита нащупала какое-то засушенное растение.

– Полынь – она отпугивает всяких тварей, – пояснил Странник. – Возьми кошелек себе. Мне он все равно вряд ли уже пригодится.

Маргарита еще пару секунд смотрела на этот кожаный мешочек, а потом положила его в карман.

– Лиса научила вас закрываться? – подала голос колдунья. – Это она тот самый Воздушный друг?

Странник повернулся к ней:

– Да, мы с ней дружили в молодости, она даже стала женой моего брата.

Александр невесело ухмыльнулся. Маргарита никогда бы не осмелилась задать эти вопросы в обычной обстановке, но сейчас в ней появилась уверенность. К тому же вся эта ситуация казалось иллюзорной, словно это был сон, от которого наутро не останется и следа.

– Вы так и не ответили на вопрос.

– На какой?

– Хотите ли вы жить?

– Хочешь не хочешь, а выбора мне никто не предоставлял. Ну и все мы когда-нибудь умрем, – он попытался отшутиться, но поймал на себе

абсолютно серьезный взгляд Маргариты. – Я не знаю. Еще совсем недавно я бы ответил, что нет. Иногда кажется, что лучше умереть, тогда все забудешь. А сейчас – не знаю.

– Умереть – значит сдаться, перестать бороться. – На лице Маргариты появился румянец. – Но вы ведь не такой. Вы сильный Огненный колдун...

– Иногда очень хочется сдаться, – он улыбнулся. – Но в юности это трудно понять. Ты особенная девушка, Маргарита, в тебе столько жизни, что, когда смотришь на тебя, самому хочется жить, несмотря ни на что.

Они сидели на берегу болота, которое могло погубить их обоих. Над странными черно-красными цветами танцевали светлячки. Маргарита поймала себя на мысли, что теперь ей совсем не хочется уходить, что, она могла бы просидеть так целую вечность. Необъяснимая грусть исчезла, осталось только ощущение нереальности происходящего и того, что больше такой откровенности между ней и Странником никогда не будет.

– Вы говорили, что дружили с Лисой. Я думала, что странники ни с кем не дружат.

– Странниками не рождаются, просто когда ты разочаровываешься во всем привычном, теряешь себя и не можешь больше жить вместе с людьми, кажется, что самый лучший вариант – уйти. Просто уйти. Может быть, ты скажешь, что это побег от трудностей. Возможно, но иногда нет другого выхода, по крайней мере, ты его не видишь.

– Но почему вы не ушли на Темную сторону, раз разочаровались в Светлой магии?

– Я не поддерживал Старообрядцев. Конечно, странники тоже не самые лучшие парни в мире, но они не убивают. Хотя, – добавил он, – бездействие – это тоже преступление.

Маргарита обратила внимание на то, что, говоря о странниках, Александр сказал «они», а не «мы».

– Но я ни при каких обстоятельствах не буду помогать Темным. В этом мы слишком разные. – Маргарите показалось, что наставник уже говорит не с ней, а сам с собой. Он так долго хранил все в себе, что теперь ему было необходимо выговориться. – Его всегда тянуло на Темную сторону, он задавался вопросами и находил на них совершенно неожиданные ответы. Но я его одергивал, а она не смогла. Даша всегда была лидером, но в семье он был главным. Он отстранился от нас и переступил эту черту, стал Старообрядцем. А потом и ее попытался перетянуть. Но тут она в первый раз пошла против него... – Странник замолчал.

Маргарита боялась даже пошевелиться, она чувствовала, что Александр Владимирович только что рассказал ей что-то очень личное, о

чем давно ни с кем не говорил – а может, и вообще никогда.

– Знаете что, Маргарита...

– Нет, давайте вы меня будете называть на «ты». – Она утерла рукавом слезы и снова неловко улыбнулась. – Иначе я опять прыгну в болото.

Наставник в ответ тоже улыбнулся, после чего помог Маргарите подняться, и они двинулись в обратный путь.

* * *

Сева вызвался проводить Маргариту до Здравницы, куда поместили ее бабушку. Утро было солнечным, но девушка куталась в плащ и еле заметно вздрагивала.

– Ты так переживаешь из-за бабушки? – удивился Сева, чувствуя, что ее что-то сильно волнует.

– Если честно, не только, – глухо произнесла Маргарита, беря его под руку. – Вчера я помогала Страннику собирать травы, и произошло кое-что неприятное.

Она рассказала о нападении Мавки, после которого не могла сомкнуть глаз.

– Ничего себе! – с неподдельным удивлением воскликнул Сева. – Ты, можно сказать, родилась в рубашке.

– Да уж. Потом Александр Владимирович рассказал мне про брата и про Лису. Знаешь, странно все это. Никак не выходит из головы.

На площади Беловодья в этот раз было многолюдно. Под бронзовыми яблонями раскинулась Новолунная ярмарка. Маргарита приостановилась, засмотревшись на фрукты в корзинках.

– Как думаешь, бабуле можно всякие вкусности?

– Не покупай, в Здравнице кормят лучше, чем в Заречье. Нет, цветы тоже не надо. В Здравнице полно цветов.

Маргарита с недоверием взглянула на парня: можно было подумать, что Здравница – это какой-то курорт, а не больница.

– Возможно, что и курорт, – согласился Сева. – Ты просто еще не видела, что они устраивают в саду для больных! Не удивлюсь, если на этот раз там будут разгуливать жирафы или появятся какие-нибудь термальные источники.

Он сказал Маргарите, что сегодня ему нужно идти туда на практику. Так что она пока не знала, что на самом деле он тоже собирается заглянуть в гости к ее бабуле.

Они прошли мимо особняка Горынычей, вокруг которого до сих пор разгуливали зеваки. После известия о том, что старинный Источник трех вод, расположенный под домом и опустевший несколько сотен лет назад, внезапно наполнился водами, здесь постоянно околачивались журналисты. Они надеялись, что им дадут воочию взглянуть на это чудо, но Горынычи никого не впускали и не признавались газетчикам, что через день источник снова высох.

– Кстати, ты говорила, что ходила помогать Страннику, – вдруг вспомнил Сева.

– Да, – кивнула Огненная колдунья.

– Ты знаешь, почему он попросил помочь именно тебя?

– Послушай, если ты тоже собираешься шутить на тему того, что он влюблен в меня, как это делают девочки, то... – воинственно начала Маргарита.

– Нет, конечно! С такими вещами не шутят!

Маргарита тут же ущипнула его за бок.

– Естественно, я не понимаю, почему он выбрал меня. Все как-то не было повода спросить. Иногда я думаю, что его заинтересовала моя сила, которая иногда принимает видимую форму. Но ведь для сбора трав она вовсе не нужна.

– Ты думаешь в правильном направлении.

– Хочешь сказать, что знаешь, почему он пригласил меня? – удивленно воскликнула Маргарита.

– Нет конечно. Но есть некоторые догадки. Думаю, сегодня у тебя они тоже появятся.

– Это какой-то ребус? Как мне понять, что ты имеешь в виду?

– Ты никогда не думала, – Сева вновь повернулся к девушке, – почему тебя отправили проходить Посвящение в Заречье? Ведь твоя родня не из Росеника.

– Бабушка когда-то тут жила...

– Вот именно. Когда-то. Но она давно жила в другом городе к тому времени, как ты оказалась здесь. И, я уверен, было немало тех, кто мог бы занять твое место.

– Ты серьезно? Клонишь к тому, что у Велес была какая-то особая причина взять именно меня?

– Да, молодец. – Сева потрепал ее по плечу.

– Боже, но какая? – Маргарита пропустила его иронию мимо ушей.

– Кем была твоя бабушка, Марго? При жизни в Росенике.

– Я точно не знаю, – она пожала плечами.

– Пришла пора спросить, тебе не кажется? – Он указал на вход в Здравницу.

Крыльцо было заставлено вазонами с анютиными глазками. Цветы мигом повернули злобные мордочки вслед молодым колдунам и снова закачались на легком ветру.

Маргарита с Севой вошли внутрь, скинули обувь и двинулись к регистрационной стойке. Пока Огненная колдунья изумленно разглядывала живую траву под ногами, небольшой водопад в углу, струи которого не долетали до пола, и посетителей, Сева сбегал к своему шкафчику и переоделся в форменный зеленый кафтан.

– Привет, – кивнул он девушке за стойкой. – Нам третий уровень подземелья.

– Секретное крыло? Ты ничего не путаешь? – отозвалась молодая целительница.

– Это Маргарита Руян, – ответил Сева и кивком указал Маргарите на хрустальный шар, к которому требовалось приложить ладонь. – Там ее бабушка. Есть разрешение на посещение.

– Ах да, Мариетта Юрьевна ее очень ждет! Вам вон ту...

– Я провожу, – оборвал ее Сева и подтолкнул Маргариту к лифту.

«Мариетта Юрьевна», – повторил он про себя. Мариетта, Маргарита, Мара...

– А у тебя есть сестры или братья?

– Есть, – ответила Огненная колдунья, рассматривая изнутри лифт. – Старший брат. Марк. Его назвали в честь отца. Эй, и что в этом смешного?

– Ничего, – Сева продолжал улыбаться своей догадке. – Но я не удивлюсь, если свою дочь ты назовешь Мариной или Марией.

– Какую еще дочь, Сева! – усмехнулась девушка. – Ты сегодня сам не свой.

Створки лифта разъехались в стороны, и перед колдунами предстал коридор. Несмотря на яркий свет, он выглядел чуть зловеще, давящее ощущение усиливалось на контрасте с верхними этажами Здравницы. Недалеко от лифта их уже ждал целитель: огромный и косматый, похожий на старого льва.

– Руян? – Он перевел вопросительный взгляд с девушки на парня. – И Заиграй-Овражкин?

– Он со мной, – робко отозвалась Маргарита. Подземелье ей не нравилось: тут было тесно и душно. Не хотелось, чтобы Сева уходил, мало ли, он чем-то ей поможет. – Бабушка его знает.

– Да, хочу зайти поздороваться с Мариеттой Юрьевной. Мы виделись

на Русальем круге, – ответил Сева, но Маргарите вдруг стало еще неуютнее. Этот тон... Эта улыбка... с ним явно творилось что-то неладное.

– Идите за мной, – сказал целитель и развернулся. Зеркальный коридор при его приближении просто-напросто схлопнулся, превратившись в пространственно-временной туннель. Они преодолели его за полминуты и очутились в еще одном светлом помещении, из которого вели две двери. Одну из них и отворил целитель.

– Здравствуйте, дорогая! Как вы сегодня? – чересчур бодро воскликнул он, заходя в палату.

На большой кровати, парящей над полом, на взбитых разноцветных подушках полулежала пожилая дама.

– А к вам тут внуки пожаловали! Ну, оставляю вас.

– Бабуля! – Маргарита бросилась к колдунье и обняла ее, зарывшись лицом в ее плечо.

– Риточка! Моя девочка!

Женщина выглядела ослабевшей, но счастливой. Она крепко обняла внуку, по ее щекам покатались слезы.

– Ой, бабуль, ну плакать-то зачем! – рассмеялась Маргарита, сама украдкой вытирая глаза. – А это Сева, ты помнишь? Он зашел поздороваться.

– А, голубчик, здравствуйте. Конечно, я вас помню. Как поживаете после Русальего круга?

– Он проходит здесь практику. Он целитель, – тут же сказала Маргарита, чтобы как-то объяснить его появление в Здравнице. – Ну все, рассказывай, что же с тобой случилось. Ах, я прямо чувствовала, что ничего хорошего не выйдет с этой Долиной Гремящих Ветров, и, видишь, интуиция меня не подвела! Скажи, это чудовища? Они появились из воды?

– Да, это были чудовища... – ответила бабушка. – Но чудовища пострашнее тех, что обитают в Гандвиге. Морские силы, пусть и темные, страшные, не интересуют деньги и безделушки. Эти же чудовища готовы покалечить живое существо, только чтобы обогатиться...

– Что? Ты хочешь сказать, это было ограбление? – вскрикнула Маргарита. – Боже, но слухи ходят, будто все подземное царство вышло из пучины вод, чтобы тебя прикончить.

– Было больше похоже на ограбление. Я пришла домой и обнаружила, что весь дом перевернут вверх дном. Они что-то искали, но ты же знаешь, у меня совсем немного сбережений... и я не храню их в доме. Оказалось, что к тому времени не все из этих наглецов успели сбежать. Я разослала сообщения всем знакомым, но мне твердят, что ни один информационный

ком не долетел до места назначения. Наверное, мы не учли, что магия этого места слишком сильная. Она перебивает слабые сигналы отдельных колдунов... Но тот негодяй, что остался в доме, сам про это не знал. Наверное, он был уверен, что на подмогу мне тут же прибегут остальные жители Долины. Он поразил меня заклятьем, я не успела разобраться, что это было... Меня отбросило к стене, кажется, я ударилась затылком.

– О... бабушка... бедная! Никогда бы не подумала, что в мире Светлых магов такое возможно.

– Вы недоговариваете, – вдруг раздалось за ее спиной. Маргарита оглянулась, в изумлении уставившись на Севу. Но тот продолжал смотреть на ее бабушку.

– Недоговариваю? О чем вы, голубчик?

– Вы же знаете, что именно они искали.

– Сева? – прошептала Маргарита. – Что все это значит?

– Скажите ей, – тихо проговорил Воздушный маг. – Скажите, ведь только так она будет в безопасности.

Бабушка молчала, не отрывая глаз от парня, будто пыталась понять, что ему известно. Маргарита не выдержала этой игры в гляделки.

– Да что они искали?

– Вот это, – Сева скинул с плеча сумку и вынул оттуда серп.

– Не дотрагивайся! – внезапно выкрикнула пожилая колдунья, резко поднявшись и потянувшись к парню. – Не дотрагивайся до него, глупый мальчишка!

– Бабушка!

– Не волнуйтесь, он надежно замотан драконьей кожей. Старая истрепалась, но Муромец одолжил денег на новую.

– Почему твой нож у него? – воскликнула бабушка, поворачиваясь к Маргарите и судорожно сжимая ее плечи. Теперь она вовсе не походила на больную. В глазах ее сверкала зарождающаяся ярость.

– Я отдала его Мастеру поточить, но как он оказался у Севы...

– Мастер едва не дотронулся до рукоятки, с которой от старости слез защитный слой. Вы хотя бы предупредили Маргариту, чтобы она ненароком не сунула оружие кому-нибудь в руки. – Он приблизился и передал Маргарите серп.

– А что бы было, если бы я это сделала? – Девушка насторожилась.

– Спроси у бабушки. Я предполагаю, что дело могло закончиться плохо.

– Я ничего не понимаю! Пожалуйста, объясните мне! Как мой старый нож связан с нападением в Долине Гремящих Ветров? – Маргарита

стиснула бабушкину ладонь, но женщина не отводила внимательного взгляда от Заиграй-Овражкина. Сева спокойно выдерживал этот взгляд, даже не шевелясь.

– Откуда тебе известно про серп? – произнесла наконец старушка, не обращая внимания на нетерпение внучки. Воздушный маг вздохнул и осторожно придвинул стул поближе к кровати.

– Я догадался. Цепочка случайностей, правда. Но не значит ли это, что оружие просыпается? Его ищут. Может, не просто так вам захотелось переехать в Долину? Может, кто-то вас надоумил? Подстроил это? Подумайте хорошенько. Ведь по этой же причине вы когда-то сбежали из Росеника, я не ошибаюсь? Вы хотели исчезнуть. Раствориться среди миллионов потусторонних. Стать незаметной. Спрятать сокровище. И вам это удавалось, потому что серп спал. Вы были только посредницей. Представительницей *ее* рода, но не...

– Все, прекрати... – остановила его пожилая колдунья.

– Но что, если ваша внучка *она* и есть? Кто-то выследил вас. И следы неизбежно приведут к Маргарите. Она должна знать.

– Да кто я? – Маргарита вскочила с бабушкиной кровати и подлетела к Севе. – Кто я, скажи сейчас же!

– Я точно не знаю. Но, возможно, ты та, от кого я, как лекарь, призван спасать людей. Не само явление смерти, конечно, а колдунья, овладевшая ее силой.

Маргарита медленно разжала пальцы, отпуская ткань его кафтана.

– Проверить это можно только одним способом, – сказал Сева. – Дотронувшись до рукоятки серпа. Если ты и есть Мара, что много веков назад создала его, ты вспомнишь себя...

– Нет, стойте! – Казалось, бабушка тоже была готова вскочить с кровати и бежать к ним. – Нельзя! Только во время Посвящения! Посвящение все покажет... Раньше нельзя...

– Так это правда? – Ошарашенная девушка перевела взгляд на старушку.

– Как часто *она* приходит? – спросил Сева.

– По легенде, раз в сто лет... – хрипло пробормотала старая колдунья.

– Помнишь, Марго, я сегодня спросил, почему ты попала в Заречье. Я уверен, что Велес следила за твоей бабушкой. Дар Мары, передающийся только по женской линии, должен был перейти к тебе. Водяная колдунья, появившаяся первый раз за последние сто лет... странно, правда, что ее поселили с Огненной? Противоположная стихия... Многие недоумевали, зачем вас стравливать. Но вышло все иначе. Мне кажется, что Велес это

предвидела. Она знала, что сводит Водяную не с обыкновенной Огненной колдуньей. Ты тоже пришла через сто лет после своего прошлого рождения.

Маргарита прижала руки к лицу, перед глазами заструились воспоминания, видения, сны... Сны про смерть, сны про призраков... Юная колдунья в старомодном наряде, что бродит по Белой Усадьбе... Странные слова Феи во время первой встречи...

– Эй, ты в порядке? – Сева подошел ближе. – Да, догадываюсь, что это трудно понять. Возможно, я ошибся, до твоего Посвящения еще долго, а раньше мы никак не выясним, кто ты. Но бабушка должна рассказать тебе, что это за ножик, которым ты срезаешь цветы и травы для своего наставника по Огненной магии.

Маргарита повернулась к старушке.

– Это Серп Мары, внучка, – растерянно произнесла та, застигнутая врасплох. – Прости, что я скрывала от тебя.

– Но разве Серп Мары не... – замялась Маргарита, бросая взгляд то на серп, то на Севу. – ...не должен храниться в поместье Вещего Олега?

– Серп Мары хранится у тебя в избушке, – улыбнулся ей Воздушный маг. – Хотя раньше принадлежал роду Вещего Олега. Теперь он один из тех, кто тоже ищет серп, ты знаешь. Интуиция подсказывает ему, что древнее сокровище семьи где-то близко. Так что будь осторожна. Вещий Олег мужчина, и он не сможет воспользоваться им. Но он захочет вернуть его в семью, если найдет. Сейчас он идет по ложному следу, но кто знает, как скоро он догадается, что ошибся?

– Не волнуйся, если он решит внезапно бросить Звездинку и жениться на мне, я тут же раскрою его план.

Глава шестнадцатая

Купальская ночь

Ася Звездинка появилась в главном зале особняка под руку с Вещим Олегом. Над ними сверкал свод потолка, изображающий двух оленей. Полукружья огромных окон обрамляли пышные белые розы, по стенам бежали слова старинных преданий о возникновении жизни, первых колдунов и магии. Отполированный пол под ногами пестрел росчерком древних карт. Олег заботливо вел молодую девушку, полностью скрытую куколью от любопытных глаз. Свадебный обряд, во время которого невеста должна была «умереть» и заново «родиться» уже в семье мужа, был почти завершен. Оставались доли секунды до того, как Ася сбросит покров, символизирующий саван, и предстанет перед собравшимися гостями. Ее родители, Анатолий и Ирина Звездинки, ждали новобрачных посреди зала.

Анисья вернулась незадолго до появления жениха и невесты. Как наследница одного из самых богатых и влиятельных родов Тридевятого государства, она участвовала в церемонии, завершившейся на кладбище Мертвой Луны. Вместе с другими знатными колдуньями Анисья «оплакивала» невесту, покидавшую родительский род. После завершения обряда подружки должны были оставить Асю в одиночестве среди каменных надгробий и домовин, таких древних, что с них уже давно стерлись какие-либо обозначения. Уходя, Анисья бросила последний взгляд на невесту, которая в своем длинном платье больше походила на бестелесный призрак, чем на молодую, полную жизни девушку.

Колдунья тут же вспомнила про Маргариту и новость, которая изумила подруг. В голове совершенно не укладывалось, что все это время Марго носила на обряды не простой нож и даже не старинное оружие, а самый настоящий серп богини смерти. Анисья отчетливо помнила Маргаритино лицо, застывшее в маске недоумения. Вернувшись после посещения бабушки из Здравницы, она сидела на стуле, подперев рукой подбородок, и молча кивала, пока Сева с Митей рассказывали Полине, Василисе и самой Анисье, как догадались о Серпе. В этой истории было много всего, чего не могла так просто принять Маргарита – бывшая потусторонняя. Как в детстве она не замечала, что ее бабушка колдунья? Почему Мару прозвали богиней смерти и каким образом она вновь и вновь возвращается в этот мир? И главное – зачем?

– Так это я? – спрашивала Марго, пытаясь разобраться. – Я создала этот Серп? Или все же нельзя считать, что она и я – один и тот же человек? Почему я ничего не помню? И какой силой обладает Серп? Что он дает?

В Анисьиных воспоминаниях послышался голос Василисы, что-то заговорившей в ответ, но колдунье пришлось вернуться в настоящее. Теперь ее окружали светлые стены, изогнутый потолок с пегими оленихами и сотня разодетых гостей.

Когда с Аси Звездинки спала куколь, скрывающая не только ее лицо, но и свадебный наряд, весь зал ахнул. Даже Анисья вынуждена была признать, что невеста выглядит обворожительно. Белоснежное платье из невесомого шелка и кружева было дополнено яркой вышивкой из драгоценных нитей и камней на рукавах, поясе и подоле. Длинные волосы скрывал замысловатый головной убор, увенчанный золотым полумесяцем. Глаза невесты еще блестели от недавних слез прощания с семьей, и Анисья не была уверена, что эти слезы были такими уж искусственными. Союз с Вещим Олегом хоть и был выгодной партией, вряд ли мог считаться браком по любви. Анисья с удивлением отметила, что испытывает к Асе нечто вроде сочувствия. Ей самой просто повезло, что у нее есть старший брат. Иначе... Нет, она даже думать об этом не хотела. Встряхнув головой, Анисья поймала на себе взгляд Димы Велеса. Она поздоровалась с ним кивком и снова повернулась к молодоженам.

Тем временем Олег с Асей уже отведали по кусочку круглого каравая, который им поднесли родители невесты. Каравай и вышитый рушник стали подарками от Заречья. Говорили, что Розалия Павловна неделю трудилась над созданием каравая, украшенного цветами и птицами, которые выглядели настолько живыми, что, казалось, от любого резкого движения могут вспорхнуть к потолку.

Честь лично поздравить жениха и невесту предоставлялась только самым именитым родам Тридевятого государства. Остальные гости оставляли подарки в специально отведенной комнате перед входом в парадный зал. После того как родители Аси подарили новобрачным ключи от летнего домика в Небыли, настала очередь Муромцев. Василий Ильич и Евдокия Рюриковна вышли в центр. Тут же воцарилась тишина. Старший Муромец, облаченный в ярко-синий кафтан с золотой вышивкой, веселым взглядом оглядел собравшихся. Неприятные слухи и статьи в «желтых» газетенках, посвященные тому, что Муромцы теряют влияние, изрядно подпортили ему настроение в последние месяцы, но как солнце из-за дня в день восходит на небо, так и все в жизни в конце концов встает на свои места. Он смотрел на представителей самых богатых семейств Росеника,

Зорника и Небыли и с удовольствием замечал в их глазах уважение и трепет, а кое-где – тень страха и зависти.

Василий Ильич молодцевато тряхнул гривой светлых волос и обратился к молодым с торжественной речью. Он говорил о том, как важно сохранять традиции и передавать их из поколения в поколение, чтить свой род и не забывать, что все будущее Светлого сообщества зиждется на древних семействах, жизнь и процветание которых возможны только благодаря таким бракам. В конце своей речи он произнес:

– Луна – самый верный спутник Солнца. Так было и так будет всегда. Когда Солнце уходит с горизонта, именно лунный свет освещает наш путь и охраняет мирный сон. Пусть и в вашей жизни Свет всегда побеждает Тьму.

Василий Ильич махнул ладонью, и двое слуг внесли в зал большой, украшенный драгоценными камнями ларец.

* * *

Когда закончили дарить подарки, на столах появились огромные блюда с фруктами, овощами, мороженым и выпечкой. Как известно, Вещий Олег почти не держал слуг, поэтому специально для торжества были наняты официанты, среди которых можно было узнать даже кое-кого из старших воспитанников Заречья. Свадьба представителей двух древних родов всегда считалась отличным способом подзаработать на новый зеркальник или маленький ковер-самолет и отведать редких заморских угощений, от которых ломились столы.

Официанты тут же принялись разносить закуски и бокалы с напитками.

– Слава богам, – сказал Митя, отыскав Севу, наблюдающего за свадебной церемонией из дальнего угла. – Я уж думал, официальная часть никогда не закончится.

– Да, условности изрядно утомляют, если это, конечно, не твоя собственная свадьба, – ответил Воздушный колдун, притягивая к себе взглядом тарелку с куском овощного пирога. – Но вот тост твоего отца вызвал прямо-таки оживление среди собравшихся. По-моему, это было недостаточно тонко.

– Тонко? Смеешься? Да его речь скорее напоминала обращение к союзникам перед сражением, чем свадебное поздравление.

– Думаешь, он хотел дать всем понять, что Светлое сообщество сейчас

как никогда раньше нуждается в единении?

– Возможно... Хотя, скорее всего, он хотел предостеречь Вещего Олега. Еще раз напомнить, на чьей стороне он должен быть.

Не успел Сева ответить, как рядом появилась Анисья. Она незаметно покинула тесный кружок Асиных подруг, которые страстно желали обсудить наряды всех приглашенных на свадьбу девушек. «Интересно, Ася специально выбирала не самых красивых колдуний, чтобы выигрышно смотреться на их фоне?» – думала Анисья, лавируя между гостями и стараясь ни обо что не зацепить новое платье оливкового цвета, от которого исходило еле заметное серебристое свечение – словно невесомый утренний туман окутал ее стан. «Ах, Анисья, где ты только берешь такие ткани?» – щебетали Ниночка и Настенька. «Наверное, стоит целое состояние, – скептически отозвалась Елена Трувор – Глупо тратиться на платья, которые наденешь лишь раз!». Пробираясь к парням через весь зал, заполненный гостями, Анисья собрала не один десяток комплиментов. Даже Густав Вениаминович, который как и некоторые другие наставники Заречья оказался в списке приглашенных, не смог скрыть восхищения при появлении Каменной колдуньи.

– Совершенно невозможно отрицать, что Анисья Муромец – самая завидная невеста всего Тридевятого государства, – обратился он к Даниилу Георгиевичу, с которым до этого обсуждал эффективность снадобья из бадьяна при лечении аллергии на банников.

Целитель ничего не ответил, но задумчиво посмотрел вслед богатой наследнице, которая болтала с его сыном, přátельски взяв его под руку, и с Митей Муромцем.

– Наконец-то я вас нашла!

– Сбежала от подружек и невесты?

– Ты, я смотрю, тоже от невесты сбежал. Правда, от своей, – отозвалась Анисья.

– Не оstri. Выпей лучше вина. – Митя протянул ей бокал. – По крайней мере, это не Васины настойки, так что я могу быть спокоен.

Анисья недовольно пихнула брата в бок.

– Как прошел обряд на кладбище? – поинтересовался Сева.

– Довольно жутко. В белом платье Ася действительно напоминала призрака, который оплакивает потерянную жизнь. Мне даже стало жаль ее.

– Да, Олег выглядит более довольным, чем его невеста, – отметил Митя, глядя на молодоженов. Пока Ася с задумчивым лицом сидела над полупустой тарелкой, Вещий Олег переговаривался с Анатолием Звездинкой.

– Хотя, учитывая последние события, если кто и должен расстраиваться, так это Вещий Олег. – Анисья поглядела по сторонам и понизила голос. – Мало того, что он так и не доберется до Серпа Мары, так еще и семья невесты оказалась замешанной в крупном скандале.

– Ну про Серп Мары он пока не знает, – отозвался Митя. – Идет по ложному следу.

– И будем надеяться, что так и не узнает правды...

– Это, кстати, удивительно, – вдруг произнес Сева, задумчиво нахмурившись. Он потянул друзей в тень ближайшего эркера, и все трое укрылись за пышным букетом белых роз. Поблизости никого не было. – Меня только что осенило. Как-то странно для наставника по Легендологии так сильно ошибаться. Вещий Олег всегда был увлечен историей своего рода и всевозможными легендами, а тут вдруг полагается на довольно необоснованные предположения о том, что Серп Мары принадлежит роду Звездинок.

– Думаешь, у него могут быть другие причины для этого брака?

– Род Звездинок один из самых влиятельных в Тридевятом государстве. А если учитывать, что породниться с Муромцами Олегу не светило, – он посмотрел на Анисью, которая высокомерно передернула плечами, словно стряхивая с себя остатки этой абсурдной идеи. – Звездинки – идеальный вариант.

– Идеальный для чего? – возмутилась Анисья. – Вещий Олег сам из древнего знатного рода, к тому же он наставник в Заречье, так что ему вообще необязательно было жениться. Мог спокойно себе сидеть в своем поместье и... ждать любви.

– Думаю, он настроен более прагматично, – возразил Митя. – Родство со Звездинками открывает многие двери. У наставничества в Заречье есть и свои минусы – оно не дает доступа к политической жизни Светлого сообщества. А мне кажется, у Вещего Олега есть амбиции на этот счет.

– И какие же двери ему откроет Ася Звездинка? Не смей меня!

– Муромец прав. Даже несмотря на последние события, Звездинки не потеряли своего влияния. К тому же... – Сева резко замолчал.

– Что? – Анисья нетерпеливо посмотрела на Воздушного колдуна.

– Забавно выходит... Вещий Олег сделал Асе предложение как раз в то время, когда было принято решение о строительстве Долины Гремящих Ветров...

– И что?

– А то, что, возможно, он и не думал, что Серп Мары находится у Звездинок. Что, если он знал, что его нет ни в одном из наших городов?

Может быть, его привлекал новый строящийся район, в котором поселились колдуны, много лет назад растворившиеся среди потусторонних и прихватившие с собой что-то ценное?

– Думаешь, он мог как-то узнать, что Серп Мары принадлежал бабушке Маргариты?

– Это ведь не какой-то простой Серп. Он не мог просто взять и бесследно исчезнуть из семьи Вещего Олега. Особенно учитывая то, что у всех древних родов тщательно фиксируется фамильное древо. Да, нежелательные браки туда не всегда вносятся, но Вещий Олег просто помешан на истории, и, думаю, он нашел пару «гнилых» ветвей.

– И таким образом вышел на бабушку Марго...

– ...которая как раз в это время решила вернуться к привычной жизни в новом поселке.

– Подождите! – Анисья воскликнула так громко, что к ним обернулись проходившие мимо колдуны. Девушка улыбнулась им и продолжила уже шепотом: – Вы хотите сказать, что Вещий Олег узнал, что Серп Мары принадлежит Мариетте Руян и решил добратся до нее? Зачем же тогда на Звездинке жениться? Особенно теперь, когда столько людей сомневаются в верности этой семьи!

– Потому что это отличное оправдание, Анисья! – ответил Сева. – Что, если он специально через нас с Муромцем пустил слух о том, что надеется найти Серп Мары в сокровищницах рода Звездинок? Это ведь очень удобное прикрытие! Если он сам напал на бабушку Маргариты или подослал кого-то, то мы бы могли выступить в его защиту, мол, нет-нет, наставник сам нам признавался, что Серп Мары скрыт среди сокровищ его невесты...

– О боги! Об этом надо кому-то рассказать!

– Подожди, Анисья. – Митя схватил ее за руку. – Это просто предположение. У нас нет никаких доказательств. Слишком много случайных совпадений. Даже если он узнал, что Серп находится не у Звездинок, а у Маргаритиной бабушки, как он понял, что именно она поселится в Гандвиге?

– Я не знаю, как он это понял. Может, рассказал Звездинка, а может, он поговорил с духами умерших, – яростным шепотом ответила Анисья. – Но я точно уверена, что если он не нашел этот чертов Серп у старушки, то ничто помешает ему искать его у самой Маргариты!

– Он наставник! У него уже была сотня возможностей сделать это.

– Но ведь до нападения на бабушку Маргариты он не знал, что Серп больше не у нее, что она передала его своей внучке. Все, с меня хватит! –

решительно заявила Анисья. – Наши разговоры скоро начнут напоминать собрания у Марьяны. Какой смысл в пустых подозрениях? Надо сказать Ирвингу и о некромантском обряде на кладбище, и о том, что Олег ищет древний дар богини Мары! Ирвинг должен знать об этом. А теперь, когда угроза нависла над Марго, тем более.

Митя посмотрел на друга, ища поддержки, но Сева, на удивление, не спешил возражать Анисье.

– Может, в том, что она говорит есть смысл, – после некоторой паузы проговорил Воздушный колдун.

– А вот и Ирвинг! – воскликнула Анисья и стремительно направилась к главе Светлого сообщества.

Митя хотел было броситься за сестрой и остановить ее, но за спиной раздался знакомый голос.

– Дмитрий!

– О Ярило, только не она. – Митя разочарованно остановился, услышав интонации восхищения в голосе Марьяны Долгорукой.

– Да, встретить свою невесту на свадьбе... пусть и не вашей – вот же неприятность, – усмехнулся Сева, взглядом провожая Анисью, которая уже пробиралась в сторону Ирвинга и Черной Курицы.

Марьяна в сопровождении нескольких младших колдуний остановилась рядом с парнями, невинно хлопая длинными ресницами.

– Привет, Сева.

– Мы с девочками как раз говорили о том, что скоро должны начаться танцы, и я решила найти тебя, – объяснила Марьяна, снисходительно оглядывая хихикавших и уставившихся на Заиграй-Овражкина подруг.

– Зачем? – будто действительно не поняв намека, ответил Митя. Он, как и Сева, буравил взглядом спину удаляющейся Анисьи.

– Ну, – Марьяна растерялась... – Я подумала, что...

Не успела Марьяна договорить, как откуда-то из толпы вынырнула обворожительная Елена Рубцова. Ее яркий откровенный наряд как обычно притягивал взгляды. Длинное платье цвета лазури было расшито ярко-красными узорами, а в глубоком декольте сверкало ожерелье из рубинов.

– Какая встреча, Митя, Сева! Знаете, вам несказанно повезло, что я еще никому не пообещала первый танец, – она рассмеялась. – Так что у вас есть шанс.

– Это прекрасно, – улыбнулся Митя с таким видом, что даже Севе стало не по себе. «Что, черт возьми, происходит с Муромцем?!»

– Как жаль, что мой друг уже танцует первый танец с невестой, – тут же отозвался Заиграй-Овражкин, прежде чем Митя успел закончить

фразу. – А вот я пока так же свободен, как и вы.

Он взял Елену Рубцову под руку ровно в ту секунду, когда раздались первые аккорды вальса.

* * *

Добраться до Ирвинга оказалось не так просто. Анисья спешила, пока решительность не покинула ее, но путь то и дело преграждали колдуны, желавшие с ней потанцевать. В итоге, помимо Леши Рублева, которому она великодушно пообещала танец на каждом празднике, пришлось дать согласие еще нескольким кавалерам. Среди них был и Дима Велес. Дима Велес. Анисья только что напала на Севу с Митей из-за того, что они не рассказали Ирвингу о Вещем Олеге, а сама и словом ни с кем не обмолвилась о том, что Дима искал заточенного бессловника в особняке Мертвой Луны. Наверняка плененный Темный маг до сих пор находится в подземелье, всего несколькими этажами ниже главного зала, где сейчас десятки колдунов в своих лучших нарядах ведут беседы, лакомятся изысканными пирожными и выбирают партнеров для танцев. Интересно, они догадываются о пленнике? Хотя что особенного в плененном Старообрядце? Противостояние Светлых и Темных магов длится не одно столетие, на протяжении него гибнут, попадают в плен, переходят на другую сторону сотни колдунов. Временное затишье сменяется ярким противостоянием, но жизнь не перестает течь своим чередом – солнце, как сказал сегодня папа, все равно каждый день восходит на небе.

Анисья заметила, что Ирвинг стоит не один, но отступать было некуда.

– Я удивлена, что Хитрина решила выбраться из Заречья, – услышала Анисья резкий голос Черной Курицы, обратившейся к Ирвингу.

– Вещий Олег пригласил на свадьбу всех наставников. С ее стороны было бы невежливо проигнорировать приглашение. Тем более они хорошие приятели.

– Да, но после того, что случилось на Русальем круге...

– В местном пруду не водятся Морянки, не правда ли?

Анисья не сразу сообразила, что вопрос Ирвинга адресован ей. Но природное умение Муромцев сохранять самообладание тут же пришло на помощь, и она ответила как ни в чем не бывало:

– Нет-нет. У черных лебедей, которые плавают в этом пруду, такой скверный характер, что даже самый гадкий мерек не выдержит, не то что Морянка.

Ирвинг искренне рассмеялся, а Черная Курица исподлобья посмотрела на девушку, помешавшую разговору.

– Вам весело на этой свадьбе? – поинтересовалась Анисья, стараясь скрыть охватившее ее волнение. Она не собиралась начинать разговор при посторонних, поэтому решила вести обыкновенную светскую беседу, надеясь таким образом спугнуть не особо разговорчивую Черную Курицу.

– Здесь чудесно, – отозвался Ирвинг. – Иногда представителям древних родов стоит встречаться не только на Вече, но и за кубком медовухи. – На его лице появилась улыбка.

– Но вы нечастый гость на таких приемах, – заметила Анисья.

– Я предпочитаю уединение Уточкиного гнезда или круг самых преданных друзей. Со временем приходит понимание: для того чтобы вести диалог, нам достаточно одного-единственного собеседника – самого себя; а вот если хочется побыть в тишине, не обойтись без компании близких людей.

Анисья удивленно взглянула на главу Светлого сообщества. Когда Ирвинг говорил, весь мир вокруг будто замирал или вовсе переставал существовать. Отключались боковое зрение и слух. Слова попадали сразу в сердце. Колдунья не заметила, когда исчезла Черная Курица. Только услышав вопрос Ирвинга, она поняла, что больше никто не мешает их разговору.

– Анисья, вы хотели мне что-то сказать?

– Да, но... Понимаю, что мои слова могут прозвучать как глупость... И тем не менее я все равно должна это сказать. Мы можем выйти из зала? Лучше на улицу.

– В глупости зачастую содержится самая большая мудрость. Так что не бойтесь, дорогая. И я с удовольствием прогуляюсь по кладбищу в такой замечательный день.

Анисья шла к лестнице, не оборачиваясь. Наверное, кого-нибудь удивило, что вслед за ней идет Ирвинг. Возможно, кто-то даже принялся строить предположения. Сейчас ее волновало лишь то, насколько серьезно отнесся к ее просьбе этот колдун. Невозможно было понять, иронизирует ли он, подшучивает над ней или и впрямь хочет побродить по кладбищу. Надо было собраться, принять подобающий вид и сделать все возможное, чтобы он действительно услышал ее и поверил... Когда крыльцо с веселой компанией молодых людей, выбравшихся из зала проветриться, осталось позади, Анисья обернулась. Ирвинг остановился, и его внимательные глаза по-доброму взглянули на нее.

– Что за тайну вы хотели мне поведать?

– Вещий Олег охотится за Серпом Мары, – тут же сказала Анисья, уверенная в том, что Ирвинг прекрасно осведомлен о дарах богов. – Именно поэтому он женится на Асе Звездинке. Я знаю, вы мне не поверите. Звучит неправдоподобно. Но он сам уверял в этом моего брата.

Однако Ирвинг, казалось, вовсе не был шокирован ее словами. Его лицо стало серьезным, но голос звучал все так же спокойно и миролюбиво:

– Но у Аси Звездинки нет Серпа Мары.

Анисья растерянно посмотрела на колдуна. Она ожидала чего угодно: вопросов, удивления, даже, может быть, насмешки – но точно не этого.

– Да... Но он не знал об этом. По крайней мере, он так сказал. Он совершал некромантский обряд на кладбище Мертвой Луны, чтобы вызвать дух предка и узнать, куда исчез Серп Мары из их семьи. Он считал, что дар Мары попал в руки Звездинкам, потому что серп – это символ их семьи, символ травников... Но потом случилось то странное нападение на бабушку Маргариты Руян, и мы подумали...

Странный грохот и вскрик заставили Анисью оглянуться: недалеко от дома была устроена изящная беседка с прохладительными напитками. Федор Кощеевич – наставник по Обрядам – медленно поднимался с пола, отталкивая рукой осколки бокалов.

– Слуги потрудились на славу, полируя этот пол, – обращаясь к кому-то из стоявших рядом дам и пытаясь перевести неловкую ситуацию в шутку, произнесла Марья Кощеевна, помогая брату встать. Ей на помощь тут же подоспел Густав Вениаминович, и они вместе привели Федора Кощеевича в вертикальное положение.

После минутного замешательства гости забыли о непутевом наставнике: кто-то вернулся к фруктовым напиткам и мороженому, а кто-то предпочел отправиться в особняк.

– После истории с источником трех вод Федор совсем перестал себя контролировать. Кажется, немного перебрал, – раздался голос Феи, которая возникла рядом с Анисьей и Ирвингом. – О, дорогая, так это вы тут, – обратилась она к Анисье. – Мне кажется, что вас ищут по меньшей мере три молодых человека, которым вы обещали танцы.

Анисья ответила вежливым «спасибо» и, бросив на Ирвинга быстрый взгляд, удалилась. Она поняла, что Ирвинг знает. Знает все.

* * *

Со свадьбы в поместье Мертвой Луны прошла неделя. Наступила

Купальская ночь. На берегу Нищенки разожгли костры, девушки и парни, одетые в длинные холщовые рубахи, отправились на поиски цветов папоротника. Снежинки водили у реки хороводы и готовились к обрядам, лес кишел мелкой нежитью, Огненные колдуны поджигали огромное колесо, чтобы пустить его с горы прямо в воду.

Сева в сопровождении Черной Курицы отправили к найденному недавно озерцу, которое находилось чуть в стороне от потусторонней деревушки. Жителей тут было меньше, деревня стояла на дороге, облепляя ее с двух сторон, но каждый второй дом выглядел заброшенным и забытым всеми богами. Сева с непривычки оглядывался, гадая, откуда же возьмутся девицы, чтобы помочь ему с обрядом. Черная Курица чуть слышно ступала следом за ним и пока что держалась слишком близко – он ощущал ее мысли и состояние пойманной в ловушку Сирены жертвы. И кому еще кого защищать придется, интересно? Сева понимал, что, едва они дойдут до озера, ему придется уговорить ее исчезнуть или хотя бы затаиться в лесочке на другом берегу. Он мельком вспомнил старую речку, куда с пятнадцати лет приходил в Купальскую ночь и где в один прекрасный день обнаружил Водяную колдунью. То, что теперь там сидит с дудочкой не он, а Дима Велес, вызывало странные, противоречивые чувства. Если находиться там так опасно, почему же никто не остановил Огненного колдуна? Да и вообще, как и когда он научился этому обряду?

В это же время в Заречье Полина медленно шла сквозь высокую траву к реке. Пришло и ее время постигать священные ритуалы, связанные с водой, на которые, по словам наставников, была способна только она. Еще днем Густав Вениаминович сварил для нее специальное зелье, и, выпив его, она словно сама наполнилась полынной горечью и терпким ароматом цветов, что входили в его состав. Дыхание замедлилось, мысли в голове казались чем-то чужеродным – она с интересом наблюдала за ними, словно за плывущими по небу облаками. Где-то на краешке сознания теплилось понимание, что сейчас из нее уходит все привычно-человеческое и что только голос природы в ее сердце будет важен.

Ветер доносил обрывки песен и отголоски музыки. Она остановилась на берегу, мелкие камни впились в босые ступни, но то была приятная, необходимая боль, словно так разговаривала с ней сама земля, не сумевшая найти другого языка для Водяной.

Здесь пролежала граница между деревней, защищенной армией дубов, тьмой еловых лап и колючками сосен, и рекой, укрывающей Заречье от внешнего мира. Плакучие ивы что-то шептали, гладили ветвями речное дитя, примиряя стихии. Полина оглядела заводь, названную Ивановским

Виром. Вода походила на огромное черное зеркало, еле заметные волны одна за одной набегали на блестящий песок, отчетливо напоминая все те же мысли: не успеешь додумать одну, как накатывает следующая. Туман, скрывающий противоположный берег, приходил в движение от взмахов крыльев ночных мотыльков. Полина продолжала завороченно смотреть на реку, чувствуя, как натягиваются внутри незнакомые и одновременно так по-родному звучащие струны. Что-то необъяснимое, неизведанное роднило ее с Нищенкой, наполняло особенной силой... Только бы не упустить, не потерять это тонкое ощущение... Только бы не позволить древнему проклятию Темных птиц все испортить...

Поверхность реки запестрела, вот поплыли по ней отражения венков и подрагивающие всполохи свечей – значит, совсем недавно сюда приходили девушки пускать венки, читать наговоры, благодарить речку. Ее речку. За венками возникли тени двух лодок, бесплотно скользящих лишь в отражении, словно огромные подводные рыбы. В одной из лодок угадывалась фигура парня. В другой – несколько снежинок в светлых рубашках.

Это Нищенка узнала Водяную колдунью, заговорила с ней, как и земля. Полина спустилась чуть ниже и присела на корточки прямо возле кромки воды. Она вытянула руку, отметив, как неестественно бело выглядят ее пальцы – словно пальцы неживого, и заметила ответное движение под водой – скользкая прядь водорослей колыхнулась ей навстречу. Кожа тут же еле заметно сверкнула лунным блеском: так сила отвечала на силу.

Водяная колдунья поднялась и сделала шаг, рассекая босой ногой водную гладь. Река вдруг вздыбилась, почти беззвучно расплескалась. Впереди, запузырившись, выросла самая настоящая гора. Влажно и неповоротливо зашевелилось нечто темное... Полина ощутила страх, но сейчас воля держала его в узде, поэтому колдунья не шелохнулась, не отступила назад, продолжая с мнимым спокойствием наблюдать, как прямо перед ней выбирается со дна, отряхивается от скатывающихся ручьев огромное существо, окрашенное ночью в темные цвета. Мрак скрывал черты, и только два глаза, будто наполненных колодезной водицей, сверкнули в свете звезд. Полина робко улыбнулась Водяному. Водяной несколько секунд молча рассматривал тоненькую девушку с сияющей кожей, а потом медленно ей поклонился. В ту же секунду глаза колдуньи наполнились точно таким же блеском студеной воды.

На небольшом холме над рекой, чуть дальше от Ивановского Вира и ближе к избушкам, собирались для обрядов остальные жители Заречья.

Несколько травниц несли в руках цветы папоротника – в этот год их было особенно много, целых тринадцать штук. Для цветов были приготовлены кувшины с речной водой. Две девушки доплели венки из листьев папоротника и надевали их на головы подтягивающихся к холму колдунов. В ближайшем лесу перекрикивались кукушки, звук флейты потянулся над деревней, словно дымок от костра.

Лиса следила за вереницей девушек в светлых рубашках, степенно идущих по тропинке. С другой стороны шумной компанией приближались парни. Их гомон в конце концов перерос в песню, которую подхватили все. Пышные лохматые венки легли на головы певцов, тут же кто-то незримый и великий бросил на небосвод горсточку голубых звезд. Совершенно не понимая почему, Дарья вдруг вздрогнула: что-то заставило ее повернуться к реке. Над поверхностью воды сначала показалась макушка человеческой головы, а потом знакомые глаза. Большие, темно-серые и по-оленьи печальные, они теперь смотрели совсем иначе. Купальская ночь будто высветлила их, плеснула болотной тины да синевы отраженного неба. Водяная колдунья медленно выходила из воды, а те на берегу, кто уже ее заметил, останавливались, удивленно вглядываясь и замолкая. Голоса постепенно стихли, а вот музыка полилась громче, словно музыкантов кто-то околдовал.

Лиса внимательно наблюдала за подопечной. Наконец-то стало отчетливо видно, как изменилась Полина со времен своей первой встречи с Нищенкой, как магия просыпалась в ней, наполняя тонкое тело, будто сосуд. Под ее взглядом вода оживала. Дарье мерещилось, что древний речной дух, столетие дремавший в пучине водорослей, просыпается, вот-вот готовый встать в один ряд с духами Ветра, Огня и Земли.

Полина ступила на берег, держа в руках листик кувшинки, в котором темнела мокрая лужица. Она приблизилась к девушкам, вяжущим венки, обмакнула пальцы в воду и дотронулась до лба каждой из колдуний, приговаривая себе под нос:

– Пришла я по дороженьке, на пути моем река повстречалась, та река столбом не стоит, колышется, вдаль бежит. Речка-река, крутые берега, дай водицы умыться, от крика и ненависти, от ссор и зла, повороти его по своему руслу на мир и лад...

Колдуны один за другим послушно подходили к Водяной и склоняли перед ней головы, она дотрагивалась до них, повторяя очищающий наговор. Вода давно вытекла из кувшинкового листа, сложенного чашечкой.

– По реке – вода, от реки – беда, блеск луны в воде – не бывать беде.

От реки вода, от меня – беда...

Лиса, не заметив, как запнулась ее воспитанница в шаге от Алеши Попова, направилась к краю берега и наклонилась, чтобы зачерпнуть воды в единственный кувшин, не занятый цветами папоротника. Отражение кувшина расплылось неровным пятном, темная вода потекла в широкое горлышко. То, что произошло в следующую секунду, было настолько внезапным, что колдунья даже не успела вскрикнуть. Река выпростала ей навстречу тонкую склизкую руку, пальцы с кривыми когтями перехватили ее кисть. Ночь не позволяла увидеть того, что пряталось под толщей воды, да и глубина здесь была такая, что оставалось думать, будто рука выросла прямо из илистого дна. Но у Лисы не было сомнений в том, кто это мог быть. Морянка. Нежить настигла ее, когда все были на берегу, отвернулись и хором начали повторять Полинины наговоры. Она поспешно обернулась, наблюдая волшебную картину словно в замедленном сне. Затем ее взгляд, наполненный отчаянием, вернулся к руке, сжавшей ее запястье и внезапно дернувшей ее так, что заломило в плече. Дыхание перехватило, Лиса хотела позвать на помощь, но почему-то не смогла, отчего-то показалось, что все бесполезно, что никто не отзовется... Она почувствовала еще один рывок и упала на колени прямо в воду. Непроизвольный вскрик получился жалким и тихим. Морянка продолжала тянуть, сопротивляться ей не было возможности. Чувство бессилия накрыло с головой. Краем глаза она видела движущуюся фигуру в белом, но только оклик «Лиса!» заставил ее очнуться: вдоль берега к ней бежал Македонов, на его лице застыл ужас.

– Эй! Кто-нибудь! Нужна помощь! – раздался его низкий голос, прежде чем он сам перепрыгнул песчаную полосу и очутился в воде.

– Нет! Не смейте подходить! – наперекор ему крикнула Дарья, замечая, как у воды появились фигуры воспитанников. – Саша, это опасн...

Окончание фразы заглушило неприятное бульканье: почти все тело колдуньи скрылось под водой. Македонов добрался до нее и выдернул было на поверхность, но черные руки Морянки, наконец показавшейся сквозь толщу вод, цепко держали свою жертву.

– Прочь, нелюдь! – злобно процедил сквозь зубы колдун и принялся безжалостно выламывать черные пальцы, вцепившиеся в плоть Лисы.

Но куда человеку справиться с нежитью! Страх пробежался по спине, когда что-то под водой дотронулось до его ног. Колдун вслепую запустил руку в воду и вытащил Мавку в сгнившем детском платье. Только тут до сознания начали долетать звуки: оказывается, на берегу все это время стоял переполох. Увидев сморщенную Мавку, напоминавшую умертвленного детеныша самой Морянки, кто-то из девушек взвизгнул.

– О боги, только не они! Только не эти! – прозвучал где-то близко и одновременно так далеко голос воспитанницы Маргариты.

В эту секунду хватка Морянки вдруг ослабла, хоть когти и продолжали держать рукава Дарьиного платья. Мавки, окружившие их, высунули головы и уставились на берег. Александр тоже непроизвольно обернулся – так удивительна была их реакция.

На пологой травяной кочке возвышалась Водяная колдунья в широкой влажной рубашке. Глаза ее были подернуты туманной пеленой, кожа все еще серебрилась. Она шагнула и коснулась мыском кромки воды.

– Полина... – тихо прошептала Лиса за спиной у Странника.

«Не бойся за нее, ей они не навредят», – захотелось сказать в ответ, но он продолжал молча наблюдать, готовый снова дать отпор нечисти.

Девчонка медленно наклонила голову вбок, и вся нежить, словно загипнотизированная, сделала то же самое. Сейчас непосвященная меньше всего походила на человека. В ее глазницах плескалась вода, руки плавно поднимались в стороны. Македонов обернулся: да, Мавки и Морянка медленно, как будто нехотя, разжимали пальцы, отрывали от поверхности реки костлявые ладони. Лиса среагировала быстрее всех и рванула было к берегу, но нежить тут же сомкнула круг, не дав ей преодолеть и метра. Зов крови в них был сильнее девочки-кукловода, замершей у самой реки. И зов долга был сильнее. Великий нарушил договор. Проиграл. А значит, должен быть мертв. Убить Дарью прямо сейчас Морянке мешала лишь Водяная колдунья.

«Девчонка не знает наговора от нечисти», – вдруг осенило Александра, и он раздосадованно прикрыл глаза.

Словно прочитав его мысли, за спиной Полины возникла Анисья Муромец. Руки ее легли на острые плечи Водяной, бледные губы прижались к ее уху и еле заметно задвигались.

– Как река в берегах не шумит, – голос Полины, повторяющей слова за Анисьей, звучал спокойно, монотонно, – как волна ее не колышется, как лодка на ней не движется, так бы и ты, лихое, непрошеное, в доме моем не шумело, ветром незванным не колыхало, в печи заслон не двигало.

Морянка зашипела, разжала руки и заткнула уши. Мавки затряслись, их старческие головки со спутанными прядями волос исчезали под водой.

На этот раз и голос Анисьи Муромец стал громче, и колдуны на берегу – те, что знали этот наговор, – вторили девушкам:

– А коли будешь, гость незванный, непрошенный, грохотом грохотать, хохотом хохотать, призову на тебя речку-матушку, чтоб остолбенеть тебе на ходу, на бегу, на ветру, на вздохе и на вскрике, на гнев и испуге. Прочь,

прочь, прочь, изыди вон раз и навсегда, и от круга до круга. И быть моему наговору крепче камня и длиннее вечности.

Полина решительно шагнула в воду и подала руку наставнице. Пятившаяся в глубину Морянка не посмела ей помешать.

* * *

Глядя на этот небольшой сарай с покосившимся дверным косяком и прохудившейся крышей, никто бы не смог подумать, что внутри него кто-то есть. Примыкавший к сараю курятник жил своей привычной жизнью, несущки разгуливали по примятой траве и выбирали между травинок просыпанное зерно. Илья Пророк щедрой рукой набросал проса и исчез, трое воспитанников уже успели прийти за яйцами для Розалии Павловны и тоже отправиться по делам. Густав Вениаминович, чей дом вместе с лазаретом находился неподалеку, по утрам гостей не принимал, а его неофиты, скорее всего, еще смотрели сны. В этот ранний час, когда поблизости никого не должно было быть, несколько человек возникли один за другим с разных сторон полянки и скрылись за дверью сарайчика.

Василиса села за стол и огляделась. Во время собраний редакторов «Тридесятого Вестника» весь хлам в сарае исчезал, старые сломанные столы и стулья превращались в добротную мебель, дырявая корзина у входа живописно пестрела полевыми цветами, у пыльного снаружи и чистого изнутри окошка лежали кипы журналов. Солнечные лучи еще не успели прогреть воздух, прозрачно-белые блики, рассыпанные по стенам и стеллажам, казались прохладными.

Этот номер «Тридесятого Вестника» должен был стать последним в месяце, редакция была готова уйти на отдых и приступить к работе только на следующий Медовый спас. После Купальской ночи, прыжков через костры, купания в реке, танцев и песен мало кто смог подняться так рано, так что Василиса сонно оглядела почти пустое помещение и снова уткнулась в чистый лист. Воспитанники ждали новостей: пока Заиграй-Овражкин занимался животворением воды в совершенно незнакомом месте, наставники осматривали близлежащую к водоему потустороннюю деревню, куда можно было отправить должников на помощь старикам. Сегодня кто-нибудь обязательно сообщит об этом, а редакторам останется только разузнать, что из себя представляет деревня и ее жители, и написать несколько статей. Конечно, одной этой темой ограничиться не удастся... Василиса вздохнула. До сих пор не утих интерес к свадьбе Вещего Олега с

Асей Звездинкой. Кто-то из работников «Вестника» все же побывал там, описание праздника появилось в журнале чуть ли не на следующий день, а вот смешные моменты приберегли как раз для последнего номера.

Василиса прочитала прошлую статью перед печатью, прекрасно понимая, что в ней может быть упомянута Анисья. В этот раз ей снова нужно быть внимательной: если темы про наряд Звездинки, возраст ее мужа и странные подарки гостей исчерпаны, то кое-кто из снежинок наверняка может вспомнить, что на Зареченской свадьбе Ульяны и Василия в тени избышек Анисья Муромец целовалась с Алешей Поповым. Снежинки будут готовы раздуть из этого новость, которая совершенно не нужна ни Анисье, ни Попову. Хорошо, что хотя бы о ней самой никто не напишет подобного. Да и что о ней можно было написать, о чем насплетничать? Кому есть дело до Василисы Умновой, живущей в захолустье на окраине Росеника? Да, она дружит с Полиной, Анисьей и Маргаритой, но ее личность далеко не так интересна: оборачивается белкой, как еще человек десять в Заречье, хорошо разбирается в травах, как половина воспитанников, любит животных и не любит быть в центре внимания... Лицо милое, но не слишком приметное, колдовская сила живая и добрая, но такая бывает почти у всех непосвященных.

Другое дело Анисья. Сравнить себя с ней невозможно. Свободная в проявлении своего характера, она даже на миг не задумывалась о том, что кто-то за это станет меньше ее ценить. Она была любимицей самого мира, самой вселенной. Ее достоинство и обаяние сражало наповал. Воспитанность и великодушие даже ее гнев делали прекрасным. Избалованной она стала совершенно заслуженно. И в ее упреках и замечаниях всегда проскальзывала истина. Талантливая колдунья, блестящая, как кристалл, твердая, как камень, надежная, как вся земная твердь. И защищенная силой многовекового рода.

Полина по сравнению с ней казалась робкой, тихой, прозрачной. Но Василиса знала, что внешность обманчива, видела, как наполняется бесконтрольной магией взгляд единственной Водяной колдуньи, чувствовала, как внезапно по коже бежит мороз. Старое проклятие тянуло к Полине черные крылья, древние пророчества связывались воедино прямо над ее головой. Кровь, принадлежавшая самой Милонеге, наполняла движения завораживающей грацией. Полина вызывала интерес. Она была загадочной, сложной, стойкой.

Василиса подумала и о Маргарите. Об этой веселой, жизнерадостной, открытой и очень живой... богине смерти. Неужели и впрямь в этот мир вернулась Мара? Неужели пришла сюда, чтобы усвоить очередной урок? И

неужели эта девчонка, которая умела так тепло обнимать и так весело подтрунивать над богатствами Муромцев, носила на поясе одно из самых древних сокровищ и получала право одним лишь взмахом руки превращать живое в мертвое?..

К кому из них могла приравнять себя Василиса? Ей оставалось только любить их, несмотря на зависть, оставалось стремиться стать лучше, умнее, значимее, чтобы приблизиться к ним. Но судьба не наделила ее ничем... разве что талантом писать красивые очерки о природе... Что ж, но и это она теперь будет делать в стол. Пришла пора признаться Лану, главе редакции, что она давным-давно нарушила запрет и рассказала Анисье Муромец и Маргарите Руян о том, что работает в «Тридесятм Вестнике». За это из журнала тут же выгоняют. Так что единственная ее тайна сегодня исчезнет.

Вскоре в сарайчике появилась Дара, за ней Лучезар. Девушка принесла целый кувшин горячего компота из ревеня, а Лучик где-то раздобыл вчерашние сметанные лепешки, оставшиеся с ужина. Все это было выставлено на общий стол, и Василиса заставила себя подняться и налить в чашку компот. Ей было сложно отвлечься от мыслей и вникнуть в разговор. Парни и девушки в ожидании Лана обсуждали темы статей для будущего номера. Агнешка, самая активная из пишущих снежинок, топталась чуть в стороне, а потом неожиданно подошла к Василисе и села за ее стол, разделив пополам аппетитную лепешку и пододвинув ей одну половинку.

– Нет, вот это слишком категорично! – реплика Богдана заставила обеих колдуний вздрогнуть.

– Что именно? – воскликнула Дара.

– Ну вот ты рассуждаешь о браках благородных семей, но судишь односторонне! Знаешь, что поймет читатель из этой статьи? Каждая строчка кричит: «О, прекрасный принц, да возьми же уже наконец меня в жены! Я гораздо лучше этих богатеньких девиц!»

– Ах ты!

– Дара, за этими размышлениями ты маскируешь лишь свою зависть! Все и так давно знают, почему заключаются подобные браки! Ну сколько можно муссировать тему?

– Ты не прав, – возразила Миринка. – Некоторым и не приходит в голову об этом подумать. Может, стоит всего лишь изменить тон статьи?

«Ну вот, – произнесла Василиса про себя, – снова свадьба Аси с Олегом. Нескоро же они успокоятся».

Она притянула лепешку и откусила. Есть не хотелось, но надо было чем-то себя занять – особенно под пристальным и хитрым взглядом

снежинки, сидящей напротив. К счастью, сама Василиса не была на вышеупомянутой свадьбе и не могла сообщить никаких интересных для Агнешки подробностей.

– Что у нас тут? – продолжал Богдан, перерывая стопку бумаг. – Так, четыре объявления. Починка платья, сбор мать-и-мачехи, продажа оберегов и уроки французского языка, поглядите только. А вот на вторую полосу можно поместить эту акварель. Хм, интересно, кто же написал картину? Подписи нет.

– Послушай, милая, – вдруг заговорила Агнешка, наклоняясь к Василисе, голос ее звучал вкрадчиво и очень душевно. Василиса сразу поняла, что ничего хорошего это не сулит. – Я хочу кое-что спросить... Может, ты расскажешь что-нибудь интересное про Митю Муромца, м?

Василиса хотела было ответить, но поняла, что способна только покачать головой. По спине разлился жар, краска неотступно подбиралась к щекам.

– Знаешь ли, я не раз видела вас вместе. Правда, не сказать что в последнее время... скорее еще осенью. Вы поссорились?

Нужно ответить «нет». Сказать, что вместе они оказывались случайно. Обсуждали... селекцию. Подарок для Анисьи. Особенности перевертышей. Исчезновение Полины. Поэтому и ссориться им было не из-за чего. Да и вдвоем-то оказывались лишь потому, что Маргарита была в лазарете, Анисья ушла к кому-то из наставников, а Сева отправился на практику.

Но Василиса молчала, наблюдая за ощущениями: как скручивает от страха живот, как поджимаются пальцы на ногах.

– До меня дошел слух, будто Митя Муромец влюблен в незнатную девушку и совсем не хочет жениться на Долгорукой...

– Я об этом ничего не знаю.

– Правда?

– Агнешка, – не выдержала Василиса. – Ты что, думаешь, что девушка, в которую якобы влюбился Муромец – это я?

– Ну, – снежинка явно смутилась от столь открытого вопроса. – Почему бы и нет...

– Посмотри на меня, – серьезно произнесла Василиса, прикладывая все силы, что только у нее были, чтобы скрыть правду. – И подумай еще раз. Между мной и Муромцем ничего не было и быть не может. Я просто подруга его сестры. Лучше пиши статьи про свадьбу Аси Звездинки, тем более что именно она распускала такие слухи.

– Разве такое могло родиться на пустом месте? – встряла Миринка.

– Она хотела позлить Анисью, когда придумала это. Вот и все, – резко

ответила Василиса.

К ее счастью, дверь распахнулась и вошел Лан. Это был широкоплечий парень двадцати двух лет, оставшийся в Заречье следить за работой «Вестника», доставшегося ему в наследство от предыдущего главы журнала.

Василиса отметила странный вид Лана, что-то особенное было в движении руки, которой он пригладил темно-русые волосы, во взгляде, рассеянно скользнувшем по столам и людям.

– О, Лан, доброе утро!

– Наконец-то. Уже заждались, – хмуро бросила Дара.

– Мы оставили тебе лепешки, – подхватила Миринка, тут же забыв о споре.

Василиса сделал глубокий вдох, собираясь с силами, встала и пошла в угол, где располагался Ланов стол. Парень уже опустился в старое плетеное кресло – тяжелее, чем обычно, – и свесил голову, ответив на всеобщее приветствие невнятным «доброе утро».

– Лан, – произнесла Василиса. Парень поднял на нее глаза, а потом, словно не узнав, уставился куда-то мимо.

– Лан, послушай, – повторила Василиса настойчивее, чувствуя, как колотится сердце и холодеют ладони. – Я должна кое в чем признаться.

Она ощутила, как взгляды всех тут же приковались к ней. Повисла неожиданная тишина. Лишь где-то за стенкой громче заквахтали куры.

– Я... я раскрыла тайну... Рассказала двум людям, что пишу статьи для «Вестника». Точнее, уже не пишу, конечно, это понятно... В общем, я очень извиняюсь. Так получилось. Я хотела признаться раньше, но у меня совершенно не было сил. Я даю честное слово, что ни о ком из вас и о местонахождении самой редакции не упоминала. Все это осталось в секрете. Я знаю, что теперь мне придется уйти. – Она медленно обернулась и постаралась улыбнуться всем присутствующим, даже Агнешке. – Было приятно с вами поработать...

– Я тебя пока не отпускаю, – вдруг произнес Лан, устало потирая виски. – Присядь-ка.

– Как? – удивилась колдунья и послушно села на стул. Она чувствовала, что парня что-то гложет. Хотелось протянуть руки и обнять его, забрать у него боль. – Что случилось?

Возможно, это ее нежный голосок так подействовал на него или что-то другое придало сил, но взгляд его наконец стал осмысленным, и он тоже повернулся к работникам редакции.

– Так, ребята, кажется, у нас есть одна очень плохая новость, о которой

требуется рассказать, но... – он снова потер виски и лоб, будто собираясь с мыслями. – Но очень аккуратно. Узнать должны все. Но никто не должен болтать... Понимаете?

Дара с Агнешкой молча кивнули, остальные не пошевелились.

– Мне понадобятся абсолютно все работники. И даже, – он перевел взгляд на Василису, – предатели. На первый раз я прощаю тебя, Умнова. Но, возможно, только ты сможешь помочь нам со статьей.

– Да говори же, Лан! – не выдержал Богдан. – Хватит ходить вокруг да около.

– Новость касается главной наставницы.

Василиса непроизвольно сжалась. Предчувствие чего-то ужасного заполнило все ее существо.

– Ее внук... Дима Велес... не вернулся после обряда животворения воды.

– Что? О боги!

– С ним что-то произошло?! Он пострадал?

– Сначала именно так и подумали, – признался Лан. – Как оказалось, нас всех перестали посылать в старую деревню на помощь потусторонним, потому что некоторое время назад там были обнаружены следы Темной магии. Но Дима сам вызвался добыть там живую воду, на случай если водоем, который выбрали для Заиграй-Овражка, окажется бесполезным. Поэтому когда он не вернулся ни в Заречье, ни домой в Росеник, все забеспокоились, решили, что какой-нибудь Старообрядец его выследил, но... Все гораздо хуже. Внук Веры Николаевны... покинул Светлую сторону. Он сбежал к Темным. Вызволил Старообрядца, содержащегося в подземельях в поместье Мертвой Луны и вместе с ним исчез из той самой деревни. Он оставил послание своей бабушке.

Василиса рассеянно поглядела на Лана – тот часто моргал и покачивал головой, будто и сам не верил своим словам. Она медленно подняла руки и спрятала в них лицо. Страшно было даже представить, что сейчас чувствует главная наставница. Вот бы навсегда остаться здесь, в этом крохотном сарайчике, слушать кудахтанье вздорных драчливых кур за стеной да питаться тем, что принесет сердобольный Илья Пророк. Не выходить на свет и верить, что с миром пока еще все в порядке.

Глава семнадцатая

Прощание

– Я же знала! Я чувствовала, что здесь что-то не так! – сокрушалась Анисья, повязывая на голову светлую, в розовый цветочек, косынку и подхватывая под руку корзину.

Марья с Забавой внимательно прислушались, но не решились ничего спросить. Новость про Диму повергла всех в шок, поэтому идти сейчас в лес и собирать травы, корни, цветы и ягоды по просьбе Яги казалось совершенно нелепым занятием. И тем не менее утром все получили от домовых огромный список с названиями растений и, выбрав самое удачное время, отправились на поиски. Василиса вызвалась отвести подруг в один из дальних уголков леса, где, по ее словам, можно было набрать треть трав из заданного списка.

Поговаривали, что этой ночью начнется Посвящение. Некоторые утверждали, что научились вычислять тот самый день, когда часть воспитанников Заречья таинственно исчезает, а все остальные слышат по ночам ужасные крики. У Василисы было плохое предчувствие. Может быть, виной этому впрямь была подкрадывающаяся инициация – хоть предстояла она вовсе и не ей. А может, что-то совсем другое заставляло ее заранее тревожиться.

Маргарита повернулась к Анисье и вопросительно изогнула бровь.

– Вы понимаете, я же знала, что в темнице Мертвой Луны держат Старообрядца! – не унималась Анисья. – Интуиция подсказывала мне! Буквально тыкала меня в это носом! А я оказалась так слепа!

– Но что ты могла сделать? – отозвалась Полина.

– Однажды я застала там Диму! Прямо по пути в темницу! Но никому об этом не сказала!

– А... сама ты что там делала? – осторожно спросила Забава, идя по тропинке вслед за Анисьей. – Если не секрет...

– В том-то и дело, что я следила за Димой. Мы были на обеде у Олега. Мне стало любопытно, почему прямо посреди разговора внук Велес покинул комнату, и я выскользнула вслед за ним. Он спускался в подземелье, там я его и перехватила.

– Ты полагаешь, он хотел выпустить на свободу пленника? – Василиса нахмурилась.

– Кто знает?! Возможно, да. Или просто хотел поговорить с ним, что-то разузнать. И ведь я вспомнила про это на свадьбе Аси Звездочки! Вспомнила и про тот случай, и про Старообрядца. Я должна была кому-то об этом рассказать, но не придавала должного значения. Ах, если бы я была проницательней!

– Не кори себя, Нися! Разве в случившемся есть твоя вина?

– Ой, посмотрите, – вдруг сказала Марья. – Кажется, там впереди Дарья Сергеевна. Такое ощущение, что она идет прямо к нам.

На узкой дорожке, утонувшей в цветах и уже почти скрывшейся в густом лесу, действительно появилась наставница. Она стремительно приближалась, пристально глядя на колдуний, повстречавшихся на ее пути.

– Здравствуйте! – вразнобой ответили девушки, забыв спрятать последний «Тридесятый Вестник», статью из которого все не могли перестать перечитывать и обсуждать. Лишь в самую последнюю секунду Забава догадалась сунуть его в корзину Анисьи, но этот жест явно не укрылся от Дарьи Сергеевны.

Однако наставница не обратила внимания на скрученный в трубочку журнал. Девушки расступились, предполагая, что она хочет поговорить со своей подопечной – Полиной, но вместо этого Лиса неожиданно повернулась к Огненной колдунье:

– Привет. Ты нужна мне ненадолго. Травы подождут.

– Я? – переспросила Маргарита.

Лиса лишь кивнула в ответ и, указав на тропинку рукой, пошла вслед за удивленной колдуньей. Маргарита обернулась и послала подружкам вопросительный взгляд. В ответ они пожали плечами. Что все это значило? Несколько минут Маргарита и наставница Воздушных двигались молча, быстро возвращаясь в деревню. Дорога с каждым шагом светлела, деревья расступались, впереди показались крыши избышек. Рука Лисы прикоснулась к Маргаритиной спине, подталкивая вперед и разливая непривычный холодок, как будто ткань платья в этом месте продувал зимний ветер.

– Куда именно мы идем? – не выдержала наконец Маргарита и повернулась к наставнице, ожидая встретить привычный самоуверенный взгляд почти неподвижных желтых глаз. Но Лиса встревоженно смотрела перед собой, казалось, что мысли ее витают где-то далеко. Между светлых бровей появилась морщинка, прядь волос, выбитая ветром из косы, пересекала лицо, мешая обзору, но Дарья не замечала этого.

Она выглядела старше – то ли после расстроившего всех известия о предательстве Димы Велеса, то ли от близости солнцестояния, когда Морянки набрали силу и одна из них чуть не выпила из непрощедшего

русальего посвящения велия всю силу. Белые волосы напоминали седину, тени под глазами читались даже на солнце. Она держалась все так же прямо, но сильнее сливалась со стихией, питающей ее магию, – будто под одеждой и кожей остался только воздух. Даже сочетание нескольких серебристо-серых оттенков в сегодняшнем наряде делали ее похожей скорее на грозовой вихрь, сильный, но абсолютно бесплотный.

– Решение Ирвинга слишком неожиданное, – произнесла она. – Я надеюсь, что мы успеем, точнее, ты успеешь. Ах да, мы идем на Кудыкину гору, ты же спрашивала.

– На Кудыкину гору? – тревожно переспросила Маргарита. Она позволила страху и наполнявшим его образам разлиться внутри, понимая, что от Лисы скрывать подобное бесполезно: наставница без усилий считывала мысли и состояние окружающих. Поход на Кудыкину гору мог означать лишь одно – что-то случилось, снова. Но при чем здесь сама Маргарита? Она крепче сжала рукоятку серпа, прицепленного к пояску.

– Наверняка ты знаешь, что там есть портал, через который можно попасть в Заречье. И выйти из него. Так вот Александр как раз уходит.

– Александр Владимирович? В каком смысле – уходит? – не выдержала Маргарита, всем сердцем желая сдержать эмоции, не показать Лисе, каким ознобом эта непонятная новость prošлась по телу.

Впереди рос, высился, расползлся вширь холм, прозванный Кудыкиной горой, его макушку венчал неказистый старый домик.

– Ирвинг так захотел, – отозвалась Дарья Сергеевна, ускоряя шаг и снова прикладывая ладонь к плечу девушки. – У Саши было несколько вылазок, в это время его подменял здесь Звягинов. Твой наставник искал следы Темной магии, чтобы выяснить, где и как скрываются поселения Старообрядцев. Он давно хотел посвятить этому больше времени, но разрываться между обязанностями наставника и поиском не было возможности. Да и никто из покровителей Заречья этого бы не потерпел.

– Теперь все поменялось?

– Неофит Македонова предал наше сообщество, – Лиса вдруг повернулась к Огненной колдунье и наконец смирив ее привычным взглядом. – Саше не будет здесь жизни после всего этого. Ты понимаешь?

Маргарита неуверенно кивнула, словно поддавшись чужому влиянию. Ничего она не понимала. Не хотела понимать. Сердце панически забилось в груди, словно птица, обнаружившая, что заперта в крохотной клетке.

– В последнюю вылазку он действительно вышел на след и теперь считает, что может разыскать лагерь Темных. А возможно, и выйти на Берендея, – продолжала Дарья, пристально глядя на Маргариту. – На этот

раз Ирвинг согласился его отпустить. Я понимаю, это верное решение. Но я хочу, чтобы перед уходом Саша увидел тебя. Даже если он ничего не сможет тебе сказать, он должен хотя бы увидеть...

– Зачем? – прошептала Маргарита, поглядывая на ручку двери, за которую взялась Лиса.

– Чтобы он помнил о своей безопасности. Помнил о том, что есть люди, которые ему дороги и о которых ему нужно заботиться. Что все это важнее войны между Темными и Светлыми.

– Но есть же вы...

– Мало меня одной. Дружба никогда не будет стоять выше... Все, поторопись!

– Что мне сказать Александру Владимировичу? – Маргарита вцепилась в дверь. – Не понимаю, почему вы выбрали меня. – Краска стала медленно заливать ее лицо. Лиса говорила так, будто знала что-то такое, чего не знала, не осознавала сама Маргарита, что страшило и смущало, от чего холодели руки. – Я ведь даже не его неофит!

– Неофит? – Лиса совершенно неожиданно усмехнулась, с интересом наблюдая, как паника охватывает стоящую перед ней девушку. Маргарита тут же почувствовала себя глупой, совершенно нелепой, не контролирующей себя. Ей отчаянно захотелось расплакаться.

– При чем здесь неофиты? – произнесла Лиса. – Просто иди и сделай так, чтобы он тебя увидел, даже если это будет его последний взгляд, брошенный из портала.

Она почти силой втолкнула Маргариту в лифт, тьма поглотила Огненную колдунью, лязгнули механизмы и пол начал ускользать из-под ног. Опустившись, лифт металлически грохнул, распахнулась плотная занавесь, и дневной свет заставил Маргариту на секунду зажмуриться.

Едва она открыла глаза и смогла осмотреться, она поняла, что ее появление удивило присутствующих: на нее с немим изумлением смотрели Эбонит Павлович, туго затянутый в кафтан, и Розалия Павловна, утирающая кружевным платочком слезу. Только Вера Николаевна смотрела спокойно и совсем не вопросительно.

Одна из дверей внезапно открылась, из нее вышел Странник; выражение его лица читалось плохо: обычно так выглядят люди, глубоко задумавшиеся над проблемой, от которой хочется побыстрее отделаться. Он поднял глаза и замер, заметив возле лифта свою воспитанницу. Все молчали, Маргарита быстро и тяжело дышала, ее длинные волосы наэлектризовались и липли к коже. Она наконец обратила внимание на дорожный плащ, накинутый на плечи Александра, на небольшой

потрепанный рюкзак, зажатый в руке. От рюкзака шло четкое ощущение сильного магического воздействия: наверняка там были собраны зелья, камни или еще какие-то предметы, призванные защитить его, спрятать его силу, обмануть Темных, сделать своего хозяина невидимым... В общем, это были вещи, совершенно точно предназначенные для жизни далеко отсюда. Маргарита почувствовала, как дернулись ее брови и защипало в глазах.

– Маргарита, – услышала она.

Странник продолжал стоять возле открытой двери, словно приглашая ее войти. Она нерешительно потопталась на месте, а потом сделала шаг ему навстречу, смущаясь всезнающего взгляда Веры Николаевны.

– Бедные Огненные, – услышала она за спиной голос Эбонита Павловича, очевидно, обратившегося к Розалии Павловне. – Снова лишились наставника.

– Будем надеяться, что к нам вернется Эдуард, – тут же пробубнила в платок жена Нестора Ивановича и наверняка адресовала Вере Николаевне вопрошающий взгляд.

Но Маргарита уже не могла в этом убедиться: она вошла вслед за наставником в небольшую комнатуху, дверь за ней закрылась. Александр Владимирович обернулся.

– Тебе Лиса сказала? – спросил он, но голос его звучал легко, в нем даже слышалась улыбка.

– Да, – Маргарита кивнула, с трудом справляясь с болью в груди. Дышать было все еще тяжело.

– Не думай, я и сам хотел со всеми вами встретиться. – Наверное, подумала Маргарита, он имеет в виду всех Огненных магов. – Но потом решил, что это будет слишком тяжело. А ты же знаешь, что я сбегая от боли.

Маргарита хотела улыбнуться, поддержать его самоиронию, но не смогла. Вместо этого она просто глядела на него, понимая, что ведет себя странно, но была не в силах ничего с этим сделать.

– Вам... обязательно уходить? – выдавила она наконец.

– Ну... меня об этом попросил Ирвинг.

– Нет, вы и сами хотели, я знаю. Найти Темных...

– Да, мне кажется, что так я исправлю ошибки.

– Которых не совершали?

Александр Владимирович несколько секунд молчал. Маргарита знала, что хмурится, что у нее предательски подрагивает подбородок, что одно неверное слово заставит ее расплакаться. Наставник улыбнулся, подошел к ней и вдруг погладил по щеке.

– Мне нравится, что в твоих словах столько страсти. Ты как будто можешь спасти нас одной фразой. – Маргарита слушала его, окаменев, не понимая, как реагировать. Не может же она попросить его не уходить! Не может попросить взять ее с собой! – Я вдруг почувствовал себя героем, способным на благородные поступки. Жаль, что на самом деле я не такой. Я сделал много ошибок. И правда хочу помочь Ирвингу.

– Но разве нельзя это сделать как-то по-другому? И как я... как мы будем без вас?

– Я уверен, что Звягинов согласится довести Огненных до Посвящения. – Странник опустил руку, но остался стоять рядом с девушкой. – Ты не волнуйся по поводу наставника, тебе он не так уж и нужен.

– Почему?

– Ты отличаешься от других Огненных. Мне пока не удалось разгадать твою тайну. Природа твоей магии другая.

– Я расскажу вам эту тайну, если вернетесь, – отрывисто произнесла Маргарита, снова украдкой сжимая рукоятку серпа.

– А, так тайна все-таки есть? – Это вызвало добрый смех колдуна. – Тогда я точно вернусь, Маргарита. Ну а теперь пора прощаться. Ужасно это не люблю. Не забывай про самостоятельные практики. Я попросил Веру Николаевну, чтобы вам ни в коем случае не возвращали Маливиничка.

Огненную колдунью внезапно охватило воспоминание о первой встрече с Александром Владимировичем. Наверное, его вызвало имя Егорки, упомянутое с такой шутливой интонацией. Тогда, в день первого знакомства, напознала гроза, наставник казался суровым, молчаливым, пугающим. Он был совсем чужим, далеким от нее человеком, и ничто не предвещало этого болезненного волнения, которое сейчас разливалось по рукам и ногам. И тогда она бы ни за что не поверила, что в эту секунду, когда он сделает еле заметное движение, отстраняясь от нее по направлению к двери, она схватит его за руку – чуть выше запястья, почувствовав под пальцами ткань его кофты, нитки браслетов-оберегов и движение той теплой золотистой силы, что отличает Огненных. Она опустила глаза, не сумев изменить напряженного, угрюмого выражения лица. Наверняка она напоминала обиженного ребенка, капризную девчонку, которую не берут на праздник. Наверняка этот жест показался Страннику наивным, глупым... Ну и пусть!

Она сама не заметила, как колдун снова приблизился и как ее нос уткнулся в его дорожный плащ. Она только почувствовала, как кольнула щетина и чьи-то губы запечатлели поцелуй у нее на лбу.

– До свидания, – выдавила она, утерев кулачком брызнувшие слезы, и сама пошла к двери, навсегда запомнив, как его рука ласково прошла по ее волосам и правому плечу.

Маргарита покинула Кудыкину гору, добрела до ближайшего леска, села на поваленное дерево и расплакалась. Соль горячих слез пощипывала на коже, куда-то исчезало понимание всего, что происходит вокруг. Ей бы плакать о бабушке, на которую напал сумасшедший, о серпе, что наверняка превратит ее жизнь в Заречье во что-то странное... Плакать о Диме Велесе, который зачем-то предал их всех. Еще бы плакать от страха за свою жизнь и жизни друзей... Но нет. Маргарита стала слишком прямой, слишком честной и врать себе никак не могла. Она плакала совсем по другой причине. И даже вовсе не из-за того, что ушел хороший наставник и теперь придется искать нового.

Только что ее покинул очень важный человек. Он отправился куда-то, и она даже не может представить его путь. Что его ждет: города или леса? Самые обыкновенные дороги или пространственно-временные туннели? Где прячутся Старообрядцы и возможно ли их найти? И возвращаются ли домой после таких путешествий – вот что главное.

«Наверное, это скорое Посвящение делает всех такими нервными, в том числе меня», – попыталась успокоить себя Маргарита, но слезы невозможно было остановить: они накатывали, едва она представляла лицо наставника и ощущала прикосновение его пальцев к плечу.

Она вспомнила, как Сева спросил, знает ли она, почему наставник сделал ее своей помощницей. Неужели из-за Серпа Мары? Неужели Македонов узнал о нем? Или просто почувствовал? И его интересовала вовсе не она сама, не ее необычная сила, а старинное оружие, что создала сама смерть? От этого предположения больнее заныло в груди. Заиграй-Овражкин мог быть прав. Руки Странника в ее воспоминаниях потянулись сначала к Лафелиям, сложенным кучкой на ее вышитом платке, а потом к клинку, который она секунду назад спрятала в ножны.

– Покажите-ка мне свой серп. – Голос Странника глухо отдавался в голове подобием эха.

И Маргарита вдруг осознала, что наставник заметил серп лишь после того, как они обнаружили Драконью волюнь! А значит, что он просил ее о помощи вовсе не по этой причине! Он не знал о серпе, когда позвал ее собирать травы для зелья-блокатора.

Ирвинг стоял на спине уснувшего каменного великана, на самом его хребте, – всё остальное было скрыто черным, бушующем морем. Ему предстояло обдумать все, что произошло, собрать воедино картинку из разрозненных кусков, но его опыт показывал: кое-что все равно останется недоступным – некоторые части картины потерялись, стерлись временем, заштрихованы или испорчены чьей-то рукой.

Муромец написал ему уже три письма – яростных, решительных письма, полных идей, смелых предложений и заверений. Муромец продолжал оставаться на его стороне, хоть и не упускал случая обронить как бы невзначай, что многие колдуны недовольны главой Светлого сообщества. Что ж, Ирвинг был спокоен по этому поводу. Когда случается что-то непредвиденное, люди склонны искать виноватого и зачастую их обвинения падают вовсе не на тех... Муромец же до последнего будет поддерживать его, потому что не хочет перемен. Сам он никогда не попытается стать предводителем Светлого сообщества. При всем своем стремлении к власти, он знает свое предназначение, ценит то место, что отвела ему жизнь, и не берет большего. Он похож на этого каменного великана, мирно устроившегося посреди моря. Его не сдвинуть. Но и он сам не собирается никого сдвигать.

Другое дело Яромир Рублев. Ярый противник Анатолия Звездинки: оба грезят управлять Тридевятым государством. Правда, в отличие от Муромца, Рублев никогда не выступает против Звездинок в открытую. Зато его письма наполнены обвинениями и доказательствами, которые он полагает достаточными.

Борется ли этот человек с врагом или же сражается со своими внутренними страхами? Попал ли в капкан приземленных страстей? Или действует из убеждений настоящего мага, заботящегося о сородичах? Какое зло он жаждет истребить и что имеет в виду под добром?

И кто вправе судить его, Звездинку, Берендея, в конце концов?

«Не я, – подумал Ирвинг. – Точно не я».

Тогда кто?

Может быть, Велес?

Но Велес молчит. Всего пару часов назад она была здесь и пила чай в абсолютной тишине, не воспользовавшись правом судьи. Она не сказала ничего ни про своего внука, ни про то, что по настоянию Ирвинга Александр Македонов был вынужден отправиться в лагерь Темных. Осталась безмолвна и после того, как узнала, кого подозревает юная девица Муромец, совершенно не удивившись, что кто-то из непосвященных подобрался так близко к тайнам Тридевятого государства. Что это? Побег

от ответственности или высшее знание и великая мудрость? Равнодушие или божественная, все принимающая любовь?

* * *

Избушка под номером девятнадцать вытянулась на курьих ногах и стояла смиренно, не собираясь ни петь, ни пускаться в пляс. Сейчас она вовсе не походила на живую. Да и вся улица Гроз, начинавшаяся тут же, была тихой, пустынной, казалась вымершей. Пушистые островки зелени и кудрявые ветви берез укрывали крыши домов, ветер не шелестел листьями, на небе не летали птицы. Мир словно застыл.

Василиса отвернулась от окошка и взглянула на подруг. Полина отрешенно уставилась прямо перед собой, Анисья потирала пальцем висок и, наоборот, казалась сосредоточенной, будто в ее голове уже выстраивался, раскручивал свои дороги и повороты какой-то план. Маргарита только что закусила губу и на секунду прикрыла заплаканные глаза, но уже через мгновение она решительно встала и подошла к столу.

– Так дальше нельзя. Я просто не могу сидеть без дела.

– Ты думаешь, сейчас мы сможем чем-то помочь? – откликнулась Полина. – Страннику? Велес? Или вообще хоть кому-то?

– Можем хотя бы попытаться.

– Как? – нахмурившись, спросила Анисья. По ее лицу было件нятно, что она готова поддержать любую идею Огненной колдуньи. Ей тоже хотелось действовать. – Сидим тут, запертые в деревне, как в темнице. К тому же непосвященные!

– Слишком много концов ведут в прошлое, – ответила Маргарита и взяла со стола серп. Вытащила его из ножен и повертела в руках, разглядывая солнечные блики, заигравшие на лезвии. – Может, стоит в это прошлое вернуться? – Она поддела ногтем кожаный шнурок, плотно обматывающий рукоять серпа и попыталась оторвать.

– Марго! Ты хочешь прикоснуться к знакам? Но это же опасно! – удивленно воскликнула Полина.

– Бабушка не зря говорила, что до Посвящения ты не должна этого делать, – тут же добавила Василиса.

Анисья молчала, внимательно следя за действиями Маргариты. Наконец она подала ей свой нож, и вместе им удалось срезать конец шнурка.

– Если я действительно когда-то была Марой, то вряд ли мой

собственный серп убьет меня, – сказала Огненная колдунья.

– Но вдруг случится что-то другое? – Разволновавшись, Полина тоже встала и подошла к подругам. – Не хватало нам еще потерять и тебя! Вдруг ты нарушишь какой-то закон времени? Или не справишься с потоком силы, что заключена в серпе, и сойдешь с ума?

– Будет хорошая пара Маливиничку, – сказала Анисья, хитро взглянув на Маргариту.

– Не смешно! Чем Марго сможет помочь Светлым магам, если потеряет разум? Мы же не знаем, на что способен серп!

– Мне кажется, Полина права, – тихо произнесла Василиса.

– Я понимаю, что сейчас веду себя как дура. Но поймите, я так больше не могу, – с надрывом произнесла Маргарита, ища поддержки в их глазах. Она быстро раскрутила надрезанную полоску из драконьей кожи и, держа серп за лезвие, перевела взгляд на неизвестные письмена на ручке. – Я чувствую, что должна сделать это. Кто знает, возможно, я увижу что-то важное в воспоминаниях самой Мары. Или узнаю, для чего она, то есть я, сделала серп.

– Хорошо. Но мы будем готовы звать целителей, если что, – мрачно отозвалась Полина, действительно сложив руки так, будто собиралась вот-вот создать информационный ком.

– Давай, Марго. Все будет хорошо, – уверенно произнесла Анисья.

Василиса лишь пожала плечами. Взгляд ее стал печальным.

– Ладно, наверное, я готова. На «раз, два, три», – глубоко вздохнув, сказала Маргарита. – Посчитаете?

– Раз, – отозвалась Анисья.

– Два, – сказала Полина.

– Три. – Голос Василисы сорвался на шепот.

Маргарита медленно выдохнула и перехватила пальцами рукоять, сверкнувшую таинственным красноватым светом.

Девушки внутренне сжались и уставились на Огненную колдунью, на лице Анисьи наконец проступило замешательство – можно было подумать, что теперь она пожалела о том, что поддержала Маргаритино решение. Они смотрели на подругу. Маргарита смотрела на серп в своей руке.

Ничего не происходило.

1

Помогите мне! (*фр.*)

2

Может, чашечку кофе? (*фр.*)